

Король Голландии

ТЭД
УИЛЬЯМС

МАРШ
ТЕНЕЙ

Тэд Уильямс

Марш теней

Серия «Марш теней», книга 1

Вычитка – Сергей Городов
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158049
Марш Теней: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2007
ISBN 978-5-699-22901-7

Аннотация

На севере огромного материка Эон люди издревле враждовали с загадочными племенами кваров, сумеречным народом. В результате квары были вытеснены со своих земель, а между ними и людьми пролегла загадочная Граница Теней. Любой переходивший эту границу или не возвращался назад, или уходил с ума. И однажды случилось, что чета фандерлингов, дружественных людям существ, подобрала около Границы Теней странного мальчика, человеческого ребенка, которого вывезли с той стороны и оставили в лесу сумеречные всадники. А на следующий день в спальне королевского замка жестоко убивают принца-регента, временно заменяющего плененного владыку королевства Южного Предела. Трон занимают своевольная принцесса Бриони и болезненный, страдающий от кошмаров принц Баррик.

Тем временем сумеречный народ кваров готовится к последней битве с людьми, и армия теней выходит в поход.

Тэд Уильямс сегодня самый известный автор, пишущий в жанре фэнтези, каждая его новая книга – событие.

Содержание

ОТ АВТОРА	8
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭОНА ВО ВРЕМЕНА ПОДЪЕМА ПРИГРАНИЧНЫХ СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕВСТВ	11
В НАШИ ДНИ	18
ПРОЛОГ	20
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	30
1. ОХОТА НА КРЫЛАТОГО ДРАКОНА	30
2. КАМЕНЬ В МОРЕ	64
3. ЧИСТЫЙ ГОЛУБОЙ КВАРЦ	77
4. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	97
5. ПЕСНИ ЛУНЫ И ЗВЕЗД	125
6. КРОВНЫЕ УЗЫ	151
7. СЕСТРЫ ХРАМА УЛЬЯ	186
8. УБЕЖИЩЕ	204
9. СВЕТ БЛЕДНЫХ КРЫЛЬЕВ	228
10. ОГНЕННЫЕ ЗАЛЫ	257
11. НЕВЕСТА БОГА	283
12. СПЯЩИЙ В КАМНЕ	299
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	327
13. ЗАДАНИЕ ВАНСЕНА	327
14. БЕЛОЕ ПЛАМЯ	361
15. ОБИТЕЛЬ УЕДИНЕНИЯ	387

16. БОЛЬШОЙ ПОЧТЕННЫЙ НОС	407
17. ЧЕРНЫЕ ЦВЕТЫ	438
18. ОДНИМ ГОСТЕМ МЕНЬШЕ	471
19. БОГОКОРОЛЬ	504
20. ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В ЛУННОМ МИРЕ	516
21. ЗОЛОТОЙ ДОЛФИН	551
22. КОРОЛЕВСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ	586
23. БАШНЯ ЛЕТА	625
24. ЛЕОПАРДЫ И ГАЗЕЛИ	655
25. ЗЕРКАЛА ПОТЕРЯННЫЕ И НАЙДЕННЫЕ	665
26. КОРОЛЕВСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ	697
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	733
27. КЕНДЛСТОН	733
28. ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА	766
29. СИЯЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК	777
30. ПРОБУЖДЕНИЕ	808
31. НОЧНОЙ ГОСТЬ	845
32. ЕЩЕ ПРИ ЭТОЙ ЖИЗНИ	857
33. БЛЕДНОЛИЦЫЕ ЧУДОВИЩА	889
34. В ПОЛЯХ МАРРИНСВОКА	923
35. ШЕЛКОВЫЙ ШНУР	956
36. У НОГ ВЕЛИКАНА	970
37. ГОРОД ВО МГЛЕ	998
38. ТИШИНА	1031
39. КАНУН ЗИМЫ	1047

40. ПОЛЕТ ЗОРИИ	1080
ПРИЛОЖЕНИЕ	1118
ЛЮДИ	1118
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ НАЗВАНИЯ	1130
ВЕЩИ, ЖИВОТНЫЕ И ПРОЧЕЕ	1137

Тэд Уильямс

Марш Теней

(Марш Теней – 1)

Эта книга посвящается моим детям Коннору Уильямсу и Девон Бил. Они еще совсем малы, но я уже вижу, насколько яркие у них характеры. Дети каждый день удивляют и радуют меня.

Я надеюсь, что, когда они вырастут, а мы, родители, отправимся в мир иной, сознание нашей любви согреет и поддержит их, а также чуточку пристыдит – ведь они так беззащитно пользовались ею, наши милые маленькие шалуны.

ОТ АВТОРА

Никакая книга не пишется сама по себе, без помощи, и мало кто из писателей нуждается в помощи так, как нуждаюсь я. Поэтому... позвольте устроить парад благодарностей.

Спасибо моей жене Деборе Бил – за неизменную поддержку, бесценную помощь и проницательный читательский взгляд. Хочу поблагодарить и великолепного агента Мэтта Байлера, всегда защищающего меня от нападков критиков.

Благодарю и мою одаренную помощницу Дину Чейвз: она помогает мне и Деборе сохранять здравый рассудок, используя все свои организаторские способности и удерживая наших любимых детей от чрезмерного вмешательства в мою работу, чтобы я мог завершить ее.

Благодарю своих заморских издателей – Тима Холмана из Великобритании и доктора Ульриха Киллера из Германии. Они поддерживают меня и всегда верят во все мои проекты. Моя признательность им безгранична.

И конечно, огромной благодарности заслуживают мои друзья из издательства DAW Books, которые (весьма кстати!) стали и моими американскими издателями. Это Дебра Юлер, Марша Джоунс, Питер Стэмфелд, Бетси Уолхайд и Шила Гилберт. Бетси и Шила – мои издатели и соратники вот уже двадцать лет, со времен моей самой первой безумной попытки написать книгу. И чем больше проходит времени,

тем сильнее я сознаю, как мне повезло с друзьями. Спасибо, ребята. Нам ведь не было скучно?

И наконец, последнее, но не менее важное. Появлением на свет эта книга обязана замечательным безумным завсегдатаям форума Shadowmarch.com – этого вместилища мудрости, глупости и рецептов приготовления блюд из ревеня. Я всегда нахожу здесь духовную поддержку. Особая благодарность за создание Shadowmarch (сетевого проекта) Джошу Миллигану и бесподобному Мэтту Дьюсеку, который по-прежнему руководит жизнью сайта. Я надеюсь, что многие из вас, мои новые читатели, присоединятся к нам. На сайте я провожу много времени и буду рад встрече с вами.

Для тех, кто хотел бы лучше разобраться в сути происходящих событий, в книге есть несколько карт, список персонажей, географических названий и прочие важные материалы.

Карты составлены после тщательной обработки рассказов путешественников и систематизации древних документов, пророчеств оракулов, предсмертных исповедей отшельников и старинных записей земельных сделок, найденных в сундучке на блошином рынке в Сиане. Создание алфавитных указателей, расположенных в конце книги, было делом сложным и трудоемким. Помни, читатель: многие умерли или, по крайней мере, потеряли зрение, а порой и научную

репутацию, чтобы предоставить тебе эти сведения.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭОНА ВО ВРЕМЕНА ПОДЪЕМА ПРИГРАНИЧНЫХ СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕВСТВ

Написанная Финном Теодоросом, ученым, при помощи «Истории континента нашего Эона и его народов» Клемона и по просьбе его светлости Авина Броуна, графа Лендсендского, коменданта Южного Предела. Сей документ был представлен в тринадцатый день еннамена в год 1316-й святого Тригона

Почти тысячу лет до возникновения тригоната летописи велись лишь в королевствах Ксанда – южного континента. Именно там зародилась первая цивилизация. Ксандиане очень мало знали о своем северном соседе – континенте Эон, поскольку большая его часть была скрыта непроходимыми горами и густыми лесами. Южане торговали с немногочисленными группами бледнолицых варваров, живших на побережье, и почти ничего не знали о загадочных сумеречных существах – ученые называли их кварамы, – расселившихся по всей территории Эона и на его дальнем севере.

Но поколения сменяли друг друга, и торговля между

Ксандом и Эоном расширялась. Рос и Иеросоль – главный торговый город на побережье Эона. Со временем Иеросоль стал одним из крупнейших городов в северных землях. За два века до создания благословенного Тригона он уже соперничал со старыми столицами южного континента, некогда процветавшими, а теперь ветшающими, теряющими былой размах и роскошь.

Жители Иеросоля изначально не были едины. Они поклонялись разным божествам, и храмы этих божеств соперничали. Разногласия в вероучении разрешались с помощью наветов, поджогов и кровавой резни. В конце концов последователи трех самых сильных богов – Перина, господина неба, Эривора, владыки морей, и Керниоса, покровителя плодородных земель, – заключили соглашение. Этот союз трех богов и их приверженцев – Тригон – быстро возвысился над остальными культурами. Повелитель Тригона именовался тригонархом. Он и его потомки стали самой мощной религиозной силой Эона.

Торговля процветала, товары текли через морские порты, армия и флот укреплялись, а духовная власть сосредоточилась в руках тригоната. Иеросоль стал сильнейшим городом не только в Эоне, но и во всем мире. К тому же южный континент Ксанд постепенно приходил в упадок. В течение шестисот лет Иеросоль удерживал первенство, пока под напором разбойничьих набегов обитателей Красианского полуострова и южного континента империя не развалилась и Тригон

не утратил власть.

На руинах Иеросоля, в самом центре Эона, возникли молодые королевства. Среди них особенно выделился Сиан, куда в девятом веке переместился тригонат. Тригонархия вместе со всеми служителями переехала из Иеросоля в Тессис, где находится по сей день. Сиан и поныне остается законодателем мод, центром науки и образования Эона, ведущей силой на континенте. Однако соседи давно перестали безоговорочно подчиняться Сианской империи.

С незапамятных времен люди Эона делили свои земли с загадочным племенем кваров. Называли их по-разному: сумеречный народ, молчаливый народ, а чаще всего – волшебный народ. В отличие от людей они жили небольшими группами вдали от городов, в непроходимых чащах. Говорили, будто у них есть крупное поселение на дальнем севере. В то время как Эон становился все более многолюдным, племена кваров отступали за холмы, в горы и глухие леса. Впрочем, не все: многие оставались и мирно сосуществовали с людьми. Люди и волшебный народ не очень-то доверяли друг другу, но в первое тысячелетие Тригона между ними установилось негласное перемирие. Основывалось оно, впрочем, на малочисленности сумеречных и их нежелании вмешиваться в жизнь людей.

В самом начале тысячного года на континент пришел Великий мор – чудовищная эпидемия чумы. Вначале постра-

дали южные порты, а затем, неся смерть и горе, болезнь распространилась по всей земле. Зараженный человек сгорал за несколько дней. Выживали очень немногие. Крестьяне покинули свои поля, родители забросили детей, врачи не спешили облегчить страдания умирающих, и даже служители Керниоса не успевали отпевать усопших. Целые деревни обезлюдели – лишь мертвые тела в пустых домах. К концу года в городах на юге Эона погибла почти четверть населения.

Когда с приходом весны потеплело, зараза усилилась. Многим показалось, что наступил конец света. Тригон и его священники объявили, будто мор послан небесами в наказание за неверие, однако люди почитали виновными чужеземцев, особенно южан, якобы отравивших колодцы. Вскоре нашли более удобный объект для обвинений: племя кваров. К тому времени многие считали сумеречный народ злыми духами, а потому обвинить их в возникновении чумы было нетрудно. Слухи быстро распространились среди перепуганного народа.

Сумеречных убивали на месте: захватывали и уничтожали целые кланы. Ярость охватила Эон. Вооруженные отряды, называвшие себя «чистильщиками», проносились по стране и сметали с лица земли селения кваров. В этой бойне пострадали все: нередко «чистильщики» сжигали и человеческие деревни, истерзанные чумой, в назидание тем, кто осмеливался мешать осуществлению их священной миссии.

Выжившие сумеречные бежали на север, но вынуждены

были остановиться и держать оборону в одном из своих поселений под названием Унылая Пустошь. От Южного Предела, где я сейчас пишу эти строки, до Унылой Пустоши меньше дня пути. (Кстати сказать, хотя слово «унылый» вполне подходит для описания поля боя после битвы, мне кажется, что название происходит от неверного произношения слов «Кул Гирах»^{*1} – так именуют это место на языке сумеречных. Клемон переводит «Кул Гирах» как «плодородная земля», однако я не знаю, из каких источников он почерпнул такие сведения.) Битва была ожесточенной. Сумеречные потерпели поражение от армии Англина, правителя острова Коннорд, дальнего родственника королевской семьи Сиана. После чего племена кваров покинули эти земли и ушли в необитаемые северные леса.

Тысячи людей погибли в битве близ Унылой Пустоши, в том числе и Карал, король Сиана. На престол взошел его сын Ландер III, прозванный Ландером Добрым и Ландером Убийцей Эльфов. Он отдал приграничные территории Англину и его потомкам, поручив им защиту границ между землями людей и племенем кваров. Так Англии с острова Коннорд стал первым королем Пределов.

После битвы при Унылой Пустоши север прожил целый век относительно мирно. Опасность представляли собой наемники – так называемые серые отряды, – появившиеся в тя-

¹ Coolgray и Qul Girah в английском языке сходны в произношении.

желые времена Великого моря и падения Сианской империи. Эти рыцари, не ведающие законов, продавали свои услуги всем желающим поквитаться с соседями. Не гнушались они и легких заработков: грабили и убивали крестьян или похищали знатных особ в надежде на выкуп.

Потомки Англина разделили приграничные владения на четыре королевства-предела: Северный, Южный, Восточный и Западный. Главным был Южный Предел, а тремя остальными в мире и согласии правили члены семьи Англина и их благородные родственники. В 1103 году по летосчислению тригоната с севера на эти земли внезапно вторглась армия сумеречного племени. Потомки Англина сражались отчаянно, но не смогли сдержать натиск врага и были отброшены далеко на юг. Лишь помощь так называемой Девятки – мелких государств, расположенных вдоль южной границы, – помогала им сдерживать армии кваров. Люди надеялись на поддержку сильных королевств юга, но южане не торопились вступать в войну. Те жаркие сражения скрепили дружбу, объединившую все северные Пределы. Тогда же родилось и недоверие к южным королевствам.

Только с наступлением зимы натиск кваров немного ослабел, и люди смогли остановить их продвижение в глубь страны. Весной к северянам присоединились армии Сиана, Желлона и городов-государств Крейса.

Теперь человеческие войска значительно превосходили кваров числом, но война бушевала еще несколько лет. На-

конец в 1107 году королевства Пределов и их союзники разбили врага и стали преследовать армии кваров на их территории, чтобы уничтожить угрозу раз и навсегда. Но сумеречный народ при отступлении создал преграду для врага: пересекая ее, люди теряли ориентацию, будто под действием колдовства. Несколько вооруженных отрядов пропали без вести, перейдя волшебный барьер, а немногие, кто вернулся оттуда, лишились рассудка. После чего союзники отступили, и скрытая туманом полоса, отделяющая государства людей от территорий кваров, была названа Границей Теней.

Замок в Южном Пределе, оккупированный сумеречными во время войны, был заново освящен самим тригонархом. Граница Теней рассекла территорию Пределов: весь Северный Предел и значительные части Восточного и Южного отошли к племени кваров. Тем не менее род Англина не прервался: его продолжил внучатый племянник первого короля Пределов Келлик Эддон, чья отвага в боях с волшебным народом стала легендой. Государства Девятки объединились и присягнули на верность новому владыке Южного Предела. Так они надеялись защититься от алчности серых отрядов, поднявших голову в сложные послевоенные годы. Под властью короля Пределов вновь оказалось самое сильное государство на севере Эона.

В НАШИ ДНИ

Данная глава содержит размышления Финна Теодороса, и только его; ученый Клемон из Анверринане имеет к ним никакого отношения

Я пишу эти строки в 1316 году по летосчислению Тригона. Прошло три столетия после битвы близ Унылой Пустоши и два столетия после появления Границы Теней, отделившей потерянные для нас земли. С тех пор север почти не изменился: Граница Теней по-прежнему окаймляет пределы нашего мира, и сбившиеся с курса в северных водах корабли редко возвращаются обратно.

Сиан утратил былое могущество, но все еще считается самым сильным среди крупных королевств в центре Эона. Однако нынешнее его положение трудно назвать незыблемым. Возросло могущество автарка – короля-бога королевства Ксис, расположенного на южном континенте. Впервые за тысячу лет ксандиане начали пользоваться влиянием на северном континенте. Многие государства южного Эона платят дань автарку, а то и вовсе стали его марионетками.

Дом Эддонов во славе своей по-прежнему правит Южным Пределом. Наше королевство остается единственной великой силой на севере, поскольку соседние Бренленд и Сеттленд – это небольшие страны, жители которых по большей

части заняты сельским хозяйством. Но короли Пределов и их верные слуги уже проявляют беспокойство: как далеко простираются желания автарка и чем это нам грозит – особенно теперь, когда с нашим королем Олином случилось несчастье? Мы молимся, чтобы он вернулся домой целым и невредимым.

Я записал эту историю по вашей просьбе, мой господин. Смею надеяться, она придется вам по душе.

Подписано:

*Финн Теодорос, ученый и верноподданный его величества
Олина Эддона*

ПРОЛОГ

Скорее в путь, мечтатель, вперед! Скоро ты станешь свидетелем тому, что могут видеть одни чародеи и сновидцы. Оседлай ветер, и пусть он несет тебя. Да, он мчится пугающе быстро, но впереди длинный путь, а ночь так коротка.

Ты полетишь выше птиц, пронесешься над южными землями высохшего континента Ксанд, над гигантским дворцом-храмом автарка – он протянулся на много миль вдоль каменных каналов великого города Ксиса. Не останавливайся. Сегодня тебя не интересуют короли смертных, даже самые могущественные. Ты полетишь над океаном – к северному континенту Эон, к вечному городу Иеросолю. Теперь там правят разбойники и солдаты, а когда-то он был центром мира. Но и здесь ты тоже не задерживайся. Поспешь дальше, оставляя позади земли, уже присягнувшие на верность легионам автарка, и государства, пока еще не сделавшие этого.

Ты пересечешь горные хребты, охраняющие южную часть Эона. Их вершины достают до облаков. За непроходимыми лесами, что раскинулись на северных склонах, ты увидишь зеленые просторы свободных королевств. Попробуй лететь поближе к земле, и тебе откроются равнины и холмы великого могущественного Сиана (некогда он был еще могущественнее), его бескрайние поля, проезжие дороги, древние родовые замки. Ты увидишь самые северные области – пре-

дел территорий, населенных людьми... Дальше – Граница Теней.

Там, среди безлюдных пустошей, стоит высокий старый замок, глядящий на широкий залив. Это крепость, со всех сторон окруженная водой, гордая и неприступная, как вдовствующая королева. Ее величественные башни напоминают корону, а крыши невысоких построек – заплаты на юбке. Узкая мощеная дорога соединяет замок с материком. Она постепенно расширяется, словно шлейф женского платья, и переходит в город, что раскинулся вдоль бухты и на склонах холмов. Теперь здесь живут люди, но древняя твердыня хранит дух прошлого. Она приняла смертных, дала им приют, но не полюбила их. Страна Теней, как подчас называют это суровое место, по-прежнему прекрасна: так же гордо реют на ветру флаги, так же ярко заливают улицы свет полуденного солнца. Крепость на высоком холме – последняя остановка на твоём пути. Скоро ты ступишь на безмолвную туманную землю и там встретишь то, что изменит тебя навсегда. Твоя цель находится не в Южном Пределе. Тебя зовет к себе неизвестное.

На далеком призрачном севере ты отыщешь замок, как две капли воды похожий на этот. Ты найдешь великую твердыню бессмертного племени кваров.

Ты перешагнешь Границу Теней так же легко, как переступаешь порог, и попадешь в их сумеречную страну. Ты увидишь: солнце ярко освещает замок Южного Предела по

ту сторону невидимой стены, но здесь все погружено в вечные сумерки. На лугах, скрытых во мгле, тускло блестит роса. Ты разглядишь дороги, мерцающие бледным светом, словно извивающиеся угри. Они образуют сложный узор – тайные письмена, что начертаны божеством на покрытой туманом поверхности земли. Ты летишь дальше, через скрытые грозowymi облаками горы и густые леса. Среди деревьев в темноте светятся чьи-то глаза, и тихие голоса доносятся из лощин.

И вот наконец то место, куда ты стремился: суровая твердыня над темным бурным морем. Замок Южного Предела тоже таит в себе несказанное, но оно спрятано от человеческих глаз. Здесь же нет почти ничего, что можно выразить словами: миллионы камней и тысячи теней вздымаются вверх, соединяя оникс и яшму, обсидиан и аспидный сланец. Две крепости по разные стороны границы похожи, как близнецы, но их сходство вызовет дурные предчувствия у любого смертного.

Теперь ты отпустишь ветер на волю и отправишься в лабиринт залов. Однако выбирай те, что просторнее и светлее: в Кул-на-Кваре надо быть настороже, это самое древнее строение в мире, его тысячелетние каменные плиты помнят юность земных морей. И не забывай, что у тебя совсем мало времени.

У бессмертного сумеречного племени кваров есть поговорка: «Даже у Книги великих печалей есть первое слово».

Она означает, что наиважнейшие дела начинаются с самых простых вещей, хотя подчас это начало почти невозможно различить: первый удар, первое семя, едва слышный вдох перед тем, как запеть... Поэтому тебе надо спешить – события, что через несколько дней потрясут Южный Предел и весь мир, начнутся здесь и сейчас. Ты станешь их свидетелем.

Среди множества залов Кул-на-Квара (а залов там великое множество – как веток на старом высохшем дереве или, вернее, в целом саду высохших деревьев) есть один, который ты сразу узнаешь, даже если видел его лишь в страшном сне в беспокойную ночь. Туда тебе и нужно. Торопись. Время истекает.

Зал настолько огромен, что кажется, будто от одной его стены до другой нужно идти целый час. Свет множества факелов смешивается со светом странных светильников: они похожи на светляков, мерцающих под темными балками свода. Балки имеют вид стволов терновника. По обеим сторонам зала тянутся зеркала, что кажутся кривыми под толстым слоем пыли. Если взглядеться пристальнее, в глубине зеркал в тусклом свете факелов можно заметить смутные очертания фигур. Эти неясные отражения видны даже тогда, когда в зале никого нет.

Однако сейчас в зале яблоку негде упасть. Существа, собравшиеся здесь, совершенно разные – и прекрасные, и отвратительные. Если бы ты сейчас вновь оказался по ту сторону Границы Теней, на самом крупном рынке побережья, где

собираются люди всех цветов кожи, со всех концов земли, тебя поразило бы, как люди похожи друг на друга по сравнению с этими сумеречными, собравшимися в огромном темном зале. Некоторые из них подобны молодым богам, другие – высокие, стройные и горделивые, как особы королевской крови, третьи – маленькие, словно мыши. Вот создание из ночного кошмара: когти на руках, змеиные глаза, кожа покрыта то ли перьями, то ли чешуей, а может быть, мехом. Тысячи существ, объединенных глубокой ненавистью к человечеству, расположились в зале в соответствии с древними законами их сложной иерархии. Стоит гробовая тишина – все молчат.

На каменных стульях в центре длинного зеркального зала застыли две фигуры. Они похожи на людей, но есть в них нечто такое, от чего даже одурманенный хмелем человек поймет: это не люди.

Обе фигуры неподвижны. Одна в своей отрешенности походит на каменную статую – холодную, как белый мрамор, из которого высечен ее трон. Застывший взгляд кукольных глаз лишен жизни, словно душа покинула это молодое тело, скрытое белыми одеждами, и не смогла найти дорогу назад. Руки лежат на коленях, как две мертвые птицы. Кажется, эта фигура уже много лет не меняет позы. Лишь по редкому, едва заметному колебанию груди видно, что она дышит.

Рядом сидит некто, ростом на голову выше самого высокого смертного. Впрочем, ничего человеческого в нем нет.

Бледное лицо, когда-то сияющее, состарилось за прошедшие века и теперь выглядит таким твердым и острым, что напоминает вершину старого утеса. В нем еще сохранилась пугающая красота – опасная, как надвигающийся шторм. Ты чувствуешь, что его глаза должны быть беспредельно мудрыми, ясными и глубокими, как ночное небо. Но они скрыты повязкой, стянутой узлом на затылке и спрятанной в длинных, отливающих серебром волосах.

Это Иннир, слепой король. Но слепота поразила не только его: не многие из смертных видели Иннира, и никто не может взглянуть на короля наяву, а не во сне.

Повелитель сумеречного племени поднимает руку. Глубокая тишина, царившая в зале, становится еще глубже. Иннир говорит шепотом, но все слышат каждое слово.

– Принесите ребенка.

Четыре фигуры в капюшонах, похожие на людей, выносят из-за тронных кресел нечто вроде люльки и ставят ее у ног короля. Там лежит свернувшийся калачиком ребенок – на первый взгляд человеческое дитя. Волосы соломенного цвета колечками обрамляют спящее личико. Король склоняется над люлькой, будто вопреки слепоте хочет рассмотреть малыша и запомнить черты его лица. Из складок своих серых одежд – некогда роскошных, а теперь пыльных и обветшалых, как зеркала в зале, – он достает маленький мешочек с длинным черным шнурком, в каких смертные носят талисманы или лекарственные травы. Осторожными движениями

длинных пальцев Иннир надевает мешочек на шею мальчика и прячет его на груди малыша, под грубой рубашкой. При этом король все время то ли бормочет, то ли поет едва слышным голосом. Последние слова он произносит внятно:

Звезда и камень акт скрепили.

Ни камню, ни звезде его не разорвать.

Иннир долго молчит, будто не может решиться на что-то. В этот миг он особенно похож на простого смертного. Когда он наконец начинает говорить, голос короля тверд и ясен:

– Заберите его.

Четыре фигуры поднимают люльку.

– Никто в солнечном мире не должен видеть вас, – продолжает слепой король. – Поспешите: туда и обратно.

Один из четверки кивает, и они уходят, унося с собой спящего малыша. Король поворачивается к бледной женщине, что сидит рядом с ним. Он как будто ожидает, что та нарушит свое долгое молчание, но она не произносит ни слова. Иннир снова обращает лицо к собравшимся в зале, к множеству жадно глядящих глаз, к тысячам беспокойных тел – и к тебе, мой мечтатель. Ничто в хитросплетениях Судьбы не может укрыться от слепого взора Иннира.

– Это начинается, – говорит он.

Сразу же отовсюду раздается гулкий шепот. Голоса наполняют огромный зеркальный зал, их шум усиливается, отра-

жаясь от темного потолка, украшенного резными листьями терновника. Возгласы и напевные звуки летят по бесчисленным залам Кул-на-Квара, и уже нельзя понять, что это: песнь победы или вопль скорби.

Слепой король медленно кивает.

– Теперь это начинается.

Запомни все это, мой мечтатель. Скоро ты увидишь, что последует дальше. Ведь это только начало, как сказал слепой король. Но он не объяснил, что именно началось, хотя речь шла – вот непреложная истина – о конце света.

ЗЕМЛИ
СУМЕРЕЧНОГО
ПЛЕМЕНИ

РАДУЖНОЕ
МОРЕ

Вушицкий
архипелаг

Кониора

ЮЖНЫЙ ПРЕДЕЛ
И КОРОЛЕВСТВА ПРЕДЕЛОВ

Сеттленд

ЭОН

Бренленд

Снан

Фейл

Перикал

Хартвул

Эйльские горы

Крейс

Девонис

Улос

Иеросоаль

Сессно

Акарис

ОСТСКОЕ МОРЕ

Таллено

Торвио

ГЕСПЕРИЙСКИЙ
ОКЕАН

Великий Ксиос

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кровь

«Лесник, расставляющий ловушки, не знает, кто в них попадет, – сказал великий бог Керниос мудрецу. – Так и ученый может обнаружить однажды, что вопросы, которыми он задается, привели его к непредсказуемым и опасным ответам».

«Компендиум прописных истин».
Книга Тригона

1. ОХОТА НА КРЫЛАТОГО ДРАКОНА

СУЖАЮЩИЙСЯ ПУТЬ

*Под камнем – земля,
Под землею – звезды, под звездами – тень.
Под тенью – все, что мы знаем о мире.
Из «Оракулов падающих костей».*

Книга великих печалей племени кваров

Тявканье гончих стихло в низине за спиной, и он остановился. Норовистый скакун по-прежнему рвался к месту охоты, но Баррик Эддон с силой натянул поводья, и конь запля-

сал на месте. Глаза Баррика лихорадочно блеснули, а лицо, и без того бледное, стало почти землистым от усталости.

– Поезжай, – обратился он к своей сестре. – Ты еще можешь их нагнать.

Бриони покачала головой:

– Я не оставлю тебя одного. Хочешь, отдохни, а потом поедем вместе.

Баррик бросил на сестру сердитый взгляд – так умеют смотреть только пятнадцатилетние мальчишки: как ученый на идиотов или аристократ на босоногих крестьян.

– Мне не нужен отдых, соломенная ты башка. Мне надоела эта погоня.

– Ты бессовестный врун, – возразила она ласково. Брат и сестра были близнецами и понимали друг друга лучше, чем иные любовники.

– В любом случае, дракона копьем не убьешь, – сказал Баррик. – Как стража у Границы Теней позволила ему проскочить?

– Возможно, он пробрался ночью, и они его не заметили. К тому же это не дракон, а виверна. Она гораздо меньше. Шасо говорит, что ее легко убить, если хорошенько стукнуть по голове.

– Да что вы с Шасо знаете о вивернах? – возмутился Баррик. – Они ведь не скачут по горам каждый день. И на коров не очень-то похожи.

Он все время тер покалеченную руку, даже не пытаясь

скрыть боль. Бриони решила, что это плохой знак. Баррик выглядел совсем измученным: он так похудел, что его тело казалось пустой оболочкой, а синие круги под глазами углубились и потемнели. Бриони подумала: не начал ли он снова ходить во сне? От этой мысли ее бросило в дрожь. Она жила в Южном Пределе с рождения, но так и не привыкла к запутанным гулким коридорам замка, пугавшим ее по ночам.

Бриони заставила себя улыбнуться:

– Конечно, на коров они не похожи, дурачок! Помнишь, о чем главный егерь спрашивал Чавена перед отъездом? Ша-со сказал, что однажды виверна уже приходила к нам – во времена дедушки Остина. Она убила трех овец на ферме в Лендсенде.

– Трех овец?! Какое жуткое чудовище!

Лай собак стал оглушительным, и теперь уже обе лошади нетерпеливо приплясывали на месте. Кто-то трубил в охотничий рог, но звуки были едва слышны за деревьями.

– Они что-то заметили, – возбужденно произнесла девушка. – Помоги нам, Зория! Только бы эта тварь не покалечила наших собак!

– Не покалечила собак? – переспросил Баррик. Он поморщился и отбросил со лба прядь темно-рыжих волос.

Бриони и вправду беспокоилась о собаках. Двоих псов, Рэка и Дадо, она растила со щенячьего возраста, и для королевской дочери они были куда ближе и понятнее, чем большинство людей.

– Поскачем, Баррик, пожалуйста! Я буду ехать медленно, но не оставлю тебя здесь одного.

Насмешливая улыбка моментально исчезла с лица юноши.

– Даже с одной рукой я легко обгоню тебя.

– Ну, давай! Кто кого? – рассмеялась девушка и понеслась вниз по холму.

Бриони очень хотела успокоить брата и прогнать его раздражение. Она знала, что только азарт погони способен согнать с его лица холодную маску гнева. Бриони оглянулась на скаку и почувствовала облегчение: Баррик уже нагонял ее. Он был похож на бледную тень в траурных одеждах. Впрочем, брат всегда так одевался.

«Умоляю тебя, Баррик, мой милый сердитый Баррик, не влюбляйся в смерть», – подумала она и сама удивилась нелепости своей мысли. Поэтическая сентиментальность обычно вызывала у Бриони Эддон ощущение, будто у нее есть зудящая ранка, которую невозможно почесать.

Бриони вновь обратила взгляд на дорогу, и сердце ее быстро забилося: она чуть не сбила невысокого человечка. Тот едва успел выскочить из-под ног лошади и упал в высокую траву. Девушка натянула поводья и спрыгнула на землю. Она решила, что чуть не погубила крестьянского ребенка.

– Ты не ушибся? – с тревогой спросила Бриони. Однако с пожелтевшей травы поднялся очень невысокий (его голова едва доходила до живота лошади) взрослый человек с седе-

ющими волосами – фандерлинг среднего возраста. Его руки и ноги были короткие, но мускулистые. Он снял фетровую шляпу и поклонился.

– Все в порядке, моя госпожа. Спасибо, что побеспокоились.

– Я вас не заметила...

– Меня редко замечают, госпожа, – улыбнулся он. – Я хотел сказать...

Мимо них проскакал Баррик. Он даже не взглянул на сестру и ее чудом спасшегося собеседника. Было заметно, что юноша бережет больную руку, хоть и старается не показать этого. Бриони поспешно вскочила обратно в седло, подхватив подол амазонки.

– Простите, – бросила она маленькому человечку, пригнувшись к шее Снежка и помчалась за братом.

Фандерлинг помог жене встать на ноги.

– Я хотел представить тебя принцессе.

– Не говори глупостей, – ответила она, стряхивая колючки со своей плотной юбки. – Слава богу, ее лошадь не растоптала нас всмятку.

– Но ведь у нас была редкая возможность познакомиться с членами королевской семьи. – Он изобразил на лице приговорную печаль. – Это последний шанс получить повышение и улучшить наше положение, Опал.

Она прищурилась, но даже не улыбнулась.

– Нам бы сейчас раздобыть побольше монет, чтобы купить тебе ботинки, а мне теплую шаль, Чет. Тогда мы сможем выходить на люди без опаски, что нас примут за детей нищего.

– Вообще-то мы уже давно не похожи на детей, старушка. – Он вытащил колючку из ее заметно поседевших волос.

– Если мы сами не постараемся, у меня никогда не будет новой шали.

Однако Опал остановилась, рассматривая следы лошадей в траве.

– Это правда была принцесса? Как ты думаешь, куда они так спешили?

– Они на охоте. Разве ты не слышала рожок? Та-та, та-та! Господа гоняются по холмам за каким-то несчастным созданием. А в старые времена на его месте могли оказаться и мы!

Она фыркнула и повеселела.

– Не верю я во всю эту чепуху, да и ты не верь, если, конечно, не совсем дурак. Как говаривал мой отец, нечего лезть к большим людям без необходимости, нечего привлекать их внимание. От них хорошего не жди. Ладно, давай займемся делом. Мне не по душе бродить вдоль Границы Теней в сумерках.

– Мне тоже, дорогая, – согласился Чет Голубой Кварц, на этот раз серьезно.

Гончие оглушительно лаяли, но явно не хотели приближаться к зарослям. Стоял невообразимый шум, но даже са-

мые опытные охотники не спешили что-либо предпринимать, пока собаки не выгонят жертву на открытое место.

Большинство участников охоты не интересовала добыча, пусть и столь необычная. Не менее двух десятков господ и дам, не считая великого множества слуг, растянулись по склону холма. Вельможи смеялись и болтали, восхищались (или делали вид, что восхищаются) лошадьми и нарядами друг друга. За ними тянулась длинная вереница солдат и лакеев – одни пешие, другие в повозках, запряженных быками. Повозки ломились от снеди, напитков и посуды, там же лежали складные навесы – под их тенью совсем недавно завтракала вся компания. На поводу вели запасных коней, поскольку в пылу погони животные нередко ломали ноги или умирали от разрыва сердца. Пропустить конец охоты и возвратиться домой на повозке – что может быть ужаснее? Рядом с простолюдинами и старшими слугами ехали тяжеловооруженные всадники с копьями, конюхи, псары в рваной, заляпанной грязью одежде и даже несколько священников. Те, что пониже чином, шли пешком вместе с солдатами. Здесь же был Пазл – худой и старый любимый королевский шут. Он ехал верхом на осле и, с трудом удерживаясь в седле, пытался наигрывать на лютне нечто, отдаленно напоминавшее охотничью песню. Процессия выглядела очень странно: будто целая деревня вдруг двинулась в путь по обычно тихим холмам у Границы Теней.

Бриони всегда радовалась возможности вырваться из ка-

менных башен замка, за стены которого порой не проникало ни единого солнечного луча. Особенно она наслаждалась моментами, когда удавалось сбежать от толпы и людского шума. Взглянув на сегодняшних охотников, девушка подумала, что в королевствах Сиан и Джеллон подобные увеселения должны длиться неделями – ведь придворных там гораздо больше... Но она тут же об этом забыла.

Навстречу Баррику и Бриони, спускавшимся с холма, выехал Шасо дан-Хеза. На Шасо была старая кожаная кираса, по цвету почти не отличавшаяся от его собственной кожи. В отличие от остальных участников охоты, наряженных в пышные придворные костюмы, главный оружейник оделся соответственно случаю. У его седла висел большой боевой лук, прикрепленный так, чтобы в любой момент можно было легко им воспользоваться.

Оружейник приближался, и Бриони показалось, будто Баррик и Шасо – это две плывущие друг к другу грозовые тучи. Девушка сжалась, готовая услышать раскат грома. Ждать пришлось недолго.

– Где вы пропадали? – набросился на брата и сестру Шасо. – Почему уехали без охраны?

Бриони поспешила взять вину на себя:

– Мы не думали, что так сильно задержимся. Мы просто разговаривали, а Снежок вдруг захромал.

Старый воин-туанец пропустил слова принцессы мимо ушей, он сверлил тяжелым взглядом Баррика. Шасо был так

раздражен, словно близнецы не просто отстали, а совершили очень серьезный проступок. Какая опасность может подстергать их в двух шагах от фамильного замка Эддонов?

– Вы исчезли, не сказав никому ни слова, мой мальчик, – сказал Шасо. – О чем вы думали?

Баррик пожал плечами, но на его щеках вспыхнули два красных пятна.

– Не называйте меня мальчиком! И вообще, вас это не касается!

Старик вздрогнул и сжал кулаки. На миг Бриони почудилось, что он ударит Баррика. Конечно, брату доставалось от Шасо в учебных поединках, но ударить члена королевской семьи, да еще публично, – это скандал.

Придворные недолюбливали Шасо. Многие знатные особы открыто говорили, что не пристало ставить на столь высокую должность темнокожего южанина, к тому же бывшего военнопленного, и доверять ему безопасность королевства. Но никто не оспаривал его мастерство и храбрость. В битве при Иеросоле, где Шасо и король Олин встретились как враги, туанец потерял руку, но самоотверженно сражался до конца. Воины сумели справиться с ним лишь вшестером, однако Шасо вырвался и свалил Олина с коня ударом кулака. Отец близнецов был так потрясен отвагой южанина, что не стал наказывать пленника. Шасо отправили в Южный Предел, где он провел десять лет в плену без права выкупа. Король Олин считал туанца героем. Шасо даровали свободу из

уважения к семье Эддонов, и он поступил на службу при дворе.

После того сражения прошло более двадцати лет, и все годы Шасо дан-Хеза честно исполнял свои обязанности, затмевая остальных придворных рвением и мастерством. Это вызывало большее негодование, чем цвет его кожи. Он добился высокого поста главного оружейника и военного министра всех королевств Пределов. Пока на троне оставался отец близнецов, Шасо был вне опасности. Удастся ли ему теперь, без поддержки короля Олина, сохранить свое положение да и жизнь? Бриони сомневалась. Шасо опустил руку, словно прочитал ее мысли.

– Вы принц Южного Предела, – жестко сказал он Баррику. – Рискуя жизнью без причин, вы вредите не мне.

Баррик вызывающе вскинул голову, однако слова старика немного охладили его гнев. Бриони знала: брат не станет извиняться, но и схватки не последует.

Возбужденный собачий лай достиг наивысшей точки. Кендрик, старший брат близнецов, помахал им рукой, призывая подойти поближе. Кендрик беседовал с Гейлоном Толли – молодым герцогом Саммерфильдским. Бриони и Баррик направились к брату. Немного помедлив, Шасо последовал за ними.

Гейлон из Саммерфильда был старше близнецов всего лет на шесть, но обращался он с ними подчеркнуто официально. Принцесса считала, что такая манера лишь прикрывала

его недовольство некоторой эксцентричностью родственников Бриони. Гейлон снял зеленую шляпу и поклонился.

– Принцесса Бриони, принц Баррик, мы уже начали беспокоиться о вас, кузены.

Бриони не поверила в искренность этих слов. Толли считались ближайшими наследниками трона после Эддонов, и об их честолюбии знали все. Гейлон хотя бы умел притворяться преданным, чего не скажешь о его младших братьях – Карадоне и беспокойном Хендоне. Слава богам, остальные члены семейства Толли предпочитали заниматься делами своего обширного имения в Саммерфильде, а не изображать верноподданническое рвение в Южном Пределе – это они предоставили молодому герцогу.

Старший брат близнецов принял на свои юные плечи всю тяжесть правления королевством в отсутствие отца. Тем не менее он пребывал в прекрасном расположении духа. В отличие от отца Кендрик умел на время забывать о заботах и просто наслаждаться охотой или маскарадом – как сейчас. Камзол принца, сшитый из тончайшей ткани, был расстегнут, его золотистые волосы взъерошены.

– Ну наконец-то! – воскликнул он. – Гейлон прав, мы волновались за вас. Пропускать такое развлечение – совсем не похоже на тебя, Бриони. – Заметив траурный наряд Баррика, Кендрик сделал удивленные глаза: – Разве в этом году Процессия покаяния началась раньше времени?

– О да, я должен извиниться за свою одежду, – бросил в

ответ Баррик. – Как же я безвкусно вырядился! Можно подумать, мой отец томится в плену. Или, подождите... Он ведь и правда в плену! Подумать только!

Кендрик вздрогнул и посмотрел на Бриони. Та в ответ состроила гримасу, означавшую: «Он сегодня не в духе». Принц-регент вновь повернулся к младшему брату.

– Может быть, тебе лучше вернуться в замок? – спросил он.

– Нет! – Баррик яростно затряс головой и выжал из себя подобие улыбки. – Нет. Вы слишком обо мне беспокоитесь. Я не хочу быть грубым, правда. Просто моя рука побаливает. Иногда.

– Он храбрый юноша, – сказал герцог совершенно серьезным тоном.

Однако Бриони не понравился его тон, и она насторожилась, будто собака, почуявшая опасность.

В прошлом году Гейлон просил руки принцессы. Он был красив (разве что подбородок немного длинноват), его владения в Саммерфильде по величине и богатству уступали только самому Южному Пределу; тем не менее Бриони радовалась, что отец не спешил выдать ее замуж.

«Едва ли, – думала она, – Гейлон Толли будет столь же снисходителен к жене, как король Олин снисходителен к дочери. Уж наверняка герцог никогда не позволил бы ей выезжать на охоту в юбке с разрезами и в мужском седле».

Собаки залаяли еще пронзительнее. По толпе охотников,

рассредоточенной по склону холма, пробежала волна возбуждения. Обернувшись, Бриони заметила какое-то движение за деревьями в лощине: то тут, то там вспыхивали красные и желтые пятна, будто ветер гнал осенние листья. Чудовище вырвалось из зарослей, и через пару мгновений его длинное змеевидное тело вновь скрылось в высокой траве. Собаки, неистово лая, бросились в погоню.

– О боги! – с ужасом воскликнула Бриони. Несколько человек прижали к груди пальцы, сложенные знаком Тригона.

– Какая огромная тварь! – в ужасе воскликнула принцесса и, повернувшись к Шасо, с упреком добавила: – Вы же говорили, что ее можно убить с одного удара.

Главный оружейник и сам выглядел изумленным.

– Та, другая... была поменьше, – ответил он. Кендрик покачал головой.

– Эта как минимум десяти локтей в длину, или я скинмер... Несите копыя для кабанов! – крикнул он одному из загонщиков.

Кендрик галопом полетел вниз по склону. Рядом с ним скакал Гейлон Саммерфильдский, прочие господа тоже старались пристроиться поближе к молодому принцу-регенту.

– Но... – Бриони замолчала.

Она и сама не знала, что хотела сказать. Они собрались здесь, чтобы убить виверну, не так ли? Девушка вдруг ясно почувствовала: если Кендрик приблизится к чудовищу, ему грозит опасность.

«Ты оракул или колдунья? Ты не можешь этого знать», – сказала она себе.

Однако беспокойство, неясной тенью преследовавшее ее весь День, вдруг усилилось. Бриони показалось, что она ощущает присутствие богов, что ее окружают невидимые существа. Возможно, не Баррик ищет смерть, а какое-то злое божество охотится на них всех.

Принцесса потрясла головой, пытаясь избавиться от леденящего страха.

«Все это глупости, Бриони, просто дурные мысли».

Скорее всего, они возникли из-за Баррика, когда он напомнил об отце. О том, что отец в плену. В этот чудесный день десятого месяца декамена, когда солнце светит ярко, словно вернулось лето, не должно случиться ничего дурного. Разве боги могут гневаться в такой день?

Охотники тем временем скакали вслед за Кендриком, и топот копыт сотрясал холм. Впереди неслись собаки, за ними – загонщики и слуги. Все вокруг возбужденно кричали. Бриони захотелось быть рядом со старшим братом и его свитой – нестись вперед, обгоняя горести и печали.

«На этот раз я не отстану от них, словно маленькая девочка или придворная дама, – подумала девушка. – Я должна увидеть виверну. А вдруг именно я убью ее? Почему бы и нет?»

В конце концов, она обязана присматривать за обоими братьями.

– Поскакали, Баррик! – крикнула она. – Некогда хандрить. Иначе все пропустим.

– Та девушка, принцесса, ее ведь зовут Бриони? – Опал задала этот вопрос лишь через час после встречи с всадницей, бредя по лесу рядом с Четом.

– Мы заговорили о больших людях? – Чет сдержал улыбку. – По-моему, мы не собирались лезть к ним без нужды?

– Перестань дурачиться. Мне здесь совсем не нравится. Солнце еще высоко, а кажется, будто уже темнеет. И трава совсем мокрая! Меня дрожь пробирает.

– Прости, дорогая. Мне тоже не по себе, но ведь только у самой Границы мы можем встретить что-нибудь интересное. Всякий раз, когда тень отступает, появляется что-то новенькое. Помнишь, как я нашел в траве тот кристалл – яйцо Эдри размером с кулак? Его будто принесли волны.

– Там ненормальное место.

– Конечно ненормальное. На Границе Теней все ненормальное. Это место создали, когда племя кваров бежало от армии больших людей. Это не просто граница между землями, это... предупреждение. На мой взгляд, было бы правильно называть его «Держись подальше». Но ты сама захотела пойти сюда сегодня – и вот мы здесь.

Чет посмотрел на туман, тянувшийся вдоль склона холма. Густой в низинах, он и у вершины был достаточно плотным, словно пух.

– Мы почти пришли, – добавил он.

– Ты так только говоришь, – устало проворчала Опал. Чет вдруг устыдился того, что постоянно поддразнивал свою добрую жену. Порой Опал бывала едкой, как кислое яблоко, но все равно оставалась доброй.

– Да, кстати, ты спрашивала – девушку зовут Бриони, – ответил Чет на ее вопрос.

– А тот, в черном? Он ее брат?

– Думаю, да, хотя близко не видел его ни разу. Это семейство не очень любит бывать на людях. Вот старый король, их дедушка, обожал праздники и парады – помнишь? Ни одного святого дня не пропускал...

Опал не интересовалась историей королевской семьи.

– У него такой печальный вид, у этого мальчика, – сказала она.

– Неудивительно: их отец в плену, за него требуют выкуп, который королевство не в состоянии заплатить. К тому же у парня большая рука. Так что причин для грусти хватает.

– А что с ним случилось?

Чет махнул рукой, будто хотел сказать: все это одни сплетни и мне нет до них дела. Но, конечно, он притворялся.

– Поговаривают, будто бы на него свалилась лошадь, но старик Пирит уверяет, что сам папаша скинул его с лестницы, – сообщил он.

– Король Олин? Не может быть! – поразилась Опал. Чет снова подавил улыбку. Женщина только что уверяла, будто

ее не волнуют дела больших людей, а тут принялась горячо расспрашивать о них, да еще и высказывать собственное мнение.

– Да, звучит неубедительно. Старик Пирит способен наболтать что угодно, если выпьет лишнего...

Чет вдруг замолчал, остановился и нахмурился. Эти места у Границы всегда пользовались дурной славой, но сейчас здесь происходило нечто особенное.

– Что-то случилось? – спросила жена.

– Посмотри... Там что-то движется.

Теперь до Границы Теней оставалось лишь несколько десятков шагов. Дальше Чет идти не собирался. Он внимательно посмотрел на траву под ногами, на ряд знакомых белых дубов – расплывчатых, как призраки, в скрывавшем их тумане. Он заметил, что между стволами сгустилась какая-то особенная темнота. От этой мысли волосы на голове Чета зашевелились.

– Он перемещается! – воскликнул он.

– Но туман всегда перемещается. Ты сам говорил.

– Обычно он чуть откатывает от края, а потом набегаёт обратно, как волна во время прилива, – прошептал Чет. – Будто кто-то дышит. Когда Граница отодвигается, мы находим здесь разные диковины. – Он чувствовал в воздухе необычайную тяжесть и особенное напряжение. Ему даже расхотелось говорить. – Но за последние два века туман никогда не наплывал так сильно, Опал. Никогда.

– Что ты хочешь сказать?

– Посмотри: туман движется, словно вода затапливает берега. Край его сейчас на несколько шагов ближе обычного, – ответил Чет, изумленно глядя на Границу.

Ошибки быть не могло: он слишком хорошо знал это место.

– И это все? – спросила жена.

– Что значит «и это все», женщина? Сумеречное племя создало Границу как барьер между собой и людьми. Каждый, кто пересекает ее, должен погибнуть. Но Граница всегда оставалась на одном месте и за двести лет ни на дюйм не приблизилась к замку!.. Нужно кому-нибудь сообщить о том, что происходит. – Чет задыхался, у него закружилась голова.

– Сообщить? – удивилась Опал. – Зачем тебе это? Пусть за Границей следят воины больших людей!

Он отчаянно замахал руками:

– Следят, как же! Мы только что прошли мимо караульной будки, а они нас даже не заметили. Или им все равно. С таким же успехом можно охранять луну! Люди ничего не видят. Сюда посылают самых молодых и неопытных солдат, которые уверены, что ничто не меняется. Они и не смотрят. – Чет покачал головой. Ему показалось, что в воздухе появился какой-то низкий, едва слышимый гул. Отдаленный гром? – Я сам глазам не верю, хотя много лет сюда хожу.

Неясный гул становился громче, и Чет наконец понял, что

это вовсе не гром.

– Пропади все пропадом! – воскликнул он. – Прямо на нас скачут лошади!

– Это охота? – спросила жена. Она не могла ничего разглядеть: склоны холмов и низко растущие деревья закрывали обзор. – Ты говорил, сегодня будет охота.

– Кони скачут с другой стороны. Наши охотники никогда не подошли бы так близко к... – У него заколотилось сердце. – О боги, это звуки из-за Границы Теней!

Схватив жену за руку, Чет потащил ее в сторону, подальше от тумана. Их коротенькие ножки вязли в земле, заминались о корни, скользили по мокрой траве, спеша поскорее укрыться среди деревьев. Стук копыт стал невероятно громким, словно кони скакали прямо за спинами удиравших фандерлингов.

Чет и Опал добежали до деревьев и рухнули в заросли колючей травы. Крепко прижав к себе жену, Чет высунулся наружу: из тумана появились четыре всадника на белых лошадях. Теперь они ехали не спеша. Высокие и поджарые кони не походили на обычных лошадей: они моргали, словно не привыкли к свету, хотя солнечные лучи едва проникали сквозь ветви деревьев. Лица всадников скрывались под капюшонами – темно-серыми или даже черными, как показалось Чету, но при этом переливающимися, как масляная пленка на поверхности воды. Было заметно, что всадников тревожит слишком яркий свет в незнакомом месте. Туман

клубился у ног лошадей, словно страна теней не желала их отпускать.

Один из всадников медленно повернул голову и долго смотрел в сторону деревьев, где прятались фандерлинги. Видны были только его глаза, блестящие в глубине капюшона. Чет у безумно захотелось вскочить и убежать, но он удержал себя на месте и так сильно прижал к себе Опал, что женщина вздрогнула от боли и попыталась ослабить его удушающие объятия.

Наконец фигуры в капюшонах отвернулись. Один всадник достал из-за седла не то тюк, не то узел и бросил его на землю. Пришельцы еще немного постояли, глядя в сторону далеких башен замка Южного Предела, а потом, не издав ни звука, развернули призрачно-белых коней и поскакали обратно – в колеблющуюся стену тумана.

Чет досчитал до двадцати и лишь после этого разомкнул руки.

– Ты меня едва не раздавил! – застонала Опал, с трудом поднимаясь на ноги. – Что это было? Я ничего не разглядела.

– Я... я не знаю. Они вышли из тумана, потом развернулись и уехали назад...

Все произошло так быстро, что казалось сном. Чет встал, его суставы болели после бега. Он устался на сверток, что оставили всадники. Сверток шевелился.

– Что с тобой? – окликнула его Опал.

Конечно, Чет не собирался даже прикоснуться к свертку.

Ни один фандерлинг никогда не совершит подобной глупости: зачем ему вещь, от которой отказались призраки из страны теней? Подойдя поближе, он услышал, что из свертка доносятся едва слышные звуки.

– Там что-то есть! – крикнул Чет жене.

– Много чего на свете есть, – отозвалась та, подходя ближе. – А у тебя в башке пусто. Оставь этот мешок в покое и уходи. Ничего хорошего в нем быть не может.

– Оно... оно живое.

Чету пришла в голову мысль: а вдруг там гоблин или другое сказочное существо из страны теней? Гоблины исполняют желания, так говорится в старых сказках. Если Чет его освободит, гоблин должен исполнить его желание. Что ему нужно – новую шаль? Если Опал захочет, у нее будет целая кладовая новой одежды. А еще гоблин может навести Чета на золотую жилу. Тогда мастера из гильдии фандерлингов будут приходить к нему и, сняв шапки, просить помочь им. И даже зазнавшийся родной братец...

Мешок задергался и перевернулся. Внутри послышалось ворчание.

«Конечно, – подумал Чет, – они неспроста притащили его на эту сторону Границы Теней и выбросили, словно обглоданные кости. Вполне возможно, там нечто очень неприятное».

Из мешка раздался еще более странный звук.

– Ой, Чет, – сказала жена уже совсем другим голосом. –

Там ребенок! Послушай. Он плачет!

Чет стоял неподвижно. Все знали, что и по эту сторону Границы Теней бродят эльфы и привидения, умеющие подражать голосам людей. Они заманивают путника с тропинки в глубь леса и губят его. С той стороны не приходит ничего хорошего – это истина.

– Ты что, не собираешься что-нибудь сделать? – продолжала Опал.

– А чего ты хочешь, женщина? – удивился Чет. – Ведь там может оказаться какой-нибудь демон.

– Да не демон там, а ребенок. Если ты, Чет из семьи Голубого Кварца, боишься достать ребенка из мешка, я сама это сделаю.

Чет слишком хорошо знал этот тон жены, поэтому прочитал про себя молитву всем богам земных недр и двинулся к мешку – осторожно, словно к свернувшейся кольцами гадюке. Он ступал с опаской, словно ждал, что гадюка сейчас обовьется вокруг его ног и укусит. Чет подошел к мешку и прикоснулся к серой веревке, которой был завязан мешок. На ощупь она напоминала мыльный камень: такая же скользкая и гладкая.

– Да поторопись же ты, старый!

Сердито глянув на жену, Чет стал не спеша разрезать узел. Под рукой у него не оказалось ничего острее старого ножа, затупившегося от резьбы по камню. Было прохладно и сыро, но к тому моменту, когда узел поддался, на лбу у Чета вы-

ступил пот. Из мешка не доносилось никаких звуков, и Чет понадеялся, что существо внутри задохнулось.

– Что там? – крикнула жена.

Только Чет хотел ответить, что еще не открыл чертов мешок, как оттуда что-то вылетело, словно камень, и ударило его по спине.

Чет хотел закричать, но существо из мешка обхватило липкими руками его шею и попыталось укусить через толстую куртку. Защищаясь, Чет даже не видел, кто на него напал. Но тут в борьбу вмешалось третье лицо: Опал оторвала от мужа щелкающего зубами монстра. Все трое свалились в одну кучу.

– Ты... ранен? – с тревогой спросила Опал.

– Где оно? – Чет озирался по сторонам.

Существо из мешка свернулось неподалеку и пристально смотрело голубыми глазами на своего освободителя. Это был худой мальчик лет пяти-шести, потный и взъерошенный, с очень бледной кожей и почти белыми волосами. Он выглядел так, будто провел в мешке не один год.

– Ребенок! Я же говорила! – сказала Опал. Она некоторое время рассматривала мальчика, потом добавила: – Он из больших людей, бедняжка.

Чет потерял царапины на шее и щеках.

– Да уж, бедняжка! Это чудовище пыталось меня убить.

– Да ладно, успокойся. Просто ты его напугал. – Она протянула ребенку руку. – Иди сюда, я тебя не обижу. Как тебя

зовут, дитя?

Ребенок ничего не ответил.

Опал порылась в широких карманах юбки и достала корочку черного хлеба.

– Ты голоден? – Она протянула мальчику хлеб.

Глаза у ребенка жадно заблестели, но он не сдвинулся с места. Опал наклонилась вперед и положила хлеб на траву. Мальчик посмотрел на женщину, на хлеб, схватил кусок, понюхал его, запихнул в рот целиком и проглотил, почти не жуя. Потом он требовательно посмотрел на Опал, ожидая добавки. Она рассмеялась несколько растерянно, снова порылась в карманах и нашла кусочки засушенных фруктов. Едва она положила их на траву, как они исчезли – еще быстрее, чем хлеб.

– Как тебя зовут? – опять спросила Опал. – Откуда ты? Мальчик водил языком по зубам, словно искал застрявшие остатки пищи, смотрел на женщину и молчал.

– Кажется, он немой, – предположил Чет. – Или не знает нашего...

– Где это? – спросил мальчик.

– Где – что? Ты о чем? – изумился Чет.

– Где это? – повторил мальчик, указывая рукой на деревья, на поросшие травой холмы, на лес за Границей Теней. – Это... место? Где мы?

Теперь он казался одновременно и старше, и моложе своих лет. Казалось, он только научился говорить.

– Мы на самом краю Южного Предела. Иногда его называют Пограничным Пределом, потому что здесь проходит Граница Теней. – Чет указал на границу тумана, потом повернулся в другую сторону. – А вон там замок.

– Граница... Теней? – Мальчик задумался. – Замок?

– Ему нужно поесть, – заявила Опал тоном, не терпящим возражений. – И поспать. Ты же видишь, он валится с ног.

– И что дальше? – спросил Чет, хотя уже догадался, чего хочет жена, и эта идея ему не понравилась.

– А то, что мы его заберем домой. – Опал поднялась и стряхнула травинки с юбки. – И накормим.

– Но... но он же чей-то сын! Он из семьи больших людей!

– Ну конечно. Родичи затолкали его в мешок, завязали и бросили здесь? – Опал презрительно рассмеялась. – Если так, они вряд ли по нему скучают.

– Он появился... появился из... Он же с той стороны, – договорил Чет, понизив голос.

Он посмотрел на малыша: тот сосал палец и с любопытством смотрел вокруг.

– Но теперь он здесь, – возразила Опал. – Взгляни на него. Думаешь, он не такой, как все дети? Просто маленький мальчик забрел в сумеречную страну, а его оттуда выкинули. Уж мы-то с тобой лучше других знаем, что с той стороны приходит не только плохое. Ты же не выбрасываешь драгоценности, которые нашел здесь? Скорее всего, он случайно пересек Границу Теней в нескольких милях отсюда. Неужели

мы его бросим умирать от голода?

Она хлопнула себя по колену, потом обратилась к малышу:

– Пошли с нами. Мы отвеем тебя домой и накормим как следует.

И, прежде чем Чет сумел возразить, Опал направилась вдоль холма к видневшемуся вдаль замку. Подол ее платья шуршал по сырой траве. Пристально посмотрев на Чета, мальчик последовал за ней. Во взгляде мальчишки Чету почудилась угроза, но он решил, что это, наверное, от страха или бравады.

– Ничего хорошего из этого не выйдет, – сказал Чет, уже успокаиваясь.

Он приготовился к любым наказаниям, что припасли для него боги. В любом случае лучше вызвать гнев богов, чем гнев Опал. Ведь свой маленький домик Чет делил не с богами – у тех свои просторные чертоги, недоступные для смертных. Он тяжело вздохнул и двинулся вслед за женой и мальчиком.

Виверну загнали в круглую рябиновую рощицу. У корней деревьев густо рос папоротник. Вокруг чудовища, все еще держась на расстоянии, вились распаленные до исступления собаки. Бриони видела, как виверна беспокойно мечется от одного края рощицы к другому. Девушку поразили невероятная длина ее тела и яркий блеск чешуи, мелькающей в про-

светах зелени.

– Трусливые твари эти собаки, – заявил Баррик. – Пятьдесят псов на одну виверну, а все не решаются подойти ближе!

– Вовсе они не трусливые! Просто у нее незнакомый запах, – возразила Бриони, с трудом подавляя желание спихнуть брата с седла.

Баррик прятал искалеченную руку в рукаве плаща, словно защищал ее от холода, хотя день был теплым и солнечным. Юноша выглядел совсем бледным и изнуренным.

– В последнее время из-за Границы Теней к нам являются много разных тварей, – сказал он, хмурясь. – Помнишь, весной прилетели птицы с железными клювами? Они еще убили пастуха в Лендсенде. А тот мертвый великан в Далер-Троте?

Загнанная в роще виверна пришла в бешенство и зашипела. Собаки отскочили назад, скуля и тявкая. Несколько загонщиков заорали от страха и бросились наутек. Бриони по-прежнему не могла толком рассмотреть носившееся вад-вперед между стволами рябины животное. Ей показалось, что голова у виверны узкая, вроде головы морского конька. Когда зверь снова зашипел, на мгновение сверкнул ряд острых клыков.

«Кажется, она тоже испугалась», – подумала Бриони, но тут же отбросила эту мысль. Ведь чудовища, подобные виверне, – существа неестественные. Они не способны испытывать ничего, кроме злобы.

– Довольно! – крикнул Кендрик, удерживая свою перепу-

ганную лошадь у самой кромки деревьев. – Принесите мое копьё!

К принцу подбежал его паж с искаженным от ужаса лицом. Молодой человек, один из сыновей Тайна Олдрича, старался не смотреть на шипящую тварь, что находилась сейчас в нескольких шагах от него. Он так спешил передать оружие принцу и убежать подальше, что чуть не уронил длинное копьё с золотым орнаментом на древке и с тяжелым железным наконечником. Кендрик поймал копьё на лету и сердито замахнулся вслед удирающему парню.

Остальные придворные тоже потребовали копьё. Теперь, когда приближалась развязка, безупречно причесанные нарядные дамы, сопровождавшие охотников – некоторые верхом, в дамских седлах, а иные даже в паланкинах, – толпились и мешали движению, что страшно злило Бриони. В конце концов дамам пришлось отъехать в сторону, к ближайшему возвышению, и наблюдать окончание драмы с безопасного расстояния.

Бриони увидела, что ее главные фрейлины Роза и Мойна расстелили одеяло на склоне и в ожидании поглядывают на принцессу. Роза Трейлинг была племянницей главного констебля Броуна, а Мойна Хардсбруг – дочерью аристократа из Хелмингси. Обе отличались добросердечностью, поэтому Бриони и выбрала их из всей (по ее собственному выражению) «плохонькой конюшни придворных дам». Однако иногда обе фрейлины проявляли не меньшую глупость и огра-

ниченность, чем остальные, приходя в ужас от малейшего нарушения придворного этикета и традиций. Сейчас вместе с дамами сидел старый Пазл, придворный шут. В ожидании момента, когда откроют корзины со снедью, он перетягивал струны на лютне.

Для Бриони была невыносима сама мысль о том, чтобы удалиться в безопасное место и оттуда наблюдать за окончанием охоты, слушая сплетни и болтовню о драгоценностях и нарядах. Принцесса насупилась и сделала знак загонщику, тащившему тяжелые копыя.

– Дай-ка мне одно, – приказала девушка.

– Что ты делаешь? – возмутился Баррик.

Сам он не мог управиться с копьём одной рукой, поэтому не запасся оружием.

– Ты не должна приближаться к чудовищу. Кендрик такого не допустит, – заявил он.

– Мне кажется, Кендрику сейчас не до меня... Вот проклятье! – Бриони разозлилась: Гейлон Саммерфильдский заметил ее и поскакал в ее сторону.

– Моя госпожа! Принцесса! Вы можете пораниться! – кричал он.

Он наклонился, словно хотел взять копьё из рук Бриони, в последний момент понял, что это слишком большая дерзость с его стороны.

Бриони старалась говорить спокойно, но решительно:

– Герцог Гейлон, я знаю, каким концом бросают копьё.

– Но это занятие не для принцессы, а чудовище поистине ужасно! – не сдавался Гейлон.

– Тогда вам придется первым прикончить его, – ответила девушка чуть тише, но не менее решительно. – Потому что, если оно окажется рядом со мной, дальше ему уже не пройти.

Баррик заскрипел зубами, потом подозвал загонщика. Он взял копье и неловко зажал его под мышкой, поскольку рука его сжимала поводья.

– Что ты задумал? – спросила Бриони.

– Раз уж ты решила повалять дурака, соломенная твоя башка, кто-то должен тебя защитить.

Гейлон Толли посмотрел на них, покачал головой и покакал к окруженному собаками Кендрику.

– Боюсь, герцог не очень нами доволен, – улыбнулась Бриони.

Откуда-то издалека донесся голос главного оружейника. Он выкрикивал имена Бриони и брата.

– Да и Шасо не обрадуется, – добавила принцесса. – Вперед!

Они пришпорили коней и понеслись. Собаки почувствовали рядом вооруженных копьями людей и вновь осмелели. Несколько псов нырнули в заросли, чтобы напасть на мечущееся красноватое существо. Бриони увидела, как тварь молниеносно повернула длинную шею, словно в воздухе мелькнул хлыст. Тут же одна из собак завизжала: ее схватили острозубые челюсти.

– Поспешим! – воскликнула Бриони, огорченная гибелью собаки и возбужденная охотой.

Она снова почувствовала, что вокруг нее, словно зимние тучи, собираются невидимые существа, и помолилась Зорин.

Теперь собаки ныряли в заросли одна за другой. Лавина стелющихся по земле тел втекала в просветы между деревьями.

Псы лаяли возбужденно и испуганно, раздавались вопли боли, но вдруг послышался странный душераздирающий рев виверны: одна из собак вцепилась зубами в чувствительное место. Лай гончих сразу же стал оглушительным. Зверь пытался пробиться сквозь свору и вырваться из плена деревьев. Раздавлив когтистой лапой одну из собак и убив еще нескольких, виверна схватила очередную жертву и так яростно стала трясти ее, что кровь алым дождем брызнула во все стороны. Наконец тварь разорвала кольцо нападающих псов, выскочила из зарослей на открытое, залитое солнечным светом пространство, и Бриони увидела ее целиком.

Виверна отчасти напоминала змею: мышцы, покрытые блестящей чешуей красного, коричневого и золотого цветов. У нее были две мощные передние лапы, а сзади, у хвоста, располагалась третья. За узкой головой виднелось некое подобие воротника из костей и кожи, широко раскрывавшегося, когда тварь приподнималась.

Двигаясь в сторону Кендрика и придворных, стоявших рядом с ним, виверна наносила удары головой, что поднима-

лась выше человеческого роста. Все происходило слишком быстро, и охотники не успели спешиться, чтобы использовать длинные копыя для охоты на кабанов.

Кендрик все-таки попытался достать копьём морду зверя. Виверна зашипела и уклонилась от удара, но в это время кто-то другой – Бриони показалось, это был азартный охотник граф Блушо – вонзил копьё под ребро твари, у самой шеи. Виверна повернулась, пытаясь избавиться от поразившего ее оружия. В этот момент Кендрик воткнул свое копьё ей в шею и пришпорил коня, чтобы на ходу пригвоздить зверя к земле. Из раны полилась красно-черная кровь. Эти копыя были рассчитаны на кабана, их древки не позволяли зверю дотянуться до охотника клыками. Тварь, уже тяжело раненная, вновь отчаянно зашипела. Конь Кендрика отшатнулся в страхе, но принц приподнялся на стременах и навалился всем телом на копьё, прижимая виверну к земле.

Собаки носились вокруг, охотники подходили поближе: всем хотелось видеть, чем закончится дело. Но виверна не сдавалась.

Неожиданно чудовище свернулось кольцами вокруг копыя и сильно вытянуло шею, пытаясь добраться до руки Кендрика. Конь принца снова отступил, и Кендрик чуть не выпустил оружие. Взмахнув хвостом, чудовище обвило ноги коня, и тот в страхе заржал. На миг они переплелись, как фигуры на старинных гобеленах в Тронном зале замка. Все происходило так быстро и неожиданно, что Бриони не успевала следить

за происходящим. Виверна еще ту же оплела ноги коня, чьи кости затрещали и сломались. Принц и его скакун свалились прямо в сплетение красно-желтых колец.

Бриони и Баррик стояли в двадцати шагах от виверны, растерянно наблюдая за схваткой. Саммерфильд и Блушо начали ожесточенно колоть разъяренное чудовище копиями, при этом попадая и в жертву. Остальные придворные спешили на помощь, в страхе гадая, жив ли принц-регент. За суетящимися собаками, сплетенным телом виверны и агонизирующей тушей смертельно раненного коня невозможно было разглядеть, что с принцем. У Бриони кружилась голова, ее тошнило.

Вдруг из высокой травы прямо на них понеслось нечто, похожее на длинную лодку с резным носом: виверна в отчаянии пыталась удрать. Копье Кендрика все еще торчало из ее шеи. Тварь бросилась в одну сторону, потом в другую. Кругом были перепуганные лошади и нацеленные копия. Виверне все-таки удалось проскочить между охотниками, и она понеслась к Бриони и Баррику.

Она выросла прямо перед близнецами. Голова чудовища раскачивалась из стороны в сторону, а единственный черный глаз блестел. Словно во сне, Бриони вскинула копьё. Тварь зашипела и поднялась на задние лапы. Бриони пыталась прицелиться виверне в голову, но животное безостановочно двигалось. Баррик не сумел удержать одной рукой тяжелое оружие – оно выскользнуло и ударило Бриони в плечо,

выбив копьё из ее рук.

Виверна раскрыла пасть. Бриони увидела ряд острых зубов и кровавую пену, стекавшую с языка. Голова чудовища стремительно метнулась к принцессе, но в тот же миг вдруг рванулась в сторону, словно ее дернули за веревочку.

Голова была так близко, что вечером, раздеваясь перед сном, Бриони обнаружила на своей куртке из оленьей кожи дырки, прожженные ядовитой слюной чудовища – будто кто-то подержал куртку над огнем десятка свечей.

Виверна валялась на земле, из ее глаза торчала стрела, по длинной шее пробежали волны судорог. Тварь умирала. Несколько секунд Бриони молча смотрела на чудовище, потом повернулась и увидела Шасо, спешившего к ней с луком в руке. Он покосился на поверженного зверя, затем поднял разгневанный взгляд на близнецов.

– Глупые, самонадеянные дети! Если б я вел себя так же беспечно, вы оба были бы уже мертвы.

2. КАМЕНЬ В МОРЕ

БАШНЯ СЛЕЗ

Три – поверни, четыре – остановись.

Пять ударов гонга из глубины.

Лиса прячет своих детенышей.

Из «Оракулов падающих костей»

Вансен любил это место: верхнюю часть древней стены, выстроенной под темным неровным острием Волчьего Клыка. Место идеально подходило для выполнения поставленной задачи. Он приходил сюда и стоял на холодном ветру, что дул с залива Бренна. У Вансена были на то причины: отсюда открывался широкий вид на Южный Предел. Замок и город в лучах осеннего солнца раскинулись внизу как дамский туалетный столик с забавными вещицами. Разве постыдно наслаждаться такой красотой?

Когда Феррас Вансен был ребенком, он с родителями жил в долине и любил играть в «Царя горы» с соседскими мальчишками. Дети выбирали себе пригорки или камни, и каждый пытался удержаться на самом высоком месте. Когда остальные игроки уже падали вниз, Феррасу удавалось оставаться хозяином своей вершины. Но холмы все равно возвышались над ним, а за холмами вздымались северные горы, чья высота даже моменты триумфа указывала Феррасу на его

истинное место.

Когда мальчик подрос, он полюбил их – по крайней мере те, до которых мог добраться. Его посылали пасти овец, и иногда он намеренно позволял стаду уйти в горы. Отец сурово наказывал его за такие проделки, но Феррас не мог отказаться от удовольствия побродить по вершинам. В юности для него не было большей радости, чем забраться на гребень скалы и смотреть оттуда на складки холмов и долины, лежащие внизу, как смятое одеяло. Глубокие темные ущелья, устремленные ввысь утесы... Никто в его семье никогда не видел этой картины, хотя от скалы до родительской фермы было меньше мили.

Вансен порой задумывался: может быть, его любовь к высоте и жажда уединения стали острее именно здесь, в Южном Пределе – в замке, где людей было не меньше, чем пчел в улье? Интересно, приходило ли в голову кому-нибудь из солдат, торговцев или слуг посмотреть вверх и полюбоваться величественным Волчьим Клыком, его черным силуэтом, похожим на скипетр? Гора грозно нависала над башнями замка, как когда-то в детстве Вансена снежные вершины гор господствовали над холмами. Феррас думал о стражниках: удивлялись ли они громадности замка, когда проходили вдоль стен, образующих два неправильных каменных кольца вокруг холма Мидлан? Неужели лишь он один испытывает тайный трепет, глядя на это живописное место, на здешних людей и животных, на грандиозность самого стро-

ения, великолепии старинных залов, невиданную пышность королевской резиденции? Неужели возможно не восхищаться четырьмя башнями времен года, каждая из которых имеет особую форму и собственный цвет?

Или, размышляя Вансен, эта красота воспринимается иначе, если ты здесь родился? Сам он пришел сюда лет шесть назад и до сих пор не привык к местной живости и многолюдности. Ему говорили, что Южный Предел – чепуха по сравнению с замком Тессис в Сиане или огромным старинным городом-государством Иеросодем, в который вели два десятка ворот. Но молодому человеку из мрачного и уединенного Далер-Трота, где земля и небо вечно пропитаны влагой, а зимнее солнце едва всходит над вершинами холмов, все здесь казалось необыкновенным и захватывающим.

Словно желая остудить его мысли, ветер переменялся и принес с собой океанский холод, острыми иголками впивавшийся в тело даже через кольчугу и кожаную рубаху. Вансен плотнее закутался в плащ и заставил себя двигаться. Его ждала работа. Королевская семья и, похоже, половина дворян уехали из замка на охоту, но это вовсе не давало ему права предаваться весь день бесполезным воспоминаниям.

Мечтательность была его проклятием. Мать однажды сказала ему:

– Ты слишком много гредишь, малыш. Такие люди, как мы, должны быть сильными и держать рот на замке.

Странно. В сказках, которые мать рассказывала на ночь

Феррасу и его сестре, герои – умные молодые мужчины – побеждали жестоких великанов и ведьм, чтобы завоевать сердце королевской дочери. Но при свете дня она не уставала внушать детям:

– Вы рассердите богов, если пожелаете слишком много.

Отец Ферраса был из вутов, и подчас он лучше понимал сына.

– Мне пришлось уехать далеко от дома, чтобы найти тебя, – не раз говорил он матери Вансена. – Я приплыл сюда, в это прекрасное место, от далеких и холодных, обдуваемых ветром скал, что стоят посреди моря. Человек должен стремиться к лучшему.

Юный Феррас не мог полностью согласиться с отцом – особенно в том, что касается «прекрасного места»: их ферма располагалась в тени буйной зелени холма, где полгода с неба и с ветвей деревьев лилась вода. Зачем сюда стремиться? Надо бежать подальше со всех ног. Тем не менее он любил разговаривать с отцом. Бывший моряк был немногословен – то ли по привычке, то ли с рождения, – однако с ним сын мог побеседовать о чем-нибудь интересном.

Теперь Вансену казалось, что он опроверг давние слова матери. Он приехал в чужой город, ничего не имея, и стал капитаном королевских гвардейцев Южного Предела, удостоенным чести охранять королевскую семью. Любой на его месте гордился бы собой. Даже тот, кто по рождению занимал более высокое положение в обществе.

Однако в глубине души Феррас Вансен знал: его мать права. Он по-прежнему слишком много мечтал. Что еще хуже и постыднее – мечты его были запретные.

– Этот парень как ястреб. Расслабишься на минутку – он тут как тут, – услышал Вансен негромкую жалобу одного из стражников.

Феррас уже миновал караульное помещение, однако далеко отойти не успел, когда услышал эти слова. А ведь даже не наказал солдат, застав их без оружия за игрой в кости. Только резко высказал свое недовольство.

Он вернулся. Стражники смотрели на него виновато и обиженно.

– Если бы вместо меня пришел комендант Броун, вы бы отправились назад в крепость, но уже в цепях. Подумайте об этом, ребята, – сказал им Вансен.

Когда он уходил, за спиной больше не было слышно ни звука.

«Они могут или любить тебя, или бояться», – наставлял Вансена бывший капитан Донал Маррой. Маррой предпочитал вселять в солдат страх, раздавая им оплеухи за наглость и медлительность. Когда Вансен занял его должность, он надеялся заменить страх уважением. Сейчас, после года службы, он начал понимать, что старый коннордиец не ошибался. Большинство воинов по молодости лет пороха еще не нюхали, и им было трудно поверить, что сон на дежурстве или

отсутствие на посту могут погубить не только их самих, но и тех, кого они призваны защищать.

Иногда и сам Вансен с трудом в это верил. Маленькое королевство находилось на окраине мира, с севера его окружали зловещие туманные горы, а со всех остальных сторон – океан. В иные дни казалось, что ничто здесь не меняется, разве что направление ветра или погода: сыро, потом посуше, потом снова сыро; ласковый бриз после жестокого шторма, и наоборот. Такие перемены лишь утомляли жителей каменистого кусочка суши по соседству с океаном.

Замок Южного Предела был огражден двумя стенами. Высокие, гладкие, сложенные из серовато-белого отполированного гранита, они кольцом обводили холм, а в некоторых местах шли прямо по воде. Таким образом, неприступная каменная ограда и воды залива Бренна превращали бывший остров в крепость, способную выдержать любую осаду. Новая стена (ее называли Новой, хотя никто не помнил того времени, когда эту стену еще не построили) соединяла все башни времен года, кроме башни Лета. Старая стена окружала самое сердце крепости: Тронный зал и королевские покои. Эти гигантские помещения с бесчисленными переходами и залами, как в муравейнике, были столь древними и запутанными, что в некоторые их закоулки годами не ступал ни один человек.

Другие постройки, окружавшие главные покои, тоже

представляли собой лабиринты. Там располагались храмы и мастерские, конюшни и жилые дома – от высоких и просторных апартаментов знати внутри Старой стены до тесных лагун безродной бедноты, чьи жалкие домишки громоздились один на другой, превращая улицы в темные ущелья. Большинство строений в Южном Пределе соединялись между собой крытыми дорожками и туннелями, дабы защитить горожан от холодной северной сырости и жестоких ветров. Строения замка, появившиеся в разные времена, словно слились в одно целое. Нечто подобное можно наблюдать на берегу залива Бренна во время отлива: растения, камни и моллюски срастаются в единую массу, и ни один вид не существует сам по себе.

Феррас Вансен глубоко погрузился в воспоминания, не замечая холодного свежего морского ветра. «Все-таки здесь бывает и солнечная погода», – подумал он. За один только год в Южном Пределе он увидел больше солнца, чем за все детство и юность в Далер-Троте. А еще – морской воздух. Да, у этого места есть свои достоинства, немало достоинств. Иногда Феррас по-настоящему радовался тому, что живет здесь.

Солнце уже клонилось к закату. Вансен почти завершил проверку караулов Старой стены, останавливаясь у каждого поста, в том числе и у тех, где стояло по одному сонному солдату у единственной запертой двери. Опьяненный морским

воздухом и собственными мыслями, Вансен хотел обойти и куда более длинную Новую стену, но взглянул на залив и увидел паруса судна, только что прибывшего из Иеросоля. Значит, времени у него нет – до конца дня нужно переделать сотни дел: расселить гостей, обеспечить им охрану, а также присматривать за ними. Комендант крепости Авин Броун, конечно же, поручит эти заботы Вансену.

Корабль был четырехмачтовый – довольно крупное судно. Значит, посланника сопровождает солидная свита. Вансен мысленно выругался: из-за них придется пожертвовать несколькими днями приятного одиночества. Необходимо удерживать солдат и горожан подальше от чужеземцев – ведь король Олин находится в плену у повелителя Иеросоля Лудиса Дракавы, а значит, между иеросольцами и людьми Южного Предела возможны столкновения.

Выйдя из тесного караульного помещения неподалеку от Вест-Грин-стрит, он заметил стоявшую на стене фигуру в плаще с капюшоном. Судя по хрупкости телосложения, там либо женщина, либо подросток. На какой-то безумный миг Феррас представил, что это она – та, о ком он едва решался подумать. Неужели судьба привела ее сюда одну и теперь он может заговорить с ней? Вансен уже стал подбирать слова: осторожные, уважительные, искренние. Но через секунду вспомнил, что ее нет в замке. Она на холмах, охотится со всеми остальными.

Вихрь мыслей, словно пчелиный рой, пронесся в голове

Фер-раса. Ему почудилось, что человек в капюшоне услышал эти мысли, потому что он оглянулся, шагнул к лестнице и исчез из виду. Когда Вансен добежал наконец до ступенек, темная фигура уже слилась с другими прохожими в толчее узких улочек у стены.

«Похоже, не мне одному нравится вид с высоты», – подумал Вансен.

Сердце пронзила боль, и он не сразу осознал, что причина ее – одиночество.

– Ты слишком замкнулся в себе, Вансен, – как-то сказал ему Маррой. – Ты больше думаешь, чем говоришь. Но люди все равно знают, о чем ты думаешь. Им известно, что себя ты очень ценишь, а об остальных невысокого мнения. Старикам, Лейбрику и Саутстеду, это особенно не нравится.

– Я не люблю людей, которые... которые считают себя вправе иметь преимущества, – ответил ему Вансен. Он пытался точнее передать свои чувства, но с трудом подбирал подходящие слова. – Не люблю, когда с безразличным видом берут то, что дают боги.

– Тогда ты должен не любить большую часть человечества, – улыбнулся Маррой. Улыбка редко освещала его старое морщинистое лицо.

С тех пор Феррас Вансен часто спрашивал себя, не ошибался ли бывший капитан. Сам он любил Марроя чуть больше, чем боялся. Ему нравилась жесткая беспристрастность

этого человека, его терпеливость и редкие, неожиданные проблески горьковатого юмора. Донал Маррой оставался таким до самого конца. Даже когда мучительная болезнь победила его, он не жаловался и не сетовал на судьбу, а лишь сожалел, что не знал своей участи заранее и не успел задать хорошую трепку лживому и самонадеянному младшему брату жены.

– Я надеюсь, кто-то сделает это за меня, – говорил он. – Кто-то другой убедится в его неблагодарности и хорошенько отделает мерзавца.

Вансен поражался стойкости старика: он смеялся, несмотря на мучительный кашель с кровью, а его ввалившиеся глаза горели по-прежнему ярко, как у хищной птицы.

– Ты займешь мой пост, Вансен, – сказал умирающий капитан. – Я обсудил это с Броуном. У него нет серьезных возражений, хоть он и считает тебя чересчур молодым для такой должности. Разумеется, комендант прав, но у нас нет другого выхода. Я не доверяю этому ослу Дайеру – он пустозвон, а воины постарше слишком растолстели и обленились. Капитаном будешь ты. Действуй. Можешь, конечно, все испортить, если хочешь. Тогда они будут приносить цветы на мою могилу и грустить обо мне.

Он рассмеялся, и изо рта снова пошла кровавая пена.

– Спасибо, капитан, – ответил Феррас.

– Не за что, парень. Если у тебя все получится, заработаешь только на клочок земли, чтобы построить там дом, а в

конец жизни можешь получить достойное место на кладбище вместо ямы на пустыре. – Маррой крючковатыми пальцами стер кровь с подбородка. – Да, вспомнил. Не забудь им сказать, что для меня приготовлено место на кладбище стражников. Я вовсе не хочу лежать на восточных холмах. А еще меньше хочу, чтобы Михаэль Саутстед мочился на мою могилу. Так что ты уж приглядывай за ней...

Когда капитан умер, Феррас не плакал. Но теперь, когда он вспоминал старика, слезы порой сами наворачивались на глаза. Со временем он понял, что походка капитана напоминала ему походку отца. Правда, он не оплакивал и Падара Вансена. Уже много лет Феррас не посещал его могилу во дворе старенького храма в Малом Стелле. Но это неудивительно: сестры вышли замуж, обзавелись детьми и переселились в город, а отсюда до Далер-Трота было несколько дней пути. Вся жизнь Ферраса протекала здесь – в огромной и многолюдной крепости.

Он двинулся к западной башне у Вороновых ворот. Он собирался узнать у коменданта Броуна, какие будут распоряжения относительно прибывших южан. Стражники в караульном помещении разожгли жаркий огонь, и Вансен остановился согреть руки. Едва он вошел, разговоры моментально прекратились – так бывало всегда. Солдаты застыли в неловкой тишине – все, кроме караульного офицера Коллума Дайера, который был Феррасу почти другом. Вансен опасался,

что в один прекрасный день ему придется поставить Дайера на место, о чем часто говаривал Маррой. Сделать это необходимо – ведь сейчас Дайер не выказывал ни страха перед капитаном, ни уважения к нему. Но день, когда такое случится, станет последним днем их хрупкой дружбы.

– Осматривали посты, капитан? – спросил его Дайер.

Вансен обрадовался уже тому, что Коллум обращается к нему по званию в присутствии посторонних. Это все-таки знак уважения, не так ли?

– Врага еще не видать? – продолжал Дайер.

– Нет, слава Перину. – Вансен заставил себя улыбнуться. – Зато прибыл корабль из Иеросоля с воинами на борту, так что не стоит терять бдительность.

Он вышел из караульного помещения и направился вниз по лестнице, а потом по улочке, ведущей к Большому залу. Кабинет коменданта располагался в лабиринте коридоров позади Тронного зала. При виде молодого капитана стражники вытянулись в струнку. Вансен взглянул вверх – на высокое здание с массивным резным фасадом, выделявшееся среди башен холма Мидлан, как жемчужина в королевской короне, и почувствовал беспокойство. Словно что-то должно измениться. Словно из-за его собственной ошибки или по внезапной прихоти судьбы все это у него отнимут.

– Я счастливчик, – сказал он себе. – Небеса ко мне милостивее, чем я того заслуживаю. У меня есть все, что мне нужно. Или почти все. Это щедрые дары, нельзя желать больше.

го, нельзя гневить богов жадностью. Я счастливчик, я должен помнить об этом везде и всегда.

3. ЧИСТЫЙ ГОЛУБОЙ КВАРЦ

ПТИЦА-ЗАГАДКА

Клюв из серебра, кости из холодного железа,

Крылья из солнца на закате.

Когти хватают одну пустоту.

Из «Оракулов падающих костей»

Мальчик остановился, рассматривая устремленные ввысь башни замка. Три из них были видны в конце холмистой дороги, бегущей между полей к стенам города, что раскинулся на морском берегу. Далеко впереди, за насыпью на заливе, вздымался холм Мидлан, а над ним, как вонзившийся в небо темный коготь, возвышалась гора Волчий Клык.

– Что это такое? – спросил ребенок тихо, почти шепотом.

– Замок Южного Предела, – ответил ему Чет. – Там, где башни на скале в центре бухты. А перед ним – сам город. Да, это Южный Предел, а еще его зовут Пределом Теней. Или я уже тебе рассказывал? Его так называют, потому что он находится слишком близко к... – Чет вспомнил, откуда появился сам мальчик, и оборвал себя. – А еще его можно назвать маяком всех Пределов, если ты любишь поэзию.

Мальчик отрицательно покачал головой. То ли потому, что не любил поэзию, то ли по каким-то другим, не столь ясным причинам.

– Большой, – сказал он.

– Эй, давайте быстрее! – прикрикнула Опал, уже давно обогнавшая их.

– Она права. Нам еще далеко идти.

Мальчик колебался, и Чет положил руку ему на плечо. Ребенок сначала сопротивлялся, словно башни пугали его, но все-таки сдался.

– Там нет ничего страшного, малыш, – успокаивал его Чет, – до тех пор, пока мы с тобой. Так что лучше не отходи от нас.

Мальчик снова отрицательно покачал головой.

Когда они вошли в прибрежную часть города, широкая Маркет-роуд кишела народом. По большей части это были большие люди. Сначала Чет показалось, что толпа собралась поглазеть на пару фандерлингов и оборванного белокурого мальчишку при них, но потом он понял: люди смотрели на возвращение королевской охоты. Они уже начинали расходиться по домам, и разносчики сбрасывали цены на каштаны и поджаренные хлебцы, отчаянно пытаясь привлечь последних покупателей. Чет слышал разговоры о том, что охотники убили какое-то огромное существо. Добычу только что доставили в замок. Какая у этой твари чешуя! А какие зубищи! Это вам не еще один подстреленный олень... Люди выглядели немного подавленными, даже несчастными. Чет надеялся, что принцесса и ее угрюмый братец не пострадали. Он вспомнил добрые глаза Бриони. Но если бы с ней что-то

случилось, люди непременно говорили бы об этом.

Путь через город был довольно долгим, но все-таки фандерлинги успели добраться до берега. Очень скоро прилив превратит холм Мидлан в остров.

От берега к холму по насыпи шла широкая дорога, выложенная булыжником. Во время прилива она скрывалась под водой, но причалы у ворот замка были недостижимы для волн. Многие поколения рыбаков и торговцев выстроили здесь отдельный городок, напоминающий продуваемую всеми ветрами ярмарочную площадь на подступах к холму. Фандерлинг, его жена и мальчик брели по деревянным настилам, где громоздились прижатые друг к другу убогие домишки. Эти жилища нередко затопляло во время высоких приливов, вода подходила к ним слишком близко. Вокруг сустились нагруженные товаром разносчики и сновали повозки, спешили пересечь насыпь до наступления ночи.

В просвете между двумя ветхими строениями Чет увидел залив Бренна, а за ним – океан. Последние лучи солнца еще ярко освещали землю, но на горизонте уже собирались плотные темные облака. Чет вдруг с ужасом осознал: из-за придворных охотников и загадочного мальчишки у него совсем вылетело из головы то, что он видел сегодня.

«Граница Теней! Нужно сказать кому-нибудь, что она сдвинулась!»

Ему очень хотелось поверить в то, что королевская семья в замке уже обо всем знает. Что они тщательно обдумали со-

здавшуюся ситуацию и пришли к выводу: это ничем не грозит, нет ничего дурного. Но Чет никак не мог уговорить себя и успокоиться.

«Нужно кому-то сообщить», – думал он.

Ему было страшно идти в замок, хотя он бывал там раньше – работал вместе с другими фандерлингами. Пару раз он даже руководил работниками. Тогда он имел дело непосредственно с господином Найнором, смотрителем замка, или с его помощником. Однако отправляться в замок по собственному желанию, словно он важное лицо...

И все-таки, если большие люди ничего не знают, кто-то должен им сказать. Не исключено, что за сообщение полагается плата. Может быть, хватит и на новую шаль для Опал, и на что-нибудь еще. Ну, хотя бы на пропитание для этого юного существа, которое они привели с собой.

Чет посмотрел на мальчика и с ужасом подумал: а вдруг Опал пожелает оставить ребенка при себе? Бездетная женщина так же непредсказуема, как незакрепленный стык между плитами песчаника.

«Давай-ка обдумаем все по порядку», – сказал себе Чет.

Он посмотрел на облака, летящие из-за океана. На фоне их бескрайней черноты башни вдруг показались ему хрупкими и изяшными, как прекрасные женщины. Да, без сомнений, необходимо доложить людям короля о Границе Теней.

«Если я расскажу обо всем в гильдии, то начнутся споры на несколько дней, а потом назначат посланцев – либо Син-

набара, либо толстого молодого Пирита. И тогда не видать нам награды. Надо идти самому. Даже если мне лишь почувдились перемены на Границе – ничего страшного. Не накажут же меня», – думал он.

Ему снова вспомнились молодая принцесса и ее брат. Чет и сам не знал, почему не может забыть испуганный взгляд девушки, когда она едва не задавила фандерлинга, и лицо принца – измученное и бесстрастное, словно небо над холмом. Чет ощущал какое-то теплое чувство в сердце. Может быть, это преданность? Какой бы нелепой она ни казалась.

«Они должны узнать», – решил фандерлинг.

И вдруг мысль о том, что движется сюда с той стороны Границы Теней, вытеснила из его головы отвлеченные идеи вроде надежд на милость королевской семьи. Есть другой способ сообщить эту новость – именно им Чет и воспользуется.

«Все должны узнать».

Лошадь Кендрика погибла, и трое слуг должны были похоронить ее на склоне, где происходила схватка с виверной. Сам принц почти не пострадал, получив несколько синяков и ожоги от ядовитой слюны чудовища. Он один из всей компании охотников, казалось, пребывал в хорошем настроении на обратном пути в замок.

Тело виверны, скрученное огромными кольцами, везли на открытой повозке, чтобы простой люд мог на нее по-

дивиться. Маркет-роуд заполнили сотни людей, желавших увидеть принца-регента и придворных. Разносчики товаров, акробаты, музыканты и карманные воришки – все надеялись что-нибудь подзаработать на этом неожиданном гулянье. Но Бриони заметила, что большинство людей выглядели мрачными и озабоченными, Торговля шла вяло, народ молча смотрел на аристократов голодными глазами, и очень немногие приветствовали королевскую семью – да и то лишь из уважения к отсутствующему королю Олину. Окровавленный Кендрик (он тщательно вымылся, потер кожу жесткой тканью и листьями, снимающими раздражение, но темно-красные пятна не исчезли) испытывал нестерпимую боль от попавшей на кожу слюны виверны, однако старательно улыбался собравшимся на Маркет-роуд горожанам, показывая тем самым, что это не его кровь.

Бриони тоже чувствовала на коже какое-то мерзкое едкое вещество, от которого не удавалось избавиться. Баррик переживал оттого, что во время охоты не сумел поднять копье, и за всю дорогу не произнес ни слова. Граф Тайн и его окружение перешептывались: разумеется, они осуждали чужеземца Шасо, убившего виверну из лука и лишившего их удовольствия поохотиться по правилам. Тайн Олдрич был из тех аристократов, что считали лук оружием для крестьян или браконьеров. По их мнению, лучники способны на одно: красть военную славу конных рыцарей. Тайн и его единомышленники шептались и не выражали своего недовольства

вслух только потому, что главный оружейник спас жизнь молодому принцу и принцессе.

Несколько собак (и среди них милый Дадю, который в первые месяцы своей жизни спал в кровати Бриони) лежали мертвыми на склоне холма, рядом с лошадью Кендрика. Их всех похоронят в одной яме.

«И зачем мы устроили эту охоту?» – спрашивала себя Бриони.

Она глядела на пелену облаков, заволакивавших небо на северо-востоке. Их силуэты походили на предвестников несчастья – вороново крыло или тень совы. Нужно поскорее добраться до дома, зажечь свечу на алтаре Зории и попросить богиню-девственницу ниспослать Эддонам свое благословение.

«Надо было сразу выслать лучников и прикончить виверну стрелами. Тогда Дадю остался бы жив. И Баррику не пришлось бы сейчас прикладывать героические усилия, чтобы удержаться от слез», – думала принцесса.

– Почему ты такая мрачная, сестренка? Прекрасный день, лето еще не ушло, – сказал Кендрик. Он рассмеялся: – Посмотри, что стало с моей одеждой! Это была лучшая куртка для верховой езды. Мероланна убьет меня.

Бриони удалось выдать слабое подобие улыбки. Она представляла себе, что скажет их тетушка – о куртке и не только о ней. Мероланна была остра на язык, и все в замке – за исключением, пожалуй, Шасо – боялись ее как огня.

Да и Шасо, скорее всего, просто лучше других скрывал свой страх.

– Я... сама не знаю... – Бриони оглянулась, желая убедиться, что Баррик следует за ними, в нескольких шагах позади. – Я беспокоюсь за Баррика. В последнее время он такой сердитый. А после сегодняшнего случая помрачнеет еще больше.

Кендрик почесал голову, еще сильнее размазав по ней кровь.

– Ему нужно стать сильнее, сестренка, – ответил он. – Люди теряют руки и ноги, но продолжают жить и благодарят богов за то, что не произошло худшего. Очень плохо, что он постоянно думает о своем увечье. К тому же он проводит слишком много времени с Шасо – с самым непреклонным и безжалостным человеком во всех Пределах.

Бриони с ним не согласилась: Кендрик никогда не понимал Баррика, что не мешало принцу любить младшего брата. Не понимал он и Шасо. Хотя, конечно, никто не стал бы отрицать, что главный оружейник – очень жесткий и упрямый человек.

– Все не так просто... – начала принцесса.

Ее прервал Гейлон Толли. Тот уже побывал в замке и теперь ехал им навстречу в окружении своей обычной свиты – саммерфильдцев в зеленых мундирах, расшитых золотом и сиявших ярче закатного солнца.

– Ваше высочество! С юга прибыл корабль!

У Бриони сжалось сердце.

– О, Кендрик, вдруг мы узнаем что-нибудь об отце! – воскликнула она.

Герцог снисходительно посмотрел на нее.

– Это галеон «Поденсис» из Иеросоля, – доложил Гейлон принцу-регенту. – На нем посланник Лудиса с новостями о короле Олине.

– При чем здесь цвет кожи Шасо? – раздраженно поинтересовался Кендрик.

– Я говорю про посла, ваше высочество. Посла из Иеросоля. Кендрик нахмурился.

– Это очень странно.

– Все это очень странно, – согласился Гейлон. – Но мне сказали именно так.

Рассматривая замок, безымянный мальчик казался встревоженным, однако ворота Василиска в массивной внешней стене вызвали у него настоящий ужас. Чет бессчетное количество раз проходил мимо этих ворот, но теперь он попытался посмотреть на них глазами чужака. На облицованной гранитом стене, в четыре раза превышавшей рост человека (тем более – рост Чета), было высечено страшилище вроде свирепой рептилии. Переплетенные кольцами щупальца спускались по обеим сторонам ворот, а голова нависала над огромными дубовыми створками, обитыми железом. Широко раскрытые глаза и зубастая пасть были покрыты тонкими пла-

стинами из драгоценных камней и слоновой кости, края чешуек сверкали позолотой. И фандерлинги, и другие жители города знали, что эти ворота появились задолго до того, как здесь поселились люди.

– Это чудовище не живое, – тихонько сказал мальчику Чет. – Оно не настоящее, его вырезали из камня.

Тот обернулся, и в его глазах Чет увидел нечто более глубокое и странное, чем обычный страх.

– Мне... совсем не нравится смотреть на него, – сказал ребенок.

– Закрой глаза, когда мы будем проходить под воротами. Иначе нам домой не попасть. А еда у нас дома.

Мальчик моргнул светлыми ресницами, еще раз пристально посмотрел на мрачного змея над головой и плотно зажмурил глаза.

– Эй, вы, пошевеливайтесь! – прикрикнула на них Опал. – Скоро стемнеет.

Чет взял мальчика за руку и провел его через ворота, чем вызвал любопытство и удивление у стражников в черных плащах и высоких шлемах с хохолками: солдатам никогда прежде не приходилось видеть фандерлинга, держащего за руку человеческого ребенка. Впрочем, удивление стражников с гербом Эддонов на груди (серебряный волк и звезды) было не настолько сильным, чтобы им захотелось подняться, взять в руки алебарды и покинуть свое уютное место, прогреваемое теплыми лучами солнца.

Когда принцесса и придворные добрались до королевских покоев, фандерлинги и их подопечный вошли под сводчатую галерею на Маркет-сквер. Они оказались перед храмом Тригона. Теперь Чету была видна вся дорога к Новой стене – за ней располагалась главная часть замка. Множество огней мерцали там, словно светлячки в теплую летнюю ночь. Вороньих ворот внутреннего двора были распахнуты настежь. Десятки слуг с факелами выходили из резиденции навстречу охотникам, принимали у них лошадей и оружие, провожали вельмож в покои где их ждали горячая еда и теплая постель.

– А кто здесь правит? – спросил мальчик.

Очень странный вопрос. Чет не знал, как на него отвечать.

– Кто правит в этой стране? – уточнил он. – Ты имеешь в виду, как зовут правителя? Или кто правит на самом деле?

Мальчик нахмурился, не понимая слов фандерлинга.

– Кто правит в этом большом доме? – переспросил он. Тоже странный для ребенка вопрос. Но Чет сегодня слышал и не такое.

– Король Олин, – ответил он. – Но его сейчас нет в замке. Он в плену, на юге.

Прошло уже почти полгода с тех пор, как король Олин отправился в поход, чтобы убедить мелкие княжества и королевства в центре Зона объединиться в союз против Ксиса. Он намеревался противопоставить этот союз возрастающей угрозе со стороны автарка – короля-бога, желавшего расши-

рить свою империю на южном континенте Ксанд за счет прибрежных земель Эона. Однако из-за предательства Геспера (короля Джеллона, вечного соперника Олина) правитель Пределов попал прямо в лапы авантюриста Лудиса Дракавы – протектора Иеросоля нового хозяина древнего города. Чет не очень-то разбирался во всей этой истории и не пытался объяснять ее маленькому голодному ребенку. Он только сказал:

– Старший сын короля Кендрик – принц-регент. То есть он управляет королевством, пока его отец отсутствует. У короля есть еще двое детей помладше: сын и дочь.

Глаза мальчика оживились.

– Мероланна? – спросил он.

Чет посмотрел на ребенка с таким изумлением, словно тот его ударил.

– Мероланна? Ты слышал о герцогине? Значит, твой дом где-то поблизости. Откуда ты, дитя? Ты можешь вспомнить? – Но белокурый мальчик лишь молча посмотрел на него. – Да, есть здесь Мероланна, но это тетя короля. Младшего брата и младшую сестру Кендрика зовут Баррик и Бриони. Ах да, жена короля ждет ребенка.

Чет машинально сотворил знак «каменной кровати». Фандерлинги считали, что он помогает благополучному разрешению от бремени.

Непонятный огонь в глазах ребенка погас.

– Мальчик слышал о герцогине Мероланне, – сообщил

Чет жене. – Значит, он живет где-то недалеко.

Опал покосилась на ребенка и ответила:

– Он еще много вспомнит, если поест и поспит. Или мы так и будем всю ночь стоять посреди улицы и рассуждать о вещах, о которых ты не имеешь ни малейшего представления?

Чет вздохнул, но не стал спорить и повел мальчика дальше. Из замка выходило множество людей – больше, чем входило туда. Те, кто жил в городе, на берегу, спешили домой после работы. Чет и Опал пробивались сквозь встречную толпу, где были в основном большие люди. Опал шла впереди. Они удалялись от Маркет-сквер – по гулким крытым переходам в сторону тихих, несколько мрачноватых улочек за лагуной Скиммеров, к одному из двух больших доков. Деревянные сваи на причалах скиммеры вырезали в виде животных и людей в таких замысловатых позах, что трудно было разобрать изображения. В свете уходящего дня краски поблекли, и Чет показалось, что фигурки сейчас напоминают заморских божков: они пытаются разглядеть вдали очертания родной земли. Со стороны этих свай доносились громкие стоны: скиммеры-рыбаки, разгружавшие улов у причала, завели заунывную (а по мнению Чета, вовсе лишенную благозвучия) песню, от звуков которой дрожал воздух лагуны.

– Неужели этим людям не холодно? – спросил мальчик. Солнце уже скрылось за холмами, и холодный ветер усиливался, разбивая об опоры пенистые волны.

– Это скиммеры, – объяснил Чет. – Им не бывает холодно.

– А почему?

Чет пожал плечами.

– Ну, например, фандерлинг может поднять вещь с земли быстрее, чем большой человек. Потому что мы маленькие. А у скиммеров толстая кожа. Так пожелали боги.

– У них странный вид.

– По-моему, они вообще странные. Они всегда держатся вместе. Некоторые из них, как мне говорили, никогда не отходят от лодок дальше конца причала. А еще у них перепончатые ступни, как у уток, – пленки между пальцами. Впрочем, они не самый странный народ. Есть еще чуднее, но по внешнему виду и не скажешь. – Чет улыбнулся. – А у твоего народа есть что-нибудь подобное?

Мальчик посмотрел на него. Взгляд ребенка был отсутствующим и одновременно беспокойным.

Они быстро миновали лагуну, прошли темными переулками и оказались на тесных улочках больших людей, что работали на берегу или промышляли в море. Быстро темнело, улочки освещались лишь огнями факелов на перекрестках да слабым светом из окон, еще не закрытых ставнями. То тут, то там вспыхивали фонари, которые слуги несли перед возвращавшимися домой хозяевами. Большим людям нравилось возводить свои жалкие домишки один над другим. Лестницы и переходы, пристроенные к фасадам, придавали домам вид ежей, утыканных колючками. Эти нагроможде-

ния почти полностью перекрывали узенькие улочки. Стояла жуткая вонь.

«Главное, что все это стоит на твердой основе, – невольно подумал Чет. – Под уродливыми домами – крепкий здоровый камень, живой камень холма. Как было бы хорошо разрушить до основания отвратительные деревьяшки! Мы, фандерлинги, привели бы это место в подобающий вид в мгновение ока. И оно стало бы таким, как раньше...»

Он отогнал эту странную мысль. Где бы тогда поселились большие люди? Куда им деваться?

Чет и Опал вместе с мальчиком спустились на узкую дорогу Каменотесов и прошли через арочные ворота в основании Новой стены в каменные глубины Города фандерлингов.

На этот раз Чет не удивился, когда ребенок остановился в благоговейном трепете. Даже большие люди – а ведь они недолюбливали маленький народец и не доверяли ему – не могли отрицать, что свод Города фандерлингов являет собой настоящее чудо. В сотне локтей над главной площадью, над освещенными улицами, протянувшимися внутри холма, из темного камня были высечены деревья, в мельчайших деталях похожие на настоящие. Там, где каменный свод достигал поверхности земли, промежутки между ветками были прорезаны насквозь, и сквозь них можно было разглядеть небо, а ночью (как сейчас) – увидеть и мерцающие звезды. Каждую веточку, каждый листик изобразили необыкновенно тщательно. Многие века упорного труда стояли за этим

образцом мастерства – одним из главных чудес севера. Птички с оперением из перламутра казались живыми, словно вот-вот запоют. Растения из малахита обвивали опоры-стволы, а на ветвях пониже на очень тонких каменных черенках висели плоды из драгоценных камней.

Мальчик что-то прошептал, но Чет не расслышал.

– Очень красиво, – сказал фандерлинг. – Ты сможешь рассмотреть все завтра, а сейчас давай догоним Опал, не то она очень рассердится.

Они поспешили за женщиной по узкой симпатичной улочке. Все дома здесь были вырублены из камня, и за простыми фасадами скрывались великолепные внутренние помещения – результат труда целых поколений. На каждом повороте или перекрестке светились масляные фонари, закрытые тончайшими колпаками из прозрачного камня в форме пузырей. Фонари светили неярко, но их было так много, что улицы Города фандерлингов ночью выглядели так, будто вот-вот взойдет солнце.

Хотя Чет имел некоторое влияние в обществе, жил он в самом конце Уэдж-роуд, в скромном доме с четырьмя комнатами без особых украшений. Он вспомнил родовое поместье семьи Голубого Кварца, и на миг ему стало стыдно: там, в поместье, огромный главный зал был отделан причудливой каменной резьбой, изображающей сцены из истории фандерлингов. Опал никогда не попрекала Чета скромностью жилища, хотя ее сестры обитали в богатых домах. Чет очень хо-

тел дать жене то, чего она заслуживала, но оставаться более в родовом доме брата Нодула – магистра Голубого Кварца, так брат теперь себя называл, – он не мог, как не мог допрыгнуть до луны. У Нодула росли трое взрослых сыновей, и у Чета не было никаких шансов унаследовать дом.

– Я здесь счастлива, старый дурачок, – негромко сказала Опал. Она заметила, как Чет смотрит на дом, и догадалась, о чем он думает. – Во всяком случае, буду счастлива, если ты сейчас же уберешь инструменты со стола, чтобы мы могли поесть как приличные люди.

– Заходи, приятель, и помоги мне, – обратился Чет к маленькому незнакомцу.

Он старался говорить громко и весело, чтобы сдержать неожиданно заполнившую сердце горячую любовь к жене.

Ведь Опал – как камнепад. Если не принять во внимание ее первое спокойное замечание, потом придется горько раскаяться.

Глядя, как мальчик протирает неровную поверхность стола – вернее, как он возит по столу тряпкой, – Чет поинтересовался:

– Ты не вспомнил, как тебя зовут? Мальчик отрицательно покачал головой.

– Тогда придется нам придумать тебе имя. – Чет повернулся к Опал, которая мешала суп в котелке на огне. – Может, Камешек? Давай назовем его Камешек...

Это было обычное имя для четвертого или пятого ребен-

ка, чьи шансы унаследовать титул невелики, и потому не важно, как его называть.

– Не мели чепухи. У него будет настоящее имя для члена семьи Голубого Кварца, – возразила Опал. – Мы назовем его Кремень. Твой брат не сможет не признать этого имени.

Чет невольно улыбнулся. Ему совсем не понравилась идея назвать мальчика так, словно они его усыновили и сделали своим наследником. Но потом он представил, как его тщеславный братец изумится тому, что Чет и Опал усыновили ребенка больших людей и дали ему имя скупого дядюшки Кремня, то почувствовал удовлетворение.

– Пусть будет Кремень, – сказал он, теребя белокурые волосы малыша. – По крайней мере, пока он живет с нами. Чет взял мальчика за руку и провел его через ворота, чем вызвал любопытство и удивление у стражников в черных плащах и высоких шлемах с хохолками: солдатам никогда прежде не приходилось видеть фандерлинга, держащего за руку человеческого ребенка. Впрочем, удивление стражников с гербом Эддонов на груди (серебряный волк и звезды) было не настолько сильным, чтобы им захотелось подняться, взять в руки алебарды и покинуть свое уютное место, прогреваемое теплыми лучами солнца.

Когда принцесса и придворные добрались до королевских покоев, фандерлинги и их подопечный вошли под сводчатую галерею на Маркет-сквер. Они оказались перед храмом Три-

гона. Теперь Чету была видна вся дорога к Новой стене – за ней располагалась главная часть замка. Множество огней мерцали там, словно светлячки в теплую летнюю ночь. Вороньих ворот внутреннего двора были распахнуты настежь. Десятки слуг с факелами выходили из резиденции навстречу охотникам, принимали у них лошадей и оружие, провожали вельмож в покои, где их ждали горячая еда и теплая постель.

– А кто здесь правит? – спросил мальчик. Очень странный вопрос. Чет не знал, как на него отвечать.

– Кто правит в этой стране? – уточнил он. – Ты имеешь в виду, как зовут правителя? Или кто правит на самом деле?

Мальчик нахмурился, не понимая слов фандерлинга.

– Кто правит в этом большом доме? – переспросил он. Тоже странный для ребенка вопрос. Но Чет сегодня слышал и не такое.

– Король Олин, – ответил он. – Но его сейчас нет в замке. Он в плену, на юге.

Прошло уже почти полгода с тех пор, как король Олин отправился в поход, чтобы убедить мелкие княжества и королевства в центре Эона объединиться в союз против Ксиса. Он намеревался противопоставить этот союз возрастающей угрозе со стороны автарка – короля-бога, желавшего расширить свою империю на южном континенте Ксанд за счет прибрежных земель.

Волны разбивались о причал. Несколько морских птиц вя-

ло дрались за добычу. С одной из пришвартованных барж доносилось заунывное пение – старинная песня о лунном свете в открытом океане. В лагуне Скиммеров стояла тишина.

Со стены слышались крики дозорных, возвещавших наступление полуночи. Их голоса далеко разносились над водой.

Когда переключка закончилась, в конце причала загорелся свет. Он вспыхнул, погас, снова зажегся... свет фонаря, направленного в сторону волн. Кажется, ни в замке, ни на стене его не заметили.

Но это не значит, что света никто не увидел. Небольшой черный ялик бесшумно, почти незаметно пересек лагуну и пришвартовался в конце причала. Человек с фонарем, одетый в темный просторный плащ (он ждал на продуваемом ветром причале не меньше часа), наклонился над лодкой и прошептал что-то на языке, мало кому известном и в Южном Пределе, и на севере вообще. Из лодки ответили на том же языке и так же тихо, а потом передали ожидавшему небольшой предмет, сразу же исчезнувший в кармане темного плаща.

Не говоря больше ни слова, лодочник развернул ялик и исчез в тумане, опускавшемся на темную лагуну.

Человек на причале погасил фонарь и направился к замку. Он двигался осторожно, стараясь держаться в тени, словно нес нечто очень ценное или очень опасное.

4. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ЛАМПА

Пламя – ее пальцы.

*Бездна – ее глаза, словно песнь сверчка под
дождем.*

Все может быть предсказано.

Из «Оракулов падающих костей»

Пазл печально смотрел на голубя, которого только что достал из рукава. Голова голубя странно свешивалась набок; похоже, птица была мертва.

– Простите, ваше высочество, – произнес шут, и его худое лицо жалобно сморщилось, отчего стало похожим на мятый носовой платок. Несколько человек в дальнем конце Тронного зала злобно захихикали. Одна из дам издала негромкий взволнованный вздох – пожалела бедного голубя. – Раньше этот фокус прекрасно у меня получался. Возможно, нужна другая птичка, не такая хрупкая...

Баррик закатил глаза и фыркнул, но старший принц повел себя более дипломатично – ведь Пазл был давним любимцем их отца.

– Просто несчастный случай, мой добрый Пазл, – сказал Кендрик. – Ты, безусловно, сумеешь это сделать, если немно-

го потренируешься.

– Ну, угробишь еще дюжину птиц, – шепотом добавил Баррик.

Его сестра нахмурилась.

– Но я хотел отплатить вашему высочеству за прекрасно проведенный день, – ответил старик и сунул мертвую птицу за пазуху клетчатого наряда.

– Теперь мы знаем, что у него на ужин, – шепнул Баррик Бриони, но та шикнула на него.

– Я попробую развлечь вас другими забавами, – предложил Пазл, бросив обиженный взгляд на переговаривавшихся близнецов. – Может, показать что-нибудь из моих старых трюков? Я давно не жонглировал горящими факелами. С тех самых пор, как случилась неприятная история с сианским гобеленом. Но теперь я использую меньше факелов, и фокус больше не опасен.

– Не стоит, – негромко возразил Кендрик. – Ты уже достаточно поработал, а нас ожидают важные дела.

Пазл печально кивнул, поклонился и отошел в дальнюю часть зала. Он так осторожно переставлял длинные ноги, словно ему следовало тренировать именно это умение, а не фокус с голубями. Баррик отметил про себя, что Пазл напоминает кузнечика в шутовском наряде. Придворные исподтишка хихикали и перешептывались, глядя ему вслед.

«Все мы здесь шуты, – подумал Баррик. К нему вернулось мрачное настроение, слегка развешанное неудачным

представлением Пазла. – Многие – еще почище старика».

В зале были настежь распахнуты окна, но запах человеческих тел вперемешку с благовониями и пылью все равно казался удушающим: слишком много людей собралось здесь. Баррику было тяжело подолгу высиживать на жестких стульях в Тронном зале даже в лучшие времена. Он повернулся к брату. Старший принц беседовал с Найнором, смотрителем замка. Кендрик, видимо, отпустил какую-то шутку, потому что Саммерфильд и остальные расхохотались, а старый Найнор покраснел и замолк.

«Кендрик притворяется, будто он король, – думал Баррик. – Впрочем, и отец притворялся, ведь он ненавидит все это».

Король Олин действительно не любил ни самодовольного Гейлона из Саммерфильда, ни его шумного и толстого отца, старого герцога.

«Может быть, отец позволил пленить себя, чтобы только не видеть всего этого?» Баррик не успел осознать эту неожиданную мысль, потому что Бриони толкнула его локтем в бок.

– Прекрати! – раздраженно бросил он сестре. Бриони постоянно старалась развеселить его и вывести из мрачной задумчивости. Как же она не видит, что все они в беле – не только семья, но и все королевство? Неужели только он один понимает, насколько плохи дела?

– Нас зовет Кендрик, – ответила Бриони.

Баррику пришлось подойти к старшему брату. Настоящий трон – Кресло Волка – после отъезда короля Олина накрыли бархатом, а то кресло, в котором сидел Кендрик, раньше стояло во главе обеденного стола. Близнецы протиснулись сквозь толпу, стараясь не задеть придворных, что сгрудились возле принца-регента. Баррика беспокоила покалеченная рука, ему хотелось вернуться на холмы и скакать там в одиночестве, без людей. Он ненавидел их, все были ему противны... кроме, конечно, брата и сестры... И возможно, Чавена.

– Лорд Найнор утверждает, что посол Иеросоля не явится сюда до полудня, – сообщил Кендрик, когда близнецы подошли.

– Он сказал, что плохо себя чувствует после длительного морского путешествия, – пояснил Найнор.

Старый смотритель выглядел обеспокоенным. Впрочем, так он выглядел всегда. Кончик его бороды вечно был изжеван, и эта привычка казалась Баррику особенно отвратительной.

– Однако один из слуг донес мне, – продолжил смотритель, – что видел сегодня утром, как посол разговаривал с Шасо. Они о чем-то спорили. Если, конечно, слуге можно верить.

– Весьма неприятное известие, ваше высочество, – заметил герцог Саммерфильдский. Кендрик вздохнул.

– Они оба с юга, из одних мест, если судить по цвету ко-

жи, – ровным тоном сказал он. – Здесь, на севере, Шасо редко доводится видеть земляков. У них есть о чем поговорить.

– И поспорить, ваше высочество? – спросил Саммерфильд.

– Тот человек – тюремщик нашего отца, – напомнил Кендрик. – Этого достаточно, чтобы Шасо начал с ним спорить, не так ли? – Он повернулся к близнецам: – Я знаю, вам здесь скучно, поэтому отпускаю вас. Когда посол удостоит нас своим присутствием, я вас позову.

Кендрик говорил непринужденным тоном, но Баррик видел: это дается ему нелегко.

«У старшего брата, – подумал он, – развивается королевская нетерпимость».

– Да, ваше высочество, я чуть не забыл. – Найнор щелкнул пальцами, и слуга тут же поднес ему кожаный мешочек. – Посол передал мне письма, которые он привез от вашего отца и от так называемого лорда-протектора.

– Письмо от отца? – Бриони захлопала в ладоши. – Прочти его вслух!

Кендрик уже вскрыл красную восковую печать с изображением эддонского волка и полукруга звезд и пробежал письмо глазами. Он покачал головой.

– Позднее, Бриони.

– Но, Кендрик!.. – В голосе девушки звучала неподдельная тревога.

– Довольно.

Старший брат выглядел растерянным, но спорить с ним было бесполезно. Баррик почувствовал, как напряглась за- тихшая Бриони.

– Что это за шум? – спросил через минуту Гейлон Толли, оглядывая покои.

Что-то происходило в другом конце Тронного зала: там началась суета среди придворных.

– Посмотри, – шепнула Бриони брату, – это служанка Аниссы.

Да это была именно она. До родов королевы оставалось совсем мало времени, и мачеха близнецов редко покидала свои покои в башне Весны. Селия, ее служанка, стала по- сланницей Аниссы, ее ушами и глазами. Когда Селия подо- шла ближе, даже Баррик не мог не отметить, что эти глаза весьма привлекательны.

– Только погляди, как она ходит. – Бриони не скрывала своего отвращения. – Будто сзади у нее сыпь и ей хочется почесаться обо что-нибудь.

– Прошу тебя, Бриони, – остановил ее принц-регент. Столь грубым замечанием Бриони смутила герцога Саммер- фильдского, но самого Кендрика эти слова позабавили. Он отвлекся от письма и с интересом, как и все остальные, на- блюдал за приближавшейся служанкой.

Селия была очень юной, но вполне сформировавшейся девушкой. Она уложила черные волосы в высокую прическу, как это делали женщины Девониса, откуда были родом и Се-

лия, и ее хозяйка. Девушка не поднимала длинных ресниц, но все равно очень мало походила на скромную крестьянскую девушку. Баррик смотрел на нее с болезненной жадностью. Но Селия видела только принца-регента.

«Естественно, – подумал Баррик. – С чего бы ей быть не такой, как все?»

– Если позволите, ваше высочество. – Селия прожила в Пределе лишь несколько месяцев и говорила с сильным акцентом. – Моя госпожа, ваша мачеха, передает вам наилучшие пожелания и просит послать к ней врача.

– Она снова плохо себя чувствует? – с тревогой спросил принц.

Кендрик был по-настоящему добрым, и, хотя вторая жена отца никому не нравилась, Баррик не сомневался: брат искренне волнуется о ее здоровье.

– Небольшое недомогание, ваше высочество. – Конечно, мы сейчас же найдем врача. Вас не затруднит отнести ему записку?

– Я пока не очень хорошо знаю замок, – ответила Селия, и на ее лице появился очаровательный румянец.

Бриони раздраженно фыркнула, но Баррик вызвался помочь:

– Я сам отведу ее, Кендрик.

– Думаю, для бедной девушки это будет слишком обременительно, – громко заявила Бриони. – До покоев Чавена далеко, так что пусть она возвращается к больной, а мы с Бар-

риком передадим записку.

Баррик злобно посмотрел на сестру и на миг пожалел о том, что внес ее в список людей, к которым не испытывает антипатии.

– Я могу сделать это один, – возразил он.

– Отправляйтесь оба и спорьте в другом месте, – распорядился Кендрик и жестом отпустил их. – Мне необходимо дочитать письма. Передайте Чавену, чтобы он сразу же шел к королеве. А вы свободны до полудня.

«Только послушайте его, – подумал Баррик. – Он и вправду возомнил себя королем».

Даже компания милой Селии не могла развеять мрачного настроения Баррика, хотя он постарался прикрыть плащом покалеченную руку и повернуться к девушке другим боком. Они прошли Тронный зал и оказались на залитой осенним светом улице. На ступенях перед мрачной замковой площадью к ним присоединились четыре стражника, на ходу дожевывая неоконченный завтрак. Баррик поймал взгляд Селии, и она смущенно улыбнулась принцу. Он едва удержался, чтобы не оглянуться – нет ли за спиной кого-то другого, кому предназначалась эта улыбка.

– Спасибо, принц Баррик, вы очень добры, – сказала Селия.

– Да, – ответила за принца сестра, – он очень добрый.

– И принцесса Бриони тоже. Вы оба удивительно добры. Улыбка девушки стала чуть-чуть более напряженной, но да-

же если Селия и уловила раздражение в голосе Бриони, она никак этого не показала.

Они миновали Вороновы ворота, ответили на приветствие стражников, и Селия остановилась.

– Отсюда я могу свернуть в покои королевы. Вы уверены, что я вам не нужна?

– Да, – за себя и за брата заверила ее Бриони. – Абсолютно уверены.

Девушка еще раз наклонила головку и направилась к башне Весны, что находилась в стене внешнего двора. Баррик провожал ее взглядом.

– Ах! – вдруг вскрикнул он и повернулся к сестре. – Не толкайся!

– У тебя сейчас глаза вывалятся, – ответила Бриони и ускорила шаг.

Она свернула на длинную улицу, тянущуюся вдоль стены двора. Люди почтительно уступали дорогу королевским детям, но вокруг царили толкотня и шум, и многие прохожие их просто не замечали. Или делали вид, что не замечают. Этикет при дворе короля Олина был не таким строгим, как у его покойного отца, и горожане привыкли видеть юных принцев разгуливающими без свиты, в сопровождении лишь нескольких стражников.

– Ты разговариваешь слишком грубо, – упрекнул ее Баррик. – Ведешь себя как простолюдинка.

– Кстати о простолюдинках, – перебила его Бриони. – Все вы, мужчины, одинаковы. Едва увидите девицу, хлопающую глазами и вертящую бедрами, как у вас сразу текут слюни.

– Некоторым девушкам нравится, когда мужчины смотрят на них.

Гнев Баррика перерос в безнадежное отчаяние. О чем тут говорить? Разве найдется женщина, способная полюбить человека с его бедами... с его покалеченной рукой и с его... странностями? Конечно, он легко найдет себе жену, и она будет обожать его – он ведь принц. Но это лишь вежливый обман. «И я никогда не узнаю, – сокрушался он, – по крайней мере пока принадлежу к этой семье, что люди думают на самом деле о принце-калеке. Никто не решится открыто насмеяться над королевским сыном».

– «Некоторые девушки любят, когда на них смотрят мужчины». Так ты сказал? А откуда тебе это известно? – Бриони отвернулась, а это значило, что она очень сердится. – Иногда мужчины просто отвратительны, и у них такой мерзкий взгляд.

– Для тебя все мужчины мерзкие, – ответил Баррик. Он прекрасно понимал, что ему лучше остановиться, но был крайне зол и несчастен. – Ты ненавидишь их. Отец говорил, что не может представить себе человека, за которого ты согласилась бы выйти замуж и который смирился бы с твоей бессердечностью и твоими мужскими повадками.

Бриони громко вздохнула, и наступила мертвая тишина.

Теперь девушка вообще не хотела разговаривать с братом. Баррик ощутил острый укол совести, но решил, что Бриони сама виновата. К тому же это правда: Бриони ко всем придворным дамам относится презрительно, а к мужчинам – и того хуже.

Сестра молчала еще шагов пятьдесят, и Баррик забеспокоился. Близнецы были очень близки, и, несмотря на природную вспыльчивость, обидеть друг друга для них означало обидеть себя. Словесные бои часто переходили в потасовки, но потом брат с сестрой обнимались, не дожидаясь, пока раны затянутся сами.

– Извини, – буркнул принц. В его интонации пока не чувствовалось раскаяния. – Зачем тебе брать в голову, что думают Саммерфильд, Блушо и другие придурки? Они ничтожные людишки, лгуны и хвастуны. Начнется война с автарком, и все они сгорят, как прошлогодняя трава на поле.

– Какие страшные вещи ты говоришь! – бросила в ответ Бриони. На ее бледных щеках появился румянец.

– Ну и что? Мне на них наплевать, – запальчиво отозвался Баррик. – По правде говоря, я зря повторил слова отца. Он сказал это в шутку.

– А мне не до шуток!

Бриони еще сердилась, но принцу было ясно, что гроза миновала.

– Баррик, – вдруг сказала девушка, – ты еще увидишь, как за тобой будут бегать толпы женщин. Ты принц, и даже неза-

конно рожденный от тебя ребенок стал бы для них великим счастьем. Ты понятия не имеешь, что собой представляют девушки, о чем они думают, на что способны...

Баррика удивила пугающая искренность Бриони. Значит, она хочет защитить его от коварных женщин! С одной стороны, это его огорчило, а с другой – позабавило.

«Она, кажется, даже не замечает, – подумал он, – что у прекрасного пола пока нет никаких проблем со мной».

Они уже подошли к невысокому холму, где располагалась обсерватория Чавена. Подножие холма находилось у Новой стены, а вершина возвышалась над всеми постройками, кроме четырех главных башен, самой высокой из которых была башня Волчий Клык. Близнецы взбирались вверх по ступенькам, и дистанция между ними и тяжеловооруженными охранниками увеличивалась.

– Эй! – крикнул Баррик солдатам. – Лентяи! А если наверху нас поджидают убийцы?

– Не будь таким жестоким, – укорила брата Бриони, еле сдерживая смех.

В лучах яркого света, льющегося сквозь крышу обсерватории, они увидели Чавена. Наверное, у него имелось и другое имя – с улозийскими «ас» и «ос», но близнецам никто его не называл, а они не спрашивали. Купол обсерватории был открыт, хотя небо заволокли темные тучи и первые капли дождя падали на каменный пол. Помощник Чавена, вы-

сокий угрюмый юноша, удерживал сложное приспособление из веревок и деревянных рукояток. Сам врач стоял на коленях перед огромным Деревянным ящиком, изнутри обитым бархатом и наполненным чем-то вроде тарелок различного размера. Заслышав шаги, Чавен поднял голову.

Он был маленького роста, толстый, с большими проворными руками. Глядя на него, близнецы часто шутили над непредсказуемостью провидения: высокий костлявый Пазл, вечно угрюмый и задумчивый, отлично подошел бы на роль королевского астролога и врача, а веселый, живой, сообразительный Чавен стал бы великолепным шутом.

И, без сомнений, Чавен был очень умным – когда ему этого хотелось.

– Ну? – нетерпеливо обратился он к гостям, едва взглянув на них. – Вы что-то хотели?

Близнецам это было знакомо.

– Это мы, Чавен, – произнесла Бриони. Лицо врача осветилось улыбкой.

– Ваши высочества! Прошу прощения! – воскликнул он. – Я сейчас очень занят: только что привезли инструмент, с помощью которого можно с одинаковой легкостью разглядеть и звезду, и пылинку. – Он осторожно поднял одну из тарелок. Оказалось, что она сделана из толстого стекла, прозрачного, как вода. – Конечно, вы можете считать правителей Иеросоля ужасными людьми, но никто в Эоне не делает линз лучше, чем шлифовщики этого края. – Живое лицо Чавена по-

мрачнело. – Простите, я сказал, не подумав, – ведь ваш отец томится там в плену...

Бриони присела около ящика и потянулась к одному из стеклянных дисков, блестевших в лучах солнца.

– Мы получили известие с тем кораблем... Письмо от отца. Но Кендрик не позволил нам его прочитать.

– Умоляю, госпожа! – почти закричал Чавен. – Не трогайте линзы! Мельчайшая царапина испортит их безвозвратно.

Бриони отдернула руку и задела край ящика. Она вскрикнула и подняла палец: красная капля скатилась на ладонь.

– Какой ужас! – встревожился врач. – Простите меня. Я виноват, испугал вас...

Чавен порылся в карманах своего просторного одеяния. Он вытащил оттуда горсть черных кубиков, потом изогнутую стеклянную трубку, затем пригоршню перьев и, наконец, платок, выглядевший так, словно им начищали старую медь.

Бриони поблагодарила его, рассеянно положила грязную тряпку в карман и принялась высасывать кровь из ранки.

– Значит, у вас пока нет новостей? – спросил Чавен. – Посол не объявится до полудня, – ответила Бриони. Баррик снова почувствовал раздражение и неловкость. Его беспокоило, что сестра поранила палец.

– Мы пришли с поручением, – напомнил он. – Вы нужны нашей мачехе.

– Ах вот в чем дело. – Врач начал оглядываться, словно не понимал, куда подевался его платок. Потом закрыл ящик

с линзами. – Ну конечно. Я сейчас же отправлюсь к ней. А вы пойдете со мной? Я хочу услышать про охоту на виверну. Ваш брат обещал мне ее для изучения и препарирования, но тушу до сих пор не доставили. Говорят, что он раздает ее на трофеи, и этот слух меня беспокоит. – Он решительно направился к двери, бросив по пути помощнику: – Закрой навес, Тоби. Я передумал. Боюсь, сегодня слишком пасмурно, чтобы наблюдать за небом.

С видом отчаянной безнадежности молодой человек взялся за одно из огромных колес. Со скрипом, напоминавшим предсмертный стон сказочного зверя, створки купола начали медленно, дюйм за дюймом, сходиться.

Между тем стражники, отставшие от Бриони и Баррика, только подошли к дверям обсерватории. Едва они остановились перевести дыхание, как трио уже прошло мимо них – по направлению к башне Весны.

Девочка не старше шести лет открыла дверь в покои Аниссы, вежливо поклонилась и отступила в сторону. Комната была на удивление ярко освещена. Десятки свечей горели перед усыпанным цветами святилищем богини материнства Мади Суразем. В углах стояли свежие снопы пшеницы – они усиливали благотворное влияние Ярило, божества урожая. Шесть фрейлин молча бродили вокруг огромной кровати, словно крокодилы в одном из крепостных рвов Кси-са. Пожилая женщина, похожая на повитуху или знахарку,

угрюмо поглядела на Баррика и сказала, что ему нельзя входить к Аниссе, так как это женская половина.

Принц готов был разозлиться, но тут, отодвинув полог кровати, выглянула мачеха – с распущенными волосами, в просторной белой ночной сорочке.

– Кто там? Это врач? Он может ко мне пройти.

– С ним молодой принц, госпожа, – пояснила старуха.

– Баррик? – Она произнесла имя принца как «Бах-рик». – Ну и что, женщина? Я вполне прилично одета. К тому же сегодня я не собираюсь рожать.

Анисса тяжело вздохнула и откинулась на подушки.

Врач и близнецы подошли к кровати, а Селия тем временем подняла и закрепила полог. Она успела улыбнуться Баррику, потом поймала взгляд Бриони и вежливо поклонилась им обоим. Анисса сидела в кровати, опираясь спиной на подушки. Две крошечные собачки с рычанием дрались из-за какой-то тряпки у нее в ногах. Без косметики лицо королевы выглядело особенно румяным и здоровым. Баррик (в отличие от Бриони, он даже не пытался полюбить мачеху) был уверен, что они напрасно утруждали себя просьбой королевы: та просто изнывала от скуки.

– Очень мило, что вы пришли, дети. Я так больна, что совсем перестала выходить, – обмахиваясь веером, сказала Анисса.

Баррик почувствовал, как Бриони вздрогнула, когда мачеха назвала их детьми. Королева выглядела очень молодо,

особенно сейчас – без краски на лице, с распущенными волосами. Она была старше Кендрика всего на пять-шесть лет и очень хороша собой, хотя красота ее казалась вызывающей. По мнению Баррика, Аниссу портил слишком длинный нос.

«Она не сравнится со своей служанкой», – подумал принц, украдкой бросая взгляд на Селию.

Но та преданно смотрела на свою госпожу.

– Вы плохо себя чувствуете, моя королева? – спросил Чавен.

– У меня боли в животе. Такие, что словами не передать.

Анисса была маленькой и хрупкой (даже сейчас, когда приближались роды), однако обладала даром приковывать к себе внимание окружающих. Бриони называла ее Шумной Мышкой.

– А вы принимали тот эликсир, что я для вас сделал? Королева махнула рукой.

– Ах, тот! От него у меня внутренности завязываются узлом. Могу я вам сказать или это неприлично? Мой кишечник уже несколько дней не работает.

Баррик решил, что ему достаточно дамских секретов. Он поклонился мачехе и отошел к дверям. Анисса еще немного поговорила с Бриони, посетовала на отсутствие новостей из Иеросоля, пожаловалась, что письмо от Олина принесли Кендрику, а не ей... Наконец Бриони откланялась и присоединилась к брату.

Стоя поодаль, они наблюдали, как Чавен заботливо осматривает королеву. Он задавал вопросы обыденным тоном, который скрывал от внимания Баррика то, как маленький толстый доктор приподнимает королеве веки и принюхивается к ее дыханию. Женщины вновь занялись вышиванием и разговорами. Возле кровати остались лишь пожилая повитуха, ревниво наблюдавшая за каждым движением врача, и Селия – она держала госпожу за руку и выслушивала ее болтовню как великую мудрость.

– Ваши высочества Бриони и Баррик! – Чавен одной рукой поддерживал королеву, а другой вытащил из кармана часы на цепочке. – Приближается полдень, и я вспомнил о своем плане. Я говорил вам, что хотел установить большой маятник на фасаде храма Тригона, чтобы все могли знать точное время? Но иерарху почему-то не нравится моя идея...

Близнецы внимательно выслушали его рассуждения о грандиозном и, скорее всего, неосуществимом плане, потом извинились, попрощались с мачехой и поспешили прочь из башни Весны. Им предстоял длинный переход через внутренний двор. Стражники, поджидавшие их, сплетничали с охраной королевы. При виде близнецов они устало поднялись и двинулись вслед за принцем и принцессой.

На этот раз в огромном Королевском зале Предела (только семейство Эддонов называло его «тронной комнатой», ведь для них замок был домом, а не только твердыней власти) собралась толпа людей куда более представительных по срав-

нению с пестрой утренней братией. Бриони почувствовала беспокойство. В зале было полно военных, вдоль стен просторного помещения стояли гвардейцы, в отличие от охраны близнецов не позволявшие себе ни свободных поз, ни болтовни.

Среди вельмож принцесса увидела Авина Броуна, графа Лендсендского. Броун был комендантом замка Южного Предела, а значит, одним из самых влиятельных людей в королевстве. Несколько десятилетий тому назад он сделал правильный выбор, поддержав после неожиданной смерти принца Лорика его брата – юного наследника престола Олина Эддона. Король Остин лежал на смертном одре, сердце его не выдержало утраты. Некоторое время стране угрожала гражданская война, поскольку несколько влиятельных семей стремились навязать своих опекунов малолетнему наследнику. Однако Броуну удалось заключить нечто вроде договора с семейством Толли из Саммерфильда – родственниками Эддонов и основными претендентами на влияние в Южном Пределе. С помощью Стеффанса Найнора и других аристократов Броун сумел сохранить престол для Олина, обойдясь без опекунов. Когда отец близнецов достиг совершеннолетия и начал править самостоятельно, он не забыл такой преданности: на Броуна градом посыпались титулы, земли и высокие должности. Была ли верность графа Лендсендского истинной или он опасался, что, поддержав семью Толли, не получит никакой власти? Этот вопрос никогда не обсуждали.

Все знали, насколько проницателен Броун, как он умеет просчитывать события. Даже сейчас, разговаривая с придворными дамами и кавалерами, он неотрывно следил за гвардейцами: все ли стоят ровно, не согнул ли кто колено, не слышно ли разговоров.

В зале присутствовал и Гейлон Толли, герцог Саммерфильдский. Впрочем, пришли и другие члены королевского совета: Найнор, последний из первоначальных союзников Бруна, первый кузен двойняшек Рорик, герцог Далер-Трота, граф Блушо, Тайн Олдрич и еще с десятков вельмож – в лучших своих нарядах. Глядя на них, Бриони ощутила приступ негодования.

«Этот посол прибыл из страны, где держат в плену нашего отца, – подумала она. – А наряжаемся для него, словно он почетный гость?»

Но когда она шепотом сообщила эту мысль Баррику, тот лишь пожал плечами.

– Ты и сама прекрасно знаешь, для чего это делается. Посмотри, здесь собралась наша сила! – с горечью сказал он. – Они похожи на петухов перед боем.

Она взглянула на черный наряд брата и едва удержалась от готовых сорваться с губ слов: «И они еще говорят, что мы, женщины, слишком озабочены внешним видом!»

Трудно было вообразить, чтобы придворная дама надела на себя что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее эти нелепые паховые пластины, как у герцога Рорика и у дру-

гих мужчин: громадные выступления, украшенные драгоценностями и искусным шитьем. Бриони попыталась представить себе, что соответствовало бы этим деталям наряда в женском костюме, и невольно рассмеялась. Но это был нерадостный смех. Все утро она терзалась страхами, чувствуя, как враждебные силы мертвой хваткой сжимают ее семью, и вырвавшийся смех походил на припадок: однажды начавшись, он может никогда не закончиться, и тогда ее вынесут из зала, хохочущую и плачущую одновременно.

Девушка оглядела зал, где свечи горели даже в полдень. От созерцания темных гобеленов, изображавших сцены прошедших веков и жизнь давно почивших предков, ей стало душно и жарко, словно ее окутали грудой тяжелых одеял. За высоким окном были видны лишь серая известняковая стена башни Зимы и узкие полоски холодного неба. Странно, почему из окон окруженного водой замка, из его главного зала, совсем не видно моря?

«О боги, ну когда же начнется церемония?» – взмолилась Бриони, начиная задыхаться.

Божественные силы будто сжалились над ней. Толпа у входа зал загудела, и несколько вооруженных людей в камзолах с эмблемой Иеросоля, издалека похожей на золотой панцирь улитки, встали по обе стороны дверей.

Когда в зал вошел темнокожий человек, Бриони на мгновение показалось, что весь шум произошел из-за Шасо. Но в следующую секунду она вспомнила слова Саммерфильда.

Посол подошел ближе к помосту, где стояло кресло Кендрика – чуть впереди более массивного трона, и Бриони заметила, что этот человек гораздо моложе главного оружейника Южного Предела. Незнакомец был красив; по крайней мере, так показалось принцессе. Впрочем, она с удивлением обнаружила, что ей трудно судить о внешности человека, так сильно отличавшегося от ее соотечественников. Посол высок и строен, чего нельзя сказать о главном оружейнике, да и кожа у него темнее, чем у Шасо, а жесткие кудрявые волосы связаны в узел на затылке. Он двигался уверенно и грациозно. Покрой его платья – узкие штаны и серый камзол с разрезами – был элегантным; впрочем, кавалеры при сианском дворе всегда отличались элегантностью. Рядом с послем рыцари Иеросоля выглядели бледнолицыми куклами, бряцающими металлом.

Посол подходил ближе, и всем уже казалось, что он собирается совершить немислимый поступок: подняться на помост, где сидит принц-регент. Однако в последний момент чужеземец остановился.

Один из рыцарей с золотой улиткой на камзоле вышел вперед, откашлялся и произнес:

– Ваше высочество, позвольте представить вам лорда Давета дан-Фаара, посла Лудиса Дракавы, лорда-протектора Иеросоля и всех территорий Крейса.

– Может быть, Лудис и является протектором Иеросоля, – медленно ответил Кендрик, – но он еще и специалист по при-

нудительному гостеприимству, жертвой которого стал мой отец.

Давет кивнул, улыбнулся и голосом, похожим на шипение большой кошки, произнес:

– Да, лорд-протектор – хлебосольный хозяин. Не многие его гости покидают Иеросоль, не изменившись.

По толпе пробежал негодующий шепот. Посол Давет хотел что-то добавить, но тут в дверях появился Шасо, одетый в кожаные доспехи. Лицо его напоминало маску.

– О, я надеялся увидеть моего учителя. Приветствую тебя, мордзия Шасо, – произнес Давет.

Толпа снова зашумела. Бриони посмотрела на Баррика, но тот был смущен не меньше ее. Что это значит?

– У нас есть дела, – нетерпеливо заметил Кендрик. – Когда мы их завершим, будет время поговорить и даже возобновить старые связи, если таковые имеются. Позвольте также сообщить вам, что лорд Давет находится под защитой королевского закона, и до тех пор, пока его миссия носит мирный характер, никто не посмеет угрожать ему или причинить ущерб. Итак, лорд, мы вас слушаем.

Лицо принца оставалось суровым. Слова эти он говорил по обязанности, не более того.

В отличие от Кендрика Давет смотрел на окружавшие его рассерженные лица и улыбался так, словно находиться в этом зале – предел его мечтаний. Взгляд его скользнул по Бриони, замедлил движение и снова вернулся к принцессе.

Улыбка посла стала еще лучезарнее, и Бриони с трудом сдерживала дрожь. Если бы она не знала, кто этот человек, то могла бы почувствовать интерес, даже удовольствие. Но сейчас ее словно коснулось черное крыло – то, что пригрезилось ей вчера. Та самая тень, что нависла над королевством.

От долгого молчания посла, от его оценивающего взгляда у Бриони появилось ощущение, будто она не одета и все взгляды устремлены на нее.

– А наш отец? – громко, намного громче, чем хотелось, спросила она. – С ним все в порядке? Я надеюсь, он в добром здравии.

– Бриони! – воскликнул Баррик.

Он смутился, когда сестра заговорила с послом. Но она не могла позволить чужеземцу таращиться на нее, словно на лошадь, выставленную на продажу. Она королевская дочь!

Давет слегка поклонился и ответил:

– Да, моя госпожа, с вашим отцом все в порядке. Я ведь привез письмо от него. Видимо, принц-регент еще не показал его вам.

– Давайте поторопимся. – Голос Кендрика звучал так, словно он пытался защититься.

Что-то случилось. Бриони чувствовала, но не могла определить, что именно.

– Если принц Кендрик прочел письмо, то он знает причину, что привела меня сюда. Дело, конечно, в выкупе.

– Вы дали нам год, – запротестовал Гейлон Толли. Кенд-

рик даже не взглянул на него, хотя герцог тоже заговорил без позволения.

– Все верно, – продолжал посол. – Но мой господин Лудис решил сделать вам другое предложение, более выгодное для вас. Что бы вы о нем ни думали, лорд-протектор Иеросоля мудрый и дальновидный человек. Он понимает, что у нас есть общий враг и поэтому необходимо найти способ сблизить наши страны. Нужно сделать их двойным оплотом против общей угрозы со стороны жадного повелителя Ксиса, а не ссориться из-за возмещения ущерба.

– Из-за возмещения ущерба? – Кендрик изо всех сил старался говорить спокойно. – Называйте вещи своими именами, господин посол. Не возмещение ущерба, а выкуп. Выкуп за невинного человека – короля! – похищенного вами именно тогда, когда он пытался сделать то, что вы сейчас предлагаете: создать союз против автарка.

Давет усмехнулся.

– Слова могут разделять нас, а могут объединять, поэтому я не стану с вами спорить. Есть дела более важные, и я хочу представить вашему вниманию новое великодушное предложение лорда-протектора.

– Продолжайте, – кивнул Кендрик.

Лицо принца-регента стало таким же бесстрастным, как и лицо Шасо, по-прежнему стоявшего в дальнем конце Тронного зала.

– Лорд-протектор сократит выкуп до двадцати тысяч зо-

лотых dolphins, то есть уменьшит впятеро ранее оговоренную сумму. Взамен он просит то, что стоит для вас совсем немного и послужит на пользу как нам, так и вам.

Придворные перешептывались, пытаясь понять, что же происходит. На лицах вельмож, чьи крестьяне были недовольны новыми налогами для выкупа короля, засветились проблески надежды. Зато Кендрик мертвенно побледнел.

– Черт возьми, чего вы хотите? – выдавил он хрипло. Лорд Давет всем своим видом показывал, что крайне удивлен. «Он похож на воина, – подумала Бриони, – но ведет себя как актер. Ему все это страшно нравится».

Ее старшему брату, напротив, происходящее не нравилось вовсе. Кендрик был бледен и так подавлен, что сердце Бриони тревожно забилося: принц походил на человека, который не может очнуться от кошмарного сна.

– Очень хорошо, – продолжил Давет. – В обмен на сокращение выкупа за возвращение короля Лудис Дракава, лорд-протектор Иеросоля, согласен взять в жены Бриони те Мериэль те Кризант М'Коннорд Эддон из Южного Предела. – Посол широко развел крупными красивыми руками. – А если выразиться проще, вашу принцессу Бриони.

Теперь уже сама Бриони оказалась в кошмарном сне. Все повернулись к ней, как таволга в поле поворачивает головку вслед за солнцем. Бледные испуганные лица, оценивающие взгляды. Бриони услышала, как рядом вздохнул Баррик, почувствовала, как он сжал ее руку... Но она уже отступала

назад. В ушах стоял шум, шепот собравшихся превратился в раскаты грома.

– Нет! – крикнула Бриони. – Никогда! – Она повернулась к Кендрику, осознав наконец, почему на лице его появилась эта маска холодного отчаяния. – Я никогда не соглашусь на это!

– Сейчас не твоя очередь говорить, Бриони. И здесь не место для обсуждения подобных вопросов, – хрипло ответил Кендрик.

Что-то промелькнуло в его глазах. Гнев? Безысходность? Она не согласится! Я не допущу этого! – выкрикнул Баррик.

Теперь придворные, изумленные и заинтригованные, заговорили в полный голос. Некоторые, словно эхо, повторяли слова Бриони, соглашаясь с ней. Однако таких было немного.

– Ты не регент, – оборвал брата Кендрик. – Отца нет с нами. Пока он не вернулся, отец для тебя – я. И для тебя, Бриони.

Теперь Бриони не сомневалась: Кендрик решил согласиться. Он хочет продать ее этому принцу-разбойнику, гнусному торгашу Лудису, чтобы снизить выкуп и осчастливить вельмож. Потолок огромного зала, изразцы с изображениями богов закружились, готовые обрушиться вниз разноцветным облаком. Голова закружилась. Бриони повернулась и пошла прочь сквозь переговаривающуюся злобную толпу.

Она не слышала ни взволнованных слов Баррика, ни оклика Кендрика. Она отстранилась от Шасо, который попытался удержать ее. Когда Бриони вышла из главных дверей зала, она уже плакала так горько, что небо и каменные стены дворца слились воедино перед ее полными слез глазами.

5. ПЕСНИ ЛУНЫ И ЗВЕЗД

ГРОМКИЙ ГОЛОС

*В домике улитки,
Под землей, где лежат сапфиры,
Облака собрались и слушают.*

Из «Оракулов падающих костей»

Кажется, мальчику Кремню не очень-то понравилась каша из репы, хотя в нее даже положили мед.

«Ну что ж, – сказал себе Чет, – глупо считать, что большие люди относятся к корнеплодам так же трепетно, как мы».

Опал ушла к Старой Каменоломне, чтобы высушить чистое белье над вентиляционной шахтой, откуда всегда шел теплый воздух.

Чет пожалел парнишку и забрал у него миску.

– Доедать не обязательно, – сказал он ребенку. – Хочешь, прогуляемся вдвоем?

По взгляду мальчишки Чет не понял, интересно тому или нет. – А куда? – спросил ребенок.

– В замок, во внутренний двор.

На детском личике промелькнула неясная улыбка. Мальчик молча поднялся и направился к двери. Чет даже не успел взять ужные вещи. Ребенок уверенно повернул налево, хотя видел Уэдж-роуд лишь один раз – прошлой ночью. Порази-

тельная память!

– Ты выбрал верный поворот, – сказал Чет, – но сегодня мы пойдем другой дорогой. Мы воспользуемся тропами фандерлингов. – Мальчик вопросительно посмотрел на Чета, и тот пояснил: – В туннелях. Так значительно быстрее. К тому же вчера я тебе показал надземную часть города, а теперь ты увидишь подземные переходы.

Они прошли вниз по Уэдж-роуд, потом по Битл-вей до широкой оживленной Ор-стрит, заполненной повозками и торопящимися на работу фандерлингами. Их мастерство очень высоко ценили по всему Эону, и многие здешние каменотесы уезжали в дальние города, где оставались работать по полгода и более. На прямых улицах Города фандерлингов, разбежавшихся в стороны от центра, словно спицы в колесе, было оживленно. Разносчики везли товары, купленные на рынке в городе, точильщики и полировщики громко предлагали свои услуги, дети спешили в школы при гильдиях. Кремьень смотрел во все глаза. Повсюду горели дневные фонари, а через отверстия в огромной крыше просвечивали лучи осеннего солнца. Они окрашивали улицы золотым цветом, хотя день был не очень ясным.

Чет обменивался приветствиями со знакомыми. Кто-то из них здоровался с Кремьенем, называя его по имени, другие смотрели на мальчика с подозрением или с плохо скрываемой неприязнью. Сначала Чет удивлялся, откуда все узнали имя ребенка, но потом понял: Опал успела все рассказать

женщинам. В замкнутом пространстве Города фандерлингов новости распространялись очень быстро.

– Обычно мы сворачиваем здесь. – Чет показал рукой в сторону кривых улочек, где Ор-стрит расходилась на две широкие дороги: одна продолжала улицу, а другая спускалась ниже. – Но там, куда мы направляемся, туннели еще не достроены, поэтому сначала отправимся к Соляному пруду. Когда придем на место, веди себя тихо и не шали.

Мальчик разглядывал высеченные в скале фасады домов и резьбу на стенах, где изображались события из истории той или иной семьи (правда, не все картины соответствовали действительности). Увлеченный, он даже не спросил, что такое Соляной пруд.

Минут через пятнадцать они с Четом дошли до шероховатого-почти не обработанного камня в самом конце Ор-стрит, отмечавшего границу города. Пройдя мимо мужчин и женщин, слонявшихся у дороги в надежде на поденную работу, фандерлинг и мальчик нашли маленькую скромную дверь, вырезанную в стене из грубо отесанного камня. Они открыли ее и попали в ярко освещенную пещеру.

Соляной пруд был чем-то вроде подземного озера и занимал большую часть огромной пещеры. Собственно, пруд был продолжением океана. Соленая морская вода проникала сюда между камней, на которых стоял замок, поэтому даже в самых глухих закоулках подземного города жители его всегда знали, прилив сейчас или отлив. Берега озера были неров-

ными, камни – острыми, и несколько фандерлингов, направившихся в ту сторону, шли медленно и осторожно. Можно было бы за несколько недель сделать пещеру и ее каменистые берега такими же гладкими, как центр города, но даже самым трудолюбивым сородичам Чета это не приходило в голову. Соляной пруд играл важную роль в их древней легенде – истории о том, как во времена Остывания бог больших людей Керниос (здесьние жители тайком называли его повелителем Горячего Мокрого Камня) создал фандерлингов на берегах этого пруда.

Чет не стал рассказывать об этом ребенку. Он не знал, долго ли мальчик проживет у них, а фандерлинги с опаской относились к чужакам. Слишком рано посвящать его в тайны.

Мальчик карабкался по неровным камням с ловкостью паука. Он быстро обогнал Чета и ждал его на берегу. Лицо ребенка казалось желтовато-зеленым от отблеска воды, и на нем все еще читалась настороженность. Чет добрался до берега, снял сумку с плеча и едва успел опустить ее на землю, как из-за нагромождения камней вылез крошечный кривоногий человечек, на ходу дожевывая что-то и вытирая бороду.

– Это ты, Чет? Что-то у меня сегодня глаза устали, – сказал человечек, едва достававший Чету до пояса.

Кремень с удивлением уставился на коротышку.

– Да, это я, Валун, – отозвался Чет. – А это Кремень. Он

живет у нас. Это Опал придумала.

Чет пожал плечами, а мальчик взглянул на него: слишком необычным именем назвал он человечка. Это еще интереснее, чем маленький рост.

– Тут какая-то история, – рассмеялся коротышка. – Ты очень спешишь? Может, расскажешь?

– Боюсь, что не могу, но история за мной, – ответил Чет.

– Значит, тогда тебе два? – спросил Валун.

– Давай.

Чет вытащил из кармана крошечную медную монетку и подал маленькому человечку. Тот положил ее в карман мокрых брюк.

– Я быстро, – сказал Валун.

Он побежал к воде по каменистому берегу почти с тем же проворством, что и Кремень, несмотря на свои кривые ноги и солидный возраст. Чет заметил, как мальчик смотрит ему вслед.

– Вот главное, что тебе надо знать о нашем народе: мы не карлики, нам просто предназначено быть такими. Бывают взрослые люди маленького роста. Не дети, как ты, а именно взрослые маленького роста – карлики. И есть такие же фандерлинги, они еще меньше своих сородичей. Валун – один из них.

– Валун?..

– Да, родители выбрали имя в надежде, что оно поможет сыну вырасти большим. Иногда его поддразнивают, но не ча-

сто. Он хороший человек, правда, у него слишком острый язык.

– А куда он пошел?

– Он ныряет в пруд. В воде есть особые камни – их выращивают мелкие живые существа, как улитка строит свой панцирь. Камни эти называются кораллами. Кораллы из Соляного пруда светятся...

Чет не успел закончить, а Валун уже стоял перед ними, держа в руках два сияющих коралла. На воздухе они начали тускнеть, но все еще оставались такими яркими, что Чет мог разглядеть ладони маленького человечка.

– Они только что засветились, – с довольным видом произнес коротышка. – Прослужат вам весь день, а то и дольше.

– Нам так долго не нужно, но все равно – спасибо. Чет вытащил из сумки два тонких, почти прозрачных полых рога, положил в них кораллы и долил соленой воды из ведерка, которое протянул ему Валун: так кораллы будут светить, по-прежнему оставаясь живыми. В воде камни вспыхнули с новой силой.

– Вам нужны отражатели? – спросил Валун.

Чет отказался:

– Нет, мы не собираемся работать, просто пройдем через туннель. Нам достаточно видеть друг друга.

Он установил оба светильника в костяные чаши, потом вытащил из сумки кожаную шапочку, надел ее на голову мальчику и укрепил на шапочке один из светильников. То

же самое сделал и для себя. Они раскланялись с Валуном и пустились в путь через пещеру Соляного пруда. Мальчик карабкался с камня на камень, с интересом разглядывая причудливые тени, плясавшие в отблесках его сияющего коралла.

Аккуратно вымощенная дорога проходила так далеко от людных мест, что даже не имела названия. Мальчика, только вчера получившего имя, это совсем не пугало.

– А где мы сейчас? – спросил он.

– Сейчас? Где-то на уровне ворот Города фандерлингов, но уже довольно далеко от дома, – ответил Чет. – Мы удаляемся от города вдоль стены внутреннего двора. Думаю, последняя из новых дорог, которую мы пересекли – Гринстон, или как ее там называют теперь, – взбирается наверх и доходит почти до ворот.

– Значит, мы идем мимо... мимо... – Мальчик на минуту задумался. – Мимо основания башни с золотым пером наверху.

От удивления Чет остановился как вкопанный. Парень не только запомнил неброское украшение на крыше башни, увиденной вчера по пути домой, но и сумел вычислить расстояние и направление.

– Как ты это узнал? – поинтересовался Чет. Маленький Кремень пожал плечами. Его умный взгляд тут же спрятался под ресницами, подобно лани, сделавшей стремительный

прыжок из освещенного места в тень.

– Ты прав, мы сейчас проходим под башней Весны, хотя и не прямо под ней, – сказал Чет, удивленно качая головой. – Сейчас мы в самой глубокой части Города фандерлингов. Но даже поднявшись повыше, мы не сможем попасть непосредственно под внутренний двор – ни одна из дорог фандерлингов туда не ведет. Это... запрещено.

Мальчик прикусил нижнюю губу, обдумывая услышанное.

– Королем? – спросил он.

Чет не хотел пускаться в объяснения великой тайны, но что-то мешало ему сказать ребенку неправду.

– Да, безусловно, без короля тут не обошлось. Люди не хотят, чтобы мы рыли туннели прямо под сердцем замка. Это опасно, если в случае нападения извне Город фандерлингов будет захвачен врагами.

– Но ведь есть и другая причина, – произнес мальчик не как вопрос, а как спокойное утверждение.

Чет только пожал плечами.

– Любое событие в этом мире редко обходится лишь одной причиной.

Они поднимались наверх все более запутанными ходами, направляясь во внутренний двор. Пройти туда по туннелям фандерлингов было все-таки можно, но этот величайший секрет был известен только Чету. По крайней мере, сам Чет так думал. Это знание открылось ему давно, как особый дар

богов. Конечно, можно вообразить себе, что кто-то способен пробраться под стеной внутреннего двора и напасть на замок изнутри, но вряд ли существо, в чьих жилах не течет кровь фандерлингов, сумеет найти дорогу в лабиринте недостроенных туннелей и ходов.

«А этот мальчик? – неожиданно для самого себя подумал Чет. – Похоже, у него прекрасная память».

Нет, даже с его памятью нельзя запомнить каждый изгиб и поворот, дюжину перекрестков и множество ложных троп – они заведут чужака в бесконечные пустые переходы. И если кому-то из незваных гостей повезет выбраться из лабиринта живым, он, скорее всего, попадет на одну из главных улиц Города фандерлингов.

И все же... Стоит ли рисковать и открывать тайну секретного хода ребенку, которого Чет почти не знает?

Он посмотрел на мальчика. Тот бодро шагал рядом с Четом в свете тускнеющего кораллового фонарика. Мальчик появился в жизни четы фандерлингов очень необычно, однако Чет не усматривал в этом ничего дурного. Трудно поверить, что маленького ребенка подослали в качестве шпиона, да еще так ловко все спланировали, что он попал именно к Чету, знавшему расположение подземных ходов. Это слишком сложно. Кроме того, если Чет сейчас изменит маршрут, он зря потеряет большую часть дня и будет вынужден уговаривать стражников у Вороновых ворот пропустить его во внутренний двор. Вряд ли они послушают – даже если он

скажет, к кому идет. Если же объяснить, в чем дело, то уже к вечеру о случившемся будет широко известно, а значит, страх и множество диких слухов расползутся по городу. Нет, придется двигаться дальше, доверяясь здравому смыслу и везению.

Только повернув в последний туннель, он вспомнил: в семействе Голубого Кварца слова «везение Чета» означали полное отсутствие удачи.

Мальчик уставился на дверь. Странно было не удивиться такой красоте, пройдя пару километров по туннелям, похожим на норы; подобные рыли дети фандерлингов, пока их не начинали учить ремеслу. Дверь была прекрасна – если, конечно, уместно так говорить о простой двери из темного твердого дерева, блестящего в свете коралловых фонариков. Прикрепленные к ней металлические накладки украшал бронзовый филигранный узор. Столько усилий – и ради чего? Чет был почти уверен, что никто, кроме него, не пользовался этим входом, да и сам он за десять лет пришел сюда лишь в третий раз.

Не было ни замка, ни ручки – по крайней мере, с этой стороны. Чет потянул за шнурок, что свешивался из отверстия на Двери. Потом дернул сильнее. Звуча колокольчика здесь не было слышно. Чет дернул еще раз, на всякий случай. Ждать пришлось довольно долго. Чет уже в третий раз протянул руку к шнурку, когда дверь открылась.

– О, к нам пожаловал мастер Голубой Кварц? – сказал открывший дверь полный человек и удивленно приподнял брови. – Да не один, как я погляжу.

– Извините, что беспокоим вас, доктор. – Чет вдруг смутился. Зачем было брать с собой ребенка? Ведь он мог просто рассказать о нем. – Этот мальчик... он живет сейчас у нас. И он... тоже имеет отношение к тому, о чем я хочу с вами поговорить. Это очень важно.

Фандерлинг снова почувствовал неловкость. Чавен не был рассержен, но Чет отвык от его настойчивого, пронизательного взгляда. Иногда так же пронизательно смотрел на фандерлинга и найденный мальчик. Но в отличие от ребенка Чавен никогда не опускал глаза.

– Ну, тогда вам следует войти, чтобы мы могли спокойно поговорить, – сказал врач. – Простите, что заставил вас ждать. Нужно было выпроводить моего помощника. Я не люблю делиться секретами этого туннеля. – Чавен улыбнулся, и Чет подумал, что королевский врач хотел добавить: «Даже если другие так делают».

По пустым темным проходам под домом врач повел гостей к обсерватории.

– Я сказал тебе правду, – зашептал Чет мальчику. – Копать под внутренним двором действительно запрещено. Мы только что прошли под его стенами, но попали не во двор, а в дом этого человека. Здесь наш туннель заканчивается.

Мальчик взглянул на Чета так, словно тот заявил, что сви-

стом можно подзывать рыбу. Чет и сам не понимал, зачем это сказал. Разве для этого ребенка имеет значение верность королевской семье? Собственно говоря, ему и от самого Чета ничего не нужно, кроме еды и ночлега.

Вслед за врачом Чет и мальчик долго поднимались вверх по лестнице, пока не попали в устланную коврами небольшую комнату. Вдоль ее стен стояли кувшины и деревянные ящики, поскольку это помещение служило не только местом для совещаний, но и кладовой. Узкие окна прикрывались занавесками цвета ночного неба, украшенными созвездиями из драгоценных камней.

Врач оказался сильнее и быстрее, чем можно было предположить, а больше всех запыхался Чет.

– Хотите что-нибудь съесть или выпить? – спросил Чавен. – Мне потребуется немного времени, чтобы приготовить угощение. Я отослал Тоби и не предупредил слуг, что ко мне придут гости. Причем придут не через двери – по крайней мере, не через те, о которых всем известно.

– Я бы с удовольствием выпил с вами, но, думаю, лучше сразу перейти к делу, – отказался от угощения Чет. – Ничего, если мальчик немного осмотрится здесь?

Кремень бродил по комнате и разглядывал стоявшие у стен предметы, ни к чему не прикасаясь. Особенно его заинтересовали сосуды из стекла и полированной меди.

– Пусть смотрит, – согласился Чавен, – но мне придется взять свои слова обратно, если я не узнаю, что именно при-

вело вас сюда.

Чет рассказал ему обо всем, что видел накануне в холмах к северу от замка. Врач слушал, иногда задавал вопросы, а когда маленький человек закончил свой рассказ, долго молчал. Тем временем Кремень осмотрел комнату и уселся на пол, чтобы получше разглядеть ковры и сверкающие на них звезды.

– Меня это не удивляет, – наконец заговорил Чавен. – Я уже... кое-что слышал. И кое-что видел. Но, так или иначе, это ужасная новость.

– И что это значит?

– Не могу пока сказать, – покачал головой врач. – Но коварство создателей Границы Теней неизмеримо превосходит наше. Их тайны до сих пор не разгаданы. Мало кому из тех, кто пересек Границу Теней, удалось возвратиться назад, и все вернувшиеся оттуда потеряли рассудок. Граница веками оставалась на месте, и это успокаивало, но теперь она движется. Я склонен думать, что Граница будет перемещаться до тех пор, пока ее не остановят. Но что может ее остановить?

Он поднялся, потирая руки.

– Будет перемещаться? – переспросил Чет.

– Да, боюсь, что так. Она продолжит движение и начнет поглощать Южный Предел, а может быть, и весь Эон, пока планета снова не погрузится в тень и первозданный мрак. – Врач нахмурил брови и посмотрел на свои руки, потом по-

вернулся к Кремню. Он говорил спокойно, но глаза выдавали его. – Думаю, теперь мне пора взглянуть на мальчика.

Ни Мойна и Роза, ни другие фрейлины Бриони не могли, как ни старались, остановить ее безудержные рыдания. Бриони злилась на себя за столь детскую несдержанность и в то же время чувствовала: она пропадает, и никто ей не поможет. Надежды на спасение нет. Словно она упала в глубокий колодец и не знает, как оттуда выбраться.

Баррик барабанил в дверь, он требовал, чтобы сестра открыла и поговорила с ним. Принц был одновременно зол и напуган. Но Бриони велела Розе прогнать его, хотя чувствовала себя так, словно отсекала часть собственного тела. Но Баррик – мужчина. Откуда ему понять, что сейчас на душе у девушки? Ведь никому не придет в голову продать его, как свинью на рынке.

«За меня они выгадали восемьдесят тысяч долларов, – горько подумала Бриони. – Куча денег, большая часть выкупа! Я должна гордиться, что меня так высоко оценили».

Она швырнула в стену подушку и при этом опрокинула масляную лампу. Фрейлины завизжали и бросились гасить разгорающееся пламя. Бриони это не волновало: пускай сгорит весь замок.

– Что здесь происходит? – раздался знакомый голос. Предательница Роза все-таки открыла дверь, но вместо Баррика в нее вошла тетка Бриони – вдовствующая герцогиня

Мероланна. Она принюхалась, ее глаза округлились при виде Мойны, затаптывающей последние языки пламени. Мероланна повернулась к Бриони и спросила:

– Что ты вытворяешь, детка? Хочешь всех нас убить? Бриони собралась ответить, что именно этого и добивается, но новый приступ рыданий не позволил ей выговорить ни слова. Фрейлины бросились открывать дверь, чтобы проветрить комнату, а герцогиня подошла к кровати племянницы, осторожно опустила на постель свое большое холеное тело и обняла принцессу.

– Я все знаю, – сказала она, поглаживая Бриони по спине – Не нужно так убиваться. Кендрик может передумать. Но даже если он согласится, это не самое страшное в жизни. Когда я приехала сюда, чтобы выйти замуж за брата твоего отца, я боялась не меньше твоего.

– Но ведь Лудис – ч-чудовище! – Бриони отчаянно пыталась сдержать рыдания. – Убийца! Разбойник, похитивший моего отца! Да я пойду замуж за кого угодно, хоть за старого Пазла, только не за него!

И она снова зарыдала.

– Ну что ты, детка, – проговорила Мероланна, но других слов для утешения не нашла.

Тетка ушла, а фрейлины старались держаться от Бриони подальше, словно боялись, что госпожа заразит их какой-то болезнью.

«Так оно и есть, – думала Бриони. – Несчастье – тоже болезнь».

Потом к покоям принцессы прибыл гонец. Он был третьим за истекший час: девушка уже отправила назад посланника старшего брата и не сумела собраться с мыслями, чтобы передать что-то вразумительное для Гейлона Саммерфильдского.

– Это записка от сестры Утты, моя госпожа, – сообщила Мойна. – Она спрашивает, почему вы не зашли к ней сегодня, и спрашивается о вашем здоровье.

– Вероятно, она единственная в замке, кто ничего не знает, – заметила Роза. Она едва не засмеялась: неужели кто-то в замке пропустил такие события? Однако, посмотрев на заплаканное лицо госпожи, дочь коменданта сдержалась и сказала: – Мы сообщим ей, что вы не можете прийти...

Бриони села на кровати. Она совсем позабыла о своей наставнице, но сейчас ей вдруг захотелось увидеть именно сестру Утту.

– Не нужно, – ответила она фрейлине. – Я схожу к ней.

– Но, принцесса...

– Я пойду!

Бриони уже взяла в руки накидку. Дамы торопливо бросились надевать туфли и плащи, однако принцесса их остановила:

– Оставайтесь здесь. Я пойду одна. – Жуткий мрак в душе Бриони рассеялся, и она решила не тратить время на любез-

ности. – У меня есть охранники. Думаю, этого достаточно, чтобы я не сбежала.

Роза и Мойна смотрели на нее, не скрывая удивления, но принцесса уже направлялась к двери.

Утта была одной из сестер Зории – жрицей девственной богини познания. Когда-то Зория не уступала по влиянию своему божественному отцу Перину и считалась самой могущественной богиней, владычицей тысячи храмов. Сейчас ее служители лишь давали советы по мелким вопросам внутренней политики и обучали детей аристократов читать, писать и (хотя во многих семьях это не считалось необходимым) думать.

Утта была почти одного возраста с Мероланной. Но если тетушка Бриони походила на королевскую ладью, сверкающую яркими красками и украшениями, то жрица – высокая и стройная, с коротко подстриженными волосами – больше напоминала быстроходный парусный корабль.

Когда вошла принцесса, Утта что-то шила. Ее бледно-голубые глаза широко раскрылись от удивления при виде слез Бриони. Жрица участливо расспросила и внимательно выслушала девушку. Она не спешила обнять воспитанницу, поскольку терпеть не могла такого рода нежностей и не хотела делать исключение даже для самой высокородной ученицы.

Бриони закончила свой горестный рассказ, и Утта задумчиво кивнула.

– Вы права, наша доля тяжела. В этой жизни женщин передают от одного мужчины другому, и можно лишь надеяться на доброту того, кому принадлежит твоя свобода.

– Но вами не владеет ни один мужчина, – возразила Бриони. Она постепенно успокаивалась. Спокойная уверенность Утты была подобна непоколебимой силе старого дерева на склоне горы, обдуваемой всеми ветрами, и это всегда действовало на Бриони умиротворяюще. – У вас нет ни мужа, ни хозяина, и вы делаете, что хотите.

Сестра Утта печально улыбнулась.

– Не думаю, что принцесса захочет лишиться всего того, от чего отказалась я. И почему вы решили, что у меня нет хозяина? Если ваш отец или брат вдруг решит меня выслать или убить, меня тут же прогонят вдоль по Маркет-роуд вон из города либо повесят на столбе.

– Но ведь это несправедливо! Я ни за что не соглашусь. Утта обдумывала то, что сообщила ей Бриони.

– Когда дойдет до дела, никто не станет принуждать женщину силой, – сказала она. – Возможно, волноваться еще рано. Вы ведь не знаете ответа вашего брата.

– Знаю. – В голосе Бриони звучала горечь. – Члены совета, то есть большинство вельмож, давно жалуются, что выкуп за отца слишком велик. Они не раз советовали Кендрику выдать меня замуж за какого-нибудь принца из богатых южных королевств, чтобы получить оттуда помощь. Когда Кендрик отказывается, они начинают перешептываться у него за спи-

ной, что он слишком молод для управления страной. Если последует их советам, он устранил это недовольство. На его месте я бы так и сделала.

– Но вы не Кендрик и не можете знать, что он решил. – Сказав это, Утта совершила невиданный для нее поступок. потянулась к Бриони и пожала ей руку. Потом она продолжила: – Однако я не говорю, что ваши опасения беспочвенны. Все, что я слышала о Лудисе Дракаве, не слишком вдохновляет.

– Я ни за что не соглашусь! Ни за что! Какая несправедливость! Мне указывают, что надеть, что говорить, что делать... а теперь еще и такое! Быть женщиной – настоящее проклятие. Ненавижу это! – Тут Бриони взглянула на Утту и воскликнула: – Но ведь я могу стать жрицей, как вы! Если бы я стала сестрой Зории, моя девственность была бы священной, не так ли?

– И вечной, – ответила Утта, на этот раз не сумев заставить себя улыбнуться. – Так или иначе, я не думаю, что вы можете стать жрицей против воли брата. Впрочем, еще рано об этом думать.

Бриони вдруг вспомнила посла Давета дан-Фаара, его хищные гордые глаза. Он не походил на человека, готового терпеливо дожидаться, пока поверженный противник примет условия капитуляции.

– Едва ли у меня много времени. Самое большее – до завтра. Сестра, что же мне делать? – спросила девушка.

– Поговорите сначала с принцем-регентом. Расскажите ему, как вы относитесь к этому замужеству. Думаю, он добрый человек, как и ваш отец. Если окажется, что другого пути нет... ну, тогда я, возможно, попробую дать вам совет и даже помочь. – На миг на продолговатом волевом лице Утты промелькнула тревога. – Но не сейчас. – Она выпрямилась. – До ужина остался час, принцесса. Давайте проведем его с пользой. Полагаю, занятия хотя бы ненадолго отвлекут вас от печалей.

Бриони так долго плакала, что совсем ослабела, словно кости ее размякли. В комнате горела лишь одна свеча, а света из окна было явно недостаточно. Солнце медленно опускалось в залив, и его последние лучи бросали отблеск на стену: продолговатое овальное пятно медленно ползло вверх. Совсем недавно Бриони казалось, что самое страшное позади, но сейчас она вновь чувствовала, как над ней нависают темные призрачные крылья. Словно существовала еще одна угроза, о которой принцесса пока не знала.

– Хорошо, поучите меня, – вяло согласилась принцесса. – Чего я еще не знаю?

– У вас есть знания, – ответила Утта, – но есть еще и молитвы. Не забывай молиться, дитя мое. Зория защитит тебя, если ты этого заслуживаешь. Нас ждут нелегкие времена.

Чавен рассмотрел мальчика, сунул руку в карман, вытащил стеклянный диск с бронзовой ручкой и протянул его

Кремню. Ребенок взял в руки диск и стал разглядывать сквозь стекло сначала мерцающий светильник, потом стену, будто изучая строение камня, выступающего между гобеленами.

«Из него может выйти фандерлинг», – подумал Чет.

Мальчик с улыбкой повернулся и поглядел на него через линзу на бронзовой ручке. Глаз ребенка за увеличительным стеклом стал огромным, и Чет невольно засмеялся. Кремень казался самым обычным мальчишкой лет пяти-шести.

Чавен пришел к тому же выводу.

– Я не нахожу в нем ничего особенного, – сказал он очень тихо, глядя на играющего мальчика. – Ни лишних пальцев, ни таинственных знаков. У него свежее дыхание – по крайней мере, если учесть, что он ел пряную репу на завтрак, – чистые глаза. Он ничем не отличается от обычного ребенка. Это, конечно, не доказательство, но пока мы не обнаружили в нем никаких загадочных странностей, я вынужден согласиться с вашей женой. Он всего лишь ребенок смертных, заблудившийся за Границей Теней. Вероятно, там он повстречал всадников, которых вы видели, они отвезли его на другую сторону, а он не может сам найти дорогу домой. – Чавен задумался. – Вы говорите, мальчик не помнит, кто он такой. Если он лишился только памяти, то малышу крупно повезло. Как я уже говорил, у всех, кто переходил Границу Теней и возвращался назад, помрачался рассудок.

– Похоже, ему и впрямь повезло. Наверное, так оно и

есть, – неуверенно сказал Чет. Он должен был почувствовать облегчение, но никак не мог отделаться от чувства, что они узнали о мальчишке далеко не все. Он продолжил: – Почему сумеречные существа, когда Граница Теней сдвинулась, вдруг проявили такую невиданную доброту и принесли мальчика смертных на нашу сторону? Если бы они перерезали ему горло, как кролику, и бросили где-нибудь в чаще, это было бы больше на них похоже.

Чавен лишь пожал плечами.

– У меня нет ответа на ваш вопрос, мой друг. Даже когда люди этого племени убивали смертных в Унылой Пустоши, они совершали такие вещи, что никто не мог их понять. В последние месяцы войны группа солдат-фейлов как-то раз наткнулась на группу существ из племени кваров. Тех было намного больше, и они легко могли перебить солдат. Но вместо этого они накормили и напоили фейлов, а потом веселились вместе с ними. Некоторые солдаты даже уверяли, что в ту ночь совокуплялись с женщинами племени кваров.

– Кваров? – переспросил Чет. Чавен махнул рукой.

– Это их старое имя. Я потратил большую часть своей жизни на изучение этих созданий, но и сейчас знаю немногим больше, чем в самом начале. Они могут быть необычайно добры и щедры к смертным, но если Граница Теней пройдет по нашим землям, это принесет нам зло.

Чет вздрогнул.

– Я слишком много времени провел рядом с Границей,

чтобы хоть на миг усомниться в ваших словах, – сказал он и посмотрел на мальчика. – Вы сообщите принцу-регенту и его семье, что она сдвинулась с места?

– Вероятно, придется. Но сначала я должен все хорошенько обдумать, чтобы предложить принцу какой-нибудь план. Иначе решения будут приниматься под влиянием страха и непонимания, а это к добру не приведет. – Чавен поднялся со стула и расправил складки одежды. – Теперь мне пора заняться делом, в том числе и поразмыслить над вашими новостями.

Когда Чет и Кремень уже выходили из комнаты, мальчик обернулся и спросил Чавена:

– А где же сова?

Врач на миг застыл, потом улыбнулся и ответил:

– О чем ты? Здесь нет совы и, насколько мне известно, никогда не было.

– Нет, была, – упрямо настаивал Кремень. – Белая. Чавен любезно попрощался с гостями, но Чет отметил про себя, что врач немного встревожился.

Убедившись, что никто их не видит, Чавен выпустил фандерлинга и мальчика из парадных дверей обсерватории. Чет и сам не знал, почему решил возвращаться домой обычной дорогой, а не через Вороновы ворота. Как раз заступила на пост новая стража, а значит, солдаты не заподозрят, что Чет и Кремень вошли во внутренний двор без тщательной

проверки.

– А что это ты сказал про сову? – спросил у мальчика Чет, когда они спускались вниз по ступеням.

– Какую сову?

– Ты спросил нашего хозяина, где сова – та, что жила в его комнате.

Кремень пожал плечами. Ноги у него были длиннее, чем у Чета поэтому он спускался легко и смотрел не на ступеньки, а любовался полуденным небом.

– Я не знаю, – ответил Кремень и сдвинул брови. Он разглядывал что-то в небе, откуда уже исчезли утренние облака. Чет не видел там ничего, кроме месяца – белого, точно морская раковина. – У него на стенах звезды.

Чет вспомнил гобелены, покрытые созвездиями из драгоценных камней.

– Да, звезды.

– Лист, Певцы, Белый Корень... Я знаю про них песню. – Мальчик задумался и еще сильнее нахмурился. – Нет, не могу вспомнить.

– Лист? – Чет был озадачен. – Белый корень? О чем ты говоришь?

– О звездах. Разве ты не знаешь их названий? – Кремень уже спустился вниз и двинулся дальше, поэтому Чет, все еще осторожно переставлявший ноги по высоким ступеням, едва расслышал эти слова. – Еще есть Соты и Водопад... а остальные не помню.

Мальчик остановился и оглянулся. Его лицо под копной почти белых волос было растерянным, из-за чего он напоминал маленького старичка.

– Не помню... – тихо повторил он. Чет догнал его.

– Я никогда не слышал таких названий, – проговорил он, задыхаясь от быстрой ходьбы и от тревоги. – Соты? Где ты узнал об этом, малыш?

– Я знал одну песенку про звезды, – сказал Кремень, не останавливаясь. – А еще знаю одну про луну.

Мальчик стал напевать мелодию. Чет почти не разобрал ее, но напев был таким скорбным, что по телу фандерлинга пробежал холодок.

– Я не могу вспомнить слова, – пожаловался Кремень. – В ней говорится о том, как луна *спустился* с небес, чтобы отыскать стрелу, которой *он* выстрелил в звезды...

– Но ведь луна – женщина. Разве большие люди считают иначе? – спросил Чет, и в голове у него промелькнула мысль, что его слова звучат курьезно: мальчик был одного с ним роста, даже чуть ниже. Но он не произнес этого вслух, а только сказал: – Ведь Мезия – богиня-луна.

– Ничего подобного! – возразил Кремень и расхохотался от всей души, как только дети умеют смеяться над глупостью взрослых. – Он – брат солнца. Это все знают.

Мальчик побежал вприпрыжку по оживленной улице, заполненной людьми и разными интересными вещами. Чет пришлось поспешить, чтобы снова не отстать. Фандерлинг

чувствовал: сейчас случилось нечто важное; но даже во имя собственной жизни он не мог понять, что это значит.

6. КРОВНЫЕ УЗЫ

ТАЙНОЕ МЕСТО

Стены из соломы, стены из волос.

В каждой комнате по три вдоха.

Каждый вдох – час.

Из «Оракулов падающих костей»

Она не переселилась в древний город Кул-на-Квар, хотя имела право на эту честь и по рождению, и по своим деяниям. Она предпочла жить на высоком уступе в горах Рехег-с'Лей, что приблизительно означает «вольный ветер». Ее дом был огромным. Он занимал почти весь выступ скалы, но на первый взгляд казался простоватым (как, впрочем, и сама хозяйка). Только при определенном положении солнца и с определенной точки можно было различить блеск хрусталя и лазурита на темных каменных стенах. Дом напоминал Кул-на-Квар лишь в одном: он глубоко врезался в гору, многие его помещения не знали дневного света, а под ними, словно корни старого-старого дерева, в разные стороны расходились туннели. Окна, находившиеся у поверхности земли, всегда прикрывались ставнями; по крайней мере, так казалось. Здешние слуги были молчаливы, а гости приходили редко.

Многие молодые люди из племени кваров знали о склон-

ности хозяйки дома к уединению, но никогда не видели ее. Они прозвали хозяйку «леди Дикобраз». Тех, кто был с ней знаком, пробирала дрожь от меткости прозвища: им доводилось наблюдать, как в моменты ярости вокруг нее распространялось облако колючей тени – завеса из призрачных шипов.

Настоящее имя хозяйки известно немногим – может, двоим или троим из живущих на земле. Ее звали Ясаммез.

Дом, в котором она жила, назывался Шехен, что значит «плакучий». Слово это в языке с'а-квар употреблялось и в других смыслах: и как предчувствие неожиданного конца, и как запах растения, называемого в солнечных землях миртом... Но главным все же оставалось значение «плакучий».

За свою долгую жизнь Ясаммез смеялась лишь дважды. Сначала – в детстве, когда впервые увидела поле боя, почувяла запах крови и дым пожара. Потом – когда ее изгоняли из Кул-на-Квара за преступления и дерзкие поступки, давным-давно позабытые нынешними жителями земли.

– Вы не сможете спрятать меня или спрятаться от меня, – сказала она тогда своим обвинителям, – потому что вам меня не найти. Я затерялась, едва появившись на свет.

Все считали, что Ясаммез создана для войны и смерти, словно меч, красота которого в полной мере видна только тогда, когда он сеет гибель на своем пути.

Еще говорили, что в третий раз она рассмеется в тот миг,

когда погибнет последний смертный или когда сама она испустит последний вздох.

Никто не в силах описать ее смех – говорят лишь, что он ужасен.

Ясаммез стояла в саду среди невысоких темных растений и серых камней, громоздившихся друг на друга, словно в приступе страха, и оглядывала свои владения. Свирепый ветер закручивал плащ вокруг ее тела, трепал и выдергивал из-под костяных заколок ее волосы, но не мог разогнать туман в горных ущельях, похожих на следы огромных когтей. Ветер завывал громко и заглушал мелодию, что напевала леди Ясаммез. Даже если бы молчаливые бледные слуги оказались у нее за спиной, они бы ничего не расслышали. Им и в голову не приходило, что хозяйка вообще может петь. Впрочем, если бы они слышали что-то, все равно не узнали бы песню – она была древнее горы, на вершине которой стояла сейчас Ясаммез.

Когда раздался голос, она замолчала, но не обернулась: ведь этот голос пришел не из застывшего сада и не из дома на вершине, он слышен ей одной. Скрытная, вечно раздраженная и совершенно одинокая Ясаммез знала этот голос лучше своего собственного. Никто, кроме него, не называл ее настоящим именем.

Сейчас голос вновь произнес это имя.

«Сердце мое, я слышу тебя», – отозвалась леди Дикобраз,

не произнеся вслух ни слова.

«Я должен знать».

«Все уже началось», – ответила хозяйка дома на горе.

Беспокойство, звучавшее в мыслях возлюбленного и повелителя, единственной звезды на темном холодном небе ее души, расстроило Ясаммез. Однако пришло время, когда воле нужно быть крепче камня, а сердце должно обрасти шипами.

«Все пришло в движение. Как ты хотел. Как ты приказал», – продолжала она.

«Тогда пути назад нет». Слова, казалось, прозвучали вопросительно, но Ясаммез знала: сомнений быть не может.

«Пути назад нет», – согласилась она.

«Пусть будет так. Придет час, и мы увидим, какие страсти войдут в Книгу».

«Обязательно увидим».

Ей хотелось говорить еще, ей хотелось узнать, почему он встревожен – он, единственный ее повелитель и учитель. Но она не нашла слов. Она не знала, как задать такой вопрос, даже когда думала об этом в глубокой тишине, где ее сознание соединялось с сознанием возлюбленного. Ясаммез никогда не дружила со словами. Они были далеки и чужды ей, как и все остальное в мире, где попеременно светят луна и солнце.

«Тогда прощай, – сказал ее повелитель. – Мы еще поговорим, когда твоя миссия завершится. Я очень благодарен тебе».

И леди Дикобраз снова осталась наедине с ветром и своими странными горькими мыслями – одна в саду, возле дома, что назывался «плакучим».

По клинку, который держал Баррик, скользнуло более длинное и тяжелое лезвие. Длинный меч с силой ударил в небольшой щит. Плечо пронзила острая боль. Принц вскрикнул, упал на одно колено, но вовремя выбросил вверх клинок, чтобы отразить следующий удар. Через мгновение Баррик уже вскочил на ноги, стараясь дышать ровнее и с трудом удерживая в руке свое оружие.

– Хватит! – сказал он и отступил, опустив меч.

Но Шасо сделал неожиданный выпад, целясь ему в ноги. Принц не ожидал нападения и отскочил не сразу. Это была ошибка. Баррик попятился, а оружейник успел повернуть меч острием к себе, сильно ткнул принца рукоятью в грудь и тем самым окончательно сбил его дыхание. Хватая ртом воздух, Баррик отступил еще и рухнул на пол. На несколько мгновений его окутала тьма. Потом он увидел Шасо, смотревшего на него сверху вниз.

– Проклятье! – прохрипел Баррик. Он попытался пнуть Шасо, но старый воин ловко увернулся. – Ты что, не слышал? Я же сказал, хватит!

– У вас устала рука? Вы плохо спали прошлой ночью? А что вы будете делать в настоящем бою? Просить пощады? У вас только одна рука, и она устала, так? – Шасо презрительно

фыркнул и повернулся спиной к молодому принцу.

Единственное, что мог бы предпринять поверженный Баррик в ответ на подобное неуважение, – подняться на ноги и стукнуть старого туанца по голове ножами своего меча. Его удержали вовсе не остатки благородства, честь или усталость. Нет, другое: даже охваченный яростью, Баррик сомневался, что удар достигнет цели.

Он с трудом встал, отбросил щит и стянул перчатки, чтобы размять затекшие руки. Левая кисть была похожа на птичью лапу, а предплечье – на тонкую ручку ребенка. Долгие мучительные тренировки, когда Баррик бесчисленное число раз поднимал и опускал палку с железным набалдашником под названием «баланс», укрепили мышцы руки и плеча настолько, что принц мог держать щит. Он никогда никому не говорил, однако с отвращением признавался самому себе в том, что и здоровая его пука не в силах удержать меч. Даже кинжал слишком тяжел для этих покалеченных пальцев.

– Ты, наверное, чувствуешь себя силачом, когда бьешь человека, который дерется одной рукой? – со злостью повернулся он к Шасо.

Мастера-оружейники, занятые сегодня несложной работой – они нарезали новые кожаные ремешки, – подняли головы, но лишь на несколько секунд, ибо давно привыкли к этим сценам. Баррик был убежден, что они считают его избалованным ребенком. Он покраснел и швырнул на пол перчатки.

Шасо расшнуровывал свой жилет для тренировок. Взглянув на Баррика, он скривил губы:

– Клянусь сотней сосков Великой Матери, я просто учу вас.

Целый день Шасо и принца не отпускала тревога. Им не стоило затевать тренировку, чтобы убить время перед советом. Если бы Бриони была здесь, возможно, все прошло бы гладко и даже весело. Но Бриони отсутствовала.

Баррик опустил на пол и начал снимать наколенники. Он смотрел на спину Шасо и приходил в бешенство от его спокойных, неторопливых движений. Как может туанец сохранять невозмутимость, когда мир рушится? Принцу хотелось хоть как-нибудь досадить главному оружейнику.

– Почему он назвал тебя учителем? – спросил Баррик.

– Что? – Занятые шнуровкой пальцы замедлили движения, но Шасо не повернулся.

– Ты прекрасно расслышал. Посол из Иеросоля, тот человек, Давет. Почему он назвал тебя учителем? И еще он назвал тебя как-то странно – «мор-джи-а». Что это значит?

Шасо сбросил с себя жилет. Нижняя рубашка намочла от пота, и под влажной тканью на широкой коричневой спине можно было различить каждый мускул. Баррик видел это уже много раз, но даже сейчас, в приступе гнева, не мог не ощутить привязанности к пожилому туанцу – привязанности и любви к родному, пусть и не всегда приятному человеку.

«А что будет, если Бриони все-таки уедет? – вдруг подумал

мал принц. – Если Кендрик на самом деле отошлет ее в Иеросоль и выдаст замуж за Лудиса? Я больше никогда ее не увижу. – Все чувства Баррика, его возмущение и негодование по поводу требований этого разбойника и раздумий брата превратились в одну мучительную мысль: – Замок Южного Предела опустеет без Бриони».

– Меня попросили рассказать об этом на совете, – сказал ему Шасо, тщательно подбирая слова. – Там вы узнаете ответ, принц Баррик. Мне не хочется повторять дважды.

Он бросил жилет на пол, что очень удивило Баррика: Шасо всегда заботливо относился к оружию и амуниции, он ругал неаккуратных воинов, в том числе и самого Баррика. Однако сейчас главный оружейник поставил меч в стойку, не вынув из ножен и не смазав маслом, схватил с крючка плащ и молча вышел. 1

Баррик был так потрясен, словно Шасо снова ударил его. Теперь принц в полной мере осознал: из всех беззаботных обитателей Южного Предела он один понимал, насколько плохи дела. Он один видел то, чего не замечали или не хотели замечать остальные, и чувствовал угрозу, нависшую над его семьей и над всем королевством. Худшие опасения становились реальностью. Больше всего ему сейчас хотелось со всех ног убежать назад, в детство.

За ужином Чет успокоил свой желудок, но сердце его по-прежнему было не на месте. Счастливая Опал суети-

лась вокруг изнывающего от непривычного занятия Кремня, снимая с него мерки при помощи веревки с узелками. На несколько монет, отложенных для приобретения нового кухонного горшка, Опал купила ткань, чтобы сшить рубаху для мальчика.

– И не надо так на меня смотреть, – сказала она мужу. – Это не я вытащила ребенка на прогулку, не я позволила ему порвать и испачкать одежду.

Чет покачал головой. Его совсем не огорчила такая трата денег.

У входной двери зазвонил колокольчик: кто-то дважды дернул шнурок. Опал вручила веревку мальчику и отправилась открывать дверь. Чет услышал ее голос:

– О боже, это вы? Заходите.

Когда Опал вместе с гостем вернулась в комнату, на ее лице читалось удивление. Киноварь – так звали красивого широкоплечего фандерлинга, зашедшего к ним, – был главой влиятельной семьи Ртути.

Чет поднялся ему навстречу.

– Магистр, это большая честь для меня, – сказал он. – Присаживайтесь, прошу вас.

Киноварь кивнул и, что-то бормоча, опустился на стул. Хотя он был моложе Чета на несколько десятков лет, его мускулистое тело уже начинало полнеть. Однако Киноварь обладал живым тонким умом, и Чет уважал его за это.

– Не желаете ли чего-нибудь, магистр? – спросила Опал. –

Пива? Чаю из синего корня?

Опал была взволнована и обеспокоена. Она пыталась поймать взгляд мужа, но он не смотрел в ее сторону.

– Если можно, чаю, хозяйка. Благодарю вас, – ответил гость.

Кремень замер на полу у стула Опал. Он разглядывал прошедшего, словно кот, исподтишка наблюдающий за незнакомой собакой.

Лучше было бы подождать, пока жена приготовит чай, но любопытство Чета взяло верх.

– Как поживает ваша семья? – спросил он. Киноварь фыркнул.

– Жадные, как слепые землеройки, но это не новость. Я удивлен прибавлением в вашем семействе.

Чет почувствовал, что это и есть причина визита.

– Помощь?

– Да. Ты знаешь, что сейчас мы работаем с коренной породой под внутренним двором? Сложная задача. Королевская семья желает расширить склеп и соединить несколько зданий туннелями.

– Конечно, я слышал об этом, – ответил Чет. – Кажется, работами руководит Роговик? Он хороший человек.

– Руководил... Но отказался. Говорит, что-то со спиной. Откровенно говоря, я сомневаюсь... Хотя, конечно, он не молод. Вот поэтому мне и понадобилась твоя помощь.

– Что?.. – смутился Чет.

– Я хочу, чтобы ты возглавил работы. Конечно, на тебя ляжет очень большая ответственность, поскольку придется рыть под замком. Думаю, нет необходимости объяснять тебе это. Я слышал, люди чего-то боятся. Возможно, это из-за ухода Роговика.

Чет был ошеломлен. На такую должность претендовали бы многие опытные фандерлинги. Они были старше Чета и занимали более высокое положение. В список претендентов вошел бы и один из его братьев.

– Но почему я? – изумленно сказал Чет.

– Потому что у тебя есть здравый смысл. Потому что мне нужен человек, которому я могу доверять. Ведь ты уже работал с большими людьми, и у тебя это прекрасно получалось.

Киноварь бросил взгляд на Опал: допив чай, женщина снова принялась обмерять мальчика. Впрочем, Чет не сомневался – она не пропустила ни одного слова из разговора.

– Позже мы все обсудим подробнее, если ты согласен. Разве мог он отказаться?

– Конечно, магистр. Это большая честь для меня.

– Хорошо. Просто замечательно. – Киноварь не без усилия поднялся. – Значит, по рукам. Заходи ко мне завтра, и я дам тебе планы и списки работников. Спасибо за гостеприимство, хозяйка.

– Рады услужить вам, магистр, – сказала Опал. Ее улыбка теперь была спокойной и искренней.

– Мальчика зовут Кремень, – ответил он. – Он из больших

людей.

– Да, вижу. И конечно, уже о нем слышал. Об этом говорит весь город.

– Разве плохо, что ребенок живет с нами? Он не помнит ни своего имени, ни своих родителей.

Опал вошла в комнату. В ее руках был поднос, где стоял их лучший чайник, окруженный тремя чашками. Наливая гостю чай, она широко улыбалась, но Чет видел, как жена напугана,

«Разрази меня гром, – думал он. – Кажется, она уже успела привязаться к ребенку».

Киноварь сильными руками аккуратно взял чашку и подул на горячий чай.

– Если пребывание ребенка не идет вразрез с законами Города фандерлингов, он может оставаться здесь сколько вам угодно, – ответил он и внимательно посмотрел на Опал. – Люди болтают, они не любят перемен. С другой стороны, теперь уже поздно пытаться смягчить для них открытие этой тайны.

– Нет никакой тайны! – возразила Опал немного резко.

– Согласен, – вздохнул Киноварь. – Ваше семейное дело;

■ Я не за тем к вам пришел.

Киноварь склонился над чашкой. Теперь Чет был совсем озадачен, но ему оставалось лишь набраться терпения. Гость был не только главой рода, но и одним из влиятельнейших членов гильдии каменотесов.

– Хороший чай, хозяйка, – наконец произнес Киноварь. – А моя жена заваривает корень по нескольку раз, и в конце концов напиток становится прозрачным, как дождевая вода.

Опал смотрела на Киноварь выжидательно, а тот перевел взгляд на Чета и улыбнулся. Его широкое скуластое лицо сплошь покрывали морщинки – словно старый камень, испещренный мелкими трещинами.

– Кажется, я напугал вас, хотя у меня отнюдь не было такого намерения, – сказал он. – Я не принес никаких неприятных известий. Мне нужна твоя помощь, Чет.

Кендрик созвал совет в часовне, построенной в честь бога моря Эривора, неизменного покровителя семьи Эддонов. Главный зал часовни украшала огромная статуя бога, вырезанная из зеленого мыльного камня и украшенная блестящим металлом. В волосы и бороду статуи были вплетены позолоченные водоросли, а над головой бог поднимал огромный золотой трезубец – так Эривор умирал воды океана, чтобы предки Англина могли пересечь его и попасть в Коннорд. Поколения семьи Эддонов сочетались браком и давали имена младенцам перед низким каменным алтарем у ног статуи. Многие из них нашли здесь последнее прибежище. Эхо, рождавшееся под сводами изразцового потолка, приносило голоса из далекого прошлого.

Баррика эти голоса пугали, и он всячески избегал посещения часовни.

Сегодня стулья расставили у самых ступеней, ведущих к невысокому каменному алтарю.

– Это единственное помещение в замке, где, закрыв двери, мы можем быть уверены, что нас никто не слышит, – пояснил свой выбор Кендрик. – Все слова, произнесенные в Тронном зале или в Дубовой гостиной, распространяются по Южному Пределу раньше, чем замолкает говорящий.

Баррик беспокойно заерзал на жестком стуле с высокой спинкой. С самого обеда он жевал ивовую кору, но боль в увечной руке не унималась. Шасо ударил его слишком сильно. Баррик с упреком взглянул на главного оружейника, но лицо Шасо не выражало никаких эмоций – он неотрывно смотрел на фрески, сиявшие в ярком свете свечей. У оружейника был такой вид, будто его больше всего на свете интересуют изображенные на Фресках таинство рождения и триумф Эривора.

Баррик часто пропускал заседания совета. Его и Бриони начали приглашать на них только после отъезда отца. Сегодня принц впервые оказался здесь без сестры, отчего ему было страшно неудобно: он никак не мог избавиться от ощущения, что ему недостает части самого себя.словно он проснулся утром и обнаружил, что потерял одну ногу.

– Прежде чем уйти, Киноварь подошел к Кремню и остановился перед ним.

– Что скажешь, мальчик? – спросил он с притворной суровостью. – Ты любишь камни?

Кремень пристально посмотрел на него.

– Какие? – проговорил он.

– Хороший вопрос! – рассмеялся Киноварь. – Мастер Чет, возможно, у ребенка есть способности фандерлинга. Если, конечно, он не вырастет слишком большим для туннелей.

Магистр все еще улыбался, когда Чет провожал его до дверей.

– Замечательная новость! – Глаза Опал сияли. – Твоя семья еще пожалеет, что они пренебрегали тобой.

– Не исключено, – кивнул Чет.

С одной стороны, он был доволен, но с другой... Чет знал что Роговик – парень уравновешенный. Значит, есть веская причина, чтобы он отказался от должности. Не содержится ли в этом предложении какой-то подвох? Городские власти никогда не проявляли щедрости к Чету. Но нет причин не доверять Киновари – его честность никогда не вызывала сомнений.

– Маленький Кремень принес нам удачу, – мурлыкала Опал. – Теперь у него будет рубашка, а у меня шаль... А у тебя, муженек, – пара хороших ботинок. Ты ведь не можешь разгуливать по замку больших людей в этом старье.

– Давай подождем тратить денежки, пока мы их не получили, – мягко остановил ее Чет.

Он не мог до конца поверить в удачу, но ему было приятно видеть Опал такой сияющей.

– А ты отказывался взять мальчика с собой! – сказала

женщина, опьяненная хорошей новостью. – Хотел оставить в траве наше счастье.

– Везение – капризная штука, – напомнил Чет. – Как говорится, нужно помахать лопатой, прежде чем наткнешься на золотую жилу.

Он присел за стол и принялся за чай.

Гейлон Саммерфильдский сидел слева от принца-регента и что-то негромко говорил ему на ухо. Сисел, иерарх Южного Предела, занимал почетное место справа от Кендрика. Иерарх стройный и энергичный мужчина лет шестидесяти – был главным священнослужителем Пределов. Несмотря на это, порой ему приходилось действовать в интересах тригоната, расположенного в далеком Сиане. Он первым из северян занял столь высокую должность и потому сохранял твердую преданность Эддонам. Тригонату не понравилось, что отец Баррика предпочел выдвинуть на этот пост одного из своих священников, а не их собственного кандидата. Но ни Сиан, ни Тригон не обладали теперь на севере прежней властью.

За столом собрались и другие аристократы королевства: Тайн из Блушо, смотритель замка лорд Найнор, похожий на медведя комендант крепости Авин Броун и герцог Далер-Трота – щеголеватый кузен принца Рорик Лонгаррен. Последний, по мнению Баррика, странно смотрелся среди этих угрюмых, грубоватых людей. Рядом с ними сидело еще

полдюжины вельмож. Кого-то после дневной трапезы клонило ко сну, другие за безразличием скрывали раздражение: они теряли время, собравшись здесь вместо того, чтобы отправиться на охоту с собаками или соколами. Многие из них вообще не явились бы, если бы не желание поскорее узнать о снижении выкупа за короля. Баррик не сомневался: этих людей совершенно не беспокоило, что ценой сделки стала принцесса. Ему хотелось бы увидеть их нанизанными на позолоченный трезубец Эривора.

Только Шасо имел торжественный вид, соответствовавший моменту. Он расположился в конце стола, в некотором отдалении от соседей слева и справа. Баррик подумал, что главный оружейник сейчас больше похож на преступника, приведенного на допрос.

– Вы должны изложить ваши доводы вслух, – громко сказал Кендрик Гейлону, продолжавшему что-то нашептывать ему на ухо.

Вельможи наострили уши.

Герцог Гейлон замолчал. Краска залила его шею и красивое лицо. После Баррика и принца-регента он был самым молодым среди присутствующих.

– Я сказал, что мы совершим ошибку, так легко отдав принцессу Лудису Дракаве, – начал он. – Все мы хотим вернуть нашего короля Олина. Даже если Лудис не обманет, выполнит условия договора и вернет короля – что дальше? Олин, да хранят его боги, состарится и когда-нибудь умрет.

Лишь недремлющим богиням судьбы известно, что еще может случиться до того момента. Но одно ясно: когда уйдет наш господин, у Лудиса и его наследников появится право претендовать на престол в Пределах.

«И их право будет посильнее твоего, – подумал Баррик. – О чем ты и беспокоишься».

Но все-таки у принца появился союзник, пусть даже и не самый приятный. Это его приободрило. Хорошо, что на стороне Баррика оказался Гейлон, старший из сыновей Толли. Гейлон был амбициозным занудой, но по сравнению со своими братьями – беспомощным Карадоном и сумасшедшим Хендоном – выглядел вполне пристойно.

– Легко тебе говорить, Саммерфильд, – раздраженно заметил Тайн Олдрич. – Ты ведь уже собрал свою долю выкупа. А каково другим? Глупо не принять предложение Лудиса.

– Глупо? – Баррик выпрямился на стуле. – Глупо не продать мою сестру?

– Прекратите! – решительно остановил их Кендрик. – Мы еще вернемся к этому. Сначала обсудим более важные вопросы. Стоит ли вообще доверять Лудису и его послу? Естественно, согласившись принять предложение – пока речь идет только о возможности, Баррик, не кипятись! – мы не оставим нашу сестру без защиты, пока отец не окажется на свободе.

Баррик задохнулся от ярости и снова заерзал в кресле. Он не понимал, почему Кендрик так спокойно рассуждает о том,

отдавать ли собственную сестру разбойнику. Но принц-регент заговорил о другом.

– Давайте посмотрим на дело серьезно, – продолжил Кендрик. – Нам очень мало известно о Лудисе. Мы знаем лишь его репутацию. Еще меньше нам известно о его посланнике. Может быть, вы, Шасо, просветите нас и расскажете о нем – о Давете дан-Фааре. Вы ведь знаете его.

Он произнес это так мягко, словно набросил на шею Шасо шелковый шнурок. Оружейник посмотрел на принца.

– Да, – вяло отозвался он, – я знаю его. Мы... Он мой родственник.

Сидящие за столом загудели.

– В таком случае вы не можете участвовать в совете! – громко заявил герцог Рорик. Королевский кузен был одет по последней моде: в фиолетовый камзол с разрезами и ярко-желтыми вставками. Он повернулся к принцу-регенту, уверенный в себе и сияющий, как экзотическая птичка. – Это позор. Сколько раз мы собирались, не имея понятия об этом обстоятельстве? Выходит, все наши разговоры шли на пользу не только королевствам Пределов, но и Иеросолю?

Шасо наконец осознал смысл происходящего. Словно очнувшийся от сна старый лев, он заморгал и весь подался вперед.

– Стойте. Вы, кажется, назвали меня предателем, мой господин? – Его рука потянулась к поясу, где висел кинжал.

Рорик побледнел и окинул Шасо высокомерным взгля-

дом.

– Вы нам никогда не говорили, что являетесь родственником этого человека, – ответил он.

Шасо пристально посмотрел на герцога, потом отшатнулся назад. Его энергия снова растаяла.

– В этом не было необходимости, – сказал он. – Пока Давет не явился сюда, о нем не стоило и вспоминать. До самого дня его приезда я не знал, что он пошел на службу к Лудису. Когда я видел его в последний раз, он был главарем банды. Грабил и жег дома по всему Крейсу и на юге.

– Что еще вы о нем знаете? – спросил Кендрик не особенно ласково. – Он, кажется, назвал вас «морджиа»? Что это значит?

– Это означает «дядя» или что-то вроде тестя. Он насмеялся надо мной. – На мгновение Шасо закрыл глаза. – Давет – четвертый сын старого короля Туана. Когда-то я учил и его самого, и его братьев, как впоследствии учил детей вашей семьи. Он во многом превосходил братьев и в то же время был значительно хуже их. Быстрый, сильный и умный, но с сердцем подлого койота. Он стремился к одному: заполучить что-нибудь для себя... Когда ваш отец захватил меня в плен во время битвы при Иеросоле, я думал, что никогда больше не увижу никого из членов моей семьи.

– Но как Давет стал человеком Лудиса Дракавы?

– Я уже сказал, Ке... ваше высочество: этого я не знаю. Я слышал, Давета выслали из Туана за... за совершенное пре-

ступление. – Лицо Шасо застыло. – Его дурные наклонности становились все сильнее. В конце концов он соблазнил молодую женщину из знатной семьи. Даже его собственный отец отказался ему помогать. Давета изгнали из страны, он пересек океан и попал из Ксанда в Эон, потом присоединился к наемникам и дослужился до их предводителя. Когда автарк воевал с нами, он не пошел сражаться ни на стороне своего отца, ни на стороне Туана. Я тоже не участвовал в той войне, но лишь потому, что уже был здесь.

– Запутанная история, – вмешался в разговор иерарх Сисел. – Простите меня, но вы хотите, чтобы мы верили вам на слово, лорд Шасо? Как вы могли узнать о его делах, если не поддерживали связи с семьей?

Шасо посмотрел на него, но ничего не ответил.

– Видите, – заявил Рорик, – он что-то скрывает.

– Настали смутные времена, – произнес Кендрик. – Мы перестали доверять друг другу. Но иерарх задал законный вопрос. Как вам удалось узнать, что случилось с Даветом после вашего отъезда из Туана?

Лицо Шасо стало абсолютно безжизненным.

Десять лет тому назад я получил весточку от жены, да будет земля ей пухом, – сказал он. – Это было последнее письмо перед ее кончиной.

– И в том письме она рассказывала об одном из ваших многочисленных учеников?

Главный оружейник тяжело оперся ладонями о колени и

внимательно посмотрел на них, словно никогда прежде не видел. Попом он заговорил:

– Девушка, которую Давет погубил, – моя младшая дочь Ханид. После того, что с ней случилось, охваченная скорбью, она ушла в храм и стала жрицей Великой Матери. Я узнал об этом только через два года, когда дочь уже заболела и умерла. Жена была уверена, что Ханид умерла из-за разбитого сердца. Ее сжег стыд, а вовсе не лихорадка. Жена сообщила мне про Давета в отчаянии: он живет и процветает, а наша девочка покинула этот мир.

В часовне воцарилось долгое молчание.

– Мне... Мне очень горько слышать такое, Шасо, – прервал тишину Кендрик. – И вдвойне горько, что я заставил вас вспомнить об этом.

– Я не мог думать ни о чем другом с тех пор, как узнал имя посла Иеросоля, – ответил пожилой туанец.

Баррик и раньше замечал: Шасо порой глубоко погружался в себя, как хозяин осажденного замка.

– Если бы Давет дан-Фаар не находился под защитой короля Пределов, один из нас был бы уже мертв, – негромко добавил главный оружейник.

Кендрика услышанное не радовало.

– Ваша история... плохо характеризует посла, – сказал он. – Значит ли это, что и предложению, которое он передал, доверять нельзя?

Иерарх Сисел откашлялся и произнес:

– Лично я считаю, что само предложение подлинное, хотя посол и недостоин доверия. Как и многие другие лорды-разбойники, Лудис Дракава отчаянно хочет стать настоящим монархом – он уже обратился в Тригон с просьбой признать его королем Иеросоля. Для него очень выгодно породниться с одним из древних королевских домов. Ни Сиан, ни Желлон на такое не пойдут. Несмотря на горные хребты, разделяющие королевства, Иеросоль все равно находится к ним слишком близко, а Лудис невероятно честолюбив. Поэтому, как мне кажется, он обратил свой взор на Южный Предел. – Сисел нахмурился, обдумывая что-то. – Вполне возможно, что он запланировал это давно, для чего и похитил короля Олина.

– Он подождал, пока выкуп станет для нас непосильным бременем, и предложил сделку? – закончил за него барон Марринсвок, осуждающе покачивая головой. – Очень хитро.

– Мы можем бесконечно рассуждать, что и почему произошло, но сути дела это не меняет, – раздраженно бросил граф Тайн. – Король у него. А теперь он хочет и королевскую дочь. Отдадим ли мы ее?

– Вы согласны с иерархом, Шасо? – Кендрик пристально посмотрел на главного оружейника. Он никогда не доверял старому туанцу, как доверяла Бриони, но никогда и не сердился на него, как сердился Баррик. – Можно ли верить этому предложению?

– Я считаю, что предложение подлинное, – наконец отве-

тил Шасо. – Но граф Блушо только что напомнил нам об истинной подоплеке вопроса.

– Но что думаете вы? – настаивал Кендрик.

– Не мне решать. – Глаза старика были прикрыты веками. – Принцесса – не моя сестра. Король – не мой отец.

– Окончательное решение, естественно, приму я. Но сначала я хочу выслушать мнение совета, а вы всегда были доверенным советником отца.

Баррик обратил внимание на то, что Кендрик назвал Шасо отцовским советником, а не своим.

От подобного пренебрежения главный оружейник помрачнел еще больше, но все-таки ответил, осторожно подбирая слова:

– Мне кажется, лучше не принимать предложения.

– Вам легко решать, потому что вас это не касается! – вмешался Тайн Олдрич. – Вам не нужно собирать выкуп, отдавать десятую часть урожая. И вам все равно, какой ущерб мы понесем.

Шасо промолчал, но за него ответил Гейлон Толли.

– Неужели вы ничего не видите за границами ваших владений? – спросил он. – Вы считаете, трудно только вам? Если мы не отдадим принцессу Лудису – а я думаю, что не отдадим, – нам всем придется пережить тяжелые времена в отсутствие короля!

– А что думает отец? – неожиданно подал голос Баррик. Это собрание, гул голосов, мелькание лиц казались ему кош-

марным сном. Он никак не мог поверить, что брат вообще намерен всерьез рассматривать предложение лорда-протектора. – Ты же прочитал его письмо, Кендрик. Наверняка он высказал свое мнение.

Брат кивнул, но даже не взглянул на Баррика.

– Да, он написал, но лишь несколько слов, как бы между прочим. Он счел предложение нелепым. – Кендрик заморгал, ощутив внезапную слабость. – Это поможет нам принять решение, Баррик? Ты и сам прекрасно понимаешь: отец никогда не допустит, чтобы в качестве выкупа за него отдали кого-то другого. Даже последнего свинопаса. Он всегда ставил свои идеалы на первое место. – Теперь в его голосе звучала горечь. – А Бриони он обожает. Ты и сам на это не раз жаловался.

– Но он ведь прав! Она наша сестра!

– А мы, Эддоны, – повелители Южного Предела. Даже отец ставил эту ответственность выше собственных желаний. Как ты считаешь, кто важнее для нашего народа, сестра или отец?

– Люди любят Бриони!

– Да, любят. Ее отсутствие опечалит их. Зато исчезнет страх, который они испытывают с тех пор, как король попал в плен. Королевство без монарха – что человек без сердца. Лучше бы отец умер – да хранят его боги и даруют ему долгую жизнь! – чем отсутствовать столь долго.

За столом нависла напряженная тишина. Слова Кендри-

ка можно было счесть изменой, но Баррик знал: брат прав. Все делали вид, будто ничего не случилось, но отсутствие короля превратило его подданных в живых мертвецов. Государство без короля похоже на жизнь без солнца, и люди это чувствовали весь прошедший год. Баррик впервые понял сейчас, какое напряжение скрывается за обычно ясным выражением лица брата, почувствовал его бесконечную тревогу и усталость. Баррик лишь гадал, что еще скрывает от него Кендрик.

Вельможи заспорили между собой. Очень скоро стало ясно, что Шасо и Гейлон оказались в меньшинстве. И Тайн, и Рорик, и даже комендант крепости Авин Броун сходились в едином мнении: раз Бриони рано или поздно предстоит выдать замуж, руководствуясь политическими соображениями, ее девственность и сейчас может стать предметом торга. Ведь они стремятся к важнейшей цели: вернуть короля Олина. Тайн был на редкость откровенен: он не стеснялся признать, что золотые dolphins, сбереженные в случае принятия предложения, тоже весомый аргумент.

Обстановка накалялась, дискуссия становилась все более жаркой. Авин Броун уже грозил разmozжить голову Айвару Сильверсайду, хотя оба поддерживали одну и ту же сторону. Наконец Кендрик потребовал тишины.

– Уже поздно, а я до сих пор не принял решения, – заявил принц-регент. – Я должен все обдумать. В одном брат Баррик абсолютно прав: Бриони – моя сестра, и мне непросто

сделать шаг, меняющий ее жизнь. Завтра я объявлю свое решение.

Кендрик поднялся. Остальные последовали его примеру и пожелали друг другу доброй ночи, хотя в воздухе по-прежнему витала враждебность.

Баррик был недоволен завершением совета, но ему ни на минуту не хотелось оказаться на месте старшего брата. Кендрику стоило большого труда объединять этих людей. Так пастушья собака кусает за ноги беспокойных быков, чтобы те не отставали от стада.

– Я хочу поговорить с тобой, – обратился Баррик к брату. Они уже выходили из часовни, и охрана принца выстроилась в ряд, образовав заслон за его спиной.

– Не сегодня, Баррик. Я знаю, о чем ты думаешь. У меня еще много дел перед сном.

– Но... Кендрик, она же наша сестра! Она в отчаянии! Я ходил к ней и слышал, как она рыдает!

– Довольно! – громко прервал его принц-регент. – Во имя молота Перина, оставь меня в покое. Если у тебя нет какого-нибудь волшебного способа справиться со всем этим, лучше помолчи! – Гнев Кендрика был напускным: он и сам был готов разрыдаться, но лишь махнул рукой: – Все.

Ошеломленный Баррик молча смотрел, как старший брат удаляется в свои покои. Неожиданно Кендрик споткнулся, и один из стражников почтительно поддержал его.

Бриони уснуть не могла. Она лежала в темноте и мысленно вновь переживала этот кошмарный день. В голове ее все звучали слова Кендрика:

– Хватит, Бриони. Больше мне нечего тебе сказать – пока нечего. Нужно как следует обдумать ситуацию. Ты моя сестра, и я люблю тебя, но я должен править страной в отсутствие отца. Ложись и отдыхай.

Судя по доносившимся до принцессы звукам, фрейлины крепко спали. Прелестная маленькая Роза, как обычно, похрапывала во сне, точно престарелая собачонка. Бриони удалось ненадолго погрузиться в дрему, но страшный сон вновь разбудил ее. В этом видении Лудис Дракава (наяву она никогда его не видела, а лишь знала, что он ровесник отца) предстал перед ней в виде какого-то дряхлого существа из паутины, пыли и костей, Он преследовал Бриони в сером дремучем лесу. Принцесса подумала, что именно такие видения лишали Баррика сна и здоровья.

Интересно, который сейчас час? Девушка не слышала полуночного удара колокола, но, наверное, он скоро прозвучит. «Скорее всего, во всем замке не сплю я одна».

В другое время это понравилось бы ей, но сейчас такая мысль лишь усилила тревогу: над принцессой нависла страшная угроза, безжалостная, как топор палача.

«Принял ли Кендрик окончательное решение?»

Брат не пожелал поделиться своими мыслями, когда Бриони вечером пришла в его покои. Теперь она страшно ругала

себя за то, что плакала перед Кендриком, умоляя не отдавать ее Лудису... А потом просила прощения за свой эгоизм.

«Но ведь брат понимает, что я сильнее всех хочу возвращения отца!»

Кендрик был сдержан, но при прощании взял сестру за руку и поцеловал в щеку – что случилось очень редко. Если говорить честно, поцелуй принца оставил впечатление еще более тягостное, чем его озабоченность и скрытность. Бриони показалось, что это прощальный поцелуй.

Тупая боль не проходила. От постоянного страха немело тело. Бриони перебирала в уме все хорошее и плохое, что может приключиться. В конце концов, вдруг отец бежит из плена и у Лудиса не останется повода предъявлять претензии Эддонам? Не исключено и то, что лорд-протектор оклеветан молвой, а на самом деле он прекрасный и добрый. Или наоборот: он еще хуже, чем рассказывают, и тогда останется только убить его во сне, а потом убить себя... За прошедший час Бриони прожила множество жизней – мрачных и прекрасных. Наконец она погрузилась в глубокий сон. Новое сновидение оказалось приятным: близнецы играли в прятки с Кендриком, все снова были детьми.

Бриони не слышала ударов колокола, но вскоре после полуночи ее разбудил пронзительный крик.

Принцесса не была уверена, что услышала крик наяву. Она села в постели. Рядом заворочалась во сне юная Роза. Ей, наверное, тоже снились кошмары.

– Черный человек... – бормотала фрейлина.

Бриони услышала второй ужасный вопль, еще громче первого. Теперь проснулась и Мойна. В дверь стучали чем-то тяжелым. Бриони чуть не свалилась на пол от страха.

– Автарк! – завизжала Мойна, дрожа и двумя руками хватаясь за амулет, висевший у нее на шее. – Он явился, чтобы убить нас в постелях!

– Это всего лишь стражник. Поди открой дверь, – резко оборвала девушку Бриони. Она сама пыталась поверить, что это именно так.

– Нет, принцесса! Они похитят нас!

Бриони вытащила из-под матраса кинжал, накинута на себя одеяло и, покачиваясь, подошла к двери. Сердце девушки бешено колотилось, когда она спрашивала, кто там, с другой стороны.

Ей ответил знакомый голос, но это не был голос стражника. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась тетушка Мероланна. Ночная рубашка сползла с плеча герцогини, седые волосы растрепались.

– Боги, защитите нас! Боги, защитите нас! – в панике повторяла она.

– Почему все кричат? – спросила Бриони, не позволяя ужасу овладеть собой. – У нас пожар?

– Бриони, это ты? – Мероланна задыхалась и шурила близорукие глаза. Щеки были мокры от слез. – О, хвала богам. Я испугалась, что они забрали вас всех!

– Всех?.. О чем ты? – воскликнула принцесса. Слова пожилой женщины подействовали на нее, как ушат ледяной воды.

– Твой брат, твой несчастный брат...

– Баррик?!

Бриони пронеслась мимо тетушки.

Стражников снаружи не было, но из коридора доносились непонятные звуки, вопли и отдаленные крики. Добежав до просторного парадного зала, девушка увидела множество людей: они бестолково сновали в полумраке, задавали друг другу вопросы, бормотали молитвы, поднимали вверх лампы и фонари. Все были в ночной одежде.

Огромный зал производил странное впечатление даже при ярком дневном свете. В нем было множество загадочных статуй и диковин, привезенных из разных стран, – например, над камином висела безобразная голова олимфанта с огромными бивнями, похожая на голову демона из Книги Тригона. Сейчас казалось, что зал заполнен бледными призраками. В центре стоял Стеффанс Найнор. На голову его была надета забавная ночная шапочка, а борода засунута в какой-то странный мешочек. Он выкрикивал приказы, но их не слушали. Никто не остановил Бриони, никто не попытался с ней заговорить, и это было еще кошмарнее. Словно все одновременно лишились рассудка. Принцесса дошла до покоев Баррика, но никого там не обнаружила. Дверь в спальню брата была заперта. Бриони усиленно соображала, что бы это зна-

чило, когда кто-то неожиданно схватил ее за руку. Она пронзительно вскрикнула, но, увидев, чьи большие глаза смотрят на нее, схватила брата в объятия и прижала к себе.

– О боги! Я думала, ты... Мероланна сказала... Рыжие волосы Баррика пребывали в страшном беспорядке после сна, словно взъерошенная ветром копна сена.

– Я видел, как ты проходила мимо, – сказал он. У него был вид человека только что разбуженного, но еще не совсем проснувшегося: широко раскрытые глаза ничего не выражали. – Пошли. Хотя нет, лучше, наверное, не стоит...

– Что? – Успокоение Бриони мгновенно улетучилось. – Баррик, заклинаю тебя всеми богами, скажи, что происходит?

Он провел сестру за угол, в главный зал резиденции. В коридоре толпился народ. Стражники, вооруженные алебардами, выталкивали слуг и посторонних из комнаты Кендрика.

И тут Бриони осознала свою ошибку.

– Милосердная Зория! – прошептала она.

Теперь, при свете факелов, Бриони разглядела: Баррик вовсе не был рассеян – он застыл от ужаса, а губы его дрожали. Он взял девушку за руку, и близнецы вместе начали пробираться сквозь толпу, испуганно расступавшуюся перед ними, как перед зачумленными. Некоторые женщины рыдали, их лица исказились, точно маскарадные маски.

В покоях принца-регента веял удушливый запах, как на бойне. Стражники стояли на коленях возле Кендрика. Они

посмотрели на принца и принцессу, но, казалось, не узнали их. Капитан королевских гвардейцев Феррас Вансен поднялся на ноги. В его глазах Бриони увидела искреннее сострадание. Солдаты перевернули Кендрика на спину. От огня факелов его лицо отсвечивало красным.

Крови было очень много, и Бриони почудилось, что перед ней не Кендрик, что этот ужас обрушился на кого-то другого. Но стон Баррика тут же разрушил хрупкую надежду.

Кинжал выпал из рук принцессы и звякнул о плиты пола, колени Бриони подогнулись, и она, как слепое животное, подползла к старшему брату, оттолкнув читавшего молитву солдата. По лицу Кендрика пробежала судорога. Окровавленная рука сжалась.

– Он жив! – закричала Бриони. – Где Чавен? За ним послали?

Она попыталась поднять Кендрика, но его тело было скользким от крови и слишком тяжелым. Баррик хотел оттащить сестру.

– Пусти меня! Он жив! – воскликнула Бриони, отталкивая его.

– Этого не может быть. – Сбивчивый голос Баррика доносился откуда-то издалека.

Губы Кендрика снова зашевелились, и Бриони почти легла на него, желая расслышать слова и убедиться, что старший брат жив. Она стала осматривать его раны, чтобы остановить кровь, но грудь Кендрика превратилась в кровавое

месиво. Рубашка была порвана в лоскуты, открывая истерзанное тело.

– Не уходи! – шептала девушка на ухо принцу-регенту. – Держись за меня!

Глаза брата искали ее. Губы разомкнулись. Бриони услышала только свистящий шепот.

– Ис-с-с...

– Не покидай нас, мой дорогой, мой милый Кендрик! – Бриони поцеловала его мокрую от крови щеку.

Он застонал от боли, потом начал сгибаться, словно лист на жаровне, пока не свернулся калачиком. По ногам его пробежала судорога, он еще раз застонал – и жизнь оставила его.

Баррик все еще старался поднять сестру. Он тоже плакал. «Все плачут, – думала принцесса. – Весь мир рыдает».

Смутно, словно это происходило не с ней, Бриони слышала крики в коридоре:

– Принц умер! Принца убили!

Капитан стражников Вансен сделал попытку оторвать принцессу от тела Кендрика. Бриони обернулась и ударила его, потом вцепилась в тяжелый мундир и попыталась свалить капитана на пол. Она потеряла голову от гнева.

– Как это могло случиться?! – кричала Бриони. Ее мысли стали такими же скользкими и кровавыми, как и ладони. – Где были вы? Где были стражники? Вы предатели и убийцы!

Какое-то время Вансен удерживал ее на расстоянии вытянутой руки, но потом лицо его исказила скорбь, и он отпу-

стил Бриони. Тогда она вскочила на ноги и сильно ударила его в плечо и по лицу. Феррас Вансен не защищался, он лишь склонил голову. Наконец Баррику удалось оттащить сестру от капитана.

– Посмотри! – Он что-то показывал ей. – Посмотри туда, Бриони!

Слезы застилали глаза, и она не сразу сообразила, что видит позади кровати принца-регента: две бесформенные темные тени. Наконец она разглядела изображение волка Эддонов на одежде одной из фигур и растекающуюся темную лужу крови под обоими телами. Бриони поняла: охранники Кендрика тоже мертвы.

7. СЕСТРЫ ХРАМА УЛЬЯ

ДНИ

*Каждый луч света между восходом и закатом
Стоит того, чтобы за него умереть.*

Из «Оракулов падающих костей»

В ее памяти навсегда остались пряный аромат жасминовых свечей и сонный гул храма Улья, дыхание возбужденных и испуганных девушек – все звуки и запахи, окружавшие ее в тот миг, когда мир полностью изменился. Разве могло быть иначе? Одной встречи с живым богом, автарком Сулеписом Бишахом ам-Ксисом III, избранником Нушаша, повелителем Поднебесья и Соколиного трона, господином всего сущего – хвала его имени! – хватило бы, чтобы потрясти простого смертного до глубины души. Но то, что произошло с Киннитан, было совершенно невероятным и навечно останется таковым.

Даже через год, когда ей пришлось распрощаться с беззаботной роскошной жизнью в обители Уединения и бежать по темным улицам Великого Ксиса, чтоб спастись от неминуемой смерти, она все еще помнила каждую минуту того дня.

Как и многие другие, он начался с того, что подруга Дани разбудила Киннитан затемно.

– Ну, вставай же, Кин-я, вставай! – Дани была взволнова-

на и едва сдерживалась, заставляя себя говорить шепотом, как требовал обычай. – Уже сегодня! Он приезжает! В Улей!

В тот день Киннитан поднялась на недостижимую высоту – к почестям, о которых не смела и мечтать. Но если бы она знала, к чему все приведет, то постаралась бы избежать этого любой ценой; так отчаянная жажда свободы заставляет шакала, угодившего в капкан, отгрызть себе лапу.

Они спешили по коридору – две шеренги девушек с мокрыми после ритуального омовения волосами. Платья прилипали к телам, ненадолго давая приятную прохладу; день обещал быть жарким. Пышные кудри Киннитан рассыпались по плечам, одна странная рыжая прядь почти терялась среди черных влажных волос. Старухи с улицы Кошачьего Глаза, где она выросла, называли эту прядку «ведьминым локоном» и при виде ее совершали обряд защиты от зла. Однако никаких колдовских способностей, да и вообще ничего особенного в Киннитан не проявилось. Некоторые дети дразнили ее «полосатой кошкой», но когда девочка подросла, люди перестали обращать на это внимание – как привыкают к бородавке возле носа или к косоглазию.

– Зачем *он* едет сюда? – спросила Киннитан, еще не до конца проснувшаяся.

– Узнать, что думают пчелы, – ответила Дани. – Разве не ясно?

– Думают о чем?

Жрицы и сама повелительница Улья нередко рассказывали о правителях, приезжавших сюда когда-то, чтобы набраться мудрости у священных пчел – крошечных оракулов всемогущего бога огня Нушаша. Правда, это было невероятно давно. Жрицы Великого Улья называли имена владык из далекого прошлого – Ксарпедон и Лептис. Однако на сей раз испросить совета у пчел Нушаша собирался настоящий живой правитель, воплощение бога на земле. В это трудно поверить. Отец Киннитан всю жизнь служил священником в храме Нушаша, но ему ни разу не довелось принимать автарка. А Киннитан посвятили в послушницы чуть больше года назад, и вдруг такая удача. Она подумала, что это несправедливо.

Автарка, живого бога, звали Сулепис. Он занял Соколиный трон не очень давно и был довольно молод. Киннитан помнила смерть его отца – старого правителя Парнада. Вслед за Парнадом умерли, но уже насильственной смертью, и его сыновья – претенденты на престол, соперники ныне царствующего автарка. Все это произошло, когда Киннитан только начинала служить пчелам. Лихорадка, охватившая тогда страну, заметно отражалась на жизни Улья. Позже, когда волнения улеглись, Киннитан с удивлением обнаружила, что обычная жизнь в храме совсем иная. Возможно, неожиданное желание посетить эту задымленную пасеку в одном из уединенных уголков обширного древнего храма Нушаша объясняется молодостью автарка.

Первые месяцы правления Сулепис занимался наказанием удаленных провинций, слишком поздно, на свою беду, сообразивших, что молодой автарк – отнюдь не безвольный правитель. Тогда у него не хватало времени на церемониальные посещения и празднования, позволяющие народу лучше узнать своего повелителя.

– Как ты думаешь, он хорош собой? – спросила Дани приглушенным шепотом. Она была потрясена и испугана собственной дерзостью.

Не зная, что ответить, Киннитан лишь пожала плечами. Она никогда не думала об автарке как о мужчине – это же нелепо, как если бы червь стал размышлять о цвете горы. Киннитан не рассердилась на подругу. Она прекрасно понимала, как та испугана – а кто бы на ее месте не боялся? Ведь они ждали встречи с живым богом, таким же далеким от них, как звезды. Он вправе взять жизнь любой из них с той же легкостью, с какой Киннитан убивает муху.

Прислужницы миновали узкий переход и попали в застекленную галерею, ведущую из жилых помещений к храмовым постройкам. На протяжении этих двенадцати или пятнадцати шагов – в зависимости от того, насколько быстро шла первая девушка, – Киннитан могла видеть расположенный внизу Великий Ксис, где она когда-то жила среди людей, которые разговаривали в полный голос, а не шепотом. (Правда, и там она не имела абсолютной свободы.) В Улье шепотом говорили всегда, и иногда это раздражало не меньше, чем крики.

– Как ты считаешь, *он* будет с нами говорить? Какой у *него* голос, как ты думаешь?

– Дани, успокойся!

Лишь несколько мгновений Киннитан могла издали любоваться городом. Она скучала по улицам Ксиса, и каждый раз, проходя по галерее, впитывала в себя каждую частицу увиденного. Широко раскрытыми глазами она смотрела на голубое небо, подернутое дымом миллионов очагов, на перламутрово-белые крыши, тянувшиеся далеко к горизонту, словно усыпанный камнями бескрайний берег. То тут, то там среди однообразных каменных построек вздымались устремленные вверх башни – дома состоятельных людей. Яркие полосы и золотые украшения делали эти здания похожими на рукава великолепного платья – будто сжатые в кулак человеческие руки поднимались к небесам. У богатых не было претензий к небесам, и им следовало бы изобразить не сжатые кулаки, а широко раскрытые ладони – на случай, если боги захотят послать еще больше счастья тем, кто в нем уже купается.

Киннитан не раз представляла себе, как сложилась бы ее жизнь, родись она в семье правителей, а не купцов средней руки; будь ее отец землевладельцем, а не простым жрецом в одном из крупнейших храмов Нушаша. Конечно, все могло сложиться и хуже, если бы он поклонялся другим богам, стремительно терявшим свое влияние и уступавшим место могущественному богу огня.

– Мы так рады, что сделали это для тебя! – говорили ей родители.

Она прошла посвящение в послушницы храма Улья, хотя молила богов (вот настоящее богохульство, надо признать), чтобы этого не случилось.

– Куда более богатые семьи готовы проливать кровь за подобную честь, – повторяли родители. – Ты будешь служить в личном храме правителя!

Храм был огромный, с бесчисленным множеством помещений и залов. Казалось, будто он не меньше самого Великого Ксиса. Киннитан стала одной из сотен прислужниц сестер Улья. Даже жрица, отвечавшая за жилые покои Улья, знала по именам лишь малую часть девушек.

– Не представляю, что я почувствую, если *он* посмотрит на меня. А вдруг упаду в обморок? Велит ли *он* меня казнить?

– Перестань, Дани. Наверное, люди постоянно падают в обморок в его присутствии. Он ведь бог.

– Ты так странно отвечаешь, Кин. Ты не заболела? Краткий миг свободы закончился: громадный город скрылся из виду, когда они прошли галерею. Как говорила одна из тетушек Киннитан, Ксис настолько велик, что птица потратит всю свою жизнь на перелет с одного конца города на другой, а по пути будет останавливаться, чтобы поспать, поесть и, возможно, свить гнездо. Киннитан не очень-то верила тетушке, а отец и вовсе высмеял ее тогда. Но, несомненно, большой мир за стенами храма несопоставим с жизнью внут-

ри Улья. Храмовая жизнь ограничивалась дорогой из жилых помещений в храмовые залы и обратно, и Киннитан жаждала стать той самой птицей, гордо парящей над бескрайним городом.

Даже надоедливая болтушка Дани замолчала, едва они оказались в огромном зале. Входя сюда, девушки каждый раз испытывали благоговение – их поражали размеры каменных колонн, сделанных в виде стволов кедров. Колонны раз в десять превышали человеческий рост и исчезали в черных тенях под потолком. Когда Киннитан впервые пришла в храм, девушку удивила его мрачность, но со временем она поняла, насколько это правильно. Огонь хорошо виден лишь в темноте, а на солнце он теряется и не производит впечатления.

Старейший жрец храма зажигал огромные фонари. Уже были видны открытые глаза Нушаша в другом конце зала. Жрец поднимал факел на длинном шесте, мелкими шажками переходил от одного светильника к другому. Казалось, в его затрудненных движениях едва теплится жизнь – он двигался, как насекомое, чувствующее, что за ним наблюдает голодная птица. Жрец оставался единственным мужчиной, которого могли видеть послушницы во время исполнения ежедневных обязанностей. Он был избранным и не представлял никакой угрозы для девственниц не только в силу своего возраста. Однако Киннитан казалось, что сестры Улья выбрали на эту должность дряхлого старика специально; во всяком случае, уж никак не за ловкость и расторопность. Вот и сей-

час он делал свое дело невероятно медленно, может быть, несколько часов. Горело уже больше половины фонарей. В их свете на стене мерцали неровные линии священной надписи – начертанный золотыми буквами гимн богу огня.

Один лишь ты приносишь в мир добро,
Великий, несравненный бог Нушаш.
О ясноглазый царь небесных врат!
Приходим в мир мы все через тебя,
И быстротечна наша жизнь, как дым,
Твое тепло дает нам жизни дар.
И мы спасемся в пламени горячем
Бессмертного и яростного сердца...

Отец Киннитан, гордившийся величием своего бога, любил рассказывать о нем. Нушаш – главное божество мира, господин огня – ездил по небу на самом солнце. Его повозка куда больше земного дворца, ее колеса выше самых высоких башен. Каждый день могущественный Нушаш пересекает небо, попирая коварство и Аргала Темного, расставляющего ему ловушки, и чудовищ, что пытаются преградить путь. Он неуклонно движется к темным горам и никогда не уклоняется от выбранного пути, чтобы на следующее утро снова принести свет – ради жизни на земле.

Лабиринт и внутреннее святилище располагались за массивным, богато украшенным сводчатым проходом. В глубине сияла золотая статуя Нушаша. В бесконечных коридорах

и залах располагались жилые помещения, часовни и хранилища, переполненные дарами. Целая армия священников занималась тем, что принимала подношения и вносила их в списки. Храм, где сосредоточилась земная власть бога огня, являлся осью, вокруг которой вращался мир. Девушкам не позволялось посещать недра святилища. Как, впрочем, и всем остальным женщинам – не были исключением ни высочайшая жена повелителя, ни его благословенная мать.

Процессия повернула налево и вошла в узкий коридор. Девушки, легко ступая по каменным плитам, спешили к храму Улья священных пчел бога огня – таково было его полное название. Даже самые молодые сестры Улья, совсем недавно попавшие сюда, почувствовали, что это особенный день: их поджидала сама верховная жрица в сопровождении старшей послушницы. Верховную жрицу Раган почитали не так высоко, как оракула Мадри, однако она стала хозяйкой храма Улья, а значит, одной из самых влиятельных женщин Ксиса. Тем не менее, она была простой и даже доброй, хотя терпеть не могла глупости.

Верховная жрица хлопнула в ладоши. Девушки тотчас замолкли и образовали возле нее полукруг.

– Вы все знаете, какой у нас сегодня день, – заговорила Раган низким голосом. – Знаете, кто к нам приезжает. – Жрица прикоснулась к своей церемониальной мантии с капюшоном, словно проверяла, не забыла ли ее надеть. – Думаю, нет нужды повторять, что храм должен быть идеально чистым.

Киннитан еле сдержала стон. Они всю неделю мыли и убрали – куда уж чище?

Лицо Раган сохраняло суровое выражение, соответственно случаю.

– За работой вы будете возносить благодарности. Будете восхвалять Нушаша и нашего великого правителя за оказанную нам честь. Будете размышлять над необычайной важностью этого визита для нашей жизни. Но прежде всего вы будете думать о священных пчелах и их безропотном вечном труде.

– Они такие красивые, – сказала старшая послушница. На минуту оторвавшись от работы, Киннитан посмотрела на огромные ульи за пропахшей дымом шелковой сеткой: большие цилиндры из обожженной глины, украшенные полосками из меди и золота. Зимой под громоздкие подставки ставили горшки с кипящей водой и таким образом обогревали ульи (эту работу Киннитан терпеть не могла – от нее на руках оставалось множество ожогов). Пчелы бога огня обитали в прекрасных домиках, что могли сравниться с жилищами самых высокопоставленных и богатых людей. Пчелы тихонько жужжали, словно от удовольствия и сознания своих привилегий, и от этого низкого звука в ушах щекотало, а волосы на затылке шевелились.

– Да, госпожа Крисса. Они очень красивые, – согласилась Киннитан.

Больше всего в храме ей нравились улы и трудолюбивые, спокойные пчелы.

– Сегодня у нас замечательный день, – сказала старшая послушница.

Она была еще молода, и, если не обращать внимания на шрам, тянувшийся от глаза к щеке, ее можно было бы назвать миловидной. Девушки исподтишка потешались над внешним дефектом госпожи Криссы, а Киннитан не хватало духу спросить, откуда он появился.

– Невероятно замечательный день, – повторила Крисса. – Но ты выглядишь не очень счастливой, дитя мое. Отчего?

– Вовсе нет, госпожа. – Киннитан затаила дыхание. Она удивилась и даже немного испугалась, поняв, что ее необычное настроение отразилось на лице. – Я самая счастливая девушка в мире. Ведь мне повезло попасть сюда и стать сестрой Улья.

Кажется, старшая послушница не очень-то поверила, но все равно одобрительно кивнула.

– Все верно. Девушек, желающих оказаться на твоём месте, наверное, больше, чем песчинок на морском берегу. А тебе особенно повезло – к тебе благоволит ее преосвященство Раган. Иначе девушку твоего... Иначе тебя могли и не выбрать из огромного числа достойных кандидатов. – Крисса погладила Киннитан по руке. – Конечно, это благодаря твоему бойкому языку, хотя, по моему мнению, тебе следует научиться сдерживать себя. Мне кажется, ее преосвя-

щенство надеется, что в один прекрасный день ты станешь старшей послушницей, а это великая честь. – Крисса кивнула, будто давая понять, что так было и с ней: тяжкий труд и счастливая судьба. – Но столь высокое призвание требует отказа от семьи и друзей, а это весьма нелегко. Я помню, как трудно мне далось такое решение.

Киннитан хотелось расспросить досточтимую загадочную госпожу Криссу о ее детстве и о жизни до храма. Но сетка, отделявшая ульи, вдруг всколыхнулась от сквозняка. На сетке сидели сотни пчел, и колебание было совсем слабым, однако вслед за сквозняком в большом зале послышались шаги. Страх и волнение заставили старшую послушницу и ее молодых помощниц выпрямиться и повернуться к дверям. Там, воздев руки к небу, появилась верховная жрица.

– Молитесь высочайшему, – выдохнула Крисса. – Он уже здесь!

Киннитан опустилась на колени рядом со старшей послушницей. Звук шагов по полированным каменным плитам пола становился все громче, и в зале появились солдаты – у каждого на поясе висел изогнутый меч, а на плече красовалась длинная труба с раструбом из отполированной до блеска и покрытой узорами стали. Это были «леопарды» автарка: только им позволялось носить черные, отделанные золотом доспехи. Как странно: Киннитан никогда не думала, что здесь, в главной галерее Улья, она увидит мужчин, тем более – вооруженных мушкетами воинов. Вслед за ними по-

явились слугители Нушаша в праздничных одеждах, а затем еще один отряд солдат. Эти были попроще «леопардов», но вид все-таки имели устрашающий: они держали в руках длинные копыя и мечи.

Наконец топот и шаги утихли. Киннитан исподтишка взглянула на Криссу: на лице старшей послушницы было написано волнение, даже ликование.

Воины внесли просторный деревянный паланкин, украшенный золотом и закрытый тяжелыми занавесками с вышитым летящим соколом – гербом царствующей семьи. Паланкин опустили у дверей, и один из воинов откинул занавески. Киннитан почувствовала, как все женщины – несколько десятков – затаили дыхание. Из тени паланкина появилось лицо.

Киннитан сглотнула, и это простое движение далось ей с большим трудом. Правитель оказался уродом.

«Ну не совсем уродом», – решила она, взглянув на него еще раз.

Молодой человек в паланкине был сторбленным, жалким, похожим на старика, с чересчур большой для его хилого тела головой. Он заморгал, огляделся по сторонам, словно человек, спросонья открывший не ту дверь, потом отодвинулся обратно в темноту своего отгороженного занавесками убежища.

Киннитан еще не отошла от изумления, когда «леопарды» сняли с плеч ружья, подняли их вверх и с грохотом опустили

на плиты пола – бум! бум! Ей показалось, что прозвучали выстрелы, а некоторые из сестер Улья даже вскрикнули от неожиданности и страха.

Как только звуки смолкли, появились еще шесть солдат в черно-золотых доспехах, и только потом в галерею вошел человек не менее странный, чем тот, что сидел в носилках.

Слишком длинная шея и вытянутое лицо придавали его облику весьма диковинный вид. Необычной была и его манера по-паучьи сгибать пальцы, поднимая руки вверх. Худое смуглое лицо под высокой куполообразной короной ничем особенно не выделялось; правда, длинный подбородок и костистый нос с горбинкой, вроде клюва сокола, не вязались с его молодостью. У него была небольшая аккуратная черная борода, глаза же, зорко осматривающие комнату, казались огромными и блестящими. Несколько жрецов Нушаша вышли вперед и начали петь и размахивать кадилницами, наполняя воздух вокруг высокого молодого человека дымом курений.

– Кто это? – спросила Киннитан под прикрытием шума, производимого священниками.

Крисса была изумлена тем, что девушка решилась заговорить, пусть даже ее и не было слышно за голосами жрецов.

– Это же правитель, глупая! – ответила она.

Ну конечно, этот подходил на роль правителя куда больше – в нем, несомненно, ощущались сила и властность.

– Но кто же тогда тот, в паланкине?

– Это его наследник, скотарк. А теперь молчи. Киннитан почувствовала себя полной дурой. Отец говорил ей, что скотарк, официальный наследник автарка, нездоров. Но она на чисто забыла про это и уж никак не ожидала, что он болен так сильно. А если учесть, что жизнь и власть самого автарка зависят от здоровья и процветания скотарка – так гласит древнее ксиссианское поверье, – Киннитан не могла не удивиться тому, что автарк выбрал наследником столь слабого человека.

«Это ничего не значит», – напредила она себе.

Ведь они неизмеримо выше Киннитан. И все, что происходило в высочайшем доме, так же далеко от ее жизни, как звезды на небе.

– Где госпожа храма? – Голос повелителя был высоким, но твердым. Он звенел в огромном помещении как серебряный колокольчик.

Верховная жрица Раган вышла вперед, склонив голову. Ее стремительная походка вдруг превратилась в осторожную поступь испуганного зверя. Именно это, а не солдаты и священники, заставило Киннитан в полной мере осознать, что она находится в присутствии высшего существа ужасающей силы: прежде Раган никогда никому не кланялась.

– Твоя слава отбрасывает свет на каждого из нас, о повелитель Поднебесья, – заговорила Раган, и голос ее чуть-чуть дрожал. – Улей приветствует тебя, а пчелы радуются твоему присутствию. Мать Мадри готова предложить тебе всю муд-

рость, которую могут даровать священные пчелы Нушаша. Она молит о твоём милостивом снисхождении, Бесценный. Она слишком стара, ей тяжело долго находиться на сквозняке в храме.

На хищном лице автарка промелькнуло выражение, более всего похожее на самодовольство.

– Старая Мадри оказывает мне слишком много чести, – ответил он. – Видите ли, я пришел не за тем, чтобы выслушивать оракула. И от пчел мне ничего не нужно.

Даже окруженные сотней вооруженных солдат, сестры Улья не сдержали возгласа удивления. В некоторых голосах даже звучал упрек: прийти в храм и не посоветоваться с пчелами?..

– Простите, я... я не совсем понимаю, о Бесценный. – Верховная жрица Раган была явно сбита с толку. Она отошла назад и опустилась на одно колено. – Посланец верховного жреца сообщил нам, что вы желаете посетить Улей, потому что ищете что-то...

И тут автарк рассмеялся. Смех его был настолько странным, что у Киннитан по телу побежали мурашки. Занавеска на паланкине зашевелилась, словно скотарк выглядывал из-за нее.

– Да, все верно. Я что-то ищу. Ну давай, Пангиссир, выходи. Где ты там? – позвал правитель.

Из-за шеренги «леопардов» показался человек в темных одеяниях. Его длинная узкая борода струилась вниз, как се-

ребристый водопад. Это Пангиссир, как догадалась Киннитан, – верховный жрец Нушаша, а значит, еще один очень могущественный человек в Ксанде. Он был толстым и выглядел так, словно его вовсе не занимали обычные человеческие заботы, – словно трутень в священном улье.

– Слушаю тебя, Бесценный.

– Ты говорил мне, что здесь я могу найти себе невесту. В отличие от жриц Улья Пангиссир держался совершенно спокойно. Ему уже пришлось пересмотреть сотни невест для автарка, и это дело стало для него вполне привычным.

– Она совершенно точно находится здесь, Бесценный, – сказал он. – Мы это знаем.

– Ты уверен? Тогда я сам ее найду.

Автарк сделал несколько шагов вдоль ряда коленопреклоненных перепуганных сестер Улья. Киннитан, как и остальные прислужницы, не могла взять в толк, что происходит. Когда автарк и «леопарды» приблизились к девушкам, она не придумала ничего лучшего, чем уткнуться лицом в пол и замереть, как перепуганная мышка.

– Вот эта. – Голос автарка раздался совсем рядом с ней.

– Да, это невеста, Бесценный, – подтвердил Пангиссир. – Повелителя Поднебесья невозможно обмануть.

– Замечательно. Пусть ее приведут ко мне сегодня вечером вместе с родителями.

И только когда грубые руки солдат подхватили Киннитан под мышки и подняли на ноги, девушка поняла: это поразит-

тельное, невероятное событие случилось не с кем-нибудь, а именно с ней.

8. УБЕЖИЩЕ

ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБЕС

Роса испаряется, идет дождь.

Между ними – туман.

Между ними – все сущее.

Из «Оракулов падающих костей»

Это был самый длинный час в его жизни. Женщина, которую он безнадежно любил, только что плюнула ему в лицо и обвинила в убийстве своего брата, и он вовсе не был уверен, что она ошибается. Кровь выступила там, где она расцарапала ему лицо, ссадины горели оттого, что в них попадали слезы и пот. Но чувство вины давило на него сильнее этой боли: казалось, его сжимают стенки свинцового гроба. Ведь он поклялся защищать короля и его семью! Самого Олина не было уже много месяцев, он томился в плену далеко отсюда. А теперь его сын и наследник растерзан в собственной спальне, в замке Южного Предела.

«Если приближается конец света, – подумал капитан королевских гвардейцев Феррас Вансен, – пусть он наступит побыстрее. Лишь бы закончилась эта чудовищная ночь».

Иерарх Сисел, потрясенный до глубины души, удивленно оглядывался и что-то бормотал себе под нос. Он только что примчался из гостевых покоев башни Лета и склонился над

окропленным телом принца Кендрика, лихорадочно пытаюсь вспомнить слова молитвы над умершим. Он давно не исполнял обязанностей обычного священника. Тело принца положили на кровать, его глаза закрыли. Казалось, он просто отдыхает, так спокойна была его поза. На истерзанное тело набросили расшитую золотом ткань, оставив открытыми лишь обнаженные плечи и лицо. Однако на ткани уже проступали ярко-алые пятна крови. Бледный и взволнованный Чавен – Вансен никогда не видел его таким – ждал, когда можно будет осмотреть тело убитого принца, прежде чем девственницы Керниоса заберут усопшего для подготовки к похоронам.

Близнецы не отходили от мертвого брата и были похожи на выживших в жестоком сражении. Их одежду покрывала засохшая кровь. На рубашке Бриони ее было так много, что кто-нибудь, вошедший в спальню только сейчас, мог бы принять девушку за убийцу принца. Она стояла на коленях у кровати, прижавшись головой к руке Кендрика, и горько рыдала.

«Принцу, должно быть, неудобно», – невольно подумал Вансен. Но тут же вспомнил: принцу теперь все равно.

Никто не решался предложить близнецам уйти. На это решился лишь комендант крепости Авин Броун, крупный мужчина с густым низким голосом. Его не связывали с Эддонами семейные узы, но он был близок к ним, как никто из родственников.

– Нам нужно кое-что сделать, моя госпожа, – пробасил

он. – Не годится, чтобы принц лежал здесь вот так. Отойдите, позвольте врачу и девицам сделать свои дела.

– Я не покину его, – ответила Бриони, даже не подняв глаз.

– Уговорите ее, – обратился комендант к бледному Баррику, чьи волосы были по-прежнему взъерошены после сна, и он походил на маленького испуганного ребенка. – Помогите мне, ваше высочество. Мы никогда не узнаем, что здесь произошло, и не выясним, чья жестокая рука сотворила это страшное злодеяние, если не сможем... если нам придется действовать в присутствии скорбящей семьи.

– Черный человек!.. – произнесла Бриони, вода вокруг лихорадочно блестящими глазами. – Моя фрейлина видела во сне черного человека. Где этот негодяй Давет? Это он сотворил? Он убил моего... моего...

Губы ее задрожали, и она снова безудержно зарыдала, уткнувшись головой в тело Кендрика.

– Моя госпожа, вы должны уйти, – повторил Броун, в отчаянии дергая себя за бороду. – У вас еще будет возможность попрощаться с принцем, обещаю.

– Он не принц! Он мой брат!

– Он был и принцем, и братом, ваше высочество.

– Бриони, нужно уступить. – Баррик говорил вяло, словно лгал и заранее знал, что никто ему не поверит.

Авин Броун обернулся за помощью к капитану. Вансен вышел вперед, совсем не желая делать то, что подсказывал ему долг. Броун уже держал девушку за одну руку. Вансен

взялся за другую, но Бриони, протестуя, посмотрела на него с такой ненавистью, что он разжал пальцы.

– Принцесса, – прошипел Броун, – ваш старший брат умер, и этого не изменить. Посмотрите вокруг. Посмотрите!

– Оставьте меня в покое!

– Ну уж нет, будь проклята эта ночь! Взгляните за двери! За дверями покоев принца столпились десятки людей. Они казались призраками в свете фонарей, они были напуганы и до сих пор не верили в реальность случившегося.

– Теперь вы с братом возглавляете династию Эддонов, – говорил Броун хриплым шепотом. – Люди должны видеть вас сильными. А скорбь подождет до тех пор, пока вы не окажетесь наедине с собой. Неужели вы не можете взять себя в руки и проявить мужество ради вашего народа?

Первым желанием Бриони было плюнуть ему в глаза. Но она остановилась, немного подумала и кивнула, потом тыльной стороной ладони смахнула слезы со щек.

– Вы абсолютно правы, комендант. Но я никогда не прощу вам этого.

– Я занимаю свою должность не ради того, чтобы меня любили или прощали, госпожа. Идемте. Вы в трауре, но вы остаетесь принцессой. Исполним наш долг. – Броун протянул ей свою сильную руку.

– Нет, спасибо, – отказалась она. – Баррик?

Брат-близнец неуверенно шагнул к ней.

– Что мы должны делать? – спросил он.

– Сейчас мы отправляемся в часовню. – Лицо Бриони было неподвижным и бледным, словно вылепленным из белой глины. – Мы будем молиться за Кендрика. Мы зажжем много свечей. А когда комендант и так называемый капитан гвардейцев сумеют выяснить, кто же убил брата у них под самым носом, мы вынесем убийце заслуженный приговор.

Она приняла руку брата и обошла Ферраса Вансена, даже не взглянув на него, точно он корова, овца или какое-то другое безмозглое животное, которое само не догадается уступить дорогу. Когда она проходила мимо, Феррас видел, что глаза принцессы полны слез, но голова уже гордо поднята. Придворные и все присутствующие отступили назад, к стене, освобождая им путь. Кто-то испуганным голосом задавал вопросы, но Бриони и ее брат прошли мимо, будто люди были не более чем деревьями, а их голоса – шелестом ветра.

– Ваше преосвященство, вы пойдете с ними? – спросил Авин Броун, когда близнецы отошли достаточно далеко, чтобы не слышать его голоса. – Нам нужно, чтобы их здесь не было, иначе мы не сможем без помех заниматься своим делом. Но сердце мое болит за них и за королевство. Не могли бы вы поддержать их молитвой, помочь обрести силы?

Сисел кивнул и отправился следом за принцем и принцессой. Вансен не мог не восхититься, как ловко его начальник удалил иерарха, словно тот был простым слугой. Сделать это было необходимо, так как служитель церкви подчинялся непосредственно тригонату в далеком Сиане.

Когда все ушли, Броун нахмурился и сплюнул. Вансена потрясло такое неприкрытое пренебрежение к покойному, но коменданта, по всей видимости, занимали другие мысли.

– Хорошо, хоть Вороновы ворота закрыты на ночь, – проворчал Броун. – Но уже утром новость помчится от дома к дому, как пожар, разнесется по всем окрестностям, и мы не будем в силах с этим справиться. Мы не сможем ни ответить на вопросы, ни скрыть правду. Молодые принц и принцесса должны завтра показаться народу, иначе возникнет паника.

«В королевстве образовалась пустота, – подумал Феррас Вансен, – Ужасающая пустота».

Только сильный человек сможет заполнить эту пустоту. А что, если Авин Броун считает таким человеком именно себя?

Несомненно, он вполне подходит. Комендант крепости был одного с Вансеном роста – а Вансена маленьким не назовешь – и в два раза шире его. Кроме того, он носил пышную бороду. В своем черном плаще (Феррас подозревал, что старик накинул его прямо на ночную рубашку) он напоминал скалу, о которую может разбиться корабль... или на которой можно воздвигнуть огромный дом. Впрочем, в королевстве найдутся и другие люди, считающие себя достойными носить корону.

Пока Чавен занимался телом принца, Авин Броун остановился у тел убитых стражников.

– Это Гваткин, так? – спросил он. – А второго я не узнаю.

– Каддик. Новенький. – Феррас нахмурился. Пару дней назад капитан слышал, как стражники насмеялись над Каддиком Длинноногим – тот еще ни разу не целовал девушку. И вот юноша умер. Вансен сглотнул внезапно появившийся в горле комок. – Здесь должны находиться еще двое стражников из охраны принца. Но я подумал, будет лучше, если они присмотрят за той частью внутреннего двора, где живут чужеземцы.

– Ты уже поговорил со стражниками? О боги, а вдруг они все уже мертвы, а чужеземцы рыщут по городу с окровавленными мечами?

– Я послал вестового, и он успел вернуться. Стражников возглавляет один из моих лучших людей – Дайер, вы знаете его. Он уверяет, что посол Иеросоля и его люди не покидали своих комнат.

– Ага. – Броун пошевелил одно из тел стражников носком башмака. – Резаная рана. Слишком ровная для удара мечом.

Но как могло случиться, что целый отряд бандитов напал на принца и убил его и при этом никто ничего не заметил? Даже если не отряд, а несколько человек. Не понимаю, как это произошло?

– Я не представляю, как отряд мог бы пройти незамеченным, мой господин. В коридорах были люди. – Феррас всмотрелся в лицо Гваткина: глаза широко открыты, челюсть отвисла; стражник явно не ожидал нападения. Он продолжал: – Правда, слуги слышали перед этим шум: кто-то спо-

рил, кричал, но не громко. Они не разобрали слов и не узнали голоса, но считают, что это никак не напоминало смертельную схватку.

– Где находилась личная прислуга принца? Его пажи?

– Их отослали, – сказал Феррас. Он не мог удержаться, чтобы слегка не поиздеваться над начальником. Неужели комендант думает, что Вансен вырос в семье фермера и потому у него не хватит ума позаботиться о таких простых вещах? – Принц сам отослал их всех. Они решили, что он хочет побыть в одиночестве. Возможно, чтобы подумать или обсудить с кем-то судьбу своей сестры.

– С кем?

– Они не знают, господин. Когда принц отсылал их, с ним никого не было. Пажам пришлось лечь спать вместе с кухонной прислужгой. Один из них вернулся за своими четками и наткнулся на тело. Он и поднял тревогу.

– Тогда мне нужно поговорить с тем пажом.

Броун присел на корточки над телами мертвецов, что было невероятно сложно, учитывая его грузную фигуру. Он дотронулся до одного из стражников.

– На нем кольчуга, – отметил комендант.

– Перерезано горло. Поэтому так много крови.

– И у второго тоже?

– Второму пытались перерезать горло, но умер он не от этого. Посмотрите на его лицо, господин.

– Что с его глазом? – спросил Броун, взглянув на другое

тело.

– Насколько я могу судить, что-то острое пронзило его, господин. И вошло глубоко в череп... Так мне представляется.

Авин Броун присвистнул и с трудом поднялся, словно медведь, вылезаящий из берлоги.

– Если мы исключили отряд убийц, можно ли предположить, что это дело рук одного человека? – произнес он. – Он, должно быть, замечательный воин, раз ему удалось уложить двух вооруженных людей. К тому же сам Кендрик неплохо владеет мечом. – Броун вздрогнул, словно испугавшись собственных слов, и сотворил охранительный знак. – Владел. Был ли у него шанс дотянуться до оружия?

– Мы не нашли никакого оружия, кроме того, что у стражников. – Феррас немного подумал. – Возможно, сначала напали на принца. Не исключено, что он отослал стражников с каким-то поручением, как и пажей, а когда они вернулись, хозяин уже был мертв.

Броун повернулся к Чавену. Врач, откинув покрывало, осматривал тело.

«Принц-регент стал похож на надгробный памятник, – подумал Феррас – Холодный и белый, как мрамор».

– Можете предположить, каким оружием его убили? – поинтересовался комендант.

Королевский врач поднял голову. Вид у него был озадаченный.

– Да, конечно. Нет, лучше посмотрите сами, отчего он умер.

Феррас и комендант подошли к кровати. Феррас не удержался и зажал большой палец в кулаке: этот знак делает человека невидимым для бога смерти Керниоса. За свою жизнь он повидал немало насильственных смертей, но впервые ему захотелось защититься.

Бледная кожа и светлые волосы Кендрика делали его таким похожим на младшую сестру, что Феррасу вдруг стало неловко смотреть на обнаженное тело, хотя капитан не раз видел принца раздетым и купающимся в реке после утомительной охоты.

Когда с трупа смыли кровь, все заметили следы порезов на мертвых руках. Значит, Кендрик защищался. Раны на груди и на Животе открылись во всей своей чудовищности: с полдюжины глубоких порезов, внутри которых запеклась алая кровь.

– Это не меч, – помолчав, сказал комендант. Его дыхание стало хриплым, словно вид ран обеспокоил его куда больше, чем он хотел показать. – Нож?

– Вероятно. – Чавен нахмурился. – Может быть, изогнутый нож. Видите, как раны расширяются с одной стороны...

– Изогнутый нож? – Густые брови Броуна поползли вверх. Он посмотрел на Ферраса, который вдруг почувствовал, что сердце его готово выскочить из груди от изумления и страха.

– Я знаю, у кого есть такой нож, – выдохнул Феррас.

– Мы все это знаем, – откликнулся комендант.

В голове у Баррика не осталось ни одной мысли. Шуршание одеяла, которое Бриони накинула поверх ночной рубашки, шарканье собственных шагов, бормотание людей – звуки смешались, будто он слушал шум моря в раковине. Он никак не мог поверить, что все случилось на самом деле.

– Принц Баррик, – позвал его кто-то; кажется, один из пажей. – Это правда, он умер? Наш господин Кендрик умер?

Баррик не решился отвечать. Он крепче стиснул зубы, чтобы не разрыдаться и не впасть в истерику.

Бриони знаком приказала всем отойти. Тогда любопытствующие окружили иерарха Сисела, пытаясь узнать новости у него. Сисел задержался, и близнецы ушли вперед. В конце коридора они повернули к часовне Эривора, но на следующем повороте Бриони двинулась в другую сторону.

– Нет, не туда, – подсказал ей Баррик, решивший, что бедная сестра заблудилась в собственном доме.

Но она тряхнула головой и пошла дальше, к следующему повороту.

– Куда мы направляемся? – спросил принц.

– Не в часовню.

Тон ее голоса казался совершенно ровным, словно ничего страшного не произошло. Но когда Бриони повернулась лицом к брату, в глазах ее была жуткая пустота. От этого незнакомого взгляда Баррику стало не по себе.

– В часовне они нас найдут, – пояснила Бриони.

– Что? О чем ты говоришь?

Сестра схватила его за руку и потащила в следующий коридор. Только когда Баррик увидел дверь старой кладовой, он понял, куда они пришли.

– Мы не были здесь... много лет, – сказала Бриони.

В кладовой она взяла с полки огарок свечи и зажгла его от настенного светильника в коридоре. Наконец они закрыли за собой дверь. Забегали знакомые тени. Баррик прекрасно помнил их игру.

– Почему мы не пошли в храм? – спросил он, боясь услышать ответ. Принц еще никогда не видел сестру в таком состоянии.

– Потому что там они найдут нас – Гейлон, иерарх и прочие. И заставят что-нибудь делать. – Лицо девушки было бледным, но решительным. – Неужели ты не понимаешь?

– Не понимаю – что? Кендрик... Бриони, Кендрика убили! Кто-то убил его! – Он потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. – Кто это сделал?

Глаза сестры блеснули от слез.

– Какая разница! Нет, я не то говорю: разница, конечно, есть. Но неужели ты ничего не понимаешь? Не понимаешь, что должно произойти дальше? Они сделают тебя принцем-регентом, а меня отправят в Иеросоль и выдадут замуж за Лудиса Дракаву. Теперь им это удастся. Все сейчас в ужасе и хотят вернуть отца.

– Но ведь не им решать, – возразил Баррик. Он не поспевал за ходом мыслей сестры – они менялись так стремительно, будто Бриони нес бурный речной поток, а принц оставался на берегу, увязнув в грязи. Баррик никак не мог сосредоточиться. Кошмары, что наполняли его сны, вдруг вырвались наружу и завладели его реальной жизнью. Кто-то должен все расставить по своим местам. Он сам удивился тому, что произнес, но он сказал правду: – Я тоже хочу, чтобы отец вернулся. Я очень этого хочу.

Бриони попыталась что-то ответить, но губы ее предательски задрожали. Она опустила на пыльный пол и обхватила колени Руками.

– Бедный... К-Кендрик! – Принцесса пыталась сдержать слезы. – Он был таким холодным, Баррик. Даже еще... когда еще не умер. Он дрожал.

Девушка всхлипнула и опустила голову на колени.

Баррик посмотрел на потолок кладовой, по которому, словно по воде, бежали блики от пламени свечи. Ему захотелось войти в реку вместе с Бриони и уплыть куда глаза глядят.

– Помнишь, мы прятались от него здесь, когда были маленькими? – спросил он. – Кендрик сердился, если не мог нас найти. А так каждый раз и получалось.

– Да, тетушка Мероланна рассказала ему про наше убежище, но он все равно забывал. – Бриони взглянула на брата и безрадостно улыбнулась. – Он бегал по залам и кричал:

«Баррик! Бриони! Я все расскажу отцу!» И страшно злился.

Они долго молчали, прислушиваясь к призрачному эху.

– И как же нам теперь быть? Я не хочу становиться регентом, совсем не хочу, – заговорил Баррик. – Мы должны сбежать. Тогда они не смогут сделать меня регентом, а тебя – отдать Лудису.

– Но кто будет править Южным Пределом? – спросила Бриони.

– Пусть правит Авин Броун. Или модник Гейлон. Боги свидетели, он мечтает об этом.

– Тогда ему тем более нельзя отдавать королевство. Сестра Утта всегда говорит: людям, которые жаждут власти, не следует ее доверять.

– Однако кроме них, никто ее не захочет, – возразил Баррик и сел рядом с сестрой. – Я не желаю быть регентом. А почему бы не доверить власть тебе? Ты ведь старшая.

Даже сейчас, несмотря на душевную боль, Бриони не могла не улыбнуться.

– Ты настоящее чудовище, Баррик, – ты сейчас впервые признал, что я старше. Но ведь речь идет о разнице в несколько секунд.

Баррик обмяк. Он не смог улыбнуться в ответ: предательская слабость, словно серый дым, проникала в тело, сердце и голову принца, спутала его мысли.

– Я хочу умереть, – сказал он. – Уйти к Кендрику. Это куда проще, чем убегать.

– Не смей так говорить! – Бриони схватила брата за руку и наклонилась, приблизив лицо к его лицу. – И не думай о том, чтобы оставить меня одну.

Ему так захотелось рассказать ей все, открыть сестре свою давнюю тайну, рождавшую страдания и ночные кошмары. Но многолетняя привычка прятаться была сильнее его даже в такой момент.

– Это ты оставишь меня одного, – сказал он вместо этого. В кладовой наступила тишина, но через мгновение они вдруг услышали слабый стук в дверь. Близнецы вздрогнули и посмотрели друг на друга. В полумраке свечи глаза их казались невероятно огромными.

Дверь со скрипом открылась.

В кладовую вошла тетушка – герцогиня Мероланна.

– Я так и знала, что вы здесь. Оба. Конечно, где вам еще быть.

– Они послали вас за нами, – с упреком произнесла Бриони.

– Да, совершенно верно. Все в замке охвачены ужасом, все ищут вас. Как можно быть такими недобрыми детьми? – Мероланна не столько сердилась, сколько делала вид. Она напоминала лунатика. Бледное круглое лицо, лишенное косметики, выглядело необыкновенно белым, словно она слишком долгое время провела в темноте. – Неужели вы не понимаете: самое худшее, что вы могли сделать, – это исчезнуть после... после...

Из груди Бриони вырвался всхлипывающий вздох.

– Ой, тетушка Ланна, они же у-у-убили его! – Она подползла к Мероланне и зарылась в необъятные теткины одежды. – Его... его больше нет!

Мероланна наклонилась и погладила девушку по спине, хотя ей нелегко было удерживать равновесие: Бриони буквально повисла на ней.

– Я все знаю, милая... Да, наш бедный милый маленький Кендрик...

Баррик вдруг остро почувствовал трагизм ситуации. Его сознание снова обрело способность воспринимать действительность. Пелена, застилавшая свет, упала. Он тоже подполз к Мероланне и обхватил ее руками. Теперь тетушка уже не смогла сохранять прежнюю позу – она ухватилась за полку, опустилась на пол и обняла обоих племянников. А они положили головы ей на колени, и их волосы смешались, как струи воды, медно-рыжие и золотистые. Близнецы разрыдались как маленькие дети.

Мероланна тоже заплакала.

– Мои бедные утята, – приговаривала она, ничего не видя из-за слез, стекавших по морщинистым щекам. – Мои бедные маленькие цыплятки. Мои несчастные, мои любимые...

Прежде чем вернуться к Авину Броуну и остальным, Бриони вытерла глаза. Она даже позволила Мероланне причесать волосы племянницы, но по-прежнему ощущала себя

пленницей, идущей на суд.

Мероланна успела рассказать близнецам, что, пока они отсутствовали, иерарх Сисел обыскал половину замка. Теперь он выглядел обиженным, хотя пытался сохранять серьезный и скорбный вид. Лорд Броун ни единым словом не упрекнул ни Бриони, ни Баррика за их странный поступок.

– Мы все вас ждем, – сказал он сестре и брату, жавшимся к Мероланне, словно та была их единственной защитой. – Нам еще предстоит сделать кое-какие неприятные вещи, а вы отныне представляете семейство Эддонов.

– Кто из нас? – спросил Баррик несколько раздраженно.

– Любой из вас, – ответил Броун несколько удивленно. Ему не приходил в голову этот вопрос. – Вы оба. Вы должны наблюдать за нашими действиями, чтобы справедливость не пострадала.

– О чем вы говорите? – удивилась Бриони.

Капитан гвардейцев Вансен стоял позади коменданта. Лицо его было расцарапано в кровь. Бриони вспомнила, как набросилась на него, и на миг почувствовала угрызения совести.

«Но ведь он жив, а моего брата убили», – подумала она, и укоряющий голос совести затих.

Вансен старался не смотреть ей в глаза, и не обращать на него внимания было очень просто.

– Я говорю о ноже, что оставил следы на теле вашего брата и его охранников, принцесса.

Броун обернулся на шум. В помещение вошел отряд солдат и остановился у дверей в ожидании приказаний.

– Объясните им, в чем дело, капитан Вансен. Феррас по-прежнему не мог смотреть принцессе в глаза.

– Лезвие кривое, – негромко сказал он. – К такому заключению пришел врач Чавен после осмотра... ран. Кривой нож.

Броун рассчитывал услышать что-то еще, но, не дождав-шись продолжения, нетерпеливо хмыкнул и повернулся к близнецам.

– Туанский кинжал, ваши высочества, – объявил он. Бриони не сразу поняла, что это может означать, но тут в ее памяти всплыло насмешливое красивое лицо посла.

– Тот человек! Давет!..

Она посмотрит, как с него сдерут кожу, как его сожгут заживо!

– Нет, – покачал головой Броун. – Он не покидал своих покоев до утра. И его спутники тоже не выходили. За ними наблюдали наши стражники.

– Тогда... Тогда кто же? – удивилась Бриони, но в следующее мгновение догадалась сама.

– Шасо? – произнес Баррик. Голос не слушался его. Принц с трудом выговаривал слова, чувствуя и страх, и радость. – Вы хотите сказать, Шасо убил моего брата?

– Мы не знаем наверняка, – ответил комендант. – Надо пойти к нему и все выяснить. Но он занимает высокую долж-

ность в Южном Пределе и является уважаемым другом вашего отца. Поэтому вы оба нам нужны.

Броун повел близнецов через зал в оружейную. Отряд стражников замыкал шествие: суровые лица скрывались под забралами шлемов. Иерарх и Мероланна не пошли с ними, направившись в часовню для молитвы.

«Что происходит? – удивлялась Бриони. – Неужели мир перевернулся? Шасо? Этого просто не могло быть. Скорее всего, кто-то украл у старика кинжал. К тому же есть и другие кинжалы! Трудно не поверить Чавену, но все объяснимо: на рынке у залива не составит труда купить десяток туанских ножей. Девушка шепотом поделилась своими мыслями с Барриком, но тот лишь отрицательно покачал головой. Казалось, вместе с пролитыми слезами ушла и вся любовь к сестре – он смотрел на Бриони безучастно.

По телу принцессы пробежали мурашки: «Милостивая Зория, неужели он превратится во второго Кендрика и отошлет меня Лудису, потому что так лучше для королевства?»

Трое стражников дежурили у дверей в покои Шасо.

Они никак не могли решить, кому докладывать: то ли непосредственно коменданту крепости, то ли своему капитану Вансену.

– Он не выходил, – доложил один из солдат, обращаясь куда-то в пространство. – Но мы слышали странные звуки изнутри. Дверь закрыта с той стороны.

– Выломайте дверь, – приказал Броун и повернулся к

близнецам: – Отойдите, пожалуйста, немного назад, ваши высочества.

Несколько ударов тяжелыми ботинками – и щеколда вылетела вон. Дверь распахнулась. Стражники ворвались в комнату с алебардами наперевес, но сразу же выскочили обратно. В дверном проеме появилась мрачная тень, похожая на дух чудовища из преисподней.

– Тогда убейте меня, – громко произнес дух. Голос его, как ни странно, был спокойным.

На мгновение Бриони показалось, будто в Шасо вселился бес, еще не привыкший пользоваться захваченным телом. Но нет – в дверях стоял не кто иной, как главный оружейник. Только он с трудом сохранял равновесие.

– Значит, я... предатель. Так убейте меня. Если сможете.

– Он пьян, – сказал Баррик, медленно выговаривая слова, словно это было самым удивительным происшествием нынешней ночи.

– Возьмите его, – приказал Авин Броун. – Будьте осторожны, он опасен.

Бриони не верила своим глазам.

– Только не убивайте его! – воскликнула она. – Он нужен нам живым!

Стражники двинулись вперед, размахивая алебардами, пытаясь загнать темнокожего Шасо обратно в комнату. Бриони заглянула внутрь и увидела страшный беспорядок: постельное белье изорвано и разбросано по полу, алтарь в углу

разбит вдребезги.

«Он или сошел с ума, или заболел», – подумала принцесса и снова крикнула:

– Не убивайте его!

– Вы хотите погубить солдат? – возмутился Авин Броун. – Этот старик – по-прежнему один из самых опасных воинов!

Бриони молча покачала головой. Оставалось лишь наблюдать, как стражники пытаются преодолеть сопротивление Шасо. Баррик прав: оружейника сильно шатало. Он либо напился, либо повредился умом, но с ним, даже без оружия, было тяжело справиться.

Впрочем, безоружным Шасо оставался недолго. Он вырвал алебарду у одного из стражников и ударил противника рукоятью, потом обрушил ее на голову другого, тщетно пытавшегося воспользоваться моментом. Уже двое солдат лежали на полу. Комната была слишком мала, чтобы сражаться на пиках. Шасо прижался спиной к дальней стене и стоял там, тяжело дыша. Руки и лицо старика покрывала засохшая кровь, едва различимая на его темном лице.

– Капитан, – распорядился Броун, – приведите лучников.

– Нет!

Бриони бросилась в комнату, но комендант удержал ее за руку, несмотря на яростное сопротивление.

– Простите, моя госпожа, – выговорил он сквозь стиснутые зубы, – но я не допущу, чтобы погиб еще один из Эддонов.

Неожиданно мимо них в комнату кто-то проскользнул. Это оказался Баррик. Броун едва успел произнести несколько раздраженных слов, как Баррик был уже за порогом.

– Шасо, – закричал он, – брось оружие на пол! Старик поднял глаза и отрицательно покачал головой.

– Это ты, мальчик?

– Что ты наделал? – Голос принца дрожал. – Боги проклянут тебя!

Шасо призадумался, потом улыбнулся горькой и страшной улыбкой.

– Сделал то, что нужно было сделать, то, что считаю правильным. Вы убьете меня за это? За честь своей семьи? Какая ирония судьбы.

– Сдавайся! – велел ему Баррик.

– Пусть стражники возьмут меня, если смогут. – Пьяный смех Шасо звучал ужасающе. – Мне безразлично, умру я или нет.

Некоторое время стояла гробовая тишина. Бриони онемела от отчаяния. Теперь темные крылья, предвещавшие несчастье, окрасились уже не черным, а кроваво-красным. Они распростерлись над замком Эддонов и над всеми его обитателями.

– Ты обязан своей жизнью моему отцу. – Голос Баррика звенел то ли от душевной муки, то ли от страха, то ли еще от чего-то – Бриони не понимала. – Пристало ли говорить о чести, когда ты готов отказаться от нее и убить невинных

людей вместо того, чтобы сдаться?

Шасо уставился на принца. Он отошел от стены, на миг потерял равновесие, но в следующий момент снова вскинул алебарду.

– Это говоришь мне ты, мальчик? Ты напоминаешь мне о чести?

– Да, я. Отец спас тебе жизнь. Ты клялся, что будешь верен ему и его наследникам. Мы – его наследники. Сложи оружие и вспомни о чести, если ты еще не забыл значения этого слова. Будь мужчиной.

Главный оружейник посмотрел на него, потом на Бриони – и рассмеялся. Лающий смех постепенно сменился тяжелым, прерывистым дыханием.

– Вы еще более жестоки, чем ваш отец и ваш брат, – сказал он и швырнул алебарду на пол, а в следующее мгновение снова покачнулся.

На этот раз он споткнулся и упал. Стражники тут же бросились к нему. Они навалились на старика и держали его, пока не убедились, что он не притворяется. Шасо потерял сознание – то ли от вина, то ли от усталости.

Солдаты за руки и за ноги подняли его с пола. Это потребовало усилий: главный оружейник был крупным мужчиной.

– Отнесите его в застенок, – приказал Броун. – Хорошенько закуйте в цепи. Когда он очнется, мы с ним серьезно поговорим. Хотя у меня нет сомнений, что мы нашли убийцу.

Когда Шасо несли мимо Бриони, он открыл глаза и по-

смотрел на девушку, пытаясь что-то сказать, но не сумел и лишь негромко застонал. Потом его глаза снова закрылись. От него сильно пахло вином.

– Такого не может быть, – прошептала Бриони. – Я не верю.

Феррас Вансен, капитан гвардейцев, нашел что-то возле скромной кровати Шасо. Он бережно взял эту вещь, обернув в обрывок какой-то ткани, и с видом слуги, которому доверили королевскую корону, подал находку близнецам и коменданту.

Это оказался изогнутый туанский кинжал размером в полруки – все видели его в ножнах на поясе у Шасо. Ручка, отделанная узорчатой кожей, и острый клинок, всегда отполированный до блеска, сейчас были забрызганы кровью.

9. СВЕТ БЛЕДНЫХ КРЫЛЬЕВ

ПОЯС ГОРНЫХ ДУХОВ

Одет он в омелу и маску пчелы.

Молния заставляет деревья расти

И землю – кричать.

Из «Оракулов падающих костей»

– Тоби! – громко позвал врач, едва переступив порог дома. Он не знал, что делать – рыдать, кричать, биться головой о стену? Слишком долго пришлось сдерживать чувства. – Будь ты проклят, где ты прячешься?

Двое других домочадцев – старый слуга и домоправительница – радовались, что гнев хозяина обрушился не на них. Они только что прибежали с площади между Вест-Грин-стрит и Вороновыми воротами, где в свете факелов собрались встревоженные горожане.

– Да, господин? – Тоби появился, вытирая руки о халат. Чавен недовольно поморщился при виде черных пятен на его одежде и удивился тому, что молодой человек приступил к работе в такой ранний час. Обычно Тоби трудно было заставить заняться делами, даже когда солнце высоко сияло на небе.

– Принеси мне чего-нибудь выпить, – приказал Чавен. – Хотя бы вина, этой торвианской гадости. На столе в спальне

есть открытая бутылка. Милостивые боги, мир разваливается на части!

Молодой человек не сразу выполнил приказ.

– Теперь может... начаться война? – спросил Тоби, и за его обычной угрюмостью явно прятался страх.

Чавен пожал плечами.

– Война? О чем ты говоришь?

– Госпожа Дженникин и Гарри говорят, что старший принц умер. Убит. А отец рассказывал мне, что, когда умер старший брат Олина, чуть не разразилась война.

Врач с трудом подавил желание выругать туповатого помощника. Мальчишку можно понять: сейчас все напуганы, и сам Чавен не испытывал подобного отчаяния со времен Улоса.

– Верно, Тоби, старший принц мертв. Но когда умер Лорик, брат Олина, наша страна процветала, и ей ничто не угрожало. К тому же наследник был мал, и у честолюбивых аристократов с их марионетками оставалось достаточно времени, чтобы попытаться захватить трон правителя Южного Предела. А теперь регентом, по-видимому, станет Баррик, потому что никто другой не захочет брать на себя ответственность за происходящее в королевстве. И все будут благодарны принцу за то, что он заменит отца хотя бы на время.

– Значит, войны не будет? – Тоби будто не заметил открытого сарказма Чавена, словно тот говорил на чужом языке. Он не решался посмотреть хозяину в глаза и поэтому опу-

стил голову, как упрямый баран, не желающий проходить в ворота. – Вы говорите правду, хозяин? Вы уверены?

– Я ни в чем не уверен, – ответил Чавен. – Ни в чем. Так что иди и принеси вина, кусок сыра, хлеб и вяленую рыбу. А потом оставь меня, мне нужно подумать.

Чавен задвинул портьеры на окнах. На улице было темно, хотя уже чувствовался утренний бриз. Рассвет должен был рассеять смятение, но этого почему-то не случилось. От вина лучше не стало, лишь свело скулы. Сегодня ночью многие испытали ужас, узнав о смерти регента, но из всех присутствовавших в замке один Чавен знал, что Граница Теней сдвинулась. Врачу казалось, что он стал свидетелем катастрофы. Она только началась, но в скором времени наберет силу – и тогда ее не остановить. Однажды Чавену довелось побывать в эпицентре бедствия (правда, не в Южном Пределе), и ему не хотелось бы пережить это снова.

Прежде чем отправиться спать, необходимо получить ответы на некоторые вопросы. Очень необычные вопросы.

С того момента, как врач увидел мертвое тело Кендрика, его терзала одна и та же мысль. Она преследовала его как наваждение, она была гораздо сильнее, чем та потребность в вине, которую он только что удовлетворил. Чавен пытался побороть эту жажду, он не хотел сдаваться так скоро и в то же время говорил себе, что сегодняшняя ночь – исключение, когда правила не действуют. Врач говорил себе: то, что он

сейчас узнает, спасет его собственную жизнь и, возможно, даже спасет королевство.

– Кло? – негромко позвал он. – Где ты, моя госпожа?

Она появилась не сразу – наверное, обиделась на его грубость и на то, что Чавен неожиданно сбежал из их общей постели и позвал Кло лишь через час после возвращения домой.

– Прости меня, – попросил он. – Я вел себя безобразно.

Наконец кошка сдалась, появилась из-за занавески и потянулась. Она была пятнистой, как леопард черно-серого окраса, с белыми кругами возле глаз. Чавен и сам не понимал, почему считает ее необыкновенно красивой. Врач еще раз щелкнул пальцами – и Кло подошла к нему нарочито медленно, словно старалась показать, что он нуждается в ней больше, чем она в нем. Он почесал ей шейку, и кошка не удержалась, замурыкала.

– Иди ко мне. – Чавен дал ей кусочек рыбы и посадил к себе на колени. – Нам с тобой предстоит работа.

Ни единая живая душа, кроме самого врача, не видела этой комнаты в замке Южного Предела: темное тесное помещение, расположенное глубоко под зданием обсерватории. Дверь выходила в тот самый коридор, через который в дом попали фандерлинг Чет и его странный подопечный. Вдоль стены комнаты от пола до потолка тянулись полки. На них стояли какие-то предметы, прикрытые темной тканью. Ча-

вен закрыл за собой дверь, задвинул засов, поставил подсвечник и взял в руки один из предметов – он был слишком велик, чтоб уместиться позади остальных, и потому его прислонили к стене. Кло обошла комнату, обнюхала углы, забралась на одну из верхних полок и свернулась клубком, внимательно глядя по сторонам блестящими глазами.

Врач очень осторожно снял с предмета бархатное покрывало. Там оказалось большое зеркало. Поставленное на пол, оно доходило Чавену до пояса. Врач раскрыл боковые створки, чтобы сделать его устойчивым.

Чавен опустился на пол перед зеркалом и довольно долго молчал, пристально вглядываясь вглубь стекла. Пламя свечей странным образом меняло обычные вещи и отбрасывало длинные шевелящиеся тени. Если в зеркале что-то и появилось, не каждый наблюдатель сумел бы это заметить.

Чавен очень долго молчал. Наконец, не отводя взгляда от стекла, он обратился к кошке:

– Кло! Подойди сюда, моя госпожа. Подойди.

Кошка снова потянулась, соскочила с полки и не спеша направилась к хозяину. Когда она остановилась, врач протянул руку и легонько стукнул по зеркалу:

– Ты видишь? Смотри сюда, Кло! Мышка!

Кошка вплотную подошла к зеркалу и уставилась в него горящими глазами. Ее уши подрагивали. И в самом деле, в дальнем темном углу отраженной комнаты что-то шевелилось. Кло присела, шевеля хвостом и наблюдая за движущейся

ся тенью за стеклом. Чавен, не отводя взгляда и затаив дыхание, смотрел в зеркало так же внимательно. Ни врач, ни Кло в зеркале не отражались. Там была видна пустая комната.

Вдруг Кло подалась вперед. Ее лапа словно двинулась сквозь зеркальную поверхность, но нет: она лишь наткнулась на холодное стекло. Кошка разочарованно зашипела. Чавен схватил ее, шлепнул и, открыв дверь, вышвырнул в коридор.

Кло раздраженно мяукнула, недовольная таким обращением.

– Подожди меня там. Здесь тебе делать нечего, – сказал ей Чавен, закрывая дверь. – Эту мышку тебе не удастся попробовать на вкус.

Он снова уселся перед зеркалом. Свеча уже догорала, и в комнате стало заметно темнее. Врач по-прежнему видел лишь отражение стен, и только у самой поверхности стекла, внутри зеркала, различал маленькое темное пятно.

Чавен пропел какие-то слова на древнем языке, помолчал и еще раз повторил песню. Затем вновь молча уставился на пятно. Он ждал.

Внезапно его ослепила вспышка бледного света. У Чавена были крепкие тренированные нервы, но он все равно не сдержался и едва слышно вскрикнул, словно от удивления. В глубине зеркала трепетали блестящие перья. Когтистая лапа наступила надохлую мышь, и острый клюв схватил подношение. Некоторое время из клюва еще торчал мышинный хвост, но вот и он исчез. Из зеркала таранила глазищи –

огромные и блестящие, как начищенная медь, – большая белая сова.

– Я не понимаю, – недовольно сказал мальчик, – почему мы опять пошли поверху? Мне нравятся туннели.

Чет оглянулся, желая убедиться, что они далеко отошли от группы фандерлингов-рабочих. Рассветное небо едва-едва начинало светлеть, придавая теням серебристую окраску, и большим людям, непривычным к темноте, пришлось бы освещать себе путь факелами. Товарищи Чета разговаривали о чем-то – вполголоса, но очень оживленно. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Чет взглянул на мальчика и ответил:

– Видишь ли, когда мы работаем во внутреннем дворе, мы всегда проходим через ворота. Запомни: во внутренний двор невозможно попасть через туннели.

Он многозначительно посмотрел на мальчика. Про себя Чет молил Старейших сделать так, чтобы ребенок не начал болтать о подземном пути в обсерваторию Чавена, а главное, чтобы этого не услышали другие фандерлинги.

– Но мы могли бы почти весь путь пройти под землей, – сказал Кремень, упрямо мотая головой. – Мне нравятся туннели!

– Я очень рад это слышать. Если останешься с нами, ты проведешь под землей большую часть своей жизни. А теперь молчи – мы подходим к воротам.

У сторожевой башни Вороновых ворот их поджидал очень тучный человек – молодой священник Тригона. Похоже, он никогда ни в чем себе не отказывал. Он заговорил с Четом без обычного пренебрежения, и это, безусловно, было приятно. Кому понравится, если тебе на каждом шагу дают понять, что ты не вышел ни ростом, ни умом?

– Меня зовут Андрос, – представился священник. – Я доверенное лицо смотрителя замка Найнора. А вы... – Он заглянул в книжку, переплетенную в кожу. – Роговик?

– Нет, Роговик заболел. Мое имя Чет. Теперь я буду возглавлять работы. – Он показал астион гильдии каменотесов – висевший у него на шее отполированный до блеска круглый кристалл, очень тонкий, но очень прочный. – Вот мой знак.

– Хорошо. – Священник не стал разглядывать кристалл. – В мою задачу не входит проверять ваши полномочия. Я пришел сообщить, что теперь вам предстоит выполнить несколько иные работы. Известно ли вам, что произошло здесь прошлой ночью?

– Конечно. Город фандерлингов в трауре, – ответил Чет. Все обстояло не совсем так, но новость, естественно, эхом пронеслась от дома к дому, и многие жители подземного города были потрясены и напуганы. – Мы не были уверены, нужно ли приходиться сегодня на работу, но поскольку нам не передали других указаний...

– Вы поступили правильно. Однако вместо намеченных работ вас ждет более печальное и более срочное задание. В

семейной усыпальнице, где упокоится принц Кендрик, уже нет места для нового погребения. Мы, конечно, знали об этом, но не ожидали, что склеп понадобится так скоро... Никогда не ожидали...

Андрос прервал свою речь и утер слезы рукавом. Чет не сомневался: священник скорбел совершенно искренне.

«Он наверняка знал принца, возможно, часто говорил с ним», – подумал фандерлинг.

Сам Чет ощущал лишь тревогу, поскольку никогда не видел принца ближе чем в ста ярдах.

– Будем рады услужить, – ответил он Андросу. Священник печально улыбнулся.

– Хорошо. У меня есть для вас инструкции от лорда Найнора. Работа должна быть выполнена очень быстро, но при этом необходимо помнить: вы готовите место для погребения принца из семьи Эддонов. Мы не успеем как следует украсить новую могилу, но мы обязаны позаботиться, чтобы в склепе было чисто и просторно.

– Мы сделаем все, что сможем.

Чет осматривал внутренности склепа, и у него сжималось сердце. Но маленький Кремень ничуть не испугался. Ни роскошная резьба, ни стилизованные маски оскалившихся волков, ни изображения спящих воинов и королей на старинных каменных надгробиях не произвели на мальчика сильного впечатления. Множество ниш, в каждой из которых покоил-

ся саркофаг, придавали стенам склепа сходство с пчелиными сотами.

– Тебе страшно? – спросил Чет.

Мальчик посмотрел на него непонимающим взглядом и отрицательно покачал головой.

«Хотел бы я чувствовать себя так же», – подумал Чет.

Шедшие вслед за ними рабочие притихли, продвигаясь по лабиринту между могилами. Чета не беспокоили мысли о духах и призраках, хотя в этом темном безмолвном месте трудно было не вспомнить о них. Фандерлинг, однако, размышлял о быстротечности сущего:

«Исполняй то, что тебе предназначено. Все равно рано или поздно ты придешь к этому. Сидишь ли ты дома и копишь деньги, поешь ли песни в пиршественном зале, угощаешь ли пивом своих друзей и родственников, в конце ты найдешь это... Или оно тебя найдет...»

Чет остановился возле одного из надгробий. На нем изображался вооруженный человек с мечом на поясе, со шлемом в руках. Бороду его обвивали ленты. Изображение было сделано с большой любовью.

– Здесь лежит король-отец, – сообщил Чет Кремню. – Старый король Остин. Он был сильным человеком, непримиримым к врагам королевства, но справедливым к своему народу.

– Он был бессердечным ублюдком, – тихонько сказал кто-то из бригады.

– Кто это сказал? – спросил Чет. – Ты, Пемза?

– Ну а если и я? – На Чета с вызовом смотрел молодой фандерлинг, еще и трех лет не проработавший в гильдии. – Что сделал для нас Остин и все прочие короли? Мы строим для них замки, куем оружие, чтобы они уничтожали друг друга и нас заодно. Что мы имеем за это?

– У нас есть наш собственный город...

Пемза расхохотался. Чет подумал, что этот смуглый худощавый парнишка с острым взглядом родился не в той семье: ему бы следовало появиться на свет в клане Черное Стекло.

– У коров тоже есть поля, – дерзко проговорил он. – Должны ли они отдавать за это молоко?

– Довольно, – приказал Чет. Некоторые рабочие возбужденно переговаривались, но не было ясно, на чьей они стороне – его или Пемзы. – Нам нужно работать.

– Ах да. Бедный печальный мертвый принц. Интересно, заходил ли он когда-нибудь в Город фандерлингов? Хотя раз в жизни?

– Ты несешь чепуху, Пемза. Что на тебя нашло?

Чет оглянулся на Кремня, но тот слушал перепалку совершенно равнодушно.

И ты еще спрашиваешь? – воскликнул Пемза. – Просто я никогда не любил больших людей. Если кто и должен что-то объяснить, так это ты, Чет. Никто из нас не брал в свой дом их ребенка.

– Поднимись наверх, – сказал Чет мальчику. – Поднимись

и поиграй. Там есть сад.

На самом деле наверху было кладбище. Впрочем, и сад тоже.

– Но... – начал Кремень.

– Не спорь со мной, малыш. Мне нужно поговорить с товарищами, а тебе это слушать скучно. Ступай. Но не отходи далеко от входа.

Кремень, конечно, понимал, что разговор совсем не скучный, но спорить не стал и послушно направился к лестнице. Когда он ушел, Чет повернулся к Пемзе и остальным рабочим.

– У кого-нибудь есть возражения против того, что меня назначили главным? Я не стану руководить людьми, которые ворчат и ноют, и не буду возглавлять работы, если не доверяю своим людям. Пемза, у тебя была возможность высказаться. Теперь скажу я. Тебе не нравится мое отношение к нашим хозяевам. Это твое право, я так считаю. Ты свободный человек и член гильдии. Ты хочешь что-то еще сказать обо мне?

Молодой человек намеревался продолжить склоку, но тут вмешался старший из братьев семьи Гипсов.

– Мы не все так считаем, Чет, – возразил он. – Если честно, мы слишком долго выслушивали его болтовню.

Несколько голосов подтвердили его слова.

– Труссы! Вы все труссы! – фыркнул Пемза. – Батрачите как на рудниках автарка, а потом, уработавшись до полусмерти,

плюхаетесь на колени перед большими людьми.

Горькая улыбка искривила губы Чета.

– В тот день, когда я увижу тебя уработавшимся до смерти, Пемза, перевернется мир, – сказал он.

Все рассмеялись и успокоились. Перебранка не привела к серьезному конфликту. И все-таки Чету было досадно, что первый день работы начался не совсем гладко.

«Возможно, старый Роговик не хотел иметь дело с Пемзой? – думал он. – Это вполне понятная причина...»

Не прошло и часа после рассвета, а у Чета уже раскалывалась голова.

– Ладно, ребята, – сказал он. – Что бы вы ни думали, наступили печальные времена. И нам поручена важная работа. Пора приниматься за дело.

– Я не могу больше сидеть здесь, – резко заявил Баррик. Бриони почувствовала досаду, потому что брат обратился к ней в присутствии Авина Броуна и остальных вельмож.

– Что ты имеешь в виду? – прошептала она. Голос ее прозвучал, как шипение змеи. Она понимала, что члены совета смотрят на нее с осуждением. – Шасо еще не признался, Баррик. Рано утверждать, что именно он убил Кендрика. К тому же после стольких лет его службы у нас ты тоже кое-чем ему обязан!

Баррик махнул рукой, будто нетерпеливо останавливал ее, и на какой-то момент Бриони охватил болезненный приступ

гнева – острого, как туанский кинжал. Но она тут же заметила, что глаза Баррика закрыты, а лицо стало бледнее обычного.

– Нет, я не об этом. Я просто плохо себя чувствую, – сказал принц.

Сердце Бриони сжалось при виде воскового лица брата – обескровленного, безжизненного, словно маска. Но после сегодняшнего ужасного утра, когда все в жизни изменилось и разрушилось, у нее не могло не закрасться легкое подозрение, что Баррик по какой-то причине желает отмежеваться от происходящего. Может быть, комендант или другие вельможи успели переговорить с ним?

Баррик встал. Было заметно, что принца слегка покачивает. Один из стражников поддержал его под локоть.

– Вы продолжайте, – сказал принц. – Я пойду прилягу.

Теперь в голову Бриони пришла еще более страшная мысль: «А вдруг он не просто болен – вдруг его отравили?»

В полном ужасе Бриони зашептала молитву Зорин, потом попросила поддержки и у Тригона. Может быть, кто-то решил уничтожить Эддонов! Но кто осмелился бы на такое? Кому это могло прийти в голову?

«Тому, кто хочет заполучить трон...»

Бриони посмотрела на Гейлона из Саммерфильда. Герцог был явно озабочен беспомощным видом Баррика.

– Уложите принца в постель и позовите Чавена, – приказала она солдату, поддерживавшему Баррика под руку. –

Нет, пусть лучше кто-нибудь из пажей отправится к Чавену прямо сейчас, чтобы тот как можно скорее осмотрел моего брата.

Когда Баррика увели из зала, Бриони с удовлетворением отметила, что по-прежнему способна контролировать выражение своего лица – словно его скрывает маска невозмутимости. Этому ее когда-то научил отец. Она презирала Авина Броуна за бессердечную грубость в ночь смерти Кендрика, но была благодарна ему за напоминание о долге. У нее есть обязательства перед семьей Эддонов и перед народом, и она больше никогда не станет так откровенно демонстрировать собственные чувства. Трудно повелевать и властвовать, когда ты напугана!

– Мой брат принц Баррик не вернется на совет, – заявила она, – поэтому нет причин заставлять нашего гостя ждать. Пригласите его.

– Но, ваше высочество!.. – начал было герцог Гейлон.

– Как? Герцог Саммерфильдский считает, что у меня недостаточно ума? Что я кукла, которая может говорить только под присмотром брата или отца? Я сказала: пригласите гостя.

Бриони отвернулась.

«Зория, дай мне сил, – молила она. – Ведь раньше ты любила меня, помоги мне и сейчас! Помоги».

Вельможи возбужденно перешептывались. В другое время это могло бы ее смутить, но не в столь ответственный мо-

мент. Гейлон Толли и граф Тайн из Блушо даже не пытались скрыть гнев. Здешние мужчины не привыкли выслушивать приказы от женщины, даже если эта женщина – принцесса.

«Я не должна обращать внимание на их чувства. Я не могу быть с ними терпеливой, как отец. Про него сказали бы: «Король не в духе», а меня просто-напросто сочтут слабой».

Дверь открылась, и в сопровождении королевских гвардейцев в зал вошел темнокожий человек.

Капитан гвардейцев Феррас Вансен старался не смотреть на Бриони – значит, он тоже считает принцессу беспомощной. Бриони пока не решила, что она сделает с Вансеном, но, безусловно, следует преподать всем урок. Нельзя допустить, чтобы принца Южного Предела убили ночью в его собственной постели и за этим преступлением не последовало наказания. Словно с тележки разносчика украли пару яблок...

Принцесса дала стражникам знак остановиться. К помосту, где по бокам от королевского трона стояли кресла ближнецов, посол подошел один.

– Мои глубочайшие соболезнования, – поклонившись, произнес Давет дан-Фаар. Сегодня он облачился не в роскошный костюм, а в строгие черные одежды. Как ни странно, и этот наряд был ему к лицу. – Нет таких слов, что могли бы облегчить вашу скорбь, госпожа. Но мне больно видеть ваши страдания. Я уверен, что мой господин Лудис тоже скорбит вместе с вами.

Бриони внимательно разглядывала лицо посла: уж не из-

девается ли он над ней? Нет ли в его взгляде любопытства? Девушка впервые заметила, что посол вовсе не молод. На его коричневой коже нет морщин, а скулы гладкие, как у юноши, но он лишь лет на десять моложе отца. Ничего предосудительного Бриони не заметила. Если Давет дан-Фаар и обманывал ее, он делал это мастерски.

Хотя... так, наверное, и должно быть. Не умей он притворяться и льстить, он никогда бы не стал послом честолобивого Лудиса. Бриони вспомнила историю с дочерью Шасо, которую пересказал ей Баррик. Вот еще одна причина презирать посла. Но смотреть на него было приятно.

– Лорд Давет, – сказала Бриони, – мои стражники утверждают, что ни вы, ни ваши сопровождающие ночью не покидали своих спален. Что, впрочем, не снимает с вас подозрения.

– Я рад, что вам сообщили истинную правду. – Всего лишь на миг на губах посла промелькнула любезная, но двусмысленная улыбка. Впрочем, она тотчас исчезла – Давет вспомнил о серьезности момента. – Мы спали, моя госпожа.

– Возможно. Но убийства не всегда совершаются руками тех, кто желает убить. – Бриони легко сохраняла непреклонное выражение лица. – За убийство можно заплатить так же просто, как за пирог в булочной.

– Не думаю, что вам часто приходилось бывать в булочной, принцесса, – снова улыбнулся посол. Похоже, его действительно забавляло происходящее.

– Очень редко, – согласилась Бриони. – И могу сказать, что сейчас я знаю об убийствах больше, чем о булочных.

– Верно, – кивнул посол. – И какое бы удовольствие ни доставляла мне беседа с вами – а она доставляет мне огромное удовольствие, моя госпожа, – у нас есть более важные дела. Я предпочел бы задать вам один вопрос, а не впадать в длинные рассуждения или изображать возмущение. Итак: что, по-вашему, я выигрываю от смерти вашего брата?

Бриони пришлось стиснуть зубы, чтобы с губ не сорвался стон, который выдал бы вновь нахлынувшую скорбь. Совсем недавно Кендрик был жив. О, если бы вернуть вчерашний день, предотвратить трагические события и все изменить...

– Что бы вы выиграли? – переспросила она, пытаясь обратиться с мыслями. – Не знаю...

Голос Бриони был не таким уверенным, как ей того хотелось. Авин Броун и остальные пристально наблюдали за разговором – как казалось принцессе, с недоверием. Они полагают, что раз гость привлекателен и красиво говорит, то девушка станет беспечной и доверчивой! От негодования у Бриони загорелись щеки.

– Давайте говорить откровенно, госпожа, – продолжал Давет. – Пришли страшные времена, и честность необходима нам всем. Мой господин Лудис Дракава держит вашего отца в плену, как бы мы это ни называли. Мы ожидаем либо огромного выкупа золотом, либо нечто куда более ценное: частью выкупа должны стать вы, прекрасная принцес-

са. – Его улыбка снова стала слегка насмешливой. Он смеется над ней? Или над самим собой? – С точки зрения Иеросоля, смерть вашего старшего брата усложняет положение и задерживает выплату выкупа. Король у нас, мы не причинили ему вреда. Для чего нам в таком случае убивать принца? Вы задаете мне вопросы по единственной причине: я чужой в этом замке... и не могу считаться вашим другом. О последнем обстоятельстве я очень сожалею. Совершенно искренне.

Бриони не позволяла себе расслабиться. Посол был слишком вкрадчивым, слишком проворным – наверное, она должна чувствовать себя перед ним, как мышь перед удавом. Но эту мышь не так легко смутить.

– Да, пожалуй, я спрашиваю именно потому, что вы чужак и не друг. А еще потому, что брата убили, по всей видимости, туанским оружием. Таким, какой висит у вас на поясе.

Давет посмотрел на свой кинжал.

– Я бы показал его вам, принцесса, и вы бы убедились, что на нем нет следов крови. Но ваш капитан гвардейцев накрепко привязал его к ножнам, прежде чем привести меня сюда.

Бриони перевела взгляд на Ферраса Вансена, который сначала избегал ее взгляда, а потом стал смотреть на принцессу, не отрывая глаз. Он встретился с ней глазами, покраснел и уставился в пол.

«Он что, сумасшедший?» – недоуменно подумала Бриони.

– Он предпочел бы забрать его совсем, – продолжил Да-

вет, – но наши мужчины, достигшие совершеннолетия, никогда не расстаются с оружием. Разве только в постели.

Бриони покраснела – единственная из всех присутствующих.

– Вы очень много говорите, лорд Давет, но очень мало по существу, – сказала она. – Нож можно вымыть. А отмыть или изменить репутацию не так просто.

– Мы снова скрестили клинки, ваше высочество? – Глаза посла широко раскрылись. – Проверим боевые качества друг Друга? Нет, пожалуй, я не приму ваш вызов. Я чувствую: вы из тех воинов, что не обмениваются ударами, а сразу бьют в самое сердце. Что вам известно обо мне, принцесса?

– Больше, чем мне хотелось бы. Шасо рассказал нам о случившемся с его дочерью.

И на этот раз, к удивлению Бриони, на лице посла отразились вовсе не стыд или раздражение от того, что его поймали, а неподдельный гнев. Как у бога Перина, когда тот проснулся на горе Ксандос и обнаружил, что у него похитили молот.

– Значит, он рассказал...

– Да. Ваша жестокость заставила ее уйти в храм, и там она умерла.

Теперь гнев Давета вылился в нечто еще более странное: в его глазах вспыхнуло пламя, напомнившее принцессе тот огонь, что озарял твердые, как камень, черты лица Шасо. Впрочем, это не удивительно – они же родственники.

– Да, она умерла. И он сказал, что я довел ее до смерти?

– Это правда?

На мгновение посол прикрыл глаза, и Бриони увидела, какие густые у него ресницы. Когда Давет поднял веки, взгляд его был прикован к Бриони.

– Правда бывает двойная, моя госпожа. Одна правда – я разрушил жизнь девушки из благородной семьи. А вторая состоит в том, что я любил бедняжку, а ее репутацию очернили безмозглые женщины, распространявшие во дворце сплетни. Ущерб от них был неизмеримо больше. Когда родной отец выгнал девушку из дома, я приютил ее. Мы стали близки, но она не смогла пережить, что родители отвергли ее и навсегда вычеркнули из своей жизни. Она надеялась – и это, на мой взгляд, было глупо, – что однажды они позовут ее обратно. Именно поэтому она и решила уйти в храм. Она там умерла? Да. От разбитого сердца? Да, возможно. Но кто разбил ее сердце?

Он тряхнул головой и впервые посмотрел вокруг – на аристократов Южного Предела, собравшихся в Тронном зале. Едва он отвернулся, Бриони почувствовала, что невольно подалась вперед.

– Кто разбил ее сердце? – еще раз спросил посол негромко, но страстно. Он обращался ко всем присутствующим. – Даже мудрейшие не дадут однозначного ответа на мой вопрос.

Бриони откинулась на спинку кресла. Она уже не была так

уверена в своей правоте. Вельможи, особенно члены совета, смотрели на нее с подозрением. На сей раз она не винила их. Ведь на какое-то время ей показалось (должно быть, придворные это заметили), что в зале не осталось никого, кроме нее и темнокожего посла.

– Значит, вы обвиняете Шасо в смерти его собственной дочери? – спросила Бриони.

– Мудрые люди знают, что нет ни правых, ни виноватых, потому что правда изменчива, – пожал плечами Давет. – В таком веке мы живем.

– И вы не станете прямо отвечать на мой вопрос, поскольку в рассказанной вами истории вы вовсе не выглядите подлым. Но если вы именно так относитесь к данному случаю – думаю, вы легко поверите, что Шасо убил моего брата.

– А разве он еще не признался? – Посол несколько удивился. – Мне говорили, он взял вину на себя. Я думал, вы спрашиваете меня об убийстве вашего брата лишь потому, что я соотечественник Шасо и мог быть его сообщником. Но уверяю вас... Каждый взрослый туанец знает, что Шасо всегда меня ненавидел. – Давет нахмурился. – Однако если он не признался в содеянном, это меняет дело. Я не буду считать его убийцей.

– Что? – Голос Бриони прозвучал гораздо громче, чем она того желала.

Гейлон Саммерфильдский посмотрел на нее с укором. Ей сразу же захотелось заковать герцога в кандалы или наказать

еще более жестоко – королевы обычно так и поступали. Почему бы принцессе-регенту не последовать их примеру? У Давета множество недостатков, но он хотя бы не морщится, как старый слуга, когда она повышает голос.

Вы шутите? – спросила посла Бриони. – Вы же его ненавидите. Это слышно в каждом вашем слове, в каждом взгляде!

– Я не люблю его, – покачал головой посол. – Он считает меня виновником своего несчастья. А я считаю, что он нанес мне не меньший, а то и больший ущерб. Но моя неприязнь к нему не означает, что он убийца. Я не могу поверить, чтобы Шасо убил кого-то, тем более члена вашей семьи.

– Что вы имеете в виду?

– Всем известно, как Шасо чтит долг чести перед вашей семьей. Когда мой отец сражался с предыдущим автарком Парнадом Недремлющим, Шасо не приехал к нему на помощь – он не мог нарушить клятву, данную вашему отцу. И теперь меня спрашивают, мог ли он убить сына Олина? В пьяном виде и предательски? Возможно, в Ксанде есть и более несгибаемые люди, чем Шасо дан-Хеза, но я таких не встречал.

Услышанное еще больше поколебало уверенность Бриони, и не только в отношении виновности Шасо. Неужели Давет – чудовище? Может быть, его просто не понимают? Ведь многие считают Баррика неприятным и жестоким, потому что не знают его.

«Баррик! – Принцессу вдруг охватила тревога. – Он лежит

больной в постели. Я должна пойти к нему».

К тому же разговор растревожил Бриони, а значит, она будет рада его завершить.

– Я обдумаю сказанное вами, лорд Давет. Вы свободны, – сказала она.

– Еще раз примите мои соболезнования, госпожа. Посол поклонился и ушел, а советники по-прежнему смотрели на нее. Лица их стали непроницаемыми.

Бриони вдруг подумала, что знает их всю свою жизнь – это соседи, друзья и даже родственники, – но ни одному не доверяет.

«Никогда не открывайся никому, кроме своей семьи, – сказал ей однажды отец. – И ты сможешь уследить за всеми, кто знает твои тайны».

Тогда она думала, что отец пошутил.

«Но теперь от семьи осталось немного, – подумала Бриони. – Мама и Кендрик покинули нас. Отец далеко. Неизвестно, вернется ли он. У меня есть только Баррик».

Казалось, зал заполнили недобрые незнакомцы. Бриони нестерпимо захотелось увидеть брата. Она встала и, не сказав ни слова, пошла к выходу – так стремительно, что стражникам пришлось поспешить, чтобы нагнать ее.

– Все очень непросто, – объяснял Чет жене, доедая суп. – У нас не хватает рук, а гильдия вряд ли быстро найдет каменотесов для этих работ. Похороны должны состояться через

пять дней. Из-за спешки мы сбрасываем мусор в те шахты, где работали до смерти принца. Потом нам придется их расчищать.

– Кто же совершил такое ужасное дело? – спросила Опал. Занятый мыслями о работе, Чет не сразу сообразил, о чем она.

– А, ты спрашиваешь, кто убил принца?

– Ну конечно, старый дуралей. Что же еще? – Насупленное лицо Опал смягчилось. – Их семья проклята. Об этом сегодня говорили люди на Карьер-сквер. Короля взяли в плен, молодой принц – калека, а теперь еще и убийство. Да и мать близнецов умерла, хотя это было давно... – Она нахмурилась. – А как насчет новой королевы? Если что-то случится с близнецами, трон наследует ее ребенок? Только подумай – еще не родившись...

– Типун тебе на язык, женщина! Близнецы живы, а ты хочешь накликать беду на их головы? Никогда не подавай идеи богам, которым нечем заняться.

Чет вспомнил, как Бриони разговаривала с ним – так просто, будто он друг или член ее семьи. Одна мысль о том, что с принцессой может случиться беда, напугала его больше, чем целый день в королевской усыпальнице.

– А где Кремень? – спросил он.

– Спит. Устал за день.

Чет поднялся и пошел в спальню, где возле супружеской кровати теперь лежал соломенный тюфячок Кремня. Когда

Чет вошел, мальчик быстро спрятал что-то под свернутую рубашку, заменявшую ему подушку.

– Что это у тебя? Что ты спрятал? – Фандерлинг шагнул к мальчику.

Обычный ребенок стал бы все отрицать, а этот лишь молча наблюдал, как Чет проверяет его подушку.

Рука фандерлинга нащупала странные предметы. Он вытащил их на свет и увидел маленький черный мешочек со шнурком и кусок полупрозрачного сероватого камня.

– Что это? – спросил Чет. Мешочек покрывала замысловатая и очень красивая вышивка, а верхняя его часть была зашита. Внутри лежало нечто тяжелое и твердое, похожее на камень. – Где ты нашел эту штуку, малыш?

– Он не нашел, – сказала появившаяся в дверях Опал. – Она висела у него на шее. Это его вещь, Чет.

– А что внутри?

– Я не знаю, и мы не можем его открыть – мешочек не наш. А Кремень отказывается.

– Но ведь в нем может быть... не знаю... ну что-то указывающее на его родителей. Вдруг там камень с фамильным гербом.

Про себя он продолжил: «Или семейная реликвия, которая даст средства на его питание и проживание».

– Это его вещь, – снова негромко повторила Опал. Она опустилась на колени у постели мальчика и потрепала его светлые волосы. Чет понял: жена не очень-то хочет узнавать

настоящее имя ребенка, а тем более – имена его родителей...

– Ладно... – сказал фандерлинг и замолчал: его внимание привлек камень.

Сначала Чет принял его за обломок осадочной породы или осколок керамики, отполированный дождями либо морем. Теперь же он разглядел нечто более странное. Да, это был камень, но ничего похожего Чету встречать не приходилось. Он даже не мог сказать, к какому классу камней или металлов отнести обломок. А если фандерлинг не в силах узнать и определить камень, это такое же невероятное событие, как если бы фермер столкнулся с неизвестной породой летающих коров.

– Взгляни-ка, – обратился он к Опал. – Ты когда-нибудь видела такое?

– Облачный кристалл? – предположила женщина. – Ледяной камень?

Чет покачал головой.

– Нет, ни то и ни другое. Кремьень, где ты его нашел, малыш?

– В саду дворца. В том месте, где вы копали. – Мальчик протянул руку. – Отдай.

Чет перевел взгляд с мальчика на странный, наглухо зашитый мешочек со шнурком, отдал его Кремню, но оставил у себя мутноватый кристалл. Нужно обсудить это с Опал, но волноваться сразу не стоит.

– Можно, я возьму твой камень? – спросил он ребенка. –

Не насовсем, а чтобы выяснить, что он собой представляет. Я никогда раньше не встречал подобных камней. – Мальчик вопросительно смотрел на него. Чет не сразу понял, что хотел услышать ребенок. Потом догадался и прибавил: – Если, конечно, ты не против – ведь это ты нашел его.

Мальчик удовлетворенно кивнул. Как только Опал и Чет вышли из спальни, Кремень перевернулся на спину и устался в потолок, зажав мешочек в кулачке.

Опал вернулась к уборке, а Чет все вертел в руках загадочный кристалл. Камень имел правильную форму – вероятно, его обработали искусственно. Казалось, это осколок крупного монолита, но на закругленных краях не было видно следов разлома. В глубине камня как будто шевелилось какое-то темное пятно. Совершенно точно, ничего похожего Чет в жизни не видел.

Он разволновался. Чем больше он думал о камне, тем тревожнее становилось на душе. Подобный предмет мог появиться только из-за Границы Теней. В таком случае что кристалл делает здесь, в самом центре замка Южного Предела? Случайно и мальчик нашел его – на кладбище, всего в нескольких шагах от покоев, где убили принца-регента?

Чет посмотрел на Опал. Та с довольным видом зашивала дыру на детских штанишках. Чет хотел знать ее мнение, но он решил скрыть свои тревоги и не отнимать у жены последнюю радость, даже если эта радость будет недолгой. В сердце его нарастал страх.

Что сказал Чавен о Границе Теней?

«... Она будет передвигаться, пока полностью не поглотит Южный Предел, а может быть, и весь Эон, пока планета снова не погрузится в тень, в первозданный мрак».

Да, именно так.

«Пусть Опал спокойно проведет эту ночь, – решил он. – Пусть испытает хоть немного счастья».

– Что-то ты приумолк, Чет, – промолвила жена. – Плохо себя чувствуешь?

– Все нормально, моя милая старушка, – ответил он. – Не беспокойся.

10. ОГНЕННЫЕ ЗАЛЫ

ЗАКЛИНАНИЕ

Вот королевство, вот его слезы.

Даже вдвоем не понять ничего.

День миновал – и забыли его.

Из «Оракулов падающих костей»

В стране снов всегда было жутко, но в эту ночь сон оказался еще страшнее предыдущих. Длинные залы Южного Предела заполнили люди-призраки. Бестелесные, но беспощадные твари, словно черная кровь, просачивались сквозь трещины между камней и превращались в существа без лиц. Отовсюду раздавался их злобный шепот. Вслед за ними пришло пламя, разгоравшееся все сильнее. И вот уже полыхало все вокруг.

Куда бы он ни шел, безликие существа возникали из-под каменных плит и устремлялись за ним, уплотняясь и превращаясь в фигуры, похожие на людей. У них не было глаз, но они его видели. У них не было ртов, но они звали его, и в их голосах слышалась угроза. Они преследовали его. Постепенно фигуры сливались вместе, становились плотными, а за ними полыхал огонь. Языки пламени уже ползли по гобеленам и взмывали вверх – к старинным потолкам. Безликие существа гнали его из зала в зал, из коридора в коридор, не

оставляя надежды на спасение.

«Это они убили Кендрика!» – понял он.

Сердце в его груди почти не билось, легкие жгло огнем. Комнаты одну за другой охватывало пламя, но темные призраки не отставали.

«Они хотят убить меня, убить нас всех!»

Воздух раскалился, обжигал ноздри и сушил горло, словно дворец превратился в огромную печь. Убившие брата призраки из сажи, мрака и крови преследовали и его, загоняли, как раненого оленя, стремясь затравить до смерти в этих бесконечных залах, охваченных огнем...

– Вылечите его! – приказала Бриони.

Чавен медленно выпрямился. Рядом стоял на коленях паж – он вытирал влажной салфеткой лоб лежащего на кровати принца.

– Все не так просто, принцесса... – проговорил врач.

– А мне все равно! Брат весь горит! – Девушка чувствовала, что теряет контроль над собой. – Ему же больно!

Чавен покачал головой:

– Я уважаю ваше мнение, принцесса, но не могу с ним согласиться. Одно из преимуществ лихорадки заключается в том, что она сильно уменьшает боль и позволяет сознанию освободиться от тела.

– Освободиться от тела? – Бриони тряхнула головой, пытаясь вернуть самообладание. Но ее рука, когда она указы-

вала на извивающееся тело брата, дрожала. – Посмотрите на него! Разве он свободен от боли?

Второй врач – брат Окрос – добавил, откашлявшись:

– Госпожа, нам не раз приходилось видеть людей в подобном состоянии. Через несколько дней многие из них поправлялись.

Бриони повернулась к этому невысокому застенчивому человеку. Он приехал в замок из академии Восточного Предела, чтобы помогать Чавену. Окрос отступил на шаг, словно боялся, что принцесса его ударит, и она на мгновение испытала истерическое удовольствие от его страха и силы собственного гнева.

– Многие? Что это значит? Как давно вы знаете об этой болезни?

– С момента завершения последних празднований, ваше высочество. – В его голосе появились визгливые нотки. Окрос был священником, но только по званию. Он преподавал в академии, и после посвящения в сан его нечасто видели в храме Тригона. – Вашего брата... вашего другого брата известили об этой болезни, едва появились первые больные. Но он...

– Он убит? Да. – Бриони глубоко вздохнула, но не смогла успокоиться. – Поэтому у него не осталось времени заняться данным вопросом. А вы решили подождать, пока умрут все члены моей семьи, а уж потом сообщить мне об этой напасти?

– Умоляю вас, принцесса, – заговорил Чавен. – Бриони, пожалуйста...

Услышав свое имя, она на минуту остановилась и посмотрела королевскому врачу в глаза. Она не сумела понять выражение его лица, но ясно чувствовала: он хочет внушить ей что-то еще.

«Я выставляю себя полной идиоткой – вот что он имеет в виду».

Она посмотрела вокруг: слуги и стражники толпились в комнате Баррика. За дверью, без сомнений, собралось еще немало людей, наостривших уши и желавших слышать, что здесь происходит. Она зажмурилась, чтобы остановить близкие слезы.

«Все меня боятся».

– Это не чума, ваше высочество, – заговорил Окрос, осторожно подбирая слова. – Пока не чума. У нас почти ежегодно случаются вспышки лихорадки. Это тоже лихорадка, но более тяжелый случай, чем обычно.

– Лучше скажите, что ждет моего брата.

В его теле нарушилось равновесие, – пояснил Чавен. – Он весь горит. Вам может показаться, что я повторяю старые суеверия, но я не могу объяснить болезнь, если не расскажу о том, как наш организм взаимодействует с окружающим миром, с землей и небом. – Он устало потер виски. – Поэтому я и говорю вам: организм принца охвачен лихорадкой, потому что в нем нарушено равновесие. В обычном состоянии

оно поддерживается элементами земли и воды, которые содержатся в теле человека. Камни хранят огонь, а вода гасит его, когда нужно. Но сейчас тело принца состоит из воздуха и огня, из ветра и огня.

«Из ветра и огня, – повторила про себя Бриони, с ужасом глядя на милое лицо Баррика, такое изменившееся, такое далекое. – О милосердная Зория, умоляю, не забирай его у меня! Не оставляй меня одну с призраками в этом замке. Пожалуйста!»

– Многие выздоравливают от этой лихорадки, принцесса, – сказал брат Окрос. – В последние дни мы получали сведения от путешественников с юга. В Сиане и Джеллоне она свирепствует уже несколько месяцев.

– Не исключено, что к нам ее принесли корабли из Иеросоля, – предположил Чавен.

Отодвинув пажа, он снова наклонился к Баррику и принюхался к его дыханию. Сейчас принц немного успокоился, но продолжал что-то бормотать во сне; лицо его блестело от пота.

– Какая разница, – вздохнула Бриони. Во всем происходящем она видела жестокую и безжалостную волю богов, темные крылья распростерлись над семьей Эддонов. Сбывались самые ужасные предчувствия. – Не важно, откуда она пришла. Просто скажите мне, сколько больных выжило, а сколько погибло.

– Мы не любим делать подобных заявлений, моя госпо-

жа... – начал было врач-академик.

Чавен нахмурился и перебил его:

– Выжило не меньше половины. Если не считать младенцев и глубоких стариков.

– Половина? – Бриони снова хотелось закричать. Она закрыла глаза, чувствуя, что земля уходит у нее из-под ног. Это безумие. Это настоящее безумие. – И как ее лечить?

– Свежий воздух, – тотчас отозвался Окрос – Земля из храма Керниоса под изголовье и под ноги принца. Влажное обертывание. Воду лучше брать из водоема храма Эривора, она особенно полезна. А еще нам всем нужно молиться Эривору, потому что он главный покровитель вашей семьи. Эти меры успокоят огонь и ветер.

Чавен потер лоб, раздумывая.

– Также полезны травы, – сказал он.

Только сейчас Бриони заметила, что придворный врач выглядит очень плохо. Черты его бледного лица заострились, а под глазами залегли большие черные круги.

– Ивовая кора и чай из цветов бузины помогут сбить температуру... – добавил он.

– Еще нужно пустить кровь, – вставил Окрос, радуясь возможности сообщить нечто значительное. – Это облегчит страдания принца.

Опускаясь на пол у кровати, Бриони довольно сильно толкнула Чавена локтем. Ее юбки зашуршали.

«Эта одежда мешает двигаться, она словно путы на норо-

вистой лошади, – думала девушка, пытаюсь найти удобную позу, – или кандалы преступника. Едва могу наклониться».

Глаза брата превратились в узкие щелочки, а в глубине их метались зрачки.

– Баррик? Это я, Бриони. Пожалуйста, услышь меня! – Она погладила его по щеке, потом взяла за руку. Ладонь принца была горячей и влажной, как камень на солнечном берегу. – Я с тобой.

– Вы должны идти, госпожа, – раздались слова. Подняв взгляд, Бриони увидела Авина Броуна, закрывшего своим телом дверной проем.

Прошу прощения, но я должен напомнить, что у вас много работы. Завтра хоронят принца-регента. Кто-то должен держать скипетр, чтобы люди убедились: на троне по-прежнему Эддоны. Если принц Баррик серьезно болен, это сделаете вы. У меня есть и другие новости. Бриони почувствовала странное волнение.

«Ну что ж, теперь, по крайней мере, трон займет тот единственный человек, который никогда не пошлет меня к Лудису», – подумала она.

В одно мгновение она представила, сколько благих дел могла бы совершить для своего народа, сколько несправедливостей могла бы устранить. Потом Бриони снова посмотрела на Баррика, и мысли о собственных деяниях показались ей глупыми.

– Сколько сейчас зараженных? – спросила она Чавена.

– Сколько людей заражены лихорадкой? – переспросил он и взглянул на врача из академии. – Возможно, в городе их несколько сотен. Правильно, Окрос? В замке – где-то с полдюжины. Трое кухонных слуг. Служанка вашей мачехи и два пажа Баррика. – Он погладил по голове мальчика, державшего мокрое полотенце. – Об этом я узнал, когда заболел ваш брат.

– Служанка Аниссы? А сама Анисса?

– С ней все в порядке, как и с ее будущим ребенком.

– А среди тех, кто прибыл на корабле Давета, есть больные?

Чавен отрицательно покачал головой.

– Странно, – сказала принцесса. – Болезнь пришла с их кораблем, а среди них никто не пострадал.

– Да, странно, но лихорадка непредсказуема, – ответил бледный, измученный врач. Он показался принцессе незнакомым человеком. Бриони вдруг поняла: она совсем не знает, чем он занят наедине с собой, какую жизнь ведет, какие мысли скрывает от посторонних. – Она может поразить одного, но обойти другого.

– Как и убийца, – добавила девушка.

После этих слов все, кроме самой Бриони, сделали знак, оберегающий от зла. Даже Баррик застонал в своем лихорадочном сне.

Он бежал, пока не оторвался от безликих фигур, не пере-

стал слышать их шепот. Но он знал: они продолжают его преследовать, выползают из щелей, вынюхивают его след, как собаки.

Баррик находился в незнакомом крыле замка, в каких-то пыльных комнатах, где повсюду в беспорядке валялись странные вещи. На столе стояла сломанная модель Солнечной системы, ее металлические части торчали во все стороны, словно иглы какого-то ошестинившегося животного. Мятые и потрепанные портьеры и гобелены висели даже на потолке, поэтому трудно было определить, где верх, а где низ. Все предметы покоробились от усиливающегося жара.

Принц остановился. Кто-то звал его по имени:

– Баррик! Где ты?

В новом приступе ужаса он осознал: помимо людей-теней его преследовали люди из дыма и крови и еще одно существо – темное и высокое. Оно охотилось за Барриком очень давно.

С быстрого шага он перешел на бег и вскоре уже летел сломя голову. Но зов по-прежнему доносился до его слуха, как эхо, летящее от одной горной вершины к другой, как крик одинокой души, брошенной на луну.

– Баррик? Вернись!

Теперь он очутился в длинном коридоре, откуда вел только один выход. Пол галереи проваливался под ногами, и приходилось головокружительными прыжками перескакивать через образовавшиеся дыры. Должно быть, уже полыхал весь замок, хотя в этой его части горела лишь нижняя часть

гобеленов. Языки пламени подступали к вытканым на них сценам охоты, картинам из жизни богов и портретам древних королей.

– Баррик!

Он резко остановился, сердце его бешено колотилось. Языки пламени поднимались все выше, наполняя галерею едким дымом. Принц чувствовал, как жар обжигает тело. Он хотел бежать дальше, но впереди в дыму кто-то двигался, причудливо окрашенный красными и оранжевыми отблесками пламени.

– Я зол. Очень зол.

Баррику казалось, что вот-вот сердце пробьет ребра и выскочит из груди. Странное существо медленно выползло из мрака. Тело его дымилось, а в темной бороде плясал огонь.

– Ты не должен от меня убежать, мой мальчик. – Взгляд отца был бессмысленным, пустым и мутным, как глаза уснувшей рыбы в корзине рыбака. – Не должен убежать. Иначе я на тебя рассержусь.

Несмотря на искаженные черты лица, Баррику было совершенно ясно, кто появился перед ним. Он развернулся и вновь пустился бежать. Дым и огонь вихрем закручивались вокруг него словно он провалился в дымоход или в глубокий разлом, где на дне бурлит лава. Отец преследовал Баррика, стук каблуков эхом отдавался от каменных плит пола. Горящая борода и раскатистый голос короля делали его похожим на разгневанного Керниоса.

– Иди сюда, дитя! Ты очень сильно рассердил меня! – кричал он.

Уходившие вниз ступени причудливо изгибались большим полукругом, словно ветви склонившегося от ветра дерева. Горячий дымный воздух искажал видимые предметы. Принц смотрел на мир, словно сквозь толщу воды. Бежать было некуда, и Баррик, не колеблясь, ринулся вперед. Ноги не слушались, а чья-то рука схватила его за шиворот, чтобы удержать.

– Стой!..

Ноги подкосились, и принц покатился по ступеням вниз, к краю пропасти. Он скользил, подскакивал, как камень, бился о плиты и катился дальше, пока дыхание его не остановилось. Он успел подумать: «Только не это!»

О боги, только не это!..

Несмотря на неудобство, Бриони радовалась тому, что Мойна и Роза туго зашнуровали платье: корсаж стал твердым, как броня. Одежда помогала ей гордо и прямо сидеть на старом деревянном стуле – в эту безумную минуту он стал тронем всех королевств.

Интересно, кто-нибудь почувствовал это? Хотя бы один человек? Неужели придворные в пышных нарядах – лишь перепуганные существа, скрывающиеся под своими роскошными костюмами? Неужели они так же беспомощны и мягкотелы, как улитки в раковинах?

– Что он сказал? – спросила Бриони, сдерживая вновь одолевший ее страх. На этот раз принцесса сделала над собой усилие, чтобы никто ничего не заметил. Она с трудом удерживала взгляд на фигуре коменданта замка, потому что ей очень хотелось всмотреться в темноту и убедиться, нет ли там убийц и предателей. Они кишели вокруг после убийства Кендрика, а после ареста Шасо вдруг попрятались. – Ведь мы нашли окровавленный нож. Вы спросили его об этом? Что он ответил?

– Что не скажет больше ничего, – ответил Авин Броун. Теперь комендант выглядел таким же усталым, как Чавен: он сгорбился и с трудом стоял на ногах. Было видно, что Броун с удовольствием присел бы, но Бриони не предложила ему сделать это. – Он просто заявил, что не убивал ни вашего брата, ни стражников.

– Не слушайте эту чушь, Бриони! – воскликнул Гейлон Толли. Он, видимо, рассердился не на шутку, но его гнев был обращен не на принцессу. – Разве невиновный станет отказываться говорить? Шасо мучает совесть. Хотя и странно, что у злодея может быть совесть.

– А вдруг он говорит правду, герцог Гейлон? – ответила Бриони и снова повернулась к Броуну: – Что, если он не единственный убийца? Все-таки удивительно – он один убил сразу троих.

– Не так уж и удивительно, ваше высочество, – возразил комендант. – Шасо опытный воин, а они не были готовы к

нападению. Он застал их врасплох, нанес удар одному стражнику и тут же – второму. А когда второй стражник был убит, напал на вашего безоружного брата.

Бриони стало нехорошо. Она не могла слишком углубляться в подробности происшедшего. Бедный Кендрик – один, беззащитный – выставляет руки, чтобы защититься от человека, которого знал и которому доверял...

– И вы считаете, что в замке нет другого человека, способного совершить убийство или помочь Шасо?

– Я не говорил этого, моя госпожа. Я сказал, что, несмотря на все наши старания, мы не можем найти такого человека. С другой стороны, не стану утверждать, будто подобное невозможно. Даже ночью во внутреннем дворе остаются несколько сотен человек. Капитан Вансен и его стражники поговорили со всеми, осмотрели почти все помещения. Однако днем сюда приходят на работу в десять раз больше людей, и любой из них мог спрятаться, а потом, когда в замке начались тревога и неразбериха, убежать с места преступления незамеченным.

– Вансен? – Бриони пыталась сдержаться, но гнев все-таки вырвался наружу. – Сотни людей во внутреннем дворе не желали смерти моего брата! Зато есть несколько человек, которые вполне могли желать ее, и я знаю большинство из них.

Придворные заволновались, шепот стих. Сейчас в Тронном зале собралось куда меньше придворных, чем обычно. Многие остались дома, чтобы охранять свои семьи от убийц,

а также от лихорадки.

– Несколько сотен человек, лорд Броун, – это лишь слова – продолжала Бриони. – Не станете же вы утверждать, будто глуповатый мальчишка, что привозит в замок репу из Марринсвока, – один из возможных убийц Кендрика? Надо искать того, кому смерть брата принесла выгоду.

– Сейчас, ваше высочество, вы... – Броун откашлялся и нахмурился. – Вы оказываете плохую услугу и мне, и себе. Безусловно, все, что вы сказали, – истинная правда. Однако, хотя под подозрением находятся практически все, не стоит оскорблять людей без причины. Прикажете запереть в тюрьму каждого, кто мог выиграть от смерти принца-регента? Таков ваш приказ?

Он обвел взглядом комнату. Наступила полная тишина. Придворные были напуганы, словно застигнутые грозой на лугу гуси.

Бриони вдруг захотелось призвать к ответу этих праздных, разодетых и разукрашенных людей. Но она понимала, что в ней говорят гнев и отчаяние. Один или два из них могут быть замешаны в заговоре, но остальные невиновны, и нельзя поступать с ними жестоко. Вельможи-землевладельцы не отличаются ни терпением, ни покорностью, а без поддержки аристократии Эддонам не продержаться.

«Мы уже потеряли отца и Кендрика, – сказала себе Бриони. – Я не могу позволить себе потерять еще и трон».

– Конечно же, я не хочу этого, – произнесла она, тщатель-

но взвешивая слова. – Жестокие времена рожают жестокие шутки, лорд Броун, и я вас прощаю, но прошу впредь не поучать меня. Мне, возможно, не хватает опыта, но сейчас, в отсутствие отца и брата Баррика, именно я возглавляю Южный Предел.

Что-то промелькнуло во взгляде Бруна, но он лишь склонил голову:

– Я полон раскаяния, ваше высочество.

Бриони почувствовала, что силы покидают ее. Нужно выспаться; в последние несколько ночей принцесса отдыхала лишь урывками. Еще ей необходимо повидать Баррика. О, если бы старший брат был жив!.. Не менее сильно она желала, чтобы вернулся отец – только он мог обнять и защитить ее. Бриони глубоко вздохнула. Не имеет никакого значения, чего ей хочется. В ближайшее время отдыха не предвидится.

– Мы все жестоко раскаиваемся, лорд Броун, – ответила коменданту принцесса. – Боги наказали нас всех.

Баррик проснулся, вздрагивая и плача. Он не сознавал, где находится и кто он такой.

Полный мужчина с угрюмым, но добрым лицом склонился над ним. Сначала принцу опять померещилось искаженное ненавистью знакомое лицо с пылающей бородой. Он завопил и попытался ударить врача. Но от слабости его рука лишь слегка шевельнулась, а крик прозвучал как приглушенный стон.

– Отдыхайте, – сказал человек.

«Чавен, – вспомнил Баррик. – Его звали Чавен». – У вас жар, но за вами ухаживают. «Жар? – подумал принц. – Это не жар». Весь замок горит, на них напали. Зло просачивается в замок сквозь щели.

«Бриони!» Он вдруг вспомнил о сестре и как будто снова родился: с ее именем вернулось и его собственное. Бриони обязательно должна узнать, ей нужно все рассказать. Он сделал усилие и произнес:

– Бриони...

– С ней все в порядке, ваше высочество. Выпейте это. По горлу разлилась восхитительная прохлада, но он забыл, как нужно глотать. Потом, перестав отплевываться и кашлять, он выпил еще немного.

– А теперь спите, ваше высочество. – Прохладная рука Чавена коснулась его лба.

Баррик попытался стряхнуть с себя руку. Ну как же они не понимают? Он почувствовал, что темнота снова засасывает его. Он должен рассказать им про призрачных людей, что наполняют замок, про пожары. Они прятались здесь много лет, а теперь вышли во всей своей силе. Возможно, враги уже совсем рядом, в нескольких шагах отсюда! А еще нужно рассказать Бриони про отца. Вдруг король сейчас отправится к ней? Что, если она, ничего не подозревая, впустит его к себе?

Темнота притягивала и засасывала Баррика, делала его те-

кучим, как вода.

– Скажите Бриони... – только и успел он вымолвить, а потом соскользнул за границу света, в пылающие глубины.

Молодой Реймон Бек забыл обо всем, кроме Хелмингси. Два дня пути до Южного Предела, потом еще два дня до дома. Прошло полтора месяца, как он уехал оттуда, и сейчас он думал лишь о жене и маленьких сыновьях, не в силах сдерживать нетерпение.

«Мне было легче в Сеттленде, когда до отъезда оставалось несколько недель, – подумал он. – Я работал, заключал сделки, покупал, продавал. А теперь нет никаких дел, только дорога и мысли о доме...»

Впереди тянулся небольшой караван: двадцать тяжело груженных мулов и десятков лошадей, запряженных в повозки. Даннет Бек, двоюродный брат Реймона, по поручению своего отца – дяди Реймона – возглавлял их торговую миссию. Реймон считал что за прошедшие недели брат совершил немало ошибок; как большинство новичков, Деннет полагал, что малейшее непослушание – это неуважение к нему лично и к его авторитету. Но в целом он справился неплохо. Повозки были нагружены тюками прекрасной шерстяной пряжи из Сеттленда – их уже ждали на фабриках в королевствах Пределов. Помимо причитающейся ему доли (что пока невелика) Реймон получит неплохую прибыль от этой поездки. Он заработал столько денег, сколько не зарабатывал ни-

когда за свои двадцать пять лет. Этого хватит, чтобы уехать из родительского дома и, возможно, построить собственный. В будущем на Реймона ляжет еще большая ответственность – ему отойдет значительная часть семейного дела.

Впрочем, если оставить в стороне мысли о счастливом будущем, более всего Реймона Бека одолевало нетерпеливое желание поскорее встретиться с Дерлой, прижать ее к груди, увидеть детей, отца и мать, разделить семейную трапезу. Осталась всего пара дней пути, но ожидание казалось мучительнее, чем в самом начале путешествия.

«Мы ехали бы быстрее, если бы не объединились со свитой дочери сэтлендского принца», – думал он.

Этой девочке с глазами испуганного олененка едва исполнилось четырнадцать лет, и ее отправили к жениху. Она станет женой Рорика Лонгаррена – двоюродного брата Эддоннов, герцога Далер-Трота. Беку казалось странным, что Рорик вообще пожелал жениться, тем более на девушке из далекого горного края. Впрочем, королевская кровь есть королевская кровь, и объектом желаний жениха может быть вообще не невеста.

Против девушки Бек ничего не имел, а дюжина вооруженных стражников никому не помешает, особенно в такие беспокойные времена. Однако девушка часто чувствовала себя плохо, и караван уже трижды останавливался почти на целый день. От этого Реймон Бек, все сильнее тосковавший по дому, приходил в отчаяние.

Он посмотрел на спутников невесты герцога, что двигались в конце каравана, потом в другую сторону – туда, где во главе процессии неровной колонной шли нагруженные мулы. Поймав его взгляд, один из погонщиков приветливо помахал рукой и показал на видневшееся в просветах между деревьями безоблачное осеннее небо, словно хотел сказать: «Посмотри, как нам везет!» В первые дни путешествия лил холодный дождь, принесенный ветром с восточных гор, а теперь погода изменилась к лучшему.

Беку не нравились поросшие лесом холмы, но он помахал погонщику в ответ. Они уже проезжали здесь по дороге из дома. Тогда деревья набухали от дождя и клонились к земле. Впрочем, они выглядели так же и сейчас, хотя погода была сухой. День стоял теплый, но в кронах деревьев и над долинами между холмов клубился плотный туман. Впереди он широкой полосой густел между деревьями и стелился по темной траве почти у самой дороги.

«Этот путь все равно короче, чем по морю, – подумал Бек. – Сначала на юг по проливам, потом к восточному побережью... Я не увидел бы Дерлу и детей еще полгода!»

Впереди кто-то закричал. Реймон с удивлением понял, что туман затянул дорогу прямо перед караваном. Даже в двадцати шагах различались лишь темные очертания деревьев, смутные силуэты людей и животных. Он посмотрел наверх. Небо потемнело, словно туман сгустился и над деревьями.

«Буря? – подумал Реймон. Крики впереди стали очень громкими и странными: они выражали не просто смятение или возмущение, а страх. Волосы зашевелились у Реймона на голове. – Нападение? Неужели разбойники там, за туманом?»

Он оглянулся и посмотрел на воинов, сопровождавших принцессу. Из пелены тумана выскочили двое солдат и пронеслись мимо. Реймон с ужасом понял, что туман окружил их со всех сторон, и они плыли в его волнах, как корабль в океане.

Он вглядывался во мглу. Какая-то неясная фигура выскочила оттуда, и конь под Реймоном в страхе отшатнулся. Реймон лишь на мгновение увидел, что так напугало животное, но этого было достаточно, чтобы сердце замерло в груди от ужаса: Из тумана двигалось существо, состоящее из лохмотьев и паутины бледное, длиннорукое, безглазое. Его уродливый рот больше походил на дыру в мешке.

Конь отступил на шаг и споткнулся. Чтобы не упасть, Реймону пришлось вцепиться в поводья изо всех сил. Вокруг него кричали люди, ржали лошади... Таких ужасных звуков он никогда прежде не слышал.

Темные тени – то ли люди, то ли какие-то неизвестные существа – двигались туда и сюда, возникали из тумана и вновь исчезали в нем. Кто-то нападал, кто-то защищался. Те голоса, что Реймон сначала принял за голоса своих товарищей, на самом деле принадлежали появившимся существам. Они

разговаривали и пели на незнакомом ему языке. Создания из лохмотьев, выползавшие из кустов, были лишь частью множества странных тварей, танцевавших и бормотавших что-то в пелене тумана. Некоторые из них напоминали тени – бестелесные, как туман. Вокруг все еще слышались человеческие крики и лошадиное ржание, но постепенно они слабели. Туман становился плотнее – почти как камень – и поглощал их.

Вдруг несколько крошечных красноглазых созданий, вроде злобных бородатых детей, выскочили из травы и ухватились за стремяна коня. Животное в панике заметалось, пытаясь вырваться. Ветки били Реймона по лицу. Вдруг чья-то сильная рука стащила его с седла и швырнула на землю. От удара дыхание Реймона остановилось, и сознание померкло.

Когда Реймон очнулся, он чувствовал себя абсолютно разбитым. Открыв глаза, он увидел над собой лицо: кто-то смотрел на Реймона из тумана, по-прежнему стелившегося над дорогой. Лицо казалось невероятно красивым, но холодным и безжизненным, словно лик бога в храме Тригона. Реймон перестал дышать, надеясь обмануть демона, но это не помогло. Кожа существа была совсем бледной, а глаза светились, словно пламя свечей сквозь толстые стекла храма. Реймон подумал, это мужское лицо, хотя трудно судить о демоне как о человеке. Потом лицо исчезло, растворилось в подступившей мгле – и мир погрузился во мрак.

Реймон Бек крепко зажмурил глаза и втянул в грудь воздух, ожидая смерти. Он лежал так довольно долго, пока не затекла спина и не заболели ребра. Кровь стучала в голове, тело ныло от ушибов и порезов.

Наконец Реймон решился открыть глаза. Туман исчез. В тени глубокой лощины сквозь листья деревьев просвечивало голубое небо.

Он сел и осмотрелся. Лощина была пуста.

Морщась от боли, но стараясь не шуметь, Бек с трудом поднялся на ноги и обошел усыпанную сломанными ветками полянку, где упала его лошадь. Лошади он не нашел. Стояла жуткая тишина – ни человеческих криков, ни ржания коней. Бек приготовился увидеть страшную картину и постарался держать себя в руках.

Он вышел на дорогу. Там, пощипывая траву, стояла лошадь, будто поджидала Реймона. Это был не его конь – какой-то другой из каравана. Животное тяжело дышало. Больше ничего особенного Реймон не заметил. Он подошел к лошади. Та слегка вздрогнула, но позволила похлопать себя, а вскоре и вовсе успокоилась, принялась снова щипать траву.

Дорога была пуста. Десятки людей, дочь принца и ее вооруженные воины, кони, мулы, повозки с шерстью, целая армия напавших на них чудовищ – все исчезло. Бесследно. Как и туман.

Ужас скрутил Бека, словно чья-то крепкая рука, под ложечкой засосало, и его стошнило. Он вытер рот и поспешил

сесть в седло, проклиная боль в спине. Его товарищи исчезли без следа. Он понятия не имел, где их искать. Впрочем, искать он никого не собирался, потому что ни на минуту не хотел задерживаться в этом проклятом месте. Ему хотелось одного: скакать и скакать, пока не доберется до ближайшего жилья.

Он знал, что больше никогда в жизни не приблизится к этим холмам. Даже если ему придется отказаться от доли в семейном деле, а его жена и дети будут побираться ради куска хлеба, он все равно не поедет сюда.

Реймон пришпорил коня и двинулся на восток, пригнувшись к шее лошади и обливаясь слезами.

Наступило раннее утро, но Бриони, несмотря на страшную усталость, так и не сомкнула глаз. Всю ночь она лежала, глядела в темноту и прислушивалась к дыханию Мойны, Розы и еще трех молодых придворных дам, оставшихся в замке накануне похорон Кендрика.

«И как они могут спать, – удивлялась она про себя. – Неужели они не понимают, что наши жизни в опасности, что королевство вот-вот погибнет?»

Если Шасо в одиночку совершил это убийство, совершенно невозможно понять, зачем он это сделал. Кому теперь можно доверять? Если же, невероятным образом, его подкупили, или кто-то другой убил Кендрика, а обвинение пало на Шасо – значит, жестокий удар нанесен в самое сердце семьи

Эддонов преднамеренно. Враг напал на них в их собственном доме, в ночи. Как после этого можно заснуть?

Сердце у нее сильно забилося за миг до того, как она различила какой-то новый звук: в дверь комнаты тихо постучали. Она знала, что за дверью дежурят стражники. Даже беспечный болван Феррас Вансен не оставит ее без охраны в такую ночь. Бриони накинула плащ прямо поверх ночной рубашки – в комнате было прохладно – и направилась к двери.

«Но ведь и Кендрика охраняли, – вспомнила она, и от этой мысли по телу побежали мурашки. – Он, наверное, тоже считал, что находится в безопасности».

– Принцесса? – Голос звучал очень тихо, но Бриони его сразу узнала.

Ее сердце вновь сжалось от страха, теперь по другой причине. Она шагнула к дверям, но тут же остановилась и спросила:

– Чавен? Это вы? Действительно вы?

– Да, это я, – ответил из-за двери врач.

– Мы тоже здесь, ваше высочество. Не бойтесь, откройте дверь!

Бриони узнала хриловатый голос одного из солдат; имени его она не помнила.

В последние дни принцесса пережила столько ужасных событий, что ей стоило труда не вздрогнуть, когда дверь распахнулась. В ярком свете факелов за порогом стоял Чавен со стражниками. Лицо врача было серьезным и изможденным,

но в его глазах Бриони не увидела того, чего так боялась.

– Что-то с братом?

– Да, моя госпожа. Нет, ничего страшного. Я пришел сообщить вам, что в его болезни наступил перелом. Конечно, принц поправится не скоро, но я уверен – жить он будет. Он зовет вас.

– Милосердная Зория! Спасибо всем богам! – Бриони опустила на колени и склонила голову в молитве.

Казалось, она должна быть на седьмом небе от счастья, но вместо этого у нее закружилась голова. Как только страшная опасность миновала, оцепенение, помогавшее принцессе держать себя в руках, моментально исчезло. Девушка попыталась встать, но зашаталась и стала падать. Чавен и один из стражников подхватили ее.

– Мы выживем, – прошептала она.

– Да, принцесса, – ответил врач. – Однако сейчас вы отправитесь в постель.

– Но Баррик!..

Комната по-прежнему вращалась перед ее глазами.

– Я скажу ему, что вы придете, как только начнет светать.

Скорее всего, он уже спит.

– Чавен, передайте брату, что я люблю его.

– Непременно, – пообещал Чавен.

Бриони позволила уложить себя в постель. Она думала о бедном Кендрике, чье тело сейчас находилось в руках девственных жриц Керниоса. Стены комнаты продолжали мед-

ленно кружиться вокруг принцессы, и мысли о брате не смогли придать ей достаточно сил.

– Скажите Баррику... – пыталась выговорить Бриони. – Скажите Баррику...

Но усталость одержала верх, и девушка уснула.

11. НЕВЕСТА БОГА

ЯГОДЫ

*Белые, как кость, красные, как кровь,
Красные, как угольки, белые, как день.
Неужели среди них нет сладких?*

Из «Оракулов падающих костей»

Автарка окружали роскошь и великолепие, во много раз превосходящие все богатство каменного храма Улья. Отделанный черно-белой плиткой Тронный зал был до отказа заполнен людьми: воинами, купцами, вельможами и слугами Бесценного. С потолка смотрели изображения богов. Сам автарк восседал в центре на Соколином троне. Перья, выточенные из драгоценных топазов, покрывали огромную птичью голову над тронном, а глаза птицы были сделаны из красной яшмы. Раскрытый позолоченный клюв гигантского сокола отбрасывал тень на Сулеписа Бишаха ам-Ксиса III. Автарка окружали «леопарды» – его гвардейцы, а тех, в свою очередь, обступили знаменитые перикалезские наемники – «белые гончие». Это было уже второе или третье поколение «белых гончих»: их предков взяли в плен в великом морском сражении воины дедушки нынешнего автарка. Мало кто из «гончих» знал язык Перикала, но белокожих женщин у повелителя огромного континента Ксанд было достаточно, а по-

тому и кожа, и волосы воинов по-прежнему оставались светлыми, как у их предков. Впрочем, северяне в любом случае выглядели странно: даже испуганной и смущенной Киннитан они куда больше напомнили медведей, которых она видела на картинках, нежели гончих. У них у всех были очень широкие плечи, длинные волосы и бороды.

Киннитан заметила, как из-за спины перикалезца на нее смотрит один из «леопардов». Прикрепленный к шлему длинный черный хвост свидетельствовал о том, что это не простой воин. У «леопарда» был суровый взгляд, а искусно изготовленные доспехи подчеркивали ширину его плеч. Испугавшись, что совершила ошибку, Киннитан опустила глаза.

Когда она подняла взор, толпа придворных отходила от Соколиного трона. Они отступали назад, кланяясь и взмахивая руками, и Киннитан вновь увидела автарка. Молодой бог во плоти, откинувшись назад и глядя на распростертый над его головой клюв, почесывал нос, словно находился в зале один. На руках у него сверкали золотые напалечники – подобно крошечным стражникам, они защищали живого бога от всего, что его окружало. Таково правило – непреложное, как голубое небо: автарк не должен прикасаться ни к чему нечистому.

Мать Киннитан опять заплакала. Сама девушка хоть и была напугана, но поведения матери не понимала. Она толкнула ее локтем в бок, допустив немислимую дерзость для до-

чери.

– Прекрати, – шепотом велела девушка, хотя это считалось невероятной грубостью.

– Мы так счастливы! – ответила мать, хлюпая носом. «Мы?»»

Киннитан пребывала в ужасе и от того, что ее избрали, и от необычности происходящего. Несмотря на понятную гордость – ведь ей удалось привлечь внимание самого могущественного человека на земле! – девушка твердо знала: она не хочет выходить замуж за автарка. В нем было нечто пугающее. Киннитан не могла сказать, что именно, но дело не в его безграничной власти и не в странных жестоких причудах, о которых ей приходилось слышать. Она рассмотрела в его глазах то, чего не встречала раньше у людей. Такой взгляд она когда-то видела у лошади, сбросившей седока. Всадник запутался ногой в стремях, а лошадь тащила его по людной базарной площади, пока он не умер. Один из солдат навсегда успокоил ту лошадь стрелой, но голову упавшего человека уже разможило о мостовую. Когда лошадь умирала с кровавой пеной на губах, Киннитан увидела ее глаз, вращавшийся в глазнице. Это был взгляд существа, больше не различающего реальности.

Именно такие глаза были у автарка, хотя выглядел он абсолютно спокойным и происходящее его явно развлекало. Киннитан совершенно не хотела принадлежать ему, ложиться с ним в постель, раздеваться для него, ощущать его при-

косновения, пускать его в себя, пусть даже он и был воплощением бога на земле. От одной мысли обо всем этом девушку начинала бить дрожь.

Впрочем, у нее не оставалось выбора. Отказаться значит умереть. Но хуже всего то, что перед этим и отца, и мать, и сестер убьют у нее на глазах, и их смерть, как она подозревала, не будет быстрой.

– Где родители девушки-пчелы? – вдруг спросил автарк. При звуке его голоса все смолкли. Кто-то тихонько кашлянул от напряжения.

– Они пред тобой, Бесценный, – ответил пожилой мужчина в церемониальных одеждах из серебристой ткани.

Он указал туда, где отец и мать Киннитан распростерлись на каменном полу. Девушка вдруг осознала, что не приняла должной смиренной позы, и опустила голову. Она догадалась, что человек в серебристых одеждах – это Пиннимон Вэш, старший министр.

– Подведи их ко мне, – приказал автарк. Голос его был твердым и довольно высоким. Кто-то снова кашлянул. В абсолютной тишине, наступившей после последних слов живого бога, звук этот показался очень громким. Как хорошо, что родители Киннитан молчали.

– Согласны ли вы отдать вашу дочь в невесты богу? – спросил министр у отца и матери Киннитан.

Они сгорбились и не решались поднять глаза. Несмотря на собственные страдания, девушке стало стыдно за отца. Чеш-

рет был священником и имел право стоять перед алтарем Нуша-Ша – почему же он не в силах смотреть в глаза автарку?

– Согласны... мы согласны, – ответил отец. – Для нас это такая честь... что... мы...

– Да-да, конечно. – Золотым пальцем автарк постучал по деревянному сундучку. – Отдайте им деньги, Джеддин, и пошлите людей, чтобы помочь добраться до дома.

Один из «леопардов» – тот, что смотрел на нее недавно, – отдал команду, и двое воинов с мушкетами вышли вперед. Они подняли сундучок; видно было, что он очень тяжелый.

– Стоимость десяти лошадей в серебре, – объявил автарк. – Щедрая плата за честь ввести вашу дочь в мой дом. Вы согласны?

Солдаты с сундучком уже пошли к выходу. Родители Киннитан неуклюже последовали за ними, стараясь не упускать добычу из виду, но при этом не смея повернуться спиной к автарку.

– Вы так добры, повелитель Поднебесья, – ответил отец, не переставая кланяться. – Это слишком большая честь для нашего дома...

Мать Киннитан снова зарыдала. Наконец они покинули зал.

– Итак... – начал автарк. Кто-то снова кашлянул, и он поморщился: – Кто это? Подведите его ко мне.

Трое «леопардов» спустились с возвышения и пошли через зал, подняв начищенные мушкеты. Толпа расступалась

перед ними. Потом они вернулись к автарку, таща за собой хрупкого молодого человека. Толпа отступила еще дальше, будто молодой человек страдал страшной болезнью. Впрочем, по-видимому, так оно и было, раз он рассердил живого бога.

– Ты, наверное, ненавидишь меня, раз позволяешь себе прерывать мои речи кашлем? – спросил автарк.

Когда солдаты отпустили молодого человека, тот рухнул на колени и в ответ на слова повелителя лишь тряс головой и плакал от страха. Лицо его посерело.

– Кто ты? – продолжал автарк.

Но молодой человек не в силах был выдать из себя ни слова. Старший министр, откашлявшись, ответил за него:

– Он писарь, ведет бухгалтерские книги в министерстве финансов. Он хорошо считает.

– Это умеют делать тысячи торговцев на птичьем рынке. Думаю, его следует убить. Ты можешь сказать что-нибудь в его защиту, Вэш? Он злоупотребил моим терпением.

– Вы правы, Бесценный. Он злоупотребил вашим терпением. – Старший министр развел руками, словно бесконечно сожалел о случившемся. – В его защиту могу сказать одно: он очень старательный работник, и его любят другие писари.

– Правда?

Автарк разглядывал искусно выложенный плиткой потолок и длинным пальцем почесывал нос. Похоже, ему изрядно надоел этот диалог.

– Ладно, вот мой приговор, – объявил он. – «Леопарды», уведите провинившегося. Поколотите его железными прутьями и переломайте ему кости. Если после этого он выживет, пусть его друзья из министерства финансов заботятся о нем, кормят его... ну и так далее. Посмотрим, насколько сильна их дружба.

Огромная толпа одобрительно загудела, восхищенная мудростью автарка, а Киннитан с трудом сдержала крик ужаса. Молодого человека подхватили за руки и потащили. Ноги его волочились по полу, и за ним оставался мокрый след, словно за улиткой. Он потерял сознание. Трое слуг бросились суетливо вытирать каменный пол.

– Так вот, девушка... – произнес автарк все еще раздраженным тоном.

Сердце Киннитан сильно забилося. Неужели она больше не нужна ему? Не собирается ли он убить и ее? Автарк только что купил ее у родителей, как цыпленка на рынке, и теперь никто пальцем не пошевелит, чтобы спасти ее жизнь.

– Встань рядом со мной, – приказал он.

Ей удалось заставить себя подняться по ступеням на возвышение. Она подошла к Соколиному трону и опустилась на колени, несказанно радуясь тому, что не чувствует при этом дрожи в ногах. Девушка прижалась лбом к прохладному камню, страстно желая, чтобы время остановилось. Если бы она могла навеки остаться на этом месте и никогда не узнать о том, что ожидает ее в будущем! Сильный сладкий

запах заполнял воздух, и Киннитан боялась, что он заставит ее чихнуть. Невесту окружила толпа священнослужителей. Они брызгали на нее благовониями из бронзовых чаш, чтобы пропитать девушку ароматом, достойным автарка. Она видела все это из-под полуприкрытых век.

– Тебе очень повезло, девочка, – шепнул ей Пиннимон Вэш. – Тебя возвысили над всеми женщинами на земле. Ты это понимаешь?

– Да, господин. Конечно, господин.

Она еще крепче прижалась лбом к камню, чувствуя, как тело покрывает холодный пот. Родители продали ее автарку, даже не спросив, что с нею будет. Интересно, сможет ли она разбить голову о плитки пола и умереть прежде, чем ее остановят? Ей совсем не хотелось становиться женой повелителя мира. Достаточно взглянуть на его странное лицо с птичьими глазами, как сердце замирает в груди. Киннитан находилась совсем близко от автарка, и ей казалось, что она чувствует жар его тела, словно он – железная статуя, просто-явшая целый день на солнце. Она представила, как длинные пальцы царапают золотыми напалечниками ее кожу, как над ней склоняется лицо повелителя...

– Поднимись.

Это произнес сам автарк. Киннитан встала и покачнулась так резко, что старший министр был вынужден сухой старческой рукой поддержать ее за локоть. Бесцветные глаза живого бога скользнули по телу и лицу девушки, потом снова

по телу. Во взгляде не было страсти, не было ничего человеческого: она чувствовала себя тушей, висящей на крюке в магазине мясника.

– Она немного худа, но не уродлива, – заявил автарк. – Теперь она должна жить в обители Уединения. Отдайте ее старой Кузи и скажите, что за девочкой нужен особый, очень тщательный уход. Пангиссир объяснит, что от нее требуется.

К своему удивлению, Киннитан сумела поднять взгляд и посмотреть автарку прямо в глаза. Как будто со стороны она услышала собственный голос:

– Повелитель, я не знаю, почему ты выбрал меня, но я сделаю все, чтобы услужить тебе.

– Да, ты будешь хорошо мне служить, – согласился он и засмеялся странным смехом, похожим на детский.

– Могу ли я обратиться к тебе с просьбой, о повелитель?

– Ты должна называть повелителя воплощением бога на земле или Бесценным, – строго заметил старший министр.

Собравшиеся начали перешептываться, удивленные ее дерзостью.

– Бесценный, могу ли я попросить тебя?

– Можешь.

– Могу ли я попрощаться с моими сестрами в Улье, с моими подругами? Они были очень добры ко мне.

Он некоторое время пристально смотрел на нее, потом кивнул.

– Джеддин, выдели стражников, чтобы они сопровожда-

ли ее для прощания и помогли взять из храма все, что она пожелает. Потом она должна поселиться в обители Уединения. – Он чуть прищурил блеклые глаза. – Может быть, ты не рада той чести, что я оказал тебе, девушка?

– Я... я очень потрясена, Бесценный. У меня не хватает слов, чтобы выразить, насколько я счастлива.

Киннитан стало по-настоящему страшно. Ей с трудом удалось говорить так, чтобы автарк ее слышал, хотя их разделяли лишь несколько шагов. До остальных собравшихся в зале звук голоса девушки не долетал вовсе.

Киннитан шла по коридорам дворца-сада в сопровождении «леопардов». Она слышала об этом дворце раньше, а теперь он станет ее домом на всю оставшуюся жизнь. Мысли кружились в голове, словно пары фимиама.

«Почему он хочет именно меня? Он ни разу не видел меня до сегодняшнего дня. Он сказал «не уродлива»? Так говорят, когда женятся по сговору. Но ведь у меня ничего нет. Мои родители – никто! Почему среди сотен других девушек он выбрал именно меня?..»

Джеддин – мускулистый воин с серьезным лицом, капитан отряда «леопардов» – пристально смотрел на Киннитан. Вероятно, он давно уже ее разглядывал, но заметила она это только сейчас.

– Госпожа, я прошу прощания, – заговорил он. – Я не могу дать вам много времени на прощание. Нас ожидают в обите-

ли Уединения.

Она кивнула. У Джеддина был жесткий взгляд, но блеск его глаз казался более человечным, чем у других солдат, стоявших позади автарка.

Девушки в Улье уже знали о ее приходе.

«Возможно, таково предсказание оракула», – подумала она с горечью и болью.

Она уходила от золотых пчел, и это ее пугало. Страшно менять девичий приют Улья на тюрьму обителю Уединения, где жили одни женщины. Несмотря на оказанную ей честь избрания, нельзя сказать, что перемены ведут к лучшему.

Видно было, что главная жрица Раган гордится ею, но все же прощание вышло прохладным.

– Для нас это большая честь, – сказала Раган, целуя Киннитан в обе щеки, прежде чем вернуться в свои покои.

А вот Криссу искренне огорчало расставание с Киннитан, хотя лицо старшей послушницы светилось от гордости.

– Еще никто не переходил из Улья в обитель Уединения, – говорила она, и глаза ее сияли религиозным экстазом, так же как при разговоре со священными пчелами.

Девушка подумала: может быть, Крисса, считавшая это избрание прекрасным, мечтала сама оказаться на ее месте? Киннитан с радостью согласилась бы на такое.

– Тебе действительно нужно уходить? – Дани плакала. Она и радовалась, и волновалась не меньше Криссы. – Почему тебе нельзя жить с нами, пока все не свершится?

– Не говори глупостей, Даньяза, – прервала ее старшая послушница. – Женщина, назначенная в жены автарку, не может жить в Улье. А вдруг кто-то... а вдруг она... – Крисса нахмурилась. – Нельзя, и все тут. Он – воплощение бога на земле!

Когда старшая послушница ушла, Киннитан начала собирать свои вещи и складывать их в мешок: костяную резную расческу, подаренную ей матерью в день призвания к священным пчелам, бусы из полированного камня – от братьев, крошечное металлическое зеркальце – от сестры, нарядное платье, что она не надевала со дня посвящения в сестры Улья. Она размышляла над вопросами Дани, но так и не нашла что ответить подруге. Киннитан не имела понятия, что ее ждет впереди, почему заметили и избрали именно ее. Но одно она знала наверняка: отныне она больше не была человеком, по крайней мере для сестер Улья. Она стала историей.

«Теперь я – та девушка, которую заметил и выбрал автарк. Они будут говорить обо мне всю ночь. Будут гадать, не произойдет ли нечто подобное еще раз – может быть, с кем-то из них. Для них это замечательная романтическая история, как старая сказка про Дасмета и девушку без тени».

– Не забывают меня, – неожиданно для себя самой попросила Киннитан.

Дани изумленно взглянула на нее.

– Забыть тебя? Кин-я, это же невозможно!..

– Нет, я не о том. Не забывают настоящую Киннитан. Не

сочиняйте про меня глупых историй. – Она взглянула на подружку, умолкшую от изумления. – Я очень боюсь, Дани.

– Выходить замуж совсем не страшно, – сказала подруга. – Старшая сестра говорила мне... – Она вдруг испуганно замолчала. – Интересно, боги делают это так же, как люди?

Киннитан покачала головой: Дани не сможет понять ее.

– Как ты думаешь, тебе позволят зайти ко мне в гости?

– Что? Ты хочешь сказать... в обитель Уединения?

– Ну конечно. Туда не пускают только мужчин. Прошу тебя, обещай, что придешь.

– Кин-я... Да! Я приду, как только сестры позволят!

Киннитан обняла Дани. В дверь комнаты послушниц заглянула госпожа Крисса и напонила, что солдаты за воротами храма уже заждались.

– Не забывайте меня, – шепнула Киннитан на ухо подруге, – не превращайте меня в какую-нибудь... принцессу.

Растерявшаяся Дани лишь кивнула ей на прощание. Киннитан взяла мешок с пожитками и последовала за старшей послушницей.

– И еще одно, – сказала Крисса. – Мать Мадри хочет кое-что сказать тебе на прощание.

– Сама... прорицательница? Мне?

Мадри не могла видеть Киннитан: со дня первого своего появления в Улье девушка ни разу не оказывалась рядом с прорицательницей даже случайно. Неужели и эта величественная женщина жаждет выразить свою благосклонность

избраннице автарка? Впрочем, Киннитан полагала, что это общая обязанность.

«Он сказал, что я не уродлива, и это самые хорошие его слова обо мне, – думала она. – Маловато, чтобы считаться милостью, не так ли?»

Они прошли сквозь самую темную часть Улья. В воздухе раздавалось сонное жужжание пчел. Звук проникал через вентиляционные шахты в стенах и был слышен в любом уголке храма. Впрочем, если пчелы и заметили уход одной из младших послушниц, это их не взволновало.

В комнате пахло лавандовой водой и сандаловым маслом. Мать Мадри сидела на стуле с высокой спинкой. Ее лицо было выжидательно устремлено в сторону двери, зрачки слепых глаз беспорядочно двигались, словно прорицательница пыталась осмотреться. Она протянула к Киннитан руки. Девушка колебалась: слишком уж пальцы прорицательницы походили на когти.

– Это ты, дитя? Та девушка? – спросила Мадри. Киннитан оглянулась, но Криссы в комнате уже не было. – Да, это я, мать Мадри, – отозвалась она. – Возьми мои руки.

– Вы очень добры ко мне...

– Тихо! – сказала та.

В ее голосе не было злости – так предупреждают неразумное дитя, что тянется к открытому огню. Холодные ладони прорицательницы сжали пальцы Киннитан.

– Мы еще ни разу не отправляли никого в обитель Уеди-

нения, но Раган говорила мне, что ты необычная девушка. – Мадри покачала головой. – Знаешь ли ты, что все это когда-то было нашим? Суригали была главой Улья, а Нушаш – ее робким супругом.

Киннитан не имела понятия, о чем говорит мать Мадри, да и день у нее выдался длинным и беспокойным. Она лишь молча стояла перед старой женщиной, а та сжимала ее пальцы. И вдруг замерла, как бы прислушиваясь. Лицо ее обратилось вверх точно так же, как повернул лицо автарк, решая судьбу несчастного, позволившего себе кашлять в его присутствии. Руки прорицательницы делались все теплее и наконец стали совсем горячими. Киннитан с трудом подавила желание вырваться из этих цепких пальцев. Испещренное морщинами лицо вдруг обмякло, беззубый рот широко открылся, словно в испуге.

– Именно такого я и боялась, – сказала Мадри, выпуская руку Киннитан. – Все очень плохо. Очень плохо.

– Что? О чем вы говорите?

Неужели прорицательница увидела ее судьбу? Будущий муж убьет ее? Он уже избавился от множества предыдущих жен!

– Перед бурей летает птица. – Мадри говорила так тихо, что Киннитан с трудом разбирала слова. – Ей больно, и она с трудом машет крыльями, но это единственная надежда. Надежда остается, когда пробуждается спящий. Старая кровь еще сильна. Надежды совсем мало... – Некоторое вре-

мя она раскачивалась на стуле, потом замерла, повернув лицо к Киннитан. Если бы она могла видеть, взгляд ее был бы пристальным. – Прости, я устала. Мы почти ничего не можем поделать, поэтому нет смысла тебя пугать. Ты должна помнить, кто ты. Это все.

Киннитан не знала, как обычно ведет себя мать Мадри, и прорицательница сильно испугала ее.

– Что вы имеете в виду? – спросила девушка. – Что я должна помнить? Что я – сестра Улья?

– Помни, кто ты. А когда клетка распахнется, ты должна улететь. Второй раз ее не откроют.

– Но я не понимаю!..

В комнату заглянула Крисса:

– Все в порядке, мать Мадри?

Пожилая женщина кивнула. Морщинистой ладонью она в последний раз прикоснулась к руке Киннитан и отпустила ее.

– Помни. Помни, – повторила прорицательница.

Киннитан изо всех сил старалась сдержать слезы, когда старшая послушница передавала ее солдатам. Джеддин молча смотрел на девушку. Теперь он должен был проводить молодую невесту под защиту прочных стен обители Уединения.

12. СПЯЩИЙ В КАМНЕ

ДОЛГИЙ ДЕНЬ

Что упало на землю с небес?

Что сверкает, как слеза, как алмаз?

Может быть, это звезды?

Из «Оракулов падающих костей»

Чет смотрел, как Слюда и Тальк шлифовали каменную стену над могилой. Раньше он опасался, что Сланцы таят на него обиду, поскольку те были племянниками Роговика и, возможно, надеялись занять его место. Но они, напротив, всегда были готовы помочь. Сказать начистоту, команда оказалась просто образцовой, даже Пемза работал и почти не жаловался. Если что-то им не нравилось, они держали недовольство при себе, поскольку понимали: гробницу для принца нужно сделать вовремя.

В том месте, где стоял Чет, единственным источником света служили четыре каменных фонаря, недавно укрепленные на стенах. Солнца отсюда не было видно, но Чет не сомневался, что оно уже показалось над зубцами восточной стены. Значит, до начала похорон осталось лишь несколько часов.

Работа сама по себе предстояла непростая, и Чет благодарил своих предков Голубых Кварцев за то, что задание ему

дали сравнительно небольшое: сделать лишь одно новое помещение. К тому же здесь залегал известняк, и с камнем фандерлингам повезло. Тем не менее они вынуждены были мириться с недоделками: форма нового помещения получилась неправильной, а дальняя его часть, где начинался туннель, ведущий в глухие пещеры, оставалась необработанной. Отшлифовали только ту стену, где вырубил нишу для гроба принца-регента. С ее поверхности еще не удалили кусочки кремня, и большую часть резьбы предстоит доделывать позже. Уголек едва успел украсить само надгробие и стены вокруг. И, хотя время поджимало, мастера выполнили свою работу замечательно, превратив грубую пещеру в подобие лесной беседки. Каменная плита, на которой установят гроб с телом Кендрика, представляла собой ложе из травы, а стволы и свисающие вниз ветви с листьями были вырезаны в стенах склепа так тщательно, что казалось, будто за ними тянутся ряды деревьев и можно пройти в глубь настоящего леса.

– Великолепно! – похвалил Чет Уголька, уже заканчивавшего работу над цветочным кустом. – Теперь никто не сможет сказать, будто фандерлинги не выполнили с честью свою работу.

– Печальная работа, – сказал Уголек и вытер пот с покрытого пылью лица. Он выглядел старше своих лет. Он обзавелся семьей всего несколько лет назад, но уже сморщился, как старик, и волосы его побелели вовсе не от известковой пыли. – Я-то считал, что могилу для него будут делать мои

сыновья или даже внуки. Он ушел слишком рано, бедный принц. И кто мог подумать, что этот южанин способен на такое? Он прожил здесь столько лет и, казалось, стал своим.

Чет повернулся к остальным рабочим и велел им убрать леса. Слюда и Тальк были уже внизу. Они очень устали, но им еще придется заделывать дыры там, где перекладыны лесов крепились к стене. Сделать это нужно очень быстро: старший смотритель Найнор уже прислал нескольких мужчин и женщин Для украшения склепа цветами и свечами.

Уголек посмотрел на каменный цветочный бутон, чуть-чуть подправил его резцом и начал полировать.

– Кстати, о сыновьях, – сказал он. – А твой-то где?

Чет почувствовал смесь гордости и раздражения оттого, что мальчика назвали его сыном.

– Кремень? – переспросил он. – Я отослал его перед тем, как вы пришли. Он играет наверху. Его беготня выводит меня из себя.

Но он сказал лишь часть правды. Мальчик так странно себя вел, что Чет у стало страшно за него. Ребенок был сильно возбужден. Чет подумал, что на мальчика действует ядовитый газ, который мог проникать в усыпальницу. Люди называли этот газ «дыханием черных глубин». В течение нескольких лет от него погибло немало фандерлингов, но на больших людей он не действовал.

Вскоре стало ясно, что поведение мальчика невозможно объяснить действием этого газа: ребенка пугал и одновременно

менно притягивал темный провал за надгробием. Загляды-
вая туда, он разговаривал сам с собой, издавал невнятные
звуки, будто был младенцем или зверьком, распевал обрыв-
ки незнакомых песен. Когда Чет оттащил мальчика от прова-
ла, Кремень ответил на его вопросы со своей обычной сдер-
жанностью. Он рассказал, что звуки в пещере испугали его,
что он слышал там голоса и чувствовал запахи.

– Я не понимаю этих запахов, – так объяснил свое стран-
ное поведение мальчик. – И не хочу понимать.

Чет схватил кусок светящегося коралла, встал на колени и
сунул голову в необработанную дыру в известняке, но ничего
необычного там не обнаружил.

Не забывая о срочности работы и припомнив слова Ки-
новари о его, Чета, здравомыслии, фандерлинг быстро при-
нял решение. Он не хотел, чтобы мальчишка устраивал здесь
шум и мешал работать взрослым, поэтому отвел его наверх
и велел играть там, но не уходить за пределы кладбища и не
отдаляться от входа в склеп. Поскольку рабочие часто выво-
зили известняк на ручных тележках, Чет не сомневался, что
мальчик останется под присмотром.

Уголек мокрой тряпкой и мелким песком убирал с цвет-
ка последние шероховатости, а Чет вдруг осознал, что очень
давно не видел мальчика, хотя Кремень уже должен был при-
бежать за завтраком. Чет отдал последние распоряжения ра-
бочим, разбиравшим леса, похлопал Уголька по плечу и от-
правился наверх – посмотреть, чем занят ребенок.

Несколько больших людей, присланных Найнором, наводили порядок во внешних помещениях усыпальницы. Они готовили склеп к погребальной церемонии: снимали сажу со стен над фонарями, разбрасывали по полу камыш и бес- смертники. Запах этих растений напомнил Чету о временах, когда он ухаживал за Опал и водил ее гулять наверх – на прибрежные луга Лендсенда. Позже жена сказала, что для нее, почти никогда не покидавшей Город фандерлингов, было очень интересно и ново смотреть на море и бескрайнее небо. От таких слов Чет почувствовал невиданную гордость, словно сам сотворил все это для Опал.

Впрочем, запах цветов и приятные воспоминания молодости не отвлекли его от мыслей о печальном предназначении этого места: здесь располагались ниши, где покоились останки многих поколений Эддонов, правителей Южного Предела. Одни из королей были великими, другие – ничтожными, но сейчас мертвые стали равны.

«Когда они были живы, кто-нибудь любил их», – подумал Чет.

Скорбящие родственники приносили сюда тела – как вскоре доставят убитого принца – и оставляли в каменном убежище, пока время не превращало их в прах.

Чет не испытывал страха. Фандерлинги не устраивали могил для своих мертвецов, но сейчас, среди такого количества могил, невозможно было не проникнуться особым чувством. На одних надгробиях, каменных или металлических, усоп-

шие запечатлялись такими, какими они остались в памяти живых. Однако встречались и иные образцы погребального искусства: изображения мертвых разлагающихся тел. Этот стиль пользовался успехом лет триста тому назад. В те далекие годы, сразу после нашествия чумы, считалось, что умершие напоминают живым, сколь быстротечно их счастье.

«К чему вся эта мистика? – думал Чет. – Мы растем благодаря земле, воде, пище и воздуху, которым дышим. А потом снова возвращаемся в землю, что бы ни сделали боги с той искоркой, что жила в живом теле».

В последние дни, еще до гибели принца-регента, он чувствовал вокруг холодное дыхание смерти. Будто кто-то хотел напомнить ему, что все когда-нибудь заканчивается.

Однако ему, к сожалению, некогда было отвлекаться. Вокруг усердно трудились большие люди, а Чет поспешил дальше. Он вырос среди камней, но умел, как сейчас, радоваться настоящему дневному свету. Впрочем, сегодняшней подъем в его душе продолжался недолго. Он забеспокоился: Кремня нигде не было. Чет обошел кладбище и прилежавший к нему сад. Он искал мальчика повсюду, но нигде не находил.

Бриони, обнаженная после ванны и озябшая, рассматривала свое бледное тело. Ей совсем не нравилась эта слабая, недостаточно развитая плоть.

«Будь я мужчиной, – подумала она, – ни Саммерфильд, ни лорд Броун не стали бы цепляться к моим словам. Они

не считали бы меня слабой. Даже если бы у меня была покалечена рука, как у Баррика, они боялись бы моего гнева. Но из-за игры природы, из-за того, что я женщина, они не доверяют мне. – В комнате было прохладно, и принцесса дрожала. – Отец, как же ты мог бросить нас?»

Бриони закрыла глаза и на миг снова ощутила себя ребенком: вот она стоит после купания, а вокруг суетятся няньки, вытирая ее мягким полотенцем, и весь огромный дом заполнен знакомыми звуками.

«Интересно, куда уходит время? – размышляла девушка. – Может быть, оно похоже на эхо – на голоса, что разносятся по залам, а потом становятся все тише, пока совсем не стихают? Осталось ли эхо тех дней, когда мы все были вместе: Кендрик еще не умер, папа еще не покинул нас, а Баррик не заболел?»

Но даже если такое эхо и существует, оно слишком слабое, его порождают призраки.

Бриони подняла руки.

– Оденьте меня, – велела она Мойне и Розе.

Мысли об отце, желание увидеть его, услышать его голос напомнили ей о том письме, что Давет дан-Фаар привез из Иеросоля. Где оно? Может быть, в комнате Кендрика, среди бумаг, которые она не успела просмотреть? Письмо отца не просто документ. Необходимо увидеть его. Принцесса страстно желала его прочесть. Надо обязательно найти письмо сразу после похорон – похорон Кендрика...

Ужас от того, что ей предстоит, заставил ее колени задрожать, но Бриони выпрямилась и подавила дрожь. Нельзя показать фрейлинам, насколько их принцесса труслива, беспомощна и несчастна.

Роза и Мойна были на удивление молчаливы. Интересно, они искренне подавлены или просто отдают дань уважения чувствам Бриони, переживая вместе с ней ужасы последних дней? Впрочем, какая разница. Смерть касается каждого, так или иначе.

Служанки накинули на Бриони сорочку и тщательно расправили ткань на еще влажном теле. Надели юбку, завязали пояс узлом сзади. Бриони стояла босиком, у ее ног образовались лужицы. Роза слишком туго затянула шнурки на корсете, и Бриони застонала, но не попросила ослабить их. Теперь она знала, для какой цели служили церемониальные наряды: подобно доспехам, они создавали впечатление силы, даже если тело переставало тебе подчиняться.

«Но я не желаю быть слабой! Ради своей семьи и ради своего народа я хочу быть сильной, как мужчина».

Но что это значит? Сила бывает разной: медвежья – у Авина Броуна, или чуть поменьше – такой обладал Кендрик. Как-то Раз на состязании по борьбе старший брат схватился с довольно крупным стражником, и того пришлось уносить на руках, От мыслей о Кендрике сердце принцессы дрогнуло. «Он всегда был сильным и бодрым! Неужели его больше Нет? Как может одна ночь изменить все вокруг?.. – Пока

Мойна и Роза надевали на Бриони черное шелковое платье из черной парчи, украшенное изящным серебряным и золотым шитьем, девушка продолжала размышлять. – Но ведь бывает и другая сила... Отец редко повышал голос, и я никогда не видела, чтобы он ударил кого-нибудь в гнев. Однако слабым его никто бы не назвал. Почему люди считают, что сильным может быть только мужчина?.. Кто защищал нашу семью в последние несколько дней? Не я, да простит меня Зория. Не Баррик и не комендант крепости. Нет. Обо всем заботилась тетушка Мероланна. Решительная и твердая, как скала, она поддерживала жизнь, забыв о смерти».

Роза и Мойна суетились вокруг Бриони, отгибали и разглаживали манжеты на платье, обрезали торчащую у подола нитку, обували принцессу: одна поддерживала Бриони за талию, помогая удержать равновесие, а вторая в это время аккуратно надевала туфлю. Бриони почувствовала глубокую приязнь и благодарность к этим девушкам. Она подумала: мужские войны всегда происходят где-то вдали, мужчины доказывают свою храбрость армиям других мужчин. А женские войны куда менее заметны: о них знают лишь сами женщины. Фрейлины и остальные обитательницы замка вели войну с хаосом, стараясь вернуть здравый смысл в мир, полностью его лишившийся.

Бриони не нравилось то, что навязывали ей обстоятельства, но сегодня она обязана была с гордостью предстать перед людьми тем, кто она есть.

Служанки накинули на ее плечи черный бархатный плащ – подарок отца. Ей пока не довелось его обновить. Принцесса присела на высокий стул и откинулась на спинку, чтобы Розе было удобно надевать на свою госпожу драгоценности, а Мойна и еще одна молоденькая фрейлина могли заняться прической.

– Не слишком возись с волосами, – сказала Бриони мягко. Фрейлина остановилась со щипцами для завивки в руке. – На мне будет головной убор – тот, с серебряным шитьем.

Словно священнослужитель, возлагающий реликвию на алтарь, Роза поставила шкатулку с драгоценностями на подушечку, откинула крышку и вынула самое крупное украшение: тяжелую золотую цепь с большим рубином. Эту вещь король Олин подарил матери Бриони, которую дочь почти не помнила.

– Нет, не ее, – сказала принцесса. – Не сегодня. Вон того оленя и больше ничего.

Роза с растерянным лицом достала изящный серебряный кулон с изображением бегущего оленя – маленький, простоватый и совершенно не подходящий к величественному наряду.

– Его подарил мне Кендрик. На день рождения.

Глаза Розы наполнились слезами, когда она надевала кулон на шею девушки. Бриони хотела смахнуть слезинки с лица фрейлины, но рукава платья оказались слишком жесткими, а плащ – чересчур тяжелым.

– Не смей плакать. А то и я начну.

– Плачьте, госпожа, если вам хочется, – ответила всхли-
пывающая Мойна. – Мы позже займемся вашим лицом.

Бриони невольно рассмеялась. Неудобные рукава не да-
вали ей вытереть и собственные слезы, поэтому она беспомощно ждала, когда Мойна принесет носовой платок и по-
может ей.

Волосы зачесали назад и закрепили на затылке. Бриони старалась терпеливо высидеть на месте, пока девушки накладывали косметику. Бриони ненавидела это занятие, но сегодня был особый день. Народ – ее народ – уже видел принцессу плачущей. Сегодня они должны узреть ее сильной, с сухими глазами и со спокойным лицом.

Для Розы и Мойны их нынешнее занятие было нечастым развлечением: госпожа редко позволяла им делать это. Нанос-
ся румяна на щеки Бриони, фрейлины улыбались, хотя глаза их оставались влажными.

Когда наконец девушки надели на нее головной убор, за-
крепили его шпильками и расправили черную вуаль у плеч и за спиной, Бриони почувствовала себя несгибаемо-твердой.

– Теперь стражникам придется тащить меня на руках, – пошутила она. – Я не смогу в этом двигаться. Дайте зеркало.

Мойна сморкалась, пока Роза бегала за зеркалом. Осталь-
ные фрейлины образовали почтительный полукруг около Бриони и восхищенно перешептывались. Бриони оглядела себя: вся в черном, с блестками серебра на шляпе и на груди.

– Я похожа на Сиведу, девственную луну. Богиню ночи.

– Вы выглядите восхитительно, ваше высочество, – официальным тоном произнесла Роза.

– Я похожа на корабль под парусами. Огромный, как мир. – Бриони с большим трудом вздохнула. – О боги! Помогите мне подняться. Я должна похоронить брата.

Мальчик полз по самому верху стены часовни, цепляясь руками и ногами за выступы. Даже в это беспокойное время, когда враг мог напасть в любую минуту, казалось, никто в Южном Пределе его не замечал. Вот он уже сидел на корточках в углу большого оконного проема, и цветной витраж за его спиной казался фоном картины. Часовня была заполнена народом, и если бы кто-нибудь заметил тень за окном, наверняка принял бы ее за ветку дерева или пыль на стекле.

Несколько слуг торопливо шли по дорожке, ведущей от кладбища к воротам во внутренний двор. В руках они держали те же корзины, что и час назад, но теперь на дне их лежало лишь несколько лепестков – остальные разбросали по полу усыпальницы и вдоль ведущей к ней дорожки. Занятые своими обязанностями люди перешептывались. Мальчик на них не смотрел.

Его привлекло что-то наверху. Очень большая желто-черная бабочка прилетела и села на край крыши. Ее крылья медленно, в ритме спокойного биения сердца, поднимались и опускались. Для бабочек было уже поздновато, стояла осень.

Коротенькими грязными пальчиками мальчик нащупал край окна и, держась за него, поднялся на ноги. Наблюдатель в часовне заметил бы, что ветка дерева вдруг превратилась в колонну. Звуки изнутри едва доносились до мальчика. Он слышал слабый гул хора, поющего «Балладу о Керниосе» – самую длинную и сложную погребальную песню. Через мгновение для собравшихся в часовне людей колонна исчезла, и за окном не было видно никаких теней.

Кремень, как паук, вскарабкался на одну из выступавших частей резьбы, что украшала наружную стену часовни, поднялся выше и перебрался на следующую. Когда голоса слуг, несших корзины, смолкли за воротами кладбища, мальчик уже был на самом верху.

На покрытой шифером огромной двускатной крыше часовни повсюду торчали трубы, больше напоминающие деревья – такие они были большие. Между листами шифера пробивался мох и росли пучки травы. Кучи листьев, принесенных осенним ветром, усеяли шифер и окружили трубы, как красно-коричневый снег. Отсюда были видны и другие крыши, почти соприкасавшиеся одна с другой, но большая часть построек внутреннего двора, башни и лес гигантских труб простирались высоко над головой мальчика.

Казалось, Кремня это не интересовало. Лежа на животе, он смотрел туда, где рядом с гребнем крыши сидела бабочка, лениво помахивая крыльями. Ребенок снова пополз вверх, упираясь ногами в мох и выступавшие края шифера. Вскоре

он оказался совсем рядом с бабочкой и протянул к ней руку. Та почувствовала его приближение, вспорхнула над гребнем и исчезла. Мальчика это не остановило. Его пальцы нащупали в траве какой-то предмет. Он схватил его и поднес к лицу.

Оказалось, то была стрела – маленькая, словно штопальная игла. Кремень пристально рассмотрел ее. На стреле было оперение такого же желто-черного цвета, что и крылья бабочки.

Довольно долго мальчик лежал, не двигаясь и рассматривая стрелу. Стороннему наблюдателю могло показаться, что он спит с открытыми глазами. Но нет. Вот он резко перевернулся и пополз по крыше к ближайшей трубе – быстро, как атакующая змея. Он пытался схватить руками что-то убежавшее от него по траве, которая росла вокруг основания кирпичной кладки.

Наконец он схватил свою добычу и снова затих. Крепко прижимая кулак к телу, Кремень уселся спиной к трубе и лишь тогда раскрыл кулачок: существо затихло у него на ладонке и не двигалось. Мальчик потрогал его пальцем.

Съездившись, словно от страха, на ладони сидел человек размером не больше пальца. Его кожа казалась угольно-черной, хотя трудно сказать, была ли она такой сама по себе или это грязь покрывала его лицо. Человечек глядел на мальчика широко открытыми глазами, крошечными, как точки от булабочных уколов. Он попытался освободиться, но Кремень сложил пальцы ковшиком, и человечек, сдаваясь

на милость победителя, снова съезжился на его ладони. На нем была одежда из кусочков серой кожи и мягкие ботинки, на плече висел моток грубых ниток, а за спиной – колчан со стрелами.

Кремень наклонился и подобрал что-то в траве. Это оказался лук, натянутый так искусно, что тетива оставалась почти невидимой. Ребенок рассмотрел его и положил на ладонь рядом с человечком, Пленник перевел взгляд с лука на мальчика и подобрал оружие. Он перекладывал лук из руки в руку и удивленно глядел на него, словно он стал совсем другим, не таким, как раньше. Кремень наморщил лоб и рассматривал человечка без тени улыбки.

Человечек вздохнул.

– Не убивай меня, господин, прошу тебя, – пропищал он. Теперь в его глазах была надежда, а не страх. – Отпусти меня на волю. Исполню любое твое желание. Всем известно, крышевики верны своему слову.

Кремень нахмурился, но отпустил человечка. Пленник поднялся на ноги, поколебался немного, сделал несколько шажков и остановился. Кремень не шевелился. Лицо крошечного человека выражало недоумение. Наконец он развернулся и направился по заросшим мхом стыкам шифера к гребню крыши, держа лук в руке, но через каждые несколько шагов оглядывался назад, словно боялся, что его освобождение – лишь жестокая игра. Но вот он добрался до гребня, а мальчик по-прежнему не сдвинулся с места.

– Вы очень добры, господин! – крикнул ему человек. Его голос был едва слышен даже с полутора ярдов. – Клянусь, Жуков и его потомки не забудут вас!

Он скрылся за гребнем крыши.

Кремень сидел, прислонившись к трубе. Когда солнце поднялось высоко, а в часовне смолкло приглушенное пение, он начал спускаться вниз.

Роза держала наготове носовой платок. Бриони испытывала благодарность к ней и одновременно сердилась на себя за то, что нуждалась в этом. Она и представить не могла, что отполированный деревянный ящик будет выглядеть так жутко. Монотонные погребальные песни сменяли друг друга, и постепенно Бриони успокоилась.

Тело Кендрика покоилось в гробу, не подобающем особе королевской крови. Сделать подходящий не хватило времени, и это казалось Бриони позором. Найнор заверил ее, что им и так повезло: фандерлинги привели в порядок склеп за очень короткое время. Настоящий гроб с резными украшениями закончат позже, без спешки. Если поспешить, перед вечностью предстанет незавершенное изображение – словно на Кендрика надели грубую маску. Ведь она не захочет такого, не правда ли? Как только каменный гроб будет готов, тело Кендрика переложат в него.

Тем не менее это казалось позором.

В зале часовни присутствовали члены семьи и домочад-

цы, такие как Роза и Мойна. Здесь же был мрачный, словно туча, Чавен и старый Пазл, одетый в черно-серый шутовской костюм, но без шляпы. Однако передняя скамья, предназначенная для королевской семьи, оставалась полупустой. Мачеха Бриони Анисса, прикрывая живот, сидела чуть в стороне, рядом с Мероланной. Лицо королевы скрывала черная вуаль. Анисса громко рыдала и всхлипывала.

«В кои-то веки мы вытащили ее из постели», – с горечью подумала Бриони.

В последнее время она очень редко видела королеву. Анисса превратила башню Весны в свою крепость, занавесив все окна и окружив себя женщинами, как попавший в осаду монарх окружает себя солдатами. Бриони всегда недолюбливала мачеху, теперь же эта женщина стала ей и вовсе неприятна.

«Твой муж в плену, женщина, а один из его детей убит, – мысленно говорила мачехе принцесса. – В такой ситуации, даже с ребенком во чреве, ты могла бы оказать нам какую-нибудь помощь. Вместо этого ты прячешься в своем гнездышке, словно ворона, высидывающая яйца».

Наконец пение прекратилось. Иерарх Сисел, одетый в парадный красно-серебристый наряд, поднялся и встал у гроба, чтобы начать похоронную молитву. Сисел умел делать это очень хорошо, и было ясно, почему на столь высокий пост король Олин выбрал именно его, несмотря на несогласие духовных властей в Сиане. Там Сисела считали слишком

слабым сторонником политики тригоната.

Сисел произносил знакомые слова с состраданием и искренностью. Часовня Эривора наполнилась звуками заупокойной литании, и Бриони показалось, что в ее памяти воскресают воспоминания детства. Она словно слышала отголоски тех дней, когда они с братьями стояли в церкви и перешептывались, раздражая и Мероланну, и старого набожного отца Тимойда – те двое знали, что король Олин не станет бранить детей за проступки, которые он и сам нередко совершал и считал пустяками.

«Но теперь я не ребенок, и мне негде спрятаться от жизни».

Сисел уже произносил слова эпитафии. Придворные покорно вторили ему, а Бриони отвлек какой-то шум рядом с ней. Мойна тихо, но раздраженно разговаривала с юным пажом.

– Чего хочет мальчик? – шепотом спросила Бриони.

– Я от вашего брата, ваше высочество, – тоже шепотом сообщил паж.

Бриони с трудом наклонилась к мальчику. Платье мешало ей дышать.

– От Баррика? – спросила она.

Ну конечно от Баррика. Если бы старший брат прислал сейчас гонца, этот посланец не был бы сопливым мальчишкой.

– Он хорошо себя чувствует?

– Ему лучше. Он просил передать, чтобы вы не ходили в ск... скл – Мальчик нервничал и не мог вспомнить слово.

«Неудивительно: ведь он стоит перед богиней ночи, – подумала она. – Вы рады, лорд Броун? Я больше не плачущая девочка – теперь мной можно пугать детей».

– Наверное, в склеп?

– Да, ваше высочество, – тотчас кивнул ребенок, по-прежнему не глядя ей в глаза. – Принц сказал, что вы не должны туда входить, пока не увидите то, что он вам пришлет.

– Что он хочет мне прислать?

Бриони обернулась к Розе – та с несчастным видом смотрела на гроб в алтаре, украшенный знаменем с изображением волка и звезд Эддонов, но по-прежнему внушавший ужас.

Громко переговаривавшиеся за спиной Бриони вельможи вызвали у принцессы приступ гнева: какое неуважение!

– Почему эти болваны шумят? – обратилась она к фрейлине. – Роза, ты слышала, что сказал мальчик? Что собирается прислать мне Баррик?

– Себя самого, – прозвучал ответ, и Бриони обернулась. Сердце больно екнуло в ее груди. В длинном плаще, кое-как наброшенном на ночную рубашку, с лицом еще бледнее обычного, Баррик и сам походил на покойника. Брат-близнец Бриони стоял в проходе часовни, поддерживаемый с обеих сторон стражниками. Принцу стоило невероятных усилий дойти сюда, лицо его блестело от пота, и он никак не мог сфокусировать взгляд на сестре.

Бриони выпрямилась и протиснулась мимо Мойны. Хорошо, что они стояли впереди, и принцессе не пришлось прокладывать себе путь между двумя рядами скамей, словно каравелле у тесного причала. Платье и жесткий корсет мешали, но она сумела обнять Баррика. Теперь все в часовне смотрели на них. Отстранившись от юноши, Бриони поцеловала его в щеку, горячую то ли от лихорадки, то ли от напряжения.

– Какой же ты дурачок, – шепнула она. – Что ты здесь делаешь? Тебе нужно лежать в постели!

Он застыл в ее объятиях, потом отступил на шаг и оттолкнул стражников, которые поддерживали его.

– Что я здесь делаю? – громко спросил он. – Я принц дома Эддонов! Неужели ты хотела похоронить брата без меня?

Бриони прижала пальцы к губам. Ее удивил тон Баррика, но еще более поразило злобное выражение его лица.

Похоже, этот жест сестры тронул принца больше, чем объятие и поцелуй. Злость прошла, и он расслабился. Один из стражников снова поддержал его за локоть.

– Ах, Бриони, прости, – уже совсем другим тоном заговорил Баррик. – Я болен. Было так трудно дойти сюда, приходилось то и дело останавливаться, чтобы отдышаться. Но я должен... ради Кендрика.

– Конечно, Баррик, конечно. Садись.

Бриони освободила место для брата. Он устроился рядом, продолжая крепко сжимать руку сестры в своей влажной горячей ладони.

Иерарх Сисел подождал, пока все придворные рассядутся. Он едва приподнял бровь, выражая сдержанное удивление, и вернулся к прерванной молитве.

– «В счастливый час или в час скорби пришли мы в мир. Достойно ли мы живем, или поступки наши оскорбляют небеса – лишь краткий миг на земле отпущен нам богами». Так говорил оракул Иарис во дни славы Иеросоля. И он был прав. Ничто в мире не убережет нас от смерти, как бы высоко ни взлетел человек. А за ее порогом самый простой человек может занять место рядом с бессмертными. Мы предаем Керниосу, покровителю плодородных земель, смертную оболочку Кендрика Эддона. Мы возвращаем покровителю вод Эривору кровь, что текла в жилах покойного. Перину, повелителю неба, мы передаем его душу, чтобы она смогла вознестись к небесам и попасть в чертоги богов, как птица, летящая по ветру, возвращается в свое гнездо. Да пребудет с тобой благословение Троиш, брат наш. Да пребудет оно и с теми, кто остается. В мире станет темнее без света, что ты унес с собой, но свет этот ярко воссияет в чертогах богов и станет звездой в ночи...

Завершив молитву, иерарх бросил горсть земли на крышку гроба, пролил туда воды из кувшина для церемоний, а сверху положил белое перо. Вельможи повторяли слова священника. Четверо стражников вставили два длинных шеста

в специальные отверстия, чуть-чуть помяв знамя Эддонов, так что оскал волка приобрел смущенный вид, потом подняли гроб и понесли его к дверям часовни.

Бриони шла за гробом очень медленно, чтобы Баррик не отставал. Она протянула руку, приподняла знамя и коснулась полированного дерева. Она не находила слов и никак не могла заставить себя поверить, что в деревянном ящике действительно лежит Кендрик.

«Это слишком жестоко – положить его под камень. Он так любил ездить верхом, бегать...»

Когда гроб выносили из часовни, Бриони, шедшая позади стражников, снова заплакала. Придворные выстроились в ряд за спинами близнецов. Остальные домочадцы остались ждать на дорожке, усыпанной цветами. Слуги и менее значительные вельможи провожали взглядами гроб с останками принца. Многие плакали и причитали, словно он умер сегодня. Бриони растрогала их скорбь, но одновременно ее раздражал этот шум. На мгновение она потеряла над собой контроль – пришлось сделать усилие, чтобы не побежать обратно в часовню. Она повернулась к Баррику и поняла, что брат едва замечал окружающих. Он смотрел в землю и сосредоточенно передвигал ноги, словно тащил себя вслед за гробом. Бриони видела, что брату очень плохо, и ей было больно и страшно смотреть на него: казалось, здесь присутствовало только тело Баррика, а сам он по-прежнему оставался в плену лихорадочного бреда.

Бриони отвернулась, обвела взглядом толпу и заметила на стене крошечного светловолосого ребенка, внимательно наблюдавшего за происходящим. Надо полагать, он залез туда, чтобы лучше видеть похороны. Принцесса испугалась: мальчик забрался слишком высоко. Впрочем, он казался очень спокойным, словно белка на верхушке дерева.

Баррик догнал ее и зашептал на ухо:

– Знаешь, они повсюду.

– Кто они? – переспросила Бриони. Сначала она решила, что брат говорит о маленьком мальчике на стене.

– Только тихо. – Принц прижал палец к губам. – Они не догадываются, что я все о них знаю. Но когда я воспользуюсь своим правом по рождению, они заплатят за то, что сотворили.

Он приостановился и опустил глаза. Губы его растянулись в мучительной улыбке.

«Пусть это побыстрее закончится, – взмолилась принцесса. – О милосердная Зория, позволь нам упокоить тело брата, и пусть этот день наконец завершится».

На кладбище процессия растянулась в проходах среди древних надгробий, постепенно продвигаясь к семейной усыпальнице. Бриони, Баррик, Анисса, Мероланна и еще несколько человек прошли внутрь склепа вслед за стражниками, поднявшими на плечи скорбную ношу. Вельможи остались за порогом.

В толпе одетых в траурные платья больших людей, собравшихся на кладбище, Чет чувствовал себя так, будто заблудился в чаще черных деревьев. Мальчика нигде не было.

Чету оставалось лишь ждать. Похороны почти закончились. Очень скоро королевская семья покинет усыпальницу, и люди разойдутся. Может быть, тогда удастся найти мальчишку.

«Опал никогда не простит мне этого, – подумал он. – Что могло с ним случиться? Здесь столько народу. Он мог встретить своих родственников».

Чет был уверен: это Опал сумеет пережить, если будет точно знать, что так оно и есть.

«Но дело не только в жене, – признался он самому себе. – Я тоже буду скучать по мальчику и горевать о нем... Гром и молния, Чет, ты послушай себя! Говоришь так, будто в гробу лежит не принц, а Кремень. Да он просто сбежал погулять, и все...»

Чья-то рука коснулась спины фандерлинга. Он оглянулся и увидел мальчика.

– Ты?! Где ты был?

Сердце его забило от неожиданной радости. Чет обнял мальчика и прижал к себе, сам удивляясь своему порыву. Кремню это и вовсе не понравилось. Чет отпустил его и внимательно осмотрел. Ребенок был спокоен. Казалось, он знает какую-то тайну; впрочем, так казалось всегда.

– Где ты был? – снова спросил Чет.

– Я встретил одного старичка.

– Какого еще старичка? О ком ты?

Кремень не ответил. Он пристально смотрел на дверь усыпальницы, где недавно скрылась королевская семья. Оттуда уже кто-то выходил – значит, похороны закончились.

– Так ты не сказал, где был, – настаивал Чет.

– Почему та женщина смотрит на меня? – спросил мальчик.

Чет обернулся и в центре похоронной процессии увидел полную пожилую даму в платье из черно-золотой парчи. Ему показалось, что это тетушка покойного принца – Мероланна. Удивительно, но она и в самом деле пристально смотрела на мальчика, а потом зашаталась, словно собиралась упасть в обморок. Кремень быстро спрятался за спину Чета, но фандерлинг не понял: испугался мальчик или просто не хотел, чтобы на него глядели. Чет повернулся к герцогине: служанки поддерживали ее под руки и уводили в сторону внутреннего двора. Она оглядывалась по сторонам, и по лицу ее было видно, что она и боится, и хочет еще раз увидеть ребенка. Наконец она скрылась в толпе.

Не успел Чет понять, что все это значит, как люди заволновались и стали перешептываться. Чет ухватил мальчика за рукав, чтобы тот снова не сбежал. Из усыпальницы выходили принц и принцесса. Стражники окружали их. Королевские дети выглядели глубоко потрясенными, особенно принц: бледный, с ввалившимися глазами, он и сам походил

на ожившего мертвеца, решившего прогуляться.

«Несчастливая семья Эддонов», – подумал Чет, когда близнецы шли мимо него.

Их окружали придворные и слуги, но и в этой толпе они казались совершенно одинокими, словно на земле осталась только малая часть их существа. Трудно было поверить, что перед фандерлингом предстали те же люди, что встретились Чету и Опал на холмах несколько дней назад.

«Сейчас на них лежит весь груз мира», – подумал Чет.

Впервые он понял истинное значение древнего изречения и явственно ощутил убийственную тяжесть грязного холодного камня. Это чувство заставило его содрогнуться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лунный свет

*Король Клаон, отца воды возлюбленный
потомок, напуган был словами нищего бродяги
и поклялся, что всякого ребенка, рожденного
со знаком порочности на теле, найдет и
уничтожит...*

*Из «Компендиума прописных истин».
Книга Тригона*

13. ЗАДАНИЕ ВАНСЕНА

ЗАЛ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

*Силен тот человек, кто не поет,
А кто поет, не повернется даже
На двери закрывающейся стук.
Из «Оракулов падающих костей»*

– Я не желаю ничего больше слушать.

Он устал. Голова болела. Он чувствовал себя смертельно больным. Ему казалось, он никогда уже не поправится по-настоящему. Хотелось только одного: бросать об пол тяжелый кожаный мяч, что он и делал. И не собирался останавливаться, чтобы о чем-то думать.

– Ну пожалуйста, Баррик, умоляю тебя, – говорил Гейлон Толли.

Он изо всех сил старался не показать своего нетерпения. Это и позабавило, и рассердило Баррика.

– Принц Баррик, – поправил он молодого герцога. – С недавних пор я принц-регент, а не просто ваш младший кузен, поэтому вы не должны разговаривать со мной в таком тоне.

Гейлон кивнул.

– Конечно, ваше высочество. Простите мою оплошность.

– Уже лучше. – Баррик улыбнулся. – Ладно, повторите еще раз.

– Я хотел... – Герцог Саммерфильдский снова изобразил терпеливое выражение лица. – Я хотел сказать, что сегодня утром ваша сестра опять встречалась с посланцем Лудиса – с этим черным Даветом.

– Одна? За закрытыми дверями?

– Нет. – Гейлон покраснел. – В саду, в присутствии других людей.

– Ага.

Баррик снова стукнул по мячу. Новость взволновала его, но он не хотел это показывать, чтобы не доставлять удовольствия Гейлону.

– Значит, моя сестра, принцесса-регент, разговаривала в саду с посланцем человека, который держит нашего отца в плену?

– Да, но... – Гейлон нахмурился и повернулся к Авину Броуну: – Принц Баррик не желает меня понимать, Броун. Попробуйте объяснить вы.

Комендант пожал плечами. Он был необыкновенно крупным человеком, и его простое движение, казалось, способно обрушить лавину.

– Создается впечатление, что ей приятно общество посла, – сказал Броун. – Она очень внимательно прислушивается к его словам.

– Когда вы болели, принцесса имела продолжительную встречу с Даветом, ваше высочество, – подхватил Гейлон. – Кроме дан-Фаара, она ни на кого не обращала внимания.

«Не обращала внимания...» – мысленно повторил его слова Баррик.

Даже сквозь болезненный туман в воображении принца, сквозь усталость и лихорадочное состояние, что опутывали его, словно паутина, он все-таки смог понять значение этих слов.

– То есть она обращает больше внимания на него, нежели на вас, – произнес Баррик. – Вы это хотите сказать, Гейлон?

– Вовсе нет!

– У меня создается впечатление, что вы пытаетесь рассорить меня с сестрой. – Баррик снова ударил мячом о пол. Мяч попал в стык между плитками и покатился прочь. Двое пажей едва успели отскочить в сторону, огромный пес бросился ловить мяч, загнал его в угол за сундук и недовольно

зарычал. – Но я и сестра – одно целое, герцог Гейлон. И вам следует это запомнить.

– Вы неверно меня поняли, ваше высочество. Мы переживаем ужасные времена. И должны быть сильными. Все знатные дома Южного Предела должны держаться вместе: Эддоны, Толли, остальные. Я прекрасно это понимаю. Но нельзя давать простым людям повод шептаться, что ваша сестра... проводит время в компании похитителя вашего отца.

Гейлон повернулся к Броуну.

Всем своим видом показывая, что не имеет никакого отношения к этому разговору, комендант внимательно наблюдал, как пес лапой пытается достать из-за сундука мяч.

Баррик начал сердиться. Гнев его был еще слабым, как сверкающая над дальним холмом молния.

– Вы забываетесь, – ответил он герцогу. – Уходите. Так и быть, я прощу вашу бестактность, Гейлон, но впредь остерегайтесь. В другой раз вам придется защищать свою честь с оружием в руках, причем моя сестра не станет искать для вас противника, а сразится сама.

– О боги! Неужели они все безумны? – воскликнул Гейлон Толли.

Броун крепко сжал его плечо и настойчиво подтолкнул к дверям, что-то шепча на ухо герцогу. Выпроваживая Гейлона, комендант странно взглянул на Баррика: в удивленном взгляде было то ли одобрение, то ли плохо скрытое презрение.

Баррик не нашел в себе сил разобраться в этом. За три дня, что принц провел на ногах, ему пришлось присутствовать на похоронах брата, потом, уже в замке, выдержать долгую утомительную церемонию в пропахшем ладаном огромном храме Тритона, после чего его и Бриони произвели в регенты. Баррик до сих пор чувствовал себя плохо. Лихорадка пронеслась по его телу, точно огонь по лесной поляне. Сгорело самое главное: корни и ветви, – и понадобится много времени, чтобы они отросли вновь. Но и это еще не все. Лихорадка оставила после себя какие-то таинственные зародыши – семена новых идей. Баррик чувствовал, как они зреют внутри и ждут часа, чтобы выйти наружу.

«Кем я стану? – задумался Баррик, глядя на свою скрюченную левую руку. – Я и без того урод, объект насмешек, меня преследуют кошмарные сны... тень отца. Неужели меня ожидает еще и предательство?»

Эти новые мысли не покидали Баррика. Его и раньше изводила подозрительность, во сне и наяву. Он много молился, но боги не желали облегчать его страдания.

«Возможно, мне стоило прислушаться к словам Гейлона?»

Баррик не очень-то доверял кузену. Гейлон был честолюбив, о чем все знали, хотя нельзя было назвать его худшим в семье. На фоне братьев – коварного Карадона и безответственного Хендона – герцог Саммерфильдский казался скромным, как благонравная девица. Впрочем, Баррик не

верил ни одному аристократу Южного Предела: ни Броуну, ни Тайну Олдричу из Блушо, ни даже старому зрителю замка Найнору. Ему было совершенно безразлично, преданно ли они служили его отцу. Он доверял лишь сестре. Теперь же слова Гейлона попытались разрушить и эту связь.

Баррик поднялся. Его так переполняли злоба и страдание, что собака поджала хвост и убежала от него подальше. Двое пажей ожидали распоряжений, глядя на своего господина снизу вверх: так мелкие зверьки смотрят на крупного зверя, пытаясь угадать, не голоден ли он. С той минуты, как принц утром поднялся с постели, он уже не раз накричал на пажей.

– Мне пора одеваться, – произнес он, стараясь говорить спокойно.

Совет собирается через час. Может быть, правильнее спросить Бриони напрямую, о чем она разговаривала с черным посланцем? Баррик вспомнил худое темное лицо, улыбку превосходства – и по его спине пробежал холодок. Посол напоминал тех жестоких призрачных существ, что преследовали принца в лихорадочных снах. Правда, теперь и реальная жизнь стала кошмаром. Баррику все время приходилось убеждать себя, что он не спит, что стены твердые и никто не наблюдает за ним из каждого угла.

«Я чуть не проговорился Бриони про отца», – вдруг подумал он.

Этого делать не следует. Если он скажет Бриони, сестра

уже не сможет относиться к отцу так, как раньше.

– Я жду, черт побери! – прикрикнул он.

Пажи достали из сундука отделанную мехом мантию и поспешили к нему, неуклюже согнувшись под ее тяжестью. Казалось, они несут тело мертвого врага.

Что нужно Бриони от посла? А еще важнее, почему она ничего не сказала Баррику, своему брату? Он не мог отделаться от подозрения, будто принцесса решила стать единовластным регентом, оставив его одного бороться с болезнью.

Нет!

Он попытался отбросить мрачные мысли, но они приходили снова и снова, как голодные нищие, которых гонят прочь, а они возвращаются.

«Нет, только не Бриони! Если кому-то в мире можно верить, то именно ей», – решил наконец Баррик.

У принца дрожали колени, когда пажи, поднявшись на цыпочки, надевали мантию ему на плечи. Ему незачем было смотреть на слуг: он прекрасно знал, что они переглядываются и считают его больным.

«Может, моя лихорадка еще не прошла? – подумал Баррик. – Или это начало того, о чем говорил отец? Неужели это оно?»

На миг он вернулся в мрачные лабиринты своей болезни, погрузившись взглядом в раскаленную докрасна темноту. И не увидел пути к спасению.

На продолговатом лице сестры Утты читались интерес и озабоченность. Она старательно подбирала слова.

– Я считаю, что это очень смелая мысль, ваше высочество.

– Но не очень удачная – так вы думаете? – нетерпеливо перебила ее Бриони.

Она очень много передумала за эти дни. Ее переполнял поток чувств и желаний, и иногда даже казалось, что в ней зреет сила – сила, которую следовало прятать от посторонних глаз. Эти противоречивые чувства управляли и телом и мыслями, словно она была куклой-марионеткой.

– Вы, наверное, решили, что я ищу неприятностей? – продолжала Бриони. – И хотите предостеречь меня.

– Вы теперь принцесса-регент, – возразила Утта. – Вы можете поступать так, как считаете нужным. Но будущее наше неясно и подобно мутному потоку. И разве уместно сейчас, чтобы глава королевства носила одежду, похожую на мужскую?

– Уместно ли это сейчас? – Бриони раздраженно хлопнула рукой по колену. – Если не сейчас, то когда? Все меняется. Еще неделю назад Кендрик собирался отправить меня замуж за разбойника из Иеросоля. А теперь я правлю в Южном Пределе.

– Вместе с братом.

– Да, естественно, вместе с братом. Братом-близнецом. Мы можем делать все, что хотим. Все, что считаем правильным.

– Прежде всего, – возразила Утта, – не забывайте, что хоть вы с принцем и близнецы, но вы не являетесь единым целым. Между вами существует некоторое различие.

– То есть вы хотите сказать, что он рассердится? – воскликнула девушка. – На то, что я хочу носить удобное платье вместо рюшей и кружев, которыми украшают себя безмозглые существа, стремящиеся лишь к тому, чтобы радовать чей-то взгляд?

– Я хочу сказать, что ваш брат тоже видел, как мир перевернулся. Как жизнь в королевстве изменилась. Это случилось за несколько последних дней, принцесса Бриони. Год тому назад здесь правил ваш отец и, казалось, боги были милостивы к нам. Но теперь все иначе. Помните об этом! Ближится темная холодная зима, на высоких холмах уже лежит снег. Люди будут жаться к огню, слушать завывания ветра и гадать, что их ждет дальше. Их король томится в плену. Наследник убит, и никто не знает, как это произошло. Что ваши подданные будут говорить друг другу? «Спасибо богам, что на троне теперь дети и они не боятся крушить старые традиции!» – так?

Бриони не могла оторвать взгляд от красивого строгого лица сестры Утты.

«Я бы все отдала, чтобы стать на нее похожей, – думала она. – Мудрая, очень мудрая и спокойная. Будь я такой, люди доверяли бы мне! А я похожа на коровницу: красное лицо, вспотевшее тело».

– Я ведь пришла за советом, – напомнила она жрице. Утта грациозно пожала плечами.

– По-моему, вы пришли на урок.

– Спасибо, сестра. Я непременно подумаю над тем, что вы мне сказали.

Но едва они вернулись к чтению «Истории Эона и его народов», как раздался стук в дверь.

– Принцесса Бриони! – донесся из коридора голос Розы Треллинг. – Ваше высочество! Вам пора идти на совет.

Бриони поднялась и, прежде чем последовать за фрейлинами, поцеловала прохладную щеку Утты.

Коридор был узким, и они втроем не могли идти рядом. Поэтому Роза и Мойна чуть приотстали. Бриони слышала шуршание их юбок, задевавших стены.

Мойна Хартсбрук откашлялась, затем сказала:

– Тот человек... просил передать, что будет счастлив снова встретиться с вами завтра в саду.

Она произнесла это с осуждением, которое вызвало улыбку Бриони.

– Ты имеешь в виду лорда Давета? – спросила принцесса.

– Да, ваше высочество.

Дальше они шли молча. Бриони чувствовала, что Мойна пытается набраться храбрости и сказать что-то еще.

– Принцесса, – все-таки решилась фрейлина, – простите меня, но почему вы с ним видитеесь? Он же враг нашего королевства.

– Ну и что? Многие иностранные послы нам не друзья. Например, граф Эвандер из Сиана и этот старикашка из Сессио, что чересчур громко дышит и пахнет коровьим навозом, – ты же не считаешь их нашими друзьями? Уверена, ты помнишь и толстого борова Анджелоса, посла Джеллона. Он вечно улыбался мне и лебезил перед Кендриком. Но однажды утром мы проснулись и обнаружили, что его хозяин, король Геспер, сдал нашего отца Иеросолю. Я убила бы Анджелоса, если бы он не уехал из замка под предлогом охоты, а потом не улизнул в свой Джеллон. Но пока Давета не поймали на месте преступления, мы должны мириться с его присутствием. Таково искусство управлять государством.

– Но... Но разве вы разговариваете с ним только по этой причине? – Мойна была девушкой упрямой и не обратила внимания на Розу, тут же толкнувшую ее локтем в бок. – Ради искусства управлять государством? – уточнила она.

– То есть ты хочешь знать, почему я беседую с ним? Думаешь, что я поступаю так, потому что он привлекательный мужчина?

Мойна покраснела и опустила взгляд.

Роза тоже избегала смотреть в глаза госпоже.

– Мне он не нравится, как и Мойне, – призналась вторая фрейлина.

– Я не собираюсь за него замуж, если вас это беспокоит.

– Ваше высочество! – Фрейлины были потрясены. – Ну конечно нет!

– Да, он привлекателен. Но он почти ровесник отца, не забывайте. Мне интересны его рассказы о тех местах, где он побывал, о южном континенте, о его родине, о пустынях, о разрушенном Иеросоле. Мне ведь пока не довелось повидать мир.

Фрейлины удивились: для них путешествия в дальние страны означали лишь множество неудобств и опасностей. Бриони прекрасно знала: девушки не поймут ее желания познать мир за пределами их сырого, темного, старого замка.

– Но еще интереснее услышать, что Давет говорит о Шасо, – продолжила она. – А вы, конечно, знаете о том, что Шасо арестован и обвинен в смерти моего брата. Может быть, вас устроит такое объяснение: я должна докопаться до причины убийства принца Кендрика.

Роза и Мойна тотчас начали рассыпаться в извинениях, но Бриони понимала, что не была с ними до конца откровенна. Ее отношение к Давету, помимо интереса к его богатому жизненному опыту, включало нечто еще. Она и сама не вполне разобралась, что это за чувство. Бриони не считала себя наивной девушкой, тающей от одной лишь привлекательной внешности. Но что-то в личности посла притягивало ее. Давет занимал ее куда больше, чем следовало. К тому же ей не было безразлично, что он думает о ней и о ее дворе.

«Он отвез бы меня к Лудису, не моргнув глазом, – убеждала она себя. – Такой уж он человек. Если бы Кендрик принял решение днем раньше, я была бы уже на полпути к Иеросолю»

и готовилась бы к встрече с женихом, лордом-протектором». И тут ей впервые пришло в голову: Кендрик непременно отправил бы ее к Лудису ради блага Южного Предела, а смерть принца-регента случилась как раз в последний момент перед неизбежным и предотвратила события. Эта мысль показалась ей столь очевидной и столь поразительной, что она остановилась как вкопанная, а фрейлины, шедшие позади, налетели на нее. Замешкавшись на несколько секунд, все трое двинулись дальше. Но теперь Бриони уже не хотелось идти на совет. Внезапно пришедшая мысль изменила все, как туча закрывает солнце и превращает ясный день в серые сумерки.

«Кто заинтересован в том, чтобы Кендрик не отослал меня в Иеросоль? Какова роль Шасо в этом заговоре? Возможно, причина убийства не лично во мне и не в том, чтобы я осталась в Южном Пределе. Возможно, убийство совершено, чтобы завладеть тронem. Но даже если бы кто-то из близких родственников – например, Гейлон Толли или Рорик – захотел стать регентом, на его пути к престолу остались бы еще двое: Баррик и я. Тогда им пришлось бы убить и нас. Правда, есть еще один претендент, – вспомнила Бриони. – Ребенок, которого носит Анисса».

Младенец станет наследником, если к моменту появления на свет у него не будет ни братьев, ни сестер.

«Анисса?»

Внезапно Бриони расхотелось размышлять об этом. Ма-

чеха никогда не нравилась ей, но поверить, будто женщина способна убить целую семью ради неродившегося ребенка, было невозможно. К тому же дитя может родиться мертвым! Но избавиться от подозрений не удавалось. А если Анисса из Девониса приходится родственницей королю Джеллона Гесперу – тому, кто предал отца Бриони Иеросолю?

Гейлон, Рорик, жена отца – теперь все они оказались под подозрением.

«Вот как действует на людей нераскрытое убийство», – посетовала Бриони.

Принцесса подошла к двери зала совета и остановилась в ожидании, когда объявят о ее прибытии. Баррик, ссутулившись, сидел на одном из двух высоких стульев во главе стола, прижимая руки к груди, словно ему было холодно. Лицо его на фоне черного мехового воротника казалось более бледным, чем обычно.

«Убийство порождает призраков – не одного, а сотни. Когда-то эти залы были полны людей, и я знала их, даже если не любила. А теперь его заселили демоны и привидения».

«Подожди, я тебя вызову», – говорилось в записке Авина Броуна.

Даже без эмблемы с волком и звездами и без собственного герба Броуна на восковом оттиске внизу не составляло труда определить автора послания, написанного черными чернилами.

Феррас Вансен в парадном мундире стоял у дверей зала совета, с ним рядом – двое стражников. Еще двое находились снаружи: охраняли человека, которого должны были представить советникам. Зал совета называли Дубовой гостиной из-за массивного деревянного стола, расположенного в центре. Когда-то, во времена серых отрядов, это помещение служило хранилищем королевских сокровищ. Расположенное в лабиринте коридоров позади Тронного зала, оно не имело окон. Сюда вели лишь две двери. Капитану королевских гвардейцев никогда не нравилась эта пустая холодная комната: ее построили как последнее убежище на случай поражения или катастрофы.

Капитан гвардейцев сначала рассердился на лорда Броуна за то, что комендант столь пренебрежительно отнесся к полученному известию – велел не оглашать его до самого конца совета, который мог затянуться надолго. Предстояло разрешить очень много вопросов. Прошел час, второй... Теперь Вансен понимал ход мыслей Броуна. Со дня смерти Кендрика прошло достаточно времени, но убийство так и осталось нераскрытым, хотя подозреваемый был арестован. В последние дни делами страны почти не занимались, не говоря уже о том, что остались важные вопросы, не решенные при жизни Кендрика. Если бы Вансен выложил новость в самом начале заседания, все проблемы вновь отошли бы на второй план.

Вансен ждал, хотя ему с трудом удавалось сдерживать нетерпение. Его взгляд блуждал по лицам собравшихся в за-

ле членов совета. Капитан гвардейцев вообразил, что нужно делать, вздумай кто-нибудь из присутствующих напасть на близнецов. Он представлял себе, как отразил бы атаку злоумышленника. Вельможи откровенно скучали. Кажется, они еще не поняли, что в свете последних событий скука стала для них непозволительной роскошью.

Феррас обратил внимание, что принц Баррик по-прежнему выглядит очень больным. Не исключено, что юноша измучен свалившимися на него заботами. Так или иначе, но принц не проявлял никакого интереса к делам государства. А время поджимало: требовалось рассмотреть арендную плату за королевские земли, прочесть официальные соболезнования из Таллено, Сессио и Перикала, принять окончательные решения по важным имущественным спорам, поступившим из гражданских и Церковных судов. Казалось, молодой принц не следил за происходящим и не слушал речей. Он ждал, пока выскажется Бриони, а потом соглашался с ее мнением кивком головы, поглаживая лежавшую на коленях больную руку, словно любимую собачку.

Лишь вопрос смотрителя замка лорда Найнора, казалось, вывел принца из полусонного состояния. Глаза его ненадолго оживились. Найнор хотел знать, сколько еще продлится пребывание в замке посла Иеросоля Давета дан-Фаара. Средства были выделены на две недели. Когда Бриони обсуждала этот вопрос, Баррик, несмотря на свой очевидный интерес, не проронил ни звука и остался неподвижен, словно

статуя. Принцесса сказала, что они не могут торопить человека, в чьих руках находится безопасность их отца, особенно в нынешнее смутное время. В этот момент она выглядела столь же рассеянной, как и ее брат. Феррасу Вансену показалось, будто Баррику ее ответ не понравился, но возражать принц не стал. Найнор, недовольно ворча, отправился пересматривать хозяйственные расходы.

В течение двух часов принц и принцесса занимались решением государственных вопросов. Собравшиеся вельможи вносили предложения, иногда оспаривали чужие мнения, но главным образом просто наблюдали, как близнецы справляются с новыми обязанностями. Наблюдали и делали выводы. Гейлон Саммерфильдский на этот раз не выступал со своими обычными возражениями, а полностью погрузился в собственные мысли, подобно принцу с принцессой. Казалось, Гейлон должен был заинтересоваться, когда заговорили о лорде Давете. Но красавец герцог продолжал ковырять ножку стола кинжалом, едва скрывая очевидное разочарование, причины которого Феррас Вансен не понимал. Впервые он видел герцога Саммерфильда таким, какой он на самом деле, если отбросить богатство и власть: очень молодой человек, еще моложе Вансена, не привыкший молчать и терпеть.

«Ему, должно быть, нелегко жилось с его отцом – хвастливым пьяницей», – подумал капитан.

Никто за пределами саммерфильдского двора не скучал

по старому герцогу Линдону, и, как подозревал Вансен, в самом Саммерфильде о герцоге жалели тоже немногие.

Время шло, ничего интересного не происходило. Собрание несколько оживили сообщения о том, что в последнее время сильно возросло количество странных существ, видимо просачивавшихся через Границу Теней. Неподалеку от Редтри какое-то создание с шипами и огромными зубами изувечило ребенка, в Другом месте мужчина был убит безглазым козлом с черными рогами. Жители быстро поймали козла, убили и сожгли. Но в большинстве случаев существа оказывались вполне безобидными, несмотря на странный вид. Многие из них заболели или умирали, словно не могли приспособиться к жизни по эту сторону призрачной Границы.

Вскоре и эта тема притупилась. Некоторые советники совсем перестали следить за обсуждением и громко переговаривались, будто не замечали сердитых взглядов Броуна. Вансен с интересом отметил, что комендант крепости по собственной инициативе взял на себя роль первого министра – этот пост оставался вакантным со дня смерти старого герцога Саммерфильда, случившейся год назад. Интересно, не в этом ли кроется причина дурного настроения молодого герцога?

«Очень многое разладилось после отъезда короля», – подумал Вансен.

– А сейчас, если ваши светлости не возражают, – объявил

Броун, когда разговор о строительстве нового храма триго-
ната заставил всех заскучать, – нам предстоит очень важное
дело. Мы припасли его на конец совета.

Несколько вельмож, утомленных долгим заседанием, вы-
прямили спины и попытались сконцентрироваться. Вансен
уже был готов ввести свидетеля, но Броун неожиданно по-
вернулся к нему спиной. Он вызвал двоих, кого Феррас ни-
когда раньше не видел: мужчину с круглыми глазами и моло-
дую девушку. Мужчина среднего возраста был лыс, как че-
репаха, но в остальном выглядел вполне здоровым: у него
была выпуклая грудь и длинные мускулистые руки под стать
комплексии. Девушка в широкой юбке и шали, скрывавших
ее фигуру, производила странное впечатление – у нее пол-
ностью отсутствовали брови, как это было принято лет сто
тому назад, а линия волос проходила высоко надо лбом.

«Да это скиммеры!» – понял Вансен.

Сотни этих водолюбивых созданий жили внутри стен зам-
ка. Они общались почти исключительно друг с другом и не
выходили за пределы своих жилищ, но Вансену нередко до-
водилось их встречать. Однако увидеть их в зале совета он
никак не ожидал, а тем более сейчас, когда ему предстояло
изложить свою новость.

– Ваши светлости, – торжественно начал Авин Броун, –
это рыбак Турли Длинные Пальцы и его дочь. У них есть кое-
что для вас.

Баррик оживился:

– Что такое? Представление? Мы отправили Пазла в отставку и заменили его новыми талантами?

Бриони раздраженно посмотрела на брата.

– Принц устал, однако он прав: это весьма неожиданно, лорд Броун, – заметила она. – Вы решили завершить совет представлением?

– Совет не завершен, как это ни прискорбно, – ответил ей комендант. – Нам предстоит продолжить. Простите меня, если я удивил вас. Я до последнего момента не был уверен; смогут ли они прийти и рассказать нам то, что знают. Я уже много дней пытаюсь разобраться в разных слухах, что гуляют по замку.

– Очень хорошо. – Бриони повернулась к рыбаку, сжимавшему длинными крючковатыми пальцами то ли капюшон, то ли бесформенную шляпу. – Вас зовут Турли?

Мужчина сглотнул. Вансену странно было видеть, что скиммер (а они известны своей невозмутимостью), способный плавать рядом с акулами, имея лишь нож на случай нападения, вдруг так смутился. Интересно, почему?

– Турли, – ответил скиммер низким голосом. – Именно так, моя королева.

– Я не королева, а мой брат не король. Король – наш отец, и он еще жив, слава богам. – Бриони пристально посмотрела на Турли. – Я слышала, что вы, скиммеры, не пользуетесь привычными нам титулами.

Глаза Турли расширились. Они были почти полностью

черными.

– Да, – ответил он. – У нас есть свой собственный язык, вы правы, ваше величество.

– Если вы предпочитаете обращаться к нам так, как принято у вас, пожалуйста, не стесняйтесь.

Сначала казалось, будто скиммер готов удрать, но он тряхнул блестящей головой и заговорил:

– Нет, спасибо, ваше величество. Наши слова и названия для вас не очень понятны. Но мне кажется, ничего страшного не случится, если я сообщу имя нашего клана. Мы называемся Возвращающиеся с Вечерним Приливом.

Бриони улыбнулась, а Баррик сидел, насупившись.

– Замечательное имя, – сказала принцесса. – Итак, зачем лорд Броун привел вас на совет?

– Дочь моя Эна кое-что знает, но она сама боится говорить перед столь значительными людьми, как вы, и потому я пришел с ней.

Длинной рукой он обнял дочь, и та прижалась к нему.

Девушку можно было бы назвать привлекательной: невысокая, с огромными внимательными глазами. Но, подумал Вансен, в ней слишком выделялись некоторые особенности скиммеров. Странность окутывала их, словно плащ. Каждый раз, когда Феррас общался с этими существами, он чувствовал – видел, слышал и обонял в буквальном смысле слова, – что разговаривает не с обычным человеком.

– Прекрасно, – отозвалась Бриони. – Мы вас слушаем.

– В ту ночь... Это произошло за день до ночи убийства...

– начал Турли.

Бриони выпрямилась. В комнате стало так тихо, что Вансен услышал шуршание юбок принцессы.

– Убийства? – переспросила Бриони.

– Да. Убили принца. Того, что только что похоронили.

Баррик выпрямился.

– Продолжайте, – повелительным тоном произнес он.

– Моя дочь... Вот она... Она была... – Кажется, Турли снова разволновался, словно его вытащили из темного места прямо в круг яркого света. – Она была на улице, что, конечно, предосудительно. С молодым человеком из клана Скребущих по Песку. Ему тоже следовало бы знать, как прилично вести себя.

– А где тот молодой человек? – спросила Бриони.

– Залечивает раны, – ответил Турли не без удовлетворения. – Больше не станет катать девушек на лодке по ночам.

– Продолжайте, пожалуйста. Или, может быть, теперь ваша дочь, после того как посмотрела на нас, расскажет сама? Так, Эна?

Девушка подскочила, услышав свое имя, хотя слышала абсолютно все, о чем говорилось. Она смутилась, и темные пятна на шее и щеках моментально лишили ее всякой привлекательности.

– Да, ваше величество, – ответила девушка. – Я видела лодку, ваше величество.

– Лодку?

– Без огней. Она проплыла мимо того места, где мы купались с... с моим другом, да, так. Гребцы резали воду веслом.

– Резали?

– Опускали весла под углом. – Турли показал рукой. – Так мы называем этот способ – чтобы плыть бесшумно.

– В Южной лагуне? – спросил Баррик. – В каком месте?

– У берега, недалеко от Хэнгскин-роу, – ответила девушка. – Кто-то подждал лодку в старом доке кожевенного завода. Док самый ближний к башне, где висят знамена... И у него был фонарь. Ну, у человека на причале. Но он прикрывал свет. Лодка подплыла бесшумно, и они что-то передали ему.

– Кто «они»? – Бриони подалась вперед. Принцесса выглядела очень спокойной, но Феррасу Вансену показалось, что сдержанное выражение ее бледного лица скрывает сильные чувства – может быть, страх? В тот миг его робкая привязанность к девушке стала еще сильнее. Он готов на всё ради Бриони Эддон – все, чтобы защитить ее. И не важно, что она думает о нем.

«Шутишь, Вансен? Тогда тебе нужны враги, чтобы защищать ее. – Он еще мог насмехаться над собой. – И что ты сможешь сделать? Ты уже охранял ее брата, и вот он мертв».

– Человек в лодке, – объясняла девушка-скиммер, – передал что-то тому, кто ожидал на причале. Мы не разглядели, что это было, и не видели, кто там был. Потом лодка двину-

лась в сторону главных ворот замка.

– И когда на следующую ночь убили принца, вы никому ничего не сообщили? – спросила сурово Бриони. – Даже после убийства повелителя Южного Предела? Разве вам часто приходится видеть такое в лагуне?

– Лодки без огней, плывущие бесшумно? Да, иногда приходится, – кивнула девушка. К ней явно возвращалось мужество. – Наш народ и рыбаки нередко ссорятся, возникают неприятности... Всякое случается. Но я сразу подумала: здесь что-то не так. К тому же прикрытый фонарь. Я боялась говорить об этом из-за... из-за моего Рафа.

– Ах, из-за твоего Рафа! – фыркнул ее отец. – Он станет ничьим Рафом, если хоть раз появится у нашего дома. Да у него не кожа, а рыба чешуя! Чему удивляться – он же из клана Скребущих по Песку!

– Раф добрый, – спокойно возразила дочь.

– Мне кажется, этого достаточно. – Авин Броун сделал шаг вперед. – Если, конечно, у ваших светлостей нет вопросов.

– Они могут идти, – сказала Бриони.

И Баррик, и Бриони выглядели озабоченными. Феррас Вансен прокрутил в голове услышанное и понял, что девушка говорила о башне Весны. Видимо, принц и принцесса тоже об этом догадались.

«Резиденция королевы Аниссы, – подумал капитан. – Впрочем, в той части замка есть и другие помещения: об-

серватория, несколько таверн, один из караулов для стражников, не говоря уже о сотнях домов скиммеров и обычных людей. У нас нет никакой зацепки».

И все-таки эта догадка так его увлекла, что он чуть не забыл о собственной миссии.

Личный охранник лорда Броуна проводил скиммеров к выходу, а мимо них в зал совета проскочил придворный врач Чавен. Его круглое лицо казалось растерянным.

– Осталось последнее дело, – заявил Броун. – Совсем незначительное. Я думаю, теперь мы можем отослать лишнюю охрану, а слуги пускай готовятся к обеду. Вы не возражаете, принц Баррик, принцесса Бриони?

Близнецы выразили согласие. Через несколько секунд в зале остались лишь советники, Вансен со стражниками и Чавен, по-прежнему топтавшийся у двери, словно школьник в ожидании наказания.

– Итак? – Баррик устал, и в его голосе слышалось детское раздражение. Не верилось, что они с Бриони ровесники. – По всей видимости, вы хотите пресечь распространение слухов, лорд Броун. Тогда почему вы не отпустили людей до рассказа о таинственной лодке? Ведь они тотчас бросятся пересказывать новость всем подряд.

– Потому что мы хотим, чтобы люди болтали только об этом, ваше высочество, – ответил Броун. – Рассказанная история, несомненно, правдивая, но без продолжения она не имеет смысла. Она никого не испугает, а лишь заинтригует.

Но самое главное – никто не станет допытываться, что мы будем обсуждать сейчас.

– Но ведь они уже знают, о чем мы собираемся говорить! – сказала Бриони. – О том, что поведала нам девушка-скиммер и что бы это могло значить.

– Возможно, – согласился Броун. – А может быть, и нет. Простите, что я предумышленно ввел вас в заблуждение, мой господин и моя госпожа, но на самом деле у меня для вас припасена еще одна новость, и она способна вызвать куда более пугающие пересуды. Капитан Вансен!

Долгожданный момент наступил так неожиданно, что Феррас, погруженный в размышления о скиммерах и о принцессе, непростительно долго не двигался с места. Он не сразу осознал, что Броун обращается именно к нему. Комендант, а вместе с ним и весь совет пристально смотрели на капитана стражников и ждали. Вансен тут же очнулся и бросился к двери. Ему показалось, что принц и принцесса хихикают вслед. Он выглянул в коридор и приказал стражникам ввести молодого человека.

– Ну наконец-то, Вансен! – язвительно произнесла Бриони, когда он вернулся в зал. – Надеюсь, вы не ожидаете повышения по службе?

Она его ненавидит! Но разве он не заслужил этого?

Феррас помолчал, собираясь с силами. Лишь когда капитан почувствовал, что может полностью контролировать свой голос и говорить четко, он ответил:

– Ваши высочества, лорды. Человека, стоящего рядом со мной, зовут Реймон Бек. Он прибыл в Южный Предел сегодня утром. Вам следует выслушать его рассказ.

Когда Реймон закончил и удивленные вопросы смолкли, в холодном зале наступила тишина.

– Как это понимать? – прервала молчание принцесса. – Чудовища? Эльфы? Призраки? Похоже на сказку. – Она смотрела на Реймона Бека, а тот дрожал, словно пришел с улицы в холодный ветреный зимний день, хотя сегодня в небе сияло осеннее солнце. – И что нам теперь делать с такой новостью?

– Полная чушь, – проворчал Тайн из Блушо, а некоторые советники закивали. – Грабители – да. Дороги на запад опасны даже в наши дни. Этого человека ударили по голове, и, вероятно, ему все привиделось. Либо он хочет прославиться.

– Нет! – воскликнул Бек. Глаза его наполнились слезами. Он закрыл лицо руками, и голос звучал глухо. – Это случилось! Произошло на самом деле!

– Разбойники или привидения – какая разница? Но почему выжили только вы? – спросил кто-то из баронов.

Тогда вперед выступил Чавен.

– Прошу прощения, лорды, – сказал он, – но я подозреваю, что Реймон Бек избран с целью передать нам предупреждение.

– Какое еще предупреждение? – воскликнул Баррик, и на

щеках его вспыхнули алые пятна, словно лихорадка снова вернулась. Он был напуган не меньше самого Реймона Бека. – Предупреждение о том, что мир сошел с ума?

– Я пока не знаю, в чем оно состоит, – сказал Чавен, – но могу догадаться, кто его отправил. Человек, которого я хорошо знаю и которому доверяю, сообщил мне, что Граница Теней пришла в движение.

– Пришла в движение? – Авин Броун узнал историю молодого купца еще до начала совета, но по-настоящему испугался лишь сейчас. – Разве такое возможно?

Чавен рассказал о фандерлинге, что искал редкие камни на холмах и обнаружил, что Граница Теней переместилась на несколько ярдов к замку, чего не бывало никогда раньше на памяти людей.

– Я собирался рассказать вам, ваши высочества, но последние трагические события затмили все остальное, – проговорил врач. – А пока вы хоронили брата, я не хотел обременять вас новой заботой.

– Но ведь это случилось уже давно, – сердито заметила Бриони. – Почему вы столько времени молчали?

Гейлон Толли невольно выручил врача.

– О чем идет речь? – громко спросил он. – Вы, ученый, вместе с недоумком из Хелмингси повторяете бабушкины сказки, словно рассуждаете о реальных местах вроде Фейла или Иеросоля. Граница Теней? Позади нее нет ничего, кроме тумана и мокрой земли, слишком холодной для сельского

хозяйства... Все прочее – выдумки.

– Вы слишком молоды, лорд, – осторожно прервал его Чавен. – Но ваш отец знал истину о Границе. И его отец тоже знал. А ваш прапрадедушка воевал среди тех, кто отбил Южный Предел и наш замок у сумеречного племени. – Чавен пожал плечами, выражая этим жестом смирение перед неизбежным и страх. – Вполне может статься, что сумеречные решили вернуть себе эти земли.

Советники заговорили одновременно, не слушая друг друга. Бриони встала и подняла руку, не в силах сдержать дрожь.

– Прошу тишины! – громко произнесла она. – Чавен, вы сейчас же пойдете со мной и братом в часовню или куда-нибудь еще, где мы поговорим спокойно. Вы расскажете нам все, что знаете. Но этого недостаточно. Десятки наших подданных ограблены или убиты на Сеттлендской дороге. Нужно срочно разобраться в случившемся, пока не исчезли следы нападения. – Она посмотрела на брата. Тот кивнул, но его лицо не выражало ничего, кроме страдания, и принцесса продолжила: – Мы отправимся туда, где это произошло. Необходимо найти следы тех существ и изучить их. Если они утащили людей в лес, должно остаться хоть что-то от их присутствия. – Бриони повернулась к Реймону Беку, который присел на корточки, словно ноги отказывались его держать. – Можете ли вы поклясться, что рассказали нам чистую правду? Потому что, если я... если мы обнаружим, что это

выдумка, вы проведете недолгий остаток своей несчастной жизни в цепях.

Купец в отчаянии замотал головой:

– Я говорил чистую правду!

– Тогда мы сейчас же направим туда отряд солдат, – заявила Бриони. – Они пойдут по следу, куда бы он ни вел. Сделаем хотя бы это, пока не поймем, что творится и какое... предупреждение нам прислали.

– За Границу Теней? – Авина Броуна изумило решение принцессы. – Вы посылаете людей за Границу Теней?

– Не вас, – с насмешкой ответила она. – Не пугайтесь.

– Нет необходимости оскорблять меня, принцесса, – произнес лорд комендант и встал со своего места.

Какое-то время они стояли, сверля друг друга глазами поверх голов сидящих советников.

– Это снова моя вспыльчивость, лорд Броун, – помолчав, сказала Бриони. Каждое ее слово разносилось звонко, как звук колокольчика. – Несмотря на хитрости, к которым вы прибегли сегодня в вашем маленьком спектакле, вы все-таки не заслужили моего гнева. Примите мои извинения.

Броун сухо поклонился.

– Принимаю, ваше высочество. И благодарю. Вы оказываете мне слишком большую честь.

– Я пойду, – вдруг заявил Гейлон и поднялся. Лицо его пылало, словно он выпил вина. – Я поведу туда войска. Я найду тех разбойников. И, клянусь своим добрым именем,

это именно разбойники! Кем бы они ни были, я приведу их сюда живых или привезу их трупы. Они ответят за преступление.

Вансен заметил, как Бриони переглянулась с братом, но значения их взглядов не понял.

– Нет, – заявил Баррик.

– Что-о? – рассердился герцог.

Похоже, Гейлону Толли изменило его обычное самообладание. Вансен напрягся, наблюдая за разыгравшейся сценой.

– Вы же не можете ехать сами, Баррик! – настаивал Гейлон. – Вы больны, у вас покалечена рука! Ваша сестра воображает себя мужчиной, но, видят боги, это не так! Я требую, чтобы честь возглавить войско принадлежала мне!

– Поверьте, кузен, – ответила Бриони, старательно подбирая слова, – речь идет вовсе не о чести. Всякий, кто пойдет туда, должен понимать это, а не доказывать свои права.

– Но!..

Принцесса отвернулась от герцога. Она оглядела комнату и вельмож за столом, посмотрела на Тайна и Рорика, на остальных. Наконец она остановила взгляд на Феррасе Вансене, что стоял позади несчастного всхлипывавшего купца Реймона Бека. На миг их глаза встретились, и Вансену показалось, будто на губах Бриони мелькнула недобрая улыбка.

– Вы, капитан! – сказала она. – Вы не сумели предотвратить убийство моего брата. Вы не смогли найти причину, заставившую лорда Шасо – самого преданного нашей семье че-

ловека – совершить это преступление. Возможно, вам удастся справиться с новым заданием.

Не в силах выдержать ее взгляд, Вансен опустил глаза и, глядя себе под ноги, ответил:

– Да, ваше высочество. Я выполню ваше задание.

– Нет! – закричал Гейлон.

Он снова вскочил. Он был так зол, что на миг Феррас испугался, как бы герцог не бросился на принца и принцессу. Эта мысль пришла в голову не только капитану стражников: советники слева и справа схватили Гейлона за руки, но не смогли удержать. Броун положил ладонь на рукоять меча, но он находился дальше от Толли, чем Вансен, да и двигался медленнее.

О боги! Едва не споткнувшись, Феррас бросился вперед.

«Слишком поздно, не успеть, снова неудача!» – лихорадочно мелькало в его голове.

Однако герцог Саммерфильдский решил покинуть зал. Он направился к выходу, но в дверях обернулся к совету. В этот момент он был уже абсолютно, пугающе спокоен.

– Как я вижу, здесь я не нужен: ни в совете, ни в замке, – произнес он. – С вашего позволения, принц Баррик, принцесса Бриони, я возвращаюсь в свое имение, где, возможно, найду себе применение.

Не дожидаясь ответа, Гейлон Толли вышел из Дубовой гостиной, и вскоре звук его твердых шагов в коридоре затих.

Бриони снова повернулась к Вансену, как будто Гейлона

никогда не было в этом зале.

– Вы возьмете с собой столько солдат, сколько вы и лорд комендант сочтете нужным. Этот человек пойдет с вами. – Она указала на Бека. – Он покажет место, где произошло нападение на караван. Обязательно пришлите нам оттуда гонца. Мы должны знать, что вы там обнаружите. Если сумеете преследовать грабителей, пускайтесь в погоню.

Тут до Реймона Бека дошел смысл распоряжений Бриони.

– Не посылайте меня обратно, ваше высочество! – завизжал он и пополз по полу к принцу и принцессе. – Ради всех святых, только не туда! Посадите меня в кандалы, как обещали, но не заставляйте возвращаться.

Бек ухватился за ногу Баррика, но тот поспешно отдернулся.

– Но как без вас мы найдем то место? – ласково спросила несчастного Бриони. – Ведь вы сказали, что никаких следов там не осталось. Верно? Возможно, ваши товарищи еще живы. Неужели вы лишите их надежды на спасение? – Она повернулась к членам совета, которые раскрыли рты от удивления, словно выражающие озадаченность маски античного хора. – Все свободны. Вы должны сохранить в тайне то, о чем здесь узнали. Кто скажет хоть слово, отправится в темницу и присоединится к Шасо. Чавен и вы, лорд Броун, – вы отправитесь со мной и братом в часовню. Тайн и Рорик, зайдите, пожалуйста, к нам через час. Вы, капитан Вансен, отправляетесь в путь завтра на рассвете.

Когда зал опустел, Вансен и двое стражников помогли плачущему Реймону Беку подняться на ноги.

– Принцесса не собирается никого упрашивать, – сказал Феррас Вансен молодому купцу, когда они направлялись к выходу. Мысли капитана гвардейцев плыли медленно и оцепенело, словно рыбы на дне замерзшего ручья. – Ее старшего брата убили – ты знал об этом? – спросил он Бека. – Мы позаботимся о тебе, найдем вина и постель. Вот что тебе необходимо. Возможно, в ближайшее время нам об этом придется только мечтать.

14. БЕЛОЕ ПЛАМЯ

МУЗЫКА ШТОРМА

На берегах рассказывают сказки

О великане, что живет в глубинах моря.

Глаза его как жемчуга сияют, а голос – словно океана шум.

Из «Оракулов падающих костей»

Первой мыслью Баррика было: этот человек похож на скотное цепью животное, испуганное и жалкое. Вроде медведя, которого привели в замок на празднование дня Перина и заставили танцевать в Тронном зале. Придворные смеялись, и сам принц тоже веселился, глядя на неуклюжую походку зверя. Медведь сердился и фыркал, как человек, когда хозяин хлестал его кнутом по неуклюжим лапам. Только Бриони не смеялась.

«Она любит животных больше, чем людей. Будь я собакой, она не отходила бы от моей постели, когда я болел!»

Баррик вспомнил, что и отец не смеялся. В тот день они были вместе: Олин царствовал в Южном Пределе, Кендрик находился рядом, жизнь шла своим чередом. Теперь все переменялось, а после лихорадки даже мысли стали странными и зыбкими.

Баррик сделал усилие и попытался взглянуть на Шасо

именно так, как (по мнению юноши) смотрит правитель на предавшего его вассала. Несмотря на сковавшую его цепь, туанец больше походил на льва, чем на медведя.

«Нельзя заставить плясать цепного льва», – думал принц.

– Нужно взять с собой стражников, – предупредил близнецов Авин Броун. – Он опасен.

– Но ведь вы с нами, – с любезной улыбкой возразила Бриони. – Вы опытный воин, лорд комендант.

– Я очень благодарен вам за лестные слова, принцесса, однако смею напомнить, что и Шасо – очень хороший воин.

– Но он в оковах, а вы нет. К тому же он безоружен.

Шасо пошевелился. Баррик никогда не мог определить, сколько лет главному оружейнику, но сейчас тот выглядел стариком: кожа на лице обвисла, на щеках проступила седая щетина. Ему дали чистую, но старую и поношенную одежду. Если бы не мускулы, по-прежнему рельефно выступавшие на руках и на спине, его можно было принять за нищего из Иеросоля или какого-то другого южного города.

– Я не стану нападать, – подал голос Шасо. – Я не паду так низко.

Баррик еле сдержал приступ гнева.

– А моему брату ты говорил то же самое, перед тем как убить его? – воскликнул он.

Шасо посмотрел принцу в глаза. Его темное лицо посветлело, словно на нем осела пыль с каменных стен. А может быть, заточение в темном подземелье обесцветило кожу.

– Я не убивал вашего брата, принц Баррик, – сказал он.

– Но что тогда произошло? – спросила Бриони, сделав несколько шагов к Шасо. Она остановилась прежде, чем Броун схватил ее за руку. – Я была бы рада поверить вам. Что же случилось?

– Я уже все рассказал Броуну. Когда я уходил от Кендрика, принц был жив.

– Но ваш кинжал в крови, Шасо. И нашли его в вашей комнате.

Старый туанец передернул плечами:

– Это не кровь принца.

– Чья же она? – Бриони подошла еще на шаг.

Баррик заволновался: теперь Шасо мог с легкостью дотянуться до сестры. Все трое знали, что движения туанца были быстрыми, как у кошки.

– Расскажите нам хотя бы об этом, – настаивала Бриони. Несколько мгновений Шасо молча смотрел на нее, потом его губы изогнулись, но в этой улыбке не было ни веселости, ни радости.

– Это моя кровь. Моя собственная. Баррик снова начал злиться.

– Он рассказывает сказки, Бриони. Знаю, тебе хочется ему верить, но я не позволю делать из тебя дуру! Он был в комнате Кендрика. Наш брат и двое его стражников убиты, раны нанесены изогнутым ножом, который мы нашли в комнате Шасо, причем нож испачкан кровью. Он даже соврать прав-

доподобно не может!

Бриони помолчала.

– Баррик прав, – проговорила она. – Вы хотите, чтобы мы поверили невероятному.

– Я ничего не хочу. Мне все равно, – ответил оружейник.

Но движения его рук выдавали волнение. Шасо положил ладони на колени, и Баррик видел, как он сжимает и разжимает кулаки.

Теперь и Бриони утратила спокойный тон.

– Вам все равно, что мой брат мертв? Вам все равно, что Кендрика убили? Он был добр к вам. Мы всегда хорошо к вам относились.

– Да, вы, Эддоны, хорошо ко мне относились. – Он переменил позу, и цепь звякнула. Авин Броун встал рядом с принцессой. – Ваш отец победил меня на поле брани и оставил в живых. Он хороший человек. Потом он привез меня в свой Дом, как собаку, найденную на улице, и заставил служить ему. Очень хороший человек.

– Ты хуже собаки, неблагодарная тварь! – выкрикнул Баррик. Перед ним стоял другой Шасо – не тот, кого он знал раньше. Нынешний мрачный человек жалел себя. Тем не менее именно он мучил Баррика, из-за него принц вечно чувствовал свою неполноценность. – С тобой никогда не обращались как со слугой! Тебя сделали лордом! Отец дал тебе землю, дом, почетную должность!

– В этом и проявилась его жестокость. – На лице Шасо

вновь блуждала пугающая пустая улыбка, словно зияющая рана на темном лице. – Моя прежняя жизнь была потеряна. Словно лодка, сорвавшаяся с привязи. Король дал мне новую жизнь, богатство и почет. Я не мог его ненавидеть. А позднее... Что скрывать – позднее я сам продал свою свободу. Из нас двоих я был худшим предателем, но это не значит, что я его простил.

– Он признал себя предателем! – воскликнул Баррик и шагнул вперед, чтобы схватить Бриони за руку.

Но она оттолкнула его.

– Пойдем! – настаивал принц. – Он же признал, что ненавидел нашу семью. Мы слышали достаточно.

Он больше не хотел оставаться в подземелье, куда не проникали солнце и свежий воздух. Это место было пропитано страданием. А еще принц понял, что Шасо хранит тайны более опасные, чем клинок, и более страшные, чем убийство. Баррик хотел, чтобы старик замолчал.

Бриони заговорила не сразу.

– Я поняла не все ваши слова. Но если в вас сохранились хоть какие-то остатки преданности нашей семье, вы обязаны рассказать нам правду. Если это ваша кровь, как она попала на нож?

Шасо медленно поднял и показал руки. Перекрещивающиеся порезы на его запястьях почти затянулись.

– Я сам себя поранил.

– Но почему?

Он лишь покачал головой.

– Скорее всего, это сделал Кендрик или один из стражников, защищаясь, – заметил Баррик.

– Разве на оружии стражников была кровь? – спросила сестра. – Я что-то не помню.

Разговор о крови заставил Бриони побледнеть. Еще полгода назад Баррик обязательно придумал бы, как отвлечь ее, сгладить неприятное впечатление от обсуждения ужасных вопросов. Но сейчас он чувствовал себя опустошенным, душа перегорела – остались пепел да зола.

– У вашего брата вообще не было оружия, – ответил за принца Авин Броун, – что делает убийство еще более подлым. Тела стражников изуродованы, и уже нельзя сказать, осталась ли кровь на их клинках.

– Вы нам ничего не объяснили, – снова обратилась Бриони к Шасо. – Если хотите, чтобы вам поверили, расскажите, откуда у вас раны и как все произошло. О чем вы говорили с Кендриком? Что вызвало такие последствия?

Главный оружейник покачал головой.

– Это останется нашей тайной – моей и покойного принца. Она умрет вместе со мной.

– Не говорите пустых слов, лорд Шасо, – предостерег его Авин Броун. – При короле Олине у палача было гораздо меньше работы, чем во времена прежнего монарха, но его топор по-прежнему остро наточен.

Главный оружейник посмотрел на Баррика, затем перевел

взгляд на Бриони и ответил:

– Если вам нужна моя голова, возьмите ее. Я устал жить.

– Да будьте вы прокляты с вашим упрямством! – воскликнула Бриони. – Неужели вы предпочтете умереть, чем рассказать правду? Что за странное понятие о чести, Шасо? Если что-то может спасти вашу жизнь, заклинаю, скажите мне об этом!

– Я сказал правду: я не убивал вашего брата. Я не причинил бы ему вреда, даже если бы он приставил кинжал к моему горлу, потому что поклялся защищать короля и его семью.

Не причинил бы вреда? – переспросил Баррик. Он снова почувствовал усталость и слабость: гнев его стих, словно замерший в отдалении гром. – Странные вещи ты говоришь. Вспомни, сколько раз ты сбивал меня с ног, причинял мне боль, Синяки, полученные по твоей вине, еще не сошли.

– Это делалось ради вашей пользы, принц, – резко и холодно бросил старик. – Я хотел сделать из вас мужчину.

Баррик шагнул в сторону главного оружейника и поднял руку для удара. Шасо не шевельнулся. И прежде чем Авин Броун успел подскочить к принцу, тот передумал. Он вспомнил придворных, что бросали в танцующего медведя вишневые косточки и корки хлеба, и себя – хохочущего и наблюдающего, как привязанное на цепь животное пытается увернуться.

– Если ты убийца моего брата, в чем я не сомневаюсь, ты

получишь сполна, – сказал он. – Лорд Броун прав: в Южном Пределе есть палач.

Шасо развел руками, выражая согласие с неизбежным. Голова его склонилась на грудь, словно он слишком устал, чтобы держаться прямо.

– Таково ваше последнее слово? – спросила Бриони. – Вы не убивали Кендрика, а кровь на кинжале ваша, но вы не желаете объяснить нам, как все произошло?

– Да, это мое последнее слово, – не поднимая головы, ответил старый туанец.

Шагая к выходу вслед за Бриони, Баррик размышлял, насколько правдивой может быть столь дикая история. Истины им не открыть, ведь Шасо – единственный подозреваемый. Другой версии у них нет. Отбросив эту, они окажутся в полной неизвестности – такой же непрочной и переменчивой, как лихорадочные сны принца.

«Убийцей должен быть он, – решил для себя Баррик. – Иных разумных объяснений не существует».

Феррас Вансен изучал лица солдат, стоявших в строю, будто глядел на неожиданно обретенную семью. В каком-то смысле так оно и было. Им придется жить вместе недели, а то и месяцы, бродить по диким местам. Даже в семье люди не так близки, как близки друг другу солдаты в походе. Или, напротив, так ненавистны. Небольшой отряд – меньше тридцати человек, дабы не привлекать излишнее внима-

ние, – выстроился на огромном плацу перед казармами. Он был почти незаметен на фоне Волчьего Клыка, нависавшего прямо над воинами. Вансен решил, что в путь двинутся семь всадников, в том числе и он сам, и около двух десятков пешотинцев, из них – двое новобранцев, простых фермерских мальчишек. Они будут следить за повозкой и ослом. В помощь лейтенанту Джему Таллоу, которому придется командовать охраной замка в отсутствие Вансена, оставили искусных опытных бойцов. Половина отряда Вансена состояла из молодых солдат. Полностью положиться в бою капитан мог лишь на десяток своих подчиненных. Он надеялся, что этого хватит.

Реймону Беку дали лошадь и меч, однако он обращался с ними именно так, как и следовало ожидать от купца. Сначала Вансен хотел выдать Беку доспехи, но быстро передумал, вспомнив свой собственный опыт подобного похода против разбойников три года назад. Человек, не привыкший к тяжелому вооружению, лишь создает помехи для других. Вансен решил оставить молодого человека при себе. Старый рубака Коллум Дайер будет присматривать за парнем. Это будет для купца лучшей защитой.

– Не нужно так расстраиваться, – сказал Вансен Реймону. – Ваш караван застали врасплох. Мы не знаем, насколько опытни были те воины, что вас сопровождали. А сейчас с нами двадцать пять закаленных гвардейцев Южного Предела. Многие из них проливали кровь в Крейсе и в битвах с

последними серыми отрядами. Они не сбегут от призраков.

– И это очень глупо с их стороны, – ответил Бек. Он казался блее мела, и губы его подрагивали, но все же он вернул себе самообладание, утраченное во время аудиенции у принца и принцессы, – Они не видели тех призраков и не представляют, как это ужасно.

Вансен пожал плечами. Ему и самому не нравилось то, что им предстояло, но он хотел подбодрить молодого купца. Феррас Вансен вырос в Далер-Троте, совсем рядом с призрачными руинами Западного Предела. Иногда, если ветер разгонял туман, с самых высоких холмов удавалось разглядеть полуразрушенные стены крепости. Ни он, ни его земляки никогда не позволяли себе говорить о Границе Теней и о том, что лежало за ней, с презрением, как это сделал герцог Саммерфильдский. Люди в тех суровых неприветливых местах обрабатывали землю и пасли скот. Как и они, Вансен прекрасно понимал: смертные владели этой землей на протяжении жизни всего лишь нескольких поколений, а за Границей Теней есть силы, которые рано или поздно захотят вернуться сюда. Люди были полны решимости не допустить этого и защищать свои дома до конца.

По плацу семенящей походкой спешил посыльный лорда Броуна. Вансен приказал отряду построиться. Кони нетерпеливо били копытами, а ослик пощипывал траву, выросшую между каменными плитами. Утро заканчивалось, но им ничего не оставалось, кроме как ждать. Тень, отбрасываемая

Волчьим Клыком, становилась все короче.

Наконец появилась принцесса. Стройную фигуру в траурных одеждах сопровождали две девушки и комендант крепости, казавшийся на их фоне еще более огромным. Вансен подумал: если Броун и не станет королем, он так или иначе возьмет на себя роль отца принца и принцессы и, несмотря на свой не слишком высокий титул, будет влиять на все дела семьи Эддонов. Конечно, он богат, у него обширные владения, и, безусловно, он очень опытный человек, почему и сумел заслужить большую благосклонность королевской семьи, чем кто-либо из высокородных родственников. По мнению Вансена, истинной причиной отъезда герцога Саммерфильдского в родовое гнездо могло стать именно это соперничество. Возможно, Гейлон понял, что Авин Броун перекрыл ему дорогу к близнецам и лишил доступа к власти.

Принцесса приблизилась к строю воинов, и Феррас прервал свои размышления. Последние недели не прошли для Бриони бесследно: бледное лицо, синие круги под глазами – было заметно, что она плохо спит. Несмотря на усталый вид и холодный взгляд принцессы, ни одно другое лицо не вызывало в душе капитана таких сильных чувств.

«Видимо, правильно говорили древние, – думал он. – Сердце подобно бересте: оно ярко вспыхивает лишь раз, зато в момент горения любой огонь кажется тусклым рядом с его пламенем. Мое зыбкое счастье в том, что мне суждено сгореть ради нее. Ради той, что никогда не станет моей и всегда

будет меня ненавидеть».

– Капитан Вансен, – заговорила Бриони сухим и твердым голосом, – мой брат сейчас отдыхает, но он желает вам удачи. Пусть боги помогают вам в столь опасном деле.

На ее лице Вансен не увидел презрения, и это удивило его – впервые после смерти Кендрика Эддона он вызывал у Бриони какие-то иные чувства. Впрочем, он мог неверно истолковать ее вид, на самом деле выражающий усталость и скуку.

– Я вижу, ваши люди готовы.

– Да, ваше высочество. Простите мою дерзость: вы и в самом деле считаете, что нам следует выехать открыто, среди бела дня? Пойдут разговоры.

– Люди и так болтают. Прежде чем прийти в замок, Бек уже успел рассказать о случившемся многим, не так ли? Думаете, в Вафсайде или Тригоде найдется хоть одна живая душа, еще не слышавшая его истории? Вы и ваши солдаты пойдете по Маркет-роуд, через дорогу, а затем через весь город. Пусть все узнают, что Эддоны не сломлены горем и страхом. Что они не беспомощны и никому не позволят грабить караваны и похищать женщин из благородных семей. – Она повернулась к Броуну, и тот одобрительно кивнул. – Мы не просто хотим продемонстрировать силу, Вансен. Мы с братом очень серьезно относимся к вашему походу. Я хочу, чтобы вы посылали нам известия с каждым путником, встреченным по дороге.

– Конечно, ваше высочество. У монахов действует почтовая служба, доставляющая почту по Сеттлендской дороге – туда и обратно каждые две недели. Это прекратится после наступления зимы, а пока у нас есть время. Я обещаю держаться в курсе событий вас и лорда Броуна, но очень надеюсь, что мы будем отсутствовать недолго.

Вы вернетесь лишь тогда, когда найдете ответы для нас, – заявила Бриони, и ее слова прозвучали резко, как удары хлыста.

– Да, ваше высочество.

Вансену больно было услышать такое из ее уст, но в выражении ее лица он увидел не гнев, а что-то более глубокое и странное. Словно за маской скрывался перепуганный пленник.

«Она боится!» – догадался капитан.

Им тут же овладели нелепые желания: ему страшно захотелось поцеловать принцессе руку, рассказать о своей мучительной любви к ней. В поисках спасительного выхода, потеряв ощущение реальности, Феррас упал на колени как безумец.

– Я больше не подведу вас, принцесса Бриони! – порывисто произнес он. – Я выполню то, что вы приказываете, или умру.

Голова его была низко опущена, но он чувствовал на себе изумленные взгляды гвардейцев и слышал, как Броун втягивает в легкие воздух.

– Встаньте, Вансен, – велела Бриони, и голос ее звучал необычно. Когда капитан поднялся на ноги, глаза принцессы снова сверкали искорками гнева, но вместе с тем в них стояли слезы. – Я уже видела много смертей, слышала много клятв, много рассуждений о чести и долге. И бесконечно устала от этого. Вы, должно быть, думаете, что я виню вас в смерти брата? Отчасти вы правы, но виню я не только вас. Я не настолько глупа, чтобы думать, будто другой капитан спас бы его. Возможно, вы полагаете, что это задание – ваше наказание. Здесь есть небольшая доля правды. Но главная причина вот в чем: вы опытный человек, и вам доверяют солдаты. Мне говорили, что вы рассудительны и хладнокровны. – Она подошла ближе и почти коснулась капитана пышными юбками. Сердце Вансена замерло. – Если вы погибнете, ничего не выяснив, смерть ваша будет напрасной. Если же останетесь живы, пусть даже не выполнив задания, вы еще сможете принести много пользы нашей стране.

Бриони сделала паузу. Вансен терялся в догадках, о чем думает принцесса.

– Но если безопасность кого-нибудь из членов моей семьи снова окажется под угрозой, – наконец заговорила она с улыбкой не то жестокой, не то усталой, – я позволю вам умереть, выполняя свой долг, капитан Вансен. – Потом она повернулась к гвардейцам. – Пусть боги защитят вас. Пусть сам Перин сделает ваш путь гладким и прямым.

Принцесса повернулась и пошла прочь. Броун и две фрей-

лины спешили следом.

– Не сказать, чтобы нас обласкали, капитан, – рассмеялся Коллум Дайер.

– По коням! – скомандовал Вансен.

Феррас так и не понял, что произошло. Но ему предстоял длинный путь, много дней в седле. У него есть время подумать об этом.

Та, которую называли Грозой Долины Страха, спускалась вниз от Шехена верхом на огромном черном коне. Ослабив поводья, она позволила коню самому выбирать узкие тропинки среди холмов, хотя с высоты круч было трудно разглядеть летавших внизу птиц. Ясаммез не спешила, но мысли ее, словно крылатые гонцы, неслись быстрее птиц и быстрее ветра.

Она спустилась с холмов и повернула в сторону древних земель – к великому городу, раскинувшемуся на берегу черного океана прямо у полярного круга. Там, в темной и безжизненной пустыне к северу от Кул-на-Квара, обитали существа из племени кваров. Эти существа были очень странными: они пели песни, стуча в такт пальцами по собственной замерзшей коже. Они так долго прожили в уединении, что у них не осталось ничего общего с остальными представителями своей расы. Они и не помнили о потерянных южных землях, где никогда не жили. Единственные из всего сумеречного племени, они не пострадали от рук смертных. Эти жи-

тели холодной пустыни никогда не служили леди Дикобраз. Ясаммез командовала войском Кул-на-Квара и армиями земель, простиравшихся к югу до трижды благословенной границы – смертные именуют ее Границей Теней. Но само племя кваров называет границу А'сиш-Ярит Са – «Бесшумный ураган» или, если произнести с другой интонацией, «Белые мысли».

Северян не беспокоили грабители из числа смертных. Когда Ясаммез появлялась, они поднимались из пещерных городов Кируш-а-Гата (Древней Пади) и приходили из деревень, скрывавшихся в дремучих лесах, чтобы посмотреть на воительницу. Излучавшие свет танцоры замирали на вершинах холмов, едва она появлялась. Те, кто не знал ее – слишком много времени прошло с тех пор, как Ясаммез в последний раз покидала свой дом в Шехене, – видели, как мимо них проносится мощная сила, страшная и прекрасная, подобная комете. И, хотя все боялись и уважали эту силу, никто не приветствовал леди Дикобраз. Все просто смотрели на нее, охваченные тревожным ожиданием.

Те же, кто знал ее в старые времена, отнеслись к ее появлению по-разному. Одни не желали иметь с ней ничего общего: леди Ястреб всегда прилетала на крыльях войны, а где война, там и кровь. Они говорили родным и соседям, что надвигается буря, что пора делать припасы и укреплять жилища. Другие присоединялись к Ясаммез и следовали за ней молчаливой толпой, словно шлейф невесты. Каждый из них знал:

жених, к которому спешит Ясаммез, это Смерть. А Смерть не станет выбирать, кого взять себе. Но они все-таки шли. Целые века гнева и страха сплотили их, как пальцы соединяют в кулак.

Ясаммез была клинком, очень давно и крепко зажатым в этом кулаке. Теперь клинок вновь занесен для удара.

Появление Ясаммез наделало шума в Кул-на-Кваре. К тому времени, когда во главе огромной толпы она въехала в город по подъемному мосту, жители старинной цитадели успели разделиться на фанатичных сторонников и столь же яростных противников леди Ястреб. Третья группа, самая многочисленная, состояла из приверженцев золотой середины: они собирались подождать дальнейшего развития событий. Все происходило так, что случайный наблюдатель ничего особенного не заметил бы. На первый взгляд, столица жила своей обычной, обманчиво спокойной жизнью: с незапамятных времен здесь царил управляемый беспорядок.

Приближенные Ясаммез – по большей части те, что прислуживали ей во время последнего визита в город, – проветрили покои в восточной части обширного замка. Впервые за десятки лет там открыли ставни и распахнули окна. Комнаты наполнились прохладным морским воздухом и мерным шумом прибоя, напоминавшим дыхание крупного зверя. Слуги спешили закончить приготовления. Никто не сомневался, что этот день будет вписан в Книгу великих печалей как но-

вая глава.

Когда Ясаммез проходила через зал Ворот, украшенный живыми скульптурами (она даже не взглянула на них), ее окружали уже не только приближенные, но и все любители острых ощущений из числа горожан – те, кто занимался магией, кто заполнял свое время оттачиванием боевого искусства или совершенствованием искусства придворного. Они почти не отличались друг от друга, эти мастера заговоров и знатоки забытых тайн. Были в числе сторонников Ясаммез и те, что ожидали катастроф и конца света. Они пели песни, задавали вопросы – иногда на языках, незнакомых даже самой Ясаммез. Она не обращала внимания ни на кого, продолжая свой путь из зала Ворот в зал Черных Деревьев – через множество комнат, зал Серебряных Костей, зал Плачущих Детей, а также зал Драгоценностей и Тлена. Перед Зеркальным залом Ясаммез остановилась. Слепой король и немая королева ожидали ее, узнав о прибытии воительницы еще до того, как та сошла с коня.

Однако она не стала входить в зал, а обратилась к слуге, охранявшему вход. Сын Изумрудного Огня – так звали слугу – сквозь свою одежду и маску излучал слабое свечение.

– За воротами собрались тысячи наших соплеменников, пришедших со мной, – сказала Ясаммез. – Позаботьтесь о них. Скоро я поговорю с ними.

Фигура в маске молча поклонилась. Ясаммез отвернулась от Зеркального зала: еще не время подписывать Стекланный

договор, хотя это будет сделано прежде, чем она покинет Кул-на-Квар. Ясаммез отправилась в свои покои, из окон которых был виден океан и темное сумеречное небо. Толпа, что собралась в огромном замке и следовала за предводительницей, как муравьи по гнилому дереву, осталась стоять. Они ждали, глядя друг на друга – кто радостно, кто растерянно, а кто безумно. Потом толпа разошлась.

Это не имело значения. Ясаммез знала: время для всех них наступит.

Она надела свои пластинчатые доспехи, выкованные в глубинах фандерлингов в те времена, когда еще не начали писать Книгу. Много веков доспехи хранились в ледяной горе. Призрачный, как грозовая туча, плащ не скрывал черных шипов, что покрывали доспехи, словно колючки дикобраза. Голова Ясаммез оставалась открытой. Ничем не примечательный шлем леди Дикобраз положила на стол рядом с собой – словно любимую вещь, которая всегда на виду.

Вокруг стола в комнате собрались еще семеро. Было темно, у открытого окна горела лишь одна свеча. Пламя дрожало от легкого ветерка. Но ни Ясаммез, ни ее собеседники не нуждались в том, чтобы видеть друг друга.

Что-то они говорили словами, а что-то приходило прямо в их объединенное сознание.

– Пожирающий луну, что ты скажешь о племени изменчивых?

– Нас много. Я чувствую гнев и решимость. Мы первыми встретили каменных обезьян еще до поражения и первыми пострадали от них. Не всякий из нашего племени – воин; но те, что не умеют сражаться, станут ушами и глазами для остальных, Они быстры, как птицы, и незаметны, как змеи.

– Вас много, говоришь? Сколько же? Послышался не то стон, не то грозное рычание:

– Много. Так много, что невозможно сосчитать.

– Зеленая Сойка, как насчет ловкачей?

– Осторожничают, но готовы к переговорам, как и следовало ожидать. Наше племя имеет привычку сначала определить, у кого больше шансов на победу, а в подходящий момент присоединиться к сильнейшей стороне. Не слишком поздно, но и не рано.

– Твоя откровенность похвальна.

– Может ли лягушка летать? Я говорю все, как есть.

– В предстоящей битве победителей не будет. Даже если мы возьмем верх – это лишь миг в великом поражении. Но смертные обречены страдать, а наши страдания уменьшатся. Все, что останется этим обезьянам после нашего ухода, потеряет для них вкус. Они навсегда лишатся радости. Смотрите, не прогадайте. Сейчас для ловкачей – как и для остальных – самое время присоединиться к нам. И не по одному, а целыми кланами.

– Но почему, леди? Почему мы должны потерпеть поражение? Мы все еще сильны, и пути наши истинны. Нам не

хватает только решимости.

– Пока не твоя очередь, Непреклонный Камень. Скоро я спрошу тебя, что думает хранитель стихий...

– Спроси меня сейчас. Ясаммез помолчала и промолвила:

– Говори.

– Они думают так же, как я. Считают, что нам некуда отступать, что мы не можем больше мириться с изгнанием и поражением. Мы должны прогнать их с наших земель. Мы должны сжечь их дома, наслать на них болезни. Мы должны разрушить их храмы и зарыть в землю их оружие: там оно может очиститься со временем. Мы должны вернуть Первозданную ночь.

– Я выслушала тебя. Но каковы бы ни были их желания, пойдут ли они по тому пути, что выберу я? Ибо в этом походе есть только один предводитель.

– Ты поведешь нас, госпожа? А как же договор?

– Стекланный договор со временем станет ничем – пустое обещание. Но старые правила нельзя нарушать, поэтому я согласилась. Час назад я подписала его кровью.

– Ты подписала договор? И они дали тебе Печать войны?

Вместо ответа Ясаммез подняла со стола шлем. То, что скрывалось под ним, засветилось в темноте, как расплавленный металл. Она подняла массивную черную цепь с красным драгоценным камнем и надела ее себе на шею. Камень приглушенно звякнул, ударившись о доспехи.

– Вот она, – провозгласила Ясаммез.

Некоторое время в комнате был слышен лишь шум разбивавшихся о скалы волн, а потом раздался звучный голос:

– Хранитель стихий последует за тобой, леди Дикобраз. Теперь и остальные заговорили громко. Они рассказывали о своих племенах, об их готовности или неготовности следовать за ней. Все согласились, что сил собрано достаточно, чтобы перейти Границу и начать войну.

– Я хочу показать вам еще кое-что, – сказала Ясаммез и сунула руку под свой просторный плащ.

Щелкнули застежки. Через мгновение воительница вытащила ножны, положила их на стол и извлекла из них меч. От кончика до рукояти меч был белым, словно снег или выветренная кость. Пламя свечи заколебалось и погасло под порывом холодного морского ветра. Комнату освещало лишь слабое сияние меча.

– Я достала Белый Огонь из ножен. – Ясаммез стала голосом мести своего народа, но эти слова прозвучали так буднично, что вряд ли их услышали в объединенном сознании. Между тем речи Ясаммез значили очень много. – Меч не скроется в ножнах, пока я жива. Пока то, что принадлежало нам, не вернется к законным владельцам. Пока у нас вновь не появится королева.

Бриони была очень удивлена и раздосадована, найдя наконец брата в тихом и мрачном Западном саду внутреннего двора. Правда, принц не блуждал, как обычно, а рассматри-

вал крыши и множество труб, похожих на грибы после дождя.

– Я... Ты это видела? – Баррик потер глаза.

– Что именно?

– Мне показалось... – Он покачал головой. – Мне показалось, что на крыше сидел мальчик. Думаешь, это лихорадка? Когда я болел, я видел много всего...

Бриони взглянула на крыши и ответила:

– Нет, слишком высоко. Никто туда не залезет, тем более ребенок. Почему ты поднялся? Я заходила проведать тебя, а мне сказали, что ты не пожелал оставаться в постели.

– Почему? Мне хотелось взглянуть на солнце, но оно почти скрылось. В темной комнате я чувствую себя мертвецом. – Его лицо стало непроницаемым. Едва открывшаяся душа снова спряталась за маской грубости. – Ведь я тебе не нужен.

– Что ты хочешь этим сказать? – Бриони была поражена. – Милосердная Зория! Ты мне не нужен? Ты единственный, кто у меня остался! Гейлон только что покинул замок и Южный Предел. Через пару дней он вернется в Саммерфильд и начнет всем подряд рассказывать о своих притязаниях. А слушателей у герцога Саммерфильдского предостаточно.

– Ну и что нам с этим делать? – безразлично спросил Баррик, пожимая плечами. – Пока он не выдает военные тайны, мы не можем его остановить. Саммерфильд почти так же силен, как Южный Предел. К тому же у них имеется неболь-

шая армия.

– Об этом рано беспокоиться. Если боги благосклонны к нам, а Гейлон сохранил остатки чести, бояться нечего. Но у нас много других трудностей, Баррик. Так что, пожалуйста, не делай больше глупостей. Ты нужен мне здоровым. Лучше сейчас несколько дней поскучать в постели, чем потом проболеть всю зиму. Позволь Чавену тобой заняться.

– О каких глупостях ты говоришь? – Брат с подозрением посмотрел на Бриони. – Не хочешь ли ты убрать меня с дороги, чтобы натворить глупостей самостоятельно? Простить Шасо, например?

Сердце девушки словно налилось свинцом. Неужели ее брат-близнец, ее любимая половинка, может думать о ней подобным образом? Неужели лихорадка так его изменила?

– Нет! – воскликнула она. – Нет, Баррик, я никогда ничего не сделаю без твоего одобрения.

Принц разглядывал сестру, словно видел ее впервые.

– Прощу тебя, сейчас неподходящее время для ссоры. Мы двое – это все, что осталось от семьи, – умоляюще сказала Бриони.

~ Есть еще Мероланна и Тихая Мышка.

– Почему ты вспомнил о них? – Бриони страдальчески поморщилась. – Я никогда раньше не видела тетушку такой расстроенной. Возможно, это из-за Кендрика, но все равно удивительно. До похорон она была тверда, как скала, но в последнее время не перестает горевать и почти не покидает

своей комнаты. Я дважды заходила к ней, а она даже не стала говорить со мной. Похоже, она хотела, чтобы я ушла. Кажется, вся наша семья пребывает в растерянности. Да, еще один сюрприз, раз уж ты заговорил о мачехе: она пригласила нас с тобой на завтрашний обед.

– Зачем это?

– Не знаю. Но давай постараемся быть великодушными и поверим, что она искренне хочет сблизиться со своими приемными детьми. Это важно, особенно теперь, когда не стало Кендрика.

Баррик фыркнул вместо ответа.

– И еще, – продолжила Бриони. – Ты видел письмо отца? Ну то, что Кендрик получил из Иеросоля перед... перед...

Баррик отрицательно покачал головой. Выглядел он при этом недовольным или скорее испуганным. Интересно почему?

– Нет, – сказал он. – А что в нем?

– В том-то все и дело: письмо исчезло. Я не смогла его найти.

– У меня его нет! – резко ответил принц, но потом помахал рукой, будто раскаиваясь в таком поведении. – Извини. Я все-таки устал. Я ничего не знаю о письме.

– Но нам обязательно нужно его найти! – воскликнула Бриони. Посмотрев на брата внимательнее, она поняла, что давить на него бесполезно: он и правда обессилел. Тогда девушка сказала: – Что бы ни случилось, Баррик, всегда помни:

ты мне нужен. Очень нужен. А сейчас иди в постель. Отдохни и позволь мне заняться делами. Завтра я все тебе расскажу по дороге к Аниссе.

Принц посмотрел на сестру, потом огляделся вокруг. Солнце уже скрылось за западным крылом резиденции. Крыши быстро превращались в темные силуэты, и теперь там могли бы спрятаться целые толпы призрачных детей.

– Ладно, я полежу в постели до завтра, – наконец согласился он. – Но не дольше.

– Хорошо. Пойдем вместе.

– Знаешь, я не люблю спать, – признался Баррик. Бриони не заметила, когда он взял ее за руку; совсем как в детстве. – Я совсем не люблю спать. Мне снятся очень жуткие сны. О том, что наша семья проклята, а нас преследуют призраки.

– Но ведь это сны, Баррик, и ничего больше. Лихорадочные сны.

Но на самом деле от его слов по телу Бриони побежали мурашки. В тот же миг по саду пронесся ветер, заставивший листья на кустах и деревьях зашелестеть.

– Мне снится, что на нас опускается тьма, – продолжил Баррик почти шепотом. – Знаешь, Бриони, во сне я вижу конец света.

15. ОБИТЕЛЬ УЕДИНЕНИЯ

НЕЗАМУЖНЯЯ ДОЧЬ БРАТА

Когда мы поднимаемся, она исчезает,

Когда мы ложимся, она появляется.

*Посмотри! На ней корона из золота и цветов
вереска.*

Из «Оракулов падающих костей»

Киннитан очень скоро поняла, что обитель Уединения – это не здание и даже не несколько домов, а нечто большее. Это огороженный стеной город внутри необъятного дворца автарка. Храмы и дома, построенные из песчаника, были окружены ухоженными благоухающими садами. Помещения обители соединялись сотнями крытых переходов, дававших желанную тень. Можно было идти по этим переходам целый час, не опасаясь прямых лучей коварного солнца Ксанда. Целый город, где жили сотни жен автарка и армия прислуги: тысячи горничных, поваров, садовников, мелких чиновников.

Но ни одного мужчины.

Вернее, здесь не было мужчин в полном смысле слова. Но за высокими стенами обители проживали сотни таких, кто родился с признаками мужественности, но по той или иной причине не пожелал сохранить их.

Обитель Уединения занимала значительную часть бескрайнего дворца-сада, а сам дворец-сад составлял немалую часть Великого Ксиса, матери городов. Обитель Уединения превосходила размерами любую другую часть широко раскинувшегося древнего города, ранее известного как Дворец цветущего весеннего сада. Люди, служившие в огромном дворце, могли попасть в сады, обеденные залы и кухни. Лишь обитель Уединения, в которой жили жены автарка и избранные, а также службы, расположенные в ней, оставались недоступны.

Если считать обитель Уединения небольшим городом, то избранные были в нем священниками и правителями. Благодаря преданию о жертвоприношении Хаббили, сына Нушаша, кастраты в королевстве Ксис пользовались уважением – это был столь же верный способ попасть в коридоры власти, как и сан священника. Нужно отметить, что избранные управляли не только обителью Уединения, но и государственными службами во дворце. Отважные воины армии автарка мрачно шутили: настоящие мужчины во дворце не нужны, они требуются в другом месте, хотя именно туда путь им закрыт. Это было не совсем справедливо: многие обычные мужчины, сохранившие все мужские признаки, занимали высокое положение при дворе автарка – например, Пиннимон Вэщ, старший министр. Избранные обладали наибольшим влиянием, но не были всемогущими. Как и остальным, им приходилось бороться за внимание царя-бога

Сулеписа – в его руках сосредоточилась абсолютная власть, а его слова распространялись по свету, точно лучи солнца. В обители Уединения, где жили бесправные женщины, избранные не имели соперников. Лишь самые влиятельные жены автарка могли распоряжаться собой.

Избранные из обители Уединения – по какой-то давно забытой традиции или по менее достойной причине – тоже считали себя женщинами. Почти такими же, как те дамы, за кем они присматривали. Поэтому избранным были свойственны обычные женские слабости, зачастую доведенные до абсурда: крайняя возбудимость, романтичность, мстительность и непостоянство. Настоящие женщины, жены автарка и их служанки, постоянно плели интриги. Действовала сложнейшая система влияния на окружающих. В обители Уединения человек словно попадал в волшебную пещеру, где легко можно угодить в невидимую сеть или капкан. Так хитроумно охранялись красоты этого места.

Сначала Киннитан никак не могла понять, что ей следует делать, и в первые дни своего пребывания здесь очень скучала по прежней жизни в Улье. Жены и нареченные автарка – разницу в их положении трудно было определить, – естественно, считались важнее любой прислуги; но все же сотая жена (Киннитан стала, наверное, тысячной) неделями ожидала посещения Кузи – огромной толстой начальницы избранных обители Уединения. Ее иногда называли королевой избранных, но никто никогда не решился бы сказать ей это в

лицо. Из всех обитателей дворца-сада Кузи могла без колебаний противостоять только Аримона – старшая жена автарка, жестокая и красивая женщина, известная под именем Вечерней Звезды. Она приходилась автарку кузиной, а прежде была женой его старшего брата, которого Сулепис убил, чтобы расчистить себе путь к трону. Но Аримона появлялась в обители Уединения так же редко, как и сам автарк: у нее был собственный небольшой дворец в дальнем конце обширной резиденции, словно раковина внутри раковины. Никто, даже самые высокородные жены, не смел прийти к ней без приглашения. И никто не мог претендовать на роль королевы евнухов.

Киннитан казалось, что ей невероятно повезло: девушку взяла под крыло Луан, одна из любимых помощниц Кузи. Луан была моложе своей наставницы, но такая же крупная, и манеры ее походили на манеры Кузи. Уже через несколько дней после прибытия Киннитан Луан проявила к новой жене автарка неожиданный интерес и пригласила ее к себе на чай.

Киннитан подали обещанный напиток, а к нему фиго и несколько видов печенья. Девушку приняли в прохладной, закрытой от солнца комнате Луан. Повсюду были разбросаны подушки, женщины угощались и обменивались сплетнями, ходившими в обители Уединения. Но причину своего интереса Луан объяснила, лишь когда чаепитие было закончено.

– Ты ведь не узнала меня, верно? – спросила она.

Луан наклонилась, чтобы поцеловать руку Киннитан. Только теперь девушка обратила внимание на ее большие руки. Значит, раньше Луан была мужчиной! От удивления Киннитан не сразу поняла вопроса.

– Узнала? – переспросила она, когда до нее дошел смысл сказанного.

– Да, милая девочка. Не думаешь же ты, что мне интересна каждая юная королева, входящая в ворота обители Уединения? – Луан схватилась за грудь, словно ей стало трудно дышать. Зазвенели украшения. – О боги, в этом месяце прибыли еще две из Крейса. Это все равно что с луны! Странно, что они вообще умеют говорить на человеческом языке... Моя красавица, я пригласила именно тебя, потому что мы выросли в одних местах.

– За улицей Кошачьего Глаза?

– Да, дорогая! Я помню тебя в том возрасте, когда ты еще училась ходить. А ты меня забыла.

Киннитан покачала головой:

– Я... должна признаться, я не помню, избранная Луан.

– Просто Луан, милая. Это неудивительно. Я была тогда другой. Большой и неуклюжей. Видишь ли, до того как стать избранной, я хотела пойти в священники, но потом передумала. Однажды я пошла к твоему отцу за советом. Я часто гуляла между улицей Кошачьего Глаза и аллеей Пухового Плаща, произнося четыре сотни молитв Нушашу. По край-

ней мере, я пыталась...

Киннитан отвела в сторону руку Луан и встала.

– Дуд он! – воскликнула она. – Ты Дуд он! Я вспомнила! Избранная вяло махнула рукой.

– Ш-ш. Не произноси это имя. Я давно отказалась от него и ненавижу того жалкого несчастного человечка. Сейчас я намного красивее, не так ли?

Она улыбнулась, как бы подсмеиваясь над собой, но кроме самоиронии в вопросе слышалось что-то еще.

Киннитан снова посмотрела на сидящую перед ней Луан. Теперь, вспомнив Дудона, считать Луан женщиной было непросто. Киннитан внимательно взгляделась в крупные черты лица, заметила толстый слой пудры, посмотрела на большие руки, унизанные кольцами.

– Да, ты красива, – согласилась она.

– Естественно, – рассмеялась довольная Луан. – И ты получила свой первый урок. Все в обители Уединения красивы – и жены, и избранные. Даже если кто-то приставит тебе нож к горлу и потребует сказать, что выглядит не слишком хорошо, что под глазами появились небольшие морщинки, а кожа не такая розовая, как обычно, – все равно ты должна отвечать, что не знаешь никого прекраснее. Поняла?

– Но я ответила тебе искренне.

– И вот второй урок: говори искренне. О небеса, ты же умная девочка! Как жаль, что не мне придется наставлять тебя.

– А почему, Луан?

– Не знаю. Бесценный распорядился, чтобы тебя обучали священники Пангиссира. Но я буду за тобой присматривать. Если захочешь, сможешь часто приходить ко мне на чай.

– С удовольствием, Луан.

Киннитан никак не могла понять, чем заслужила подобное внимание к себе, однако не собиралась от него отказываться. Дружба с одной из избранных, особенно с влиятельной Луан, могла сильно облегчить пребывание здесь, предоставить новой жене лучших прислужниц, а также множество привилегий. В том числе и благосклонность самого автарка.

– Да. Я буду счастлива приходить к тебе, – ответила Киннитан и задержалась перед дверью. – Но как ты узнала, кто я? Ведь я была совсем ребенком, когда ты перебралась в обитель. Как ты меня узнала?

Луан улыбалась, устраиваясь поудобнее среди подушек.

– А это не я тебя узнала. Тебя узнал мой кузен.

– Кузен?

– Предводитель «леопардов». Очень красивый мужчина по имени Джеддин. – Избранная Луан вздохнула, выдавая свой чувства к прекрасному кузену. – Это он тебя узнал, – повторила она.

Киннитан вспомнила война с суровым лицом.

– Он... узнал меня? – удивилась она.

– А ты, как вижу, нет. Неудивительно, ведь он изменился почти так же, как и я. Может быть, ты вспомнишь, если я

назову его Джинном, а не Джеджином? Маленький Джин?

– Джин? – Киннитан прижала ладони ко рту. – Конечно, я помню его. Он почти мой ровесник. Вечно бегал за моими братьями и их друзьями. Но он был таким маленьким!

– Он подросток. – Луан довольно хихикнула. – И очень сильно.

– И он узнал меня?

– Он подумал, что это ты, но не был уверен, пока не увидел твоих родителей. Кстати, напиши матери, что ей будет позволено увидеть тебя в положенное время. И пусть не засыпает нас просительными письмами.

Киннитан почувствовала себя неловко.

– Обязательно напишу, избранная Лу... То есть Луан. Обещаю.

Она все еще не могла свыкнуться с мыслью, что мускулистый и сильный предводитель «леопардов» оказался маленьким Джинном – мальчишкой с хлюпавшим носом, которого ее братья не раз поколачивали, после чего тот с ревом убежал домой. Теперь Джин-Джеддин одной рукой скрутил бы в бараний рог любого из них.

– Я отняла у тебя слишком много времени, Луан, – сказала девушка. – Спасибо за твою доброту.

– Всегда рада тебя видеть, дорогая. Мы, девочки с улицы Кошачьего Глаза, должны держаться вместе.

– Какой красивый сад! – восхищенно воскликнула Дани. – И цветы так благоухают! Киннитан, ты живешь в чудесном

месте!

Девушки отошли от розовых кустов и направились к скамейке в центре дворика. Они находились в саду королевы Содан, самом большом в обители Уединения. Ограда была невысокой, поэтому Киннитан и выбрала этот сад.

– Я живу в опасном месте, – тихонько возразила подруге Киннитан, когда они сели на скамейку. – Я здесь уже два месяца и впервые разговариваю с человеком без опасения, что он захочет меня отравить, если я скажу что-то не так.

– Не может быть! – Дани открыла рот от удивления. Киннитан невольно рассмеялась.

– Может. Увы, может. Моя милая Даньяза, ты просто не знаешь. Скупость старших сестер Улья, их неприязнь к молоденьким и хорошеньким девушкам – все это мелочи. Здесь, если ты красива, тебя при любом удобном случае толкают, тебе кидают в еду всякую гадость. Если ты кому-то не нравишься и не имеешь сильного покровителя, тебя ожидает смерть. За время моего пребывания умерли уже пятеро. Каждый раз нам говорят, что они болели, но это ложь.

Дани бросила на Киннитан суровый взгляд.

– Ты меня дразнишь, Кин-я. Я не могу в такое поверить. Ведь здешних женщин выбрал сам автарк! Он не допустит, чтобы с ними что-то случилось, да будет благословенно его имя.

– Автарк очень редко заходит сюда, а нас во дворце-саду сотни. Боюсь, он помнит лишь нескольких. Многие невесты

выбраны по политическим соображениям – например, они из влиятельных семей в других странах. А некоторые так же, как я. Никто не знает, почему избрали именно нас.

– Зато мы знаем! – возразила Даньяза. – Потому что он тебя полюбил!

Киннитан фыркнула.

– Я же просила тебя не сочинять про меня историй, Дани. Он полюбил меня? Он даже не смотрел на меня, когда говорил с моими родителями. – Лицо Киннитан сделалось обиженным. – Они продали меня. Хотя, наверное, другого выхода не было.

– Продали автарку? Это не продажа, а высокая честь! – Лицо Дани как будто окаменело. – Тебе ничего не будет за такие слова? – шепотом спросила она.

– Поэтому я и привела тебя сюда. Здесь нет высоких стен и густых кустов: шпионам негде спрятаться, – ответила Киннитан. Она словно состарилась на десять лет с тех пор, как попала сюда, и теперь чувствовала себя старшей сестрой Дани. – Видишь того садовника – вон там, у павильона?

– Того, в мешковатом костюме?

– Только не говори при нем «он». Это Танисса, одна из избранных. Почти все они носят женские имена. Ее работа состоит в том, чтобы наблюдать за мной, хотя я не знаю, кто поручил ей это. Куда бы я ни пошла – она тут как тут. Для обычного садовника Танисса слишком свободно перемещается по обители Уединения. Вчера утром она даже явилась

в бани под предлогом, что у нее какое-то поручение к мальчику, греющему воду. – Киннитан с отвращением посмотрела на мускулистую садовницу. Та делала вид, будто рассматривает листья фруктового дерева. – Поговаривают, это она убила принцессу с острова Ака-рис, погибшую в прошлом месяце. Выбросила девушку из окна. Нам, естественно, сказали, что та сама упала.

– Кин-я, какой ужас! Киннитан пожала плечами.

– Так они живут. У меня здесь есть подруги – но не такие, конечно, как мы с тобой. Надеюсь, когда-нибудь появятся и настоящие друзья. Они необходимы, если хочешь остаться в живых, а не свалиться замертво, выпив чай перед сном.

Дани долго смотрела на нее, не говоря ни слова, хотя обычно не умела долго молчать.

– Ты очень изменилась, Киннитан, – наконец промолвила она. – Стала сильной. Как те девушки из бродячей труппы, что танцевали на площади Солнечного Пути.

Киннитан рассмеялась – может быть, немного резко. Ее рассердила наивность Дани. Счастливая, она еще могла позволить себе это!

– Ну что ж, может быть, ты права. Здесь все говорят друг другу любезности. Если не принимать во внимание редкие стычки, жизнь в целом мирная и приятная. Тебе нравится мое платье?

Она подняла руку, чтобы Дани могла полюбоваться плиссированным рукавом, изящным и прозрачным, как крыло

стрекозы.

– Красивое, – ответила подруга.

– Да, красивое. И, как я уже сказала, на первый взгляд жизнь здесь кажется мирной и уютной. Но если копнуть глубже, обитель Уединения похожа на яму со скорпионами.

– Не говори так, Кин-я. Ты пугаешь меня. – Дани взяла ее за руку. – Ты же королева! Это должно быть замечательно, даже если люди вокруг неприятные. А автарк? Какой он? Ты с ним... у вас?.. – Она покраснела.

Киннитан от удивления вытаращила глаза. Теперь она редко позволяла себе подобным образом открыто проявлять эмоции.

– Дани! Неужели ты не слушала меня? – спросила она. – Я же говорила: автарк почти не бывает здесь. Когда он хочет видеть кого-то из своих жен, ее отводят к нему во дворец. Правда, этот дворец – тоже его, но ты понимаешь, что я имею в виду. Он ни разу не говорил со мной с тех пор, как купил у родителей. Тем более не занимался со мной любовью! Да, если тебя интересуется, я по-прежнему девственница. Как ты, наверное, слышала от старших девушек, лишиться девственности можно, только если мужчина и женщина находятся в одной комнате.

– Кин-я! Ты не должна так говорить! – воскликнула Дани, то ли смущенная, то ли просто не желавшая разрушать свои романтические иллюзии. Помолчав немного, она снова спросила: – Но если он не влюблен в тебя и ты не принцесса

– ты ведь не принцесса? – тогда... Тогда зачем он на тебе женился?

– Прежде всего он пока на мне не женился, – сообщила Киннитан. – Так мне, по крайней мере, кажется. У меня уже были занятия со священниками. Они учили меня каким-то странным ритуалам. Возможно, это подготовка к свадебной церемонии. Некоторые здешние женщины проходили свадебную церемонию, а некоторые нет... Их взяли сюда, и все. А вот почему он выбрал меня... Знаешь, Дани, я и сама теряюсь в догадках. Думаю, никто в этом змеином гнезде не сможет объяснить мне.

– У меня для тебя большой сюрприз, дорогая, – объявила Луан, когда слегка запыхавшаяся Киннитан вошла к ней в комнату. – Ты должна нарядиться и подготовиться. У нас мало времени.

Луан щелкнула пальцами, и две молчаливые туанские девушки неслышно, словно тени, впопыхули в комнату.

– Но... Луан... Спасибо тебе. А что мы будем делать?..

– Мы отправляемся во дворец, сладкая. Кое-кто особенный хочет тебя видеть.

– Автарк? – Киннитан чуть не задохнулась.

– О нет! – рассмеялась Луан, воздев руки к небу. Девушка-туанка, которая при этом щипцами для завивки волос чуть не обожгла руку своей хозяйке, побледнела. – Если бы сам автарк возжелал тебя видеть, тебя готовили бы целую

неделю. Нет, мы отправляемся к моему кузену.

Киннитан не сразу поняла.

– К Джеддину? К «леопарду»?

– Да, моя драгоценная, нас пригласили к прекрасному Джеддину. Он хочет поговорить, вместе вспомнить детство. Я пойду с тобой в качестве компаньонки. Повезло же мне! Я обожаю этого молодого человека.

– Но... – замялась Киннитан. – Разве я могу встречаться с мужчинами?

Луан недовольно поморщилась.

– Он не простой мужчина – он предводитель «леопардов». Джеддина выбрал сам автарк, да благословят его боги. И с тобой буду я, дитя мое. Разве этого недостаточно, чтобы все выглядело пристойно?

Взгляд избранной метнулся на туанскую девушку-рабыню, и Киннитан задумалась, действительно ли подобные встречи являются обычным делом, как утверждает Луан.

Наконец обе были готовы. Избранная Луан в украшенной бахромой и стеклярусом одежде напоминала корабль на параде. Киннитан поверх платья набросила простенький плащ с капюшоном, почти такой же, какой она носила в Улье. Они отправились в путь.

Несмотря на тревогу, девушка была приятно взволнована: впервые за три месяца она выйдет за стены обители Уединения, усть и не дальше дворца-сада. Это был ее первый шанс увидеть кого-то еще, помимо Дани и матери (почти все вре-

мя, что они провели вместе, мать плакала от счастья и твердила о том, как повезло их семье). К тому же Джеддин станет первым настоящим мужчиной, которого Киннитан увидит после переселения в эту прекрасную благоухающую тюрьму с фонтанами и прохладными каменными переходами.

Избранные, охранявшие ворота обители Уединения, не носили женских одежд. Они были огромными и неуклюжими. Вооружение стражников состояло из церемониальных мечей с плоскими лезвиями – такими широкими, что онигодились бы в качестве чайных подносов. Они долго спорили шепотом, прежде чем выпустить Луан, Киннитан и двух молчаливых туанских служанок из ворот и позволить им пройти в большой дворец. Один из стражников направился за ними следом. Он замыкал процессию и напоминал огромную пастушью собаку, сопровождающую стадо овец. Почти час они шли через роскошные, совершенно безлюдные сады, по пустынным переходам и через дворики, украшенные так богато, словно их приготовили к приезду кого-то из членов королевской семьи.

Наконец они достигли маленького уютного двора с фонтаном. В глубине двора, там, где каменные плитки уступали место клумбам и песчаным дорожкам, Киннитан увидела огромный полосатый навес, способный вместить дюжину гостей. Под этим балдахином на горе подушек расположился мускулистый загорелый молодой человек, одетый в белые одежды, словно жених. При приближении Луан и Киннитан

он поднялся и на минуту заколебался, выбирая, кому отдать предпочтение. Потом опустился на колени перед девушкой.

– Госпожа, вы так добры, что пришли, – проговорил он, поднялся и повернулся к Луан. – Уважаемая кузина, вы оказываете мне большую честь.

Луан вытащила из кармана веер и раскрыла его со звуком щелкающего клюва.

– Всегда рада услужить, капитан.

Джеддин жестом пригласил гостей расположиться под навесом, потом отправил слугу за прохладительными напитками. После непродолжительного обмена любезностями с Луан, вопросов о ее здоровье и здоровье самых важных персон из обители Уединения он вновь обратился к Киннитан:

– Луан говорила, вы помните меня.

Киннитан покраснела: она помнила только, как другие мальчишки обижали и унижали его. Очень сложно было соединить эти воспоминания с сегодняшней встречей. Мускулы капитана «леопардов» двигались под кожей, как мышцы настоящего леопарда. Киннитан однажды наблюдала это животное в клетке на базарной площади Солнечного Пути. Это был самый опасный зверь, какого ей доводилось встретить в жизни. Но, несмотря на явственно осязаемую силу, на зубы и когти, наводившие ужас, тот леопард выглядел грустным и потерянным, как будто вместо толпы людей он видел вокруг родные тенистые леса – видел, но не мог туда попасть.

В глазах Джеддина Киннитан, как ей показалось, заме-

тила то же выражение, и оно удивило ее. Девушка решила, что придумывает небылицы, уподобляя красивого молодого мужчину плененному зверю.

– Да, капитан, я вас помню. Вы знали моих братьев.

– Верно.

Охотно, как обычно делают в таких случаях добившиеся высокого положения люди, Джеддин стал вспоминать давние дни на улице Кошачьего Глаза и описывать похождения юных сорванцов. Он и себя считал одним из них. Послушать его, так он был равным среди равных, а о бедах, что с ним приключались, он позабыл. Это звучало странно: так, словно Джеддин провел детство за расписной ширмой. Он придумывал собственную историю и вспоминал лишь то, что ему нравилось. Несколько раз Киннитан приходилось прикусывать себе язык – так сильно хотелось ей поправить рассказчика. Но что-то в самом Джедди-не и в его манере говорить не позволяло Киннитан выразить сомнение, что его слова соответствуют действительности. Это было бы так же отвратительно, как поведение ее братьев, когда они толкали его в спину и заставляли бежать, а он спотыкался и падал.

Но вот принесли напитки. Пока слуги разливали чай и раскладывали по тарелкам сласти, Киннитан смотрела на Луан. Та не сводила глаз с Джеддина. В ее глазах горела жадность – с таким выражением она обычно следила, чтобы ей в чашку не забыли положить ложечку розового желе. Удивительно было не то, что Луан считала Джеддина привлека-

тельным. Он действительно был красив: безупречное, как у статуи, тело, благородные черты лица, прямой нос, густые брови и удивительно яркие зеленые глаза. Изумляло другое: то, что Луан, давно вошедшая в зрелый, можно сказать, почтенный возраст и в свое время лишившая себя определенных органов, по-прежнему способна испытывать подобные чувства.

– Подумать только! – воскликнула Луан, прерывая тишину. – Через столько лет мы, соседи, снова встретились!

Теперь изумрудные глаза Джеддина обратились к Киннитан.

– Вы, должно быть, очень счастливы, госпожа. Из нас троих вы взлетели выше всех. Жена Бесценного! – Он опустил взгляд. – Беспрецедентная честь.

– Да, конечно, – ответила Киннитан.

«С таким же успехом я могла бы выйти замуж за подушку или сандалию», – чуть не вырвалось у нее.

Однако она сдержалась. Джеддин показался ей искренне верящим в автарка. По крайней мере, когда речь заходила о живом боге, в капитане отряда «леопардов» чувствовалось искреннее благоговение перед правителем.

– Я польщена его священным вниманием, – добавила Киннитан.

– Автарк благословлен... – Джеддин сделал паузу и, к удивлению Киннитан, покраснел.

– Он, наш автарк, благословлен самими небесами, осо-

бенно своим божественным отцом Нушашем, – неожиданно вклинилась в разговор Луан.

– Да, конечно. Восславим же Бесценного, – подхватил Джеддин.

Киннитан послушно повторила его слова, но никак не могла избавиться от ощущения, будто пропустила что-то очень важное.

– Нам пора идти, кузен, – сказала Луан и подала знак туанкам, чтобы те помогли ей встать.

Девушкам пришлось немало потрудиться, поднимая ее тяжелое тело, но они не отступили, как кочевники, устанавливающие переносное жилище на сильном ветру.

– Благодарю тебя за угощение и приятную компанию. – В голосе Луан прозвучала холодноватая нотка.

Джеддин тоже встал.

– Ну что ты, уважаемая кузина. Твой визит – большая честь для меня, – ответил он и поклонился сначала Луан, затем второй гостье. Он сделал это с изяществом, которое, впрочем, не удивило Киннитан: она полагала, что даже для солдата при дворе автарка умение ловко кланяться почти так же важно, как умение владеть мечом или оружием. – Жаль, что вы не можете погостить еще немного.

– Приличия не позволяют нам остаться дольше, – заявила Луан, уже направляясь к двери.

Служанки и Киннитан заспешили вслед за ней. Громадный стражник, ожидавший в коридоре, снова пристроился

позади, сонный и угрюмый.

– Я что-то сделала не так? – Киннитан решилась на этот вопрос после продолжительного молчания, когда они уже приближались к воротам обители Уединения.

Луан лишь махнула рукой, то ли из осторожности, то ли от раздражения.

Когда они отошли подальше от высоченных стражников и оказались за стенами обители, Луан наклонилась к ней и сказала хриплым шепотом, чтобы не слышали туанки:

~ Тебе нужно вести себя осторожнее. И Джедину тоже стоит быть поумнее.

– О чем вы? За что сердитесь на меня?

Луан нахмурилась. Краска на ее губах начала расплываться, смешиваясь с пудрой. Киннитан впервые обратила внимание, как неестественно, даже жутковато выглядит ее покровительница.

– Я вовсе не сержусь, – ответила Луан, – но хочу напомнить, что ты больше не безродная девчонка с аллеи Пухового Плаща. Тебе оказана высокая честь, но ты живешь в опасном мире.

– Я не понимаю.

– Не понимаешь? Ты не видишь того, что яснее ясного? Этот мужчина влюблен в тебя.

Киннитан поразили ее слова. Но она не могла не заметить: страдание, отразившееся на лице Луан, больше напоминало муки отвергнутой возлюбленной, чем заботу о подопечной.

16. БОЛЬШОЙ ПОЧТЕННЫЙ НОС

ПЛЫВУЩИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ

Веревка, узел, дорога.

Здесь, между горами,

Где застыли небеса.

Из «Оракулов падающих костей»

Коллум Дайер весь день пребывал в хорошем расположении духа. Он острил, шутил, рассказывал байки о жизни в Южном Пределе, и ему удалось вызвать пару слабых улыбок на губах Реймона Бека. Но когда они подъезжали к перекрестку, даже Коллум замолчал. Дайер был родом с востока, из местечка на границе с Бренлендом, и никогда раньше не видел старую дорогу в Северный Предел. Зато Феррас Вансен ездил по ней множество раз. Тем не менее, оказавшись здесь, он всегда испытывал беспокойство.

– О боги! – воскликнул Коллум. – Какая широкая! Три груженные повозки проедут по ней в один ряд.

– Она не намного шире Сеттлендской дороги, – возразил Феррас.

Ему вдруг захотелось защитить эту знакомую дорогу: она манила его в юности и она когда-то привела его в Южный Предел, к нынешней жизни.

~ Взгляните, капитан, – сказал один из пеших солдат, по-

казывая на широкую, пугающе пустую колею, исчезающую в тумане. – Почва тут понижается с обеих сторон, а дорога возвышается над ней.

– Так ее построили, – ответил ему Вансен, – потому что дальше к северу в зимние месяцы бывает очень сыро. Создали насыпь из камней и бревен, чтобы дорога была выше болота. В те времена люди поступали мудро. В старину повозки и всадники каждый день с утра до ночи передвигались по этому пути из Южного Предела в Северный и обратно. А вон там, за холмами, сюда сворачивает и Западная дорога.

Он показал направление, но холмов не было видно из-за густого тумана, который, словно белое одеяло, опустился на заросшие лесом окрестности. Казалось невероятным, что когда-то здесь кипела жизнь, ездили купцы, принцы со свитами и путешественники всех мастей. Сейчас местность лежала в абсолютном запустении.

В его голове мелькнула мысль – быстрая и пугающая, как летучая мышь:

«О молот Перина, как бы нас не накрыл туман! Не то мы в поисках каравана рискуем пересечь Границу Теней и попасть... в никуда».

Что их ждет тогда? За свою жизнь Вансен встречал лишь шестерых, осмеливавшихся утверждать, будто они вернулись с той стороны. Он не поверил ни одному из них. Единственный человек из их деревни, который на самом деле переходил Границу Теней и вернулся, никогда ничего не рас-

сказывал про это. По правде сказать, после возвращения он вообще не мог разговаривать и бродил вокруг деревни, словно бездомная собака, пока не умер от холода зимой. Ребенком Феррас видел этого человека и навсегда запомнил застывшее на его лице выражение ужаса: казалось, что случившееся с ним за Границей преследует его и здесь – каждый день, каждую минуту. Люди говорили о нем с сочувствием и жалостью, но когда сумасшедший старик умер, все вздохнули с облегчением.

Коллум вернул Вансена к реальности.

– И далеко тянется эта дорога? – спросил он. Феррас покачал головой.

– Замок Северного Предела находился в четырех-пяти днях пути отсюда. Так говорили старики в нашей деревне, хотя уже за сто лет до их рождения туда никто не ездил. Когда-то земли и города людей простирались намного дальше к северу.

Коллум Дайер прищелкнул языком:

– Клянусь сосками Мезии, теперь там ничего нет. Вансен глядел на широкую дорогу, разрезающую холмистую местность, – туда, где ее проглатывал туман.

– Это ты так считаешь, – сказал он. – Возможно. Но сейчас нам лучше сменить тему. Мне здесь не нравится.

Коллум покосился на Реймона Бека. Тот, едва удерживаясь в седле, смотрел на юг, и лицо его было бледным, как рыбе брюхо.

– И ему тоже, – заметил Дайер.

Сердце Ферраса Вансена сжала тоска, когда он проезжал по Сеттлендской дороге мимо городов и деревень Далер-Трота: Малого Стелла, Свечного города, Дейл-Хауса – резиденции герцога Рорика Лонгаррена, жениха молодой женщины, что путешествовала с караваном Реймона Бека. Вансен не появлялся в этих местах с тех времен, когда был зеленым новобранцем. Он не мог не думать о том, что скажут о нем в Большом Стелле, в таверне «Криди», когда он проедет мимо во главе отряда. Ведь он выполняет поручение самой принцессы-регента.

«Поручение, почти равное изгнанию», – подумал Феррас.

Особой радости от этих мыслей он не испытывал. Мать Ферраса умерла год назад, оборвав последние нити, связывавшие его с родной землей. Сестры перебрались в город к своим мужьям. Люди, которых он помнил, наверняка забыли его. Чему ему радоваться? Тому, что люди еще острее почувствуют, как тяжела их жизнь? А вот сынков из богатых фермерских семей, что смеялись над его плохонькой одежкой и над вуттским выговором отца, ему хотелось бы унижить. Но если те унаследовали земли родителей, то теперь, безусловно, они гораздо богаче капитана гвардейцев. Даже капитана королевских гвардейцев.

«Здесь не осталось ничего моего, – с некоторым удивлением подумал он. – Лишь могилы родителей, но до них надо

полдня скакать».

Начал накрапывать дождик, и среди набросивших капюшоны всадников Вансен не сразу отыскал Реймона Бека. Он подъехал к молодому купцу.

– Ты, кажется, говорил, что у тебя есть жена и дети, – обратился он к Беку. Тот кивнул с насупленным видом, как ребенок, готовый вот-вот расплакаться. – И как их зовут?

Молодой человек с подозрением посмотрел на него. Коллум Дайер уже не раз потешался над ним, поэтому Бек ожидал чего-то подобного и от Вансена.

– Дерла. Мою жену зовут Дерла. И у меня двое сыновей. – Он вдохнул и со свистом выдохнул воздух. – Маленький Реймон – старший. И Филтон. Он еще... еще в пленках...

Бек отвернулся.

– Я завидую тебе, – сказал Феррас.

– Завидуете? Я не видел их уже два месяца! А теперь...

– А теперь тебе придется подождать еще несколько недель. Я понимаю тебя. Мы послали им весточку, что с тобой все в порядке, что ты уехал по поручению королевской семьи.

– Недель? – Бек нервно рассмеялся. – Вы говорите глупости, капитан. Вы не видели того, что видел я. Они заберут вас всех, и меня в придачу. Я больше не увижу свою семью.

– Возможно. Возможно, боги жаждут нашей смерти. У них свои планы, свои расчеты, – Феррас пожал плечами. – Наверное, я боялся бы больше, если бы мне было что терять.

Я искренне надеюсь, что ты вернешься к жене и детям, Бек. Я постараюсь, чтобы так и было.

Молодой купец смотрел на шею своего коня. Вансен пригляделся к нему: приятное лицо, красивой формы нос, ясные глаза... Подбородок, пожалуй, маловат.

«Интересно, как выглядит его жена? – подумал Феррас. – Впрочем, это зависит и от процветания семьи, – решил он. – Благодаря богатым родственникам человек становится выше и красивее».

– А вы... женаты? – неожиданно спросил Бек.

– На королевской гвардии! – вдруг выкрикнул Коллум Дайер, ехавший чуть позади. – Удачный брак. Каждый раз в день получения жалованья гвардия дарит нам любовь!

Феррас фыркнул.

– Нет, не женат, – признался он. – И пока не собираюсь. Наверное, Коллум прав: я женат на королевской гвардии.

За годы жизни в замке ему попадались такие девушки, на ком он мог бы жениться. Например, дочь купца, что он встретил на базаре. Они понравились друг другу, даже несколько раз встречались, но она была помолвлена и собиралась выйти замуж по расчету за сына скорняка из Марринсвока, чьи родственники жили в Бренленде. Другие девушки оказывались либо слишком высокого, либо слишком низкого происхождения. Встречался он и с дочерью трактирщика: очень милая, но дважды вдова и на пять лет старше его. Еще он знал не слишком родовитую аристократку, к

которой охладел муж.

«Слишком высокое происхождение?.. – подумал он. – Нет, не слишком. Особенно по сравнению с тем, на что ты замахнулся теперь».

Он вдруг ясно увидел лицо Бриони, каким оно было во время прощания на плацу. Принцесса смотрела на него тогда не так, как обычно: казалось, она перестала ненавидеть его.

«Уже год, как я чувствую эту ужасную, мучительную боль. Нет более высокого устремления. И более глупого. Зачем мне теперь жениться? Только чтобы не жить в одиночестве? Но как другая женщина заинтересует меня, если я постоянно думаю только о принцессе? Ладно. Может быть, ее пожелание сбудется: боги ниспошлют мне благородную смерть, и все будут довольны».

Нет, все довольны не будут. Он это знал. Да и сам Феррас Вансен хотел жить – по возможности честно и счастливо. Он желал жениться на принцессе. Но такая мечта недостижима в этом мире, как, впрочем, и в любом другом, ему известном.

Они должны были встретиться возле покоев Мероланны в дальнем конце Волчьего зала – там почти всю южную стену занимал выцветший гобелен с изображением фамильного герба. Множество звезд и загадочный полумесяц были вытканы над изображением оскаленной волчьей пасти в память о прошлых поколениях Эддонов. Никто не знал, сколько времени провисел гобелен на этой стене.

Близнецы пообещали Мероланне явиться туда без пажей и стражников. Бриони с трудом удалось убедить Мойну и Розу остаться. Фрейлины опасались, что она идет на свидание с Даветом. Их сопротивление до того рассердило принцессу, что она не стала их разубеждать.

Баррик неспешно шел в лучах осеннего солнца, лившегося в окна. В неровном свете казалось, будто коридор заполнен водой, а ведро и щетка, забытые кем-то на широком столе перед маленьким жертвенником Зорин, напоминали остатки скарба с потонувшего корабля. Брат прижимал к телу ноющую руку. Заметив это, Бриони на миг представила, что они снова стали детьми и сбежали от учителей, чтобы порезвиться в коридорах замка.

Но в Баррике что-то изменилось. Видно было, что он чувствовал себя лучше. Принц уже не походил на умирающего, с трудом волочащего ноги, но не был и прежним Барриком Эддоном – высокомерным и несчастным, кого Бриони знала так же хорошо, как себя. Походка юноши стала упругой, незнакомой, а когда он подошел поближе, сестра увидела, как горят его глаза.

– Наконец хоть кто-то в нашей семье согласился с нами поговорить, – заявил Баррик.

Он не остановился, чтобы поцеловать Бриони, а прошел прямо к двери Мероланны. Словно не сестра, а он ждал ее.

– После отказа мачехи я начинаю думать, что они боятся заразиться от меня чумой, – бросил он на ходу.

– Анисса сказала только, что плохо себя чувствует, – возразила принцесса. – Все-таки она беременна.

– Ей внезапно стало плохо за час до нашего прихода? Возможно, так оно и есть... Возможно...

– Ты гоняешься за призраками.

Баррик посмотрел на сестру, и ей снова показалось, что у него продолжается лихорадка. Глаза принца блеснули, как глаза птицы, и выглядел он очень странно – так, словно в любой момент мог разлететься на куски.

– За призраками? Странное ты выбрала сравнение. – Он помолчал и словно взял себя в руки. – Но я хочу знать, почему мачеха не захотела с нами разговаривать.

– Мы дадим ей еще пару дней, а потом назначим встречу в приказном порядке.

Баррик приподнял брови.

– Мы можем себе это позволить?

– Мы должны все выяснить, – ответила Бриони и постучала в дверь покоев Мероланны.

Эйлис, самая молодая горничная, открыла дверь и на мгновение застыла – как мышка, которую застали на столе. Потом она сделала реверанс и заговорила:

– Она прилегла, ваши высочества, и попросила проводить вас к ней.

Несколько женщин в комнате, молодых и не очень, занимались рукоделием. Они встали и поклонились принцу и принцессе. Бриони каждой сказала несколько слов. Баррик

кивал и улыбался тем из них, что были молоды и хороши собой. Он вел себя нетерпеливо и как будто жалел, что пришел.

Служанка раздвинула полог, и Мероланна села в постели.

– Эйлис! Попроси, пожалуйста, дам удалиться. И ты тоже уходи. Я хочу поговорить с Барриком и Бриони наедине.

Бриони с облегчением отметила, что их пышнотелая тетушка не походит на больную, хотя выглядит постаревшей и усталой. Последнее время Мероланна не позволяла себе выходить на люди без косметики, и Бриони не могла точно определить, изменилась ли тетушка или следы прожитых лет раньше были скрыты с помощью женских хитростей. Опухшие глаза говорили о том, что герцогиня плакала.

– Ну вот, – сказала пожилая женщина, когда все ушли. – Не хочу, чтобы нас слышали посторонние. – Ее голос был необычно резким. Она помахала веером. – Есть вещи, не предназначенные для чужих ушей.

– Как вы себя чувствуете, тетушка? Мы волновались за вас. Мероланна постаралась улыбнуться Бриони.

– Хорошо, насколько это возможно, дорогая. Приятно, что ты об этом спросила. – Она повернулась к Баррику. – А ты, мой мальчик? Как ты себя чувствуешь?

Баррик самодовольно улыбнулся и ответил:

– Хватка Керниоса оказалась не такой крепкой, как об этом думают.

Мероланна побледнела и схватилась за грудь, словно боялась, что сердце вырвется наружу.

– Не говори так! Милосердная Зория! Не гневи богов. Особенно сейчас, когда они и так покарали нас слишком сильно.

Бриони рассердилась на брата: слишком уж он хвастливый. Но и реакция Мероланны ее озадачила – испуганный взгляд, дрожащие руки. А ведь до похорон Кендрика герцогиня была опорой семьи. Неужели силы покинули ее?

– И все-таки будьте откровенны, тетушка, – продолжила Бриони, взяв Мероланну за руку. – Мы так о вас беспокоились. Вы больны?

Та печально улыбнулась.

– Не в том смысле, о каком ты думаешь, дорогая. Не так, как был болен наш бедный Баррик.

– Я уже поправился, тетя, – сказал принц.

– Вижу. – Однако она смотрела на Баррика так, словно не совсем верила ему. – Нет, я просто... стала другой, так мне кажется. Неприятное ощущение. Меня оно испугало, и я подумала, что где-то сделала ошибку. Знаете, я подолгу разговаривала об этом с иерархом Сиселом. Он добрый, очень добрый. И прекрасный слушатель.

– Не с отцом Тимойдом? – удивилась Бриони. Странно... До сих пор Мероланна и семейный священник Эддонов были неразлучны.

– Он ужасно болтлив, – пояснила тетка.

– Раньше вас это не беспокоило.

Мероланна скользнула по племяннице отрешенным

взглядом, словно говорила с незнакомкой.

– Раньше не было причин беспокоиться об этом. Баррик вдруг громко рассмеялся.

– О чем вы говорите, тетушка? Неужели вы завели с кем-нибудь роман? Или готовитесь захватить трон?

– Баррик! – Бриони была готова ударить его. – Ты говоришь невозможные вещи!

Мероланна взглянула на него и покачала головой. Она казалась необычно отстраненной.

– Если бы ты сказал мне что-то подобное прежде, я погналась бы за тобой с палкой, мальчишка, – проговорила она. – Как ты можешь говорить со мной столь непозволительным образом? Я же была тебе вместо матери.

– Я пошутил! – Баррик сложил руки на груди и прислонился к пологу кровати с выражением обиды на лице. – Это просто шутка.

– Так в чем же дело, тетушка? – спросила Бриони. – Что-то происходит. Но что?

Мероланна обмахивалась веером.

– Я схожу с ума. В этом все дело, – сказала она.

– О чем вы? Такого не может быть! – воскликнула Брионии заметила, как Баррик весь подался вперед. От его угрюмости не осталось и следа.

– Принеси мне стакан вина. Вон из того кувшина. Только не добавляй много воды, – попросила Мероланна. Глотнув вина, она выпрямилась. – Идите сюда, садитесь на кровать.

Мне неприятно, что вы стоите и смотрите на меня сверху вниз. – Она похлопала ладонью по постели, приглашая их сесть. – Пожалуйста, сюда. А теперь слушайте. И не задавайте мне вопросов, пока я не закончу. Иначе я расплачусь и не смогу остановиться.

И вот наконец наступил божедень, а за ним и последень. Чет радовался отдыху, потому что у него болели кости и ломило в спине. Но были и другие причины, чтобы радоваться окончанию десятидневки, начавшейся с похорон принца. Тяжелая работа, скорбь – все это забрало немало сил. К тому же он сильно переволновался из-за исчезновения мальчика.

«Кто же он? – размышлял Чет. – И дело не только в его странностях. Кем он нам теперь приходится? Сыном? А вдруг какие-нибудь люди – например, его родители – придут и заберут его у нас?»

Он посмотрел на Опал, возившуюся с горшками у дальнего конца стола.

«Моя старушка не переживет, если потеряет мальчишку. И я тоже», – неожиданно для себя подумал он.

С ребенком в дом пришла жизнь. Жизнь, которой до сих пор им не хватало. Раньше Чет и не подозревал об этом.

– Кажется, черничное варенье не очень удалось, – сказала Опал, – хотя и обошлось мне в четыре монеты. Попробуй-ка.

Чет рассердился:

– Я что, собака? Варенье испортилось, а я должен его пробовать?!

– Вот старый дурак! – Опал тоже рассердилась. У нее это получилось лучше. – Разве я говорю, что оно испортилось? Я сказала, что оно не очень хорошо получилось. Поинтересовалась твоим мнением. В других случаях ты на него почему-то весьма скор.

– Ладно, ладно, давай попробую.

Он взял горшок, опустил в него кусок хлеба и поднес лопоту к носу. Пахло вареньем. В это мгновение в голове у Чета мелькнула странная мысль: если предания не врут и фандерлинги появились раньше больших людей, кто тогда выращивал овощи? Кто сотворил фрукты?

«Неужели повелитель Горячего Мокрого Камня создал нас, чтобы мы ели кротов и пещерных сверчков, понятия не имея о фруктах, тем более о черничном варенье?»

Если это не так, то откуда все это могло взяться? Разве у древних фандерлингов были фермы наверху? Странно думать о подобных вещах. Но еще нелепее представить себе мир без...

– Ну, как тебе варенье? – раздался голос Опал. Чет встряхнул головой.

– Что? – переспросил он.

– Все, забираю горшок обратно. Ты не в своем уме, старый. Совсем не обращаешь внимания на мои слова. Как тебе варенье?!

– А, варенье как варенье. – Он посмотрел вокруг. – А где мальчик?

– Играет перед домом. Ты бы не заметил, даже если бы он сбежал и утонул в Соляном пруду.

– Не сердись, Опал, – сказал Чет. – Я устал. Эта могила... Трудная работа.

Она забрала у него горшок.

– Прости, старик. Да, ты так много работаешь.

– Давай поцелуемся и не будем ссориться.

Опал пошла к своей подружке Агат, жене одного из двоюродных братьев Чета. По дороге она хотела убедиться, что Кремень во дворе и по-прежнему занят строительством крепости из мокрой земли и камешков. Чет налил себе пива и достал камень, взятый у Кремня. Целую неделю он рассматривал его, но камень по-прежнему казался загадочным: странный округленный кристалл не был похож ни на один из известных Чету. Чавена уже несколько дней не было дома: он объезжал с приезжим доктором окрестные города, пытаясь узнать, как далеко распространилась болезнь, чуть не убившая принца Баррика. Теперь Чет жалел, что не поговорил с врачом до отъезда. Камень появился с той стороны Границы Теней, и в нем не замечалось ничего необычного, но Чета он все равно как-то странно тревожил.

У фандерлинга было несколько камней, найденных у Границы Теней. Он хранил их дома. Эти камни никто не захотел купить, но Чету они казались интересными. Он оставил их у себя, хотя вовсе не собирался их изучать. Но этот...

«Можно отнести его в гильдию», – подумал Чет.

Впрочем, он не сомневался, что и там ничего не смогут определить. Наверное, Полевой Шпат сумел бы: он видел больше камней и разбирался в ремесле лучше всех остальных фандерлингов, вместе взятых. Но прах Полевого Шпата вернулся в землю три года назад. Сейчас в гильдии не было никого, кто знал бы о камнях больше самого Чета. По крайней мере, о камнях из-за Границы Теней.

– А когда ты пойдешь туда, где разговаривают и поют? – услышал Чет голос позади себя.

Он вздрогнул от неожиданности и пролил пиво. В дверях стоял Кремень. Руки у него так испачкались, будто на них надели черные перчатки. Чет быстро убрал странный камень в мешочек и затянул шнурок, словно в рассматривании кристалла было что-то предосудительное.

– Туда, где разговаривают и поют? – переспросил он и тут же вспомнил, как мальчик чувствовал себя в склепе. – Нет. Сегодня я не иду на работу. Если тебе не нравится туда ходить, ты можешь оставаться дома с Опал. Она будет рада...

– Но я хочу туда. Пошли сейчас. Чет покачал головой.

– Сегодня выходной, малыш. У всех бывает выходной каждый десятый день. Сегодня выходной у меня.

– Но мне нужно туда. – Мальчик не сердился и не огорчался, он лишь настаивал на своем. – Я хочу пойти туда, где ты работаешь.

Кремень то ли не мог, то ли не хотел объяснить свой

странный интерес к гробнице, и отговорить его не представлялось возможным. Чет подумал, что это может быть связано с кристаллом – ведь мальчик утверждал, что нашел камень во дворе храма, возле усыпальницы.

– Но я не могу работать сегодня, – убеждал его Чет. – Сегодня божедень, никто из каменщиков не придет. А звон кайла и зубила оскорбил бы слух тех, кто отдыхает.

«И на земле, и под землей», – невольно подумал он.

Работа в усыпальнице сделала его суеверным, хотя он по-прежнему считал, что не страдает от предрассудков, собственных большим людям. И все же он не станет жалеть, когда работы закончатся и он покинет это место.

– Тогда, может быть, просто сходишь со мной? – попросил Кремень. – Отведешь меня туда?

Чет изумился еще больше. Обычно мальчик был очень сдержанным, несмотря на то, что вел себя немного странно. Насколько Чет помнил, только раз Кремень попросил о чем-то. Никогда раньше ребенок ни на чем так не настаивал: с упрямством армии, осаждающей крепость.

– Ты хочешь, чтобы я отвел тебя в склеп? – спросил Чет. Мальчик отрицательно покачал головой:

– Нет, в храмовый двор. Кажется, так он называется? Куда-нибудь туда. Просто ходим.

Кремень сдвинул брови, словно пытался что-то вспомнить, и вытянул руку в сторону двери.

Чет чувствовал себя так, словно открыл дверь собствен-

ного дома, а попал в чужой. Он поднялся и направился за мальчиком на улицу.

– Мы не пойдем тропами фандерлингов, – заявил мальчик, как бы между прочим. – Я не хочу проходить мимо того места, где говорят и поют.

– Если ты имеешь в виду усыпальницу Эддонов, то туда не ведут никакие туннели. И близко не подходят.

Кремень взглянул на него с сочувствием.

– Это не важно, – сказал ребенок. – Мы пойдем по поверхности.

– Послушай, разве ты не понимаешь, что у меня болят ноги и спина? Я хочу присесть.

Чет едва поспевал за ребенком, а тот поминутно срывался на бег и возвращался обратно – словно собака, преследующая добычу. Чет удалось перевести дыхание только раз, у Вороновых ворот. Стражники уже привыкли к фандерлингу с приемным сыном, но вид парочки по-прежнему забавлял их. На этот раз Чет даже обрадовался, что пришлось задержаться, пока стражники упражнялись в остроумии на их счет.

В конце концов, когда они шли извилистыми дорожками внутреннего двора по направлению к храму и фамильной усыпальнице, Чет схватил мальчишку за рубашку, чтобы придержать его бег.

– Куда мы идем? – спросил ребенок.

– Туда, наверх.

– Они меня ждут. – Кремень показал на крышу одного из зданий.

– Ждут? Кто? – не сразу понял Чет. – Погоди, тебя ждут там? На крыше? Но я не могу туда забраться. И ты не можешь. Нам нечего там делать.

– Они меня ждут. – Кремень повторил спокойно, но настойчиво.

– Кто?

– Древний народец.

– Нет-нет, определенно нет. Не знаю, почему ты решил...

Чету не удалось закончить предложение. Он допустил ошибку, отпустив рубашку Кремня, и мальчишка стрелой понесся через двор храма.

– Вернись! – крикнул Чет.

Но это было совершенно бесполезно.

– Я никогда в жизни не бил детей... – проворчал Чет. Впрочем, он тут же замолчал: в рот посыпались каменная пыль, штукатурка и кусочки высохшего мха. Они летели из-под его руки, вцепившейся в стену.

«Начнем с того, что у тебя никогда не было ребенка, чтобы его бить, – горько напомнил он себе. Спина совсем разболелась, а руки ныли так, словно он целое утро махал кайлом, чего на самом деле Чет не делал очень давно. – И уж точно тебе не придется никого бить, если ты свалишься и переломашь кости. Лучше следи за тем, что делаешь».

Чет был рассержен и потрясен случившимся. Он и не подозревал, что маленький мальчик может смотреть так, что невольно придется ему подчиниться. Кремень был странным ребенком, он прятал какие-то тайные мысли, но еще никогда это не беспокоило Чета так, как сейчас.

Фандерлинг глянул вниз и сильно пожалел об этом. Ему давно не приходилось работать на лесах. К тому же, когда он смотрел вниз, а над головой нависал потолок Города фандерлингов, все выглядело по-другому. Но карабкаться под открытым небом по наружной стене здания, даже имея хорошие точки опоры, – совсем другое дело. Голова его сильно кружилась.

Чет с содроганием огляделся, уверенный, что кто-нибудь из стражников заметил нарушителя на стене королевской резиденции и уже натягивает тетиву, намереваясь проткнуть его стрелой, как белку. Пока никого не было видно, только надолго ли?..

– Я никогда не бил детей, но на этот раз...

Однако когда он наконец забрался наверх, сил хватило лишь на то, чтобы затащить свое тело на черепичную крышу, задыхаясь и дрожа. Чет с трудом сел, осмотрелся и совсем недалеко от себя увидел Кремня. Мальчик устроился у гребня крыши, прижавшись спиной к большой трубе. Он спокойно и терпеливо ждал. Но не своего приемного отца. На Чета он даже не глянул. Фандерлинг стер пот с лица и начал осторожно продвигаться вверх по замшелой крыше,

проклиная все вокруг. Он терпеть не мог высоту. Да и дети не очень-то ему нравились. Чего ради ему понадобилось лезть на крышу замка Южного Предела, зачем он преследует безумного мальчишку?

Когда он дополз до трубы, ноги его так тряслись, что пришлось вцепиться в кирпичи и вытянуться на крыше, чтобы унять судороги.

Кремень взглянул на Чета холодно, словно тот был не более чем частью окрестного пейзажа.

– Я очень сердит на тебя, – проворчал фандерлинг.

Он осмотрелся, желая убедиться, что их не видно из верхних окон резиденции. Мальчик выбрал участок крыши, который прикрывали высокие здания без окон. Они превращали это место в подобие ущелья – ничего не было видно ни с одной из ближайших башен. Даже верхняя часть громадного Волчьего Клыка почти полностью скрылась за нависавшими крышами соседних домов.

Однако Чет все равно говорил шепотом:

– Ты слышал меня? Я сержусь на тебя!

Кремень повернулся к нему и приложил палец к губам.

– Ш-ш-ш.

Чет не успел окончательно разгневаться: его внимание привлекло какое-то движение на гребне крыши. Он с изумлением уставился на появившегося там человечка. Сначала он решил, будто крошечная фигурка стоит где-то очень далеко на верхней части одной из башен, а саму башню

им с Кремнем просто не видно. Как еще объяснить столь странное явление? Но когда человечек с удивительной ловкостью и быстротой начал спускаться к ним по росшему между плитками мху, стало очевидно, что он ростом с палец. Фандерлинг со свистом вздохнул, и крошечное существо замерло.

– Это Чет, – объяснил человечку Кремень. – Он пришел со мной. Я живу в его доме.

Удивительное создание продолжило спуск еще быстрее прежнего, скользя от одного пучка травы к другому, и вскоре оказалось возле Кремня. Человечек остановился возле мальчика. Он поглядывал на Чета с некоторой долей подозрения – насколько можно было различить выражение его маленького, размером с пуговицу, личика.

– Ты молвил нам, что будешь с нами добр, поверю на слово, – сказал он голосом тоненьким, как у флейты или певчей птички, но Чет понял каждое его слово.

– Крышевик... – выдохнул фандерлинг. Невероятно. Перед ним появился человечек из старинных историй – ростом не выше сверчка, живой и говорящий. А Чет был уверен, что крышевиков выдумали мамы и бабушки фандерлингов или что эти существа умерли так давно, словно никогда не существовали.

– Гром и молния! – воскликнул он. – Где ты его нашел?

– Нашел меня? – спросил маленький человечек и шагнул навстречу Чету, упираясь в бока сжатыми кулачками. – Зна-

чит, по-вашему, лучник Жуколов – детская игрушка, которую можно подобрать и опять выбросить? Он победил меня в честном бою, вот как все было.

Чет смутился и покачал головой, но Жуколов уже не обращал на него внимания. Он достал из кармана своей курточки крошечную серебряную вещицу и поднес ее к губам. Если этот предмет и издавал какие-то звуки, то они были либо слишком тихими, либо чересчур высокими, и Чет их не слышал. Через минуту из-за гребня крыши появилась целая группа маленьких фигурок. Они двигались так быстро и бесшумно, будто по черепице в сторону фандерлинга скользил небольшой ковер.

Их было дюжины две-три – настоящая делегация крышевиков или что-то в этом роде. Впереди верхом на серых мышках ехали рыцари с длинными копьями в руках. На них были доспехи из ореховой скорлупы, а на головах вместо шлемов красовались разрисованные птичьи черепа. Всадники остановились и недовольно смотрели на Чета в прорези над длинными клювами.

Остальные следовали пешком, но выглядели не менее выразительно. Одежда на них была темных тонов и сшита из слишком толстой ткани. Она не могла спадать красивыми складками, как у фандерлингов или больших людей, но ее сделали очень тщательно, со сложной отделкой. И женщины и мужчины выглядели торжественно. Вероятно, они надели свои лучшие наряды.

«И все они пришли сюда, чтобы встретиться с Кремнем?!» – в полном недоумении подумал Чет.

Когда крошечные человечки выстроились полукругом позади мышиных наездников, чудеса не закончились. Тот крышевик, что назвался Жуколовом, снова поднес к губам серебряную трубочку и дунул в нее. Тогда на гребне крыши появилось нечто еще более удивительное: маленький толстый человечек ростом не выше большого пальца Чета, оседлавший черного дрозда. Птица прыжками приближалась к остальным крышевикам. Ее крылья были перехвачены ремнями, удерживавшими что-то вроде ящичка, на котором крепилось седло. Человечек в седле яростно натягивал поводья, пытаясь направить птицу в нужную сторону, но у него ничего не получалось: дрозд скакал туда, куда хотел.

«Надо постараться это запомнить на случай, если мне предложат прокатиться на черном дрозде», – подумал Чет.

Его развлекла не столько собственная шутка, сколько то, что он способен шутить в сложившихся обстоятельствах. Все напоминало сон.

Когда дрозд остановился у самой линии мышиных наездников, сидевший на спине птицы уже наполовину свисал с седла. Он неистово замахал руками крышевикам, собиравшимся прийти ему на помощь. Он выпрямился, а затем с удивительным для его комплекции проворством выбрался из седла. Даже его наряд – мантия с меховым воротником и блестящая цепь на груди – ему не помешал. Он ступил на че-

репицу, и все крышевики склонились в поклоне, словно его подданные. Поглядывая на Кремня и Чета, человек подошел к ним поближе, но все же остался за линией мышиных наездников.

– Он король? – спросил Чет. Кремень не ответил.

Крышевики во все глаза смотрели на крошечного толстяка, а тот наклонил голову и чихнул. Потом выпрямился, нахмурился и снова чихнул. Да так громко, что даже Чет услышал слабый свист. Толстяк еще больше рассердился, повернулся и очень тоненьким голоском что-то произнес. Чет не понял ни слова, зато крышевики слушали своего главу с огромным вниманием. Они отодвинулись назад и со страхом смотрели на Чета и Кремня, словно у тех неожиданно выросли клыки и когти.

– Что он сказал? – спросил Чет, захваченный происходившим.

Жуколов сделал шаг вперед и поклонился, бледный, но исполненный решимости.

– Прошу прощения, Большой Почтенный Нос не очень хорошо говорит на языке больших людей – хуже, чем мы, разведчики желобов. – Он важно поклонился. – Еще раз прошу низжайше простить меня, но вы не можете увидеть королеву. Один из вас очень дурно пахнет.

– Это случилось давным-давно, – рассказывала Мероланна. – Когда я впервые приехала сюда, чтобы выйти замуж за

вашего двоюродного прадеда Дамана. Вы его не помните: он умер до того, как вы родились.

– В Длинном зале есть его портрет, – подхватила Бриони. – Он там такой... серьезный.

– Я же просила не перебивать меня. Мне очень трудно. Да, все верно, именно так он и выглядел. Он был серьезным и достойным уважения, но никогда не был добрым. По крайней мере, не таким добрым, как твой отец. Или как брат Дамана – старый король, особенно когда выпивал или пребывал в хорошем настроении. – Она вздохнула. – Только поймите меня правильно, дети. Ваш двоюродный дедушка не был жестоким, и я по-своему любила его. Но в первый год, оторванная от родной семьи, в чужой стране, где говорят на чужом языке, с мужем в два раза старше меня, я ощущала себя очень несчастной, запуганной и одинокой. Потом Даман пошел на войну.

Баррик с большим трудом удерживал себя на месте. Сегодня его переполняли новые мысли и силы. Ему хотелось что-то делать, чтобы наверстать упущенное во время болезни время, а не сидеть здесь и слушать тетушкины рассказы. Слова герцогини о безумии насторожили его. Принц решил, что она собирается рассказать о таких же видениях, что мучают и его. Но вместо этого она вспоминает какие-то древние истории. Он хотел встать и уйти, но краем глаза заметил, что Бриони напряглась, и решил пока остаться. В последнее время их отношения изменились: мысль о том, чтобы спо-

ритель с упрямой сестрой, казалась ему невозможной.

– Если это можно было назвать войной, – продолжала Мероланна. – Один из морских вельмож Перикала – отвратительный человек, не помню его имени, – совершал набеги на западное побережье. Король Остин попросил своего брата оказать помощь королю Сеттленда. Даман уехал, а я осталась в полном одиночестве и вынуждена была проводить день за днем в хмуром чужом замке, среди темных камней и навещающих ужас портретов. Но это не извиняет меня, как я уже говорила иерарху Сиселу. Вскоре... Через несколько месяцев я стала проводить много времени в обществе одного молодого придворного. Только он навещал меня, только он не относился ко мне как к чужой. Остальные считали, что раз я плохо говорю на их языке, то нечего ждать от меня умных слов. К тому же я слишком далека от двора, чтобы знать интересные сплетни. Тот молодой человек был единственным, кто восхищался мною – такой, какая я есть. И я влюбилась в него. – Герцогиня села поудобнее, по-прежнему глядя в потолок, и перестала махать веером. – Мало того. Я отдалась ему. Изменила своему мужу.

Баррик не сразу сообразил, о чем говорит тетка, а когда сообразил, почувствовал отвращение. Одно дело – знать, что немолодые люди в какие-то моменты своей жизни тоже испытывали вожделение; совсем другое – когда тебе рассказывают об этом, и волей-неволей приходится все себе представлять. Но прежде чем принц успел открыть рот, Бриони

крепко стиснула его руку.

– Но вы же были одна в чужой стране, тетя, – очень мягко произнесла Бриони. – К тому же это случилось очень давно.

Баррик заметил, что сестра потрясена не меньше его.

– Нет, дело не в этом, – возразила Мероланна. – Тебе представляется странным, что женщина моего возраста еще помнит о таком? Когда-нибудь ты поймешь. Мне до сих пор кажется, что это произошло вчера.

Она посмотрела на Баррика, потом на Бриони. Что-то в выражении ее лица – потерянном, печальном, но одновременно вызывающем – заставило Баррика переменить отношение к ее словам.

– Или даже сегодня, – добавила она.

– Я не понимаю, – сказала Бриони. – Как звали того человека, тетушка? Вашего... любовника?

– Это не имеет значения. Он умер еще раньше, чем Даман. Все они умерли. – Мероланна печально покачала головой. – Во всяком случае, когда Даман вернулся домой, история уже закончилась. Остался только стыд. И ребенок.

– Ребенок? – изумилась Бриони. Пожилая женщина приложила платок к глазам.

– Да. Думаешь, мне повезло, и мой единственный проступок прошел безнаказанно? Ничего подобного! Я ждала ребенка. Сначала я надеялась, что смогу выдать его за ребенка мужа, потому что Даман должен был вот-вот приехать. Но его задержали непогода и распри между командирами, и он

вернулся лишь через год. Сестры Зории помогли мне, да будут добры к ним боги. Они спасли меня: забрали к себе в храм в Хелмингси на последних месяцах беременности. В замке думали, будто я уехала домой в Фейл, ожидать возвращения мужа. Видишь, милая, как случается. Обман ведет к обману. Разве ты могла предположить, что твоя тетя – недостойная женщина? – Она рассмеялась. Баррику ее смех показался надломленным и режущим слух. – А потом... потом родился мой ребенок.

Мероланна помолчала, чтобы перевести дыхание и успокоиться.

– Естественно, я не могла оставить дитя у себя. Сестры Зории нашли женщину, которая согласилась его воспитывать. За это я должна была взять ее с собой в Южный Предел и поселить на ферме в горах, недалеко от города. Теперь ее уже нет в живых, но тогда мне каждый год приходилось продавать какой-нибудь из подарков мужа, чтобы платить ей. Даже после того, как ребенка забрали.

– Забрали? – Баррик снова заинтересовался. – Кто забрал?

– Я так никогда и не узнала этого. – Мероланна вновь приложила платок к глазам. – Иногда я навещала моего мальчика. Он был очень хорошенький, такой светленький! Но я не могла ходить к нему слишком часто: люди заметили бы. Человеческое любопытство вездесуще. Ведь моим мужем был брат короля. Поэтому, когда та женщина сказала, что ребенка похитили, я сначала не поверила. Думала, что жадность

заставила ее спрятать сына, а потом шантажировать меня, если я не стану платить больше. Но вскоре я поняла, что она и сама очень переживает. Она была проста и суеверна, поэтому винила в пропаже сумеречное племя. «Его забрали феи!» – говорила она. Тогда ему исполнилось чуть больше двух лет. О боги! Подумать только. Минуло пятьдесят лет, а мне кажется, все случилось вчера! Графиня замолчала и вытерла лицо платком.

– Но ведь прошло столько времени. Почему это так терзает вас сейчас, тетушка? – спросила Бриони. – Конечно, история ужасная и печальная, но давняя. А вы даже заболели из-за нее!

– Такая боль не проходит, детка. Хотя... Ты права, моему сердцу есть отчего болеть. Милосердная Зория! Я недавно видела моего мальчика. На похоронах Кендрика. Я видела своего ребенка!

Баррик не мог отвести глаз от Бриони. Он чувствовал себя неловко, его мутило. Признания тетки еще больше запутывали их и без того сложную жизнь.

– Тени, – сказал он, пытаясь отгадать, какие сны приходили к Мероланне. – Замок полон ими.

– Вы хотите сказать, что встретили вашего взрослого сына? – спросила принцесса. – Так, тетушка? Но ведь никто и не говорил, что он умер.

– Нет, Бриони, я встретила ребенка. Но не совсем того, каким я видела его в последний раз. Он подросток. Правда, нена-

много – на несколько лет.

Мероланна заплакала.

Баррик заворчал и снова посмотрел на сестру, ожидая от нее помощи, но та присела на кровать и обняла Мероланну.

– Тетя... – начала Бриони.

– Нет. – Мероланна пыталась побороть рыдания, готовые вырваться наружу. – Я, конечно, стара и, возможно, не в своем уме, но я не идиотка. То, что я видела – призрак, привидение или оживший кошмар, – было моим сыном. Мальчиком, которого я родила!

– Ох, тетушка.

К огромному огорчению Баррика, Бриони тоже разрыдалась.

В растерянности принц пошел и налил Мероланне еще немного вина, а потом встал со стаканом у кровати в ожидании, когда слезы иссякнут.

17. ЧЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

ЧЕРЕП

*Насвистывает, он насвистывает
Песнь ветра и грядущих времен,
Поэму пепла и жарких камней.
Из «Оракулов падающих костей»*

Большой Почтенный Нос был выше и полнее своих приятелей крышевиков, но все равно не больше пальца Чета. По его мнению, от чужаков пахло злобой, а значит, встреча с королевой невозможна. Чет не знал, радоваться ему или огорчаться. Если честно, он вообще ничего не понимал. Сегодня утром, поднявшись с постели, он и помыслить не мог, что днем окажется на крыше замка в компании людей ростом меньше полевой мыши.

Услышав слова Носа, большинство крышевиков в испуге отшатнулись от огромных гостей. Кремень, как всегда, спокойно наблюдал за происходящим, никак не выражая своих мыслей и чувств. Один Жуколов напряженно думал, отчего на его крошечном лобике появились морщины.

– Минутку, господа, прошу прощения! – неожиданно сказал он.

Со всех ног он бросился к Большому Почтенному Носу и начал скороговоркой что-то объяснять ему тонким голосом

на их языке. Нос ответил. Жуколов заговорил снова. Собравшиеся с восторгом внимали обоим и иногда издавали звуки, похожие на щебетание птенцов и, видимо, означавшие удивление.

Жуколов и Нос обменивались своими трелями, а Чет начал сомневаться, не сошел ли он с ума, не происходит ли все это в его воображении. Он дотронулся рукой до глиняной черепицы и постучал по ней, пощупал мох, проросший между плитками. Вроде бы настоящие. Интересно, как поступила бы на его месте Опал? Сложила бы всех маленьких существ в корзину, отнесла домой, а потом кормила хлебными крошками? Или разогнала бы метлой?

«Ох, моя милая старушка, сколько же хлопот принес нам этот бездомный мальчишка!»

Наконец Жуколов развернулся и направился обратно к Чету.

– Еще раз взываю к вашему благоразумию, господа. Большой Почтенный Нос говорит, что вы можете встретиться с королевой, если наши лучники будут находиться у вас на плечах. Эта мысль пришла в голову мне. Прошу простить, если мы недостаточно обходительны.

Жуколов мял в руках свою шляпу и явно чувствовал себя неловко.

– Что? – воскликнул Чет. Он взглянул на Кремня и снова перевел глаза на человечка. – Вы намерены посадить своих людей с луками и стрелами нам на плечи? Значит, они смо-

гут выстрелить нам в глаза, когда им заблагорассудится?

– Лишь на такие условия согласен Большой Почтенный Нос, – ответил Жуколов. – Я могу поручиться только за мальчика, а вас я совсем не знаю.

– Но вы же слышали. Он сказал, что живет у нас, что я... его приемный отец.

Несмотря на охвативший его гнев, Чет у забавно было участвовать в этой истории: он всерьез спорил со странным карликом, будто с обычным человеком. Но тут ему пришла в голову неприятная мысль: а вдруг у больших людей возникают те же чувства по отношению к нему, фандерлингу? Что, если общаясь с ним, они проявляют снисхождение? Ему сразу стало неловко, фандерлингам не пристало судить о людях по росту.

– И это все, что они собираются делать? – поинтересовался он. – Просто сидеть на наших плечах, чтобы мы не нанесли вреда королеве?

Чет почувствовал, что беспокоится о Кремне не меньше, чем о себе самом.

«Гром и молния! Я превращаюсь в настоящего отца, хочу я того или нет».

– А если один из нас закашляет? – продолжал он. – Споткнется? Мне вовсе не хочется получить стрелу в глаз, даже самую маленькую, только потому, что я сделаю неверный шаг или у меня запершит в горле.

Толстый крышевик произнес что-то своим пронзитель-

НЫМ ГОЛОСКОМ.

– Тогда Почтенный Нос имеет честь предложить связать вам руки и ноги, – смущенно перевел Жуколов. – На это потребуется время, но мы не будем беспокоиться за свою безопасность.

– Не годится, – сердито возразил Чет. – Не могу согласиться, чтобы мне связали руки и ноги на скользкой крыше.

Он обернулся к Кремню. Тот смотрел на него спокойно, но Чет почувствовал в его взгляде укор: сунулся не в свое дело, а теперь мешает всем.

«Что ж, наверное, я здесь лишний. Но разве мог я позволить мальчику лезть на высокую крышу неизвестно зачем? Какой я тогда ему защитник?»

Теперь надо как-то выходить из положения.

– Хорошо, – отважился Чет. – Пусть ваши лучники лезут на меня, словно белки на дерево. Разрешаю. Я буду двигаться очень медленно. И мальчик тоже. Слышишь, Кремень? Медленно. Но скажите своим людям: если они выстрелят без причины, им придется иметь дело с разъяренным великаном.

Он вдруг сообразил, что для маленьких людей он и есть огромный свирепый великан. Чет-великан. Великан-людоед.

«При желании я мог бы схватить их всех одной рукой и сожрать, совсем как Брамбинаг Каменный Башмак из старинных историй».

Он не стал делиться этими мыслями с крышевиками и си-

дел неподвижно, пока две мыши с всадниками на спине залезали по рукаву ему на плечи. Острые коготки щекотали кожу, и Чет с трудом подавил желание взять мышей пальцами и поставить их себе на плечи – он понимал, что подобное действие будет воспринято как нападение. На лицах крошечных человечков под птичьими шлемами читался страх, но они были полны решимости выполнить свой долг. Чет не сомневался, что их стрелы и копья наточены остро.

– А для чего это? – спросил он стражников, когда они разместились у него на плечах. – Послушай, Кремень, ты же так и не сказал мне, зачем мы сюда пришли и как ты познакомился с крышевиками. Что происходит?

Мальчик пожал плечами.

– Они хотят, чтобы я встретился с королевой.

– Ты? Но почему ты? Кремень снова пожал плечами.

«Говорить с ним – все равно что пытаться разбить гранит куском мягкого хлеба», – подумал Чет.

Мальчик по-прежнему молчал как рыба.

Чета отвлек шум в толпе крышевиков-придворных в домотканых одеждах, богато украшенных крыльями бабочек, осколками стекла и птичьими перышками – похоже, они выщипали их из грудок колибри. Человечки с волнением повернулись к гребню крыши. Чет затаил дыхание.

Как и Большой Почтенный Нос, королева явилась верхом на птице. То ли ее птицу лучше выдрессировали, то ли хитрые приспособления удалось замаскировать, но на теле бе-

лого голубя не было видно ни ремешков, ни седла. Крошечная фигурка с темно-рыжими волосами, одетая в серо-коричневое платье с богатым шитьем, не раскачивалась в крытом сиденье, как Нос, а грациозно восседала между крыльями птицы, поджав ножки и держа в руках поводья не толще паутинки.

Голубь остановился. Все придворные и стражники опустились на колени, включая и тех, что стояли на плечах у Кремня и Чета. Одно из копий коснулось щеки фандерлинга, и он мгновенно убедился в его остроте. Возможно, это было предупреждением. Даже Почтенный Нос пал ниц. Первым поднял голову Жуколов.

– Ее совершенное и незабвенное величество королева Башенная Летучая Мышь, – провозгласил он.

По мнению Чета, королева была не столько красивой, сколько просто милой дамой с приятным широкоскулым лицом. Ее глаза смотрели на него без тени страха. Чет невольно склонил голову перед королевой.

– Ваше величество, – сказал он, больше не удивляясь необычности происходящего. – Меня зовут Чет Голубой Кварц, а это мой подопечный Кремень.

– Ребенка мы уже знаем. – Она говорила медленно. Ее речь, хотя и слегка старомодная, на языке Пределов звучала гораздо яснее, чем у Жуколова. – Мы рады видеть вас обоих.

Нос с огромным трудом поднялся с колен и сделал шаг вперед, что-то бормоча.

– Наш советник говорит, что от вас исходит нехороший запах, – пояснила королева. – Я его не ощущаю, но советник всегда был нашим доверенным лицом. Он шестой в роду Ближайших к Сыру, и нос его чрезвычайно чувствителен. Но мы не заметили ничего плохого в мальчике, хотя и подозреваем, что ребенок непрост и в нем многое сокрыто. Верно, Чет Голубой Кварц? В самом ли деле в нем нет зла?

– Насколько мне известно, нет, ваше величество. Я не знал о существовании вашего народа до сегодняшнего дня. И совершенно точно не желаю вам зла.

Чет понял, что крошечный рост королевы не имел для нее никакого значения. Он был этим очень удивлен, и ему захотелось сказать ей что-нибудь приятное. Наверное, Опал плюнула бы с досады, узнай она об этом.

– Откровенно сказано, – ответила королева Башенная Летучая Мышь и махнула рукой. Тотчас два солдата кинулись к ней, чтобы помочь слезть с голубя. Она осмотрела глухие каменные стены вокруг. – Место для встречи выбрано прекрасное. Ни мы, ни наши предки уже давно им не пользовались.

– Вы должны нас простить, Чет Голубой Кварц, но для нас очень непривычно разговаривать с великанами, хотя мы и подготовились на случай, если такой день настанет.

– Вы прекрасно говорите на нашем языке, ваше величество. Чет бросил взгляд на Кремня. Тот безразлично слушал их беседу, совсем не интересную ему, как любой разговор

взрослых. Зачем же крышевики пригласили мальчика? Что им от него нужно?

Королева улыбнулась Чету и кивнула.

– Наш народ существует в тени вашего, – проговорила она. – Мы часто живем под вашими столами и в ваших буфетах, однако целые поколения наших народов не общались между собой. Теперь этого требует время, мы в этом уверены.

– Я не совсем понимаю, ваше величество. Время требует чего?

– Требует, чтобы наши народы вступили в контакт. Мы, живущие наверху, боимся не только за себя. Те, кого мы всегда считали спящими – мы слишком многое знаем, чтобы думать о них как о мертвых, – просыпаются. Те, от кого нам удалось благополучно спастись в давние времена, снова тянутся к нам. И бояться их должны не только Сни'сни'сник-сунах.

Последнее слово звучало так странно, что больше напоминало щебетание белки или пересмешника.

– Не только – кто? – переспросил Чет.

– Мой народ. Крышевики, на вашем языке, – сказала королева. – Вы должны решать, что делать дальше. Мальчик встретил Жуколова, и мы считаем, что это знак богов. Прошло достаточно времени с тех пор, как великаны увидели нас без нашего на то желания. Мы не можем не признать, что пришла пора действовать сообща. Возможно, вы не захоти-

те нас слушать, и тогда нам снова придется прятаться. Но не исключено, что вы проявите понимание. Нас это не спасет, но, по крайней мере, мы начнем действовать.

– Простите, я вас совсем не понимаю, – ответил Чет, удивленно качая головой. – Но я стараюсь понять. Из-за того, что мальчик поймал одного из ваших людей, вы хотите действовать сообща? Почему?

– Мы жили в тени вашего народа долгие годы. Но Первозданная ночь поглотит всех без разбору, и никто не найдет дорогу назад.

Королева произнесла эти слова совсем другим тоном – официальная маска спала с ее лица, и Чет заметил скрываемый ранее страх.

– Грядет Первозданная ночь, Чет Голубой Кварц, – продолжала королева. – Мы почувствовали сами, и повелитель вершины сообщил нам об этом.

Глядя на нее и слушая, как тщательно она подбирает слова, Чет уверился, что перед ним талантливая правительница. Несмотря на миниатюрность владычицы крышевиков, он не мог ею не восхищаться.

– Та буря, которой мы опасались еще до рождения наших дедушек и бабушек, приближается, – торжественно произнесла королева Башенная Летучая Мышь. – Скоро она дойдет до нас.

– Да защитят нас боги, – пробормотал Реймон Бек, хотя,

судя по тону, он на это не рассчитывал.

Феррас Вансен молча разглядывал раскинувшуюся перед ними долину. Он ощущал беспокойство, но не мог понять, что именно вселяло в его душу тревогу.

Вансен вспомнил детство, домик старухи и то, что там нашел.

Тогда ему исполнилось лет восемь или девять, он уже был высоким, почти как взрослый, но худеньким как щепка. И конечно, воображал себя очень храбрым.

Мать Ферраса заботилась о вдове, что жила на ближайшей ферме. Отец давно уже был болен, почти не вставал с постели, и мать понимала, что скоро и сама овдовеет. Правда, в отличие от соседки у нее были дети. Вот уже несколько дней никто не видел вдову, а ее козы бродили по зеленым лугам и холмам, прогретым солнцем. Мать тревожилась, не заболела ли соседка, ведь ухаживать за ней некому. Она послала старшего из детей, Ферраса, чтобы он узнал, в чем дело, и отнес женщине кувшин молока да немного хлеба.

Уже в нескольких ярдах от дома вдовы Феррас почувствовал что-то неладное в стоявшей вокруг тишине, но ничего понять пока не мог. Он и его сестры не раз бывали в этом домике: мать посылала их по праздникам отнести хозяйке сладкие булочки или цветы. Старушка почти не разговаривала с детьми, но всегда радовалась их приходу и заставляла взять что-нибудь в благодарность за угощение. Правда,

предложить она могла немного: старый деревянный кулон без шнурка или горсть плодов с деревьев, что росли во дворе.

Но сейчас Феррас почувствовал нечто такое, от чего у него зашевелились волоски на затылке и на руках.

Если бы ветер дул со стороны дома, Феррас наверняка ощутил бы запах разложения задолго до того, как ступил на порог. Лето было жарким, и едва он открыл скрипучую дверь, как в нос ему ударила невыносимая вонь. Он отшатнулся, затыкая нос и вытирая слезы.

Юный Вансен все еще держал в руке кувшин: бережливость, многими поколениями воспитанная в их народе, не позволяла пролить ни капли молока даже в столь необычных обстоятельствах. Феррас остановился возле дома, не понимая, что ему делать. Он уже встречался со смертью людей и сразу понял, почему они не видели старушку последнее время. Когда прошло первое потрясение, на смену ему явилось желание узнать, что же случилось.

Феррас зажал нос и шагнул в домик. Свет проникал сюда только через дверь. Единственное окно закрывала ставня, поэтому сначала пришлось привыкнуть к полумраку.

Вдова была одновременно и мертвой, и живой.

Нет, не на самом деле живой. То, что лежало посередине присыпанного соломой грязного пола – Феррас не сразу понял, что тело повернуто лицом вниз, – шевелилось. Мухи, жуки, другие насекомые, каких он раньше не видел, полностью покрывали человеческую фигуру, превращая ее в бле-

стящую шевелящуюся Массу. Лишь несколько клочков седых волос напоминали о той, кому раньше принадлежало это тело. Зрелище было жутким, но при этом извращенно возбуждающим. Вспоминая это ощущение, Феррас испытывал стыд, но память осталась с ним навсегда и отравляла жизнь.

В полумраке комнаты женщина казалась одетой в блестящую черную броню, в железный панцирь. О таких доспехах рассказывал священник на празднике: в них хоронили героев, чтобы те могли достойно встретиться с богами...

– Что с вами, капитан? Вы не больны? Что-то случилось?

Вансен лишь тряс головой: он никак не мог прийти в себя и ответить на вопросы Коллума Дайера.

День выдался странный, полный удивительных сюрпризов. Вдоль дороги росли яркие полевые цветы, что само по себе было странно для этого времени года. Цветы низко склонялись под сильным осенним ветром, к которому они не привыкли. Чуть позже отряд миновал безлюдную деревню. Вансен и его воины остановились и свернули с дороги, чтобы напоить коней. Деревенька была совсем маленькая. Такие часто пустеют, если высыхает единственный колодец или приходит чума. Но сейчас по всему было видно, что в деревне совсем недавно жили люди. Вансен стоял среди опустевших домов, держа в руках резную деревянную игрушку – такую чудесную лошадку ни один ребенок не бросил бы, – и все больше убеждался в том, что в здешних спокойных

местах случились странные перемены. Внимательно оглядев окрестности, он отбросил сомнения и решил, что и пустая деревня, и цветы не по сезону – не случайность.

Простиравшаяся перед отрядом долина, в отличие от деревеньки, кипела жизнью. Однако жизнь эта странным образом напоминала то, что Вансен когда-то наблюдал в домике вдовы. Все цвета вокруг казались... неестественными. Сначала Феррас не мог понять почему: у деревьев коричневые стволы и зеленые листья, трава начала желтеть, как всегда осенью перед приходом дождей. Но что-то было не так. Какая-то странная игра света. Она возникала на первый взгляд из-за низких облаков.

День выдался пасмурным и холодным, но Вансен чувствовал, что причина в другом. Долина выглядела какой-то размытой и маслянистой.

Отряд въехал в долину. Вансен обратил внимание, что лесистые склоны холмов имеют необычный оттенок: их покрывали густые заросли ежевики, вытеснившие остальную растительность. Такие же кусты виднелись по всей долине и даже на обочине Сеттлендской дороги. Листья ежевики были очень темного цвета, почти черные. Но при внимательном рассмотрении они имели разные оттенки: пурпурный, темно-синий и даже темно-серый. Эти цвета переливались, листья блестели, точно виноград после дождя, а вьющиеся ветви таили в себе угрозу, словно спящие змеи. От холодного порыва ветра деревья и кусты закачались, как почудилось

Вансену, гораздо сильнее обычного; словно они жили своей собственной жизнью, подобно жуткому ковру из насекомых в домике мертвой фермерши.

На вьющихся стеблях росли грозные колючки длиной в полпальца, а их цветы были еще более странными: огромные, бархатистые, напоминавшие кочаны капусты, черные, как сутана священника из храма Керниоса. Создавалось впечатление, что долина покрыта черными розами.

– Что это такое? – спросил Дайер сдавленным голосом. – Никогда не видел ничего подобного.

– Я тоже. Бек, вы узнаете эти места?

Лицо купца было бледным и безучастным. Казалось, он увидел в реальности то, что долгое время являлось ему в зловещих снах.

– Нет, – ответил он и покачал головой. – Когда мы... когда они пришли... вокруг не было ничего необычного. Только туман, я же вам говорил. Огромная полоса тумана.

– Вон там, на холме, стоит дом, – сказал Вансен. – Деревянный. Может быть, съездим туда и посмотрим, нет ли там кого?

– Всюду колючие заросли. – Дайер уже не шутил. Судя по его голосу, ему не скоро захочется веселиться. – Никого не осталось. Та деревня, где мы были, тоже опустела, и мне ясно почему. Кто станет дожидаться, пока эта мерзость доберется до них? Незачем ходить, никого там нет.

Вансен и сам так думал, поэтому испытал облегчение. Ему

вовсе не хотелось пробираться в заброшенный дом через колючие кусты, которые издавали звуки, подобные вздохам, и раскачивались на ветру.

– Ты прав, – ответил он. – Тогда поехали дальше, не станем разбивать здесь лагерь.

Дайер кивнул. Ему очень не хотелось задерживаться здесь. Глаза Реймона Бека были закрыты – он молился. Они молча пересекли долину, оглядываясь по сторонам, словно ехали не по знакомой Сеттлендской дороге, а через чужую дикую страну. Теперь холмы возвышались ближе друг к другу. Огромные цветы по-прежнему покачивались, но уже слегка, как будто к ним прикасались невидимые руки, и Вансену мерещилось, что их окружают шепчущиеся наблюдатели.

Заросли черных кустов закончились, и, к огромному облегчению Ферраса и его отряда, воины выехали на простор. Правда, лес вокруг был необычно тих.

«Что же отпугнуло и выгнало отсюда даже птиц? – удивлялся Вансен. – То же, что унесло с собой караван? Или я все выдумываю? А вдруг чума, уничтожившая деревню, передалась животным и птицам? У животных чутье куда лучше нашего».

Низко нависшие тучи превратили обычную дорогу в потусторонний пейзаж, а мрачное настроение Ферраса усугубляло впечатление. Он пытался представить себе, как выгля-

дели эти места до появления людей.

«Сумеречное племя, если верить рассказам, жило тут за-долго до прихода наших предков. Чем они занимались? О чем подумали, когда впервые увидели дикие племена, появившиеся из-за моря или спустившиеся с южных гор? Боялись ли они нас? Естественно, – размышлял он, – сумеречные существа должны были испугаться пришельцев. Со временем те отобрали у них земли. А когда-то все здесь принадлежало им».

Впервые эта мысль пришла ему в голову еще в детстве. Однажды он забрел слишком далеко от дома. Солнце уже закатывалось за холмы, и на долины опустилась тишина, пугающая и таинственная. Свет стал меркнуть, и небо словно задержало дыхание перед тем, как загасить свечу. Тогда, в темноте, в памяти всплыли сотни услышанных историй, и Феррас подумал: «Все это принадлежало им, другим людям. Древнему племени».

«А вдруг сейчас они хотят вернуть свои земли? – гадал Вансен. – Придворный врач говорил, будто Граница Теней сдвинулась. Вдруг дело не ограничивается одним похищенным караваном? Что, если сумеречное племя решило вновь поселиться здесь? Что станет с нами? Нас изгонят или... или уничтожат?»

Двое солдат собирали валежник для костра и нашли ее. Она была молода, а если отмыть грязь, могла оказаться хо-

роша собой, но никто не подумал отпускать грубые шутки на этот счет: настроение не то. Солдаты привели ее к Вансену, держа за руки, хотя она не проявляла никакого желания убежать. В темных глазах не было никакого страха. Ее лицо вообще ничего не выражало, если не считать коротких проблесков смущения и удивления.

– Она бродила по лесу, – рассказал один из солдат. – Рассматривала небо и деревья.

– Она говорит какую-то чушь, – добавил второй. – Думаете, с ней что-то не так? Может быть, у нее лихорадка?

При этих словах он неспешно выпустил руку девушки и с тревогой уставился на свои пальцы, словно болезнь могла оставить на них отметину. Уже ходили слухи, что в Южном Пределе появилась болезнь, уложившая в постель даже принца Баррика. Принц остался жив, но в городе болезнь убила нескольких стариков и маленьких детей.

– Оставьте нас, – сказал капитан. – Мне надо с ней поговорить.

На девушке было поношенное крестьянское платье. Вансен отвел ее в сторону от костра, но так, чтобы остальные видели их. Он не опасался, что его намерения могут неверно истолковать, но волновался о спокойствии солдат. О том, чтобы они не чувствовали себя заблудившимися в чужих местах, хотя находились возле знакомой дороги Южного Предела, к северу от Сильверсайда.

Похоже, девушка какое-то время прожила в лесу: спутан-

ные волосы, ввевшаяся в кожу грязь. Невозможно было отгадать, сколько ей лет – то ли подросток, то ли взрослая женщина, ровесница Вансена.

– Как тебя зовут? – спросил Феррас.

Она бросила на капитана оценивающий взгляд – словно купец, которому предложили смехотворно низкую цену и он собирается торговаться. После небольшой паузы она ответила:

– Паффкин.

– Паффкин?! – Вансен не удержался и засмеялся. – Что за странное имя?

– Вполне подходящее имя для кошки, господин, – ответила девушка. – Моя Паффкин всегда хорошо себя вела, если, конечно, погода не менялась. – Девушка говорила со странным произношением, не похожим на речь в той местности, где вырос Вансен. – Лучшая охотница на мышей во всем королевстве была, пока погода не поменялась. Такая сладенькая.

Вансен покачал головой.

– А тебя зовут как? – снова спросил он.

Руки девушки теребили подол шерстяного платья, дергая свободные концы ниток.

– Я боялась грома, – пробормотала она. – Когда я была маленькой...

– Хочешь есть?

Девушку трясло, словно у нее и на самом деле была лихо-

радка.

– Почему же у них так горят глаза? – Она застонала. – Они поют о дружбе, но их глаза как огонь!

Говорить с ней было бесполезно. Вансен накинул ей на плечи свой плащ, отошел к костру, зачерпнул чашкой суп и вернулся. Она осторожно взяла чашку, наслаждаясь теплом, но, похоже, не понимала, для чего ей это дали. Вансен помог девушке сделать несколько маленьких глотков, а потом она стала есть сама.

«Приятно сделать хоть что-нибудь доброе», – подумал Вансен, наблюдая за странной гостьей. Ему доставляло удовольствие заботиться о ком-то. Несмотря на то, что загадки множились, впервые за этот беспокойный день он почувствовал себя почти удовлетворенным.

Западный ветер разогнал тучи. Новая армада облаков собиралась над океаном, готовясь пролиться дождем, а пока почти весь внутренний двор замка Южного Предела ярко освещали солнечные лучи. Баррик нашел самое прогретое место. Он впитывал тепло, словно ящерица, только что выползшая из темной сырой расщелины. Под сверкающим солнцем впервые за много дней стало видно, что промытые дождями башни раскрашены в разные цвета. Башня Волчьего Клыка была иссиня-черной, башня Весны сверкала зеленоватой медью, башню Осени покрывала белая и красная черепица, башня Лета выделялась золотым орнаментом, а баш-

ню Зимы украшали серый камень и черные кованые решетки. Вместе они составляли что-то вроде огромного букета.

Бриони еще не вернулась с дневного урока у сестры Утты. Баррик никак не мог понять, зачем нужно учиться, когда ты уже стал регентом – это ведь не помощник у бакалейщика или сквайра. Правитель способен сам совершенствовать себя. Принц продолжал изучать технику боя и военную тактику, но общий курс он закончил и не представлял, к чему другие науки. Он умел читать и писать (может быть, не так хорошо, как Бриони). Он ездил верхом, охотился с соколами и с гончими (насколько позволяла покалеченная рука), различал геральдические символы почти сотни знатных родов – Стефан Найнор, смотритель замка, сказал ему однажды, что это умение пригодится на войне: можно определить, кого взять в плен, чтобы получить хороший выкуп. Баррик усвоил историю собственной семьи, начиная от Англина Великого, и историю королевств Пределов, получил представление о других народах Эона, запомнил множество легенд о Тригоне и прочих богах, благодаря чему понимал проповеди отца Тимойда – если, конечно, давал себе труд слушать его.

Конечно, он знал не все. Баррик наблюдал за Бриони, когда она вела заседания королевского суда, и чувствовал себя лишним: у сестры всегда имелось собственное мнение и интерес к вещам, казавшимся ему незначительными. Иногда она прерывала заседание на час-другой, чтобы обсудить с советниками справедливость решения, которое считала важ-

ным, из-за чего остальные дела откладывались.

– Лучше отложить правосудие, чем отказать в нем, – так она оправдывала эти нелепые действия.

Интересно, если бы все случилось на полгода раньше, как он отнесся бы к происходящим событиям тогда? Не к судам, конечно, – их Баррик никогда не любил и считал скучнейшим занятием, – а к делам вроде исчезновения каравана или преступления Шасо. В первые дни регентства Кендрика Баррик иногда придумывал, как бы он поступил на месте брата в том или ином случае. Тогда ему казалось, что он справился бы лучше. Теперь юноша оказался на этом месте, но лихорадочные кошмары привели к тому, что он отваживался лишь выйти во двор и погреться на солнышке.

Причина заключалась в его сновидениях и в непомерной тяжести ужасной тайны – она мешала жить. Не говоря уж о лихорадке, что чуть не убила принца. Хоть кто-нибудь понимает это? Иногда ему казалось, что никто бы не огорчился, если бы он не выжил. Даже Бриони...

«Нет, – говорил он себе. – Это нашептывает мне чужой злобный голос. Это неправда».

Оставалась еще одна проблема: лихорадка не до конца отпустила его. К тому же Баррик по-прежнему ходил во сне. Сколько он себя помнил, его преследовали кошмары – задолго до той ужасной ночи, когда вся жизнь семьи перевернулась. Раза два в детстве принца находили утром за стенами замка, дрожащего и перепуганного. А теперь почти каж-

дую ночь в его беспокойные сны являлись какие-то жуткие существа с призрачными руками и горящими глазами. Они не исчезали, даже когда он просыпался. Казалось, сновидения прочно обосновались в голове принца и каждую минуту напоминали ему о том, во что он не хотел верить. Они убеждали Баррика, что люди вокруг лгут и перешептываются за его спиной, что замок полон замаскированных врагов, что они исподволь захватили власть над старыми знакомыми и только ожидают, когда оборотней станет достаточно для того, чтобы... чтобы...

«Чтобы... что?»

Баррик выпрямился. Его била дрожь.

«А вдруг это происходит на самом деле?»

Над головой светило солнце, и камень прогрелся так, что принц даже через шерстяные носки ощущал приятное тепло. Однако ему пришлось обхватить себя руками, чтобы унять дрожь. Нет, это просто болезнь. От нее и странные мысли, и странные голоса, что преследовали принца. Бриони, как и прежде, его любимая сестра, его половинка. Люди и вещи вокруг не изменились. Это лихорадка, он уверен. Почти уверен.

Хотя Баррик глубоко погрузился в раздумья, он сразу же узнал по походке пересекавшую двор девушку. В платье цвета морской волны она казалась необыкновенно привлекательной и почти невесомой. Лицо ее похудело со дня прошлой встречи, но покачивающиеся бедра не изменились.

Когда девушка достигла середины двора, принц поднялся. Теперь она его заметила и остановилась.

– Принц Баррик! – воскликнула она и испуганно прижала руку к губам. Она вспомнила, что забыла сделать реверанс, и тут же исправила оплошность.

– Здравствуй, Селия.

Служанка мачехи стояла слишком далеко от него, в нескольких ярдах, и это мешало разговору. Ему очень хотелось, чтобы она подошла поближе. Возможно, Селия не решалась приблизиться, потому что боялась помешать ему?

– Пожалуйста, побудь со мной одно мгновение. Сегодня чудесное солнце, не так ли? – проговорил Баррик и остался доволен своей речью. Даже знаменитый бард Грегор из Сиана не мог бы изысканнее обратиться к даме.

– Если ваше высочество так считает...

Она медленно подошла ближе – как олень, готовый в любой момент броситься прочь. Из-за худобы глаза ее сделались еще больше, а под ними принц заметил синие круги, замаскированные слоем пудры. Баррик вспомнил, что говорил про девушку Чавен.

– Я слышал, ты болела. Той же болезнью, что и я. Селия взглянула на принца.

– У меня была лихорадка, – ответила она. – Но не столь тяжелая, как у вас, ваше высочество.

Баррик сделал великодушный жест рукой, желая тем самым показать, что сравнения неуместны. Этот жест ему по-

правился, да и на девушку явно произвел впечатление.

– А как ты себя чувствуешь сейчас? – спросил Баррик.

– Пока немного... странно, пожалуй. – Она опустила глаза. – Словно мир стал каким-то другим. Вы меня понимаете?

– Да, понимаю.

Близость Селии рассеивала внимание. Принцу казалось, что он видит на ее шее каждый выбившийся из прически волосок и легко сумеет пересчитать их. С юношей творилось что-то необычное, словно он перегрелся на солнце. Баррик поднял глаза – ему показалось, будто за ними кто-то наблюдает с крыши. Но это было маловероятно, и он ничего не увидел наверху.

– А вы уверены, что выздоровели, принц Баррик? – поинтересовалась Селия.

Он кивнул и сделал глубокий вдох.

– Думаю, да. Иногда у меня тоже бывают странные ощущения. Словно мир теперь не такой, как раньше.

– Страшно это чувствовать, не так ли? – сказала Селия, и лицо ее стало серьезным. – Мне, по крайней мере, страшно. Ваша мачеха считает, что я ее не слушаю, но на самом деле у меня просто иногда все... смешивается в голове.

– Скоро это пройдет, – заверил ее Баррик.

Конечно, он не был ни в чем уверен, но ему очень хотелось утешить хорошенькую девушку.

– Сколько тебе лет, Селия?

– Семнадцать. Уже исполнилось.

Баррик слегка нахмурился. Как жаль, что он моложе. Конечно же, если девушка на два года старше, она интересуется им лишь потому, что он принц. С другой стороны, Селия выглядела счастливой и, как ему казалось, не спешила уйти. Но ведь любая девица исполнила бы просьбу принца-регента. Он решился взять ее за руку. Селия позволила это. Ее кожа оказалась необычайно прохладной.

– Ты уверена, что не рано поднялась с постели? – спросил он Селию. – У тебя озноб.

– Да, но мне тепло, очень тепло, – заверила девушка и улыбнулась. – Временами, даже в холодные ночи, я не могу спать под одеялом. И в одежде мне бывает так жарко, что приходится снимать ее. – У Баррика разыгралось воображение, отчего стало еще труднее следить за разговором. Селия продолжала: – Ваша мачеха всегда ругает меня за то, что я плохо сплю по ночам. – Девушка опустила взгляд, и глаза ее раскрылись еще шире. – Принц Баррик, вы держите меня за руку.

Он выпустил ее, абсолютно уверенный в том, что Селия позволила ему вести себя с ней так лишь из уважения к титулу. Он терпеть не мог мужчин, которые добиваются женщин с помощью своей власти, и с отвращением наблюдал, как Гейлон Толли и другие аристократы (включая покойного брата) использовали свое положение, флиртуя со служанками. Сейчас он с болью вспомнил, что всего несколько месяцев назад сильно поругался с Кендриком из-за хорошень-

кой горничной по имени Гренна – Баррик втайне вздыхал по ней несколько месяцев. Кендрик никак не мог понять причину гнева младшего брата. Он объяснил Баррику, что в отличие от других мужчин никогда не принуждал девушек и не использовал силу и угрозы. Гренна сошлась с ним добровольно и приняла несколько дорогих подарков, пока длилась их связь. Кендрик полагал, что брат интересуется тем, о чем ему еще рано знать: лучше бы юный принц занимался своими делами и не лез с поучениями к взрослым.

«С ними следует обращаться, как с птицами, – подумал тогда смущенный Баррик. Он не изменил мнения и сейчас. – Нужно позволять им летать, иначе они не захотят быть с вами».

Но пока у него не было ни одной женщины, имел ли он право утверждать, как следует поступать?

Между тем, хотя он и отпустил руку Селии, девушка никуда не уходила.

– Я вовсе не хотела сказать, что меня нельзя держать за руку... – сказала она, и легкая улыбка коснулась ее губ.

Тут кто-то появился в дальнем конце двора, и ей пришлось замолчать.

– Баррик, это ты?

Никогда прежде его так не огорчало появление сестры. Бриони, прикрываясь рукой от солнца, уже направлялась по мощеной дорожке к тому месту, где сидели на скамейке Баррик и Селия. Одежда принцессы показалась брату странной,

но он был так расстроен, что не сразу понял, в чем дело.

Подойдя ближе, она смутилась.

– Ой, извини, Баррик. Я не разглядела, что ты занят разговором. Селия – верно? Служанка Аниссы.

Селия встала и присела в реверансе.

– Да, ваше высочество.

– Как поживает наша мачеха? Мы так расстроились, что не встретились с ней.

– Королева тоже очень огорчилась, госпожа. Но она плохо себя чувствовала из-за будущего ребенка.

– Ладно, передай ей поклон и скажи, что мы с нетерпением ждем нового приглашения. Мы соскучились.

Наконец Баррик сообразил, что его смутило: на Бриони была юбка для верховой езды с большим разрезом спереди – наряд, совершенно неуместный в дворцовой обстановке.

– Почему ты так странно одета? – спросил он сестру. – Ты собираешься кататься? – Он очень надеялся, что не ошибся и Бриони уйдет прямо сейчас.

– Нет, но сейчас я не могу объяснить, – ответила она. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Я должна идти, – поспешно сказала Селия. Она бросила смущенный взгляд на Баррика. – Я слишком задержалась с поручением госпожи, она будет беспокоиться.

Баррик хотел что-то сказать, но исход боя был предрешен. Принцу пришлось сдаться, не нанеся ни одного удара. Селия снова сделала реверанс.

– Спасибо за приятную беседу, принц Баррик. Я очень рада узнать, что вы чувствуете себя намного лучше.

И она пошла прочь – возможно, немного изменившаяся, но по-прежнему задорно покачивавшая бедрами. Баррик смотрел ей вслед с огромным сожалением.

«Она не рассердилась, когда я держал ее за руку, – подумал он. – Или просто не хотела обижать принца? В конце концов, я не думаю, что...»

– Если можешь, оторвись от созерцания ее зада, – заговорила Бриони. – Нам есть о чем поговорить.

– О чем, например? – взвелся он.

– Не кипятись, братик. – Бриони улыбнулась, но тут же снова приняла серьезный вид. – Ох, Баррик, извини. Я нечаянно помешала тебе. Я сожалею.

– Трудно в это поверить.

– Послушай, мне могут не нравиться подобные девицы, я об этом уже говорила. Но я тебя люблю. Ты мой дорогой, самый дорогой брат и друг, и я не собираюсь следить за тобой и мешать делать то, что ты хочешь.

Он фыркнул.

– Странно слышать это, потому что на деле выходит совсем по-другому. – На минуту Баррика охватил гнев. – Она вовсе не «подобная девица»! Нет! Ты ее не знаешь.

Бриони сделала круглые глаза.

– Она красивая. Но я же знаю тебя. Знаю, что ты черепаха. – Черепаха?

– Да, черепаха, которая прячется в своем панцире от внешнего мира. Так поступают, когда чувствуют себя беззащитными, и мне это не нравится. Я боюсь, что кто-нибудь пролезет под твой панцирь и причинит тебе боль. Вот и все.

Баррика тронула забота сестры, но одновременно и разозлила. Бриони считает его беззащитным и беспомощным! Это все равно, что назвать его простачком или, еще хуже, слабаком.

– Тебе тоже лучше держаться подальше от моего панциря, Бриони. Все-таки под ним моя жизнь, – произнес он более резко, чем ему хотелось. Но он рассердился, поэтому не стал смягчать ситуацию.

Бриони смотрела на брата. Она хотела сказать что-то еще, возможно извиниться, но момент был упущен.

– В любом случае, – продолжила она уже иным тоном, – нам нужно поговорить о другом. Поэтому я и пришла к тебе. Речь о письме отца.

– Мы получили еще одно письмо?

Его сразу переполнили два чувства: счастье и страх.

«Как я буду вести себя, если он вернется? – По телу Баррика пробежала дрожь. – А если не вернется? Что тогда? Со всем один...»

– Нет. Это не другое письмо, а то же самое. Принц не сразу понял, о чем говорит сестра.

– Ты имеешь в виду письмо, доставленное посланцем из Иеросоля, тем туанцем, твоим... другом? – уточнил он.

Голос Бриони не изменился.

– Да, то письмо. Где оно?

– Что ты хочешь сказать?

– Где оно, Баррик? Я его не читала. А ты? Думаю, тоже нет. Ни Броун, ни Найнор, ни кто-либо другой не читали его, насколько мне известно. Единственным человеком, знавшим его содержание, был Кендрик. А теперь письмо исчезло.

– Наверное, оно где-то в его покоях. Возможно, в секрете – в том, с эриворской резьбой. А может быть, попало в бумаги Найнора, а тот не заметил. – Настроение Баррика испортилось. – Либо так, либо нас кто-то обманывает.

– Его нет среди вещей Кендрика. Я везде искала. Нашла множество других неотложных важных бумаг, но письма там нет.

– Куда оно могло деться?

Бриони яростно затрясла головой. В этот миг Баррик увидел в ней будущую королеву-воительницу и с грустью подумал: когда сестра станет такой, останется ли он рядом с ней? Любовь, гордость и злость смешались в его душе и закружились, как грозные облака.

– Наверное, его украл убийца, – предположила Бриони. – Возможно, кто-то хотел скрыть от нас то, что там написано. Если честно, я в этом абсолютно уверена.

Баррик почувствовал, как его охватывает ужас. Потемневший двор вдруг показался ему слишком открытым и опасным местом. Теперь он понял, почему при любом подозри-

тельном звуке ящерицы стремятся юркнуть в расселину. Но в следующую минуту он сообразил: тайна отца и, соответственно, его собственная тайна вряд ли обсуждались в письме короля Олина, даже если послание адресовано старшему сыну. И все же мгновенная мысль об этом сильно расстроила принца.

– И что же нам теперь делать? – спросил он. День был безнадежно испорчен.

– Мы найдем письмо, – заявила Бриони. – Должны найти.

Она пришла среди ночи, забралась под тяжелый плащ и прижалась к нему. Сначала Вансен подумал, что это сон. Он обнял ее и назвал по имени, какого нельзя было произносить даже во сне. Потом он почувствовал что-то дрожащее, ощутил запах дыма, прикосновение влажной одежды и проснулся.

– Что ты делаешь? – Вансен хотел сесть, но она удержала его. – Девушка, ты понимаешь, что делаешь?

Она прижалась головой к его груди.

– Мне холодно, – простонала она. – Обними меня.

Костер догорал. Лошади беспокойно задвигались на привязи, но никто из людей не проснулся. В поисках тепла девушка прижималась к Феррасу всем своим худеньким тельцем, и на миг одиночество и страх пробудили в нем сильное искушение. Но Вансен вспомнил испуганный детский взгляд и ужас, застывший в ее глазах, – как у раненого зверька, за-

гнанного в чашу. Он сел и закутал девушку в плащ, плотно прикрыв шерстяной тканью ее руки. Больше ничего он не мог себе позволить – если, конечно, его твердость не рассыплется, как песчаная стена.

– Ты в безопасности, – говорил он ей. – Не бойся. Ничего дурного не случится. Мы солдаты короля.

– Отец? – Ее голос звучал хрипло и растерянно.

– Я не твой отец. Меня зовут Феррас Вансен. Мы нашли тебя в лесу, помнишь?

Лицо девушки было мокрым от слез. Вансен почувствовал это, когда она прижалась к его шее.

– А где он? Где мой отец? И где Коллум? – продолжала она.

Сначала Феррас подумал, что она говорит о Коллуме Дай-ере, но потом вспомнил, что это имя популярно в Южном Пределе. Наверное, она спрашивала про брата или возлюбленного.

– Я не знаю. Как тебя зовут? Ты помнишь, как попала в этот лес?

– Тихо! – испугалась девушка. – Они услышат тебя. Ночью, пока луна высоко, нельзя говорить громко.

– Кто они? Кто меня услышит?

– «Уиллоу, овцы пропали», – так он сказал. Я выбежала, а лунный свет был таким ярким, таким ярким! Словно глаза.

– Уиллоу – это твое имя?

Бедняжка спрятала лицо у него на груди, прижимаясь как

можно крепче. Ее горестный вид и беззащитность потрясли Вансена, вызвали жалость, и последние мысли о близости с ней мгновенно улетучились. Она походила на щенка или котенка у тела мертвой матери, обнюхивающего родную остывающую плоть.

«Что же стряслось с ее отцом? А с тем Коллумом?»

– Как ты попала в этот лес, Уиллоу? Тебя ведь так зовут? Как ты оказалась в лесу?

Она перестала прижиматься к нему, но только потому, что устала бороться с тяжелым плащом. Страх ее не уменьшился.

– Я не ходила в лес, – ответила она, медленно подбирая слова, и взглянула на Вансена. Зрачки ее глаз стали крошечными, как булавочные головки, отчего глаза казались совсем белыми. – Разве ты не знаешь? Лес сам пришел ко мне. Он... проглотил меня.

Феррасу Вансену уже приходилось видеть такие глаза, поэтому его словно ножом кольнуло в сердце. У сумасшедшего старика из его родной деревни был точно такой же взгляд – у того, кто перешел Границу Теней и вернулся...

«Но до того места, где пропал караван, еще много миль пути, – вспомнил он. – Раскачивающиеся черные цветы, опустевшая деревня... О боги! Неужели это распространяется так быстро?»

18. ОДНИМ ГОСТЕМ МЕНЬШЕ

МАСКА КРОЛИКА

День угас, и тени улеглись.

Куда пропали дети?

Все разбежались врассыпную.

Из «Оракулов падающих костей»

В голове у Чета все перемешалось. Ему хотелось лечь на землю, закрыть глаза и превратиться в слепого червяка. Ведь червякам не приходится заниматься такой чепухой.

– Слюда! – крикнул он. – Гром и молния, неужели ты не можешь придумать ничего лучшего, чем вечно со мной спорить?

Племянник Роговика поискал глазами брата. Они оба не отличались примерным поведением, но поодиночке реже кидались в драку.

– Здесь нельзя прокладывать туннели, Чет, – сказал Слюда. – Слишком глубоко, слишком близко к святилищу. Если туннель провалится, мы окажемся там, где нам находиться не положено!

– Не тебе решать подобные вопросы. Люди короля желают расширить систему туннелей – это мы и будем делать. Киноварь и руководители гильдии уже одобрили план.

– Они не бывали здесь, – возразил Слюда, хмурясь. – Мно-

гие из них не работали с камнем и не спускались сюда уже многие годы. – Он обрадовался, увидев брата, и обратился к тому: – Скажи ты.

– Что он должен мне сказать? – Чет вздохнул.

После невероятного приключения на крыше он чувствовал себя очень странно: в голове роились беспорядочные мысли и вопросы, и он с большим трудом сосредоточивался на работе. И это очень мешало: племянник Роговика и остальные очень нуждались в руководстве. Фандерлингам, работавшим вблизи королевской резиденции или усыпальницы, каждый раз приходилось нелегко: суеверия и страхи всегда были частью их жизни, а тем более теперь, когда они работали рядом со своими священными местами. А значит, ситуация усугублялась. Чет не мог позволить себе отвлекаться.

– Я должен тебе сказать, что мы собираемся выступить перед советом гильдии, – заявил брат Слюды Тальк. Он был старше и рассуждал более здраво. – Мы хотим, чтобы нас услышали.

– Вот именно! Вы, молодежь, всегда хотите, чтобы вас услышали! Что вы можете сказать нового? Что с вами плохо обращаются? Что вам приходится много работать? Что работа, которую вас заставляют делать, нечестная, нехорошая или что-нибудь еще? – Чет снова вздохнул. – Неужели вы думаете, будто ваш дядя или я когда-то задавали столько вопросов? Мы делали порученное дело и были за это благодар-

ны.

Годы ученичества Чета выпали на времена серых отрядов. Тогда большие люди жили в страхе, и даже для самых опытных мастеров-фандерлингов работы не хватало. Сотни, а то и тысячи покидали родные дома в Южном Пределе, уходили в чужие края в поисках заработка и больше не возвращались. Они оставались жить в центральной и южной частях Эона, где раньше большие люди сами работали с камнем. Но вскоре ситуация изменилась: даже в маленьких городах стали строить огромные храмы и подземные бани, не говоря об усыпальницах для богатых купцов и священнослужителей. Тогда для фандерлингов появилось много работы и здесь, в Южном Пределе.

Тальк отрицательно покачал головой. Он был упрям, но и в сообразительности ему не откажешь – самый худший тип лодыря, по мнению Чета. Впрочем, можно ли назвать Талька лодырем? Чет чувствовал себя опустошенным и усталым, словно камень, из которого вырезали ценную породу.

«Может быть, и они себя так чувствуют. Что говорила крошечная королева? «Мы, живущие наверху, теперь боимся не только за себя». Я тоже боюсь, но я уже много увидел и прочувствовал...»

Он постарался выкинуть из головы чушь.

– Замечательно, – ответил он Тальку. – Я попрошу гильдию пригласить вас на слушания, но при условии, что вы закончите сегодняшнюю работу. Нужно сделать подпорки и

крепления в новых туннелях, если, конечно, вы не боитесь там работать.

Племянники Роговика уходили от него, продолжая ворчать, но, судя по их залихватской походке, они не сомневались, что одержали победу. И снова Чет почувствовал безмерную усталость.

«Хвала предкам, Чавен наконец-то вернулся. Я отправлюсь к нему, как только мои люди сядут обедать. Но на этот раз я войду через парадную дверь».

Стараясь не обращать внимания на больших людей, открыто глазевших на него (считалось, что с фандерлингами так себя вести позволительно), Чет шел по кривым улочкам внутреннего двора. Хорошо, что сегодня с ним не было Кремня: мальчик и Опал отправились на рынок. Чет удивлялся тому, с каким спокойствием Опал выслушала его рассказ о встрече с крышевиками. Невозмутимость жены поразила фандерлинга больше, чем сами крышевики.

– Конечно, под камнями и под звездами кроется множество вещей, которых мы не знаем, – сказала Опал мужу. – Мальчик стал первой искоркой – это ясно как день! Ему предстоит сотворить много чудес в нашем мире. А я всегда верила, что крышевики существуют.

Чету пришло в голову, что ее спокойствие могло быть напускным. Он знал, что жена – умная женщина, а значит, должна понимать, что такая встреча никак не вписывается

в рамки обыденной жизни. Может быть, Опал боялась того, к чему приведут столь необыкновенные события: встреча с Кремнем, Граница Теней, сказочные человечки, прятавшиеся на крышах и возвещавшие о близкой катастрофе? Может быть, она пыталась облечь неизвестное в привычные формы?

Чет осознал, что почти не делится с Опал тревогами и опасениями. Ему хотелось защитить ее от лишних переживаний. Он считал это своим долгом. С другой стороны, он чувствовал, что если так пойдет дальше, то он останется один на один со своими страхами.

Дверь в обсерваторию на этот раз открыл не молодой Тоби, а старый слуга Гарри. Видно было, что старик взволнован и очень нервничает. Чет испугался, уж не заболел ли Чавен.

– Сейчас доложу, что вы пришли, – сказал слуга и оставил Чета ждать в прихожей.

В помещении возле святилища Зории горели свечи. Чету показалось странным, что в доме придворного врача стоит алтарь этой богини: раз уж он решил обзавестись святилищем, логичнее было почтить богов тригоната. Ну, выбрать, например, Купиласа, бога врачевания... Если честно, Чет сдвершенно не разбирался в сонмище богов больших людей.

По-прежнему расстроенный Гарри вернулся и предложил Чету следовать за ним в комнату, где Чавен проводил эксперименты. Возможно, поведение слуги объяснялось тем, что его хозяин занимался чем-то опасным.

Чет зашел в полутемную комнату. Посередине стоял

длинный высокий стол, заваленный книгами и малопонятным оборудованием: измерительными приборами, линзами, приспособлениями для дробления и перемешивания, а также какими-то бутылками и банками. Оставшееся место занимали свечи. К своему Удивлению, Чет обнаружил, что Чавен не один.

«Я уже видел этого молодого человека», – подумал фандерлинг.

Рыжеволосый парень поднял голову, услышав, что дверь хлопнула.

– Это же фандерлинг! – воскликнул он.

Чавен повернулся и улыбнулся Чету.

– Вы как будто удивились, ваше высочество? – спросил он. – Между тем, как вы могли заметить, все в моем доме знают, что мой друг Чет – фандерлинг.

Юноша нахмурился. Он был одет в черное: черные туфли, чулки, камзол и даже шляпа.

Чет понял, кто перед ним, и постарался изобразить почтение. Молодой человек недовольно произнес:

– Вы надо мной смеетесь, Чавен.

– Только чуть-чуть, ваше высочество. Чавен повернулся к фандерлингу.

– Это один из наших регентов – принц Баррик, – представил он. – А это мой друг Чет Голубой Кварц, очень хороший человек. Он недавно сделал весьма полезное дело для вашей семьи: перестроил гробницу для вашего покойного брата.

Баррик слегка вздрогнул, но, надо отдать ему должное, улыбнулся гостю.

– Да, замечательная работа, – отозвался он.

Чет плохо себе представлял, что следует делать, и потому поклонился принцу, как умел:

– Мы старались угодить, ваше высочество. Наш народ любил вашего брата.

«Большинство нашего народа, – мысленно поправил он себя и добавил: – По крайней мере, значительная часть».

– И что же привело вас ко мне сегодня, Чет? – спросил Чавен.

Врач находился в приподнятом настроении, что казалось странным для человека, совсем недавно имевшего дело с болезнью и смертью.

«Ну как я могу говорить о том, что видел, при принце-регенте?» – спросил себя Чет.

Он считал, что не следует рассказывать о необычных вещах в присутствии властей предержажих. Однако ему просто необходимо было рассказать о том, что он узнал, переложив тем самым часть ответственности на плечи другого человека.

«Я не из тех, кто умеет правильно вести себя в подобной ситуации, – решил Чет. – Но я совершенно уверен, что не имею ни малейшего желания пересказывать опасения, подозрения и ожившие сказки – всю эту путаницу – члену королевской семьи».

– Я просто хотел узнать о вашей поездке, – заявил он вслух. Сказав это, он в полной мере осознал, что не сможет ждать еще несколько дней, прежде чем поведать врачу свою диковинную историю. – Ну и еще о том, о чем мы говорили в прошлый раз...

Принц Баррик раскачивался на стуле, словно был не принцем, а обычным юношей. Услышав последние слова фандерлинга, он встал и обратился к врачу:

– Тогда я не буду вас больше задерживать. – Принц говорил непринужденно, но Чету показалось, что в его голосе слышатся нотки разочарования, а возможно, и гнева. Или беспокойства? – Я еще к вам приду. Может быть, завтра.

– Конечно, ваше высочество, всегда к вашим услугам. Между тем стаканчик крепкого вина перед сном вам не повредит. И не забывайте, о чем я вам сказал. Когда на мир опускается ночь, все воспринимается иначе. Позвольте мне проводить вас до дверей.

Баррик закатил глаза.

– Мои стражники сидят у вас на кухне и, наверное, уже надоели вашей домоправительнице и ее дочери. После смерти Кендрика меня никуда не выпускают без вооруженной охраны. Единственное, чего я добился, – не пустил их в эту комнату. – Он махнул здоровой рукой. – Я сам найду выход. Возможно, сумею незаметно прокрасться мимо кухни, а они только через час догадаются, что я уже ушел.

– Не делайте этого, ваше высочество! – Голос Чавена зву-

чал заботливо и в то же время весело. – Все перепугаются. Если вы исчезнете даже на короткое время, кто-нибудь из стражников пострадает за пренебрежение к службе.

Баррик нахмурился, потом улыбнулся.

Пожалуй, вы правы. Я найду и предупрежу их, прежде чем убежать.

Он рассеянно кивнул Чету и вышел из комнаты.

– Крышевики, говорите?

Чавен снял очки и протер их рукавом очень грязной блузы. А ведь в этой одежде он только что принимал королевскую особу! Снова надев очки на нос, он пристально посмотрел на Чета.

– Очень неожиданные новости, но, уверен, многие удивились бы больше, чем я, услышав об этом.

– Вы знали о них?

– Нет, конечно. По крайней мере, я их никогда не видел, а тем более не встречался с королевой и ее двором. Но вот уже много лет я вижу... вижу знаки, подтверждающие, что крышевики, как я и предполагал, – не просто сказка.

– И что значат эти разговоры о тенях и приближающейся буре? Все оттого, что Граница Теней сдвинулась? На улицах поговаривают, будто какие-то существа пришли из-за Границы Теней и похитили в холмах целый караван.

– Начнем с того, что это правда, – ответил Чавен. Доктор вкратце поведал Чету историю Реймона Бека.

– Принц и принцесса только что отправили отряд солдат туда, где это случилось, – завершил он рассказ.

– Не могу в такое поверить! – Чет удивленно покачал головой. – Старые сказки становятся реальностью! Жить в наше время – настоящее проклятие.

– Может быть. Но из великого страха и опасности рождаются героизм и красота.

– Я не гожусь в герои, – возразил Чет. – Мне бы мягкую породу и горячий обед после работы.

Чавен улыбнулся.

– Я и сам не рвусь в герои. Но природная любознательность не позволяет мне беззаветно предаваться праздности. Во всяком случае, я не люблю излишний комфорт. Мне кажется, удобства жизни отнимают у нас тягу к знаниям или, по крайней мере, мешают верно расценивать события.

– Крышевики говорили о каких-то уроках Первозданной ночи, – сказал Чет, унимая дрожь. – Звучит ужасно. Повелитель вершины, какой-то бог крышевиков, предупредил их об этом. Я предпочел бы сбежать с этих уроков.

– Повелитель вершины? – На лице Чавена промелькнуло странное холодное выражение. – Они так сказали?

– Да, разве я вам не говорил? Наверное, забыл. Они заявили, что правду о грядущем поведал им повелитель вершины.

Чавен разглядывал фандерлинга, будто видел его в первый раз, и Чет испугался, что чем-то оскорбил их старую дружбу.

– Подозреваю, это правда, – нарушил молчание врач. – Это их божество. – Он встал, потирая руки. – Замечательно, что вы рассказали об этом. Но вы дали мне пищу для размышлений, а ведь я забочусь не только о физическом здоровье королевских особ.

– Странно... Странно было встретить у вас принца Баррика. Он еще очень молод!

– Он и его сестра взрослеют очень быстро. Такие пришли времена. А сейчас, надеюсь, вы меня простите, мой добрый Чет. У меня много дел.

Чета явно выпроваживали вон, и ему ничего не оставалось, кроме как уйти. Уже на пороге он спохватился:

– Ах, да! У меня есть для вас еще кое-что. – Он полез в карман куртки и вытащил оттуда загадочный кристалл. – Кремень... ну, тот мальчик, которого я приводил к вам, нашел его на семейном кладбище Эддонов. Я всю жизнь занимаюсь камнями, работаю с ними, но ни разу не видал ничего подобного. И вот подумал – вдруг вы знаете, что это такое... – Тут Чет у в голову пришла новая мысль: – Ведь этот камень был со мной во время встречи с крышевиками! Тогда их человек по имени Нос учуял зло. Сначала я подумал, что на Кремне остался запах Границы Теней... Но ведь зло могло исходить и от самого камня.

Чавен взял кристалл в руки, но взглянул на него лишь мельком. Похоже, странный предмет не произвел на него никакого впечатления.

Возможно, так оно и есть. А может быть, это какие-то политические ходы крышевиков. Они древний народ, мы почти ничего о них не знаем. Конечно, я тщательно изучу его, мой добрый Чет. – Врач еще раз посмотрел на камень и спрятал его в складках своей бесформенной одежды. – А теперь всего хорошего. Мы обязательно поговорим подольше, но не сейчас. Ведь я только что вернулся из поездки.

Чет опять засомневался. Никогда раньше Чавен не выпроваживал его так откровенно. Он решил проверить непонятную ситуацию, как проверяют больной зуб.

– А как прошла ваша поездка?

– Наилучшим образом. Лихорадка, что свалила принца, посетила многие семьи. Но, к счастью, болезнь не та, какой я более всего опасался: она не пришла из-за Границы Теней.

Он терпеливо застыл у двери.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказал фандерлинг. – До свидания. Надеюсь, мы вскоре снова увидимся.

– Буду ждать с нетерпением, – проговорил Чавен, плотно прикрывая дверь.

Небо было высоким и безоблачным, но с севера дул холодный ветер, и Бриони радовалась, что надела теплую обувь. Не всем, однако, понравилась ее мужская одежда: шерстяные рейтузы и камзол, раньше принадлежавшие Баррику. Броун взглянул на Бриони и фыркнул, но тотчас перешел к текущим делам, не желая обсуждать наряд принцессы. Вместо

этого он выразил недовольство тем, что ее брат, очевидно, не собирается присутствовать на заседании.

– Время и занятия принца – его личное дело, – отрезала Бриони.

Но втайне она даже не огорчилась. Нужно было спешить. Принцесса постаралась быстрее разобраться с неотложными вопросами и выслушала великое множество историй, которые люди желали непременно сообщить лично ее королевскому высочеству. Но она не могла ни на чем сосредоточиться.

Покончив с делами, Бриони отправилась в свои покои и перекусила холодным цыпленком и хлебом. В такой день горячая пища подошла бы больше, но принцесса должна была торопиться на назначенную встречу...

«Можно ли так относиться ко всему? – думала Бриони. Ей было забавно и немного стыдно. – Что ж, такова работа – королевская работа».

Но ей не удалось полностью убедить даже себя.

Роза и Мойна пришли в негодование от ее сегодняшнего поведения, от вызывающего наряда и от предстоящей встречи. Естественно, ни одна из них не решалась говорить открыто, но придворные дамы шушукались за спиной девушки, а отправить их прочь без скандала не представлялось возможным. Когда намерения принцессы встретили стойкое сопротивление, преподнесенное как беспрекословное подчинение госпоже, Бриони сдалась и позволила фрейлинам сопровож-

дать ее.

«Все нормально, – успокаивала она себя. – Все выглядит абсолютно невинно. Сплетникам не о чем судачить».

Но Бриони не могла избавиться от обиды. Повелительница всех северных земель – да, пусть совместно с братом – не имеет права встретиться с человеком без присмотра, словно несмышленный ребенок!

Он поджидал принцессу в садике, где выращивали пряности. Из-за спора с фрейлинами она задержалась дольше, чем хотела. Бриони подумала, что людям, выросшим на юге, тяжелее переносить прохладную погоду. Но если Давет дан-Фаар и страдал от холода, он никак этого не показывал.

– Я рассчитывала, что мы сможем остаться здесь, – сказала Бриони, – однако слишком холодно. Давайте прогуляемся по аллее и побеседуем в павильоне королевы Лили.

Посол с улыбкой поклонился. Возможно, он и в самом деле был рад перебраться туда, где теплее.

– Зато вы, как вижу, оделись по погоде, – заметил он, оглядывая Бриони с ног до головы.

Девушка с раздражением почувствовала, что краснеет.

В этом небольшом павильоне правнучка Англина любила сидеть за шитьем, наслаждаясь ароматом пряных трав, которым веяло из садика. Охранники Бриони в полном составе тоже вознамерились разместиться в уютной маленькой комнате, но принцесса позволила остаться лишь двоим. Те устроились у дверей, откуда им было видно Розу и Мойну,

занятых шитьем. Фрейлины ни на минуту не спускали глаз со своей госпожи.

– Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, лорд Давет, – вежливо произнесла Бриони, когда им подали глинтвейн.

– Да, наилучшим образом, ваше высочество. – Он сделал глоток вина. – Должен признаться, что в такие дни, как сегодня, когда дует пронизывающий ветер, я особенно скучаю по Иеросолю.

– Это понятно. Совсем не хочется, чтобы наступали холода, но, похоже, уже приближается зима. Такое тепло весьма необычно для декамена.

Давет хотел что-то добавить, но передумал и лишь спросил:

– Вы так оделись из-за погоды, ваше высочество?

Он указал на толстые рейтузы и длинный камзол. Бриони перешла их для своей тонкой талии и более широких, чем у мужчин, бедер. Одежда принадлежала Баррику, но тот ни разу не надевал эти вещи.

– Мне кажется, вы не одобряете мой наряд, лорд Давет.

– Прошу прощения – нет, ваше высочество. Я считаю грехом против природы, когда женщина, особенно такая молодая и красивая, надевает столь грубый наряд.

– Грубый? Это блуза и камзол принца. Видите вышивку золотом? Они не могут быть грубыми.

Давет нахмурился. Бриони было очень приятно видеть его сбитым с толку – все равно что наблюдать за неуклюжим па-

дением наглой кошки.

– Это мужская одежда, принцесса Бриони, и не важно, насколько богато она украшена. Она делает грубым то, что от природы изящно.

– Значит, от того, во что я одета, зависит мое природное изящество? Боюсь, у меня слишком мало места для маневра, лорд Давет, если я становлюсь грубой из-за одного того, что надела камзол.

Посол улыбнулся, но было заметно, что этот разговор раздражает его.

– Хотите надо мной посмеяться, ваше высочество? Вы, конечно, можете себе это позволить. Но вы спросили, одобряю ли я ваш наряд, Я ответил вам честно: не одобряю.

– Значит, будь я вашей сестрой, вы бы запретили мне так одеваться?

– Будь вы моей сестрой или любой другой женщиной, чью честь я должен защищать, запретил бы. Непременно.

На секунду Бриони поймала взгляд его темных глаз и увидела в них гнев и требовательность. Она почувствовала себя так, будто играла с безобидным котенком, а тот вдруг начал кусаться.

– Видите ли, лорд Давет, именно поэтому я попросила вас посетить меня, – сказала она.

– То есть именно вы, а не «мы» и не «нас», ваше высочество?

Она снова почувствовала, что краснеет.

– «Мы», «нас»? Вы переступаете границы, лорд Давет.

– Я не совсем ясно выразился, ваше высочество, – ответил посол и склонил голову. Но Бриони успела заметить легкую улыбку на его губах: прежнюю самодовольную улыбку. – Прошу меня простить. Я имел в виду, что вы не сказали «мы», а значит, эта встреча только с вами, а не с вами и вашим венценосным братом, как мне сначала дали понять. Я предполагаю, что вы желаете поговорить менее официально?

«Вот дьявол!» – мысленно выругалась Бриони.

– Нет, я не это имела в виду. Я пришла сюда в качестве со-регента, с согласия моего брата. Вы заставляете меня жалеть о том, что я разговаривала с вами как с другом, лорд Давет.

– Пусть Трое Высочайших разрушат мой дом, если я предполагал нечто подобное, принцесса! Если имел в виду что-либо, кроме уважения и благоговения. Мне лишь хотелось уточнить, какого рода аудиенция мне назначена.

Бриони выпила вина, пытаясь выгадать время и вернуть самообладание.

Ваши слова о защите чести оказались весьма кстати, – сказала она. – Об этом я и хочу поговорить. Всего несколько недель назад я как раз и была тем жалким существом, кого должны были отправить с вами в Иеросоль, чтобы выдать замуж за вашего господина, в качестве... в качестве выкупа. Думаю, вы не забыли, лорд Давет, что являетесь послом нашего врага.

– У вас есть враги пострашнее Лудиса, ваше высочество.

Подозреваю, у вас есть и друзья куда менее надежные, чем я. Но прошу меня простить: я опять допустил непростительную оплошность, прервав вас.

Он снова ее задел, но гнев помог Бриони взять себя в руки. Она продолжала:

– Пришло время правителям Южного Предела и королевств Пределов дать ответ вашему господину, протектору Иеросоля, на его брачное предложение. Пока мой старший брат был регентом, оно могло быть принято, но сейчас, как вы понимаете, ответ отрицательный. Мы выкупим моего отца за деньги, а не за мою девственность. Если Лудис не перестанет разорять северные королевства, то в случае нападения на Иеросоль автарка северные земли не придут к вам на помощь. Мы ненавидим автарка и не желаем, чтобы он получил хоть горсть земли Эона. Но нас обрадует поражение Лудиса Дракавы. – Она остановилась, успокаивая дыхание, чтобы голос звучал тверже. – Если же у него есть другое предложение, если он готов освободить короля Олина на более приемлемых условиях и сумма выкупа будет не столь невероятной, то у Лудиса здесь могут появиться союзники, которые пригодятся ему в будущем.

– Вы желаете, чтобы я передал это Лудису, принцесса Бриони?

– Да.

Давет дан-Фаар медленно кивнул.

– Означает ли это, что я больше не пленник и могу вместе

со своим эскортом отплыть в Иеросоль?

– Вы сомневаетесь в моих словах?

– Нет, ваше высочество. Иногда дела решаются без участия принца.

– Комендант крепости Авин Броун знает, чего я желаю... чего мы желаем. Он вернет оружие вашим людям. Корабль уже готов к отплытию.

– Спасибо вашему коменданту, наш корабль цел и невредим. Мне было позволено оставить на борту небольшую команду, чтобы она поддерживала там порядок. – Давет усмехнулся. – Должен признаться, по разным причинам я буду сожалеть, что мой визит закончился. Приятно сознавать, что я вновь обрел свободу. Теперь у вас будет на одного гостя меньше.

– Именно гостя. Как бы вы ни рассматривали эту ситуацию, лорд Давет, не думаю, что с вами обращались как с пленником.

– Пожалуй, в любом случае, я был очень ценным пленником, – ответил тот. – Но это слабое утешение для человека, привыкшего проводить жизнь в седле, переезжая с места на место. – Он переменял позу. – Итак, я должен идти и начинать приготовления к отъезду?

– Да, конечно. Вам лучше отплыть до наступления холодов.

Как ни странно, Бриони огорчилась, хотя прекрасно понимала, что рано или поздно это должно произойти. При-

сутствие Давета и его людей нарушало обычное течение жизни в замке. Сплетни и пересуды слышались со всех сторон. Принцессе нравилось разговаривать с Даветом дан-Фааром, но Броун убедил Бриони и Баррика, что посол и его спутники не замешаны в убийстве Кендрика, поэтому задерживать их и кормить всю долгую зиму нет более никаких причин.

Давет поклонился, сделал несколько шагов, но вдруг остановился и спросил:

– Могу я говорить с вами откровенно, ваше высочество принцесса Бриони?

– Конечно.

Он взглянул на стражников и фрейлин, потом вернулся к столу и сел рядом с ней. Бриони ощутила запах кожи и какого-то сладковатого масла для волос. Она заметила, что Роза и Мойна переглянулись.

– Ловлю вас на слове, госпожа, и надеюсь, что вы ведете честную игру, – заговорил посол негромко. – Послушайте меня, пожалуйста. Я очень рад, что вы отвергли предложение Лудиса, Моего господина. Вряд ли вы нашли бы приятной жизнь при его Дворе: его интересы и развлечения не пришлись бы вам по вкусу. Однако я искренне надеюсь, что однажды вы посетите южные земли, принцесса. Может быть, даже Ксанд... Или его окрестности, чтобы не встречаться с аварком. Вы не представляете себе, как там красиво: зеленые моря, высокие горы – красные, как румянец на щеках девушки, бескрайние джунгли, полные зверей, о которых вы

никогда не слышали. Там есть пустыни. Помните, я рассказывал вам о бескрайних безмолвных пустынях? Возможно, когда-нибудь вы станете великой королевой. Но вы еще так мало видели в этом мире... Мне кажется, это досадно.

Бриони задела эти слова.

– Я бывала в Сеттленде, Бренленде и... и в Фейле, – попыталась возразить она.

Ей тогда исполнилось пять лет, и отец возил ее к родственникам Мероланны. Бриони почти ничего не запомнила, кроме большого черного коня, которого отцу подарили в Фейле. Еще она помнила, как они стояли на балконе и наблюдали за плескавшимися в воде выдрами.

Давет улыбнулся: принцессе нечего было возразить ему.

– Простите меня, но я не могу отнести Сеттленд и Бренленд к величайшим достопримечательностям нашего мира, моя госпожа, – сказал он, и улыбка исчезла с его лица. – Мне бы хотелось, чтобы вы увидели по-настоящему интересные места. Это желание отчасти эгоистическое... Видите ли, я мечтаю сам показать вам их... – Он поднял длинную коричневую руку, будто останавливал ее протесты. – Прошу вас, ничего не отвечайте. Ведь вы позволили мне говорить откровенно. Есть еще кое-что, о чем я хотел бы сказать. – Теперь он перешел на шепот. – Вы находитесь в опасности, и она гораздо ближе, чем вы думаете. Полагаю, вашего брата убил не Шасо. Впрочем, я не сумею этого доказать. Но я с уверенностью могу утверждать, что человек, находящийся рядом с

вами, желает вам зла. Смертельного зла.

Он молча смотрел на нее. Бриони чувствовала отчаяние, словно ей снился страшный сон.

– Не доверяйте никому, – добавил посол.

– Зачем вы мне это говорите? – шепотом спросила она, когда вновь обрела дар речи. – Почему я должна верить вам, человеку Лудиса Дракавы? Может быть, вы хотите посеять раздор между мной и теми, кому я доверяю?

На лице посла снова появилась улыбка, на этот раз еще более странная.

– Ах, я веду такую жизнь, что вполне заслуживаю подобного отношения, – согласился он. – С другой стороны, принцесса, я не принуждаю вас действовать по моей подсказке, а только хочу, чтобы вы подумали над моими словами и не забывали о них. Возможно, когда-нибудь мы с вами снова сядем рядом, и тогда вы скажете мне, добра или зла желал я вам сегодня. – Давет встал и снова принял беззаботный вид, словно сменил одежду. – Надеюсь, в следующий раз вы наденете более подходящий наряд.

Он подчеркнуто церемонно взял руку Бриони и прикоснулся к ней губами. Присутствующие смотрели на них, широко открыв глаза.

– Благодарю вас и вашего брата за оказанное гостеприимство, принцесса, и скорблю о вашей потере. Я передам ваше послание моему господину в Иеросоле, – проговорил посол, затем поклонился и покинул павильон.

– Вы так перешептывались, что мне становилось дурно, – отчитала Бриони фрейлин. Она не понимала, что чувствует сейчас, но эти ощущения были неприятны. – Уходите. Мне нужно побыть одной и подумать.

К утру темноволосой Уиллоу стало немного лучше. Она вела себя как ребенок, и Феррас Вансен даже усомнился, действительно ли главная причина ее бед – Граница Теней.

«Может быть, – размышлял он, – она и без того была слабоумной?»

Так или иначе, когда из-за туч выглянуло солнце, Уиллоу оживилась и повеселела – в отличие от молчаливых воинов, ехавших впереди Вансена. Девушка без умолку болтала о своей семье, хозяйстве и соседях – точно ребенок, которого взяли на ярмарку.

– Она такая маленькая, но невероятно упрямая, – лепетала Уиллоу. – Запросто оттолкнет от кормушки любого козла, даже старших братьев!..

Коллум Дайер слушал ее с кислым выражением лица.

– Лучше уж вы, капитан. Феррас пожал плечами.

– Я рад, что она заговорила, – отозвался он. – Возможно, она скажет что-то, за что мы возблагодарим Перина, Идущего по Облакам.

– Может быть. Но пусть лучше она говорит с вами, а не со мной.

Если честно, Феррас даже радовался возможности от-

влечься. Пейзажи по обочинам дороги теперь казались менее странными, чем те, что попадались на глаза в предыдущие два дня пути. Дорога была пустынной и мрачноватой, но в остальном такой, как и следовало ожидать, – ничего особенного. Они уже преодолели почти половину пути. Все крупные города Сеттленда и Южного Предела остались далеко позади, а эти места опустели после второй войны с сумеречным племенем: остались лишь мелкие арендаторы, лесорубы и горстка фермеров. Несколько мелких городишек, таких как Кендлер и Фейншил, располагались южнее по Сеттлендской дороге, дальше от Границы Теней. Эти города лежали в стороне, и ничего примечательного в них не было, поэтому, к великому разочарованию Дайера и остальных, Вансен решил туда не сворачивать. Ближе к морю, на востоке и западе, климат становился мягче, поэтому никто не хотел жить здесь, в безлюдных местах. Сеттлендская дорога тянулась среди холмов, поросших кустарником. Окрестности почти не отличались от того, что Вансен привык видеть в детстве.

В нескольких милях к северу вновь показалась Граница Теней – по крайней мере, туман указывал на нее. Эта плотная пелена нависала совсем близко и мешала двигаться вперед: невольно возникали мысли о злобных существах, наблюдающих за отрядом в ожидании удобного момента для нападения. Однако Феррас был доволен, что Граница находится в пределах видимости – так он знал точно, что они не пересекли ее.

От коз Уиллоу перешла к отцу и свиньям. Она поведала об отношении ее отца к тому, что она позволяла свиньям рыться в земле и искать «семечки дуба» – так она называла желуди. Вансен в последние десять лет старался позабыть о существовании свиней и овец, поэтому прервал ее вопросом:

– А Коллум? Твой брат?

Его догадка оказалась верна – или она была еще более безумна, чем он думал. Девушка ответила:

– Он любит собирать тростник, а не пасти свиней. Наш Коллум тихоня. Ему всего десять зим. А какие ему снятся сны!

– А где он сейчас? – поинтересовался Вансен, пытаясь понять, есть ли смысл в ее словах.

Девушка сразу опечалилась, даже испугалась, и капитан пожалел, что спросил.

– Он ушел ночью, – сказала она. – Его призвала луна, так он говорил. Я хотела пойти с ним, он ведь совсем маленький. Но отец схватил меня и не выпустил из дому.

Похоже, рассказ причинил ей боль. Она быстро сменила тему и принялась болтать о тростнике, из которого делали светильники. Это занятие тоже было хорошо знакомо Вансену.

«Луне не пришлось долго звать меня, я сам сбежал из дома, – подумал Вансен. – Только едва ли девушки́н братец ушел в город за своей судьбой».

Когда день начал клониться к вечеру и солнце приблизилось к горизонту, Вансен решил разбить лагерь. Весь день дорога петляла среди низких холмов, покрытых редкой растительностью, но дальше она углублялась в лес. Совсем не хотелось въезжать туда в сумерках.

– Посмотрите! – воскликнул один из солдат. – Олень, олень!

– У нас будет свежее мясо, – подхватил другой.

Феррас Вансен увидел в полусотне шагов животное, стоявшее в тени деревьев. Олень был крупным, с внушительными ветвистыми рогами, и выглядел как совершенно обычный зверь. Но при этом он как-то странно смотрел на людей. Солдаты натягивали луки, а Вансену стало не по себе.

– Не стреляйте! – приказал он, когда один них поднял лук и прицелился. – Не надо!

Услышав крик, олень, видимо, почувствовал, какая участь его ожидает. Он повернулся и в два мощных прыжка исчез среди деревьев.

– Я мог бы подстрелить его, – заворчал лучник. Это был ветеран Саутстед, известный своим беспокойным нравом. Вансен взял его в поход именно по причине характера: оставшись в замке, Саутстед непременно начал бы сеять недовольство среди гвардейцев. Он недовольно сказал: – Мы понятия не имеем, что здесь настоящее, а что нет.

– Вы видели цветы. Вы видели пустые дома. У нас достаточно еды в тюках и переметных сумках, чтобы не умереть

с голоду, – ответил Вансен, стараясь, чтобы в его голосе не звучало раздражения. – Не убивайте никого, кто вам не угрожает. Всем ясно?

– Вы считаете, – снова заговорил Саутстед, – что там тоже девушка, превращенная в оленя? – Он повернулся к другим солдатам и захохотал: – У него ведь уже есть одна. Разве можно быть таким жадным?

Вансен понял, что Саутстеду, как и остальным, страшно идти по этой дороге, когда вокруг все стало таким необычным.

«Как и остальным, – повторил он про себя. – Значит, подобные разговоры становятся все опаснее».

– Если ты считаешь, что можешь командовать отрядом лучше меня, Михаэль Саутстед, – решительно обратился он к солдату, – так и скажи. Но мне, а не им.

Улыбка Саутстеда погасла. Он облизнул губы и пробормотал:

– Да я просто пошутил, командир.

– Тогда оставим это и разобьем лагерь. Лучше шутить у костра.

Когда пламя запылало и Уиллоу принялась греть над ним руки, Коллум Дайер подошел к Вансену.

– Вам надо приглядывать за Михаэлем, капитан, – шепнул он ему. – Он всегда любил выпить, и теперь его мозги не в лучшем состоянии. Но я не ожидал, что нахал осмелится подшучивать над капитаном. При Маррое он бы не решился

зайти так далеко.

– Но он справляется со своими обязанностями. – Вансен помрачнел и обернулся к купцу: – Реймон Бек, подойди ко мне.

Для молодого человека этот поход был непомерно тяжелым: он словно оказался внутри ночного кошмара и не находил пути назад. Бек медленно, очень медленно подошел к Вансену и Дайеру – Ты честный человек, Бек? – спросил Вансен. Тот удивленно поднял глаза.

– Ну конечно честный.

– Скажи: да, капитан, – поправил его Дайер.

Вансен махнул рукой в знак того, что это сейчас не важно.

– Прекрасно. Тогда я попрошу тебя сопровождать девушку. Она поедет рядом с тобой. Разобрать ее речи не легче, чем просеять тысячу мер мякины ради одного зерна. Пожалуй, ты лучше поймешь, когда она говорит что-то полезное, а когда нет.

– Я?

– Ведь из всех нас одному тебе знакомо то, что она видела, слышала и чувствовала. – Феррас оглянулся на солдат, собиравших валежник для костра. – И если откровенно, лучше пусть солдаты завидуют тебе, чем мне.

Видно было, что Беку не понравилось это поручение, но за спиной у него стоял Коллум Дайер, чистивший грязные ногти очень длинным кинжалом. Поэтому купец насупился и проворчал:

– Но я женат.

– Тогда обращайся с ней так, как следовало бы обращаться с твоей женой, окажись она в лесу в полном беспамятстве. Если она скажет что-нибудь, что будет нам полезно, сразу докладывай мне.

– Полезно? Для чего?

– Для того, чтобы выжить. Это главное, – вздохнул Вансен. Несчастный Бек вернулся к костру и уселся рядом с Уиллоу.

Вансен и Дайер остались вдвоем.

– Вы считаете, капитан, что нам угрожает серьезная опасность? – спросил его Дайер. – На самом деле? Из-за нескольких цветочков и полоумной девицы?

– Возможно, нет. Но я хотел бы привести людей домой целыми и невредимыми, и пусть надо мной смеются за излишнюю осторожность. Не возражаешь?

Ночь прошла без приключений, и наутро отряд снова двинулся в путь. Лес был настолько густым, что деревья закрыли от воинов и мрачные холмы, и Границу Теней вдали. Сначала все радовались этому, но вот наступил день, солнце уже склонялось к закату, а они по-прежнему могли лишь изредка видеть небо сквозь просветы в нависавших над дорогой ветвях. Вансен понял, что им, вероятно, придется провести ночь в лесу. Это ему совсем не нравилось. В полдень, когда они перекусывали хлебом и сыром, Вансен подозвал к себе

Реймона Бека.

– Ничего толкового, – мрачно сообщил тот. – Никогда прежде не слышал столько пустой болтовни о свиньях и козах. Если мы когда-нибудь попадем на ферму ее отца, я ее подожгу.

– Я не о том. Эти леса... Сколько времени вы ехали через них? Я имею в виду, когда направлялись в Сеттленд. – Он попытался ласково улыбнуться. – Думаю, на обратном пути ты уже не обращал внимания на такие вещи.

В глазах Бека мелькнул интерес, но выражение его лица оставалось по-прежнему несчастным.

– По пути туда мы не проезжали через лес, – ответил он.

– Как так? Вы ведь ехали по Сеттлендской дороге? Лицо купца было бледным и измученным.

– Неужели вы ничего не поняли, капитан? Все изменилось. Абсолютно все. Я узнаю едва ли половину тех мест, что видел в прошлый раз.

– Что за чепуха! Ведь все произошло неделю или две тому назад. Вы должны были проезжать через этот лес. Дорога – не река, которая может изменить русло.

Бек только пожал плечами:

– Значит, я забыл этот лес, капитан Вансен.

День клонился к вечеру. Дорога, со всех сторон окруженная деревьями, была мрачной и тихой, но признаки жизни все же появились: несколько оленей, белки, пара черно-бурых лисиц. Животные таинственно, словно призраки, пере-

секали дорогу перед отрядом, а потом исчезали в чаще. Какое-то время за воинами следовал ворон, перелетая с ветки на ветку. Он вертел головой и не спускал с путников ярких желтых глаз, будто рассматривал их, пока один из солдат, раздраженный настойчивостью птицы, не бросил в него камень. Вансен не решился сделать солдату выговор.

Постепенно тени листьев и ветвей начали сливаться, и Вансен решил, что идти дальше в надежде выбраться из леса бессмысленно. Уже через час совсем стемнеет. Он приказал остановиться и разбить лагерь под деревьями у дороги.

Стоя на коленях перед кучей дров, Вансен пытался высечь огонь неподатливым кремнем. Один из молодых солдат торопливо подошел к нему.

– Капитан! Капитан! – кричал он на ходу. – На дороге впереди кто-то есть.

Вансен поднялся.

– С оружием? – тревожно спросил он. – Можешь сказать, сколько там их?

Испуганный парень затряс головой.

– Только один. Старик, кажется. Идет по направлению от нас. Я видел его! Он в плаще с поднятым капюшоном и с посохом.

– Наверное, это местный лесоруб, – предположил Вансен, Удивленный лихорадочным возбуждением молодого человека.

– Он... он показался мне странным. Феррас Вансен оки-

нул взглядом людей. Солдаты бросили работу. Вместо того чтобы разбивать лагерь, все смотрели на командира. Он чувствовал их любопытство и волнение.

– Ну что ж, мы должны взглянуть на него, – решил он и приказал молодому солдату: – Ты пойдешь со мной. Дайер! Ты тоже. Если старик живет неподалеку, у нас будет ночлег получше.

Они вскочили на коней и поскакали вслед за солдатом. Когда всадники миновали поворот и лагерь скрылся из виду, они действительно увидели впереди человека. Он шел быстро, чуть сторбившись.

«Если это старик, то очень уж проворный», – подумал Вансен.

Оставив пешего солдата, Вансен и Коллум пришпорили коней, собираясь догнать пешехода за несколько минут. Но темнело слишком быстро, и, хотя дорога в этом месте делала очень небольшой поворот, они потеряли путника из виду.

– Он услышал топот копыт и скрылся в лесу, – предположил Коллум Дайер.

Они проехали еще немного вперед, выбрались на прямой участок дороги и в слабом свете закатного солнца разглядели, что впереди никого нет. Они развернулись и неторопливо двинулись обратно, глядя в чашу по обе стороны от колеи в надежде увидеть спрятавшегося незнакомца.

– Это уловка, – сказал Дайер. – Думаете, там был враг? Шпион?

– Возможно, но...

Вансен остановился. Его лошадь заартачилась и начала бить копытом. От земли поднимался ночной туман.

– Мы проехали два поворота дороги, – сказал он. – Где же лагерь?

Дайер был потрясен не меньше командира.

– Вы пугаете меня, капитан. – Он нахмурился. – Наверное, еще не добрались. Мы могли не рассчитать расстояние при таком освещении.

Они снова двинулись вперед, но очень скоро Дайер остановил лошадь и закричал:

– Эй! Эй! Где вы все? Это Дайер! Где вы? Никто не ответил.

– Но мы ведь не съезжали с дороги! – воскликнул испуганный и разъяренный Коллум. – Еще даже не полностью стемнело!

Феррас Вансен почувствовал, что дрожит, хотя вечер выдался теплый. Между деревьями лениво струился туман. Капитан сотворил знак Тригона и осознал, что уже некоторое время молится про себя.

– Нет, – медленно сказал он. – Где-то, как-то, сами того не зная, мы перешли Границу Теней.

19. БОГОКОРОЛЬ

ГЛУБОКАЯ НОРА

*Далекий звук рожка,
Соленый запах детских слез,
Тяжелый для дыхания воздух.
Из «Оракулов падающих костей»*

Главный священнослужитель, как обычно, пришел лишь тогда, когда Киннитан уже прочла несметное количество молитв, и перед ней поставили дымившуюся золотую чашу. Верховный жрец Пангиссир тоже принадлежал к избранным. Он был крупным и представительным, как Луан, но придерживался мужского поведения в той же степени, в какой Луан старалась изображать настоящую женщину. К тому же, похоже, он утратил свое мужское достоинство только после того, как вступил в зрелый возраст: борода у него была реденькой, но длинной, а голос – на удивление глубоким. Жрец охотно использовал его красивый тембр, дабы произвести впечатление на слушателей.

– Выполнила ли она послушание на сегодня? – спросил он. Прислужник кивнул, и жрец сложил руки на груди. – Хорошо. А прочла ли все молитвы перед зеркалом?

Киннитан еле сдерживала раздражение. Она терпеть не могла, когда о ней говорили как о несмышленном ребен-

ке. Многочасовое чтение молитв всегда проходило в крошечной, увешанной зеркалами храмовой комнатенке, и каждый раз девушка читала одни и те же сложные песнопения. Ни одного из нескольких десятков нельзя было пропустить. Эти многословные взывания к различным воплощениям Нушаша следовало произносить перед самым большим священным зеркалом. Киннитан прославляла бога в различных его ипостасях: Красная Лошадь, Пылающая Сфера Рассвета, Победитель Ночных Демонов, Золотая Река, Охраняющий Сон, Играющий со Звездами, и так далее, и так далее... Неужели жрец считает, что в его отсутствие она занималась посторонними делами?

– Да, о хранимый Нушашем. Она готова, – ответил младший священник.

Он также принадлежал к числу избранных и отличался высоким голосом и гладкой кожей, как у юноши, хотя явно достиг средних лет. Он был тщеславен: обожал смотреться в священные зеркала, когда думал, что Киннитан его не видит.

Киннитан взяла чашу – великолепную вещь из чеканного золота, украшенную драгоценными камнями. На ней был изображен крылатый бык, впряженный в огромную колесницу Нушаша. Стоила такая чаша больше, чем весь квартал города, где прошло детство Киннитан. Она постаралась принять торжественный, благоговейный вид. В конце концов, верховный жрец Пангиссир – самый влиятельный человек в мире. Возможно, ее жизнь находится в его руках. И все

же, сделав первый глоток, Киннитан чуть-чуть сморщилась.

К счастью, младший священник читал молитвы очень громко, поэтому Киннитан могла пить медленно и не беспокоиться о том, как выглядит, с трудом проталкивая в себя отвратительное зелье. Этот эликсир под названием «кровь солнца» слегка напоминал вкус настоящей крови – солоноватый, с легким привкусом мускуса. Киннитан глотала его с трудом. Она чувствовала и другие привкусы, тоже не очень-то приятные. В напитке не было специй, но во рту у Киннитан появился вкус желтого марашского перца.

– А теперь закрой глаза, дитя мое, – низким голосом важно попросил Пангиссир, когда Киннитан допила жидкость. – Пусть боги найдут тебя и прикоснутся к твоей душе. Это величайшая честь.

И «честь» не заставила себя долго ждать: на этот раз вместо легкой неги, полной грез, Киннитан почувствовала, что ее будто схватили и ударили чем-то тяжелым. Все началось с ощущения жара внизу живота, который очень быстро – словно огонь по сухой траве – распространился по спине, затем вспыхнул в голове и между ног. Киннитан едва не упала со стула, но младший священник поддержал ее. Девушке казалось, что его руки находились где-то очень далеко, что они прикасались к статуе, а не к живой Киннитан. В глазах у нее потемнело, в голове шумело, и ей стало ясно: сейчас ее череп треснет, как каштан в огне, и она умрет.

«Помогите!»

Ей показалось, что она закричала или, по крайней мере, попыталась закричать, но слова прозвучали в ее воображении, а с губ слетели какие-то животные стоны.

– Положи ее, – приказал Пангиссир. Его голос доносился откуда-то издалека. – На этот раз пробрало как следует.

– Что-то... – начал было младший священник. – Она будет...

Киннитан не видела его – она погрузилась в черный туман, – но голос заставил девушку содрогнуться.

– Она сейчас ощущает прикосновение бога, – говорил Пангиссир. – Она готовится. Подложи ей под спину подушки, чтобы она не ударилась. С ней говорит великий бог...

«Никто со мной не говорит, – думала Киннитан, в то время как голос Пангиссира все слабел, оставляя ее в темноте. – Никто не говорит. Я совсем одна!»

Она почувствовала, как вокруг нее образуется нечто плотное, но не могла ни понять, ни даже предположить, что это. Силы уходили на то, чтобы сохранить себя, свое «я»: темнота грозилась забрать у нее все, что делало ее Киннитан. Так в далеком детстве зимними вечерами холод отбирал тепло у тела, когда она выскакивала на улицу после беготни и возни с братьями.

Но вот темнота начала меняться. Киннитан по-прежнему ничего не видела, но пустота вокруг уплотнялась, становилась похожей на кристалл. Каждая мысль в голове заставляла этот кристалл звенеть низким размеренным гулом огром-

ного ледяного колокола. Киннитан стала тяжелой – тяжелее и старше всего сущего на земле. Теперь она поняла, каково быть камнем, неподвижно лежащим в земле: его мысли так же тяжелы, как устремленные ввысь горы. Она ощутила, как живет камень, отсчитывая не секунды, но тысячелетия, когда одна мысль – это бесконечность.

Она почувствовала нечто, какое-то постороннее присутствие – вне тела, но все-таки пугающе близко. Она показала себе мухой, что разгуливает по животу спящего человека и не догадывается об этом.

Но спящего ли? Возможно, нет. Теперь она знала истинный размер мыслей, окружавших ее и проникавших внутрь. Сначала Киннитан приняла их за свои собственные, но тотчас поняла, что не в состоянии постичь заключенные в них идеи, как не в состоянии выразить словами грохот земли.

«Нушаш? Неужели это сам великий бог?»

Киннитан больше не хотела оставаться в этой твердой, как алмаз, говорящей темноте. Неприятное содрогание, исходящее от медлительных раздумий бога, было непереносимо для ее хрупкого разума. Бог слишком далек и слишком велик – не только для нее, но для любого человека. Огромный как гора – нет, как сам Ксанд и даже еще огромное, – он может лечь на небо и заполнить его целиком.

И тут он, кто бы он ни был, заметил ее.

Киннитан вырвалась из плена, сердце ее колотилось, готовое выскочить из груди. Она очнулась в одной из комнат хра-

ма, ярко освещенной фонарями. Тело сотрясали рыдания, а во рту был привкус мертвечины. Младший священник подерживал голову Киннитан: ее рвало.

Женщины-прислужницы убрали за ней, помыли девушку и одели, и она снова предстала перед Пангиссиром. Верховный Жрец взял ее лицо в свои жесткие руки и уставился ей в глаза – без тени сочувствия, как ювелир, вглядывающийся в огранку камня.

– Хорошо, – заключил он. – Бесценный будет доволен. Мы успешно продвигаемся.

Киннитан хотела что-то сказать, но не смогла. Она чувствовала себя усталой и больной, будто ее побили.

– Тебя призвал автарк Сулепис, девочка. Сегодня вечером тебя подготовят. А завтра отведут к нему, – сказал жрец и ушел.

Подготовка была утомительной и продолжалась очень долго. Когда Киннитан, поднявшемуся с постели лишь час назад, вели по коридорам дворца-сада на утреннюю встречу с автарком, она спотыкалась от усталости. Вчерашнее зелье верховного жреца продолжало действовать, причем сильнее, чем прежде. Даже в крытых переходах свет казался слишком ярким, а эхо шагов чересчур громким: девушке хотелось убежать обратно в постель и с головой спрятаться под одеяло.

У золотых дверей опочивальни автарка Киннитан и ее

маленькая свита остановились, чтобы пропустить знакомые огромные носилки. Их неуклюже разворачивали в проходе. Скотарк Прусас скрюченными пальцами отдернул занавески и выглянул. Он заметил Киннитан и уставился на нее, открыв рот, будто удивлялся. Она подумала, что причиной гримасы было не удивление, а слабость мышц его нижней челюсти: что необычного в одной из многочисленных невест, ожидающей аудиенции у автарка? Голова скотарка тряслась на тонкой шее. В глазах Прусаса промелькнуло выражение не то презрения, не то ненависти. Его холодный оценивающий взгляд, подергивания и ужимки лишь усилили раздражение Киннитан.

Почему самый могущественный человек в мире выбрал своим преемником это хилое, ненормальное существо? Киннитан терялась в догадках. Должность скотарка стала традиционной при Соколином троне. До тех пор пока сын автарка не станет достаточно взрослым, чтобы управлять государством, роль наследника выполняет скотарк. Если автарк умрет, не оставив законного наследника, наличие правителя предотвратит распри между родственниками – они не могут наследовать трон напрямую, а значит, не будет кровопролитной войны кланов за власть.

Правда, древний закон гласил, что в случае смерти скотарка автарк лишается милости богов и должен отречься от трона. Поэтому при выборе скотарка правитель учитывал не столько деловые качества, сколько здоровье и выносливость.

Примерно так оценивают скаковых лошадей: по блеску глаз и крепкому сердцу. Раньше выбор скотарка осуществлялся на специальных состязаниях: в процессе их все участники, кроме победителя, должны были умереть. Такие состязания считались обычным делом, потому что для автарка путь к Соколиному трону грозил теми же опасностями. Правда, в борьбе за власть претенденты умирали не так открыто.

Девушка видела, как Прусас, дрожа всем телом, откинулся на подушки в глубине паланкина. Срывающимся голосом он крикнул носильщикам, чтобы его несли дальше. Киннитан не понимала, почему Сулепис, не имевший не то что взрослого наследника мужского пола, но даже новорожденного сына, выбрал в скотарки калеку, находившегося на краю могилы. Впрочем, не только Киннитан – никто в обители Уединения не знал ответа, хотя об этом постоянно судачили. Самые отчаянные шепотом высказывали предположение, будто автарк – самый ненормальный в своей безумной семейке. Или, говорили они с одухотворенным видом, он любимец богов.

Не успели высокие двери захлопнуться за скотарком, как их снова открыли перед Киннитан, двумя ее служанками и стражниками из числа избранных.

Опочивальня, украшенная изящными пурпурно-золотыми колоннами, была чуть меньше большого Тронного зала, хотя людей в ней собралось совсем немного: десяток солдат, расположившихся за помостом, и человек двадцать слуг и

священников. При других обстоятельствах Киннитан почувствовала бы себя неловко под взглядами мужчин, особенно после жизни в обители Уединения, но не сейчас. И, хотя одним из рассматривавших ее был Джеддин – глаза капитана «леопардов» выражали восхищение, – взор Киннитан как магнитом притягивал человек, сидевший на белой каменной скамье. Однако еще больше, чем очевидное могущество автарка, ее поразило поведение людей: все они старались занять место поближе к Сулепису, хотя, несомненно, боялись его. Наверное, так замерзшие крестьяне придвигаются к огню. Смотреть на правителя заставляло не только безумие, горевшее в его безжалостных, как у хищной птицы, глазах. Киннитан уставилась на автарка еще и по другой причине: тот оказался абсолютно голым, если не считать золотого венца на голове и золотых напалечников на руках.

Щеки Киннитан запылали, словно богокороль и вправду излучал жар. Она не знала, куда ей смотреть. Сама по себе нагота, даже мужская, ее не пугала: она не раз видела отца и братьев купающимися. К тому же, гуляя по людным улицам, залитым палящим солнцем, жители Ксанда предпочитали обходиться минимумом одежды. Загорелые руки и ноги автарка были длинноваты и худы, но он не был уродливым. Однако Киннитан напугало безразличие Сулеписа к собственному виду. Он походил на животное, не сознающее своей наготы и не получающее от нее никакого удовольствия. Его тело лоснилось от пота, а член, длинный и вялый, лежал на

бедрах, как морда неизвестного слепого зверя.

– А вот и моя юная невеста, – произнес автарк безразличным тоном, не соответствующим блеску его глаз. – Правильно я говорю, Пангиссир? Это ведь она?

Верховный жрец вышел из-за спин девушек с веерами и остановился.

– Вы, как всегда, правы, Бесценный, – поклонился он.

– А зовут ее... зовут...

– Киннитан, Бесценный, дочь Чешрета из третьего храма.

– Какое у тебя необычное имя, дитя. – Автарк поднял руку и поманил девушку длинным блестящим пальцем. – Подойди ближе.

Еще никогда в жизни она не испытывала такого сильного желания убежать со всех ног. Киннитан овладел животный ужас – словно ее окатили ледяной водой. Перед ней снова открылись глубины, в которые ее погрузило зелье, называемое «кровью солнца»: казалось, сейчас она провалится в черноту и будет падать вечно. Она не сумела бы объяснить, откуда возникло столь сильное желание убежать, но поддаваться ему все равно было недопустимо. Киннитан собралась с силами и постаралась взять себя в руки.

– Подойди! – резко приказал Пангиссир. – С тобой говорит сам Бесценный.

Теперь взгляд автарка словно вцепился в нее, и она, сама того не сознавая, сделала один маленький шаг вперед, потом второй. Золотой палец поманил – и Киннитан подошла

еще ближе, пока не остановилась прямо перед скамьей богокороля: его длинное лицо теперь находилось на расстоянии вытянутой руки. Она никогда не видела таких глаз, не могла вообразить себе такой пронзительной, безумной глубины, парализующей всех двуногих тварей. Сквозь аромат роз и другие запахи пробивался один: неприятный, причиняющий беспокойство, с солоноватым привкусом то ли крови, то ли горячего металла. Запах дыхания автарка.

– Наверное, сказывается ее происхождение.

Самый могущественный человек на земле протянул руку, чтобы прикоснуться к ней. Киннитан вздрогнула и застыла, когда автарк провел пальцем с золотым когтем по ее щеке, – ей показалось, что коготь оставляет кровавый след. Киннитан закрыла глаза. Она подумала, что все это лишь злая шутка и сейчас кто-нибудь подойдет и швырнет ее на пол, чтобы отрубить голову. Такой исход был предпочтительнее неизвестности.

– Открой глаза, девочка, – услышала она голос богокороля. – Разве я такой страшный? В обители Уединения множество женщин с радостью принимают мои прикосновения, а остальные молятся, чтобы я к ним пришел.

Киннитан посмотрела на него, и это стоило ей большого труда. Ей почудилось, что в огромной комнате не осталось ничего – ни колонн, ни стражников, – кроме его глаз цвета нестираного белья.

– Не бойся, – увещевал автарк. – Лучше радуйся. Ты ста-

нешь источником моего бессмертия, маленькая невеста. Это величайшая честь.

Она не могла ему ответить, не нашла в себе сил даже кивнуть – словно в горле застрял комок.

– Хорошо, – сказал он. – Делай все, как велит старый жрец, и брачная ночь возвысит тебя над всеми. – Рука автарка переместилась с лица на грудь Киннитан, и девушка почувствовала, как ее соски под легкой одеждой напряглись, словно от холода. – Помни: все это принадлежит теперь твоему богу.

Ладонь заскользила по животу, и через секунду золотые пальцы бесцеремонно сжали ее пах. Она не имела права даже застонать.

– Готовься и радуйся.

Автарк выпустил ее и отвернулся, подняв руку. Виночерпий бросился к нему, поднося какой-то напиток.

Было ясно, что аудиенция окончена. Пангиссир хлопнул в ладоши, и стражники повели Киннитан к двери. Она так сильно дрожала, что могла упасть, если б ее не поддерживали под руки. Тело не желало забывать прикосновения автарка – словно они оставили ожоги на коже.

20. ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В ЛУННОМ МИРЕ

В ГЛУБИНЕ ЛЕСА

Назови свои деревья-стражи:

*Белое Сердце, Каменная Рука, Скрытый Глаз,
Источник Звезд.*

*Поклонись им, и они, смеясь, поклонятся тоже.
Из «Оракулов падающих костей»*

Баррик был вне себя. Авин Броун посмел вызвать его в другой конец замка посреди ночи, словно принц – обычный придворный. Юноша недовольно прикрикнул на маленького слугу, когда тот, распахивая перед ним двери комендантских покоев, недостаточно проворно отскочил в сторону. И все же Баррика встревожили слова посыльного о крайне срочном, неотложном деле.

«Лорд комендант просит вас пожаловать в его покои, ваше высочество, – сообщил ему паж. – Он умоляет вас прийти как можно быстрее».

Баррика снова преследовали ночные кошмары. Они снились так часто, что в ожидании встречи с комендантом принц в глубине души боялся, что Броун предал его и заманил в ловушку. Баррик чуть было не подался назад, когда увидел идущего навстречу коменданта: тот был в нелепом ночном

халате и в туфлях с пряжками на босу ногу. Между тем Броун не сделал ничего подозрительного, а лишь слегка поклонился и придержал для Баррика дверь. Тогда в голову принцу пришла другая страшная мысль.

– Где сестра? – тревожно спросил он. – С ней все в порядке?

– Да, все хорошо. Надеюсь, она придет с минуты на минуту. – Комендант жестом указал на один из двух стульев, стоявших почти вплотную один к другому. – Присаживайтесь, ваше высочество, сделайте милость. Я объясню, в чем дело.

Его непричесанная, не перевязанная ленточками борода торчала во все стороны, словно дикий кустарник. Вероятно, срочное известие, заставившее Броуна взять на себя смелость вызвать обоих регентов, застало его в постели.

Баррик сел.

– Я отправил мальчика за вином. Простите, что принимаю вас по-простому, – сказал Броун и тяжело опустил свое огромное тело на табурет, оставив второй стул свободным.

Баррик пожал плечами.

– Я бы выпил глинтвейна.

– Прекрасный выбор. В коридорах невероятно холодно.

– Это верно, – согласилась появившаяся в дверях Бриони. – Очень хочу надеяться, лорд Броун, что у вас есть серьезная причина вытащить меня из теплой постели.

Под ее просторным бархатным плащом с капюшоном виднелась ночная рубашка. Только Баррик был одет так же, как

днем. Последнее время он не любил готовиться ко сну и засыпал прямо в кресле, в одежде. Ему казалось, что так злобным призракам будет труднее его обнаружить.

– Благодарю, ваше высочество, что пришли. – Броун поднялся и поклонился Бриони, прежде чем подвести ее к стулу.

Баррик заметил, что Броун, вставая, слегка поморщился.

Сначала Баррика это лишь удивило – и лорд комендант, и Шасо казались ему железными людьми. Но уже в следующую минуту его охватило беспокойство. А если Броун умрет? В конце концов, комендант уже не молод. Отец в плену, главный оружейник в темнице, Кендрик мертв. Эддоны могут доверять очень немногим из тех, кто в курсе всех дел Южного Предела. Баррик почувствовал себя ребенком, которого заставляют выполнять обязанности взрослого.

Броун, должно быть, прочел на лице Баррика его мысли и мрачно улыбнулся.

– Такие холодные ночи – испытание для моих старых суставов, ваше высочество, но я с этим справляюсь. Я рад, что вам придется познакомиться с подобными хворями еще очень и очень не скоро.

Бриони больше интересовал брат, чем недомогания лорда коменданта.

– Ты еще не ложился спать, Баррик? – удивилась она. Принцу не понравилось, что вопрос прозвучал при Авине Броуне. Она вела себя как старшая или даже как мать, а не сестра-близнец.

– Я читал. Вы одобряете такое занятие, ваше высочество?

Бриони чуть покраснела.

– Я просто поинтересовалась...

– Я давно хочу у вас спросить, принцесса, хорошо ли вам служит моя племянница Роза Треллинг? – задал вопрос Броун, избегая смотреть принцессе в глаза. У него был растерянный и смущенный вид, словно не он разбудил молодых людей, а его подняли с постели среди ночи. – Мы очень благодарны вам за вашу доброту к ней. Она хорошая девушка, хотя иногда бывает глуповата.

Бриони пристально смотрела на коменданта.

– Я очень рада, что она у меня служит, – ответила она. – Но я не поверю, будто вы разбудили нас после полуночи, когда уже пробил колокол, только затем, чтобы расспрашивать о Фрейлине.

– Простите меня, ваше высочество, но я не могу приступить к делу, пока...

Лорд комендант замолчал и многозначительно кивнул на пажа, вернувшегося с тремя кубками вина. Мальчик опустился на колени перед камином и стал подогревать кубки, опуская в них раскаленный металлический прут. Первой вино получила Бриони. Поскольку Авин Броун не мог говорить при паже, всем пришлось молча наблюдать за его, как казалось, бесконечными хлопотами. В комнате стояла тишина, слышалось лишь потрескивание дров в камине.

Когда паж ушел, Броун подался вперед и заговорил:

– Еще раз прошу прощения, что позвал вас сюда среди ночи. Дело в том, что у меня в комнате проще избавиться от чужих ушей. Если бы я явился к вам и попросил ваших многочисленных пажей и фрейлин удалиться, завтра все только об этом и говорили бы.

– Вы думаете, никто не заметил, как мы с Барриком прошли ночью через весь замок, чтобы встретиться с вами?

– Это вызовет куда меньше толков. Есть и еще одна причина, заставившая меня пригласить вас сюда. Скоро вы узнаете о ней.

– Но что за срочность? – почти закричал Баррик.

Он никак не мог унять дрожь, сотрясавшую тело. Неужели короли живут вот так – с жуткими ночными визитами, в постоянных сомнениях и недоверии? Кому это понравится? Его вдруг охватил страх (он молился, чтобы страх не оказался предчувствием) от мысли, что Бриони умрет и он останется один на троне.

– В чем причина спешки? – вопрошал он. – Почему нельзя подождать до утра и с чего вдруг такая секретность?

– Есть две новости. Обе я узнал сегодня вечером, – ответил Броун. – Одна из них и заставила меня разбудить вас. Но начну я с другой, а вы допивайте вино. – Он сделал большой глоток и с жаром провозгласил: – Возблагодарим Ярило за благословенный виноград! Если бы я не выпивал пару бокалов теплого вина на ночь, мои суставы совсем перестали бы гнуться. Пришлось бы спать стоя, как кони.

– Рассказывайте же! – прошипел Баррик сквозь стиснутые зубы.

– Простите меня, ваши высочества. – Броун дернул себя за седеющую бороду. – Вот первое известие, и я не знаю, что оно может означать: Гейлон Толли пропал.

– Что?! – одновременно воскликнули Баррик и Бриони.

– Гейлон Толли? – переспросил принц, не веря ушам. – Гердог Саммерфильдский?

Авин Броун кивнул.

– Да, мой господин. Он не доехал до Саммерфильда.

– Он выехал с дюжиной вооруженных людей, – напомнила Бриони. – Столько рыцарей в доспехах и с оружием не могут исчезнуть бесследно. Мы бы уже что-нибудь услышали от его матери, не так ли?

– Верно, – поддержал ее Баррик. – Случись что, старая корова давно была бы здесь и во всю глотку вопила бы об убийстве.

Авин Броун поднял обе руки, призывая близнецов к спокойствию.

– Они лишь сейчас спохватились, что его нет. Перед отъездом из Южного Предела он отправил домой гонца, поэтому они ожидали прибытия Гейлона неделю тому назад. Когда он не появился и через неделю, в Саммерфильде не удивились: подумали, он задержался на охоте или навещает одну из... из своих кузин. – Броун бросил короткий взгляд на Бриони и быстро отвернулся. – Лишь позавчера они по-настоя-

щему встревожились. Лошадь его друга Ивона Киннея, сына барона Лонгхоу... Вы, конечно, помните молодого Киннея?

– Проныра, – заметил Баррик. – Вечно говорит о том, как он хотел стать священником и как тискал девок.

– Так вот, лошадь Киннея с седлом и потником нашли в нескольких милях от Саммерфильда. В письме матери Гейлон упоминал, что Кинней собирается у них погостить. Толли обыскали все окрестности, прочесали лес. Никаких следов.

Бриони отставила свой кубок. Теперь она выглядела так же, как Баррик, когда тому передали приглашение Броуна.

– Да защитят нас боги от зла, – выдохнула она. – Думаете, с ними случилось то же, что с караваном купцов? Что это опять... сумеречное племя?

Но ведь Саммерфильд располагается на много миль к югу от Границы Теней, – поспешил отметить Баррик. Ему совсем не нравилась мысль о том, что неизвестные существа просачиваются с той стороны Границы и бродят по их землям. После того как принц узнал об исчезновении каравана, у него не было ни одной спокойной ночи. – Мы к ней куда ближе.

– Нет ничего невозможного, – возразил Авин Броун. – Но я хочу, чтобы вы подумали и о том, что находится совсем близко от нас. Гейлон Толли покидал Южный Предел в очень плохом настроении, он был зол. А ведь он влиятельный человек. Особенно теперь, когда погиб ваш брат. Думаю, вы сами знаете, что немало людей в королевстве считают вас обоих

слишком юными для управления страной. Некоторые поговаривают, будто вы – марионетки в моих руках.

– Возможно, мы поговорим об этом в следующий раз, когда снова решите вытащить нас из постелей посреди ночи, Броун, – раздраженно оборвал коменданта Баррик.

Гнев придал принцу сил. Так раскаленный железный прут, опущенный в кубок с вином, отдает ему тепло.

– Какая разница, что думают люди? – спросила сестра. – Мы не сделали Гейлону ничего дурного! Я была бы рада, если бы он вернулся.

– Но представьте себе, – продолжал лорд комендант, – что будет, если Гейлон вдруг объявится. Вообразите, какой шум поднимут Толли вокруг этого. Они обвинят вас в том, что вы послали солдат убить его, поскольку он – претендент на престол.

– Какая чепуха! Претендент? Только если умрет отец и все члены семьи! – Вне себя от ярости, Баррик вскочил и принялся ходить по комнате. – Это значит, что и мы с Бриони должны умереть. И ребенок мачехи...

Броун поднял руку, снова призывая к тишине. Баррик замолчал, но не сел на место.

– Я лишь просил вас допустить эту возможность, ваши высочества, – продолжал комендант. – Вообразите, что Гейлон найдется и объявит, будто вы пытались его убить. Допустим, он станет утверждать, что вы не захотели платить выкуп за отца, желая оставаться на троне, а он возражал против

этого. Или что-нибудь еще в том же духе.

– Это же предательство! Переворот! – Баррик рухнул на стул. Он вдруг ослабел и почувствовал себя несчастным. – Как мы докажем, что это неправда?

– Со сплетнями всегда сложно, – ответил Авин Броун. – Очень трудно их опровергнуть – гораздо труднее, чем распустить.

– Но почему вы высказываете столь невероятную мысль? – спросила Бриони. – Я не очень-то люблю Гейлона, но если он рассчитывает заполучить трон, логично просто дождаться подходящего случая – неурожая или эпидемии посильнее той лихорадки, что была у Баррика. Когда люди испугаются и пойдут против нас. Они еще не узнали нас с братом в качестве правителей. Не прошло и четырех месяцев, как мы стали регентами.

– Именно по этой причине и можно попытаться оговорить вас, – заметил Броун.

Бриони нахмурилась.

– Вам не кажется, что ваше предположение несколько натянуто? Вдруг Гейлон вовсе не пропал, а и на самом деле охотится где-нибудь? Есть десятки объяснений более правдоподобных, чем подготовка заговора.

– Возможно. – Броун медленно поднялся, опираясь рукой о спинку стула. Он взял со стола масляную лампу, и по комнате заплясали тени. – Но я должен сообщить вам еще одну новость. Она беспокоит меня гораздо больше. Пойдемте со

мною.

Близнецы вышли из гостиной и вслед за комендантом прошли по узкому невзрачному коридору. Перед дверью Броун сказал:

– Именно поэтому я осмелился поднять вас с постели среди ночи, ваши высочества.

Комнату заливало сияние множества свечей и светильников. Их было гораздо больше, чем требуется в спальне. Несмотря на столь яркое освещение, Баррик не сразу разобрал, что происходит возле кровати. Только через несколько мгновений он разглядел двух человек: один из них лежал, а другой стоял на коленях, прильнув головой к груди лежавшего, словно обнимая его. Тот, что стоял на коленях, прижал палец к губам, требуя тишины. Его морщинистое лицо показалось Баррику знакомым. Или он видел его в одном из кошмаров? От страха принц затаил дыхание.

– Думаю, вы оба знаете брата Окроса из академии Восточного Предела, – представил его Броун. – Он лечил вас, Баррик. А сейчас он занимается... одним из моих слуг.

Постель и руки брата Окроса были в крови.

– Простите меня, ваши высочества, – слабо улыбнулся монах. – Мой пациент по-прежнему в опасности, поэтому я очень занят.

На кровати лежал мужчина с темной неухоженной бородой. Его лицо, волосы и одежда покрывала грязь. Открытые глаза смотрели в потолок, а зубы были стиснуты так, будто он

пытался сдержать дыхание. Его рубаху расстегнули, и пальцы брата Окроса глубоко вдавливались в страшную рану на груди, прямо под правым плечом.

– Минуточку, – сказал врач.

Баррик не помнил лица этого человека, но голос его узнал. Он слышал его сквозь свой лихорадочный сон. Тогда священник говорил о неправильном течении процессов в его организме и необходимости добиться равновесия.

– В ране застрял наконечник стрелы. Я... Ага! Вот он. – Брат Окрос выпрямился, держа в руке окровавленные щипцы с зазубренным кусочком металла. – По крайней мере, теперь он не попадет ему в легкие или сердце.

Он осторожно, но уверенно перевернул пациента – тот издал долгий стон, слегка приглушенный простыней, – и занялся другой раной, располагавшейся над лопаткой.

– Вот здесь стрела вошла, видите? – пояснил священник. – Нужно закрыть рану окопником и припаркой из ивовой коры...

Бриони побледнела. Баррик подумал, что он сам, наверное, выглядит не лучше. Однако принцесса взяла себя в руки и заговорила спокойно:

– Почему этот человек весь в крови? И почему он лежит в вашей спальне, лорд Броун? Почему им занимается брат... брат Окрос?.. а наш придворный врач? Чавен уже несколько дней как вернулся.

– Вы скоро все узнаете, но мне хотелось, чтобы вы услы-

шали об этом из первых уст. Положите его на спину, Окрос, прошу вас. Когда мы уйдем, вы продолжите лечение.

С помощью Броуна врач снова перевернул раненого на спину, прижимая куски ткани к ранам с обеих сторон.

– Рул, – заговорил комендант. – Это я, Броун. Ты узнаешь меня?

– Да, господин, – взглянув на него, промычал в ответ раненый.

– Расскажи еще раз, что ты видел при саммерфильдском дворе, Рул. Объясни, почему тебе пришлось срочно вернуться сюда и как ты получил стрелу в спину. – Броун повернулся к близнецам: – Этот человек должен был погибнуть. Тот, кто выпустил стрелу, считает его мертвым.

Рул снова застонал.

– Люди автарка, – выдавил он. – В Саммерфильде. – Он с трудом облизнул губы и сглотнул. – Чужеземцы из Ксиса были... почетными гостями у старой герцогини.

– Люди автарка?.. У Толли? – поразился Баррик и оглянулся по сторонам, словно ожидал, что безликие существа из его кошмаров сейчас выползут из тени.

– Вот так, – горько усмехнулся Броун. – А теперь оставим их. Я расскажу остальное.

Ночь была холодной, и Броун накинул на свои массивные плечи одеяло так, что половина бороды скрылась под ним. Баррик подумал, что комендант стал похож на великана из

сказки: он может разгрызть кости и голыми руками рушит каменные стены.

– Много ли мы знаем о нем? – Баррик старался размышлять здраво, но в голове царил сумбур, словно лихорадка опять касалась его своими то горячими, то холодными щупальцами. – Отец доверял ему, но достаточно ли этого? Ведь Кендрика убили. Теперь Броун говорит, что Гейлон Толли исчез, а его семья сотрудничает с автарком. А что, если сам лорд-комендант – преступник? Я не любил Толли. Мне никогда не нравился ни он сам, ни его отвратительный красноносый папаша с визгливым голосом. Но достаточно ли этого, чтобы верить словам Бруна и его шпиона, будто Гейлон – предатель?»

И, словно в подтверждение его мыслей, сестра сказала:

– Мы очень вам благодарны за ваши труды на благо короны, граф Авин, но в такую историю трудно поверить. Кто этот человек на кровати? Почему вы не позвали придворного врача?

– Кроме того, где Гейлон? – спросил Баррик. – Очень удобно, что его здесь нет и он не может защитить себя и свою семью.

Баррик заметил, как в глазах Бруна мелькнул гнев. Коммендант глотнул еще вина, а когда заговорил, голос его снова звучал спокойно:

– Я не могу винить вас за то, что вы мне не верите, ваши высочества. Понимаю ваше удивление. На последний во-

прос у меня нет ответа. Я бы очень хотел и сам это знать. – Он нахмурился. – Холодное... Я говорю о вине. – Он склонился к огню и стал греть вино железным прутом. – Что до остального, я могу ответить на ваши вопросы. А вы думайте сами. – Он что-то пробормотал и принужденно улыбнулся. – Впрочем, вы всегда так делаете. Рул, как вы, наверное, догадались, – шпион. Он простой человек. Не совсем тот, кого бы мне хотелось иметь при саммерфильдском дворе, но мне пришлось сделать замену. Помните музыканта Роббена Халлигана? Рыжего?

– Да, – вспомнила Бриони. – Он был приятелем старого Пазла. Он ведь умер? Его убили грабители на Южной дороге в прошлом году.

– Грабители... Возможно... Он погиб по дороге домой из Саммерфильда вскоре после того, как ваш отец оказался в плену. Я тогда и не подумал волноваться по этому поводу, хотя смерть Халлигана доставила мне некоторые неудобства. Возможно, вы удивитесь, но вся информация о Толли поступала от Роббена. При саммерфильдском дворе его многие любили, особенно старая герцогиня. Ему позволялось бродить повсюду, как домашней собачке.

– Вы думаете... так его убили из-за того, что он был шпионом?

– Я не собираюсь никого обвинять. – Броун поморщился. – Зато точно могу сказать, что после смерти Роббена я знал о происходившем в Саммерфильде очень мало. Это ме-

ня, конечно, беспокоило, поэтому я послал туда Рула. Он очень способный. Он всегда находил в тамошнем замке какую-нибудь работу для себя – лудильщика, рабочего или слуги.

– Вы посылаете осведомителей, – тихо проговорил Баррик, – во все королевства Пределов?

– Конечно. Предвосхищая следующий вопрос, ваши высочества, скажу, что и в нашем замке они тоже есть. Надеюсь, вы понимаете, что без них невозможно обойтись. Мы уже потеряли одного члена королевской семьи.

– И ваши шпионы не смогли этого предотвратить! – бросил Баррик.

Броун холодно посмотрел на него.

– Нет, не смогли, ваше высочество. И я провел не одну бессонную ночь, размышляя, почему так случилось, в чем я ошибся. Но от этого ситуация не меняется. Рул – надежный человек. Если он говорит, что в Саммерфильде гостят люди автарка, так оно и есть. Я настаиваю, чтобы и вы отнеслись к этому серьезно.

– Прежде чем мы продолжим, – настаивала Бриони, – я хочу знать, почему за раненым ухаживает священник, а не Чавен.

Броун кивнул.

– Справедливо. Вот мой ответ: когда убили вашего брата, брата Окроса в замке не было, а Чавен был здесь.

– Что? – Бриони выпрямилась. – Вы подозреваете Чавена

в убийстве моего брата? В этом злодейском преступлении?

– Он же врач королевской семьи! Если бы он хотел убить Кендрика, то отравил бы его и представил все как болезнь.

Она вдруг замолкла и посмотрела на Баррика. Тот не сразу понял, какая мысль пришла в голову сестре.

– Но я жив, – возразил он. – Если меня и пытались убить, у них ничего не вышло.

Тем не менее он чувствовал себя неважно, и ему давно уже хотелось покинуть покои коменданта. Лучше оставаться в постели и сражаться с призраками, чье существование еще требовалось доказать.

– Броун, вы ведь не хотите сказать, что Чавен убил Кендрика или был в сговоре с убийцами? – задал вопрос Баррик.

Старик снова опустил железный прут в кубок, потом подул на пар и стал пристально наблюдать за пузырьками.

– Нет. Ничего подобного я не утверждаю, принц Баррик. Но я не доверяю никому. Пока мы не узнаем, кто на самом деле убил принца Кендрика, под подозрением находится каждый, кто к нему приближался.

– Включая меня? – Баррик готов был расхохотаться, но его снова охватила ярость. – И мою сестру?

– Если бы я за вами не наблюдал, так оно и было бы. – Улыбка Авина Броуна затерялась в его бороде. – Первые в списке всегда оказываются родственники погибшего. Не обижайтесь, мой господин и моя госпожа, но такова моя служба.

– Значит, мы никому не можем доверять, кроме вас? – спросил Баррик и в изнеможении откинулся на спинку стула.

– Мне-то как раз меньше, чем другим: я слишком давно служу здесь и знаю слишком много секретов. К тому же мне приходилось убивать, – проговорил комендант. Он смотрел на близнецов тяжелым взглядом, почти с вызовом. – Если, кроме меня, у вас нет других источников информации, принц Баррик и принцесса Бриони, то вы недостаточно осмотрительны. – Тяжело ступая, он вернулся к своему табурету. – Самая важная новость состоит в том, что люди автарка находятся в Саммерфильде. Нет никакого сомнения. Я очень опасаюсь, что исчезновение Гейлона Толли как-то связано с этим. И совершенно бесспорно, что Рул кому-то сильно не понравился, за что получил стрелу в спину, когда направлялся в замок по дороге Трех Братьев. Будь на его месте менее опытный и закаленный боец, мы никогда не узнали бы о том, что происходит в поместье Толли. Бриони допила свое вино. Она была очень бледна, выглядела растерянной и несчастной.

– Все это неслыханно, – отозвалась она. – О чем нам следует подумать?

– Думайте о чем хотите, только думайте, – ответил Броун и застонал, пытаясь сменить позу. – Прошу поверить: у меня нет серьезных причин не доверять Чавену, но, к великому моему сожалению, из всех живущих в замке он знает про автарка больше других. Вам известно, что его брат служил

у Сулеписа?

– Брат Чавена? – изумленно воскликнул Баррик. – Неужели?

– Чавен – улосиец. Уверен, вы знали об этом. Зато вы не знали, что его семья одной из первых признала автарка в Улосе. А Улос стал первым королевством, которое покорил Ксис. Как мне говорили, Чавен в этом вопросе не согласился с братом и отцом и уехал в Иеросоль. Ваш отец король Олин привез Чавена сюда, потому что тот умел не только лечить людей, но и еще много чего. Он был в курсе всех сплетен ксисского двора. Чавен предан короне, но, к сожалению, слишком многое знает об автарке, как я уже сказал. Люди, располагающие такими знаниями, давно гниют в темнице. Чавен – исключение.

– Шасо! – выдохнула Бриони.

– И он тоже. Шасо сражался с автарком и проиграл. Если быть точным, он сражался с отцом нынешнего автарка. Потом воевал с вашим отцом и снова проиграл. Несмотря на это, маловероятно, чтобы Шасо убил вашего брата. Неизвестно и то, насколько полезны его советы: многие могут посоветовать, как проиграть сражение.

– Это нечестно, – возразила Бриони. – Никто пока не завоевал Ксис. А значит, никто не имел повода давать какие-либо советы. Разве не так?

– Думаю, нет. Вот почему мы сейчас обсуждаем это наедине, только я да вы двое. Я больше боюсь угрозы с юга, чем

сказочных существ у нас под носом. – Броун полез в карман и достал пачку свернутых бумаг. – Вам следует это прочесть. Здесь письмо вашего отца Кендрику. Он пишет о все возрастающей власти автарка.

– Письмо отца у вас?! – Бриони потрясенно уставилась на него.

– Я только что обнаружил его. – Броун передал принцессе бумаги. – Одной страницы не хватает. Но она, похоже, не представляет большого интереса – вероятно, там король пишет об укреплении боеспособности замка. Однако с уверенностью сказать не могу. Не исключено, что вы обратите внимание на то, что пропустил я.

– Вы не имели права читать письмо! – выкрикнул Баррик. – Никакого права! Это частное письмо от моего отца!

– В наши дни мы не можем позволить себе личные тайны, – пожал плечами лорд комендант. – Мне нужно было убедиться, нет ли в нем сообщения о близкой угрозе.

– У вас нет никакого права, – еще раз повторил Баррик. Броун странно взглянул на него. Уж не открыло ли письмо графу Лендсендскому тайну Баррика? Или его проницательный взгляд померещился принцу? Бриони оторвала взгляд от письма.

– Вы сказали, что нашли его. Где? – спросила она. – И откуда вы знаете, что не хватает страницы?

– Оно обнаружилось в стопке с документами, что оставил для меня Найнор. Но он твердит, будто ничего про это не

знал, и я ему верю. Я склоняюсь к тому, что некто прокрался в мою комнату и подсунул письмо в стопку с документами на столе. Возможно, он хотел, чтобы все подумали, будто Найнор или я сам взял послание короля, и таким образом запутать след. – Он нахмурился. – Я прочел его еще и потому, что оно могло быть связано со смертью вашего брата.

– А отсутствующая страница? – настаивала Бриони.

Броун наклонился вперед и перевернул несколько листов.

– Вот.

– Здесь говорится об укреплении внутреннего двора... – присмотрелась Бриони и перевернула страницу. – А на следующем листке он заканчивает эту тему и просит выполнить его указания. Да, вы правы, одной страницы нет. «Напомни Броуну о водостоках». Что это значит?

– Водные пути. Некоторые из шлюзов в лагунах очень старые. Король беспокоится, как бы они не оказались уязвимы в случае осады.

– Он думает, что возможна осада? – спросила Бриони. – Но почему?

– Ваш отец предпочитал быть готовым ко всему.

– Не знаю почему, но я не верю вам, лорд Броун. Хотя бы в том, что касается осады.

– Вы не так поняли меня, ваше высочество, уверяю вас. Казалось, комендант потерял интерес к разговору. Он слишком устал, чтобы спорить.

Когда тревога улеглась, сонливость почувствовал и Бар-

рик. Ну к чему споры и догадки? Какая разница, почему отец написал эти слова и что они означают? Убийца Кендрика сделал свое дело прямо в замке Южного Предела, и никакие укрепления не помогли.

«Если автарк, полностью завоевавший один континент, сейчас по кусочку заглывает второй, как наше крошечное королевство может отстоять свою независимость?»

Сейчас их спасала только удаленность от Ксиса, но так будет не всегда.

– Значит, в наших рядах есть предатель, – подытожил Баррик.

– Тот, кто взял это письмо, может и не иметь отношения к убийству принца, ваше высочество.

– У меня еще один вопрос, – заговорила Бриони. – Зачем письмо вернули? Поскольку страница отсутствует, сразу ясно: кто-то читал его. Значит, кому-то нужно, чтобы об этом узнали?

– Все верно, моя госпожа. Теперь, с вашего позволения, я попросил бы вас взять письмо с собой и внимательно его изучить. А заодно, если вам угодно, придумайте наказание и для меня за то, что я прочел письмо. Я старый человек, и я устал. Мне еще нужно решить, где я буду спать сегодня. Вряд ли брат Окрос позволит переносить Рула в другое помещение. Если вы пожелаете поговорить о содержании письма, пошлите за мной утром, и я тотчас явлюсь. – Броуна слегка покачивало. Он походил на гору, готовую рухнуть, и Бар-

рик невольно сделал шаг в сторону. – Надвигаются тяжелые времена, ваши высочества. Я не единственный, кто надеется на вас, хотя вы еще совсем молоды. Пожалуйста, не забывайте об этом, принц Баррик и принцесса Бриони. Следите за тем, что и кому вы говорите.

Усталость не позволила Броуну проводить их до дверей, как того требовал этикет.

Разжечь костер оказалось нелегко. Лес отсырел, валежника нашлось мало. Феррас Вансен посмотрел на кучку веток, сложенную в центре круга из камней, и с тоской перевел взгляд на огромные ветви над головами. Топора не было. Они могли бы часок помучиться и нарубить дров мечами – столько, сколько нужно. Но деревья будто наблюдали за ними и ждали чего-то. Казалось, Вансен слышит шепот; такой шелест листвы иногда вызывает ветер.

«Как-нибудь обойдемся валежником», – решил он.

Коллум усердно трудился возле пирамиды из сучьев, пытаясь высечь огонь кремнем. Звуки ударов камня о металл отдавались эхом по поляне, словно под землей били молотом. Вансен невольно вспоминал истории, что слышал в детстве про Иных: они прятались в густых лесах, в пещерах и холодных земляных норах.

– Получилось! – раздался крик Дайера.

Коллум наклонился, чтобы раздуть язычки пламени. Туман вокруг чуть поредел. Над высокими кронами деревьев

выглядывало небо, в его бархатной глубине мерцали звезды. И никакой луны.

– Как по-вашему, капитан, который теперь час? – спросил Дайер, опускаясь на землю рядом с Вансеном.

Костер разгорелся, но огонь был слабым и переливался странными цветами: разными оттенками зеленого и синего.

– Мы здесь уже несколько часов, – прибавил он. – А все еще вечер.

– Нет, стало чуть темнее, – сказал Вансен и протянул руку к огню, но тепла от него почти не ощутил.

– Я не могу ждать проклятого рассвета. – Дайер пожевал кусочек вяленого мяса. – Не могу.

– Мы можем и не дожидаться. – Вансен вздохнул и прислонился к дереву.

Костер, пусть и совсем слабый, казался раной на туманной сумрачной поляне. Капитан чувствовал, что лес стремится залечить эту рану и выровнять углубление, поглотить пламя и двоих людей, прикрыть поврежденную землю мхом и влажной безмолвной темнотой.

– Не думаю, что здесь бывает настоящий день, – вымолвил Вансен.

– Но над нами небо, – решительно возразил Дайер, хотя в его голосе звучали нотки неуверенности. – А значит, наступит день и взойдет солнце, пусть даже мы его не увидим. Никакой туман не может это изменить.

Вансен не стал возражать. Коллум Дайер, ветеран многих

кампаний, не раз игравший со смертью, сейчас перепугался, как ребенок. Вансен, который был старшим братом в семье, знал: в таких случаях не надо спорить по пустякам, пока опасность не миновала.

«Это называется «по пустякам»! Пустяк – никогда больше не увидеть солнца», – с горькой иронией сказал себе Феррас.

– Я буду дежурить первым, – сказал он вслух.

– Надо позвать остальных. – Дайер встал и пошел к краю поляны, рупором приложив руки ко рту: – Э-э-эй! Адкок! Саутстед! Э-э-эй!

Вансен невольно поморщился от громкого звука, хотя шум тотчас поглотили деревья. Инстинкт подсказывал Феррасу, что двигаться нужно медленно, не привлекая внимания.

«Как мышка по столу, – подумал он и печально усмехнулся. – Если не хочешь никого разбудить».

– Думаю, они уже разбили лагерь, – сказал он. – Если бы они были на расстоянии крика, то нашли бы нас еще несколько часов тому назад.

Дайер вернулся к костру и сел.

– Они нас найдут, – заверил он. – Они нас ищут. Даже Саутстед, хотя вы в нем сомневаетесь, капитан. Королевский гвардеец не успокоится, пока не узнает, что случилось с товарищами.

Вансен кивнул. Его куда больше беспокоило другое: он подумал, что гвардейцы, а с ними несчастный Реймон Бек

и сумасшедшая девушка тоже чувствуют себя потерянными и боятся. Феррас хотел надеяться, что им хватит здравого смысла оставаться на месте и не бродить по лесу. Он начинал понемногу понимать, что случилось с девушкой и даже с тем сумасшедшим из их деревни, вернувшимся из-за Границы Теней.

– Постарайся уснуть, Коллум. Я посторожу.

Сначала он подумал, что это продолжение странных снов, одолевавших его, несмотря на все более отчаянные попытки не засыпать. Темнота была не полной – туман пронизан светом луны. Она появилась на небе, круглая и бледная, как отполированный череп. Определенно ночь подходила к концу. Вансен должен был разбудить Дайера еще несколько часов назад, но вместо этого сам крепко заснул. Очень опасно в столь необычном месте оставлять лагерь без присмотра. Может быть, это продолжается сон? Так казалось оттого, что даже ветер напевал песню без слов, то усиливаясь, то успокаиваясь.

Что-то двигалось среди деревьев на краю поляны.

У Вансена перехватило дыхание. Он нащупал меч и протянул руку, чтобы разбудить Дайера, но того не оказалось на месте. Вансен едва успел осознать *жуткое* значение этого открытия, а неясное движение у кромки леса уже превратилось в белую фигуру в капюшоне. Фигура светилась так же таинственно, как туман. Фигура была похожа на женскую.

Сначала Вансен подумал, что это Уиллоу ходит во сне около лагеря, а значит, Дайер прав и отряд где-то поблизости. Но волосы у него зашевелились на затылке от какого-то странного чувства, и он увидел, что ноги неизвестного существа не касаются земли.

– Смертный, – услышал он.

Голос звучал прямо у него в голове – может быть, где-то за глазами, но вовсе не в ушах. Невозможно было определить, кому он принадлежит: молодому или старому человеку, женщине или мужчине.

– Тебе здесь не место, – сказал голос.

Вансен хотел ответить, но не смог. Он почти не видел лица – лишь бледные неясные очертания, словно за несколькими слоями светящейся вуали. Он разглядел только огромные и черные, нечеловеческие глаза.

– Старые законы больше не действуют, – продолжало свою речь привидение. Весь мир, казалось, провалился в черный туннель, в противоположном конце которого светилось полупрозрачное лицо. – Все загадки решены. Ничем больше не заслужить славы. Мир движется к концу. Слабые голоса, что когда-то противились этому в мире людей, смолкли.

Фигура приблизилась к Вансену. Сердце его бешено колотилось, тело готово было разорваться на части, но он не мог пошевелить ни одним мускулом. Полупрозрачная рука прикоснулась к его волосам и как будто прошла насквозь, холодная и колючая. Он почувствовал на щеке уколы, слов-

но от горячих искр.

– Я когда-то знала человека, похожего на тебя. – В этом голосе звучало что-то знакомое, но Феррас так и не сумел ничего вспомнить. – Он был со мной долго, пока солнце его не закатилось. Потом он уже не мог оставаться.

Вблизи фигура казалась сотканной из лунного света. Вансену хотелось закрыть глаза, но он не мог. На миг он ясно увидел лицо, но все равно не понимал, кто перед ним: такая красота подобна остро заточенному клинку, черные глаза сверкают, как звезды на ночном небе, улыбка бесконечно печальна. Он почувствовал, как ледяные пальцы сжали сердце и превратили его во что-то бесформенное. Он знал, что уже никогда не станет прежним. Он попал в объятия смерти... но смерть была прекрасна, невероятно прекрасна. Душа Ферраса Вансена нырнула в ее темные глаза, в ее звездный свет. Так лосось сражается с горным потоком, не думая о том, что его поджидает на другой стороне.

– Не ищи солнца, смертный.

В ее голосе он услышал нечто, похожее на жалость. Жалость была ему не нужна – он жаждал любви. Он отдал бы жизнь за то, чтобы это создание из тумана и лунного света его полюбило.

– Здесь солнце к тебе не придет. Не доверяй теням – они обманут. Лучше смотри на мох, покрывающий стволы деревьев. Корни их в земле, и они всегда знают, где находится солнце – даже здесь, в стране, где безраздельно правит мой

брат.

Видение исчезло. Поляна снова опустела, и лишь ветер шуршал в кронах деревьев. Вансен сел, тяжело дыша. Его сердце билось неровно. Неужели это был сон? Если так, сон частично сбылся: Дайер пропал. Вансен начал оглядываться – сначала удивленно, потом со все возрастающим страхом.

Костер догорел, и внутри круга из камней виднелись лишь слабые красные прожилки в почерневших углях. Позади Вансена что-то затрещало. Он подскочил от неожиданности и схватился за рукоятку меча, наполовину вытащив его из ножен. На поляну, шатаясь, вышел человек.

– Дайер!

Вансен вернул клинок на место.

Коллум Дайер покачал головой.

– Ушел. – Голос его был скорбным. – Я не сумел его догнать...

Лицо Дайера застыло, как таинственная маска. Казалось, он не узнавал Вансена. Капитану вдруг показалось, что он прочел мысли Коллума. Во всяком случае, он понял, что тот не намерен подробно рассказывать о своих видениях.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался Вансен. – Где ты был?

Дайер медленно подошел к костру, избегая смотреть капитану в глаза.

– В общем, все в порядке, – ответил он. – Что-то... приснилось, да. Проснулся и понял, что брожу по лесу.

Он опустил на землю, укрылся плащом и больше не прибавил ни слова.

Вансен тоже прилег. Кто-то должен охранять лагерь, он понимал это. Но он чувствовал, что столкнулся с чем-то таинственным и сильным, и эта сила не подпустит сюда никого... по крайней мере сегодня ночью.

Он устал, словно пробежал несколько миль, поэтому быстро заснул даже в окружении странных деревьев под незнакомыми звездами.

Феррас Вансен проснулся в том же тусклом полумраке. Может быть, в воздухе появился молочно-белый оттенок, но на утро это никак не походило. Ветер продолжал напевать свой бессловесный мотив. Коллум Дайер спал как убитый. Когда он проснулся, то начал ныть и жаловаться, словно больной ребенок.

Слова, произнесенные призрачным существом – непонятно, приходил ли призрак на самом деле или во сне, – не выходили у Вансена из головы. Он дал Дайеру время только на то, чтобы подняться, и нетерпеливо ожидал, когда солдат завяжет наконец свои штаны.

– Неужели нельзя разжечь костер? – спросил Дайер. – Хотя бы для того, чтобы погреть руки. Здесь дьявольски холодно.

– Нет. Пока разожжем, опять устанем, и нам снова придется лечь спать. Так мы никогда не выберемся отсюда. Лес

поглотит нас. Мы утонем в нем, как в океане. – Вансен и сам не знал, о чем говорит, но не сомневался, что так оно и случится. – Мы должны двигаться, пока хватит сил, иначе лес высосет из нас волю.

Дайер странно посмотрел на него.

– Вы говорите так, словно хорошо знаете эту местность.

– Я знаю столько, сколько необходимо знать. – Феррасу не понравился обвинительный тон Дайера, но он решил не ввязываться в спор. – Знаю достаточно, чтобы не стать безумцем. Как Уиллоу, бродившая по лесу.

– И как же нам найти путь отсюда? Мы искали его уже много часов. Мы заблудились.

– Я вырос на краю таких же лесов. Или очень похожих. Но в земном ли мире они находятся? Или их занесло в иные места, где нет прежних богов? Мысль была непереносимой. Что сказал призрак? «Даже здесь, в стране, где безраздельно правит мой брат». Чей брат? Солнца? Луны? Белогрудой Мезии, сестры великого Перина?..

Он устал от размышлений и заставил себя вернуться к сиюминутной проблеме: как вырваться отсюда? Думать было нелегко: непрекращавшийся голос ветра мешал, нагонял сон и отбивал желание действовать.

– Мох гуще с южной стороны деревьев, – сказал он. – Если мы будем двигаться на юг, должны добраться до нашего мира.

– И покинуть этот мир, – задумчиво добавил Дайер. Ван-

сену показалось, что Коллум говорит со странным сожалением, и по позвоночнику капитана пробежал холодок страха.

Утро – или время после пробуждения – прошло незаметно. Мох густыми зелеными пятнами покрывал стволы деревьев. Если он и рос гуще именно с южной стороны, определить это оказалось почти невозможно. Очень скоро Вансен засомневался, что сумеет найти нужное направление по мху. Однако другого плана не было, а страх нарастал. Огибая непроходимую чащу, они потеряли из виду дорогу и теперь не могли найти ее. Капитан не узнавал ничего вокруг. Было очевидно, что лес растет и его внешние границы расширяются слишком стремительно. Им никогда не выбраться отсюда: мрачная чаща поглощает пространство с такой же скоростью, с какой вино из перевернутого кувшина растекается по столу.

Вансена беспокоило настроение Дайера. Бородатый гвардеец все более отдалялся от капитана, хотя они ехали плечом к плечу. Коллум не разговаривал с Вансеном, зато много говорил сам с собой, пел какие-то песни – они казались Вансену смутно знакомыми. Кроме того, Дайера как будто терзали сомнения: время от времени он бросал на Ферраса странные взгляды, словно не узнавал старого товарища.

«Что-то веет в воздухе, – подумал Вансен с отчаянием. – В тени деревьев. Это место съедает нас».

Жуткая мысль застряла в голове Вансена, он не мог избавиться от нее. Он представил себя и Дайера лежащими у до-

роги, мертвыми и разлагающимися, как та старая женщина, которую он обнаружил когда-то. Только жрать их будут не насекомые, а сам лес. Через их рты, глаза и уши прорастут молодые побеги, сквозь животы и черепа пробьются темные влажные растения.

«Возможно, мы уже мертвы или близки к тому, – размышлял он. – Может быть, наши тела уже покрываются мхом, а нам снится, что мы едем по темному лесу под этими бесчисленными, проклятыми богами деревьями».

– Я чувствую запах костров, – вдруг отрывисто произнес Дайер.

– Каких костров?

Лошади остановились и застыли неподвижно, не издавая ни звука. Двое гвардейцев находились сейчас на самом дне покрытого лесом ущелья, будто в огромной пасти гигантского существа. Эта пасть вот-вот сожмет свои челюсти и навечно закроет от них свет.

– Кузнечные костры, – повторил гвардеец неживым голосом. – Они горят у Молчащего холма. Там куют оружие для войны. Сияющие Пальцы, Поющие Стрелы, Осы и Жестокие Камни. Племена проснулись. Они больше не спят.

Вансена привело в замешательство таинственное сообщение Дайера, и он отчаянно пытался разгадать его. Вдруг по долине пронесся резкий, но бесшумный порыв ветра. Клубы тумана взмыли ввысь и рассеялись. На миг Вансену показалось, что он видит целый город в верхней части ущелья. Го-

род тоже являлся частью леса: темные деревья и еще более темные стены слились воедино, в тысячах окон горел свет. Лошадь Вансена развернулась и пошла прочь от видения по той же тропинке, что привела их сюда. Он услышал за спиной топот копыт лошади Дайера и еще какие-то звуки.

Его товарищ что-то тихо, но увлеченно напевал на языке, которого Вансен никогда не слышал.

Наконец Дайер замолчал. Он ехал позади Вансена и уже не отвечал ни на какие вопросы. Капитан тоже перестал разговаривать. Темнело, и Вансен больше не видел, с какой стороны мох растет гуще. Он вообще с трудом различал силуэты деревьев. Голоса ветра проникали глубоко в его голову, умоляли о чем-то, нашептывали, напевали мелодии и мешали думать. Кусты ежевики цеплялись за копыта лошадей и заставляли их двигаться все медленнее.

– Они идут, – объявил Дайер испуганным голосом. – Они двинулись в поход.

Феррас Вансен не стал спрашивать, что имеет в виду Коллум. Он и сам почувствовал, что воздух становится плотнее, а тьма сгущается. Теперь бессловесная песня ветра наполнялась радостью победы, но самих голосов пока не было слышно – они эхом отдавались где-то внутри головы.

Вдруг лошадь Вансена встала на дыбы и заржала. От неожиданности он вылетел из седла и рухнул на землю. Лошадь побежала прочь, продираясь сквозь заросли и всхра-

пывая от страха. Вансен не сразу поднялся на ноги, но чья-то рука подхватила его. Это был Коллум Дайер, чья лошадь тоже вырвалась. Лицо гвардейца светилось от радости, хотя ему было так же страшно, как Вансену. Этот страх заставил капитана броситься на землю и зарыться головой в мягкий мох.

– Сейчас, – сказал Дайер. – Сейчас.

Вансен поднял голову и вдруг увидел дорогу, которую они безуспешно искали уже много часов. Она петляла среди деревьев совсем близко. Вдоль нее клубился туман, а в тумане шевелились какие-то существа. Одни были высотой с дерево, другие – невероятно широкие, приземистые и мощные. Были там и такие, кого не с кем сравнить, или такие, что выглядели не пугающе, но странно: они напоминали людей, расплывающихся в тумане и неправдоподобно красивых. Всадники держались в седлах высоко и прямо, лошади били копытами, источая жар. У многих в руках были копья, сверкавшие, словно лед на солнце. На копьях развевались знамена – серебристые и болотно-зеленые с золотым отливом.

Мимо двух гвардейцев следовала армия: сотни или тысячи всадников и пехотинцев. Какие-то из них даже летели – так, по крайней мере, казалось: множество теней колыхались и парили над огромным войском, блестели в лунном свете, словно рыба чешуя. Каждый звук от движения несметного числа копыт, ног, лап или когтей эхом отдавался во всем те-

ле Вансена, хотя армия двигалась абсолютно бесшумно. И лишь голос ветра становился все громче, будто приветствовал войско.

Как долго он грезил, словно во сне? Вансен не представлял, сколько времени он простоял неподвижно, наблюдая за шествием, пораженный и околдованный луной, не способный сдвинуться с места. Когда армия прошла, дорога опустела. Остались лишь клочья тумана.

– Нам нужно... идти за ними, – выговорил Вансен. Оказалось, что подбирать слова и произносить их – очень нелегкое занятие. – Они направляются на юг. В земли людей. Мы пойдем за ними, к солнцу.

– Земли людей исчезнут.

Вансен оглянулся и увидел, что глаза Дайера закрыты, словно за веками он прячет воспоминания, желая сохранить их навеки. Коллума сотрясала дрожь. Он походил на человека, сброшенного с горы богов – разбившегося, но торжествующего.

– Солнце больше не вернется, – прошептал Дайер. – Тени наступают.

21. ЗОЛОТОЙ ДОЛФИН

ПУТЬ ГОЛУБОЙ СВИНЬИ

*Назад, назад, от перьев к чешуе,
От чешуи к камню, от камня к туману.
Дождь – слугитель безымянного.*

Из «Оракулов падающих костей»

Над Кул-на-Кваром высилась башня, название которой означает «Облачные духи», или «Духи в облаках», или даже «Что думают облака». Невозможно передать все смыслы на человеческом языке. Именно в эту башню обычно отправлялся король Иннир в поисках настоящей тишины.

Башня была не самой высокой в Кул-на-Кваре – еще одна, словно вскинутое копье, взметнулась над огромным замком. Но ее изящный шпиль называли просто Высоким местом. История башни Облачных духов терялась в глубине веков, во временах, известных как Кричащие годы. Даже те, кто принадлежал к племени кваров, избегали ее и старались не поднимать взгляд на окутанную туманом иглу.

Иннир дин'ат сен-Кин, повелитель ветров и мыслей, сидел на обычном своем месте у окна в одной из верхних комнат башни. Его ветхие одежды слегка шевелил ветер, но сам он застыл без движения. Был разгар дня – по крайней мере, по меркам Кул-на-Квара: как обычно, серое небо без солн-

ца, но ветер слегка разогнал туман. Стройный человек стоял в дверях, разглядывая крыши огромного замка. Они блестели после утреннего дождя, переливаясь оттенками серого и черного. Человек терпеливо ждал, когда Иннир обратит на него внимание.

Он был очень терпелив: прошло не меньше часа, прежде чем слепой король пошевелился и повернул голову.

– Харсар? – спросил он. – Нужно было окликнуть меня, друг.

– Вид из окна очень успокаивает.

– Согласен. – Иннир изобразил пальцами жест, означающий благодарность за мелкую услугу. – Все утро я сдерживал страсти, разгоравшиеся на собрании, и выслушивал споры о Стеклянном договоре. Я мечтал о том, как приду сюда, в тишину, буду наслаждаться легким ветерком с М'ааренола. – Король поднял руки и прикоснулся к своим глазам, потом еще раз и еще, словно выполнял ритуал. – Я до сих пор помню, что видел в тот день, когда потерял зрение.

– Ничего не изменилось, господин.

– Все изменилось. Но к делу. Ты так долго ждал меня, Харсар-со. Сомневаюсь, что ты пришел сюда полюбоваться видом из окна.

Харсар слегка склонил безволосую голову. Советник короля принадлежал к племени Каменного Кольца – очень подвижному народу небольшого роста. По меркам своего племени Харсар был высоким. Когда он подошел к Инниру, что-

бы помочь тому подняться, его голова оказалась почти на уровне плеча монарха.

– У меня для вас хорошая новость, господин, – сообщил он.

– Расскажи.

– Ясаммез и ее воинство перешли Границу.

– Так быстро?

– Вы же знаете, Ясаммез очень сильна. Она долгие годы ждала этого и готовилась.

– Да, так и было, – медленно кивнул король. – А мантия?

– Она у нее. По крайней мере, пока у нее. Но ученые Подземной библиотеки думают, что мантия не выдержит, если ее слишком сильно растянуть. Сейчас она распростерта везде, где побывала Ясаммез. Эти земли теперь наши. А когда мантия не сможет растягиваться дальше, Ясаммез пойдет вперед без нее, сжигая все огнем, вытаптывая и круша мечом. – Харсар, обычно сдержанный, не мог сейчас говорить спокойно. В его словах слышались ликование и торжество. – И куда бы она ни пришла, эти солнцепоклонники будут оплакивать своих мертвецов.

– Да, – отозвался Иннир и помолчал. – Да. Благодарю тебя за приятное известие, Харсар-со.

– Вы обрадовались куда меньше, чем я надеялся, господин. – Советник сам испугался своих слов и склонил голову: – Ах, простите мне мою неучтивость, сын Первого Камня. Я глупец.

Король поднял руку, и стало видно, какие длинные у него ногти. Этот жест означал, что извинения приняты.

– Не надо просить прощения, друг мой. Мне необходимо многое обдумать. Ясаммез – великая воительница. И теперь, когда ее выпустили на волю, мир изменится. – Иннир снова повернулся к окну. – Прости и ты меня, Харсар-со. Мне приятно, что ты зашел сообщить мне новость, – сказал король, и лицо его стало торжественным и спокойным, а над головой появилось мерцавшее, словно лиловый светлячок, пятнышко света. – Мне нужно подумать. Мне нужно... поспать.

– Простите, что отнял у вас время, великий Иннир. Смею ли я предложить вам свои услуги? Могу ли я сопроводить вас в нижние комнаты? Ступени еще не просохли.

Легкая улыбка пробежала по лицу слепого короля.

– Ты добр, но я лучше засну здесь.

– Здесь?

В башне Облачных духов было лишь одно ложе: место силы, порождавшее особые сновидения.

В следующее мгновение человек из племени Каменного Кольца прижал руку к губам.

– Простите меня, господин! Я не должен задавать вопросы. Какой же я глупец! – расстроено забормотал он.

На этот раз ответный жест Иннира выглядел более формально.

– Не расстраивайся, советник, – проговорил повелитель. – Со мной все будет в порядке.

Харсар все кланялся и кланялся, пятась к выходу, и делал это так быстро, что любой наблюдатель испугался бы за него: советник мог запросто скатиться по ступеням – скорее, чем слепой король. Но он резко остановился перед самой лестницей и начал осторожно спускаться вниз. В башнях Кул-на-Квара ступени производили тихие мелодичные звуки. Например, пользующаяся дурной славой лестница Высокого места издавала негромкие стоны, как беспокойно спящий ребенок. И только на ступенях башни Облачных духов не было слышно ничего, кроме поступи идущего. Иннир прислушивался к отголоскам шагов удалявшегося советника, пока они не исчезли за воем ветра.

Иннир дин'ат сен-Кин подошел к двери в стене, что разделяла верхнее помещение башни на две комнаты. Во второй комнате, точной копии первой, тоже было окно, но выходило оно не на блестящие от дождя крыши замка, а в сторону туманного юга. Там проходила Граница Теней, туда ушла Ясаммез со своим воинством завоевывать смертных. Как и первая, комната была почти пуста. В первой стоял стул, здесь – невысокое ложе. Король лег на него, сложил руки на груди и погрузился в сон. Над его лбом по-прежнему светилось лиловое пятно.

Чет не мог уснуть. Ночь все не кончалась и не желала уходить – как нежеланные гости, которым некуда торопиться. «Мы попали в лапы зла».

Эта мысль преследовала его. Впервые он понял больших людей, которые спрашивали его, как фандерлинги живут в пещерах под землей. Вовсе не камни Города фандерлингов давили на него – ведь не чувствует рыба давления воды. Его угнетало ощущение, что он и его маленькое семейство окружены и опутаны невидимым безликим злом. Чет не знал, что именно оно собой представляет, и от этого чувствовал себя несчастным и беспомощным.

«Мы попали в лапы злых существ, и они все крепче сжимают нас».

– Что ты задумал? Скажи, ради всех тайн! – недовольно проворчала Опал. – Ты ворочаешься всю ночь.

Ему очень хотелось успокоить ее и ответить, что все в порядке. Они часто ссорились, но он всегда предпочитал компанию жены обществу мужчин. Они много лет прожили вместе, и Чет нуждался не только в спокойствии жены, но и в ее благоразумии.

– Не могу уснуть, Опал. Беспокоюсь.

– И о чем? – Она села на кровати и заправила выбившиеся из-под ночного колпака волосы. – Только говори тихо, а то разбудишь ребенка.

– Он меня тоже очень беспокоит.

Чет встал и на ощупь пошел к столу, чтобы взять кувшин с вином. Дома фандерлинги редко пользовались светильниками, довольствуясь тусклыми отблесками уличных фонарей, и всегда удивлялись, что большие люди наверху не могут

передвигаться без яркого света. Он взял стакан с каминной полки и повернулся к жене:

– Хочешь вина? – предложил он.

– С чего мне хотеть вина в такой час? – По ее голосу Чет понял, что Опал тоже волнуется. Она спросила: – Чет, что тебя беспокоит?

– Я точно не знаю. Пожалуй, все. Мальчик, крышевики, слова Чавена о Границе Теней.

Он подошел со стаканом к кровати, сел и накрыл ноги толстым одеялом.

– Появление этого ребенка – не случайность, Опал, – проговорил он. – Его вывезли из тумана и оставили здесь как раз в тот день, когда Граница Теней сдвинулась. А ведь такого не бывало сотни лет.

Мальчик тут ни при чем! – возразила Опал довольно громко, несмотря на собственное требование соблюдать тишину. Он не сделал ничего плохого. Ты еще скажи, что он какой-нибудь... шпион, или демон, или... переодетый колдун!

– Я не знаю, кто он. Но я не намерен больше ждать и гадать, что же спрятано у него в мешочке на шее.

– Чет, так нельзя! Мы не имеем права!..

– Чепуха, женщина, и ты это знаешь. Это наш дом. А вдруг он принес домой ядовитую змею – огневку или что-то вроде того? Разве можно позволить ему?

– Это просто глупо...

– Ничуть не глупее всего того, что происходит вокруг. Сумеречное племя из старинных историй вот-вот объявится прямо у наших дверей, а мы делаем вид, будто ничего не происходит. Мы нашли этого мальчика, Опал, – он не наш сын. И понятия не имеем, кто он такой или что он такое. Мы знаем одно: он появился из-за Границы Теней. Ты не видела, как к нему обращались крышевики: словно он их старинный друг или ценный союзник...

– Он помог одному из них, ты сам говорил!

– И у него есть некая вещь, проливающая свет на его прошлое.

– Ты не знаешь наверняка.

– Но и ты не можешь утверждать обратное. Почему ты споришь со мной, Опал? Боишься, что мы его потеряем?

У нее в глазах стояли слезы. Чет и в темноте чувствовал это по ее голосу.

– Да! Да, я боюсь, что мы его потеряем. А тебе все равно!

– Что?

– Ты все слышал. Ты хорошо с ним обращаешься, ведь ты добрый. Но ты не... не... не любишь его... – Она с трудом удерживала слезы. – Не любишь так, как я.

На миг Чета охватили гнев и удивление.

Опал перевернулась на бок, от ее рыданий сотрясалась кровать, и все остальные заботы мгновенно перестали тревожить Чета. Его Опал рыдала! Она испугалась! Он обнял жену.

– Прости меня, старушка. Извини, – успокаивал женщину фандерлинг. Теперь он сожалел о каждом вырвавшемся слове. – Не волнуйся. Я никому не позволю забрать его.

– А нельзя как-нибудь по-другому? – спросила Опал. Они все-таки зажгли небольшую лампу, и Чет увидел, что глаза жены покраснели и опухли. – Это очень плохо, неправильно.

– Теперь мы его родители, – возразил Чет. – Пора привыкнуть к ситуациям, когда что-то кажется нам ужасным, но мы должны это сделать. Видимо, такова плата за возможность иметь ребенка.

– Очень похоже на тебя, – прошептала она уже спокойнее. – Ты всегда все знаешь и во всем разбираешься. Как тогда, с теми состязавшимися кротами.

Спящий ребенок, как всегда, скинул одеяло и лежал лицом вниз. Лицо его было повернуто набок, будто у пловца. Когда он делал вдох, его светлые волосы белели, словно иней. Фандерлинг смотрел на него со смешанным чувством обожания и страха. Чет понимал, что в обмен на право заглянуть в мешочек он заключил с Опал некий договор, и теперь должен будет принять точку зрения жены, что бы они там ни обнаружили. В глубине души он знал: если они не найдут свидетельства совершенного Кремнем убийства – не какого-то, а совсем недавнего, – Опал не откажется от мальчика.

«Как Опал успела привязаться к нему? – удивлялся Чет. – Неужели все женщины такие: всегда готовы полюбить любо-

го ребенка, как рука готова хватать, а глаз видеть? Почему я не чувствую ничего подобного?»

На самом деле он тоже привязался к мальчику, хотя его привязанность не была похожа на чувства Опал: женщине казалось, будто Кремень – часть ее самой, что она нуждается в его постоянном присутствии.

«Не слишком ли горяча ее любовь? Или это я слишком холоден?» – размышлял Чет.

Мальчик негромко застонал во сне и пошевелился. Глядя на его беззащитную гладкую шею и приоткрытый рот, Чет очень надеялся, что они с женой не обнаружат при нем ничего дурного.

«Кто-то использует этого ребенка», – подумал Чет.

Он вдруг окончательно уверился в этом. Он понятия не имел, что подтолкнуло его к такой мысли, и не понимал, что именно она значит.

«Добро или зло несет та воля, что скрывается в нем? И что он такое? Орудие? Посланец? Наблюдатель?»

В сомнениях Чет опустился на колени и просунул руку под рубашку мальчика, служившую ему подушкой. Пальцы нащупали твердый предмет. Но голова Кремня лежала как раз на нем, и ребенок мог проснуться. Чет осторожно приподнял мальчика за плечи.

– Ты разбудишь его! – прошептала Опал. «А так ли уж это плохо?» – подумал Чет.

Не было ни малейшей нужды скрывать от ребенка свои

намерения. Если честно, Чет с удовольствием подождал бы до утра, вот только не сумел бы заснуть. Мальчик зевнул и повернулся на бок, позволив вытащить мешочек со шнурком из-под рубашки. Чет почувствовал себя вором.

«Но ведь он его не прячет, – подумал Чет. – Хороший знак, верно? Интересно, если бы он знал, что это плохая вещь, спрятал бы он ее или нет?..»

С мешочком в руках Чет вышел из спальни и направился к столу. Опал следовала за ним по пятам, будто он взял не просто вещь Кремня, а частицу самого мальчика. В прошлый раз Чет больше заинтересовался камнем, который отдал потом Чавену. На этот раз он внимательно рассмотрел сам мешочек: размером с куриное яйцо, почти плоский, толщиной с палец. На нем была нанесена сложная и изящная вышивка разноцветными нитками, но рисунок представлял собой узор, а не картинку и ни о чем Чету не говорил.

– Ты когда-нибудь видела подобную работу? – спросил он жену.

– Как-то на рынке мне попала на глаза вышивка из Коннора, но та была куда проще, – пожала плечами Опал.

Чет осторожно нажал на мешочек пальцем. Содержимое его продавливалось, издавая слабый хруст, но в самой середине было что-то твердое, как кость.

– Где мой нож?

– Тот, тупой? – отозвалась Опал, направляясь за коробкой, в которой хранились всякие мелочи. – Если ты хочешь

втайне от мальчика открыть мешочек и взглянуть на его вещь, не следует делать это по-варварски. – Она достала из коробки крошечное лезвие с перламутровой ручкой. – На вот, возьми... Нет, я передумала. Отдай. Мне ведь придется зашивать мешочек, когда ты проверишь его.

«Если сумею затолкать обратно его содержимое и сделать вид, что ничего не случилось», – подумал Чет, но промолчал. Мальчик вряд ли сам заглядывал внутрь, так что разницы нет.

Опал аккуратно вытащила несколько нитей сбоку, где меньше вышивки. Чет ни за что не догадался бы поступить так – он вспорол бы мешочек сверху и наверняка испортил бы вышивку.

– А вдруг это магическая вышивка? – предположил он. – И если мы нарушим ее, содержимое мешочка исчезнет?

Чет не вполне понимал, что говорит, но в столь поздний час трудно было не думать об этом. Они словно вступали на чужую и, возможно, враждебную территорию.

Опал недовольно посмотрела на мужа.

– Как это на тебя похоже: ты задумываешься только после того, как дело сделано.

Но она остановилась, явно обеспокоенная.

– Думаешь, там что-то живое? И оно... может укусить?

– Лучше отдай мне. Если кто-то и должен потерять палец, пусть это будет не тот, кому потом придется зашивать мешочек, – сказал Чет, пытаясь превратить все в шутку.

Он слегка надавил на разрез, чтобы тот раскрылся, и поднес мешочек к свету. Но внутри увидел лишь какие-то высушенные цветы и листья. Он наклонился и осторожно понюхал содержимое. Запах был необычным и незнакомым: смесь пряных ароматов. Чет сунул внутрь палец, стараясь ничего не повредить, но сухие листья ломались, и благоухание становилось сильнее. Наконец он коснулся чего-то твердого и плоского. Фандерлинг попытался вытащить неизвестный предмет, но тот оказался почти того же размера, что и мешочек.

– Придется еще немножко разрезать, – вздохнул Чет, передавая вещицу Опал.

– Моли, волшебный корень, и «разбитое сердце», – приносиваясь, сказала Опал. – Но не только. Остальное я не знаю.

Опал распорол шов до самого конца и вернула мешочек Чету.

Он осторожно потянул твердый предмет. Сухие цветы и листья посыпались на стол. Чет потянул чуть сильнее, и предмет наконец выскользнул наружу. Овальный, прекрасно отполированный и украшенный резьбой, он был твердым, но не как камень. Его украшал непонятный узор. Чет с удивлением рассматривал предмет: зачем этот простой круглый кусок кости – то ли слоновой, то ли еще какой – украшать столь искусной резьбой? Опал на минуту взяла вещь в руки, кивнула и отдала обратно мужу, перевернув другой стороной.

– Это же зеркало, старый дурень. – В ее голосе послышалось облегчение. – Ручное зеркало, как у благородных дам. У твоей принцессы Бриони, наверное, таких несколько.

– У *моей* принцессы Бриони? – переспросил Чет. Он подхватил их обычный шуточный тон, поскольку ничего другого не придумал. Он тоже почувствовал облегчение, но в меньшей степени, чем жена. – Уверен, принцесса пришла бы в восторг, услышав твои слова.

Он посмотрел на зеркало, поднял его и повертел, пока не поймал отражение от светильника – вроде бы совершенно обычное.

– Зачем мальчику зеркало? – недоуменно спросил он. Опал покачала головой, удивляясь его глупости.

– Ну разве ты сам не понимаешь? Ясно как день. Скорей всего, оно принадлежало его... его настоящей матери. – Ей было неприятно произносить эти слова, но она решительно продолжила: – Она дала сыну зеркало как... как память. Может быть, ей грозила опасность, и у нее оставалось лишь несколько секунд, чтобы спасти сына. Она хотела дать знать тому, кто подберет ребенка, что это мальчик из хорошей семьи и у него есть любящая мать.

– Странно это... – Чет не поверил в ее объяснение. – Она хранила зеркало зашитым в мешочек?

– Да нет же! Она сделала это, чтобы не повредить его.

– По-твоему, у высокородной женщины случилось несчастье: на замок напали враги или он горел, как в балладах

больших людей, которые ты так любишь слушать на рыночной площади, – и она потратила последние минуты на то, чтобы зашить зеркало в мешочек? Да еще так аккуратно.

– Ты все усложняешь, – ответила жена.

Но Опал скорее удивилась, чем рассердилась. Она могла позволить себе быть великодушной, поскольку явно оказалась в выигрыше: они нашли всего лишь зеркало, а не кольцо с фамильным гербом или письмо, подробно описывающее происхождение ребенка или страшное преступление. На всякий случай Чет высыпал на стол остатки листьев и цветов. Опал недовольно заворчала. Однако в мешочке ничего больше не оказалось.

– Если ты закончил мусорить, оставь уборку мне, – заявила женщина. Теперь она уже не скрывала своего торжества. – Мне придется потрудиться, чтобы успеть вернуть этой вещи ее прежний вид, пока мальчик не проснулся. А ты ложись спать.

Чет так и поступил, однако сон к нему не шел. Опал тихонько возилась с мешочком, но фандерлинга тревожило другое. То, что они обнаружили, оказалось совсем не страшно. Похоже, пока никакие перемены им не грозят. И все же... Было кое-что еще.

«Обязательно скажу об этом Чавену, когда снова его увижу», – решил Чет.

Он устал, сильно устал и хотел спать. Еще больше он хотел, чтобы Опал оказалась права и беспокоиться было бы не

о чем, но кое-что по-прежнему его терзало.

«Спрошу у Чавена при встрече. В последний раз ему не очень-то пришлось по душе мое общество, но больше обратиться не к кому. У него есть опыт в подобных делах. Возможно, он что-то мне объяснит. А вдруг это зеркало – не простое зеркало...»

Бриони часами не выпускала из рук отцовского письма. Она разглядывала знакомый почерк снова и снова, словно это портрет короля, а не написанные им слова. Она и не подзревала, как сильно скучает по отцу. Читая письмо, она слышала дорогой голос, как будто Олин находился в этой комнате, а не за сотни миль от дома; как будто они не расставались на полгода. Неужели какое-то письмо могло стать причиной смерти Кендрика?

Помимо семейных печалей, в послании был и другой смысл. Как и говорил Броун, Олин действительно писал об автарке и о своей обеспокоенности угрозой с юга.

«Мы подошли к главной моей тревоге, сын мой, – читала Бриони уже в шестой или седьмой раз. – Слухи о том, что автарк расширяет свою империю на север и приближается к нам, не преувеличены. Весь континент Ксанд, что находится за Белой пустыней, теперь подчиняется Ксису. Предыдущие правители довольствовались тем, что брали дань с завоеванных королевств. Новый автарк куда жестче в этом

вопросе. Говорят, он считает себя не просто королем, а богом, и во всех подвластных ему землях люди должны почитать его как сына солнца! Пока он еще не требует этого от городов и королевств Зона, подпавших под его власть. Но я уверен, рано или поздно он этого потребует – когда его положение достаточно упрочится.

Только не подумай, что если он сумасшедший, то он глуп. Нет. Он сделан из кремня. При рождении ему дали имя Сулепис. Он был двадцать третьим из двадцати шести братьев царствующей семьи – змеиного гнезда, ставшего легендарным даже в беспокойном Ксисе, где всегда хватало жестокостей и убийств. Говорят, что к тому времени, когда через год после смерти отца Сулепис взошел на трон, в живых остался лишь один его брат – самый младший. Но и того он приказал опустить в расплавленную бронзу, едва закончилась церемония коронации. Когда фигура остыла, Сулепис велел установить ее перед своим дворцом. Один путешественник рассказывал, что автарк обожает пугать этой фигурой своих гостей: говорит, что она называется «Гордость семьи».

Его власть в Ксанде безгранична, но хотя он и захватил территории в Зоне, эти мелкие государства либо располагают неудобными гаванями, либо вообще не имеют портов. Он прекрасно понимает, что ни одно из покоренных государств не обеспечит ему удобного плацдарма для вторжения, а без надежного опорного пункта его армия, как бы ве-

лика она ни была, не победит противника, полного решимости отстаивать свою землю. Особенно если Сиан, Джеллон и королевства Пределов выступят вместе...»

Бриони отложила письмо с тем же раздражением, что и после первого прочтения. Джеллон – этот рассадник предательства! Очень похоже на отца: даже попав в плен из-за жадности короля Геспера, он все еще надеется объединиться с ним против общего сильного врага.

«Не исключено, что со временем ему бы это удалось, – подумала Бриони. – А что делать мне? Если мы объединимся, мерзкий граф Анжелос снова вернется сюда, и мне придется обращаться с ним как с союзником, хотя я желала бы пронзить его сердце мечом».

Она пообещала себе, что после обеда займется фехтованием. Баррик еще слаб после болезни, но можно обойтись набитым опилками чучелом: представить, что это Анжелос или его господин Геспер. Их приятно продырявить.

Размышляя об отсутствующей странице, Бриони никак не могла угадать, что заставило кого-то ее похитить. Судя по содержанию соседних фрагментов, там были самые обыденные рассуждения о боеспособности стен и ворот замка. Возможно, шпион автарка или кто-то из своих взял страницу, рассчитывая найти сведения о слабых местах Южного Предела? Или они совсем глупы и рассчитывают на то, что отец доверит бумаге информацию, подставляющую под удар его

семью и дом, и передаст ее послу Лудиса Дракавы? Тогда они его совсем не знают. Как сказал Броун, король Олин никогда ничего не принимал на веру.

Девушка обратилась к последней части письма, готовая снова заплакать, читая слова прощания.

«И передай Бриони, что я ее люблю. Очень сожалею, что пропущу день рождения ее и Баррика. В этом холодном замке есть кошка, что привыкла спать у меня в ногах. В последнее время она сильно растолстела. Я подозреваю, что у нее будут котята. Передай Бриони: я скоро вернусь, и не один, а с сюрпризом. Она сможет баловать котенка, сколько ей захочется – в отличие от собак и детей, кошек не испортишь избытком любви».

«Спрошу у Чавена при встрече. В последний раз ему не очень-то пришлось по душе мое общество, но больше обратиться не к кому. У него есть опыт в подобных делах. Возможно, он что-то мне объяснит. А вдруг это зеркало – не простое зеркало...»

Бриони часами не выпускала из рук отцовского письма. Она разглядывала знакомый почерк снова и снова, словно это портрет короля, а не написанные им слова. Она и не подозревала, как сильно скучает по отцу. Читая письмо, она слышала дорогой голос, как будто Олин находился в этой комнате, а не за сотни миль от дома; как будто они не расставались на полгода. Неужели какое-то письмо могло стать

причиной смерти Кендрика?

Помимо семейных печалей, в послании был и другой смысл. Как и говорил Броун, Олин действительно писал об автарке и о своей обеспокоенности угрозой с юга.

«Мы подошли к главной моей тревоге, сын мой, – читала Бриони уже в шестой или седьмой раз. – Слухи о том, что автарк расширяет свою империю на север и приближается к нам, не преувеличены. Весь континент Ксанд, что находится за Белой пустыней, теперь подчиняется Ксису. Предыдущие правители довольствовались тем, что брали дань с завоеванных королевств. Новый автарк куда жестче в этом вопросе. Говорят, он считает себя не просто королем, а богом, и во всех подвластных ему землях люди должны почитать его как сына солнца! Пока он еще не требует этого от городов и королевств Зона, подпавших под его власть. Но я уверен, рано или поздно он этого потребует – когда его положение достаточно упрочится.

Только не подумай, что если он сумасшедший, то он глуп. Нет. Он сделан из кремня. При рождении ему дали имя Сулепис. Он был двадцать третьим из двадцати шести братьев царствующей семьи – змеиного гнезда, ставшего легендарным даже в беспокойном Ксисе, где всегда хватало жестокости.»

Бриони была довольна собой: на этот раз она не заплакала. Ну разве что пара слезинок... Она поспешно смахнула влагу с лица, и Мойна с Розой ничего не заметили.

Баррик обычно побеждал сестру в поединке на мечах – он был намного сильнее, хотя и не мог пользоваться большой рукой. Однако он не оправился от болезни, поэтому у него быстро сбилось дыхание, а лицо покраснело. Принц двигался медленнее, чем обычно. Он получил несколько ударов тупым мечом, а в ответ нанес только один. Гораздо быстрее, чем хотелось бы Бриони, он отступил назад и отшвырнул меч, с глухим стуком упавший на пол.

– Нечестно, – заявил он. – Ты знаешь, что я нездоров.

– Тем более тебе нужно тренироваться. Ну давай же, злюка, попробуй еще разок. Можешь взять щит, если хочешь.

– Нет. Ты не лучше Шасо. Неужели теперь, когда он больше не может мучить меня, его место хочешь занять ты?

В голосе брата слышалось нечто большее, чем просто злость, и Бриони решила отступить. Ее переполняли ярость и раздражение. Столько дней она сидела на месте и выслушивала самых разных людей! Теперь ей так хотелось размяться, помахать клинком, позабыть о том, что она принцесса. Но она знала: заставить Баррика делать что-либо против его воли невозможно.

– Хорошо. Тогда, может быть, поговорим? Я перечитала письмо отца.

– Нет. Не хочу. Клянусь молотом Перина, за последние дни я наговорился на всю жизнь! Сплошные заговоры и интриги. Я устал от них. Лучше пойду вздремну.

– Но мы еще не говорили о том, что узнали от Броуна: о Гейлоне Толли, о письме и автарке...

Он махнул рукой, останавливая ее, и сказал:

– Броун смутьян. Если не будет интриг и таинственных заговоров, от которых нас надо спасать, он лишится всякого влияния.

Баррик скинул защитный жилет, не развязав его до конца, и надулся, как наказанный ребенок.

– Ты говоришь, что нам не о чем беспокоиться? – изумилась Бриони. – Забыл, что брата убили прямо в нашем замке?..

– Нет, я этого не говорил! Не надо передергивать! Я говорю, что не доверяю Авину Броуну, потому что он сообщает нам лишь то, что выгодно ему. Ведь именно он уговорил отца жениться на Аниссе. Найнор и тетя Мероланна были против, но Броун наседал, пока отец не согласился.

– Мы тогда еще были маленькими, я совсем ничего не помню, – нахмурилась принцесса.

– А я помню. Я помню все. По его вине эта сумасшедшая теперь сидит у нас на шее.

– Сумасшедшая? – Бриони очень не понравилось выражение лица Баррика: в нем появилась жесткость, какой никогда раньше не было. – Баррик, она мне тоже не нравится, но так говорить бессердечно. К тому же это неправда.

– В самом деле? Селия рассказала, что она очень странно себя ведет. Она никого не подпускает к себе, кроме деревен-

ских женщин. Селия говорит, что в городе некоторых из них считают колдуньями...

– Селия? Я и не знала, что ты с ней встречаешься.

– Ну и что? – Побледневшие щеки Баррика снова ярко вспыхнули. – Разве это тебя касается?

– Нет, конечно. Но разве мало других девушек, более достойных твоего внимания? Мы о ней ничего не знаем.

Он фыркнул:

– Ты рассуждаешь, как тетушка Мероланна.

– И Роза, и Мойна тебя просто обожают.

– Вранье. Роза обзывает меня «принцем-несчастливцем» и считает, что я вечно ною. По твоим же словам. – Он насутился.

Бриони, до этого момента серьезная и озабоченная, позволила себе слегка улыбнуться.

– Это было в прошлом году, дурачок, – ласково сказала она брату. – Больше она так не говорит. Надо заметить, она очень переживала, когда ты болел. А Мойна... По-моему, ты ей нравишься.

Сначала на лице его появилось искреннее удивление, а взгляд стал страстным – настолько неожиданно, что Бриони поразились. Но в следующий миг все исчезло, и Баррик надел свою обычную унылую маску безразличия.

– Тебе недостаточно быть принцессой-регентом, – проговорил он. – Ты ведешь себя как королева, точно меня и вовсе нет рядом. Ты поучаешь меня, с кем говорить, а с кем нет.

Не исключено, что ты заставишь одну из фрейлин сделать вид, будто она меня любит, и следить за мной. Ты не должна так поступать, Бриони.

Баррик отвернулся, бросил на пол принадлежности для тренировки и вышел из оружейного зала. Двое стражников, молча стоявших в стороне, последовали за принцем.

– Это неправда! – крикнула Бриони. – Баррик, это неправда!..

Но брат уже удалился.

Она сама не знала, зачем отправилась туда. У Бриони было чувство, словно она идет против сильного ветра, пытаясь удержать в руках очень сложную и хрупкую вещь – что-то вроде одного из приборов Чавена, но гораздо большего размера. Временами ей казалось, что королевская семья проклята.

Тяжеловооруженный стражник не хотел пускать ее в подземелье. Бриони спорила с ним. Принцесса-регент могла делать все, что заблагорассудится, но она знала: если продолжать настаивать, стражник обратится к Авину Броуну, а этого как раз девушка и не хотела. Бриони сама не понимала причин своего поступка. Тем более она не смогла бы объяснить его лорду коменданту.

В конце концов она окликнула узника через зарешеченное окно. Сначала никто не ответил. Она позвала снова и услышала шорох и глухое звяканье цепи.

– Бриони? – услышала она.

Его голос утратил почти всю свою силу. Принцесса наклонилась к окну, пытаясь разглядеть Шасо в полумраке.

– Чего вы хотите? – спросил он.

– Поговорить, – ответила Бриони. Из камеры веял ужасный, отвратительный запах. – Я... я хочу задать вам вопрос.

Шасо поднялся на ноги. Сейчас он больше походил на тень. Он двигался медленно, подтягивая цепи, закрепленные на лодыжках, и остановился почти у самой двери. В темнице царил мрак, и только факел на стене за спиной принцессы освещал лицо узника. Но даже при слабом свете она заметила, как похудел Шасо: плечи его по-прежнему были широкими, но шея казалась совсем тонкой. Когда он повернул голову, чтобы лучше рассмотреть девушку – в огне факела, должно быть, он видел лишь ее силуэт, – Бриони заметила, что под кожей четко прорисовывается его череп.

«Милосердная Зория!» – мысленно воскликнула она.

– Что вам нужно? – вновь спросил Шасо.

– Почему вы не говорите, что произошло на самом деле? Бриони изо всех сил старалась говорить спокойно. Достаточно того, что она плачет у себя в комнате. Но здесь, перед угрюмым стариком, на глазах у стражника, делавшего вид, будто не слушает, она себе этого не позволит.

– Что произошло той ночью, – настаивала она. – Я хочу вам верить.

– Только вы.

– Нет, не только я. Давет тоже считает, что Кендрика убили не вы.

Шасо долго молчал.

– Вы говорили с ним? Обо мне?

Бриони не поняла, удивился он или рассердился.

– Он был послем похитителя нашего отца, – сказала она. – Он тоже мог оказаться убийцей. Мы не раз с ним беседовали.

– Вы сказали «беседовали»?

– Он уехал. В Иеросоль, к своему господину Дракаве. Но он утверждал, что вы благородный человек и не способны нарушить клятву семье Эддонов, как бы все это ни выглядело.

– Он лгун и убийца. Ему нельзя доверять, – сказал Шасо холодно и резко, и Бриони очень трудно было скрыть гнев.

– Даже когда он заявляет, что вы невиновны?

– Если моя невиновность зависит от слова этого человека, меня следует сейчас же отправить к палачу.

Бриони так сильно ударила рукой по решетке, что стражник от неожиданности подскочил и поспешил к ней. Она жестом отправила его обратно.

– Будьте вы прокляты, Шасо дан-Хеза, будь проклято ваше упрямство! Вам приятно все это? Вы сидите в темноте и радуетесь, что мы показали, как мало вас ценим? Торжествуете при мысли о том, какой неблагодарностью мы отплатили за вашу верную службу? – Она еще ближе склонилась к решетке и продолжала свистящим шепотом: – Мне труд-

но поверить, что вы могли убить моего брата. Зато я легко представляю, как вы дали бы убить себя, а то и сами бы сделали это, назло нам.

И снова Шасо промолчал, свесив на грудь огромную голову. Он так долго не отвечал, что Бриони начала беспокоиться: а вдруг измученный заточением узник заснул стоя или даже умер, как рыцарь Силас из Перикала? Силас остался на ногах с дюжиной стрел в теле – так, во всяком случае, говорится в поэме.

– Я ничего не могу сказать про ту ночь, кроме того, что я не убивал Кендрика, – наконец отозвался Шасо. Голос старого оружейника прерывался, словно от сдерживаемых слез, но Бриони знала, что Шасо не мог заплакать. – Я должен умереть. Если вы на самом деле желаете мне добра, принцесса Бриони, не приходите больше ко мне. Это слишком больно.

– Шасо, что?..

– Прошу вас. Поскольку вы одна в этой стране верите, что я не мог нарушить клятву, я скажу вам три вещи. Не доверяйте Авину Броуну. Он любит во всем участвовать, но его волнуют лишь собственные интересы. Не доверяйте придворному врачу Чавену. Он знает много секретов, и не все из них безвредны.

– Чавен? Почему вы говорите так о нем? Что он сделал?..

– Прошу вас. – Шасо поднял голову. Глаза его пылали. – Просто слушайте. Я ничего не могу доказать, но... но я не хочу, чтобы вам причинили зло, Бриони. Ни вам, ни вашему

брату, хотя он не раз испытывал мое терпение. Кроме того, я не хочу, чтобы у вашего отца отобрали королевство.

Теперь девушка удивилась по-настоящему.

– Вы сказали... три вещи, – напомнила она.

– Не доверяйте вашему кузену Гейлону Толли. – Он вдруг издал стон. Неожиданный, странный, пугающий стон. – Нет. Больше ничего не могу сказать.

– Гейлон...

Бриони задумалась. Сначала она хотела сообщить Шасо, что Гейлон пропал, а семья Толли, как утверждает Броун, приютила агентов автарка, но растерялась. Шасо сказал, что ни Броуну, ни Гейлону нельзя доверять. Кто же тогда предатель – Герцог Саммерфильдский? Лорд комендант? Или оба?

Ее словно окатили холодной водой.

«Сказать ему? Разве я сошла с ума? А что, если именно он убил моего брата? Вдруг он состоит на службе у кого-то более опасного, чем автарк из Ксиса? Достаточно того, что я пришла сюда одна, без Баррика. Разве могу я относиться к нему как к доверенному лицу семьи?»

– Бриони? – Голос Шасо звучал тихо, но в нем слышались тревога и участие.

– Мне нужно идти.

Девушка повернулась и пошла прочь, небрежно кивнув стражнику, словно ничего необычного не произошло. Но возле ступенек, ведущих из темницы, она перешла на бег –

ей хотелось побыстрее вырваться из этого мрачного места.

Мэтти Тинрайт проснулся в своей крошечной комнатенке под крышей трактира «Квиллер Минт». Он чувствовал себя так, словно в голове булькала трюмная вода. Мэтти прожил над трактиром уже два года, и каждый сантиметр тесного помещения был ему до боли знаком, однако сейчас он умудрился удариться головой о балку. Удар был не сильным – слава Зосиму, богу пьяниц и поэтов (удачное сочетание, ведь очень часто пьяница и поэт уживаются в одном человеке), – но от боли Тинрайт со стоном свалился обратно на кровать.

– Бриджит! – заорал он. – Иди сюда, чертово отродье! Я разбил себе голову!

Но она, конечно, не появилась. Единственным его утешением была мысль, что она в любом случае придет в кабачок – ведь она работает здесь. Тогда Мэтти и отругает ее за то, что она его бросила. Возможно, все закончится скандалом, или Бриджит проявит к нему сочувствие. И то и другое его устроит. Поэтам нужны чувства, сильные ощущения.

Стало ясно, что никто ему не ответил. Тинрайт сел, потирая голову и издавая жалобные стоны, потом опорожнил мочевой пузырь в ночной горшок и, пошатываясь, направился к окну. В более раннее или, наоборот, более позднее время он не стал бы использовать горшок, но сейчас в Слесарном ряду былолюдно. Не из соображений порядочности, а из преду-

смотрительности он выплеснул содержимое там, где никого не было: в прошлом месяце здоровенный моряк так возмутился, когда его прямо из окна облили мочой, что Тинрайту пришлось спасаться бегством.

Он спустился по ступенькам, показавшимся ему сегодня бесконечными, и очутился в зале трактира. Скамья, где Финн Теодорос и Рубака продержали его полночи за игрой на выпивку, сейчас пустовала. Несколько мужчин расположились в разных углах зала: это работники с Лудильной улицы пришли на ранний завтрак. Мэтти Тинрайт не понимал, как те двое, поэт-клерк и драматург, могли так много пить да еще следить за тем, чтобы он не отставал. Ведь они старше его на двадцать лет. Их способ времяпрепровождения ужасен, а они вынуждали и молодого Тинрайта следовать их образу жизни. Голова Мэтти была словно набита стеклом.

Никаких признаков присутствия Конари, хозяина трактира, не наблюдалось. Помощник трактирщика Джил – все звали его по имени, хотя он лет на десять старше Тинрайта, – сидел за стойкой, охраняя бочонки. Сейчас у него было странное, на редкость бессмысленное выражение лица; впрочем, он никогда не отличался умом. Когда Тинрайт поселился в «Квиллер Минте», Джил уже работал там, и за все это время не сказал ничего стоящего.

– Эль, – потребовал поэт. – Мне срочно нужен эль. У меня шторм в желудке, и лишь солнечный свет, заключенный в хмеле, утихомирит бурю. – Он облокотился на стойку и рыг-

нул. – Ты слышишь? Разрази тебя гром!

Джил даже не улыбнулся, хотя всегда вежливо, пусть и сдержанно, реагировал на шутки Тинрайта. На этот раз он возился дольше обычного, наливая кружку. Помощник трактирщика моргал, как сова днем, и выглядел глупее обычного. Тинрайт не без удовольствия отметил, что тот не спросил платы. Сам Конари давно не давал своему жильцу даже понюхать выпивку, если не видел у него в руке монету, и грозился вышвырнуть Мэтти из крошечной комнатенки под крышей. Раз уж сегодня везет, Тинрайт решил не рисковать и удалиться вместе с кружкой к себе в комнату, прежде чем помощник осознает свою ошибку. Однако его ждало разочарование. Джил вдруг спросил:

– Ты ведь поэт?

До лестницы было слишком далеко, чтобы сделать вид, будто он ничего не слышал. Тинрайт повернулся, готовый произнести извинения.

– Я имею в виду, ты умеешь писать? – продолжал Джил. – У тебя легкая рука?

Тинрайт нахмурился.

– Как у ангела, пользующегося пером и чернилами, – заявил он. – Одна важная дама как-то сказала про мою оду, посвященную ей: даже если все слова в этой оде перемешать, она останется столь же прекрасной и поучительной.

– Я хотел попросить тебя... написать письмо. Можешь? – Джил заметил колебания Тинрайта. – Я тебе заплачу. Этого

хватит?

Он протянул руку. На ладони, словно кусочек солнца, сиял доллар. Тинрайт открыл рот и чуть не выронил кружку. Он всегда знал, что Джил туповат, часто смотрит в одну точку, подолгу молчит; но его нынешняя глупость походила на божий дар. Зосим, по всей видимости, услышал молитвы Тинрайта и в это утро решил быть особенно великодушным.

– Конечно, – ответил Мэтти. – Я с радостью помогу тебе. И возьму это... – Он забрал монетку с ладони. – Приходи ко мне в комнату, когда вернется Конари. – Он одним глотком допил эль из кружки и вернул ее Джилу. – На, возьми – не придется тащить ее из моей комнаты.

Джил кивнул. Выражение его лица оставалось бессмысленным, как у лежащей на прилавке рыбы.

Тинрайт заспешил обратно наверх. Он был почти уверен, что золотой доллар пропадет, рассеется как наваждение, когда он войдет в комнату. Однако он разжал кулак, а монета не исчезла. Мэтти охватило сомнение, не подделка ли это. Он проверил доллар на зуб и не обнаружил обмана. Правда, надо признать, что Тинрайту очень редко приходилось пробовать на зуб золото.

Помощник трактирщика остановился у двери, опустив руки.

Тинрайт невольно подумал, уж нет ли у Джилы еще каких-нибудь поручений для него. Может, залатать рубашку

или помочь снять ботинки?

«Он сегодня еще более странный, чем обычно, но мне от этого одна польза. Если у Джила есть dolphins, я с радостью признаю его своим хозяином, и не важно, что он глуп. – Тут ему в голову впервые пришла мысль: – Но откуда у помощника трактирщика появилось золото? Убил кого-нибудь? Ну, тогда я надеюсь, что по его жертве никто не скучает...»

Джил прервал молчание:

– Я должен послать письмо. Записывай мои слова. Можешь исправлять их, если сочтешь нужным.

– Да, конечно, мой добрый друг.

Тинрайт взял доску для письма (одну из немногих вещей, которые он пока не заложил) и заточил перо старым ножом, украденным с кухни Конари.

«За это золото я верну свой перочинный ножик с костяной ручкой. Ха! Да я смогу купить даже ножик с ручкой из слоновой кости!»

– Я не знаю, какие приветствия пишутся в письмах, так что напиши сам.

– Замечательно. А кому письмо?

– Принцу Баррику и принцессе Бриони.

– Что-о-о?! – Тинрайт уронил перо. – Принцу и принцессе?

– Да. – Джил смотрел на него, склонив набок голову, и был больше похож на собаку или птицу, чем на человека. – Не сможешь написать?

– Конечно смогу, – поспешил заверить его Тинрайт. – Без всякого сомнения. Если в твоём послании не будет измены.

И все-таки Тинрайт забеспокоился. Не поторопился ли он воздать благодарности Зосиму? Ведь тот принадлежал к числу очень своенравных богов.

– Хорошо. Ты очень добр, Тинрайт. Я хочу рассказать о важных вещах. Записывай. – Он вздохнул поглубже и закрыл глаза, словно старался что-то вспомнить. – Напиши принцу и принцессе Южного Предела, что мне нужно с ними поговорить. Что я могу сообщить им очень важные и совершенно правдивые сведения.

Тинрайт облегченно вздохнул и принялся писать приветствие. Он не сомневался, что это письмо – бред неграмотного крестьянина и царственные близнецы не станут его читать.

«Благородным и достопочтенным Баррику и Бриони, – записывал он, – принцу и принцессе, регентам Южного Предела, от их скромного подданного...»

– Как тебя зовут? – спросил он своего заказчика. – Твое полное имя?

– Джил.

– А другого имени у тебя нет? Меня вот, например, зовут не просто Мэттиас, а Мэттиас Тинрайт.

Помощник трактирщика смотрел на него непонимающим взглядом. Тинрайт пожал плечами и продолжил писать:

«Джила, помощника трактирщика в заведении, известном

под названием...»

– Напиши им, что угроза, с которой они столкнулись, куда серьезнее, чем они думают. Нам предстоит война. В доказательство, что я говорю правду, расскажу им о случившемся с дочерью принца Сеттленда и ее приданым. И о том, почему отпустили племянника купца. Только пиши слово в слово.

Тинрайт кивнул и радостно принялся строчить за записавшимся на каждом слове Джиллом. Он заработал большой куш на простейшем деле. Никто не примет всерьез этот бред, тем более королевская семья.

Закончив письмо, Тинрайт передал его Джилу и попрощался с ним. Джил собирался отнести послание в крепость и передать принцу и принцессе – так он сказал. Сам-то Тинрайт знал, что бедняге не пройти дальше изумленно-го или разгневанного стражника у Вороновых ворот. Пока Джил с топотом спускался по ступеням, Тинрайт размышлял о том, как потратит деньги. Голова больше не болела. Жизнь снова стала прекрасной.

В тот день Джил не вернулся в «Квиллер Минт». А за час до захода солнца королевские гвардейцы арестовали Тинрайта – с чернильными пятнами на пальцах и неистраченной монетой.

22. КОРОЛЕВСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

БЕЗЫМЯННЫЕ

Твердые, как камень под землей,

Жужжащие, как осы,

Они слились вместе, как змей клубок.

Из «Оракулов падающих костей»

«Хорошо, что меня хотя бы не сковали цепью», – размышлял Мэтти Тинрайт. Но дела его были плохи. Он чуть не умер от страха, когда гвардейцы явились в таверну, чтобы арестовать его. А потом, когда он впервые увидел темницу замка и почувствовал запах сырости, замшелых камней, человеческих тел, заточенных в этих стенах, ему снова стало дурно. Одно дело – описывать страдания Силаса из Перикала, которого злобный Желтый рыцарь заточил в подземелье, и совсем другое – самому оказаться в тюрьме.

Он тяжело вздохнул, но потом испугался, что вздох примут за жалобу. А ему вовсе не хотелось сердить огромных мрачных гвардейцев. Двое из них разговаривали, присев на низкую скамью, третий стоял возле Мэтти с пикой в руках. Именно этот третий беспокоил его больше всего: солдат поглядывал на пленника с надеждой, что тот попытается сбежать. Тогда его можно будет наколоть на пику, как жареного зайца.

Но поэт не собирался бежать. Его разум настроился на покорность, как стрелка компаса поворачивается на север.

«Даже если замок вдруг рухнет, я все равно останусь сидеть на месте. И злобный сукин сын не найдет повода напасть на Мэтти Тинрайта».

Со своего места он видел Джила, сгорбившегося на полу недалеко от стола стражников. Тинрайт порадовался, что между дверью и Джиллом стражников трое, а возле Тинрайта – только один. Значит, настоящим злодеем считали все-таки Джила. Хотя едва ли он напоминал человека, способного убежать. Лицо Джила ничего не выражало: он бессмысленно уставился на стену перед собой, словно сбитый с толку старичок, которого случайно оставили одного на рынке. Тот стражник, что неприязненно поглядывал на Мэтти, подошел к нему поближе, позвякивая кольчугой. Он встал совсем рядом, навис над поэтом, как скала, и аккуратно – но не без умысла – воткнул острие пики в пол, едва не задев пах Тинрайта. Если бы сейчас на Мэтти были его парадные штаны, гультфик оказался бы в серьезной опасности.

– Я видел тебя в «Сапогах барсука», – сказал стражник. Тинрайт смутился. Его беспокоило копье, воткнутое у него между ног, словно победный флаг. Он тут же подумал, что его обвиняют в краже сапог у кого-нибудь из друзей гвардейца.

– Ты меня слышишь, приятель? – спросил солдат.

Мозги Мэтти наконец заработали. Стражник говорил о

таверне у башни Василиска, где Тинрайт бывал несколько раз, обычно в компании выпивохи драматурга Невина Хьюни.

– Нет, господин, вы меня с кем-то спутали. – Мэтти старался говорить как можно искреннее. – Я ни разу не был там. Я предпочитаю «Квиллер Минт» на Скрипучей аллее. Такой человек, как вы, конечно, не знает «Квиллер Минт» – это очень убогое место.

Стражник фыркнул. Он был еще молодой, с неприятным рыхлым лицом, а живот у него под мундиром заметно выпирал.

– Ты увел у меня женщину, – заявил он. – Ты еще заявил, что ей лучше пойти с такой умной лисой, как ты, чем с глупой свиньей, которая к ней пристает.

– Уверен, вы ошибаетесь, уважаемый господин.

– Ты также сказал, что ее груди – как две сдобные белые булки, а задница похожа на спелый гранат.

– Да нет – на персик, – поправил солдата Тинрайт.

В тот вечер он сильно напился, а значит, вполне мог употребить столь нелепое в данном случае сравнение, как «гранат». Он тотчас заткнул болтливый рот рукой, но было слишком поздно. Снова его подвел язык.

Стражник одарил поэта редкозубой улыбкой, и тот почувствовал, что ничего хорошего она не означает – это не восхищение его ловкостью в ухаживании за женщинами. Солдат наклонился и толстыми коротенькими пальцами схватил

Мэтти за нос. Он крутил нос до тех пор, пока Тинрайт не завопил от боли. Стражник наклонялся все ниже, и его вонявший сыром рот приблизился вплотную к лицу Мэтти. Поэту повезло хотя бы в том, что он ничего не чувствовал защемленным носом.

– Если комендант не прикажет отрубить тебе голову – а если он прикажет, я буду в первых рядах зрителей, – приду навестить тебя в «Квиллер Минт». Ждать тебе придется недолго. Приду и отрежу у тебя кое-что лишнее. – Для убедительности он еще раз повернул нос поэта. – А тогда посмотрим, станут ли любить тебя дамы.

Дверь в темницу с грохотом распахнулась. Стражник успел напоследок еще раз повернуть нос Тинрайта, потом отпустил и выпрямился. В глазах Мэтти стояли слезы, а нос горел огнем.

– Клянусь штанами Перина, этот мошенник плачет. – Голос грохотал прямо у него над головой. – Неужели только воинов можно назвать мужчинами в этом королевстве? Неужели все прочие мужчины – сводники, развратники или плаксы, как этот?

Над Мэтти возвышалась необъятная фигура лорда коменданта, борода его была похожа на грозовую тучу.

– Ты расстроен из-за совершенных тобой преступлений против короны? – продолжал Броун. – Слезы помогут тебе у священников тригоната, но не здесь.

Тинрайт смахнул слезы.

– Вовсе нет, господин, я ни в чем не виновен, – ответил он.

– Тогда почему же ты плачешь?

Тинрайт решил не рассказывать, как поступил с ним стражник. Вдруг тот побьет его за жалобу?

– У меня простуда. Она так действует... иногда. Здесь влажный воздух... – В подтверждение своих слов Мэтти неопределенно помахал руками, потом снова запаниковал. – Не подумайте, я не жалуясь на это место, господин, – забормотал он. – Со мной прекрасно обращались.

Тинрайт снова сбился. Он никогда не видел Броуна близко. Казалось, тот способен разmozжить его голову одной рукой.

– Стены здесь крепкие, господин, и пол надежный, – закончил поэт.

– Подозреваю, что тебя кто-то побил, – сказал лорд комендант. – Если сию же минуту не замолчишь, я сделаю это еще раз. – Он повернулся к одному из сидевших на скамье стражников, сразу вскочившему на ноги. – Я забираю обоих пленников.

В дверях стояли стражники, что пришли вместе с комендантом. Он кивнул одному из них. На воинах были ливреи Лендсенда – поместья Броуна.

– Уведите их, – приказал Броун солдату. – Надо будет – побьете.

Тюремный стражник слегка удивился:

– А разве... разве принц и принцесса?..

– Естественно, они знают, – прорычал Броун. – Как ты думаешь, кто приказал мне их забрать?

– Ну да, конечно. Все верно, мой господин.

Тинрайт с трудом встал. Он совсем не хотел, чтобы его били, к тому же боялся разозлить великана коменданта, а потому покорно поплелся вслед за стражей.

Они долго шли за Броуном сложным окружным путем позади большого зала и наконец попали в маленькую, очень красивую часовню. Несмотря на ужас, сжимавший сердце, Тинрайт с удивлением смотрел вокруг себя. Достаточно было увидеть картины, чтобы понять: это часовня самого морского бога Эривора, покровителя Эддонов. Одна из достопримечательностей Южного Предела.

Тинрайт подумал, что убранство часовни прекрасно соответствовало моменту: Джил плелся так медленно, будто шел под водой. Поэт почувствовал смущение, оказавшись в столь знаменитом месте. С другой стороны, он был точно уверен, что здесь его не убьют – хотя бы из опасения запачкать удивительные фрески на стенах.

«Правда, они могут меня задушить. Разве предателей не душат? – подумал Мэтти, и сердце его сильно забилося. – Предателей! Но ведь это безумие. Я не предатель! Я написал письмо, потому что преступник Джил заморочил голову бедному поэту, соблазнив его нечестивым золотом!»

К тому времени как Авин Броун уселся на длинную ска-

мью у алтаря, Тинрайт был готов разрыдаться.

– Успокойся, – обратился к нему лорд комендант.

– Мой господин... я... я...

– Заткнись, дурень. Не воображай, что если я сел, то не смогу встать и поддать тебе как следует. Это удовольствие стоит усилий.

Тинрайт моментально замолчал: он прекрасно видел огромные, с буханку хлеба, кулаки лорда коменданта. Поэт украдкой взглянул на Джилла, но тот, казалось, не только не боялся, но и вовсе не понимал, что происходит.

«Будь ты проклят вместе со своим золотом! – хотелось закричать Мэтти Тинрайту. – Ты, как злобный эльф из сказки, приносишь с собой зло».

Закрыв глаза, Мэтти молча молился богу всех поэтов и пьяниц (он забыл, что предыдущая молитва привела его в темницу для предателей), поэтому не сразу заметил, как в часовне появились новые люди. Его вывел из ступора девичий голос:

– Эти двое?

– Да, ваше высочество. – Броун показал пальцем на Джилла: – Этот сделал заявление. Второй утверждает, что лишь писал письмо, но я не уверен в этом. Обманщика видно с первого взгляда.

Мэтти очень хотелось снова заявить о своей невинности, но горький опыт научил его, как следует себя вести перед властью имущими.

В часовне теперь находились еще шесть человек. Четверо из них были королевскими гвардейцами; они остановились у дверей и стали переглядываться с одетыми в красно-золотые мундиры стражниками Лендсенда. Двое других, к удивлению Тинрайта, оказались детьми короля Олина: принцессой Бриони и принцем Барриком.

– Почему здесь? – спросила светловолосая принцесса. Мэтти не сразу понял, кто это говорит. Она была довольно миловидной, хотя слишком высокой и худой, а Тинрайт предпочитал пухлых белотелых женщин с пышными формами, напоминающих летние облака. К тому же принцесса нарядилась в юбку для верховой езды, рейтузы и длинный мужской камзол голубого цвета. Волосы она распустила.

Ее болезненный брат с красно-рыжими вьющимися волосами был одет во все черное. Тинрайту приходилось слышать о вечно траурном наряде принца, но все равно – странно видеть его так близко, будто они сидят рядом где-нибудь в таверне. Оба регента стояли прямо перед Мэтти, словно пришли навестить его как своего фаворита. Эти мысли несколько отвлекли его от реальности.

«Как бы обзавестись покровителями в королевской семье!» – размечтался Мэтти.

– Мы собрались здесь, потому что дело не подлежит огласке, – ответил Броун.

– Но вы же сами говорили, что они просто хотят выманить у нас деньги за ложную информацию, – ворчливо произнес

принц-регент.

Тинрайт моментально потерял интерес и к покровительству, и к одежде принца и принцессы. Он не мог сглотнуть: в горле застрял ком, точно туда залез еж. Если его подозревают в попытке обмануть регентов, ему грозит казнь. В лучшем случае сошлют на острова или на каторгу, где он пробудет до самой старости. Тогда даже жена лудильщика медного гроша не даст за его прекрасные речи или плотские утехы. Боже, попытка обмануть королевскую семью! Он плотно стиснул бедра, чтобы ненароком не обмочиться в присутствии близнецов.

– Я сказал, таковы мои подозрения, – пояснил Броун, стараясь не замечать недовольного тона принца. – Но если они действительно что-то знают, лучше выслушать их здесь, а не в зале суда.

Бриони смотрела на Тинрайта не так равнодушно, как ее брат – хотя сочувственным ее взгляд не был, – и вдруг повернулась к тощему Джилу.

– Итак, вы помощник трактирщика в какой-то пивной за стенами замка. Откуда вы можете знать про караван в Сеттленде? Если это не трактирные сплетни.

Джил зашевелился, но никак не мог сфокусировать глаза на ее лице.

– Я... я сам не знаю, – ответил он. – Мне снятся сны, и в них я вижу, что происходит.

– Скажи «ваша светлость», мерзавец! – рявкнул Броун.

– По-моему, он... несколько туповат. – Бриони махнула рукой. – Зачем нам с ними возиться? С обоими недоумками.

Тинрайту не хватило смелости ни рассердиться, ни возразить. Жаль, что принцесса не знает о его популярности – пока незначительной, но все еще впереди. Достаточно посмотреть на него, чтобы понять: между беднягой Джилом и им нет ничего общего. Это очевидно.

– Она права, – кивнул принц Баррик. Он говорил медленнее и сбивался чаще, чем обычно. – Возможно, тот купец рассказал свою историю очень многим в Южном Пределе. Половина королевства услышала новость до его приезда в замок.

– Если вы заглянете в письмо, написанное этими двумя, – спокойно пояснил Броун, – то прочтете: «Я могу рассказать вам о том, что случилось с дочерью принца Сеттленда, почему ее похитили вместе со стражниками и тем голубым камнем, что она везла в качестве приданого». Вот из-за этого мы и возмемся с недоумками.

– Не понимаю, – удивилась принцесса.

– Видите ли, купец Бек ничего не знал о большом сапфире, который девушка везла в качестве приданого герцогу Рорику. Никто в караване не знал, даже стражники, поскольку отец невесты опасался ограбления. Я сам узнал о камне только из письма, полученного из Сеттленда несколько дней назад, – послание доставил мне монах. В нем принц просит разузнать о его дочери и сообщить, в безопасности ли она,

потому что встревожен слухами. Сапфир он упомянул особо. Мне показалось, камень для него так же важен, как и дочь. Либо сапфир имеет огромную ценность, либо принц – плохой отец. В любом случае, откуда...

– Откуда помощник трактирщика узнал о камне? – закончила за него Бриони. Она повернулась к Джилу. – Вы утверждаете, будто видели его во сне? Что еще вы можете рассказать?

Джил медленно кивнул и заговорил:

– Я забыл рассказать кое-что из увиденного и услышанного во сне. Я хотел, чтобы Тинрайт записал все, но пришли стражники и увели меня из «Квиллер Минта».

– Значит, если он что-то и знал, – вмешался Баррик, преисполненный отвращения к происходящему, – он все забыл.

– Я знаю, что вы видите людей в черном, – вдруг заявил Джил.

– Что? – переспросил принц.

– Людей в черном. Горящие стены. За вами гоняется человек с бородой и зовет. Я знаю, вы это видите...

Он не успел закончить, потому что Баррик бросился на него и схватил за шею. Джил не сопротивлялся, хотя был намного выше юноши. Тот, свалив тощее тело на пол, уселся Джилу на грудь.

– Что это значит? Откуда тебе известны мои сны? – в ярости спрашивал принц.

– Баррик! – Бриони бросилась к брату и схватила его за

Руки. – Отпусти, ты убьешь его!

Лицо Джила покраснело, но он по-прежнему не сопротивлялся.

– Откуда ты знаешь? Кто тебя подослал? Как ты узнал? – не унимался принц-регент.

Пока изумленный Тинрайт наблюдал за этой сценой, комендант с удивительной для его крупного тела легкостью оторвал юношу от задыхавшегося Джила.

– Прошу прощения, ваше высочество, но вы, кажется, сошли с ума, – проговорил он.

Баррик вырвался из рук коменданта. Он тяжело дышал, словно это его только что душили.

– Не смейте так говорить! Молчите! – заорал он на Броуна. – Никто не смеет так со мной разговаривать!

Казалось, Баррик готов расплакаться или снова закричать, но неожиданно лицо его окаменело. Он повернулся и почти бегом покинул часовню. Стоявшие у дверей стражники обменялись удивленными взглядами и последовали за ним.

Помощник трактирщика уже сидел на полу, пытаясь отдышаться.

– Откуда вы знаете про сны моего брата? – спросила Бриони Эддон.

Джил ответил не сразу.

– Я говорю только то, что видел и слышал, – пробормотал он.

Принцесса обратилась к Броуну:

– Да защитит меня всемилостивая Зория, но иногда мне кажется, что это я сошла с ума. Наверное, так оно и есть – я не понимаю, что здесь происходит. А вы что-нибудь понимаете?

Лорд комендант ответил не сразу.

– Я... по большей части. Но я, как и вы, озадачен, моя госпожа. Есть некоторые соображения, но не стоит ими делиться в присутствии этой парочки. – Он кивнул в сторону Тинрайта и Джила.

– Мы должны решить, что с ними делать, – озабоченно сказала Бриони.

Принцесса не казалась Мэтти хорошенькой, но что-то в ней привлекало внимание – и не только ее положение и власть.

В ней была... сила. «Она похожа на богиню-воительницу», – подумал поэт.

– Естественно, нужно задержать помощника трактирщика, пока мы не выясним, откуда он обо всем узнал, – сказал Броун.

В душе Тинрайта вспыхнула надежда. Может быть, его отпустят?

– Необходимо узнать, где он достал золотой долфин, которым заплатил так называемому поэту, – продолжал Броун. – Я думаю поместить помощника трактирщика в помещение для стражников, где за ним хорошо присмотрят. Но вот нужно ли нам, чтобы этот второй ходил по тавернам и болтал о

том, что видел здесь? – Броун нахмурился. – Подозреваю, вы не позволите мне просто убить его.

У Тинрайта перехватило дыхание. Оставалось только надеяться, что это шутка. Он почувствовал себя лучше, когда принцесса отрицательно покачала головой.

– Плохо, – заметил Броун, – нам не нужны подобные бездельники. Их в Южном Пределе бесчисленное множество.

– Меня совершенно не интересует тот, кто писал письмо. – Бриони в упор смотрела на Джила, и Тинрайт почувствовал укол ревности. – Вряд ли поэт имеет какое-то отношение к делу. Помощник трактирщика не умеет писать, потому попросил другого человека сделать это. Отправьте его домой и пригрозите отрубить голову, если он скажет хоть слово. А мне нужно подумать.

Тинрайт вдруг осознал несколько неприятных истин. Если он вернется в «Квиллер Минт», его вскоре ожидает визит обиженного стражника и хорошая трепка за то, о чем он даже не помнит: пьянки с Хьюни всегда заканчивались полной потерей памяти. Стоила ли такого отбитая у солдата девушка? Глядя на стражника, этого не скажешь. Но поскольку золотой дорфин конфискован, Тинрайт не мог перебраться на ночлег в другое место. Не было у Мэтти и знакомой дамы, чтобы приютила его на время. Разве что Бриджит. Но та сама живет в трактире. Наступили холода, и на улице теперь не переночуешь.

Тинрайту стало жаль себя. Он подумал, не сочинить ли

историю, чтобы выставить себя более значительным – словно и он обладает таинственными сведениями, как помощник трактирщика. Но одного взгляда на огромного Броуна хватило, чтобы отказаться от этой мысли. Похоже, Джил действительно знал нечто, чего знать не следовало. У Тинрайта не было в запасе ничего подобного, и ему не провести коменданта. Мэтти пристально посмотрел на расстроенную принцессу, и в голове у него внезапно родилась идея. Тинрайт подумал, уж не Зосим ли вдохновил его, решив возместить ущерб от своего предыдущего благодеяния... Поэт грохнулся на колени.

– Моя госпожа! – Он старался говорить самым искренним голосом: это всегда помогало ему добывать пищу и выпивку. – Ваше высочество, могу ли я попросить вас выслушать меня? Я понимаю, я слишком ничтожен и испытываю ваше терпение, но прошу хотя бы несколько минут...

Она на него взглянула. Уже хорошо.

– Говорите.

– Я поэт, принцесса, и поэт скромный. Мой дар нечасто вознаграждается, но знающие люди подтвердят, что я неплохо пишу. – Принцесса начала терять интерес к нему, поэтому он постарался быть кратким. – Я пришел сюда, дрожа от страха. Моя попытка оказать услугу неграмотному приятелю причинила вам с братом боль. Я сломлен...

– Если проговоритесь о том, что здесь слышали, тогда вы точно будете сломлены, – горько улыбнулась Бриони.

– Умоляю, выслушайте меня, ваше высочество. Выслушайте вашего ничтожного слугу. Вы заняты заботами государства, поэтому, по всей видимости, не слышали панегирика, что я сочиняю в вашу честь.

На самом деле эта идея пришла ему в голову только что. Еще вчера он и не собирался писать ничего подобного.

– Панегирик?

– Да. Дань вашей несравненной красоте. – Заметив выражение лица принцессы, поэт быстро добавил: – Но в особенности – вашей мудрости и доброте. И вашему милосердию.

Она улыбнулась, но несколько саркастически.

– Сейчас, когда я сижу здесь и наслаждаюсь счастьем вашего присутствия, а не только боготворю вас издалека, как луну на небе, – вдохновенно продолжал поэт, – я со всей ясностью понимаю, что моя главная идея абсолютно верна. Вы действительно ... действительно...

– Действительно – что? – Принцессе надоело ждать.

– Само воплощение Зории, богини-воительницы и покровительницы мудрости.

Вот. Оставалось лишь надеяться, что он угадал. Что ее странный наряд и обращение к богине не случайны.

– В молодости я часто грезил об отважной дочери Перина, но даже в мечтах блеск богини ослеплял меня, и я не мог рассмотреть ее черты, – говорил Мэтти. – Зато теперь мне явлен ее истинный лик. Она возродилась в виде девственной принцессы Южного Предела.

Тинрайт испугался собственных слов. Не слишком ли далеко он зашел? Принцесса вовсе не выглядела польщенной, как он надеялся. Но она не рассердилась. Он задержал дыхание.

– Думаете, стоит его побить, прежде чем отправить обратно? – спросил Броун.

– Честно говоря, – сказала Бриони, – он... меня позабавил. Меня уже давно никто не веселил, а сейчас я чуть не рассмеялась. В наши дни это редкий подарок. – Она осмотрела Тинрайта с ног до головы. – Вы хотите быть моим поэтом? И сообщать миру о моих достоинствах?

Он не совсем понимал, что происходит, но не хотел тратить время на выяснение истины.

– Да, моя госпожа, моя принцесса. Это моя давняя мечта. Безусловно, ваше покровительство сделает меня самым счастливым человеком на земле, самым обласканным судьбой поэтом Эона.

– Покровительство? – Она приподняла бровь. – Что это значит? Деньги?

– Конечно нет, моя госпожа! – «Всему свое время», – подумал он про себя и пояснил: – Бесценным благодеянием станет сама возможность лицезреть вас – на расстоянии, конечно! – чтобы лучше написать мою поэму. Я пишу ее долгие годы, ваше высочество, это труд всей моей жизни. Но поскольку я видел вас лишь изредка, на праздниках, мне было трудно. Позвольте мне наблюдать за вами – хотя бы через го-

ловы людей в зале, где вы мудро управляете счастливым народом Южного Предела. Такая милость достойна самой богини Зорин.

– Иными словами, вы хотите поселиться в замке? – уточнила Бриони, и ее улыбка стала по-настоящему веселой. – Броун, узнайте, не приютит ли его Пазл. Они могут составить друг другу компанию и жить в одной комнате.

– Принцесса Бриони!.. – воскликнул Броун, которому ее слова явно не понравились.

– Я хочу поговорить с братом. Мы с вами встретимся перед заходом солнца, лорд комендант. – Она направилась к выходу, но в дверях остановилась и снова посмотрела на Тинрайта. – Прощайте, поэт. Надеюсь вскоре услышать вашу поэму. Буду ждать с нетерпением.

Глядя на уходившую Бриони, Мэтти Тинрайт пытался понять, был этот день лучшим или худшим в его жизни. Ему хотелось думать, что лучшим. Однако его не отпускало чувство, какого не должно быть у человека, только что назначенного придворным поэтом.

Вансен думал, что Коллум Дайер способен идти за призрачным войском, как слепой за солнцем, несмотря на утонувший в тумане лес и неясно различимую извилистую дорогу. Капитану казалось, что Коллум держался вполне уверенно, хотя само поведение гвардейца исключало понятие уверенности. Он напоминал безумца: покачивался, бормо-

тал что-то себе под нос, словно кающийся грешник, следующий за огромной куклой бога Керниоса в дни Великой смерти.

Вансен понял: если Дайер – слепец, следующий за солнцем, то это солнце клонится к закату. Уже через час они начали бродить кругами. Лесной лабиринт был таким запутанным, что Вансен не осознал бы этого, не натолкнись они на ремень от ножен, потерянный Дайером.

Измученный и опустошенный, Вансен опустил на землю и закрыл лицо руками. Он бы не удивился, если бы Дайер продолжил свое бессмысленное движение без него. Вансен почувствовал, как к его плечу прикоснулась рука.

– Где они, Вансен? Они были такие красивые, – спросил Коллум, глядя вокруг широко открытыми глазами.

У него дрожали губы, и если бы не огромная темная борода, он казался бы большим ребенком.

– Ушли, – ответил Вансен. – Ушли убивать наши семьи и наших друзей.

– Нет. – И тут Коллум произнес нечто невероятное: – Они что-то несут, но это не смерть. Ты не слышал их? Они хотят вернуть свое. И больше ничего.

– Но там теперь живут люди. Такие же, как мы с тобой, – сказал Вансен. Ему мучительно хотелось лечь и уснуть. Ему казалось, что он плывет в безбрежном зеленом океане леса, у которого нет ни конца, ни края. – Ты ведь понимаешь, что фермеры и арендаторы не могут собраться и уйти, оставив

свою землю сумеречному племени? Или нам следует разрушить замок Южного Предела и построить себе новый где-нибудь в Джеллоне или Перикале, куда тени не пойдут?

– О нет, – очень серьезно возразил Дайер. – Они хотят вернуться замок. Разве ты их не слышишь?

Вансен закрыл глаза. У него закружилась голова: они заблудились за Границей Теней, а его товарищ сошел с ума.

– Ничего не слышу, – сказал он.

– Они пели! Их голоса так прекрасны!.. – Дайер зажмурился, – Они пели... они пели... – Его детское лицо сморщилось, словно он собрался заплакать. – Я не помню! Не помню, о чем они пели!

Эти слова внушили надежду: может быть, к Дайеру возвращается разум?

«Но почему я не сошел с ума вместе с ним? – удивился Вансен. – Впрочем, откуда мне знать, в своем ли я уме?»

– Пошли, – позвал его Коллум, хватая за руку. – Они уходят от нас.

– Нам их не догнать. Мы снова заблудились, – проговорил Вансен, стараясь не поддасться гневу. В том, что Коллум свихнулся, а капитан сохранил рассудок, Дайер не виноват. – Нам очень нужно выбраться отсюда, но мы не пойдём за сумеречным племенем. – Последние остатки чувства долга помогали капитану гвардейцев держаться. Он собрал волю в кулак. – Мы должны обо всем рассказать принцессе... и принцу. Мы должны известить Авина Броуна.

– Да, – кивнул Коллум. – Они будут счастливы. Вансен застонал. Он осмотрелся вокруг в поисках дров для костра и сказал:

– Странно, но я почему-то так не думаю.

После длинной череды снов, в которых по темным залам и по окутанному туманом саду его преследовали существа без лиц, Феррас Вансен оставил надежду отдохнуть. Он грел руки над костром и гадал, что делать в столь отчаянном положении. Вансен был так изможден, что мысли не шли в его голову: он бессмысленно смотрел на деревья, готовый кричать от отчаяния. Он провел детство в деревне и не мог себе представить, что можно так ненавидеть лес и самые обычные деревья. Все выглядело знакомым – дуб и бук, береза и ольха, вечнозеленые растения, – но казалось, будто пропитанные влагой деревья в здешнем сыром темном лесу погрузились в раздумья, а тишина наполнена осмысленностью и силой. Вансен закрывал глаза, и ему казалось, что его окружали древние жрецы в серых и зеленых одеждах. Высокие и стройные, они были недовольны самовольным вторжением чужака в их священные владения.

Когда Коллум Дайер проснулся, было похоже, что тот освободился от злых чар. Дайер огляделся и застонал:

– О молот Перина, когда же в это проклятое место придет солнце?

– Светлее не будет, пока мы не выйдем из леса, – сообщил

ему Вансен. – Мог бы уже понять.

– Давно мы здесь? – Дайер удивленно посмотрел на свои руки, словно они стали чужими. – Я чувствую себя больным. А где остальные?

– Ты совсем ничего не помнишь? Он пересказал товарищу все, что с ними случилось и что они видели. Дайер не мог поверить услышанному.

– Я ничего не помню, – изумился он. – Что со мной случилось? Зачем я это говорил?

– Не знаю. Наверное, лес сводит людей с ума. Пошли. Если ты пришел в себя, нам лучше двигаться дальше.

Так они и сделали, но слабая надежда, что Вансен сумеет определить направление к землям смертных, очень быстро испарилась. День клонился к вечеру, Дайер всю дорогу ругался, а Вансен срывал на нем свое раздражение. В конце концов, у него не было ни минуты отдыха: он не терял разум, как его напарник, и два дня ему пришлось бродить кругами, безмерно страдая от влияния этого бесконечного непроходимого леса, пока Дайер воздавал хвалу сумеречному племени. Значит, придется снова заночевать в лесу, а может быть, они безнадежно заблудились и вообще никогда отсюда не выберутся. Еда и вода заканчивались. Вансен не доверял ручьям в таком колдовском месте, но понимал: скоро придется пить из них или умирать от жажды. Где-то в середине дня – если можно определить время суток без солнца – Вансен увидел людей. Они шли в другую сторону: поднимались на приго-

рок примерно в миле впереди. Вансен и Дайер находились в ущелье, и тех путников скрывали деревья. В первую минуту гвардейцы хотели спрятаться и переждать, пока неизвестные пройдут. Но один из них показался Вансену знакомым. Посмотрев повнимательнее, он пришел в неопишуемый восторг.

– Клянусь всеми богами, это Саутстед! – воскликнул он. – Его походку нельзя не узнать: идет, словно у него бочонок между ног.

Дайер прищурился.

– Вы правы. Ну кто бы мог подумать, что я так обрадуюсь этому сукину сыну!

Надежда придала им сил, они побежали, но быстро выдохлись. Дайер хотел закричать, испугавшись, что они потеряют товарищей из виду. Но Вансен остановил его: ни к чему производить лишний шум – и без того казалось, что окружающие деревья знают об их присутствии и недовольны этим.

На вершине пригорка они остановились, переводя дух. Отряд находился всего в нескольких десятках метров от них. Воины шли вдоль хребта и по-прежнему не замечали Вансена и Дайера. С вершины холма открывался удивительный вид: насколько хватало глаз, во все стороны тянулся лес. Ничто не нарушало его однообразия, кроме нескольких холмов вроде того, на каком они сейчас стояли. Местами лес тонул в пятнах плотного тумана, похожих на острова Вуттского архипелага посреди холодного океана. Вансен переводил дыхание, а Дайер бросился к людям со всех ног. Они были те-

перь недалеко, и Вансен с ужасом увидел, что их осталось четверо. Капитан узнал Уиллоу, и у него отлегло от сердца: его терзала мысль о том, что он завел это несчастное, замученное существо туда, где оно уже так сильно пострадало. Однако куда пропали остальные гвардейцы? До сих пор он надеялся, что они держатся вместе и ищут командира и Дайера. Выходит, капитан гвардейцев заблудился в лесу и потерял большую часть своих людей.

«Принцесса абсолютно права, – размышлял Вансен, догоня товарища. – Мне нельзя доверить безопасность королевской семьи. Мне нельзя доверить и жизни этих людей».

Дайер нагнал солдат и обнял Михаэля Саутстеда, которого раньше едва выносил. Потом он обхватил за плечи других двух солдат – Бока и Доли.

Саутстед, самодовольно улыбаясь, повернулся к Вансену: – А вот и вы, капитан. Мы знали, что найдем вас. Вансен был несказанно рад видеть своих солдат живыми, пусть их и осталось немного. Но согласиться с Саутстедом относительно того, кто кого нашел, он никак не мог.

– Рад, что ты в добром здравии, – сказал он Михаэлю. Вансен похлопал гвардейца по плечу. Получилось не очень ловко, но обниматься он не хотел.

– Отец! – позвала его девушка.

Она выглядела более измученной, чем остальные: платье порвано и испачкано грязью, а на лице застыло грустное выражение. Вансен представил себе, что могло происходить в

его отсутствие, но ничем не в силах был помочь им. Он знаком подозвал девушку к себе.

– Уиллоу, я не твой отец, – ласково заговорил он. – Но я рад видеть тебя. Я Феррас Вансен, капитан этих солдат.

– Они не отпускали меня домой, отец, – пожаловалась она. – Я хотела домой, но они не разрешали.

Вансен вздрогнул, но не стал ничего говорить. Он повернулся к гвардейцам и распорядился:

– Мы разобьем лагерь, но не здесь. Давайте спустимся в долину, где нас труднее будет заметить.

Они наскребли печенья и вяленого мяса на скромный ужин – последние припасы. Заканчивалась вода в бурдюках. Вскоре придется пить воду из здешних ручьев и питаться тем, что удастся найти. Он удержал Дайера, когда тот пытался есть ягоды и фрукты, хотя плоды выглядели вполне привычно и безопасно. Но как уследить за пятерыми?

Гвардейцы столкнулись с теми же странностями, что Вансен и Дайер. Граница Теней прошла над ними, когда они спали. Многие сошли с ума, как Дайер, в том числе и Бек. Исчезла часть солдат вместе с лошадьми, поэтому Саутстед, Доли, Бок и Уиллоу вынуждены были передвигаться пешком. Но эти четверо не видели сумеречного войска, и Дайер, когда разум вернулся к нему, тоже ничего не помнил, Вансен остался единственным свидетелем. Он заметил, что остальные странно на него поглядывали, когда он рассказывал об

армии теней. Они считали, что капитан все выдумал.

– Что же они делали, командир? – спросил молодой Доли. – Шли на войну? С кем?

– С нами, – ответил Вансен, стараясь не горячиться. – С людьми. Мы должны попасть в Южный Предел и сообщить эту новость до того, как призрачное войско доберется до замка.

Из рассказов гвардейцев стало ясно, что они заблудились и бродили без надежды выбраться. Правда, самонадеянный Саутстед утверждал, что они нашли Вансена и Дайера и что он обязательно отыскал бы дорогу, если бы «представилась такая возможность».

Трое гвардейцев не пострадали в таинственном лесу, и это открытие заставило Вансена признаться самому себе: сам он абсолютно бессилен перед воздействием магии.

Он отметил, что трое выживших не отличались большим умом. Вансен никак не мог понять, почему в этом загадочном месте одни теряли разум навсегда, другие – лишь на время. Еще больше его беспокоило другое: разум, сопротивлявшийся влиянию леса, был не способен найти дорогу, а потерявший рассудок Дайер прекрасно знал, куда идти.

Гвардейцы спорили, какой путь выведет их из леса. Вансен слушал этот спор и вдруг сообразил: беспокойство за судьбу Уиллоу заставило его отвлечься, и он не понял, что девушка пыталась сказать при встрече.

Сейчас Уиллоу молча сидела рядом с ним. Вероятно, ей

было спокойнее с человеком, которого она считала своим отцом.

– Ты говорила, что они не пускали тебя домой. Что ты имела в виду? – спросил он.

Она покачала головой, глядя на него широко открытыми глазами.

– Я вижу дорогу! Я говорила им, но они не слушали. Вот этот, похожий на старого бульдога моего отца, сказал, что сам знает, куда идти, а мне велел помалкивать. – Она наклонилась к Вансену: – Но ты позволишь мне уйти домой? Знаю, что позволишь.

Вансен едва не рассмеялся, когда девушка сравнила толстого Саутстеда с бульдогом: сходство и правда удивительное. Однако куда важнее ее слова про дорогу.

«Она же выбралась из леса, – подумал он, – до того, как мы ее нашли».

Он погладил Уиллоу по голове, осторожно высвободил свою руку, которую девушка крепко сжимала в ладонях, и поднялся.

– Я буду дежурить первым, – объявил он. – Остальные пусть кинут жребий и решат, кто меня сменит. Завтра нас поведет другой человек.

Слова капитана не понравились Саутстеду, но он заставил себя улыбнуться.

– Как скажете, капитан, – отозвался он. – Правда, у вас с Дайером получилось не лучше нашего.

– Вас поведу не я, – ответил Вансен. – Поведет она.

Мужчины были недовольны, однако отряд отдохнул и двинулся вслед за Уиллоу. Несколько часов спустя сквозь верхушки деревьев Вансен увидел луну – впервые с тех пор, как они попали в сумрачный лес. Он увидел ее лишь на миг, когда порыв ветра отогнал туман. Странно! Внутренний голос подсказывал ему, что сейчас должен быть самый разгар дня. Откуда же луна? Впрочем, луна – это хороший знак. Казалось, девушка прекрасно знала, куда идти: она шла впереди и в своем потрепанном белом платье напоминала призрака, указывающий дорогу к месту убийства.

Вансен давно уже командовал солдатами и за это время понял: чем моложе человек, тем больше ему требуется еды. Около полудня (по представлению людей, в отличие от мнения бледнолицей Мезии) Доли вдруг застыл на месте. Может быть, он больше всех проголодался?

– В чаще кто-то прячется, – шепнул он Вансену, стоявшему ближе других. Доли снял с плеча лук и вынул одну из двух стрел. Он приготовил их заранее, когда странности начались и исчезли все лошади с поклажей. – Если там олень, капитан, я его подстрелю. И мне плевать, что это переодетый король эльфов – я все равно его съем.

Вансен схватил солдата за руку и крепко сжал ее, не давая выпустить стрелу.

– А вдруг это один из наших гвардейцев? – напомнил он. –

Из тех, кто потерялся? Эдкок или кто-то еще. Вдруг он ранен?

Доли неохотно опустил лук.

– Молодец, – похвалил солдата Вансен. – Позови Дайера и Бока, и постарайтесь не шуметь.

Вансен и Саутстед молча смотрели, как троица приближается к чаще. Доли нырнул в густые заросли, Бок последовал за ним. Сначала зашелестели листья, а затем громко закричали Доли и Бок.

– Вон он! Побежал туда!

– Это кошка!

– Нет! Чертова обезьяна! Вот несется!

К ним подоспел Дайер, и они погнались за зверем втроем. Дайер выпрямился, и ветки яростно затрещали. У него в руке билось какое-то существо размером с маленького ребенка. Вансен бросился к нему, за ним Саутстед и остальные.

– Яйца Перина! – выругался Вансен. – Не дай ему себя поцарапать, Коллум. Что это?

Существо сражалось отчаянно, хотя противник намного превосходил его размером. Его жалобные скрипучие вопли ужасно раздражали, но стало по-настоящему страшно, когда существо заговорило на Едином языке.

– Отпусти меня! – завизжало оно.

От неожиданности Дайер едва не выпустил его, но тотчас стал сжимать пальцы еще сильнее, пока существо не затихло. Гвардеец тяжело дышал, глаза его расширились от стра-

ха, но он крепко держал добычу. Вансен понял, почему они приняли это создание за кошку или обезьяну: тело его походило на человеческое, но при очень длинных руках и коротких ногах. Существо было сплошь покрыто мехом различных оттенков – серым, коричневым и черным, а лицо ему заменяло нечто, похожее на маску демона, какие дети надевают в праздники. Впрочем, этот демон был напуган не меньше самих гвардейцев.

– Ты кто? – спросил Вансен.

– Оно заколдованное, – резко ответил Саутстед.

Существо одарило его презрительным взглядом и повернулось к Вансену. Зрачки желтых глаз, лишенных белков, представляли собой черные вертикальные полосы, как у козла.

– Гоблин я, – проскрежетало существо в ответ. – Из племени Три Воды. Вы все мертвецы. Все.

– Мертвецы? – переспросил Вансен, стараясь подавить предательскую дрожь в голосе.

– Она нести белый огонь. Она сжигать ваши дома, пока не останется лишь пепел. – Существо издало странный свистяще-шипящий звук. – Из-за ноги, старой и кривой. Отстал. Не увидеть мне ее красоты, когда она вас прикончит.

– Убейте его! – потребовал Саутстед сквозь стиснутые зубы.

Вансен поднял руку, успокаивая гвардейца.

– Он шел за армией сумеречного племени, – понял капи-

тан. – Возможно, он один из них. Во всяком случае, он их подданный и может многое рассказать нам.

Феррас посмотрел вокруг, подыскивая, чем бы связать гоблина, отчаянно бившегося в руках у Дайера.

– Никогда, – сказал гоблин странным неприятным голосом. – Ни за что не помогу солнцепоклонникам!

В следующий момент он изогнулся, яростно дернулся, повернулся так, будто у него не было костей, и впился зубами в руку Дайера. Тот закричал от боли и неожиданности и бросил тварь оземь. Та попыталась удрать, но одна нога ее действительно была покалечена и беспомощно волочилась. Не успел Вансен и рта открыть, как Доли прыгнул вперед и снова схватил гоблина, потом придавил его луком к земле. В ту же минуту Дайер оказался рядом и, прижимая окровавленную руку к себе, принялся пинать корчащееся существо ногами. Саутстед подскочил к ним, размахивая мечом и выкрикивая проклятия. Дайер и Доли отступили, а Саутстед замахал мечом. Все трое издавали звуки, похожие на лай собаки, – вопли ужаса и ярости.

Когда Вансен подоспел, гоблин был мертв: желтые глаза помутнели, а на земле валялись окровавленные клочья меха и куски плоти.

Баррик не желал ее видеть, но Бриони не сдавалась. У брата и раньше наблюдались неожиданные вспышки гнева, но сегодняшняя оказалась сильнее и страшнее всех предыду-

щих. Принц был раздражительным и скрытным, но происшествие с помощником трактирщика не укладывалось ни в какие рамки.

Бриони наклонилась к самому лицу пажа, стоявшего едва ли не насмерть возле комнаты брата и смотревшего на принцессу с трепетом. Он, казалось, отдаст свою десятилетнюю жизнь, защищая эту дверь.

– Передай моему брату, что я вернусь после ужина, – приказала мальчику Бриони. – И скажи ему, что мы обязательно поговорим.

Уходя, она услышала, как паж торопливо открыл и захлопнул за собой дверь, словно удирает из клетки с львицей.

«Интересно, боится ли меня кто-то так, как боятся Броуна? Или перемен настроения Баррика?»

Странная мысль. Бриони никогда не считала себя способной вселять ужас, хотя нередко проявляла нетерпимость к глупости или нечестности.

«Зоря, девственница-воительница, дай мне сил стать мягче».

Молитва напомнила ей про болвана-поэта и собственный странный каприз. Зачем ей понадобился этот человек? Что-бы позлить Баррика и лорда коменданта? Или все-таки ей понравилась его грубая лесть?

Мысли путались в голове. Бриони шла по коридору мимо портретов своих предков, живых и почивших – отца, дедушки Остина, прадедушки Англина Третьего, – но не заме-

чала их. Сегодня даже королева Лили, гроза серых отрядов, самая прославленная женщина в истории Южного Предела, не задержала ее внимания. В другие дни принцесса нередко подолгу стояла перед ее портретом, смотрела на прекрасное лицо и темные волосы и размышляла о женщине, сумевшей сохранить королевство в самые суровые времена. Бриони пыталась представить, что чувствует человек, оставивший след в истории. Однако сегодня знакомые лица прославленных предков оставляли ее равнодушной. Она взглянула лишь на портрет Санасу – жены короля Келлика Эддона.

Обычно она смотрела на этот портрет мельком. Все, что она знала о королеве, было печально. Санасу слишком тяжело и долго переживала смерть великого короля Келлика. Траур ее длился много лет – она оставалась вдовой, молчаливой и одинокой, будто превратилась в призрак. Она отстранилась от дел управления государством, и ее сыну пришлось принять их на себя задолго до того, как он вступил на трон. У привыкшей к ответственности Бриони эта женщина вызывала отвращение. Однако на этот раз, несмотря на тревогу, принцесса впервые заметила в портрете то, на что раньше не обращала внимания: Баррик был поразительно похож на прабабушку Санасу, изображенную в черных траурных одеждах. В последнее время глаза брата казались горящими и полными страдания, что еще больше увеличивало его сходство с покойной королевой.

Бриони приподнялась на цыпочки, чтобы лучше рассмот-

реть портрет. Она жалела о том, что освещение в зале было слишком тусклым. Художник явно сочувствовал своей повелительнице, но женщина на портрете все равно производила впечатление больной и измученной, отчего ее рыжие волосы блестели еще ярче и выделялись, словно кровоточащая рана. Художник запечатлел королеву совсем молодой, хотя она овдовела в зрелом возрасте. Что-то странное было в ее облике. Понять, что именно, Бриони не могла.

«У нее глаза как у отца и его черты», – подумала Бриони и вдруг пожалела, что так мало знает о вдове великого Келлика.

На портрете Санасу выглядела загадочной и далекой. Бриони никогда не слышала, откуда родом печальная королева, где жила до замужества. Но где бы она ни родилась, ее кровь веками будет течь в жилах Эддонов. Бриони ясно представила, что кровь рода Эддонов – великая река: что-то впадает в нее, что-то исчезает, что-то возвращается вновь.

«А ведь передается не только внешность, но и настроения, привычки, даже страсти», – подумала она.

Санасу неожиданно перестала общаться с окружающими и заперлась в Волчьем Клыке. В башню допускались лишь немногие слуги, и королева ушла от мира за двадцать или даже тридцать лет до своей смерти. Неужели капризного, но любимого Баррика ожидает то же самое?

Эта жуткая мысль и созерцание бледного призрачного лица Санасу так заморозили Бриони, что она чуть не вскрик-

нула, когда из тени выступил старый шут Пазл.

– О боги! Пазл! – только и смогла выдохнуть принцесса, с трудом успокоив колотившееся сердце, – Что вы тут делаете? Вы подкрались так незаметно, что до смерти перепугали меня.

– Простите, принцесса, я сожалею. Просто... Я как раз вас подждал... – Шут замолчал, раздумывая, должен ли он опуститься на одно колено.

Бриони напомнила себе, что совсем недавно молилась Зорри и просила богиню даровать ей терпение.

– Не извиняйтесь, я не умерла от страха, – сказала она. – В чем дело, Пазл?

– Я... дело в том... – Шут волновался не меньше пажа Баррика. – Мне сказали, что кто-то будет жить со мной, в моей комнате.

«Будь терпеливой и доброй», – со вздохом напомнила себе Бриони.

– Это вас обеспокоило? Решение принято неожиданно. Уверена, мы легко подыщем другое место для новенького. Я просто подумала, что он составит вам компанию.

– Он поэт? – Пазл колебался. – Что ж, посмотрим, ваше высочество. Не исключено, что мы сможем поладить. Мне не хватает общения, с тех пор как... как уехал ваш отец и... умер мой друг Роббен...

Он поморгал слезящимися глазами.

Возможно, король Олин был единственным человеком в

Эоне, кто считал Пазла забавным и кого веселили его шутки. Как чувствуют себя люди, всю жизнь занятые абсолютно неподходящей для них работой?.. Бриони невольно устыдилась, вспомнив о том, что они с Барриком много лет поддразнивали старого тощего шута.

– Если вам не понравится его общество, скажите Найнору. Он найдет для поэта другое место. Чистильщик, или как там его, молод. Скорее всего, он легко уживается с людьми, – сказала принцесса и кивнула Пазлу. – Мне нужно заняться делами...

– Моя госпожа, – старик упорно старался избегать ее взгляда, – я не об этом хотел с вами поговорить. Не только об этом.

– О чем же?

– Я очень сильно беспокоюсь, госпожа. Я должен был раньше сообщить вам то, что вспомнил. – Он остановился и сглотнул. Начать оказалось трудно, но после паузы Пазл все же заговорил: – Вы, наверное, знаете, что я навещал вашего брата в ночь убийства. Он позвал меня после ужина, и я пришел в опочивальню принца, чтобы развлечь его.

– Да, Броун говорил мне, – подтвердила Бриони. Теперь она была само внимание.

– И я ушел прямо перед приходом Шасо.

– Да? И что? Ради всех богов, Пазл, не заставляйте меня клещами вытягивать из вас каждое слово!

Он моргнул.

– Дело в том... ваш брат, да упокоят боги его душу с миром, в ту ночь прогнал меня. Он был... недобрым. Он сказал, что я скучный, что я всегда был таким, что мои шутки и фокусы... напоминали ему о том, какая неприятная штука жизнь.

Кендрик не сказал ничего нового – так оно и было. Но Бриони знала: только очень сильное беспокойство или усталость могли заставить брата говорить с Паз лом столь резко. Старший орат был самым сдержанным и воспитанным из их семьи.

– Тот день выдался слишком тяжелым для него, – успокоила Бриони старика. – Уверена, на самом деле брат так не думал. Он беспокоился обо мне – помните? – о выкупе за короля... Решал, отдавать ли меня в Иеросоль.

Пазл смущенно и растерянно затряс головой. Сейчас он был без своей шутовской шляпы, но Бриони показалось, что она слышит знакомый звон колокольчиков.

– Я не об этом, ваше высочество. Когда лорд Броун расспрашивал меня о той ночи, я рассказал все, что помнил, но кое-что упустил. Я тогда очень расстроился из-за слов принца Кендрика. Услышать такое – тяжелый удар для человека, посвятившего жизнь семье Эддонов. Думаю, вы согласитесь со мной...

– Не важно. О чем вы забыли?

«Помогите мне, боги! Он испытывает мое терпение!» – мысленно воскликнула Бриони.

– Выходя из резиденции, я встретил герцога Гейлона. Он шел навстречу. Мы столкнулись в главном зале, поэтому мне не пришло в голову, что он направляется к вашему старшему брату, и я ничего не сказал лорду Броуну после... трагического события. Но я все время думаю об этом, не сплю ночами, беспокоюсь... Теперь мне кажется, что герцог шел не в том направлении, где расположены его покои. Думаю, он вполне мог идти к принцу Кендрику. – Он склонил голову. – Я был дураком.

Бриони не стала утешать его.

– Минуточку, позвольте мне разобраться, – сказала она. – Вы утверждаете, будто видели Гейлона Толли и он направлялся в сторону покоев брата, откуда вы как раз вышли. А Шасо вы не видели?

– В тот вечер – нет. Я сразу отправился спать. Вы сердитесь на меня, ваше высочество? Я уже стар и иногда становлюсь очень глупым...

– Довольно. Мне нужно подумать. Вы еще кому-нибудь говорили про Гейлона?

– Только вам. Я думал... что вы... – Он никак не мог облечь в слова то, что хотел выразить. – Нужно пойти и рассказать все лорду Броуну?

– Нет. – Бриони произнесла это слишком резко. – Нет, пока никому не нужно ничего говорить. Это наша с вами тайна.

– Вы не отправите меня в темницу?

– Думаю, жизнь в одной комнате с поэтом будет для вас

достаточным наказанием. Ступайте к себе, Пазл.

Старик удалился на подгибающихся ногах, а Бриони осталась стоять в раздумье под портретами предков.

23. БАШНЯ ЛЕТА

СПЯЩИЕ

Ноги из камня, голова изо льда,

Сердце из ароматного кедра,

Взгляд устремлен вдаль.

Из «Оракулов падающих костей»

Ему пришлось прокладывать себе дорогу среди женщин, чтобы подойти к кровати Аниссы. Врач чувствовал их негодование: словно он был ее сбежавшим любовником, словно он излил в женщину семя, а потом бросил на позор и одиночество.

«Но отец ребенка – король, а не я, и Олин отсутствует не по своей воле».

Живот королевы Аниссы стал огромным, отчего ее хрупкое тело казалось еще меньше. Она лежала на кровати с задернутыми прозрачными занавесками, напоминавшими паутину. На мгновение Чавену показалось, что перед ним неподвижная беременная паучиха. Не очень лестное сравнение, зато точное.

– Это Чавен? – спросила королева.

Чтобы освободить ему место, она оттолкнула одну из своих собачонок – их было несколько рядом с ее круглым животом. Они спали, словно крысы, мечтающие украсть яйца из-

под носа грифона. Собачка открыла глаза, зарычала, потом перебралась на другой край.

– Идите сюда, быстрее, – позвала Анисса. – Мне кажется, я вот-вот рожу.

Судя по ее виду, так оно и было. Под глазами королевы темнели круги, и в полутемной комнате, освещенной лишь свечами на алтаре, казалось, что Аниссу избили.

– Вам нужно больше воздуха. – Он взял ее руку в свою и почтительно поцеловал. Кожа была сухой и теплой. Слишком сухой и слишком теплой. – Мне кажется, вы недосыпаете, моя госпожа.

– Недосыпаю? А кто может спать в такое время? Несчастный Кендрик убит в собственном доме – убит слугой, которому мы все доверяли! По городу распространяется чума. И вас удивляет, что я закрываю окна, боясь допустить в комнату зло?

То, что она назвала Шасо доверенным слугой, удивило Чавена. Странно также, что отсутствие мужа Анисса не включила в число бед. Но Чавен не стал углубляться в эту тему. Он проверил, как бьется сердце королевы, посмотрел на радужку ее глаз, на десны, потом наклонился, чтобы понюхать чуть кислотоватое дыхание.

– Чума закончилась, ваше высочество. Вы подцепили бы ее от собственной служанки скорее, нежели через окно.

– Служанки здесь не было, пока она не поправилась, можете не сомневаться. Так ведь, Селия? Куда она подевалась?

Наверное, пошла узнать, почему до сих пор не подан завтрак... Ой! Зачем так сильно нажимать, Чавен?

– Чтобы убедиться, что с вами все в порядке и ребенок чувствует себя нормально.

Он провел рукой по натянутому, как барабан, животу королевы. Старая повитуха следила за каждым его движением, и в ее взгляде не было дружелюбия.

– Как вы считаете, госпожа Изольда? – обратился к ней врач. – Мне кажется, все в порядке, но у вас больше опыта в подобных делах.

Старуха криво усмехнулась, принимая его уловку.

– Королева сильнее, чем кажется, но ребенок крупный, – ответила она.

Анисса села.

– Этого я и опасалась! Он огромный – я чувствую, как сильно он толкается! Моя сестра умерла при родах. Ребенка спасли, но сестра погибла... изошла кровью!

Она сделала знак, отводящий несчастья, как принято у южан.

Естественно, королева боится. Чавен видел это. Но в ее словах звучала какая-то фальшь, словно она изображает страх ради получения сочувствия. А почему бы и нет? Рожать всегда опасно, особенно в первый раз. Он подумал, что Аниссе давно уже больше двадцати лет. Ее возраст еще не опасен для родов, но и не слишком благоприятен.

Впервые она назвала ребенка «он». Королевский врач не

сомневался, что повитуха и ее помощницы тут уже поработали: возможно, раскачивали маятник над животом или гадали по брызгам свечного воска.

– Если я приготовлю для вас лекарство, будете ли вы принимать его каждый вечер? – Чавен повернулся к Изольде: – Вы сумеете найти все нужные травы, я в этом уверен.

Старуха приподняла бровь и кивнула:

– Как скажете, доктор.

– А что это? – спросила Анисса. – Еще одна отрава, от которой каменеют кишки?

– Нет, лекарство поможет лучше спать. Уверен, ребенок родится сильным и здоровым. И вы тоже будете благополучны, если перестанете проводить ночи без сна и придумывать страхи.

Чавен подошел к повитухе и перечислил то, что входило в состав лекарства. Основу его составляли салат и ромашка – обычные средства, ничего сильного.

– Принимать каждый вечер на закате солнца, – пояснил он. Врач уже сомневался, действует ли лещь на повитуху, и решил попробовать другую тактику: правду.

– Меня беспокоит, что она слишком нервничает, – негромко произнес он.

– О чем вы там шепчетесь? – Анисса с трудом сдвинулась к краю кровати, обеспокоив этим собачек. Те зарычали. – Что-то не так с ребенком?

– Нет-нет, госпожа. – Чавен вернулся к кровати и взял ко-

ролеву за руку. – Как я уже говорил, вы запугиваете себя без всякой нужды. С вами все в порядке, с ребенком тоже. Чума обошла нас стороной, слава Купиласу и всем богам, что хранят нас.

Анисса высвободила руку и коснулась пальцами лица.

– Я так давно не выходила из этой комнаты. Наверное, я похожа на чудовище.

– Ничего подобного, ваше высочество.

– Дети моего мужа считают меня чудовищем. Чавен изумился.

– Это неправда, моя королева! – возразил он. – Почему вы так решили?

– Потому что они совсем не навещают меня. Проходят дни, недели, а я их не вижу, – говорила Анисса, волнуясь, и ее южный акцент становился заметнее. – Я и не надеялась, что они будут любить меня как родную мать. Но они обращаются со мной так, словно я служанка.

– Не могу поверить, что принц Баррик и принцесса Бриони плохо к вам относятся. Просто сейчас они очень заняты, – постарался утешить королеву Чавен. – Они же регенты, а сейчас столько всего происходит...

– Как с молодым Саммерфильдом? Говорят, с ним случилось что-то ужасное. Разве я не говорила? Подтверди, Изольда. Когда я узнала, что он уезжает из замка, сразу сказала: «Что-то здесь не так».

– Да, королева, – согласилась повитуха.

– Я ничего не знаю про Гейлона Толли, – ответил врач, – хотя о нем ходит много слухов. Но разве можно им доверять? Тем более когда мы только что потеряли принца, а король давно отсутствует.

Анисса снова схватила его руку.

– Скажите им, – попросила она. – Скажите им, чтобы пришли.

– Вы имеете в виду принца и принцессу?

Она кивнула.

– Скажите им, что я плохо сплю, оттого что они избегают меня. Не знаю, что я им сделала. Ума не приложу, почему они сердятся!

Чавен решил, что передаст ее слова близнецам в несколько смягченном виде. По многим причинам Баррику и Бриони стоит посетить мачеху до рождения ребенка. Нужно обязательно убедить в этом близнецов.

Чавен чувствовал, что ему нужно побыть одному и подумать. Он еще раз почтительно поцеловал руку Аниссы, поклонился и направился к выходу.

Маленького пажа согнали с его соломенного тюфяка и отправили искать другое место. Наконец-то они остались одни.

– Что тебя так беспокоит? – Бриони села на край кровати. – Расскажи мне...

Брат натянул на себя меховую мантию и глубже зарылся в одеяла. Зима еще не наступила и до Дня всех сирот оставал-

ся целый месяц, однако ночь была довольно холодная. Хотя Бриони казалось, что в комнате тепло.

«Неужели его еще не отпустила лихорадка?» – подумала она.

Прошло больше десяти дней после выздоровления, но Бриони слышала, что иногда лихорадка затягивалась, возвращаясь снова и снова.

– Почему ты решила оставить недоумка-поэта в замке?

– Он меня позабавил, – ответила принцесса. «Неужели я должна это с кем-то обсуждать?»

– Я подумала, что он может развеселить и тебя. Он уверял, что пишет эпическую поэму обо мне – «панегирик». Уж не знаю, что это значит. Он сравнивает меня с самой Зорией. И лишь богам известно, с кем он захочет сравнить тебя. С Перином, наверное... нет, с Эривором в его колеснице, запряженной морскими коньками. – Она попыталась улыбнуться. – В конце концов, Пазл уже никого не смешит, и мне жаль его. Я подумала, что нам нужен кто-то новенький, чтобы повеселиться... Кстати, когда я уходила от тебя в прошлый раз, ко мне подошел Пазл. Он рассказал, что в ночь убийства Кендрика видел в зале Гейлона.

Баррик нахмурился. Он казался не просто сонным, а оцепеневшим.

– Кендрик встречался с Гейлоном?.. – спросил он.

– Нет. Пазл встретил Гейлона.

Бриони вкратце пересказала все, что узнала от шута.

– Он услышал, что Гейлон исчез, – отмахнулся Баррик, – вот и все. Шут просто хочет, чтобы мы вспомнили о его словах, если Гейлон окажется предателем.

– Не уверена. Пазл никогда раньше так не делал.

– Потому что отец всегда ему покровительствовал. – Выражение лица Баррика вдруг стало совсем отстраненным. – Он тебе нравится?

– Кто?

– Поэт. Он красив. Хорошо говорит.

– Красив? Думаю, он несколько смазлив. И борода у него дурацкая. Но я оставила его в замке не поэтому. Просто... – Бриони поняла, что Баррик уводит ее от темы разговора. – Баррик, я не хочу больше тратить время на обсуждение этого дурачка. Если поэт тебе неприятен, дай ему денег и отошли прочь – мне все равно. Он не имеет никакого отношения к серьезным делам. А нам нужно поговорить именно о них.

– Я не хочу, – ответил Баррик.

Он произнес эти слова с неизбывной скорбью.

Интересно, подумала Бриони, все братья и сестры одновременно любят и ненавидят друг друга? Или только близнецы? Они с Барриком связаны столь тесно, что казалось, они не могут дышать друг без друга.

– Нет, ты расскажешь, – настаивала сестра. – Ты чуть не убил помощника трактирщика. Почему?

Баррик молчал.

Бриони наклонилась и взяла его руку.

– Да сохранил нас Зория, это же я! Я! Бриони! Кендрик умер, отца нет – у нас никого нет, кроме друг друга.

– На самом деле ты не хочешь ничего знать, – заговорил Баррик, глядя на нее сквозь ресницы, словно перепуганный ребенок. – Ты хочешь, чтобы я был послушным. Тебе неприятно, что я опозорил тебя перед Броуном и... и перед тем поэтом.

Она чуть не задохнулась от гнева.

– Это неправда! Ты мой брат. Ты... ты моя половинка. – Она поймала взгляд Баррика и старалась смотреть ему в глаза, но удержать его взгляд было так же трудно, как выманить из норы пугливого зверька. – Смотри на меня, Баррик. Ты знаешь, что все совсем не так. Помощник трактирщика сказал что-то про... про сны. И ты чуть не задушил его.

– У него нет права говорить это мне.

– Это – что именно, Баррик?

Принц натянул одеяло повыше. Он никак не мог решиться.

– Ты говорила, что перечитывала письмо отца, – все-таки вымолвил он. – Ты ничего интересного не заметила?

– Об автарке? Я же сказала тебе...

– Нет, не об автарке. Не было ли там чего-то интересного обо мне?

Бриони в замешательстве призадумалась.

– Нет, ничего. Он просто написал, что любит тебя. Просил передать, что здоров.

Принц кивнул. Лицо стало сосредоточенным, словно он ступил на узкий шаткий мостик, стараясь не смотреть по сторонам и вниз.

– Ты ничего не поняла, – сказал он.

– Но я же ничего не знаю! Расскажи. Что так тебя огорчило? Ты пытался убить невинного человека!

– Невинного? Тот человек – демон. Он подсмотрел мои сны, Бриони. Он рассказал о них тебе, Броуну. О них услышал даже тот ничтожный писака! – На лбу у Баррика выступил пот. – Он будет рассказывать о моих снах всем, кто попадется под руку. Он знает. Он знает!

Баррик отвернулся и зарылся лицом в подушку. Плечи его вздрагивали.

– Знает – что? – требовала ответа Бриони. Она схватила его ладонь двумя руками и тряхнула. – Баррик, что ты натворил?

Он повернулся к сестре. Его глаза покраснели и были полны слез.

– Натворил? Пока ничего.

– Я совсем ничего не понимаю. – Она ласково убрала прядь рыжих волос с его лба. – Просто расскажи. Ты мой брат, и, что бы ты ни сделал, я буду любить тебя.

Баррик недоверчиво хмыкнул, но буря миновала. Он откинулся на подушки и уставился в потолок.

– Я напомню тебе, о чем говорится в письме отца, – предложил он. – «Передай Баррику, что он должен радоваться за

меня. Хотя я пленник, здоровье мое значительно укрепилось за последние полгода. Я начинаю думать, что отъезд из сырых северных земель пошел мне на пользу». Вот так он написал.

– И ты веришь, что он счастлив вдали от нас, от тебя? – Бриони пожала плечами. – Да он шутит, Баррик. Он хочет представить свое положение лучше, чем есть на самом деле.

– Нет. Отнюдь нет. Просто ты не знаешь, о чем он говорит... о чем говорю я.

Было видно, как принцу тяжело. Он закрыл глаза.

– Помнишь ночи, когда отец не мог заснуть? – продолжал Баррик. – Он уходил в башню Лета и ночь напролет читал там какие-то книги.

Бриони кивнула.

Исчезновения Олина вызывали панику в доме, пока стражники не узнали, что его следует искать в башне Лета, в библиотеке. Король всегда возвращался после ночных отлучек смущенным, словно его застали пьяным на полу Тронного зала. Бриони думала, что в те бессонные ночи отца преследовали воспоминания об умершей жене. Потом он всегда вспоминал их мать – королеву Мериэль. Олин говорил, что любил Мериэль, хотя женился на ней по желанию отца, короля Остина. Тогда Олин и Мериэль, дочь влиятельного в те годы короля Бренленда, были еще совсем молоды. Все в замке знали, что Олин тяжело переживал смерть жены.

– А помнишь, что он всегда запирал дверь на засов? – сно-

ва спросил Баррик.

– Конечно.

Он сидел взаперти, и, чтобы вытащить его оттуда, стражникам приходилось долго колотить в дверь. Когда он наконец открывал им, то тер глаза, моргал от яркого света, как сова, будто только что проснулся.

– Мне кажется... Я думаю, он плакал, – сказала Бриони. – И не хотел, чтобы его видели в слезах. Он горевал о нашей маме.

Баррик как-то странно и натянуто улыбнулся.

– Горевал? Может быть. Но не о нашей маме.

– Что... Что ты хочешь сказать?

Баррик снова поднял взгляд к потолку и несколько раз вздохнул. Казалось, он был готов решиться и все рассказать.

– Я... Я был там однажды ночью... – начал он. – Мне тогда приснился кошмар. Не исключено, что я ходил во сне. Видишь ли, я очнулся у дверей его комнаты. Я был напуган, и очень хотел, чтобы он сказал мне... сказал, что все хорошо. Я зашел, а его в комнате не было. Слуги спали. Я понял, что он в библиотеке, и вышел на улицу через дверь часовни, где не было стражи. Стояла середина лета, было тепло. Я странно чувствовал себя во дворе в ночной рубашке и босиком, но ощущал полную свободу: могу пойти, куда захочу, даже в другую страну. Мне представлялось, что луна будет светить мне всегда, сколько бы я ни шел, а в конце пути я стану другим человеком. – Он покачал головой. – Полная луна. Как

сейчас помню, она была очень большая.

– А давно это было?

– В тот год, когда отвалилась часть крыши Волчьего Клыка. Помнишь, погиб повар, и нам до весны запрещали заходить в кухню.

– Десять лет тому назад. В тот год... ты покалечил руку.

Баррик медленно кивнул. Бриони чувствовала, что он что-то прикидывает и решает в уме. Она старалась не шевелиться, но сердце бешено колотилось. Ее охватил страх.

– Дверь внизу оказалась запертой, но с той стороны был вставлен ключ, – продолжил рассказ брат. – Отец не до конца повернул его, и когда я потряс щеколду, дверь открылась. Я отправился наверх, в библиотеку. В башне не было стражников – ни одного. Я не задумался, что это странно – ночь казалась мне сном, – а следовало бы удивиться, почему он их отослал. Может быть, он сбежал от них, хотел побыть один. Но я не стал размышлять, почему он так поступал. Когда я приблизился к двери, я услышал отца.

– Он плакал?

Баррик помедлил с ответом.

– Да, плакал. Там слышался какой-то шум, но из-за двери я не мог разобрать. Больше всего это походило на смех. Или на разговор. Сначала я подумал, что отец с кем-то спорит, но потом решил, что он заснул и ему снится кошмар – вроде того, что разбудил меня. Тогда я постучал. Сначала наступила тишина, но через минуту шум возобновился. Тогда я за-

барабанил по двери кулаками и закричал: «Папа, проснись!» Он открыл дверь...

Бриони ждала, что Баррик скажет дальше, но плечи принца затряслись, и он разрыдался.

– Баррик, в чем дело? Что случилось? – Она легла на кровать рядом с братом, обняла его. Мышцы принца были напряженными и твердыми, как железо, словно у него снова началась лихорадка. – Ты не заболел?

– Нет! Не говори! Я хочу... – Баррик всхлипнул и вернулся к своей истории. – Он открыл дверь. Отец открыл мне дверь. Он... не узнал меня. По крайней мере, мне так показалось. Его глаза!.. Бриони, его глаза были как у дикого зверя! На нем не было рубашки, а весь живот был расцарапан. Его тело кровоточило. Он посмотрел на меня, затем схватил и швырнул внутрь комнаты. Он нес какую-то чепуху, а я ни слова не понимал. Он тряс меня, рычал. Как животное! Мне показалось, что он хотел меня убить. Я до сих пор так думаю.

– Всемиловитая Зория! – воскликнула принцесса. Бриони не могла поверить услышанному. Весь мир вдруг будто перевернулся. Она чувствовала себя так, словно любимый конь Снежок сбросил ее с седла. У нее перехватило дыхание.

– А вдруг тебе это... приснилось? – предположила она. Лицо принца исказили ярость и боль.

– Приснилось? В ту ночь он покалечил мне руку. Или мне тоже приснилось?

– Что ты хочешь сказать? О боги, это случилось именно

тогда?!

– Я вырвался. Отец погнался за мной. Я бежал к двери, но мне приходилось лавировать среди стопок книг, я везде на них натыкался. Все книги библиотеки были сложены на полу в высокие пирамиды, на каждой стопке стояло по подсвечнику. Я сбил штук шесть или восемь, пока добежал до выхода. До сих пор удивляюсь, почему проклятая башня не сгорела в ту ночь. Жаль. Я так этого хотел! – Баррик дышал с трудом, как будто запыхался. – Наконец я оказался у дверей. Он гнался за мной, рычал, ругался, нес чепуху. Догнал и схватил меня у лестницы, попытался затащить обратно в библиотеку. Я... я укусил его за руку, и он отпустил меня. Я свалился с лестницы. Я пришел в себя на следующий день. Со мной был Чавен – лечил мою сломанную руку. Он надеялся правильно сложить кости; по крайней мере, пытался это сделать. От боли я не мог думать – в голове шумело от ударов о ступени. Чавен сказал, что отец нашел меня утром у подножия лестницы в башне Лета – это, по всей видимости, соответствовало истине. Что он донес меня до дома Чавена, что он плакал, умоляя вылечить меня. Наверное, и это правда. Но Чавен говорил, что отец принес меня рано утром – значит, я пролежал под лестницей весь остаток ночи. Официальная версия была такой: ночью я отправился в башню Лета, поскользнулся в темноте и упал.

У Бриони все перепуталось в голове. Как и Баррик в ту ночь, она оказалась в кошмаре наяву.

– Но... отец? – вопрошала она. – Почему он это сделал? Он что, был пьян?

Трудно себе представить, чтобы их благоразумный отец мог напиться до полного беспамятства. Но ничего другого не приходило в голову.

Баррик еще дрожал, но уже не так сильно. Он попытался выскользнуть из объятий сестры, однако Бриони не отпустила его.

– Нет, он не был пьян, – возразил принц. – Я не все рассказал тебе. Боюсь, ты мне не поверишь.

Бриони не хотела слушать дальше, но побоялась, что Баррик уйдет от нее – улетит, как тот сокол, которого ей удалось приручить. Однажды сокола напугал громкий стук, птица взмыла в воздух и больше не вернулась. Бриони еще крепче сжала Баррика в объятиях. Ей пришлось побороться с братом, укутывая одеялом его ноги, пока он не прекратил сопротивляться.

– Мне всегда снились кошмары, – заговорил он уже более спокойно. – Мне снилось, что за мной следят какие-то люди из дыма и крови. Они гонялись за мной по всему замку, поджидая удобного момента, чтобы похитить или сделать одним из них. Я всегда считал, что они мне снятся. Теперь я в этом не уверен. После той ночи я стал видеть сон... гораздо хуже прежних. Сон снился мне постоянно: лицо отца, но совершенно чужое, незнакомые черты. Он преследует меня. И знаешь, он похож... на зверя.

– О, бедный Баррик...

– Возможно, теперь ты будешь более осторожной в своих симпатиях. – Голос принца приглушала подушка, в которой он почти утонул. – Помнишь, я пролежал в постели несколько недель? Ко мне приходил Кендрик, приносил подарки. И ты каждый день играла со мной – по крайней мере, пыталась играть.

– Ты был таким бледным и тихим. Я боялась за тебя.

– И мне было страшно. Отец тоже приходил, но никогда не задерживался дольше пары минут... Знаешь, я бы поверил, что всего лишь видел кошмарный сон, что я гулял во сне и свалился с лестницы. Да вот только отец очень нервничал рядом со мной и старался не смотреть мне в глаза. Однажды, когда я уже поднялся с постели и бродил по замку, отец позвал меня в свою комнату. «Ты ведь все помнишь?» – сразу же спросил он. Я кивнул, испуганный не меньше, чем в ту злосчастную ночь. Я-то думал, что совершил что-то недозволенное, хотя и не знал что. Я начал подозревать, что он убьет меня или бросит в темницу на съедение крысам. Он обнял меня, прижал к груди и поцеловал в голову. И он плакал – от его слез у меня намокли волосы. Он сжимал мою больную руку, причиняя мне боль. Как только я перестал бояться, я возненавидел отца. Если бы у меня была возможность убить его в тот момент, я бы так и сделал.

– Баррик!

– Ты хотела узнать правду, Бриони. Вот она. – Ему уда-

лось высвободиться из ее объятий. – Отец просил простить его, повторял, что совершил ужасный поступок. Я не мог не согласиться, что это именно так: он преследовал меня и заставил свалиться с лестницы, в результате чего я изуродовал руку и теперь никогда не смогу играть в мяч, скакать на лошади и натягивать лук, как другие мальчишки. Но когда он заговорил, я понял, что это не самое страшное. Страшнее всего то, что он зачал меня.

– Что-о-о?

– Молчи и слушай! – прикрикнул Баррик. – Дело было в сумасшествии отца. Это случилось с ним в ранней молодости. Сначала ему стали сниться страшные сны, потом в него вселился беспокойный злой дух. Когда по ночам дух появлялся, отец не мог противиться ему. Такое случилось и с ним, и с одним из его дядей. Семейное проклятие. По словам отца, злой дух настолько силен, что, когда он возвращался – порой после нескольких спокойных месяцев, – отцу приходилось запирается, чтобы выпускать злобу наедине. В этом состоянии я и застал его.

– Семейное проклятие?

– Не бойся, – произнес Баррик, горько улыбаясь. – На тебе его нет. У Кендрика тоже не было. Вам повезло: у вас светлые волосы. Отец рассказывал, что он изучил историю семейства Эддонов и не обнаружил этого проклятия ни у кого из светловолосых детей. Лишь боги знают почему. Вы – золотые, во всех смыслах слова.

– А у тебя... – Бриони вдруг поняла. И снова почувствовала, что ее ударили. – О, Баррик, ты думаешь, это может начаться у тебя?

– Может начаться? Нет, сестренка, это уже началось. Кошмары стали мучить меня в более раннем возрасте, чем отца.

– У тебя же была лихорадка!..

– Гораздо раньше, чем лихорадка. – Он вздохнул. – После лихорадки они стали тяжелее. Я просыпаюсь ночью в холодном поту, мне хочется убивать, я жажду крови. И еще после лихорадки... у меня появились видения. Во сне и наяву. За мной постоянно следят. Дом полон теней.

Бриони была потрясена, обескуражена. Еще никогда брат не казался девушке таким чужим – очень болезненное ощущение. Как будто отрезали часть ее собственного тела.

– Не знаю, что и сказать... все это так странно, – пробормотала она. – Но... пусть даже у отца было какое-то... безумие. Но он... он всегда был хорошим человеком, любящим отцом. Возможно, ты преувеличиваешь...

Баррик перебил ее:

– Любящий отец сбросил сына с лестницы? Любящий отец заявил, что лучше бы он не производил меня на свет? – Лицо принца окаменело. – Ты невнимательно меня слушала. Мое сумасшествие началось раньше. Значит, оно будет еще сильнее, чем у отца. Ему приходилось прятаться лишь несколько дней в году. Об этом он и написал в письме – поняла теперь? А в плену приступы прекратились. Никаких

шуток: он говорит о нашей общей отвратительной беде, о нашей испорченной крови. Но его кровь отравлена меньше, чем моя. Мое безумие будет нарастать, и рано или поздно вам придется запереть меня в клетку, как дикого зверя... или убить.

– Баррик!

– Уходи, Бриони. – Принц снова заплакал, но совсем тихо. Слезы лились из-под полуопущенных век, словно вода сквозь трещины в камне. – Ты теперь знаешь, что тебя ожидает. Больше не могу разговаривать.

– Но я... Я хочу тебе помочь.

– Тогда оставь меня одного.

Туман стал настолько плотным, что они двигались, как слепые пилигримы – держась за плечо идущего впереди. Только Уиллоу шла уверенно и не нуждалась в поводыре. Из-за тумана она двигалась медленнее, но целенаправленно, никуда не сворачивая.

Дэб Доли держался за плащ Вансена. Туман сильно искажал звуки, и порой невозможно было разобрать слова, громко произнесенные всего в нескольких метрах от слушателя. Вансену показалось, что Дэб шептал о чем-то.

Они дважды останавливались на ночлег, а днем шли без отдыха, но жуткому лесу не было ни конца, ни края. Вансен впал в уныние: два дня они не могли отыскать землю людей. Радовало только, что больше не возникало чувства, буд-

то они ходят кругами, как раньше, когда они бродили здесь с Коллумом Дайером.

«Вполне может оказаться, что мы не ходим кругами, а просто идем не в ту сторону. Возможно, я напрасно доверился девушке», – думал Вансен.

Луна, которую он ясно видел в самом начале пути, теперь исчезла, как и солнце.

«Или мы идем правильно, но Граница Теней продолжает перемещаться. А вдруг все наши земли поглотил мрак?»

От этой мысли Вансена бросило в дрожь.

– Ты уверена, что знаешь, где дом? – шепотом спросил он девушку, когда отряд остановился на выступе скалы, прислушиваясь к звуку ручья и пытаясь определить расстояние до него.

Ручей не то спокойно протекал прямо под ними, не то шумел далеко внизу. Впрочем, им в любом случае не хотелось испытывать судьбу – они просто отдыхали, прижавшись к скале.

Уиллоу улыбнулась. На ее худом перепачканном лице отражалась усталость, но прежнее выражение почти религиозного экстаза, пополам со страхом и растерянностью, исчезло.

– Я найду дом, – ответила она. – Они просто перетащили его подальше.

– Перетащили что?

– Доверься богам, – сказала Уиллоу, качая головой. – Они видят сквозь любую темноту. Они знают твои добрые дела.

«И недобрые тоже», – невольно подумал Вансен.

Они брели в полумраке два дня или больше, и за это время Вансен успел передумать обо всем, в том числе и о своих недостатках как командира. Теперь, когда первое потрясение от потери товарищей превратилось в постоянную тупую боль, он почувствовал жалость к пропавшему племяннику купца Реймону Беку. Печальное лицо юноши стояло у него перед глазами.

«Бедняга понимал, что все будет именно так. Что мы ведем его в сумрак, где он найдет свою смерть. Похоже, он не ошибся».

Но ведь не исключено, что Реймон Бек и остальные солдаты живы. Возможно, они просто заблудились, как Вансен с Дайером. Если повезет, они найдутся, прежде чем отряд покинет сумрачный лес. Эта мысль дарила Вансену надежду, помогала пережить долгие часы пути.

– Что это? – шепотом спросил Доли, возвращая Вансена в реальность, на мокрый склон покрытого туманом холма. – Какой-то топот... Вот, снова! Нет, это скорее похоже... похоже на звук когтей, скребущих по камню.

Едва ли его слова воодушевили людей. Сам Вансен ничего не слышал, но Доли имел самый острый слух в их маленьком отряде.

– Тогда пора в путь, – сказал Вансен, стараясь говорить как можно спокойнее. – Уиллоу! Ты снова поведешь нас.

– Куда же она нас ведет, интересно знать? – поинтересо-

вался Саутстед. – Прямо в логово огромного пещерного медведя? Или кого там еще?

– Ничего подобного, – резко возразил ему Дайер.

Они с Вансеном пытались поддерживать воинскую дисциплину, но она была очень хрупкой и ненадежной.

Отряд осторожно двигался по узенькой тропе. Феррас едва касался платья девушки, чтобы успеть убрать руку, если он вдруг споткнется и упадет. Обрыв казался все страшнее, и им хотелось поскорее миновать его. Вансен всем телом ощущал, как ущелье становится глубже и глубже, как его дно стремительно опускается вниз, будто вода вытекает из дырявого ведра.

– Там что-то есть! – крикнул Бок. Он замыкал колонну, и его голос доносился словно из глубины длинного туннеля. – Вон там, позади нас!

Вансен покрепче уцепился за девушку и оглянулся. Он увидел, что кто-то идет за ними по склону. Причудливое длинное существо напоминало пугало на четырех лапах – потрепанное и странное. Передвигаясь как на ходулях, оно поднялось на недостижимую высоту вверх по склону холма и исчезло в тумане.

Сердце Вансена бешено заколотилось от ужаса.

– Спаси нас, Перин! – взмолился он. – Вперед, девочка! Она старалась изо всех сил, но тропа была слишком узкой и ненадежной. Шедшие позади ругались, а иногда всхлипывали. Под ногами Вансена скользил гравий.

Чудовище, похоже, вернулось – Вансен слышал, как оно шагает прямо над ними. Поступь его походила на скрежет клешней краба по камню в приливной луже. Туман стал еще плотнее. Капитан теперь почти не видел девушку, только почувствовал, что она поднялась на невысокий уступ. На них градом полетели камни. Вансен посмотрел наверх и увидел, как ярдах в шести от него из клубов тумана возникло чудовище. Вансен видел его морду, напоминающую обрубок кривого дерева, слышал тяжелое сопение, видел лапы, с неприятным звуком скребущие о камень. Вансен отпустил Уиллоу и вытащил меч. Но уродливое создание было слишком далеко от него. Через минуту оно вновь растворилось во мгле.

– Быстро веди нас на открытое пространство! – велел он девушке. Затем обернулся и крикнул остальным: – Держите наготове мечи, но не отходите друг от друга. Доли, у тебя еще есть стрелы?

Вансен слышал, как молодой гвардеец что-то пробормотал, но не разобрал, что именно.

– Постарайся расправиться с этой тварью, если увидишь ее, – приказал он.

Вансен карабкался за Уиллоу по тропе, стараясь держаться у края обрыва, подальше от преследовавшей их твари, хотя здравый смысл подсказывал обратное. Капитан не знал, что делать, а его солдаты, шедшие позади, сбились в кучу. Идти, держась друг за друга, было опасно: легко поранить соседа мечом. Необходимо выйти на открытое пространство,

где их клинки и лук Доли обеспечат хоть какую-то защиту.

Вансен поскользнулся, ступил на осыпавшийся край тропинки и чуть не полетел в пропасть, скрытую туманом. Он замахал руками, пытаясь удержаться на ногах, и с трудом восстановил равновесие. Опять послышался тот же звук и треск дерева, а следом раздался вопль, исполненный животного ужаса, – такой, что невозможно было определить, кому принадлежит голос. Все еще держа меч в руках, Вансен оглянулся: огромная тварь скатывалась из тумана вниз, словно паук по паутине. Теперь уже все кричали и размахивали мечами. Чудовище в мгновение ока оказалось среди них. Его длинные тонкие руки напоминали ветви дерева, а свисавшие ключья то ли кожи, то ли меха были похожи на подгоревший пергамент. Никогда в жизни Вансен не видел ничего более безумного и мерзкого. На одно мгновение перед ним промелькнули открытая пасть и пустой черный глаз. через секунду жуткое существо удирало вверх по склону, держа в передних лапах чье-то дергающееся и вопящее тело. Доли схватил стрелу и, нещадно ругаясь, выпустил ее вслед чудовищу, но оно уже исчезло в тумане.

И утащило с собой Коллума Дайера.

Теперь они брели молча. Вансена переполняло отчаяние. Чудовище утащило их товарища, а вместе с ним и сердца всех остальных. Вансен знал Коллума с первых своих дней в Южном Пределе. В его ушах снова и снова звучал крик Дай-

ера. Феррасу пришлось остановиться на несколько минут – его вырвало тем немногим, что было в желудке.

Задыхаясь, они добрались до конца склона, словно всю дорогу бежали. На самом деле после нападения зверя, то есть последний час пути, они шли очень медленно. Михаэль Саутстед и Бок, бледные от страха, опустились на колени и принялись молиться всем богам. Уиллоу тоже испугалась. Она тихонько сидела на камне, словно наказанный ребенок.

Молодой Доли стоял рядом с капитаном, крепко сжимая в руках лук с последней стрелой. В глазах у него блестели слезы.

– Что это было? – проговорил он.

Феррас Вансен только пожал плечами и спросил:

– Ты попал в эту тварь?

Доли ответил не сразу, словно дожидался, пока затихнет в ущелье звук голоса Вансена.

– Ты попал? – снова спросил Вансен. – Ты же стрелял в нее. Я хочу знать, что произошло и что предпринять, если чудовище вернется. Ты попал?

– Я целился не в него, капитан. – Доли провел рукой по лицу. – Я хотел... хотел убить Коллума... пока его не утащили. Но я не видел, попал я... или нет...

Вансен закрыл глаза, чтобы сдержать рвавшиеся наружу слезы. Он положил руку на вздрагивающее плечо товарища.

– Боги направили твою стрелу, Дэб.

Они уныло брели вслед за девушкой и были так подавлены, что никто не хотел разговаривать. Вновь увидев луну, Вансен ничего не сказал товарищам – он не хотел будить надежду столько раз их обманывавшую. Через час капитан понял, что туман рассеивается. Кроме луны на небе высыпали звезды, словно яркие холодные льдинки.

Люди шли по склону холма, по высокой влажной траве. Лес по-прежнему окружал их, но теперь чуть поредел. Они все так же прислушивались к каждому звуку, но Вансен чувствовал: вокруг что-то изменилось. Луна повисла ниже, а небо больше не было подернуто дымкой.

Все смертельно устали, и Вансен подумывал, не пора ли остановиться, разжечь костер, высушить промокшую одежду и немного поспать. Но он боялся закрывать глаза – вдруг он откроет их и снова увидит серебристое небытие сумрака. Да и Уиллоу без усталости рвалась вперед, словно лошадь, в конце утомительного дня почуявшая близость дома. Вансену не хотелось огорчать девушку. Туман стал совсем слабым, и Феррас больше не цеплялся за потрепанную одежду Уиллоу, а шел рядом с гвардейцами, с каждым по очереди: с Саутстедом, с Доли, с Боком. Он ничего не говорил им, если они сами не спрашивали. Ему хотелось вновь объединить их, вернуть своей одичавшей команде человеческий облик. Вансен не притворялся, будто не замечает ужас их положения, но старался, насколько возможно, вселить в солдат уверенность.

Они шагали дальше по залитым луной полянам и холмам. Цвет неба постепенно менялся: оно стало чуть красноватым. Впервые за много дней Вансен поверил, что им удастся выбраться.

«Но куда? В центр призрачной армии? А вдруг мы обнаружим, что бродили по сумрачному лесу целых сто лет, как бывает в старинных историях, и наших знакомых и родных давно нет в живых?»

Несмотря на мрачные мысли, Феррас улыбнулся, когда солнце появилось над горизонтом. Глаза капитана наполнились слезами радости, и несколько минут перед его взором все расплывалось. Наконец-то они увидят день. Снова появятся север и юг, запад и восток.

Солнце еще не согрело землю сквозь туман. Оно стояло невысоко над горизонтом, но было настоящим, как и небо. Теперь никому не хотелось останавливаться.

Еще до того, как солнце проделало половину пути по утреннему небу, они наткнулись на Сеттлендскую дорогу.

– Слава всем богам! – воскликнул Бок.

Он побежал вперед по дороге, отплясывая безумный танец на изрытой земле, среди камней и палок.

– Слава богам, каждому в отдельности и всем вместе! – кричал он.

Воины рухнули в траву. Они смеялись и от радости хлопали друг друга по спинам. Вансен, не веря счастью, принялся осматривать дорогу в обоих направлениях. Где именно они

находятся?

– Перин, Идущий по Облакам! – бормотал он себе под нос. – Девушка привела нас точно туда, где мы ее встретили. Это на много миль ближе того места, где мы перешли Границу Теней. Ближе к Южному Пределу. Слава богам!

Он с трудом вернулся обратно. Уиллоу смущенно улыбалась, глядя на происходящее. Вансен обнял ее, поцеловал в щеку, поднял в воздух и бережно опустил на землю. Неожиданная мысль заставила его двинуться по дороге в восточном направлении. Уверенный в своем предположении, он не отвечал на вопросы товарищей. За поворотом, как он и ожидал, возвышался холм. Поднявшись на него, Вансен разглядел, что на востоке линия тумана накрывает дорогу примерно в миле от них.

«Уиллоу вывела нас на нашу сторону Границы Теней, и мы сейчас находимся между вражеской армией и Южным Пределом. Дай бог здоровья этой девушке! Но как это ей удалось?»

Он попытался понять, что именно произошло, но сумел сделать единственный вывод: пространство за Границей Теней отличалось от привычного людям пространства, и не только из-за тумана и чудовищ. Девушка обнаружила лазейку в сумраке и привела их на то самое место, куда уже выходила раньше – до того, как они ее нашли.

Вансен поспешил вернуться к своим оставшимся бойцам.
– Мы отдохнем совсем недолго, – сказал он. – Нам нуж-

но найти лошадей и скакать во весь опор. Впереди Южный Предел, а позади враг. Неизвестно, когда он на нас нападет. Девушка преподнесла нам чудесный дар – она подарила нам жизнь. А мы должны спасти своих товарищей. – Он обратился к Уиллоу: – Если Южный Предел устоит, если мы выживем, я одену тебя в шелка и одарю золотом. Ты спасла всех нас!

24. ЛЕОПАРДЫ И ГАЗЕЛИ

ВОЛНА СЧАСТЬЯ

Улы полны,

Падают листья, ветер уносит их.

Смерть я приму как награду.

Из «Оракулов падающих костей»

Киннитан застонала:

– Ох, почему мне так плохо?

Избранная Луан хотела ударить одну из служанок, но та ловко увернулась, и рука госпожи лишь скользнула по ее темным волосам.

– А ну шевелись! Что ты вытворяешь, ленивая ящерица? Салфетка совсем высохла! – прикрикнула Луан и сильно ущипнула девушку за руку. – Беги, принеси воды для госпожи Киннитан!

Рабыня поднялась, наполнила чашу водой из фонтана, негромко журчавшего в углу комнаты, вернулась обратно и приложила мокрую салфетку ко лбу Киннитан.

– Не знаю, дорогая, – ответила Луан на вопрос Киннитан, словно и не гневалась минуту назад. – Возможно, это приступ лихорадки. Я уверена, ничего страшного. Нужно молиться и пить цветочный чай.

Но было заметно, что ее тревожат не только страдания

Киннитан. Она беспокойно оглядывалась, словно ожидала чьего-то появления.

– Я думаю, дело в питье, которое мне дают каждый день. Оно всегда так действует, – предположила Киннитан. Она попыталась сесть, застонала и упала обратно на подушки. Не стоило зря тратить силы. – Ах, Луан, я ненавижу этот напиток, мне плохо после него! Может быть, меня хотят отравить?

– Отравить тебя? – Луан уставилась на девушку и вдруг рассмеялась неприятным хриплым смехом. – Моя сладенькая малышка, если бы автарк захотел твоей смерти, ты умерла бы вовсе не от яда, а от чего-нибудь namного...

Луан вдруг побледнела и замолчала.

– О чем мы говорим? – после паузы заговорила она совсем другим тоном. – Будто наш возлюбленный автарк, да славится его имя, может хотеть твоей смерти. Ты ничем не заслужила его недовольство. Ты хорошая девочка.

Киннитан вздохнула и попыталась убедить себя, будто Луан права. В целом ее ощущения не напоминали признаки отравления – так ей, по крайней мере, казалось. Ничто не болело, она не чувствовала дурноты. У девушки был прекрасный аппетит, и она хорошо спала; правда, слишком долго и слишком крепко. И все равно – что-то здесь не то.

– Ты абсолютно права, Луан. Ты всегда права. – Она зевнула. – Надо сказать, сейчас я чувствую себя лучше. Пожалуй, пойду в свою комнату и посплю. Что я валяюсь здесь и

мешаю тебе?

Луан почему-то испугалась и запротестовала:

– Нет-нет! Ты должна погулять со мной. Давай пройдемся по Благоуханному саду. Это самое лучшее для тебя, надо немного развеяться.

Киннитан прожила в обители Уединения достаточно долго, чтобы понять: Луан обеспокоена. Почему она зовет Киннитан в Благоуханный сад, ведь он находится в дальнем конце обители Уединения? Удобнее отправиться в сад королевы Содан.

– Да, пожалуй, я могу пойти, – согласилась девушка. – А ты Уверена? Может быть, у тебя есть дела?

– У меня нет более важных дел, чем твое здоровье, моя милая. Пошли.

В Благоуханном саду было жарче, чем в комнатах, но навесы, установленные на высоких стенах, давали достаточно тени. Воздух, пропитанный ароматами мирта и роз, приносил облегчение. Киннитан почувствовала себя гораздо бодрее. Луан изливала свои мелкие обиды и жалобы таким взволнованным голосом, словно была юной девушкой. Сегодня она чаще, чем обычно, цеплялась к слугам. Она так яростно набросилась на туанку, задевшую ее локоть, что несколько других гулявших по саду женщин – жен автарка и их служанок – устали на них, а сама туанка, обычно безразличная ко всему, вдруг показала зубки, словно хотела укусить.

– Ой, совсем забыла, я вчера оставила свою любимую шаль вон в той беседке. – Луан показала на вход с навесом между двумя рядами живой изгороди. – Но мне так жарко, что я, пожалуй, присяду на скамейку. Не окажешь мне любезность, Киннитан? Сходи за ней. Она розового цвета, ты ее узнаешь.

Киннитан колебалась. Что-то в лице Луан ее настораживало. Девушка вдруг перепугалась.

– Твоя шаль?.. – переспросила она.

– Да, походи и принеси ее, пожалуйста. Она там. – Луан снова показала на беседку.

– Ты оставила ее?..

Киннитан застыла в нерешительности. Луан очень редко бывала в этом саду, к тому же было слишком жарко. Зачем в такую погоду брать с собой шаль?

Луан наклонилась к Киннитан и произнесла угрожающим шепотом:

– Просто походи и возьми ее, глупая девчонка! Киннитан подскочила от неожиданности. Никогда прежде она не боялась Луан.

– Да-да, конечно.

Около беседки она невольно замедлила шаг, прислушиваясь, не прячется ли в кустах убийца. Но зачем Луан прибегать к столь грубым мерам? Может быть, автарк решил, что Киннитан больше ему не нужна? Может быть, внутри ее поджидала молчаливая Мокори – печально известная глав-

ная душительница?

Впрочем, Киннитан не настолько важная персона, а значит, убить ее поручили бы кому-нибудь вроде так называемой «садовницы» Таниссы. Киннитан обернулась, но Луан разговаривала со слугами и смотрела в другую сторону. Голос ее звучал слишком громко и взволнованно.

Нервы Киннитан натянулись, словно струны лютни. Когда из тени появился мужчина, она негромко вскрикнула.

– Тихо! Мне кажется, вы ищете вот это, – сказал он, протягивая ей шаль из чудесного шелка. – Не забудьте ее, когда будете уходить.

– Джеддин! – Киннитан поспешно прижала ладони к губам и уже тише спросила: – Что вы здесь делаете?

Настоящий мужчина в обители Уединения!.. Что будет с ним, если их поймают? Что будет с ней?

«Леопард» заслонил выход, отрезая Киннитан путь к отступлению. Она в отчаянии оглядела крошечное помещение. Там не было ничего, кроме низкого стола и подушек. Не было и второго выхода.

– Я хотел увидеть вас, – произнес Джеддин. – Хотел... поговорить с вами.

Он подошел ближе, схватил Киннитан за локоть и увлек ее в глубь беседки. Сердце Киннитан так колотилось, что у нее перехватило дыхание. Она чувствовала, как Джеддин сжимает ее руку. Если бы он перебросил ее через плечо и потащил куда-нибудь, она не смогла бы сопротивляться. Только

кричать. Впрочем, она не сделала бы и этого – ведь неизвестно, каковы будут последствия.

– Я не задержу вас надолго, – сказал он. – Придя сюда, госпожа, я отдал в ваши руки свою жизнь. Вы не подарите мне несколько минут?

Он смотрел на Киннитан так пристально, так сосредоточенно, что она отвела взгляд и снова почувствовала жар и лихорадку. Уж не дурной ли это сон? Может быть, она сошла с ума от эликсира, что ей давали священники? Но нет, Джеддин по-прежнему стоял перед ней, огромный, сильный и красивый, словно статуя в храме.

– Чего вы от меня хотите? – спросила Киннитан.

– То, чего я не могу получить. – Он выпустил ее руку и сжал кулаки. – Я... я не в силах не думать о вас, Киннитан. Мое сердце разрывается. Ваш образ преследует меня даже во сне. У меня все валится из рук, я обо всем забываю...

Она отчаянно покачала головой. Теперь ей стало по-настоящему страшно.

– Нет. Нет, это... – пробормотала она и сделала шаг ему навстречу, но тотчас передумала: Джеддин готов обнять ее, прижать к себе – и тогда ей не вырваться из крепких объятий. – Это просто безумие, Джеддин... капитан. Даже если мы забудем, зачем я здесь и кто привез меня сюда...

Она застыла, услышав снаружи какой-то шум... Но это всего лишь две жены автарка играли в какую-то игру и пронзительно кричали.

– Даже если мы все это забудем... – повторила Киннитан. – Вы ведь совсем меня не знаете. Вы видели меня два раза!

– Нет, госпожа, не так. Когда мы оба были детьми, я смотрел на вас каждый день. Только вы по-доброму относились ко мне в те дни. – Лицо его стало необыкновенно серьезным. Не опасайся Киннитан за свою жизнь, она бы засмеялась. – Я знаю, что поступаю неправильно, но для меня невыносимо думать, что вы будете... принадлежать *ему*.

Она отрицательно покачала головой, желая одного: поскорее уйти отсюда. В командире «леопардов» было нечто такое, от чего у нее начинало щемить сердце. Киннитан хотелось его утешить. Были и другие чувства, но страх возобладал. Чем дальше, тем больше она ощущала себя добычей, за которой гонится свора собак.

– Нас просто убьют, – ответила она. – И что бы вы ни воображали, Джеддин, вы меня совсем не знаете.

– Зовите меня Джин, как в старые времена.

– Нет! Тогда мы были детьми. Вы бегали за моими братьями. Они вас обижали, но и я вела себя не лучше. Я была девочкой, к тому же застенчивой, и ни разу не сказала братьям и их друзьям, чтобы они прекратили обижать вас.

– Вы были добры, я нравился вам. Она негромко застонала от отчаяния и страха.

– Джеддин! Вы должны сейчас же уйти. И больше здесь не появляйтесь!

– Вы любите его? – спросил командир «леопардов».

– Кого? Вы имеете в виду...

Киннитан подошла к Джеддину вплотную – так близко, что она чувствовала его дыхание на своем лице, – и уперлась в его грудь рукой, чтобы он не мог прижать ее к себе.

– Конечно нет, – негромко ответила девушка. – Я ничто для моего господина, даже меньше, чем ничто. Стул, коврик, сосуд для мытья рук. Но никто не посмеет украсть у него этот сосуд – ни я, ни вы. Если вы попытаетесь меня похитить, обоих нас убьют. – Она вздохнула. – Вы мне не безразличны, Джеддин.

– Тогда у нас есть надежда, – отозвался он, и складки на его лбу разгладились. – Есть смысл жить.

– Тихо! Вы плохо меня слушали. Вы мне не безразличны, и в следующей жизни это чувство, возможно, перерастет во что-то большее. Но я не собираюсь умирать из-за мужчины. Вы все поняли? Уходите. И не смейте думать обо мне.

Киннитан попыталась отойти, но его объятия она не смогла бы разорвать никакими усилиями.

– Отпустите! – шепотом потребовала она. – Они уже волнуются, куда я пропала.

– Луан их отвлечет. – Он склонялся все ниже, и девушка чувствовала, что слабеет, глядя на него снизу вверх. – Вы не любите его.

– Позвольте мне уйти!

– Ш-ш. Я недолго пробуду на своем посту. Враги хотят

меня сместить.

– Враги?

– Я крестьянин, ставший командиром гвардейцев автарка. Старший министр меня ненавидит. Я забавляю Бесценного: он зовет меня своим сторожевым псом и потешается, когда я коверкаю слова. Но старший министр Вэш и остальные хотели бы видеть мою голову на копье. Я мог бы свернуть шею любому из них голыми руками, но в этом дворце правят не леопарды, а газели.

– Зачем же вы даете им в руки такие козыри? Это предел глупости. Вы погубите нас обоих.

– Нет. Я что-нибудь придумаю. Мы будем вместе. Взгляд его стал мечтательным, а сердце в груди Киннитан екнуло и почти остановилось. Сейчас он казался ей таким же сумасшедшим, как автарк.

– Мы будем вместе, – повторил он. Воспользовавшись моментом, Киннитан высвободила руку и попятилась к выходу.

– Уходите, Джеддин! – потребовала она. – Не делайте глупостей!

Глаза его наполнились слезами.

– Стойте! Не забудьте это. – Он бросил ей розовую шаль. – Я приду к вам ночью.

– Вы не сделаете этого! – чуть не задохнулась от ужаса Киннитан.

Она отвернулась и поспешила назад, в пропитанный ароматами Благоуханный сад.

– Ты тоже сошла с ума? – прошептала она Луан, передавая ей шаль.

Несколько жен неподалеку смотрели на них, но Киннитан надеялась, что это лишь праздный интерес к подругам по заочению.

– Нас всех казнят! – продолжала Киннитан. – Будут пытать!

Луан отводила взгляд, но лицо ее покраснело под толстым слоем пудры.

– Ты не понимаешь, – тихо промолвила она.

– Не понимаю? А что здесь понимать? Ты...

– Я всего лишь одна из избранных. А он – глава «леопардов» автарка. Он может меня задержать и убить под любым предлогом. Чего стоит слово старого толстого кастрата в женской одежде против слова командира мушкетеров Бесценного?

– Джеддин никогда этого не сделает.

– Сделает. Он сам мне сказал. Киннитан пришла в ужас.

– Он говорит, что любит меня, – наконец заговорила она. – Когда с людьми случается такое, они творят много глупостей.

– Да, – кивнула Луан и повернулась к Киннитан. В ее глазах, обрамленных длинными ресницами, стояли слезы. Одна слезинка скатилась по напудренной щеке, оставив влажный след. – Да, глупая моя девочка, так оно и есть.

25. ЗЕРКАЛА ПОТЕРЯННЫЕ И НАЙДЕННЫЕ

ДРЕВНИЙ ПЛАЧ ЖЕНЩИН

*Серый, как цапли на побережье,
Потерянный, как ветер с далекой земли.
Испуганный, но отважный.*

Из «Оракулов падающих костей»

Натруженные ноги гудели от усталости. Чет опустился на стул и только тут понял, что Опал нет в комнате. Она стояла на пороге, глядя на Уэдж-роуд.

– В чем дело, дорогая?

– Кремень, – ответила жена. – Его с тобой нет? Чет нахмурился.

– А почему он должен быть со мной? Я оставил его дома, потому что он мешает мне на работе. Ему не нравится внизу, а если я отпускаю его наверх, он играет не там, где велено. – У него вдруг сжалось сердце. – Подожди. Ты хочешь сказать, что он ушел?

– Я не знаю! Он ходил со мной на Нижнюю Рудную улицу, а когда мы вернулись, остался поиграть у дороги. Он там строит из камней замки, стены и туннели. Ему только бы вывозиться в грязи! – Глаза Опал наполнились слезами. – Потом я вышла позвать его обедать, но ребенка нигде не было.

Прошло уже несколько часов. Я обошла все улицы, побывала в здании гильдии, даже сходила на Соляной пруд и спросила Валуна, не встретил ли он мальчика. Его никто нигде не видел!

Превозмогая боль в ногах, Чет поспешно поднялся и обнял Опал.

– Успокойся, моя милая старушка. Уверен, он затеял очередную проказу. Он ведь мальчишка, да с таким независимым характером. Клянусь Старейшими, он вернется до конца ужина.

– Ужина?! – Она почти кричала. – Неужели ты думаешь, старый дурень, что у меня было время готовить ужин? Я весь день бегала по городу и искала мальчика. У нас нет ужина!

Опал заплакала. Едва дойдя до кровати, она с головой завернулась в одеяло, содрогаясь от рыданий.

Чет тоже был взволнован, но ему все-таки казалось, что жена принимает случившееся слишком близко к сердцу. В конце концов, Кремень не единственный мальчишка в Городе фандерлингов, который заигрался, отошел далеко от дома и забыл про время. Совсем недавно, во время похорон принца, он уже исчезал. Если не вернется к ночи, можно начать тревожиться.

После долгого рабочего дня желудок Чета сжался, как усохший кожаный мешок. Он нерешительно заглянул в кладовую.

– Посмотри, у нас же есть съедобные корни! – сказал он

громко, чтобы слышала Опал. – Чуть-чуть поварить – и можно есть.

Жена не ответила. Он еще порылся в запасах корней и клубней. Некоторые из них уже проросли.

– Лучше я съем сыра с хлебом, – решил Чет.

Комок из одеяла на кровати пошевелился, и раздался голос Опал:

– Хлеба нет. Я как раз собиралась сходить в булочную, когда... когда...

– Да, конечно, – поспешил успокоить ее Чет. – Ничего страшного. И все же как насчет тех корней? Чуть-чуть отварить...

– Хочешь вареных корней, сам и вари. Если умеешь.

Чет печально пожевал сырой корень. Он и не предполагал, насколько это горько, если не проварить корень в патоке. Он тоже начал думать, что к ужину мальчик не придет. В душе у Чета нарастало странное беспокойство. Кружка эля помогла протолкнуть в желудок горькую еду и несколько облегчила пульсирующую боль в ногах, но не уменьшила тревогу.

Чет несколько раз выходил на Уэдж-роуд. Уже зажглись тусклые фонари. Улицы были почти пусты, в домах заканчивали ужинать и готовились ко сну. Дети в такое время, должно быть, уже спали в своих постелях. Другие дети.

Он решил взять лампу и отправиться на поиски.

Не забрался ли Кремень в какой-нибудь незаконченный

туннель? Его могло засыпать в одном из боковых коридоров, где крепеж недостаточно прочный. С другой стороны, что ему там делать?.. Чет обдумывал другие возможные варианты – и менее страшные, и более трагические. Может, мальчик отправился в гости к какому-то приятелю? Кремень не всегда считал нужным сообщить родителям, куда идет, а тем более – просить разрешения. Он не сдружился ни с кем из ровесников – даже с теми, кто жил в ближайших домах. Где еще он может быть? Вдруг он пошел туда, где работал Чет, – к семейной усыпальнице Эддонов? На кладбище были опасные места. Но Кремень ясно дал понять, что ему там не нравится.

Крышевики, крошечный народец... Может быть, мальчик отправился к ним и либо остался в их компании, либо не успел спуститься до темноты. Неожиданно перед глазами Чета возникло страшное видение: мальчик упал с крыши и лежит беспомощный в заброшенном дворике, через который никто не ходит. Чет положил на тарелку недоеденный корень: ему стало нехорошо.

Где же еще он может быть?

– Чет! – крикнула Опал из спальни. – Чет, иди сюда! По голосу было ясно, что жене что-то напугало. Чет вдруг понял, что он совсем не хочет вставать с места и смотреть на то, что она нашла. Но пришлось.

Опал ничего не нашла – скорее наоборот.

– Он ушел насовсем! – сообщила она, указывая на тюфя-

чок мальчика. Там лежали скомканное одеяло и скрученная жгутом рубашка, напоминавшие призраков. – Его мешочек. Ну тот, с зеркалом. Его нет! – Опал обратила к мужу полный отчаяния взгляд. – Он давно не надевал его, всегда оставлял здесь! Почему же теперь его нет?

Опал сникла и за считанные минуты постарела лет на пять.

– Он ушел, – повторяла она. – Ушел навсегда. Поэтому и забрал свои вещи.

Чет не знал, что сказать. Ничего утешительного он придумать не мог.

– Боги милосердные! Тоби, ты опять спишь? Ты же сдвинул линзу!

Молодой человек поспешно встал и поднял руки, показывая, что никак не мог этого сделать. Его оскорбленный вид говорил, что он и не думал спать, несмотря на поздний час, и что Чавен глубоко ошибается.

– Господин Чавен... я... – начал он.

– Ладно, – оборвал его врач. – Я надеялся, что ты станешь ученым, но, видимо, ошибся.

– Но я хочу быть ученым! Я прислушиваюсь к вам! И делаю все, что вы говорите!

Врач вздохнул. Молодой человек и в самом деле не виноват. Чавен слишком доверился рекомендациям своего друга Эвана Догсенда. Догсенд считался самым ученым мужем в

Блушо, но, вероятно, не слишком разбирался в людях. Тоби довольно много работал, но отличался рассеянностью и обидчивостью. И, хотя он был неглуп, ему не хватало любознательности.

«Изменить его – все равно что пытаться заставить мою подругу Кло дружить с мышами и крысами», – подумал Чавен.

Молодой человек все еще стоял перед ним, и на лице его отражалось необыкновенное внимание.

Чавен попытался объяснить еще раз:

– Посмотри, линзу нельзя сдвигать после того, как мы поймали нужный нам объект. Леотродос из Перикала утверждает, что обнаружил новую звезду в созвездии Коссопы. Настроив телескоп на Коссопу, мы должны закрепить его неподвижно и тогда уже производить измерения. Не только сегодня, но и завтра, и послезавтра, и в другие дни. И если уж мы делаем измерения, то совершенно точно мы не должны облакачиваться на прибор!

– Но на небе полно звезд, – возразил Тоби. – Почему мы изучаем именно эту?

Чавен на мгновение закрыл глаза.

– Потому что Леотродос заявляет, будто нашел новую звезду. Никто не видел новых звезд уже сотни, а возможно, и тысячи лет. Методы древних ненадежны – им нельзя доверять. Последние исследования натолкнули меня на мысль, что наши представления об устройстве небес не совсем точ-

ны.

Озадаченный вид парня был красноречивее всяких слов.

– Если небеса неподвижно закреплены, как утверждают астрологи тригоната, – продолжал втолковывать ему Чавен, – на небе не может появиться новая звезда. Иначе откуда она возьмется?

– Но, господин, это же полная бессмыслица, – возразил Тоби, позевывая, хотя уже не выглядел сонным. – Если боги создали сферу, почему бы им не создать и новую звезду?

– Ты делаешь успехи. – Чавен невольно улыбнулся. – Ты задал правильный вопрос, но важнее ответить на другой: почему они не создавали их раньше?

На миг, лишь на один миг в глазах молодого человека вспыхнул огонь. Но осторожность или усталость, а может быть, многолетняя привычка сразу же погасила его.

– Мне кажется, мы слишком много времени уделяем звездам.

– Да, возможно. Но однажды полученные знания подскажут нам, как боги устроили этот мир. Тогда мы сами станем похожи на богов – разве не так?

– Что вы говорите?! – Тоби сотворил знак, отвращающий зло. – Порой вы пугаете меня, господин Чавен.

Чавен пожал плечами.

– Помоги мне снова зафиксировать линзу на Коссопе и иди спать.

Оставшись в одиночестве, Чавен сделал последние записи наблюдений. Хорошо, что парень ушел. Тоби мог бы заметить, как дрожат у хозяина руки, и чем ближе назначенный час, тем сильнее. Удивительное чувство. Он всегда жаждал знаний, но эти переживания походили на голод, причем неестественный. Каждый раз, когда Чавен пользовался магическим зеркалом, он все более неохотно отрывался от него. Чем была вызвана эта страсть – его собственным желанием получить знание или чарами тех духов, которые это знание дарили? А может быть, чем-то совсем иным? Что бы ни было причиной такой страсти, он с трудом заставил себя опустить тяжелое покрывало на большой ящик с редкими и дорогими линзами. Нужно еще закрыть отверстие в крыше обсерватории и отгородиться от этих назойливых, сводящих с ума звезд, что опять задержало его.

Его нетерпение стало особенно сильным, оттого что в последнее время – уже много дней – зеркало не показывало ничего, кроме теней и тишины. Как утомительно было весь вечер наблюдать за Коссопой, когда все его внимание привлекали три красные звезды. Их называли Рогами Змеоса или Старым Змеем. Когда они появлялись над самой большой планетой, что и произошло сегодняшней ночью, он мог снова говорить с зеркалом.

Чавен надежно запер двери и отправился на поиски Кло. Сегодня, если боги благосклонны, ее усилия и его подношение не останутся без вознаграждения.

Нетерпение Чавена было невероятно велико. Пока Кло не укусила его за палец, он не замечал, как грубо выставляет ее за дверь. Он уронил животное, выругался и принялся высасывать кровь из ранки. Кошка убежала прочь по коридору. На смену гневу пришло раскаяние – нельзя так обижать верную подружку! – но стыд растворился в нетерпении.

В комнате становилось все темнее. Он сел перед зеркалом и начал напевать старинную песню на древнем языке. Никто из живых уже не знал, как правильно произносить слова этого языка, Чавен пел так, как когда-то его научил наставник, Каспар Дайлос. У Дайлоса – его называли колдуном из Крейса – не было магического зеркала, только осколки нескольких других зеркал. Но ему и этого хватало, чтобы творить чудеса. Как и при изучении космоса, зеркало для Чавена было способом добыть и передать знание следующим поколениям. Ведь за годы чумы утеряно так много замечательных и полезных сведений!

Дайлос обучил своего ученика всему, что умел сам. Когда необыкновенное зеркало, это удивительное наследие прошлого, попало к Чавену, тот уже в целом представлял, как им пользоваться. Хотя далеко не все части ритуала были ему досконально известны.

Теперь Чавен сидел в темной комнате, озадаченно потирая лоб. Его сбила с толку странная мысль. У него заболела голова – так пристально он вглядывался в сумрак зеркала.

ла, стараясь разглядеть: смотрит ли кто-то на его призрачную мышку, что лежит на призрачном полу, не хочет ли этот кто-то появиться перед ним. Неужели и сегодня его ожидает неудача? Он сознавал, что недостаточно сосредоточен. Он даже не мог вспомнить, откуда у него появилось это зеркало. Провал в памяти открылся совершенно неожиданно. Чавен отлично помнил, откуда у него все остальные зеркала. Но одно из них, прислоненное к стене в тайной комнате, словно возникло само по себе. Врач не представлял себе, когда и как в его коллекцию попала великая драгоценность – магическое зеркало.

Это беспокоило его так, словно он не мог дотянуться до зудящего места, и беспокойство усиливалось. Даже страстная жажда знаний ослабела, оттого что новая загадка не давала ему покоя.

«Откуда же взялась эта чудодейственная вещь? – гадал Чавен. – Сколько времени она у меня?»

Но вот в центре зеркала вспыхнуло большое пятно белого света, будто отверстие в ночном небе, сквозь которое льется сияние богов. Чавена ослепил этот свет – он поднял руки к лицу и прикрыл глаза. В зеркале появилась сова. Свет чуть померк, когда птица сложила свои яркие крылья и устала на Чавена оранжевыми глазами, сжимая в когтях жертвенную мышь – добычу Кло.

Все тревожные мысли моментально испарились, словно Чавен оказался под защитой ее крыльев. Словно он сам пре-

вратился в крошечное существо, схваченное белоснежной лапой. Когти держали добычу с такой силой, что казалось: отдать за это жизнь – великая честь.

Он покинул бесконечное безмолвие и оказался в сиянии яркого света. Невероятная музыка и какой-то гул, в котором слышны голоса и мелодии, наполняли его; но и они постепенно ослабевали. Чавен ощущал удивительные ароматы – сильные, пьянящие и сладкие, как запах масла из роз, что никогда не цвели на обычной земле, а уходили корнями в пропитанную смертью и разрушением почву. Теперь он обрел способность думать.

Чавен не знал, сколько длилось это невероятное блаженство – может быть, века, – но для врача время прошло как одно мгновение. Он услышал даже не голос, а переданную ему мысль: «Я здесь». Или еще проще: «Это я». Мужчина говорил или женщина, не имело никакого значения. Чавен выразил безмерную благодарность за то, что его жертва принята. Взамен он получил знание о незыблемом покое – о том, что требовало от него обожания и почитания.

Чавена переполняла радость, потому что ему снова позволили приблизиться к великому свету. Одновременно что-то отвлекало его от приятных мыслей – что-то мелкое и навязчивое, как тени в его зеркальной комнате, принимавшие странные формы: он мог видеть их лишь краем глаза, но они никогда не попадали в фокус зрения.

«Вопросы», – напомнил себе Чавен.

– У меня есть несколько вопросов, – начал он. – Крышевики, этот древний крошечный народец, живущий скрытно от всех, говорят о повелителе вершины. Он приходит к ним и дает советы. Это ты?

Чавен почувствовал, что собеседника развеселил его вопрос, Но отвечать тот не желал.

– Значит, они говорят не с тобой? – настаивал врач. – Это не ты являешься к ним с ужасными предостережениями?

Светящееся существо безмолвствовало. Оно уже не походило на сову; Чавен видел его, но знал, что никогда не сумеет вспомнить и описать его словами. Существо молчало. Чавен боялся, что оно исчезло, а его отсутствие было подобно смерти. Когда оно заговорило, врач настолько исполнился благодарности, что пропустил часть сказанного.

То, что долго спало, просыпается – вот что осознал Чавен из их бессловесного сообщения. Светящееся существо внушало ему, что все действует слишком сложно и неуловимо и едва ли врач сумеет понять происходящее.

Чавен почувствовал, что им недовольны: музыка утратила благозвучность. Он расстроился и попросил прощения, заверив светящееся существо, что хочет лишь верно служить ему. Маленькое недоразумение прояснило мысли врача. Действительно ли служение этой силе – его единственное заветное желание? Разве, впервые соприкоснувшись с зеркалом, он не почувствовал себя ровней тому, кого в нем уви-

дел? Чавен думал, что они просто обмениваются сведениями.

«Что же оно хотело от меня узнать? Что такое я мог выдать этой... силе?»

Он ничего не помнил, как не мог вспомнить и того, откуда у него магическое зеркало – источник его болезненного блаженства.

Светящееся существо дало понять, что готово простить Чавену чрезмерное любопытство, но он должен выполнить задание. Задание было весьма серьезным, можно сказать – священным.

Чавен колебался очень недолго. Какая-то частичка его души по-прежнему сопротивлялась, словно зеркало было мелким решетом и некая часть Чавена не могла пройти сквозь него в поющий огненный мир. Эта частичка как бы стояла в стороне и наблюдала, но не имела сил что-либо изменить.

– Что я должен сделать? – спросил он.

Оно сообщило ему, вернее, вложило в него знание. Так же как раньше существо передало Чавену свое недовольство, теперь оно похвалило его. И похвала эта походила на мед, на журчащую музыку, на бесконечный удивительный свет небес.

– Ты мой добрый и верный слуга, – вещало существо. – Когда все будет сделано, ты получишь вознаграждение: то, что ты хочешь больше всего.

Молочный свет начал тускнеть. Он отступал назад, как на-

бегающая на берег волна: вот она здесь – и вот уже уходит обратно в море. Чавен остался один в тайной подземной комнате, освещенной лишь тусклым пламенем догоравшей черной свечи.

Чавен колотил в дверь кухни что было сил. Наконец появилась госпожа Дженникин в ночной рубашке и шапочке. Перед собой, словно талисман, она держала зажженную свечу. Распущенные на ночь волосы, седые и поредевшие с годами, сосульками свисали ей на плечи.

– Это всего лишь я, – сказал Чавен. – Простите, что разбудил вас в такой час, но это необходимо.

– Доктор? Что случилось? Кто-нибудь заболел? – Госпожа Дженникин смотрела на него круглыми от страха глазами. – Ой, спаси и защити нас, Зория! Неужели еще одно убийство?

– Нет-нет. Успокойтесь. Я всего лишь должен уехать, но мне нужно отправляться прямо сейчас, не дожидаясь рассвета.

Она поднесла свечу к лицу врача, желая посмотреть, нет ли на нем признаков безумия или лихорадки.

– Но, доктор, сейчас... – нерешительно произнесла женщина.

– Да, сейчас глубокая ночь. Если точнее, до рассвета, как показывают мои часы, осталось два часа. Я знаю это не хуже других и лучше многих. И я прекрасно знаю, что мне следует делать. Вы согласны?

– Конечно, господин! Но что вы хотите... то есть...

– Соберите мне хлеба и мяса, чтобы я мог поесть в дороге. Но сначала разбудите Гарри и велите приготовить мою лошадь к путешествию. Больше никто не нужен. Я не хочу никого видеть.

– Но... Но куда же вы отправляетесь, господин?

– Вам нет нужды знать, моя дорогая. Пойду уложу вещи. Я оставлю письмо для лорда Найнора, смотрителя замка: сообщу ему, как найти Окроса в Академии. Вы также отправляйте к Окросу всех, кто будет искать меня, если у них срочная нужда.

Чавен почесал в затылке, размышляя.

– Еще мне понадобится теплый дорожный плащ. Говорят, будет холодно, может пойти снег, – добавил он.

– Но... Но, доктор, а как же королева и ее ребенок?

– Стыдитесь, женщина! – возмутился Чавен. – Неужели я без вас не знаю своих обязанностей?

Домоправительница отпрянула и прижалась спиной к косяку.

Чавену стало неловко.

– Простите, госпожа Дженникин, но я уже подумал обо всем. Я дам подробные указания Найнору. Не волнуйтесь о королеве. У нее все хорошо. К тому же от нее не отходит повитуха. – Он громко вздохнул. – Прошу вас, уберите свечу от моего лица, не то спалите мне волосы.

– Прошу прощения, господин.

– Разбудите Гарри. Он медлителен, как застывшая патока, а мне срочно нужна лошадь. – Было видно, что домохозяйка хотела еще что-то спросить, но не решалась. Чавен снова вздохнул: – Что еще?

– Вы вернетесь ко Дню всех сирот? Мясник обещал мне отличную свинину.

Он опять чуть не раскричался, но ведь такова ее работа. Для нее это важный вопрос, да и для Чавена подобные вещи всегда были небезразличны. Он обожал жареную свинину. Но что поделаешь, сейчас необычное время. Не исключено, что это последний День всех сирот... Нельзя испортить его.

– Я уверен, что вернусь до праздника, даже до Певческой ночи, если боги не решат иначе. Не беспокойтесь о свинине, госпожа Дженникин. Я уверен: вы, как всегда, великолепно ее приготовите и порадуете меня.

Женщина немного успокоилась, словно жизнь уже не казалась ей безумной. Чавен этому обрадовался: хоть кому-то стало легче.

Слуга врача хотел побыстрее выпроводить Чета. Пожилой человек выглядел сбитым с толку и виноватым, словно его отвлекли от какого-то неблагоприятного, но очень важного занятия и он спешил вернуться к начатому.

«Спал, не иначе, – догадался Чет. – А ведь давно пора вставать. Значит, поздно лег».

– Мне нет дела, что он никого не принимает, – заявил он. –

Я обязательно должен с ним повидаться. Передайте, что пришел Чет из Города фандерлингов.

«Если Чавен занят и не принимает посетителей, – подумал Чет, – придется возвращаться назад и идти сюда подземными туннелями: ту дверь он вынужден будет открыть».

Но тогда он потеряет очень много времени: нужно сначала пройти весь путь обратно, потом вернуться к дому Чавена, но уже под землей. Это возмутительно – потерять целый день, чтобы добраться до врача!

Прошлая ночь прошла в бесплодных поисках мальчика, и каждый новый час был тяжелее предыдущего. Теперь и того хуже. Кремень постоянно ускользал от Чета – как будто ребенок ехал на повозке или плыл на корабле, а фандерлинг не поспевал за ним пешком.

Несмотря на яростные протесты Чета, слуга собирался закрыть дверь у него перед носом, и тут появилась пожилая женщина. Она выглянула из-под руки старика и посмотрела на фандерлинга. И женщину, и старика Чет видел и раньше, но только издали, когда Чавен провожал его в обсерваторию. Фандерлинг никак не мог вспомнить их имен.

– Что вы хотите? – спросила женщина, прищуривая глаза.

– Хочу встретиться с вашим хозяином. Я понимаю, это неудобно. Возможно, он просил не беспокоить его. Но он меня знает... И знает, что я никогда не прихожу по пустякам.

Женщина смотрела на него, не скрывая раздражения. Как и у старика, у нее под глазами залегли темные круги, а взгляд

был тревожным и отстраненным.

«В этом доме никто не спал этой ночью», – подумал Чет.

Он и сам всю ночь бродил по Городу фандерлингов, по Южному Пределу и сейчас чувствовал себя так, словно по нему промчался табун лошадей. Он держался на ногах только потому, что беспокоился о пропавшем мальчике.

– Это невозможно, – ответила женщина. – Если вам нужен врач, вам надо обратиться в академию к брату Окросу или к городскому цирюльнику.

– Но... – Чет вздохнул, с трудом подавив желание накричать на упрямую парочку, – У меня... У меня пропал сын. Чавен его знает. Он... необычный мальчик. Я подумал, что Чавен может мне чем-нибудь помочь...

Лицо женщины смягчилось.

– Ой, какое горе! Мальчик исчез? А вы, несчастный, наверное, с ума сходите?

– Да, госпожа.

Слуга выпучил глаза и исчез за дверью. Зато женщина, напротив, вышла во дворик, вытерла руки о передник и огляделась, словно опасаясь чужих глаз.

– Я не должна была этого говорить, но хозяина сейчас нет в городе. Ему пришлось срочно уехать утром, еще до рассвета.

Совпадение породило внезапное подозрение.

– Один? Он уехал один? – тревожно спросил Чет. Она смотрела на него с удивлением, вскоре сменившимся него-

дованием.

– Ну да, один. Мы сами его провожали. Уж не думаете ли вы...

– Нет, конечно, ничего плохого я точно не думаю, – заверил ее Чет. – Дело в том, что парнишка знает вашего хозяина. Господин Чавен ему понравился, так мне показалось. Он мог увязаться за ним, это случается с мальчишками.

– Нет, с хозяином никого не было, – покачала головой женщина. – Он уехал за час до восхода, но у меня был светильник в руках, я бы заметила. Он страшно спешил. Я не должна никому об этом рассказывать. Так что не обижайтесь.

– Я не обижаюсь.

Но на сердце у Чета стало еще тяжелее. Чавен был его последней надеждой: фандерлинг думал, что врач с его острым умом подскажет, где искать мальчика.

– Думаю, у вас и без меня много дел, госпожа, – вздохнул он. – Извините, я пойду. Когда он вернется, передайте ему, пожалуйста, что Чет из Города фандерлингов очень хочет его видеть. Хорошо?

– Конечно. – Госпожа Дженникин ничем не могла ему помочь, и ей было жаль беднягу. – Пусть боги пошлют вам удачу. Уверена, вы найдете вашего парнишку. Не сомневаюсь, что найдете.

– Спасибо на добром слове, – кивнул на прощание Чет.

От нетерпения Чет дважды чуть не сорвался со стены. Когда он все-таки добрался до крыши, пришлось сесть, чтобы отдышаться и вновь обрести дар речи.

– Эй! Это Чет из Города фандерлингов!

Он выкрикнул это не слишком громко, боясь привлечь чье-то внимание внизу. Утро было в разгаре, а значит, даже здесь, на кладбище, могли оказаться люди.

– Ее величество королева Башенная Летучая Мышь мило-стиво согласилась встретиться со мной и моим сыном Кремнем, – продолжал он, – Вы помните меня? Эй!

Ни ответа, ни какого-либо движения, сколько он ни звал. Через некоторое время он так устал, что решил спуститься. Встав на колени, Чет вынул из кармана небольшой молескиновый сверток, развернул его и достал кристалл. Подняв его над головой, фандерлинг поймал солнечный лучик. Кристалл засиял, как маленькая звездочка.

– Подарок королеве, – громко сказал Чет. – Это яйцо Эд-Ри – прекрасный кристалл, лучший в моей коллекции. Я разыскиваю мальчика по имени Кремень, и мне нужна ваша помощь. Если вы слышите меня и согласны встретиться, я вернусь завтра в это же время.

Чет попытался придумать подходящее заключение для своей речи, но ничего подходящего не пришло в голову. Он сделал гнездо из молескина и положил туда кристалл.

«Какое великолепное сияющее чудовище может из него вылупиться», – сказал он себе, но шутка не доставила ему

радости.

Фандерлинг осторожно спустился со стены. Он чувствовал глубокое отчаяние и почти удивился, когда не сорвался вниз, а добрался до земли целым и невредимым.

День начался как обычно: Бриони проснулась рано, услышав колокол часовни Эривора, созывающий священнослужителей и послушников на утреннюю молитву. Но принцесса отчего-то чувствовала мрачную тревогу, словно осужденный накануне казни.

Роза и Мойна вошли в комнату. Они старались ступать как можно тише, словно принцесса-регент была медведем, которого страшно разбудить неосторожным движением. Но, несмотря на все усилия, они наделали шума не меньше, чем полсотни солдат на площади. Бриони со стоном села на постели и позволила фрейлинам снять с себя ночную рубашку.

– Не хотите сегодня надеть синее платье? – с умоляющими нотками в голосе спросила Мойна.

– Лучше коричневое, – предложила Роза. – С разрезами на рукавах. Оно вам так идет...

– Оденусь так же, как вчера, – ответила Бриони. – Только в чистое. Сорочку – ту, что с золотым шнурком. Юбку для верховой езды. Рейтузы.

Фрейлины постарались скрыть разочарование, но это плохо им удалось. Роза и Мойна воспринимали мужской костюм принцессы как личное оскорбление. Однако в то утро

чувства девушек оставили ее равнодушной. Бриони надое-
ло одеваться для других. Она устала вечно заботиться о соб-
ственной привлекательности, из-за которой окружающие не
слушали то, что она говорила. Никто не смел открыто пре-
небрегать мнением принцессы-регента, но она знала навер-
няка: придворные мечтали о возвращении короля Олина не
только потому, что он законный повелитель. Она читала это
в их глазах, в их взглядах. Подданные не доверяли ей, по-
тому что она женщина. Хуже того – юная девушка. Бриони
возмущало их отношение.

«Есть ли на свете хоть один человек, не важно, какого по-
ла, кто считал бы женщину равной мужчине, – раздраженно
размышляла она. – Боги отдали женщинам величайший дар
– саму жизнь. Но нам не доверяют. Считается, что мы не в
состоянии взять на себя ответственность лишь потому, что
не можем мочиться на стену».

– Мне все равно, раздражает вас это или нет, – прикрик-
нула она на Розу, – но не нужно дергать мои волосы.

Роза выронила щетку и отошла на шаг назад, огорченная
резким выговором.

– Но, моя госпожа, – пролепетала она, – я вовсе не хоте-
ла...

– Знаю. Прости, Роза. У меня сегодня отвратительное на-
строение.

Пока девушки причесывали Бриони, та поела фруктов и
выпила немного подслащенного вина, которое, как считал

Чавен, помогает пищеварению. Фрейлины наконец уложили ее локоны в замысловатое сооружение на макушке и стали прикалывать к нему шляпу, хотя принцесса сгорала от нетерпения поскорее заняться делом.

В глубине души ее притаился ужас, порожденный рассказом Баррика. Казалось, в любую минуту ее может затянуть в вязкую темную бездну, что скрывалась под обманчиво спокойной поверхностью. Бриони очень боялась за брата, ее душа болела за него. После их разговора он заперся в своих покоях под предлогом вернувшейся вдруг лихорадки, но она догадывалась, что дело не в болезни: ему было стыдно показаться на глаза сестре. Словно она способна перестать его любить! Тем не менее, между близнецами легла тень. Все остальное отошло на второй план.

Страшнее всего были слова Баррика об отце. Бриони никогда не была наивной девочкой, воображавшей, будто отец не способен сделать ничего дурного. Ей не раз приходилось слышать, как он резко разговаривал с людьми – король Олин всегда был человеком настроения. Но рассказ брата потряс принцессу до глубины души. Неужели на протяжении стольких лет отец нес свою тяжкую ношу и держал все в тайне? Бриони не знала, какое чувство преобладало в ее сердце – сочувствие к страданиям отца или возмущение от того, что он скрывал свою болезнь от любящих родственников.

Она чувствовала себя так, словно в знакомой комнате появилась дыра в стене – дверь в неизвестный и непонятный

мир.

«Как это возможно? Как могло такое случиться? Почему мне никто ничего не говорил? Почему сам отец не сказал мне? Или, как и Баррик, он думал, что я его возненавижу?»

Бриони всегда была разумной девушкой – по крайней мере, по сравнению с братом-близнецом. Она не впадала в рассеянность, не отличалась резкими сменами настроения, но открывшаяся правда не умещалась в ее голове. Это было хуже смерти Кендрика, потому что переворачивало все представления о том, что Бриони считала правильным.

Она снова погрузилась в траур – теперь уже не по умершему брату, а по собственному душевному покою.

«Я устала. Я так устала», – думала принцесса.

Она сердилась на Баррика: он не должен был взваливать на ее плечи все обязанности по управлению Южным Пределом, как бы его ни угнетали собственные страдания.

Было лишь десять утра. Тронный зал заполняли люди, и принцесса была вынуждена тратить время на обсуждение неразрешимых вопросов. Вот и сейчас лорд-канцлер Галлиберт Перкин и три его помощника пространно рассуждали о необходимости изыскать средства на содержание правительства Южного Предела. Они даже предложили взять их из выкупа, собранного за короля Олина. Купцы опасались трудностей в будущем году, банкиры придерживали свои запасы, а корона задолжала куда больше, чем следовало, из-за чего

самым разумным казалось использовать деньги из отложенных на выкуп. Но поступить так – значило предать не только отца, но и людей, заплативших за освобождение короля, подчас с большой неохотой. Хозяйство Южного Предела поглощало финансы, словно сказочное чудовище, питающееся золотом. Раньше Бриони понятия не имела, как сложно поддерживать порядок в доме, особенно если этот дом – самый большой на севере Зона. Здесь живут не менее пятидесяти тысяч душ, не говоря уж о населении всей страны. Короне давно пора найти новые источники дохода. Лорд-канцлер, как всегда, предложил повысить налоги, но ведь люди уже отдали последние запасы для выкупа короля.

Заседание продолжалось. Два священнослужителя тригоната представляли суд иерарха Сисела. По их мнению, суд иерарха должен стоять выше городского суда в деле, которое они сейчас рассматривали. Дело тоже касалось денег: местный землевладелец обвинялся в смерти арендатора, причиненной по халатности. Поскольку преступление было серьезным, все пошлины и штрафы, полученные от процесса, назначались суду.

Когда-то Бриони думала, что обязанности принцессы-регента – это забота о подданных, наказание виновных и защита невинных. Но оказалось, что ее главная задача – выбирать, какая инстанция будет рассматривать иск: городской магистрат, суд иерарха или (что случалось редко, только если дело касалось аристократов) королевская власть Южного

Предела.

Миновал полдень. Просители все прибывали, словно пышная процессия на празднике скуки. Бриони очень хотелось сделать перерыв и отдохнуть, но очередь посетителей вытянулась, казалось, до самого края земли.

Все, что она не успеет рассмотреть сегодня, придется отложить на завтра, однако на завтра уже назначена встреча с сестрой Уттой. Бриони научилась сражаться за каждую минуту личного времени, поэтому не стала отдыхать, а попросила принести холодного мяса с хлебом. Она поерзала на стуле, чтобы размять уставшие ягодицы. Если целый день сидеть на одном месте, даже подушки не помогают.

Рассеянно теребя бороду в ожидании, когда принцесса изволит обратить на него внимание, к Бриони наклонился лорд Найнор.

– Извините, – переспросила она, – что вы говорите? Что-то о Чавене?

– Он прислал мне очень странное письмо, – произнес смотритель замка.

Бриони подумала, что этот парад просителей и жалобщиков Найнор видел ежедневно на протяжении всей своей службы в замке – в течение нескольких десятилетий, с тех самых пор, как дедушка Остин сделал его смотрителем замка. Бриони пришла в ужас от этой мысли. Найнор не походил на сумасшедшего, но как он мог на такое согласиться?

– Врач сообщает, что ему пришлось неожиданно уехать, –

продолжил Найнор. – Он предлагает на время его отсутствия пригласить к нам Окроса из Восточного Предела. Вероятно, сам он вернется через несколько дней.

– Чавен часто уезжает для совещаний с другими учеными, – заметила Бриони. – Что здесь удивительного?

– Он не сообщил, где его можно найти! И уехал именно сейчас, когда должна рожать королева. Во всяком случае, его письмо показалось мне весьма необычным.

Веки у Найнора покраснели, глаза слезились. Даже в лучшие времена он выглядел так, словно только что плакал. Но ум его всегда оставался острым, и долгие годы на службе у Эддонов доказали, что к его мнению стоит прислушиваться.

– Если в письме нет ничего такого, чем следует заняться немедленно, отдайте его мне – и я прочту попозже, – приказала Бриони и взяла у смотрителя свернутый пергамент. Она положила его в мешочек из оленьей кожи, где носила большие печати, перстень с печаткой и другие важные вещи. – Еще что-нибудь?

– Мне нужно ваше позволение, чтобы вызвать брата Окроса, – ответил Найнор.

– Оно у вас есть.

– А тот поэт?..

– Тинрид? Как его там?

– Тинрайт. Вы действительно хотите, чтобы он поселился в доме?

– Да, но устройте его попроще. Выдайте одежду, и, конеч-

но, его нужно кормить...

Послышался шум: кто-то протискивался сквозь толпу. Казалось, в зал проникло животное – безобидное, но не очень чистое. Через ряды придворных прорвался Мэтти Тинрайт и распростерся на полу перед Бриони.

– О прекрасная принцесса, вы не забыли свое обещание! Вашу доброту невозможно описать словами, ее надо воспевать, как свет солнца или благодатный дождь.

– Разрази меня гром! – зарычал Авин Броун.

Он, словно дрессированный медведь, весь день проторчал у трона, выдворяя тех, кто злоупотреблял временем принцессы.

Поэт, конечно, казался забавным, но Бриони была не в настроении.

– Идите с лордом Найнором, он все для вас сделает, Тинрайт, – велела она.

– Может быть, вы желаете послушать мое последнее стихотворение? Оно родилось сегодня, в этом самом зале.

Бриони хотела заявить, что не желает ничего слушать, но Тинрайт и не собирался дожидаться ее позволения. Судя по стихам, он давно научился добиваться желаемого.

– Одета в наряд столь мужественный, черный, стоит она, как туча грозная в октамене, в разгаре лета, непреклонно. И все-таки за теми облаками мы видим девственную белизну и чистоту, что сладкую прохладу дарят всей земле... – торжественно продекламировал поэт.

Бриони вполне понимала, почему лорд комендант застоялся. Однако ей хотелось, чтобы он делал это не так громко – ведь молодой человек очень старался. Принцесса сама позволила поэту остаться в замке и теперь не хотела, чтобы он чувствовал себя Униженным.

– Да. Очень мило, – отозвалась она. – Но в данную минуту я занята государственными вопросами. Не могли бы вы записать вашу поэму и передать ее мне – тогда я без помех прочитаю ее и оценю по достоинству.

– Вы так добры, госпожа! – воскликнул поэт.

Тинрайт поднялся с колен, улыбаясь придворным и тем самым, как ему казалось, утверждая себя в качестве одного из них. Он поклонился принцессе и скрылся в толпе. Кто-то захихикал.

– Госпожа чересчур добра, – негромко поправила его Бриони.

Стеффанс Найнор все еще ожидал чего-то от принцессы и явно нервничал.

– Я слушаю вас, мой лорд, – обратилась к нему Бриони.

– Можно мне подойти ближе к трону, ваше высочество?

Она кивнула. Броун тоже подвинулся к ним, словно тощий престарелый Найнор представлял собой какую-то угрозу. Скорее всего, комендант просто хотел послушать.

– Есть еще одно дело, – тихо сообщил смотритель. – Что делать с Толли?

– С Толли?

– Разве вам не сказали? Они прибыли в замок два часа назад. Простите, что не сообщил вам раньше: я был уверен, что кто-нибудь другой уже сделал это. – Он пристально посмотрел на Броуна. Эти двое были политическими противниками и недолюбливали друг друга. – Все саммерфильдцы уже здесь. Их возглавляет Хендон Толли. Молодой человек очень обижен и открыто говорит об исчезновении герцога Гейлона.

– Милосердная Зория, – тяжело вздохнула Бриони. – Какая неприятная новость. Хендон Толли? Здесь?

– Средний брат Карадон теперь ближайший претендент на герцогский титул, и из осторожности он остался дома, – тихо прокомментировал Броун. – Однако сомневаюсь, чтобы он очень старался остановить младшего. Во всяком случае, он этого не добился. Хендон – дикий, ваше высочество. За ним нужно пристально наблюдать.

Не успел комендант закончить свою небольшую речь, как у него за плечами появился один из гвардейцев, и Броун повернулся, чтобы поговорить с ним.

Бриони подумала, что слово «дикий» в данном случае не очень подходит. «Почти сумасшедший» – уже лучше. Молодой Толли был опасен и непредсказуем, как огонь в ветреный день. Она тяжело вздохнула, вспоминая прекрасные времена, когда у них с Барриком была одна серьезная проблема – придумать, как убежать с уроков. Как давно миновали те дни!

«Проклятье, несносный Баррик снова предоставил все решать мне!»

Но уже в следующую минуту она испугалась своих мыслей: брат не заслужил проклятий.

– Обращайтесь с Толли уважительно, – сказала она. – Отведите им покои Гейлона. – Тут она вспомнила, что говорил Броун о саммерфильдском дворе и агентах автарка. – Нет, пожалуй, не стоит. Вдруг там есть какой-нибудь тайник. Определите их в башню Зимы – тогда они не будут путаться у нас под ногами, и им будет сложнее перемещаться незаметно. Лорд Броун, позаботьтесь, чтобы за Толли присмотрели. Лорд Броун?..

Бриони повернулась к коменданту, раздраженная тем, что тот ее не слушает. Гвардеец уже ушел, а Броун застыл на месте с выражением растерянности на лице.

– Лорд комендант, что случилось? – встревожилась Бриони.

Он посмотрел сначала на нее, потом на Найнора и склонился к принцессе.

– Нужно отослать всех отсюда, – сказал он. – Сейчас же.

– Но что вам сообщили?

Броун тряхнул огромной седой головой. Все его движения были странно замедленными, словно во сне.

– Вернулся Вансен, ваше высочество, – отвечал он. – Феррас Вансен, капитан гвардейцев.

– В самом деле? И что же он обнаружил? Нашел караван?

– Нет, он потерял почти весь отряд, более дюжины людей. Но не это главное, госпожа! Вызовите его. Если это правда, необходимо поговорить с ним прямо сейчас.

– Если это правда? Что – правда?.. Броун, что вам сказали?

– Началась война, принцесса. Или вот-вот начнется.

– Но... Война? С кем?

– С армией сумеречного племени.

26. КОРОЛЕВСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

ДАЛЬНИЕ ГОРЫ

*Мы видим их,
Но путь к ним нам заказан,
Мы только видим их.*

Из «Оракулов падающих костей»

Королева прибыла без всяких церемоний – не на белоснежном голубе, а на жирной белой крысе с забавно торчащими усами, в сопровождении лишь двоих пеших стражников, чьи крошечные лица побледнели от давившего на них груза ответственности. С ними был и Жуколов. Чет ждал их очень долго и радовался, что перед крышевиками не нужно вставать: боялся, что ноги у него не разогнутся после бесконечного сидения в неподвижности. Фандерлинг рассудил, что непозволительно не выразить почтения королевской особе, и склонил голову.

– Ее изысканное и незабвенное величество королева Башенная Летучая Мышь приветствует Чета из семьи Голубого Кварца, – объявил Жуколов тоненьким голоском.

Чет поднял голову. Королева смотрела на него пристально, но дружелюбно.

– Благодарю вас, ваше величество, – сказал фандерлинг.

– Мы услышали вашу просьбу, и вот мы здесь, – загово-

рила королева таким же писклявым голоском, как и ее подданный. – Нам очень понравился ваш подарок. Он пополнил нашу кладовую золотых и серебряных вещей и драгоценностей. Мы очень огорчились, узнав, что пропал мальчик. Что мы можем сделать для вас?

– Честно говоря, я и сам не знаю, ваше величество. Я надеялся, что вы дадите мне какой-нибудь совет. Я обошел все мыслимые и немыслимые места. Всем в Городе фандерлингов уже известно, что Кремень пропал, но никто ничего не видел и не слышал. Мальчик любопытен, ему нравится исследовать разные места. Я же так мало знаю о крышах и башнях замка и города. Я подумал: может быть, у вас появится предположение, куда он мог пойти. Или, может быть, вы видели его?

Королева обернулась к подданному.

– Кто-нибудь из наших людей видел мальчика, мой верный Жуков?

– Ни сном ни духом, ваше величество, – важно заявил человек. – Вчера я спрашивал во всех норах и даже в Секретном зале, но нигде не обнаружил его следы.

Королева развела руками.

– Кажется, мы ничем не можем вам помочь, – печально сказала она. – Мы тоже огорчены из-за его исчезновения. Мы верим, что на мальчике лежит Рука Небес, и он важен для нашего народа – Сни'сни'сник-суннах.

Чет опечалился. Конечно, он не очень-то рассчитывал на

помощь крышевиков, но они были его последней надеждой. Значит, остается набраться терпения и ждать. Ожидание будет мучительным.

– Спасибо, ваше величество, – ответил он королеве. – Я благодарен вам за то, что вы пришли. Вы очень добры.

Она смотрела, как он поднимается на ноги.

– Подождите секундочку. А вы не пытались искать его по запаху?

– Как искать?..

– Обнаружить его следы по запаху. – Она увидела выражение лица Чета и удивленно приподняла тоненькие, как паутинка, брови. – Разве ваш народ ничего про это не знает?

– Ну, почему же... У нас есть животные, которые вынюхивают добычу. Но я не представляю, как можно таким образом искать мальчика.

– Тогда доверьте это нам, – предложила королева и сложила свои крошечные ручки. – Как жаль, что Большой Почтенный Нос занемог! Похоже, у него лихорадка. Такое нередко случается, когда после зимних дождей появляется солнце. У него сейчас жалкий вид: покраснели и глаза, и его замечательный нос. Если бы не это, я отправила бы его с вами. Возможно, через несколько дней, когда пройдет недомогание...

Чету не понравилось, что шанс найти мальчика зависит от толстого капризного Носа, но это было хоть что-то. Он постарался принять благодарный вид.

– Ваше величество, если позволите вставить слово скром-

ному разведчику желобов... – подал голос Жуколов.

Королева оживилась.

– Скромному? Не думаю, что это слово подходит к вам, мой верный слуга.

Чету показалось, что человечек покраснел, но лицо разведчика было слишком маленьким и находилось слишком далеко, чтобы как следует разглядеть его выражение.

– Мое единственное желание – служить вашему величеству, и ничего больше, – заверил он. – Иногда, согласен, я не могу удержаться, если кто-то начинает похваляться. Какой-нибудь глупец, не достойный служить вашему величеству. Возможно, вы снова сочтете меня хвастуном, но не могу не заметить: по мнению многих, нюх Жуколова – лучший после Носа во всем Верхнем Южном Пределе.

– Да, мне приходилось слышать это, – улыбнулась королева.

Жуколов, казалось, готов был запрыгать и завизжать от радости, услышав о признании своих достоинств.

– Значит ли это, что вы готовы предложить Чету Голубому Кварцу ваши услуги? – спросила королева.

– Вы абсолютно правильно поняли, ваше величество. Парнишка поймал меня, но потом позволил уйти, что было совершенно справедливо, как вы согласитесь. У меня перед ним долг чести. Может быть, Жуколову удастся вернуть его домой целым и невредимым?

– Замечательно. Значит, вы получаете это задание. От-

правляйтесь с Четом Голубым Кварцем и выполняйте свой долг. Прощайте, дорогой фандерлинг! – закончила королева.

Она пощекотала ребра белой крысы тросточкой – та заверещала, развернулась и полезла вверх по крыше. Стражники поспешили следом.

– Благодарю, королева Башенная Летучая Мышь! – крикнул ей вслед Чет, хотя и не был уверен, что человечек ростом с фасолевый стручок сумеет помочь ему.

Королева помахала ему в ответ и скрылась за гребнем крыши. Даже такие маленькие королевы не машут на прощание кому угодно – значит, решил Чет, это был знак, что благодарность принята.

Чет повернулся к Жуколову.

– Итак... что мы будем делать?

– Отнесите меня туда, где есть какие-нибудь вещи мальчика, – предложил человечек. – Мне нужно запомнить его запах.

– У нас дома остались его рубашка и его постель. Стало быть, следует отнести вас ко мне домой. Поедете у меня на плече?

Жуколов глянул на фандерлинга как-то странно.

– Я сам сумею спуститься. У Жуколова есть свой путь. Встретимся внизу.

Увидев, что разведчик желобов оказался на мощеной дорожке раньше его, Чет несколько не удивился. Солнце сто-

яло высоко над облаками, оставался час до полудня. Чет устал, проголодался и чувствовал себя неважно.

– Вы хотите идти сами? – спросил он, стараясь быть с крышевиком деликатным.

– Я бы с радостью, если бы у нас имелось в запасе дня три, – возразил Жуколов раздраженно. – Вы предлагали мне свое плечо – ну что ж, пожалуй, я согласен.

Чет наклонился, протянул руку, и маленький человечек забрался к нему на ладонь. Это было очень щекотно. Чет посадил кроху на плечо. Только сейчас он по-настоящему осознал, каким огромным должен казаться такому существу даже этот маленький мощный дворик.

– Вам часто приходилось спускаться на землю? – спросил он крышевика.

– Совсем на землю? Да раза два, может быть, больше, – ответил Жуколов. – Я ведь не домосед, как вы. И не боюсь ни крыс, ни соколов – только кошек. Жуколова не зря зовут Лучником. Если верный лук со мной, мне никто не страшен. – Он помахал крошечным, изящно изогнутым прутиком. – А кошек нет ли в вашем доме? – На этот раз голос его звучал не так уверенно.

– Во всем Городе фандерлингов едва ли найдется хоть одна. Их съедают драконы.

– Достойное развлечение для драконов, – с важностью заявил Жуколов.

Чету стало стыдно. Крошечный человечек, возможно, был

немного хвастлив, но он из чувства долга предложил свою помощь и бесстрашно отправился в мир великанов.

Чет попробовал представить, что чувствует сейчас крышевик, и решил, что у Жуколова есть полное право вести себя чуточку самодовольно.

– Простите меня за неудачную шутку. В Городе фандерлингов, конечно, живут кошки, но не в моем доме. Моей жене они не нравятся.

– Тогда пошли, – поторопил его маленький человек. – Уже несколько веков ни один разведчик желобов не спускался под землю. Сегодня Жуколов Лучник отправится туда, куда никто не осмеливался проникнуть.

– Никто из крышевиков, вы хотите сказать? – уточнил Чет, переходя дворик в направлении ворот. – Ведь мы, фандерлинги, очень часто там бываем.

– Где ваш брат? – спросил Авин Броун. – Принц Баррик должен быть здесь.

Он говорил таким неодобрительным тоном, словно Бриони сообщила ему, что собирается передать правление Южным Пределом собранию безземельных крестьян.

– Он болен, лорд Броун. Он пришел бы, если б смог.

– Но ведь тоже регент...

– Принц заболел. Вы мне не верите?

Лорд комендант уже знал: несмотря на юный возраст и хрупкость Бриони, он не в силах выдержать ее взгляд. Броун

запустил пальцы в бороду и пробормотал что-то невнятное.

Принцесса проявила тактичность и не стала спрашивать, что он сказал.

– Хендон Толли весьма беспокоит нас, – начал Тайн Олдрич из Блушо.

Тайн был одним из немногих аристократов, приглашенных принцессой для обсуждения новостей с запада. Олдрич говорил мало, и его сдержанность часто граничила с грубостью. Но Бриони считала это свойство характера графа признаком честности. В течение многих лет это ее предположение подтверждалось, хотя она не исключала, что может и ошибаться. Никто из людей, приближенных к трону, не отличался простодушием и бесхитростностью, хотя многие пытались притворяться. Бриони постигла эту премудрость еще в детстве. Кто из вельмож позволит себе быть откровенным? В результате некоторые из родственников Бриони, чьи изображения украшали стены Портретного зала, за свою жизнь убили больше собственных придворных, чем врагов на полях сражений.

– И что же затевает мой очаровательный кузен? – поинтересовалась принцесса.

Она кивнула только что вошедшему в зал родственнику – чуть более приятному, чем другие. Это был Рорик Лонгаррен. На границах его владений в Далер-Троте уже началось открытое вторжение. Именно это отвлекло герцога от обычных занятий – игры в кости и выпивки. Он занял свое место

за столом и зевнул, прикрыв рот рукой.

– Толли заявился с толпой жалобщиков, едва вы покинули Тронный зал, – сообщил Тайн Олдрич, – и громко говорил о том, что люди стараются избегать тех, кому причинили зло.

Бриони глубоко вздохнула.

– Спасибо, граф Тайн. Я бы очень удивилась, если бы он не попытался меня очернить. То есть не меня, а нас – меня и принца Баррика. Толли прекрасные союзники во время войны, но они невыносимы в мирное время.

– А разве сейчас мирное время? – многозначительно спросил граф Блушо.

Бриони вздохнула.

– Это мы и надеемся выяснить. Лорд Броун, где же ваш капитан гвардейцев?

– Прежде чем явиться к вам, он решил принять ванну.

– Я сомневалась в его компетенции, но никогда не считала суетным щеголем, – фыркнула Бриони. – Неужели ванна важнее, чем новости о нападении на Южный Предел?

– Нужно отдать ему должное, – вмешался Броун. – Он и его люди скакали три дня, почти не останавливаясь, чтобы быстрее попасть домой. Кроме того, в ожидании окончания заседания он подробно все записал и передал мне. – Броун помахал в воздухе пачкой листков. – Капитан счел неприличным явиться к вам в рваной и грязной одежде.

– Он умеет писать? – спросила Бриони, удивленно глядя на покрытые аккуратными строчками бумаги.

– Да, ваше высочество.

– Мне говорили, что он сын фермера или что-то в этом роде, что он вырос в деревне. Где же он научился писать?

Бриони была удивлена. Это никак не вязалось с ее представлениями о капитане гвардейцев Вансене. Он стоял как столб, когда рядом лежал в крови ее мертвый брат, он позволил ударить себя, словно неживая статуя, – неужели он написал все это?

– Так он и читать умеет? – спросила принцесса.

– Думаю, умеет, ваше высочество, – ответил Броун. – А вот и он сам. Можете его спросить.

Волосы капитана еще не просохли. Он надел не форменный мундир и кольчугу, а обычное платье – судя по тому, как оно на нем сидело, позаимствованное с чужого плеча.

– Капитан Вансен, вероятно, вы принесли нам ужасную новость, если не спешите сообщить ее принцессе-регенту, – обратилась к нему Бриони, по-прежнему раздраженная.

Он не ожидал столь нелюбезной встречи.

– Простите, ваше высочество. Мне сказали, что вы пробудете в Тронном зале до вечера и не примете меня раньше. Я передал сведения лорду Броуну... – Спohватившись, что не стоит перечить монарху, Вансен опустился на одно колено. – Еще раз прошу прощения, ваше высочество. Это моя ошибка. Но пусть гнев не омрачит вашего отношения к моим людям. Они много выстрадали и проявили отчаянную храбрость, чтобы донести последние известия до Южного Пре-

дела.

«Он благороден, – подумала Бриони. – И подбородок у него хорошо очерчен – гордый подбородок. Возможно, он из тех, кто жаждет славы и почестей, и постепенно эта страсть поглотит его целиком, как случилось со знаменитым королем Бренном».

Капитан посмел просить ее не переносить свой гнев на его людей – как будто она нуждается в позволении гневаться на кого-либо. Она решила проучить этого хитрого и, несомненно, честолюбивого солдата, вообще позабыв о гневе. И если то, что сказал Броун, соответствует истине, у них есть дела поважнее.

– Мы побеседуем об этом в другой раз, капитан Вансен, – сказала она. – Сообщите нам новости.

Когда капитан гвардейцев закончил свой рассказ, Бриони показалось, будто все они вдруг превратились в героев сказки – одной из тех, что рассказывали ей в детстве.

– И вы видели эту... эту призрачную армию? – спросила она.

Вансен кивнул.

– Да, ваше высочество. Не слишком отчетливо, как я уже говорил. Там... – Он задумался. – Там все очень необычно.

– О боги! – вскричал Рорик. Он только что догадался, почему его сюда пригласили. – Они идут на мои земли! Может быть, как раз сейчас они захватывают Далер-Трот! Их нужно

остановить!

Бриони не хотелось приглашать Рорика на эту встречу, но странные события происходили недалеко от его поместья, а его невесту похитили вместе с караваном, так что принцесса должна была его позвать. Ей показалось странным, что Рорик ни разу не упомянул о дочери принца Сеттленда.

– Да, все именно так, кузен Рорик, – ответила она. – Вы, наверное, пожелаете уехать домой, чтобы руководить своими людьми и вести их в бой.

Она старалась сохранить серьезный, ровный тон, но, к своему удивлению, увидела реакцию Вансена на свои слова. Он не улыбнулся – дела не располагали к веселью, – но выражение его лица обозначало: принцесса прекрасно понимает, что Рорик не способен на столь самоотверженные поступки.

«Ах, ведь Вансен родом из тех мест. К тому же он умнее, чем я думала».

Она снова взглянула на кузена Рорика, даже не пытавшегося скрыть страх.

– Ехать туда? – запинаясь, переспросил он. – Туда, где бог знает что происходит?

– Лонгаррен прав. Он ничего не сможет сделать в одиночку, – заметил Тайн из Блушо. – Мы должны нанести ответный Удар. Нужно отбросить их назад. Если сумеречные перешли Границу Теней, мы им напомним, чьи это земли. Они должны заплатить кровью за каждую пядь, на которую посягнули...

– Но ведь мы говорим о ваших владениях, Рорик, – еще Раз напомнила Бриони, – и о ваших людях. Им редко доводится вас видеть. Неужели вы откажетесь стать их предводителем?

К ее удивлению, в разговор вмешался Броун, который всегда был невысокого мнения о Рорике.

– Куда он их поведет, ваше высочество? Ведь мы ничего не знаем. Мы отправили туда отряд, из которого вернулись немногие. Я считаю, безрассудно бросаться в бой, не выяснив ситуацию, будь то земли лорда Лонгаррена или еще кого. Не то мы выставим против захватчиков армию, и с ней случится то же самое. Люди начнут сходить с ума, потеряют ориентацию – что тогда? Страну охватит паника, и уже к весне сумеречное племя появится в стенах нашего замка. А это похуже Сианской империи, как мне представляется. Сумеречные не хотят податей. Что сказало Вансену то маленькое чудовище? Что они – кто бы они ни были – сожгут все дотла.

Только сейчас Бриони поняла степень опасности. Ей стало стыдно за презрительное поддразнивание Рорика – это было такое ребячество. Если Вансен не сумасшедший, то скоро начнется война, и против них выступят вовсе не люди. Как будто недостаточно угрозы автарка, смерти Кендрика и заточения отца! Бриони смотрела на капитана гвардейцев и при всем желании не могла усомниться в его словах. Она поняла, что приняла за простоту и тщеславие его душевную прямоту – ведь с трона трудно разглядеть столь ценное качество.

Вансен не умеет хитрить и строить козни. Он задохнулся бы в ежедневных интригах двора, словно дуб, опутанный вьющимися растениями в джунглях Ксанда. У него, наверное, нет никаких секретов.

– Вансен, – неожиданно для самой себя заговорила Бриони, – а где остальные, что вернулись вместе с вами?

– Гвардейцы собираются отправиться к своим семьям. Еще с нами пришла девушка...

– Они не должны ехать домой и общаться с другими людьми. Разговоры на эту тему следует строго запретить, иначе нам придется повоевать со страхами собственных подданных, прежде чем скрестить мечи с призрачными существами. – Она повернулась к лорду коменданту, который уже начал объяснять стражнику, кому передать приказ принцессы. – Кому еще мы расскажем всю правду?

Броун обвел взглядом зал часовни.

– Оборона замка и города – моя задача. Слава Перину, прошлым летом я отремонтировал внешнюю стену и шлюзы. Еще нам нужен Найнор, конечно, и все его люди – без них нам не подготовить армию к боевым действиям. А также граф Галлиберт, канцлер, потому что нам понадобится не только железо, но и золото, чтобы защитить свои дома. Но, ваше высочество, мы не сможем собрать армию так, чтобы никто не узнал...

– Но мы должны хранить секрет как можно дольше, – сказала Бриони и посмотрела на Ферраса Вансена. Ей показав-

лось, что он чем-то смущен. – У вас есть соображения по этому поводу, капитан?

– Если позволите, ваше высочество... Моим людям пришлось многое пережить, и им будет неприятно узнать, что нельзя уехать из замка...

– Вы оспариваете мое решение?

– Нет, ваше высочество. Но я предпочел бы сам объяснить им это.

– Вот как? – Она задумалась. – Только не сейчас. Вы мне еще понадобится.

Он хотел сказать что-то еще, и Бриони порадовалась, что у нее есть власть регента и авторитет семьи Эддонов – иначе ей пришлось бы подробно объяснять каждую свою мысль. Несмотря на угрожающую ситуацию, она все-таки испытывала некоторое удовольствие от того, что именно ей предстоит принимать решения и придворные вынуждены с ней соглашаться, что бы они ни думали.

«Помоги мне, Зория, принять правильные решения».

– Пригласите Найнора, канцлера и всех остальных, кто нам нужен, – распорядилась принцесса. – Сегодня же вечером. Мы проведем военный совет. Но не называйте так нашу встречу в присутствии посторонних.

– А как же быть с Толли? – спросил Тайн. – Хендон жаждет крови, а он все-таки брат влиятельного герцога – не важно, Жив Гейлон или мертв. С этим нельзя не считаться.

– Конечно нельзя. – Бриони понимала, что не имеет пра-

ва ошибиться. – Передайте Хендону, что я встречу с ним позже, что мы обязательно поговорим еще до ужина. Пожалуйста, я могу позволить себе подобную учтивость.

Рорик откланялся.

«Наверняка торопитесь пропустить стаканчик», – подумала Бриони.

Авин Броун и Тайн Олдрич заспорили, кого из знатных фамилий приглашать на столь важный совет, а принцесса решила размять ноги. Вансен подумал, что она уходит, и преклонил колена, прощаясь.

– Нет, капитан, – остановила его Бриони, – я еще не закончила с вами, как и предупреждала.

Обретенная власть рождала удивительное, пьянящее чувство. Девушка снова подумала о Баррике – и тотчас на нее нахлынули уныние и жалость. Впрочем, и раздражение тоже.

«Я должна дать ему возможность участвовать в событиях, – напомнила она себе. – Он имеет право».

Бриони удивилась своим мыслям. Получается, что право у брата есть, а нужды в его участии нет. Принцессе не понравились эти мысли.

– Подождите за дверями, пока я закончу с остальными, Вансен, – приказала она.

Он почтительно поклонился ей и вышел. Броун посмотрел на Бриони и удаляющегося Вансена, и одна его бровь изумленно приподнялась.

– Пока вы не ушли, любезный Олдрич... – обратилась

принцесса к Тайну, не обращая внимания на коменданта.

– Да, ваше высочество? – обернулся граф, не зная, что за этим последует.

Бриони смотрела на его знакомое лицо: подозрительные прищуренные глаза, шрам под глазом, еще один надо лбом – белая неровная полоса, лишь частично прикрытая седеющими волосами, след падения на охоте... Тайн был хорошим человеком, но очень жестким. Любые перемены он считал несчастьем. Бриони понимала, что именно сейчас ей придется совершить первый шаг в целой цепи неприятных решений.

– Теперь, когда Шасо в тюрьме, вы и лорд Броун поделили между собой его обязанности, лорд Олдрич, – сказала она.

– Я делал все, что в моих силах, ваше высочество, – ответил граф с некоторым раздражением, о чем свидетельствовала и краска на его щеках. – Но нападение из-за Границы Теней, если оно на самом деле случилось, невозможно предвидеть...

– Знаю. Я также знаю... мы с братом знаем... что вы с честью исполняли свой долг в трудные времена. Судя по всему, грядут времена еще более тяжелые.

Она сознавала, что говорит сейчас как королева или, по крайней мере, принцесса-регент.

«Неужели так происходит всегда? Неужели королевская власть похожа на разрушительную болезнь, которая заставляет тебя отдаляться от людей все дальше и дальше, хотя ты

все время находишься среди них?»

– Я хочу, чтобы вы продолжали исполнять ваши обязанности, а также приняли на себя должность главного оружейника, – заключила Бриони.

Она взглянула на Броуна, хотя не нуждалась в его одобрении, а лишь хотела увидеть его реакцию. Он смотрел на Тайна и ничем не выказывал своего отношения к решению принцессы.

Щеки графа Тайна по-прежнему пылали, но лицо прояснилось.

– Благодарю вас, ваше высочество, – поклонился он. – Постараюсь оправдать ожидания.

– Не сомневаюсь, вы справитесь. И вот вам первое задание. Мы вынуждены признать, что угроза реальна. У нас здесь несколько сотен гвардейцев – этого хватит для обороны замка, но если дело пойдет далеко, придется бросить весь город за пределами внутреннего двора на произвол судьбы. Сколько нам нужно времени, чтобы собрать достаточно большую армию?

– Можно призвать моих солдат из Блушо, – ответил Олдрич, нахмурившись. – Воины Броуна прибудут через несколько дней – возможно, через неделю. Если мы отправим гонцов в Западный Предел, к нам присоединятся отряды из Далер-Трота. Если, конечно, им удастся обойти призрачное войско. Солдаты из Марринсвока, Хелмингси и других отдаленных мест, вроде Кертуолла и Сильверсайда, появятся

здесь не раньше чем дней через двадцать, а может быть, через месяц. – Олдрич совсем помрачнел; на лице графа всегда можно было прочесть его истинные чувства. – И еще это проклятое дело с Гейлоном Толли и его братьями. Ведь самое крупное подразделение хорошо обученных солдат всегда прибывает из Саммерфильда.

– Именно этим я и займусь, – сказала Бриони. – Я считаю, что мы должны выйти навстречу призрачной армии, если она на самом деле, как сказал капитан, движется к Южному Пределу. Мы должны принять бой за стенами замка.

– Как, с неподготовленным войском? – не согласился Тайн. – Все, что нам удастся собрать в спешке, это местные отряды. Уже много лет у нас не было войн, а значит, на дюжину солдат приходится один, участвовавший в настоящем сражении, а остальные не держали в руках ничего острее мотыги.

– Мы должны проверить их силы. И свои тоже, – твердо стояла на своем Бриони. – Нам ничего не известно о враге. Если они возьмут город в осаду, будет очень сложно получить подкрепление из дальних Пределов. Тогда нам останется одно: перевозить грузы и людей по воде и дожидаться помощи, – Она повернулась к Авину Броуну: – А вы как считаете?

Броун кивнул и принялся задумчиво подергивать бороду.

– Согласен, мы не должны ждать, когда враг подойдет к городу. С другой стороны, мы не знаем, что именно они со-

бираются делать. Возможно, сначала они направятся в пограничные королевства. Не исключено, что им просто нужно отодвинуть Границу Теней, а потом остаться там, где они и жили.

– Мы не можем на это рассчитывать, – ответила ему Бриони. – Едва ли они вывели из-за Границы Теней целую армию только ради того, чтобы сжечь несколько полей и амбаров.

Она сама удивлялась, как у нее получается рассуждать обо всем так спокойно. Ведь погибли люди. Страна жила в мире, сколько помнила себя Бриони, а сумеречное племя не показывалось уже много-много лет. Почему все это свалилось именно на нее?

– Я согласен, – сдался Броун. – Мы немедленно начнем собирать армию, ваше высочество. Все остальные вопросы обсудим на совете сегодня вечером.

– Тогда отправляйтесь, Тайн, и действуйте, – сказала она. – Может быть, я прошу невозможного, но сделайте так, чтобы ваши гонцы выезжали незаметно и передавали послания лично в руки землевладельцу или мэру. И пусть они ни в коем случае не болтают в трактирах. Предупредите, что если они проболтаются, то проведут многие годы в темнице рядом с Шасо.

– Это не заставит их молчать, – возразил Тайн. – Некоторые готовы рисковать свободой, чтобы предупредить свои семьи.

– Конечно не заставит, но немного сдержит. Кроме того,

мы не допустим, чтобы гонцы знали больше того, что требуется. – Она знаком позвала стоявшего в дверях молодого паж. Он шел к ней нерешительно, словно кошка по мокрому полу. – Позови Найнора, – приказала Бриони, а когда паж ушел, продолжила: – Я отправлю все письма с моей личной печатью.

– Очень хорошо, – согласился граф Блушо. – Тогда они не смогут сослаться на то, что не поняли важности сообщения или что гонец плохо им объяснил.

– Займитесь этим, пожалуйста, а также подготовьтесь к сегодняшнему совету. Да, и позовите ко мне Вансена.

И снова Броун удивленно приподнял брови.

– Не будьте с ним слишком строги, ваше высочество, прошу вас, – проговорил комендант. – Он хороший человек.

– Я поступлю с ним так, как он того заслуживает, – пообещала Бриони.

Чету удалось ловко пробраться домой самыми безлюдными улочками Города фандерлингов. Никто не встретился им на пути, и никому не пришлось объяснять, откуда у фандерлинга на плече человек размером с палец. Разве мог он позволить себе болтать с каждым встречным?

– Ты нашел его? – спросила Опал. Ее покрасневшие глаза широко раскрылись от удивления, когда она заметила Жуколова. – О великие предки! А это что такое?

– Не «что», а «кто», Опал, – возразил ей муж. – Кремня

я пока не нашел. Но ищу.

Маленький человечек поднялся на ноги, снял с головы шляпу из крысиной кожи и поклонился.

– Жуколов Лучник, высокородная, высокорослая госпожа. Командир отряда разведчиков желобов, находящегося под патронажем ее величества королевы Башенной Летучей Мыши. Прибыл для участия в поисках потерявшегося мальчика.

– Он пришел помочь нам, – пояснил Чет.

Эта сцена показалась ему уже просто смешной, до того он устал и потерял всякую надежду. Опал, впервые увидевшая крышевика, от удивления почти забыла, зачем этот малыш явился в их дом.

– Ты только посмотри! – воскликнула она. – Он просто великолепен! – Опал протянула руку, словно перед ней была забавная игрушка, но вовремя вспомнила о приличиях. – Ой! А меня зовут Опал. Добро пожаловать в наш дом. Не хотите чего-нибудь выпить или перекусить? Простите, я очень мало знаю о... о крышевиках.

– Нет, госпожа, сейчас ничего не нужно, но все равно я вас благодарю. – Жуколов подергал Чета за мочку уха. – Мне представляется, что лучше бы спуститься на пол. Запах – вещь весьма ненадежная. Исчезает, словно звезды при восходе солнца.

– Он хочет понюхать рубашку Кремня, – пояснил Чет. Нужно было бы объяснить подробнее, но Чет ничего не

приходило в голову.

Однако Опал сама поняла.

– Позвольте, я вас отнесу. Стыдно признаться, но я еще не подметала пол. – Она протянула руку, и Жуколов перебрался на ее ладонь. – Вас на самом деле прислала королева? А как она выглядит? Она старая или молодая? Она красива?

– Отважная, как галка, и невероятно красивая, – с глубоким чувством ответил Жуколов. – Волосы у нее мягкие, как шкурка новорожденной мышки. – Он кашлянул, чтобы скрыть смущение. – А мы ее специальный отряд, разведчики желобов. Глаза и уши королевы. Нам оказана величайшая честь.

– Мы очень признательны, что королева и нам оказывает честь, помогая в нашей беде, – ответила Опал, поднося чашечку к постели Кремня.

Чет только удивлялся, насколько у жены все получалось лучше, чем у него.

– Что вам теперь нужно? – предупредительно спросила Опал крышевика.

– Вон тот большой кусок прекрасной ткани – уж не его ли это одежда? – поинтересовался разведчик желобов. – Спустите вы меня, госпожа, я попробую унюхать, что смогу.

Жуколов пробежал по складкам рубашки, опустился на колени и прижался лицом к рукаву, потом пополз вдоль него, принюхиваясь, как собака. Наконец он поднялся на ноги, закрыл глаза и замер на некоторое время.

– Кажется, запомнил, – объявил он. – Нетрудно было это проделать, поскольку приходилось чувствовать мне запах, когда встречались с мальчиком на крыше. К тому же запах не совсем обычный. – Он снова открыл глаза, посмотрел на Опал и Чета, потоптался ножками по рубашке. – Простите, если прозвучат мои слова для вас не так приятно, но запах тот отличен очень сильно от вас обоих.

– Ничего неприятного, – ответил Чет, едва не рассмеявшись. – Он не родной наш ребенок. Мы его нашли и привели в свой дом.

Жуколов важно кивнул.

– И обнаружили его вы в странном месте – верно?

– Да, – ответила несколько растерянная Опал. – А как вы узнали?

– Тот запах так похож на предков нашего племени. – Жуколов повернулся к Чету. – Не вы ли понесете меня?

– Понесу?..

– По следу. Здесь слишком много запахов его. Пройдем туда, где свежий воздух есть, ведь даже в тех сырых пещерах такое место быть должно, так думается мне.

Чет снова осторожно усадил человечка себе на плечо. Он очень устал, но все-таки лучше было что-то делать, чем просто ждать.

– Ты идешь с нами, Опал? – спросил он жену.

– А кто тогда встретит мальчика здесь, если он вернется? – возмущенно отозвалась Опал, словно Кремень отпра-

вился с другими мальчишками ловить мокриц и вот-вот вернется. – Ты, Чет Голубой Кварц, отправишься с Жуколовом и поможешь ему обнюхать все, что можно. Ты найдешь нашего мальчика.

Опал повернулась к Жуколову и исполнила какой-то странный ритуал учтивости, приподняв свой передник за край. Она даже улыбнулась ему, что далось ей совсем непросто, и Чет подумал: ведь она тоже провела полную тревоги и опасений бессонную ночь.

– Мы благодарны вам и вашей королеве, – сказала она.

На прощание Чет поцеловал жену. Сколько прошло времени с тех пор, как он делал это в последний раз?.. Он не удержался и оглянулся, выходя за дверь, но сразу пожалел об этом. Опал стояла посреди комнаты, потирая руки и беспомощно оглядываясь, словно искала что-то. Теперь, когда гость ушел, лицо ее снова приняло скорбное выражение. Это было лицо незнакомой старой женщины. Впервые за долгие годы Чет вспомнил ту хорошенькую молоденькую девушку, за которой когда-то ухаживал.

Капитан Феррас Вансен вернулся в часовню с видом осужденного преступника, отважно идущего на эшафот. Бриони подумала, что он сейчас напоминал лик Перина, изображенный на фреске над дверями. На этой картине могущественный бог передавал власть над реками и морями своему брату Эривору. Застывшее лицо небесного божества было испол-

нено мужественной красоты. Вансен, казавшийся принцессе привлекательным, выглядел таким же окаменевшим.

Он опустился перед ней на колени и склонил голову на грудь. Почти просохшие волосы чуть завивались на концах. Неожиданно для самой себя Бриони почувствовала, как ее переполняет нежность к этому человеку: ее тронула беззащитность его склоненной головы. Вансен поднял на принцессу взгляд, чем смутил ее окончательно, и все добрые чувства мгновенно смыла горячая волна гнева.

– Могу я говорить, ваше высочество? – спросил капитан.

– Говорите.

– Что бы вы ни думали обо мне лично, принцесса, умоляю не держать зла на людей, которых я водил в поход. Они прекрасные солдаты, испытавшие такое, чего не приходилось ни видеть, ни слышать никому до них. Накажите меня, если хотите, но не трогайте их, умоляю.

– Вы несколько самонадеянны, капитан Вансен.

– Почему, ваше высочество? – несказанно удивился он.

– Потому что вообразили, будто вам вменяется в вину страшное преступление и вы должны быть наказаны. Вам представляется, что это преступление сродни тому, что совершил Купилос, и вас теперь следует привязать к столбу, дабы вороны вечно клевали ваше тело. Однако, насколько я могу судить, вы всего лишь солдат, плохо исполнивший свои обязанности.

– Но ведь погиб ваш брат.

– Верно. Я не забыла это. Но я не настолько наивна, чтобы думать, будто кто-то другой сумел бы предотвратить это несчастье. – Бриони помолчала, пристально глядя на молодого человека. – Вы считаете меня глупой, капитан Вансен?

– Нет, ваше высочество...

– Прекрасно. Теперь у нас появилась отправная точка. Я тоже не считаю себя душой. Так что перейдем к более важным вопросам. Вы не сумасшедший, капитан Вансен?

Он не ожидал ничего подобного, и Бриони стало немного стыдно за себя. Но в нынешние времена нельзя быть доброй, нельзя уступать, иначе это примут за слабость. Нельзя допустить, чтобы в замке начали шептаться, будто беда пришла оттого, что ими правит женщина.

– Вы думаете, что... – начал Феррас.

– Я спросила, не сумасшедший ли вы, капитан Вансен, – повторила принцесса. – Ваш рассудок не пострадал? Вполне понятный, на мой взгляд, вопрос.

– Нет, принцесса, насколько я могу судить.

– Если вы не лжец и не предатель, чего нельзя пока полностью исключить, мы должны признать, что все вами виденное и слышанное произошло на самом деле. Иными словами, угроза реальна. Теперь давайте обсудим, почему ваше самоуверенное желание считать себя важной персоной, достойной наказания, не может быть удовлетворено.

– Но, госпожа...

– Молчите, – отрезала Бриони. – Я задала еще не все во-

просы, капитан Вансен. Из вашего рассказа следует, что сумеречная магия действует на разных людей неодинаково. Вы говорили, что одни теряют представление о реальности и поддаются под действие чар, а другие – нет. Вы оказались среди тех, на кого чары не действуют. Верно?

– Если только совсем чуть-чуть, ваше высочество, насколько я могу судить.

Он смотрел на нее с почтением и удивлением. Почтение было ей приятно, удивление – не очень.

– Следовательно, – продолжала она, – будет глупо выставить против чар и колдовства обычных хорошо вооруженных солдат. Мы нуждаемся в чем-то более могущественном, чем сильная армия и отважные сердца. Так ведь?

– Я... я понимаю вашу мысль.

– Следующий вопрос. Заметили ли вы что-нибудь особенное, какие-нибудь тонкости, объясняющие, почему не все в равной мере поддаются воздействию Границы Теней?

– Нет, ваше высочество. Коллум Дайер, один из самых доверенных и разумных моих солдат, очень легко поддался чарам, но другой человек, во многом являющийся противоположностью Коллума, остался невредим.

– Таким образом, мы не сможем выяснить, кто поддается колдовству, пока оно не начнет действовать, – сделала вывод Бриони.

Она нахмурилась, покусывая губы.

Вансен смотрел на нее, стараясь ничем не выдать своих

истинных чувств. И на этот раз ему удалось запереть их глубоко в сердце.

А принцесса тем временем гадала, что скрывает от нее этот странный капитан. Раздражение? Страх? Она продолжила:

– И все же, как бы вы ни относились к тому человеку, не поддавшемуся магии, он должен сыграть свою роль в подготовке битвы со столь необычным врагом. И ему, и всем другим, кто не пострадал от чар. Этого солдата и остальных выживших следует произвести в капитаны.

– Михаэль Саутстед – капитан? – переспросил Вансен с досадой.

– Поскольку он не самый подлый негодяй и преступник в мире, его ясная голова для нас важнее многих других. Если бы король Англии Великий поднялся из могилы и возглавил нашу армию, но пал жертвой колдовства, ваш Саутстед оказался бы нам полезнее. Неужели вам это не понятно?

– Все понятно. – Он коротко кивнул. – Вы абсолютно правы, ваше высочество.

– Прекрасно, капитан. Мы еще не знаем, где нам придется сражаться. Может быть, это произойдет в холмах Далер-Трота, когда мы попытаемся не допустить врагов к нашим городам. Но не исключено, что мы не сможем их задержать и они придут к стенам Южного Предела. Вы единственные люди, кто их видел и сумел вернуться, а потому вы должны бросить все силы на подготовку достойного отпора. Не скажу,

что мне это приятно, но вы мне нужны не меньше, чем Брун, Найнор и Тайн Олдрич. Дело об убийстве моего брата еще не закрыто, но я выброшу его из головы до лучших времен, и вам советую сделать то же. А если вы будете хорошо служить мне... служить Южному Пределу... тогда это дело будет вычеркнуто из памяти.

– Я сделаю все, о чем вы просите, ваше высочество.

На лице капитана гвардейцев появилось выражение, которого она никак не могла понять, – одновременно вдохновенное и страдальческое. Теперь он казался персонажем совсем другой фрески.

«Ты очень странный, Феррас Вансен, – подумала она. – Возможно, я ошибалась, полагая, что у такого человека не бывает секретов».

– Что ж, идите. Соберите ваших спутников. Позаботьтесь, чтобы их накормили и устроили, но ни при каких обстоятельствах не позволяйте им уезжать. Завтра утром я поговорю с каждым из них.

– Все будет исполнено, ваше высочество. – Он поднялся, но не ушел. – Принцесса Бриони?..

– Говорите.

– Со мной пришла девушка, я вам говорил.

– И что? – Принцессу охватило раздражение. – Мы не можем позволить ей уйти, даже если она сумасшедшая и калекка. Мне очень жаль. Устройте ее получше. – Она сузила глаза. – У вас к ней нежные чувства?

– Нет!

Вансен вспыхнул, и Бриони сразу почувствовала, что задела болезненное место. Но это открытие лишь огорчило ее – она сама не знала почему.

– Нет, ваше высочество, – сказал капитан. – Скорее чувство ответственности. Она как ребенок и доверяет мне. Хотя она поддалась чарам и заблудилась за Границей Теней, как Дайер и остальные, но она сумела отыскать дорогу обратно. Такое впечатление, будто она пребывает между двумя мирами...

– У нас нет ни времени, ни терпения вникать в проблемы несчастной женщины, – ответила принцесса. – Если магия подействовала на нее и смутила разум, она для нас бесполезна. Устройте ее и приведите ко мне остальных в десять часов утра.

Вансен поклонился и ушел. Теперь он напоминал не столько приговоренного к смерти, сколько человека, который обнаружил, что все его палачи вдруг свалились в лихорадке.

Бриони долго сидела одна. Мысли проносились в ее голове, словно тучи, несомые ветром. Оставался час до совета, и на нем ей придется встретиться с влиятельными людьми королевства и обсудить план войны. Бриони собиралась пойти к Утте – девушке были необходимы мудрость и спокойствие, какими обладала служительница Зорин. Но другая встреча была важнее. Какие бы чувства ни обуревали Бриони, ка-

кие бы страхи ни держали Баррика мертвой хваткой, сегодня нельзя явиться на совет без брата-близнеца.

Ясаммез, гроза Трепещущей равнины, стояла на холме у самой кромки леса, рассматривая долину и город, раскинувшийся на берегах реки. Солнце уже скрылось за гребнем холмов, и по всей долине зажглись фонари, хотя до заката оставалось еще не меньше часа.

Ясаммез оглянулась и унеслась мыслями обратно за Границу Теней. Мантия из тумана – паутина, сплетенная из древних заклятий, недоступная человеческому разуму и защищавшая ее армию, – достигла предельной величины и скоро начнет истончаться. Ясаммез знала, что за эти поля защитную паутину не протянуть и дальше придется передвигаться под ярким солнцем или под ясными звездами. Вот почему она ждала ночи.

На груди Ясаммез раскаленным углем сияла Печать войны. Тяжесть ее вселяла уверенность и ужас. Год за годом дожидалась Ясаммез этого часа. Что бы ни выпало на ее долю теперь, она не изменит своего решения и не повернет назад. Конечно, многие погибнут. Война унесет жизни ее солдат. Как и все воители, какими бы свирепыми они ни были, Ясаммез тяжело переживала смерть своих воинов.

Она пошла вдоль холма. И, хотя доспехи Ясаммез были покрыты шипами, а деревья росли близко друг к другу, двигалась она абсолютно бесшумно.

В лесу на вершине холма собралось ее воинство. Теперь, когда мантия стала тоньше, их глаза сияли в сгущающейся темноте, словно звезды на ночном небе. Они смотрели на предводительницу. Никто не разводил костров. Возможно, когда леди Дикобраз лучше узнает своих солнцелюбивых противников, она сочтет разумным разжигать костры на холмах и в долинах. Пусть враги считают эти огоньки, пусть кровь холодеет в их жилах... Но не этой ночью. Сегодня войско свалится на их головы как гром среди ясного неба.

Ее походный шатер был соткан из тишины и плотного тумана. Несколько капитанов поджидали повелительницу в просторном помещении. Они сидели вокруг ее пустого шлема, излучающего неяркое фиолетовое сияние, словно матери-шептуньи над Великим Яйцом.

Ясаммез почувствовала искушение разогнать их всех: перед началом боя, перед кровопролитием, она всегда оставалась на некоторое время в тишине наедине с собой. Однако сейчас необходимо решить несколько важных вопросов и выполнить некоторые неприятные обязательные формальности.

Утреннее Око из племени Изменчивых также ждала Ясаммез. Она проделала долгий путь, и ее обнаженная грудь вздымалась.

– С чем ты пришла ко мне? – спросила Ясаммез.

– Они точно такие, как выглядят, правда стали в тысячу раз хитрее, чем раньше. В городе имеется небольшой гар-

низон. Есть еще маленькие отряды вооруженных воинов в крупных домах. Кроме того, арсенал – оружия хватит, чтобы вооружить еще отряд, когда это потребуется.

– Арсенал полон?

– Да. Копья и шлемы, луки, доспехи – их еще не раздавали, – ответила Утреннее Око, кивая безволосой головой. – Они не ждут нас.

Ясаммез ничего не ответила, не показала, что довольна услышанным. Легкая победа создает, конечно, определенные проблемы, зато ее войско не прольет много крови. Ей удалось собрать большую армию, но все же смертные, расселившиеся по их бывшим землям, намного превосходили их числом. Она очень рассчитывала на внезапность и ужас – они должны десятикратно увеличить ее силы.

– Молотоход из первозданных глубин! – призвала Ясаммез.

– Я здесь, госпожа.

– Давно не приходилось нам выступать против людей и завоевывать их крепости. Когда селение охватит огонь, возьми с собой нескольких подчиненных, пусть разрушат стены. Внимательно изучи строения. Это всего лишь обычный город, но вдруг мы найдем здесь что-нибудь такое, что поможет нам в битве за Древнее место.

– Слушаюсь, госпожа.

Она повернулась к Джаиру, самому доверенному командиру. Ненадолго их сознания соединились. По сравнению с

ней, да и со многими присутствовавшими Джаир был подростком, но яростью и хитростью он уступал только самой Ясаммез. Она почувствовала его холодную решимость и осталась довольна. Потом заговорила так, чтобы могли слышать и остальные:

– Мы подождем город и уничтожим людей. Однако я хочу, чтобы многие смогли бежать.

Она помолчала, наблюдая, какую реакцию производят ее слова, и добавила:

– Желательно, чтобы это были женщины и дети.

– Но зачем, госпожа? – спросил непреклонный Камень, испуская сияние. – К чему проявлять милосердие? Они не жалели нас, когда обнаружили один из наших городов в последнюю войну: они сожгли его и добились дубинками рыдавших детей, что пытались вырваться из пламени.

– Это не милосердие. Всем известно: я, как никто другой, не знаю жалости, когда дело касается солнцепоклонников. Я просто хочу, чтобы известие о случившемся распространилось как можно быстрее. Пусть их сердца наполнятся ужасом. А женщины и дети, которым мы позволим уйти, не смогут поднять на нас оружие, в отличие от мужчин. Зато в осажденных городах их придется кормить и поить, а значит, на них будут тратиться припасы защитников. – Она достала Белый Огонь из ножен и положила рядом со своим шлемом. В шатре не было огня, но сияние меча давало достаточно света. – Мы не проливали кровь смертных с тех пор, как отсту-

пили за Границу Теней. Теперь все иначе. Пусть Книга великих печалей хранит память об этом часе даже после конца света.

Она подняла руку и призвала:

– Пойте со мной, пойте в честь нашего народа! Мы должны восславить слепого короля и спящую королеву и поклясться в верности Стеклоному договору – да, мы поклянемся все вместе. А потом возьмем огонь. И да убоятся наши враги!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Огонь

... И был Перин среди них, и услышал он плач людской, и рассказали они ему, не зная, кто он такой, что страшный зверь преследует их, и улыбнулся Перин, и погладил свой молот, и велел им не бояться...

Из «Компендиума прописных истин». Книга Тригона

27. КЕНДЛІСТОН

СКАЗКА ВРЕМЕН

Перевернутая страница – страница огня.

Черепаша лижет обожженные лапы

И смотрит во тьму.

Из «Оракулов падающих костей»

Баррик знал, что необходимо сосредоточиться. Он не сомневался в том, что все происходящее крайне важно, хотя и невероятно. Сестра хотела, чтобы он помог ей нести часть их общего груза. Однако он не знал, сможет ли это сделать.

И все из-за снов, из-за его мучительных кошмаров. Они разрушали его, как океан разрушал дорогу к замку – людям

приходилось непрерывно ее ремонтировать. Иногда юноша совсем забывал, каково это: быть просто принцем Барриком. Он просыпался среди ночи и обнаруживал, что он скребется в дверь своей комнаты, которую слуги запирали снаружи, чтобы Баррик не ходил во сне. В другие ночи он вскакивал с постели в ужасе, почти уверенный, что превратился в какое-то иное существо. Он сидел в темноте и медленно ощупывал себя – сначала ноги и руки, потом с трепетом переходил к лицу, боясь обнаружить свидетельства того, что стал одним из персонажей собственных отвратительных видений. Баррик часто видел во сне, что он окружен существами без лиц. Они хотели лишиться его свободы или убить, но он справлялся с ними первым. Всякий раз принц просыпался в холодном поту, задыхаясь от ужаса: лишь бы не стать безжалостным чудовищем из няниных сказок, способным изменяться по своей воле. Баррик боялся, что шея монстра, которую он сжимал во сне, чтобы защитить себя, может оказаться шеей живого человека, знакомого и даже любимого.

Для него почти не было разницы между ночными кошмарами и полубезумным бодрствованием. Прошлой ночью он проснулся в предрассветный час от звучащего в ушах голоса: совсем рядом кто-то разговаривал, хотя в комнате не было никого, кроме мирно посапывающего пажа.

– Нам больше не нужна мантия, – сказал этот кто-то. Голос был женский, властный и холодный. Он доносился не из сна, а звенел в голове. От этого звука, от его близости Бар-

рик застонал.

– Мы сметем их, как огонь. Они станут бояться нас и при дневном свете, как бояться в темноте...

– Принц Баррик? – позвал его другой, грубоватый голос. Кто-то пытался привлечь его внимание – в реальности, не в кошмаре. Принц потряс головой, чтобы очнуться.

– Принц Баррик, мы вам очень благодарны за то, что вы сумели сюда прийти. Подать вам вина? – Авин Броун неуклюже пытался намекнуть принцу-регенту, что тот не слушает.

– Ты снова заболел? – шепотом спросила Бриони.

– Нет, я в порядке. Просто у меня... лихорадка. Я плохо сплю.

Баррик глубоко вздохнул, освобождаясь от ненужных мыслей, и попытался сосредоточиться на том, что обсуждали вокруг него. Ему хотелось выглядеть достойно рядом со своей сестрой.

– Но почему эти сумеречные чудовища идут на нас? Почему именно сейчас? – спросил он.

– Мы ничего не знаем наверняка, ваше высочество, – ответил капитан Вансен.

Он был единственным из участников совета, кто сохранял самообладание.

Баррик не понимал, что он за человек. Гнев Бриони был вполне оправдан: допустить убийство принца в его собственной опочивальне... Это можно назвать только разгильдяй-

ством. При старом короле Остине его голова давно бы уже украшала ворота Василиска. Но теперь Бриони обращается с ним, как с ценным советником. Баррик смутно припоминал, что Бриони говорила ему об этом по дороге на совет, но тогда голова принца гудела от усилий, потраченных на то, чтобы встать с постели и одеться. – Это существо кое-что сообщило о предводителе армии, идущей сжечь наши дома, – продолжил Вансен. – Как ни удивительно, но это женщина. «Она несет белый огонь. Сожжет ваши дома дотла» – вот его слова. Но не исключено, что он плохо владеет нашим языком...

У Баррика по спине побежали мурашки. Сообщение Вансена напомнило ему о холодном женском голосе во мраке. Он уже готов был сказать об этом, но вид каменных лиц, на которых застыло выражение сомнения, остановил Баррика. Они тут же начнут шептать друг другу: «Принц выдумывает. У него не в порядке с головой». Не следовало доверять свою тайну Бриони. Слава богам, он не выдал ей всего, а самое невероятное сохранил в секрете.

– Почему же это не может быть женщина? – спросила Бриони.

Баррик видел, как изменилась сестра. Казалось, она выросла и окрепла, а он, наоборот, с каждым днем становился все меньше и беспомощнее.

– Разве королева Лили, внучка Англина, не возглавила войско против серых отрядов? И если сумеречное племя ведет женщина, разве нам не о чем волноваться?

– Нет, ваше высочество, конечно нет, – ответил Вансен и покраснел.

Баррик предположил, что капитан пытается скрыть гнев.

– Принцесса затронула важный вопрос, – на удивление будничным голосом произнес старый Стеффанс Найнор.

Кажется, смотритель замка отбросил свою обычную льстивую учтивость и принял требования нового тревожного времени.

«О небеса! – мысленно вскричал Баррик. – Неужели я проспал сто лет? Неужели весь мир изменился?»

На миг ему показалось, будто стены замка рушатся и он падает, кувыряясь в воздухе. Баррик прикусил язык, чтобы вернуться к реальности, и боль заставила его снова услышать речь Найнора:

– ... Не исключено, что они лишь пробуют свои силы – совершат один-два набега и вернутся за Границу Теней.

– Вы выдаете желаемое за действительное, – заявил Тайн из Блушо. – Если Вансен не ошибается, это вовсе не набег. Они вывели против нас огромное войско. Такая армия не покинет поле боя, пока не завершит битву.

– Но почему все напасти достаются мне? – спросил герцог Рорик. – Сначала они похитили мою невесту и ее великолепное приданое, а теперь собираются разорить мои земли. Я ведь ничем не обижал их!

– Случайность, мой господин. Это самое правдоподобное объяснение, – сказал Вансен.

Он смотрел на герцога спокойным оценивающим взглядом, и Баррику показалось, что капитан гвардейцев невысоко ставит этого человека.

«Но ведь Вансен родился в долинах – так ведь? Значит, Рорик – его господин».

Мысль, что вассал не испытывает к сюзерену безусловно-го уважения, была для Баррика совершенно новой и неожиданной. Все детство Баррик пренебрежительно относился к правилам, но ему ни разу не пришла в голову мысль, что и другие люди могут считать исстари заведенный порядок далеким от совершенства.

– Случайность? – переспросила Бриони.

– Когда я находился в... за Границей Теней, ваше высочество, – – пояснил капитан, – это напоминало падение в бурную реку, хотя на меня она действовала не так сильно, как на остальных. Но само время и... даже пространство там разные в разных местах. Очень похоже на то, как человек, влекомый потоком, то погружается в него, то всплывает на поверхность, то попадает в водоворот, а потом ударяется о камни.

– О чем вы говорите? – не понял Броун. – О какой случайности?

Только сейчас Вансен понял, что все смотрят на него.

– Простите меня, я всего лишь солдат, – сказал он, снова краснея, и опустил голову.

– Говорите, – приказала принцесса.

В голосе Бриони появилось что-то странное. И Баррик снова куда-то поплыл, словно попал в ту реку, о которой только что говорил Вансен, и его понесло течением – прочь от знакомой жизни.

– Вы находитесь здесь как раз потому, что видели то, чего никто из нас не видел, капитан Вансен. Говорите, – вновь велела Бриони.

– Я хотел сказать... Меня очень удивило, что с такой огромной армией они направились в королевства Пределов через Далер-Трот. Я там родился, поэтому хорошо знаю те места. Там мало больших городов: Дейл-Хаус и Кендлстон, еще Хоксхилл. Все остальное – мелкие фермы на холмах, несколько хуторов побольше да редкие деревеньки. Если они решили выступить против нас, а именно так я считаю, то почему начали так издалека? Даже если они не знают, что я и мои гвардейцы выследили их, и надеются застать нас врасплох – почему они позволили людям убежать и распространить слухи о нашествии, тем самым давая нам возможность подготовиться? Если бы они вышли из-за Границы Теней в холмах Восточного Предела, они были бы уже здесь... Тогда мы бы сейчас не совещались, а уже бились с ними.

– Это измена! – вскричал Рорик. – Кто этот ничтожный солдат, чтобы говорить нам такое? Вы считаете, что нам их не победить?

– Нет, мой господин. – Вансен стиснул зубы. Он не смотрел на Рорика, но явно не боялся герцога. – Нет. Но я видел

их своими глазами: они собрали несметные силы. Приди они в Южный Предел ночью, город тотчас охватили бы паника и смятение.

– Что конкретно вы пытаетесь нам объяснить, капитан Вансен? – спросила его Бриони.

– Что в землях сумеречного племени бывают приливы и отливы. – Взглядом Вансен умолял понять его. – Вероятно, они прошли в том единственном месте, где это было возможно. Трудно объяснить, что я имею в виду, мне не хватает слов...

– Возможно, капитан прав, – сказал граф Гован, в чьем поместье в Хелмингси имелся хоть и маленький, но настоящий военно-морской флот. Гован всегда сохранял такой вид, словно он принимает участие в споре исключительно ради удовольствия. – Но ведь может оказаться, что Южный Предел их вовсе не интересует, а ваши гоблины – всего лишь банда грабителей. Тогда или вы ошибаетесь, или их путь лежит дальше на юг – в Сиан, например. Ведь войска Эона, воевавшие против них в давние времена, возглавлял король Сиана Карал. Возможно, они хотят отомстить.

Баррик почувствовал, что напряжение за столом спало. Участники совета согласно кивали.

– Нет, – сказал Баррик. – Им нужен именно Южный Предел. Когда-то они здесь жили.

Он так долго не подавал голоса, что советники очень удивились, когда принц заговорил.

– Это старая история, – помедлив, возразил Броун. – Не уверен, что она правдива, ваше высочество...

Но Баррик знал, что это правда. Сейчас у него было такое ощущение, словно он проснулся холодным пасмурным днем и почувствовал, что вот-вот пойдет дождь. Но объяснить, почему он так считает, принц не мог.

– Не просто история, – настаивал он. – Они когда-то здесь жили.

Старый Найнор откашлялся и добавил:

– Действительно... Под замком на очень большой глубине лежат камни, которые являются частью какого-то старинного укрепления.

– Люди поселились здесь давно, еще до короля Англина, – уточнил Тайн. – А фандерлинги жили на наших землях еще до того, как сюда пришли люди. Это все знают.

– Но это к делу не относится, – вмешалась Бриони. – И мы никак не можем быть уверены, что сумеречное племя пойдет в Сиан мстить потомкам короля Карала. Сейчас они на нашей земле. Каждая ферма Далер-Трота – часть Пределов. А Рорик – их сеньор, и он должен защищать свой народ и свои земли. Долг короны Южного Предела – помогать ему.

Герцог Рорик откинул локон со лба. Ради столь значительного события, как военный совет, он пошел на уступки: его великолепно сшитый костюм был лишен любого рода излишеств. И все же герцог больше походил не на воина, а на павлина.

– И что вы планируете делать, ваше высочество? – спросил Рорик.

Он посмотрел на присутствующих и с горечью заметил: они рады, что его земли, а не их имения подверглись нападению.

– Мы будем драться, – заявила Бриони. Тут она вспомнила про брата и повернулась к нему с еле заметной смущенной улыбкой, которую заметил лишь он один. – Если ты, конечно, согласен.

– Конечно, – ответил Баррик. Ему вдруг пришла в голову мысль, простая и приятная по сравнению с донимавшими его жуткими видениями. – Мы будем драться.

– Тогда нужно заканчивать приготовления, – сказала принцесса. – Лорд Броун, лорд Олдрич, действуйте, как мы договорились раньше. Мы выведем армию на поле боя прямо сейчас. Хотя бы для того, чтобы проверить силы.

Авин Броун и Тайн молча кивнули – солидные люди с серьезными обязанностями.

– А я поведу ее, – объявил. Баррик.

– Что? – Бриони отшатнулась от брата, словно тот ее ударил.

Баррик остался доволен произведенным эффектом. Он знал, что сестра привыкла принимать решения без него, и часть его Души, пусть маленькая, чувствовала себя обиженной. Отныне все изменится.

– Но, Баррик, ты только что перенес тяжелую болезнь!.. –

воскликнула Бриони.

Авин Броун стукнул по столу обеими руками, потом скрестил их под камзолом, словно боялся, что они выдадут его.

– Вы не можете так рисковать, ваше высочество... – начал он.

Баррик не дал ему закончить.

– Я не глупец, лорд Броун. Я не предполагаю, что смогу в одиночку изгнать сумеречное племя. Знаю, вы считаете меня упрямым малолетним калекой. Но я все равно поведу наше войско, хотя бы ради символа. Серебряный волк Англина должен присутствовать на поле брани, иначе никак нельзя. – Блестящая идея, которая казалась столь ясной и очевидной, теперь несколько потускнела, но принц не отступал. – Тут уже сказали, что Рорик обязан показать, как аристократы защищают свои земли. Всем прекрасно известно, что народ Южного Предела напуган ужасными событиями: наш отец в плену, Кендрика убили. Если Вансен прав, приближаются еще более страшные времена – война с неизвестными существами. Народ должен видеть, что Эддоны готовы защитить его. В конце концов, регентов двое, а это непозволительная роскошь. Один из нас отправится на поле боя.

– А если тебя убьют? – выговорила Бриони.

Она так рассердилась, что едва не лишилась дара речи. Но от этого Баррик еще больше утвердился в своем решении.

– Я же говорил, сестренка, что я не глупец, – сказал он. – Когда король Ландер в Унылой Пустоши надел отцовскую

корону и выступил против сумеречного племени, разве он сражался в первых рядах и участвовал в рукопашной? Но его помнят благодаря той великой победе. Люди почитают его имя...

Он слишком поздно сообразил, что сморозил глупость и его могут понять превратно. Так и вышло.

– Это не совсем подходящий случай для молодого человека, чтобы прославить свое имя, – сердито объявил Тайн Олдрич. – Да простят меня ваши высочества, я не могу спокойно стоять в стороне, когда судьбу людей и земель подвергают опасности ради репутации.

Теперь рассердился и Баррик, но только на себя. Он не мог объяснить (хотя сам это понимал), что им движет не жажда славы, а желание избавиться от проблемы. Он вдохнет чистый воздух битвы, где не нужно бояться своего гнева и надвигающегося сумасшествия. А если он погибнет, то избавится и от жутких снов, и от своего вечного страха.

– Я прекрасно сознаю всю серьезность того, что нам предстоит, лорд Блушо, – ответил он новоиспеченному главному оружейнику. – Во всяком случае, вполне могу себе это представить. И я знаю свои недостатки. Вы хотите напомнить мне о них?

Тайн молчал, но глаза говорили за него. Бриони на время спрятала свой гнев под маской невозмутимого спокойствия.

– Мы с принцем Барриком обсудим этот вопрос наедине, – ровным тоном произнесла она.

«Она становится похожа на отца, – подумал Баррик, – но не так, как я. Ей достался его дар, а мне – его проклятие». Ему нерадостно было осознавать это.

– Мы обсудим все, что ты пожелаешь, – сказал он Бриони. – Но я все равно пойду в бой.

Баррик знал, что так и будет. Ведь он из семьи Эддонов. В его душе в этот момент созрело нечто решительное и твердое, чему никто не в силах противостоять. Он добьется своего.

– Эй, Чет, вы нашли мальчика? – окликнула фандерлинга почти незнакомая женщина.

Чет знал, что сама она из рода Песчаника, а ее подруга с выдающимся вперед подбородком (они сплетничали на крыльце) принадлежит к роду Осадочной Породы.

– Пока нет, – прокричал он в ответ.

– Вам обязательно гудеть, как ветер в трубе? – пискнул Жуколов у него на плече. – Мой череп чуть не лопнул.

– Простите.

Чет был рад, что женщины от него далеко, а значит, не видят крошечного человечка. Пусть лучше думают, будто Чет разговаривает сам с собой. Не то все дети Города фандерлингов – и половина взрослых в придачу – прибегут, чтобы посмотреть на живого крышевика.

– Может быть, вам будет лучше у меня в кармане? – спросил он Жуколова. – Там вас никто не заметит.

– А что я смогу там унюхать?

– Ах, да. Я и забыл.

Жуколов заерзал и чихнул, слишком громко даже для Чета.

– Быстро поворачивайте... поворачивайте... чи'м'ук! – Крышевик заколотил своими крошечными ножками. – Где солнце? Куда двигаться по солнцу? Как мне сообщать о поворотах?

– Вполне подойдет «налево» и «направо», потому что вы вряд ли знаете, где находится дверь Каменотесов и Шелковая дверь, – предложил Чет. – Вы ведь понимаете, что такое «лево» и «право»?

– Конечно. На своем языке мы говорим «лив» и «прев». Так что идите на лив, или налево, как вам угодно. Главное, поверните.

Чет не понимал, зачем крышевики изменяют слова чужого наречия, но он давно заметил, что у Жуколова была собственная, немного странноватая манера говорить. Из всего крошечного народца только королева изъяснялась на абсолютно понятном и грамотном языке. Интересно, почему она владеет языком внешнего мира лучше, чем ее подданные? Но он не стал задерживаться на этой мысли.

Они повернули еще несколько раз. Жуколов, чтобы не упасть, крепко держался за прядь волос Чета и нюхал воздух. Странная парочка уходила все дальше от центра Города фандерлингов. Вскоре стало ясно, что нос Жуколова уводит

их к самым дальним кварталам города. И если он не подводил, мальчик, похоже, шел кружным путем от центра города к окраине. Они дошли до Соляного пруда, Чет свернул к нему и понес человечка внутрь огромной пещеры.

– Мы идем не туда, – возразил Жуколов.

– Мы вернемся, только сначала кое-что сделаем, – ответил Чет. – Нам скоро понадобится светильник. Вы знаете, что мы, фандерлинги, ничего не видим в темноте. Эй, Валун!

Маленький фандерлинг направлялся к ним, прыгая по неровным камням. При виде маленького – еще меньше его самого – крышевика глаза Валуна расширились от удивления, и он восторженно заулыбался, широко разинув рот.

– Что это, Чет?

– Это не «что», это «кто». Его зовут Жуколов. Он крышевик. Да, настоящий крышевик. Ты слышал, что Кремень пропал? Так вот, этот парень помогает мне его найти. Объясню в следующий раз, когда увидимся, но буду благодарен, если ты не станешь пока никому рассказывать. А сейчас я отправляюсь за Шелковую дверь, и мне нужен свет.

– Только что выловил целую корзину для второй смены, – ответил Валун, раскладывая на камнях светящиеся кораллы. – Выбирай сам – совершенно бесплатно. Ты ведь потом расскажешь мне обо всем? Мне так интересно.

– Огромное спасибо. Да, кстати, Каменная Соль сегодня здесь?

– Вон там.

Валун указал на группу мужчин, женщин и детей, сидевших у огромной двери и ожидавших распорядителя дневной смены, чтобы тот распределил для них работу. На сей раз Чет удалось убедить Жуколова спрятаться в карман.

Чет вынул из другого кармана несколько монет и купил у Каменной Соли хлеб, немного мягкого сыра и бурдюк для воды. Бурдюк обошелся ему в несколько монет, хотя он думал вернуть его разносчику на обратном пути. Чет не любил тратить деньги, но уже понял, что к ужину не вернется. Это напомнило ему еще кое о чем.

– Джаспер, твой сын идет с тобой или возвращается домой? – спросил он фандерлинга, что готовился к дневной смене.

– Домой, конечно, клянусь Старейшими! Он сведет меня с ума после первой сотни лопат, если пойдет со мной.

– Прекрасно.

Чет повернулся к мальчику.

– Послушай, малыш... Тебя звать Глина, да? Слушай внимательно. Я дам эту денежку твоему отцу. Если ты отнесешь весточку моей жене, то получишь монету, когда отец вернется домой вечером. Ты ведь знаешь мою жену, Опал Голубой Кварц? На Уэдж-роуд?

От усердия глаза мальчика стали огромными, и он важно кивнул.

– Хорошо, – продолжал Чет. – Передай ей, что я, возможно, вернусь не скоро. Пусть она не ждет меня к ужину,

Пусть не волнуется, если я не приду, когда она будет ложиться спать. Запомнишь? Ну-ка повтори.

Мальчик повторил и отправился выполнять поручение, а Чет отдал монетку его отцу.

– Теперь мне придется идти на этот ужасный рынок больших людей, – сказал Джаспер. – Он захочет ее потратить.

– Тебе полезно прогуляться по свежему воздуху, – ответил Чет, снова двинувшись в путь.

– Ты что, сумасшедший? – крикнул ему вслед Джаспер. – Там такой ветер, что выдувает внутренности!

Многие жители Города фандерлингов придерживались того же мнения. Это не до конца объясняет, почему именно Чет первым из сородичей встретил крышевиков, зато показывает, что у других было для этого очень мало шансов.

Чет с Жуколовым прошли через Шелковую дверь – задние ворота Города фандерлингов. Это была огромная арка, вырезанная в песчанике: естественные вкрапления розового, оранжевого, фиолетового и красного цветов делали камень похожим на цветную ткань. Они очень быстро миновали ту часть пути, где проходы прорыты и вырублены руками местных каменотесов, и попали туда, где пустоты в известняке образовались благодаря океану и постоянно капавшей воде. Фандерлинги расширили некоторые из них и устроили целую сеть туннелей, соединявшихся между собой. Никто из знакомых Чета не помнил, давно ли существуют эти пещеры.

Они уходили в глубины под Городом фандерлингов, образуя спираль в коренной породе горы. Неизвестно, созданы ли эти пещеры искусственно или они были здесь всегда. Не подлежало сомнению одно: там, в сотнях футов под внутренним двором, находилось святилище тайн, и чем меньше большие люди знали об этих секретных глубинах, тем лучше.

Сейчас Чет стоял на дальней окраине Города фандерлингов, у самого входа в святилище тайн. Он смотрел вдоль уходящего вниз склона, огороженного с двух сторон каменными стенами. В конце склона виднелся неровный силуэт бледно-розового, с янтарным оттенком, камня. Камень с обеих сторон освещали факелы, и казалось, что он сам светится, как полупрозрачный занавес.

– Сюда? Ты уверен? – спросил Чет крышевика.

Почему мальчик забрался глубоко под землю, да еще в такое место? Чет у здесь очень не нравилось. Могилы Эддонов находились двумя ярусами выше – в нескольких ярдах над головой.

– Мой нос всегда мне правду говорит, – ответил Жуков. – Сильнее запах здесь, чем возле ваших крыш и домиков.

Чет понял, что маленький человечек различал запах Кремня так же отчетливо, как в доме на Уэдж-роуд.

– Ну что ж, веди дальше, – отозвался он и пошел по ступеням вниз по склону.

Вероятно, они вели в первую из нескольких пещер.

– Иди на лив, – велел Жу колов. – Ой, то есть я хочу сказать налево.

– Налево?

– Да, так.

Они прошли вестибюль, низкую арку и оказались в зале, что назывался Праздничным. Зал представлял собой несколько соединенных пещер, в нем было множество колонн и каменных ниш, созданных самой природой и богато украшенных резьбой. В течение многих веков фандерлинги трудились над этими украшениями, но и сейчас кое-где оставались необработанные уголки. Только одно место, состоявшее из нескольких гротов, вовсе не было затронуто резцом. Его название на древнем языке фандерлингов звучало как набор согласных звуков и означало что-то вроде: «Сад земных форм повелителя Горячего Мокрого Камня». Резьба в Праздничном зале была выполнена столь же тщательно, как и потолок в Городе фандерлингов. Знаменитую крышу города украшали листья и фрукты, птицы на ветвях и чудесные звери на вершинах деревьев; в Праздничном зале на стенах повторялись загадочные формы, от которых, если смотреть на них слишком долго, рябило в глазах. В этих странных формах можно было разглядеть что угодно: животных, демонов, богов.

– Какое непонятное место, – очень тихим, напряженным голосом сказал Жуколов.

Чет едва разобрал его слова, хотя в пещере было абсолют-

но тихо.

– Сейчас мы подходим к самым священным местам, – ответил ему Чет. – Не многие удостоились чести видеть их. Именно поэтому у Соляного пруда я попросил вас спрятаться в карман: иначе фандерлинги были бы возмущены, узнав, куда мы направляемся.

– Ну конечно, – согласился Жуколов, но напряженность в его голосе не исчезла. – По-видимому, законы этого не позволяют? Запрещено, да? Как с нашим Великим фронтоном и Священной обшивкой. Что касается Священной обшивки, то никто, кроме крыс и нас, не может пролезть за нее.

Чет не смог сдержать улыбку.

– В этом ваше преимущество. Хм-м... Думаю, мало кто из больших людей смог бы пролезть здесь. А вам проще. Запрета приходить сюда нет, но это не приветствуется, – пояснил он и пошел дальше.

– Только не оставляйте меня здесь одного, – попросил его Жуколов.

Чет осознал, что крышевик испытывает страх. Он представил себе, что может чувствовать его крошечный товарищ здесь, так глубоко под землей, вдали от крыш и открытого неба.

– Пожалуй, Жуколов, отважный Лучник, здесь не протянет долго, где очень воздух сперт и даже дышится с трудом, – попытался оправдать свой страх маленький человечек.

– Я не оставлю вас одного, – заверил Чет.

Они миновали Праздничный зал и направились в пещеру, называемую Занавесом, – первую в системе пещер, образующих Храм. На первый взгляд, здесь не было ничего особенного. В дальнем конце из-под выступа на потолке в небольшой пруд стекала вода, образуя завесу. Черный водопад мерцал в приглушенном свете единственного факела, укрепленного на стене. Когда Чет подошел ближе к водяному занавесу, он увидел на его поверхности отражение своего фонаря, похожее на светлячка.

– Кто зажигает факел на такой глубине? – удивился Жуков, растерянно хмыкнув.

– Увидите.

Чет ступил на мост, образованный выступающими из воды камнями у края водопада, и направился к водяной завесе.

– Мы же утонем! – заверещал Жуков у него на плече.

– Не бойтесь. Между стеной и водой есть проход. Видите? Действительно, там был проход, проделанный в огромной каменной глыбе. Двигаясь по нему, Чет прижимался к стене и внимательно следил, чтобы человечка случайно не смыло водой. Они попали в помещение, по размерам не уступающее всему Городу фандерлингов вместе с окрестностями. Вдоль стен располагались ниши с факелами, а высокий потолок украшала фантастическая резьба, как в Саду земных форм. В дальнем конце высились колонны – фасад храма метаморфных Старейших, высеченного прямо в горе.

– Ничего себе! – воскликнул изумленный человек. –

Эти залы нигде не заканчиваются! Неужели вы, фандерлинги, прокопали землю насквозь?

– Не совсем, – ответил Чет.

Разглядывая замысловатую резьбу фасада, он заметил лишь несколько неровностей: когда-то здесь была естественная пещера.

– Нам удалось отыскать немало мест, где вода проделала пустоты в камне. Мы украсили их – и они стали нашими, – Добавил он.

Жуколов поморщился и фыркнул.

– Но запах мальчика теперь слабее, – сказал он. – Его следы здесь менее отчетливы, чем перед водопадом.

Чет вздохнул.

– В любом случае, нужно спросить братьев из храма, – сказал он. – Боюсь, вам придется подождать снаружи.

– Но вы вернетесь за мной? – встревожился крышевик.

– Я все время буду у вас на глазах. Присядьте на этот камень.

Чет усадил Жуколова на ровный выступ стены, находившийся достаточно высоко от пола, и порадовался, что не нужно отходить слишком далеко. Он и не думал, что будет чувствовать такую ответственность за безопасность маленького человечка. Чет вспомнил про кошек, которых крышевик боится, и свою глупую шутку по этому поводу. Ему снова стало стыдно.

«В этом месте кошек уж точно мало, – подумал он, – но я

забыл его предупредить, что многие здесь держат змей для борьбы с крысами, полевками и другими грызунами. Думаю, змей он любит не больше кошек».

Быстрым шагом Чет пересек широкую площадку перед храмом. Сюда фандерлинги приходили по ночам в Дни Тайн и на другие праздники. Чет обрадовался, увидев в проходе послушника в темных одеждах: значит, он не нарушит обещание быть все время на виду у крышевика.

– Здравствуйте, брат, – приветствовал он послушника. Тот вышел на освещенное факелами пространство. Метаморфные братья не пользовались каменными светильниками, считая их непростительно современными – ведь фандерлинги освещали ими улицы всего лет двести.

– Что ты ищешь, дитя Старейших? – спросил Чета послушник.

Он был одет в старинное свободное одеяние и выглядел моложе, чем Чет ожидал. Похоже, он принадлежал к семейству Висмутов.

– Я Чет Голубой Кварц, – представился фандерлинг. – Ищу своего приемного сына.

Вот теперь могут начаться неприятности. Чет набрал в легкие воздуха и добавил:

– Он из больших людей. Не проходил ли он здесь? Послушник удивленно приподнял брови, но лишь покачал головой.

– Подождите, постойте здесь. Один из братьев вернулся с

рынка и говорил что-то о ребенке гха'яз.

Чет не удивился, услышав слово на древнем языке фандерлингов: служитель храма не очень хорошо говорил на Едином языке больших людей и фандерлингов, словно ему редко приходилось это делать. Здесь не любили перемен.

– Сейчас я его приведу, – пообещал послушник.

Чет ждал с нетерпением. Наконец второй послушник появился и сообщил, что несколько часов назад в одной из внешних пещер Праздничного зала видел ребенка – светловолосого маленького мальчика. Послушник был уверен, что это не фандерлинг. Мальчик шел от храма. Чет пытался осознать услышанное, как вдруг услышал шум у себя за спиной. Там, где он оставил Жуколова, собралась группа метаморфных братьев. Видимо, они возвращались откуда-то и увидели крышевика.

– Никель! – крикнули они первому послушнику. – Посмотри, это настоящий, живой гха'сун'нк!

Чет выругался про себя.

Еще несколько метаморфных братьев выскочили из храма, некоторые по пояс обнаженные. Кожа их блестела от пота; вероятно, они работали в кузнице, гончарне или у раскаленных печей. Через минуту вокруг Жуколова столпились человек двенадцать. Чет не ожидал от них такого любопытства. Он протолкнулся к стене и посадил запаниковавшего человечка к себе на плечо.

– Неужели он на самом деле гха'сун'нк? – спросил один

из собравшихся.

Это слово на древнем языке фандерлингов означало «крошечный народец».

– Да, на самом деле, – подтвердил Чет. – Он помогает мне отыскать моего приемного сына.

Служители храма начали перешептываться, а Никель подошел к Чету и сказал со странным блеском в глазах:

– Ох! Ну и денек сегодня выдался.

Он прижал кулаки к груди – этот жест у фандерлингов означал покорность Старейшим.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался удивленный Чет.

– Мы все надеялись, что сны деда Серы относятся к будущим временам, – ответил служитель. – Он старший среди нас. С ним говорят Старейшие. Недавно ему приснилось, что на нас опускается Первозданная ночь и забирает всех диг'зех-нах'нк. – Послушник произнес древнее слово, переводившееся как «тот, кто остался позади». – И что дни нашей свободы сочтены.

Метаморфные братья заспорили между собой. Выходило так, что Чет невольно вызвал тревогу и замешательство среди храмовых служителей, хотя он оставил Жуколова на стене как раз во избежание лишнего беспокойства.

– Они убьют меня? – шепотом спросил крышевик.

– Нет-нет. Просто они огорчены тем, что наступили смутные времена. Огорчены так же, как ваша королева со своим

Покорителем Высоты, или как там его. Она ведь тоже получила предупреждение, что грядет буря.

– Повелитель Вершины, – поправил его Жуколов. – И он вполне настоящий. И буря настоящая. Запомни: она снесет черепицу с наших крыш и унесет ее во тьму.

Чет промолчал. Он застыл на месте, как путешественник, заблудившийся на темных неосвещенных дорогах в окрестностях Города фандерлингов. Он вдруг понял, куда отправился Кремень, и эта мысль его испугала.

Храп мужа Финнет не уступал по громкости реву его кузнечного горна.

«Весь день я слушаю грохот ударов по металлу, – думала она, – а ночью не могу спать из-за невыносимого храпа. Боги дают нам то, чего мы заслуживаем, но чем же я это заслужила?»

– Нельзя сказать, что в ее жизни не было ничего хорошего. Онсин Дубовый Сук был не самым плохим мужем. Он усердно работал в своей крошечной кузне и не слишком много времени проводил в таверне, что располагалась в конце улицы. Муж не бездельничал, как другие, что просиживали часами на лавочке под плющом и переговаривались с прохожими. Финнет считала его не самым ласковым супругом, зато хорошим отцом. Он любил сына и дочь, учил их чтить богов и уважать родителей. Самым тяжелым наказанием для них у него был подзатыльник или шлепок.

«А еще, – размышляла Финнет, – у него хватит сил убить любого голыми руками».

Когда Финнет видела широкую спину Онсина и темные вьющиеся волосы на его крепкой шее, когда она смотрела, как он держит железный прут и превращает его в подкову для вола или объясняет сыну секреты кузнечного ремесла, в ней просыпалось желание. Тогда ей было не важно, храпит он или нет.

Звуки храпа изменились – в них появились вопросительные нотки – и смолкли. Дочь Агнесс заворочалась в колыбели. К неопишуемому ужасу Финнет, оба ребенка подцепили лихорадку, недавно охватившую город Кендлстон и окрестные долины. У Агнесс болезнь протекала особенно тяжело, но через неделю ей полегчало. Зория, милосердная богиня, слышала молитвы матери.

Финнет стала погружаться в сон с мыслями о том, что следует сменить солому на полу, ведь на улице теперь сыро. А еще нужно заставить Онсина заделать трещины в окнах их маленького домика...

Вдруг Финнет слышала отдаленные крики. Когда она поняла, что это не голоса стражников, сон как рукой сняло.

Сначала женщина подумала, что где-то, должно быть, случился пожар. Жизнь в городе отличалась от деревенской, к которой Финнет привыкла с детства. Здесь пожар мог начаться очень далеко, в неизвестном доме незнакомых людей, но вскоре огонь добирался и до вашей улочки, словно армия

разъяренных Демонов, с головокружительной скоростью перескакивающих с крыши на крышу. Неужели пожар? Зазвонил колокол. Он звонил и звонил, а крики людей становились все громче. Кто-то пробежал по улице, призывая на помощь городские власти. Все-таки там пожар.

Финнет начала расталкивать Онсина. И тут услышала крик гораздо более громкий, чем остальные. Возможно, он доносился с их улицы:

– На нас напали! Они взбираются на стены! Сердце Финнет сильно забилося. «Напали? Взбираются на стены? Кто?»

Она яростно тормозила мужа. Он был слишком тяжел, чтобы столкнуть его с кровати. Онсин сел на постели и потряс головой.

– Война! – крикнула Финнет, дергая его за бороду, пока муж не оттолкнул ее руки. – Люди вышли на улицу, кричат, что началась война!

– Что?

Он шлепал себя по щекам и безжалостно щипал, чтобы очнуться, потом поднялся с соломенного тюфяка.

Агнесс проснулась и заплакала. Финнет поправила одеяльце и поцеловала дочку, но девочку это не успокоило.

Финнет взглянула на сына. Мальчик только что открыл глаза, но еще не отошел ото сна. Он вертелся и удивленно оглядывался, словно впервые видел собственный дом.

К глазам Финнет подступили слезы.

Онсин натянул теплые брюки, надел зачем-то лучшие бо-

тинки, но забыл про рубашку. В одной руке он сжимал молот – никто на их улице не мог даже поднять его, – а в другой топор, который правил для Тулли Плотника. Даже сейчас, в ужасную минуту, Финнет подумала: муж похож на героя из старой сказки, на доброго великана, бородатого полубога Хилиомета. Он прислушивался к крикам, доносившимся с улицы.

Финнет тоже слышала новые звуки: вопли, становившиеся все пронзительнее, как усиливающийся ветер. Ее охватил ужас, какого она никогда прежде не испытывала.

– Я вернусь, – бросил Онсин, направляясь к двери.

Он не поцеловал детей, не дождался благословения жены, и от этого Финнет охватило отчаяние.

«Напали? Кто это может быть? Мы не воевали с Сеттлендом со времен моей бабушки. Разбойники? С чего бы разбойникам нападать на город?»

– Мама? А куда пошел папа? – спросил маленький Ферджил.

Она склонилась к нему, чтобы успокоить, и только тут почувствовала, что дрожит – на ней не было ничего, кроме наспех накинутого на плечи одеяла.

– Папа пошел помогать другим людям, – объяснила она детям и начала одеваться.

Финнет не верилось, что продолжается все та же ночь – прошло лишь несколько часов после полуночного сигнала

колокола. Еще совсем недавно она лежала в постели, ей мешал храп Онсина, и она с тревогой прислушивалась к дыханию Агнесс. Теперь же казалось, что сам Перин вдруг поднял свой молот и разбил всю прежнюю жизнь, превратил ее в пыль.

Кендлстон был охвачен пожаром, но не это сейчас ее волновало. Улицы заполнили кричащие люди. Некоторые из них были в крови. Их вытаращенные глаза темнели пятнами на бледных лицах, а открытые рты зияли, словно дыры. Казалось, земля извергла из себя мертвецов. Финнет не могла и не хотела об этом думать – столько ужаса не умещалось в ее голову и ее сердце, ведь у нее на руках остались двое перепуганных плачущих детей. Она искала место, где можно спастись от пожара и криков. Но таких мест больше не было.

Более всего ужасал вид нападавших. Безобразные существа, вышедшие из кошмарных снов, перелезали через стены, прыгали по крышам. Некоторые из них походили на животных, у других тела были такие искривленные, что Финнет не могла понять, как они могут носить оружие и доспехи.

На главной площади среди огромной толпы горожан она увидела высокого человека на вздыбленном коне. Финнет подумала, что он мог бы приободрить людей. Хорошо бы встретить кого-нибудь из благородных лордов или самого герцога Рорика. Финнет не довелось ни разу увидеть его за все время, что она живет здесь. Да, точно – это герцог Рорик прискакал из замка Дейл-Хаус, чтобы собрать перепуганных

горожан и повести за собой против ужасных захватчиков.

Но тут она разглядела, что у всадника слишком длинные волосы, что он гораздо выше всех остальных, что у него чересчур вытянутые белые руки и пальцев на них больше, чем положено. Глаза всадника – и глаза его коня – горели желтым огнем, как у кошки. Он не собирал людей на бой, Финнет ошиблась, подумав так. Люди стонали под копытами его скакуна, а всадник колот жертв длинным копьем, как овец, когда их гонят на бойню.

Агнесс споткнулась и упала, Ферджил закричал. Финнет подхватила детей на руки и потащила прочь от площади. Она совсем не знала эту часть города... или в такую жуткую ночь все вокруг казалось незнакомым? Она не узнала бы сейчас и собственный дом.

Из окон и дверей с воплями и свистом вываливались на улицу какие-то существа. Они разбегались, как жуки из разрубленного бревна. Звезды над головой померкли. Этого Финнет тоже не могла понять. Куда исчезли звезды? Почему небо затянула дымка красноватого цвета? Наверное, решила она, дым пожаров в Кендлстоне укрывает происходящее от взгляда небес.

Финнет с детьми оказалась в толпе кричащих горожан. Их нес бурный поток беспорядочно размахивающих руками людей, текущий по Болотной улице мимо храма Тригона. По стенам и крыше храма, покрытым чем-то вроде мха, пробегали вспышки зловещих молний. Почти всех священ-

ников убили. Некоторые из них еще шевелились, но это была агония. Вопившие от ужаса люди бежали прочь, не разбирая дороги, и давили умирающих. Возможно, они избавляли несчастных от долгих страданий. Финнет и сама наступила на неподвижное тело – только так она могла сохранить равновесие. Ей нельзя было остановиться, свернуть, некогда оплакивать убитых. Толпа напирала со всех сторон, и Финнет не думала ни о чем, кроме своих детей.

Она прижимала к себе Агнесс и Ферджила так крепко, что даже боги не смогли бы оторвать их от нее.

Всех, кто падал, толпа затаптывала. Она двигалась, как единый организм, устремляясь к Восточным воротам, в темноту ночи, в благословенную прохладу полей, где не пылали пожары.

Они уже были за пределами городских стен, по колено в жнивье на убранном поле, когда Финнет в изнеможении свалилась на землю. Ей казалось, что она умирает. Она не была ранена, но как пережить такую ночь и остаться в живых?.. Нет, этого не может быть! Она прижала к себе сына и дочь и разрыдалась. Каждый всхлип отдавался саднящей болью в обожженном горячим дымом горле.

«Пропало! Все пропало: Онсин, дом, хозяйство».

Только эти два маленьких драгоценных существа удерживали ее на месте, не позволяя броситься назад и сгореть в пламени Кендлстона. Мать и дети лежали на холодной земле недалеко от погибшего города и слышали, как поют те, кто

разрушил их жизнь. То, что голоса врагов были болезненно приятны, лишь усиливало ужас, сжавший сердце Финнет.

Она ненадолго провалилась в крошечную тьму.

28. ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

БЕЛЫЕ ПЕСКИ

Посмотри, как луна рассыпает алмазы.

Из кости, света и песка творит он

В саду, где никого не встретишь.

Из «Оракулов падающих костей»

Избранные передавали ее с рук на руки, словно багаж, и она уже сбилась со счета, сколько их было. Наконец Киннитан оказалась в гостиной главной жены. Аримона возлежала на подушках. Она благосклонно взглянула на девушку, опустившуюся перед ней на колени.

– Поднимись, дитя мое, – произнесла Аримона. Она сама еще казалась совсем юной. – Ведь все мы здесь сестры, не так ли?

«Будь мы сестрами, я не вставала бы на колени», – подумала Киннитан.

Главная жена прислала ей приглашение сегодня утром, и Киннитан отдалась в многоопытные руки служанок, избранных и истинных женщин, с тем чтобы через несколько часов засверкать, подобно драгоценному камню. Обсудив ее наряд и прическу, служанки решили, что лучше одеть девушку попроще.

– Мы ведь не хотим внушить Вечерней Звезде мысль, буд-

то мы претендуем на титул Утреннего Света, – с напускной строгостью заметила избранная Руша. – Мы будем красивы, но не чересчур.

Луан в последнее время была очень рассеянна – может быть, переживала из-за истории с Джеджином. Она прислала одну из своих служанок, чтобы та уложила Киннитан волосы, но сама не пришла. Киннитан сделали высокую прическу, закрепив пряди драгоценными заколками. Девушке очень понравилось собственное отражение в зеркале.

Аримона была всего лет на десять старше ее. Красотой главная жена автарка затмевала всех женщин, каких Киннитан когда-либо видела. Нельзя было даже представить себе кого-то красивее Аримоны. Она была подобна самой Суригали, чье изображение высечено на стенах храма. Черные как смоль длинные волосы, заплетенные в косы, кольцами лежали поперек подушек, словно спящие змеи. Как прекрасно, наверное, ниспадали они на плечи хозяйки, когда та их распускала. Киннитан была уверена: все, кто видел Аримону, а тем более – настоящие мужчины, мечтали увидеть эту картину.

Свою чудесную фигуру – узкая талия и широкие бедра – главная жена автарка умело подчеркивала облегающим нарядом. На ее совершенном лице сияли огромные глаза с густыми ресницами. Почти такие же черные, как волосы, они делали Аримону похожей на богиню. Рядом с ней испуганная Киннитан чувствовала себя самозванкой в роскошных нарядах, грязной уличной замарашкой, а не всемогущей из-

бранной невестой автарка.

– Иди сюда, присаживайся. Хочешь чаю? В такие дни я предпочитаю пить холодный мятный чай. Превосходно освежает.

Голос Аримоны звучал необыкновенно мягко и музыкально.

Киннитан подошла ближе, стараясь не споткнуться о подушки, разбросанные на полу. В углу молоденькая девушка с удивительным искусством играла на лютне. Остальные прислужницы сидели в стороне и тихо беседовали, когда в них не нуждалась госпожа. Двое юношей с невинными безвольными лицами стояли за спиной Аримоны и обмахивали ее веерами из павлиньих перьев. Все убранство гостиной было рассчитано на то, чтобы напоминать гостям об одном: о спальне, что служила основой власти Аримоны. Она до сих пор не подарила автарку наследника. В первый год правления он много путешествовал по своим землям, и потому никто не осмеливался даже шепотом обмолвиться о неудачах в царской постели. Но если наследник не появится через год, пересуды уже не остановить.

– Прости, что я так долго тянула с приглашением, – сказала главная жена. – Ты здесь уже давно – полгода, если не ошибаюсь.

– Да, примерно столько, ваше высочество.

– Ты должна называть меня Аримоной. Я уже говорила, что все мы здесь сестры. Я много о тебе слышала и теперь

вижу: ты действительно очаровательна. Именно такой я тебя и представляла. – Главная жена приподняла брови, выщипанные до толщины лапки паука. – Говорят, ты дружишь с избранной Луан. Вы ведь с ней кузины?

– Нет, ваше... Аримона. Но мы выросли вместе.

– Выходит, я сглупила. – Главная жена очень мило наморщила лоб. – Почему я так подумала?

– Наверное, потому, что Луан приходится кузиной Джеддину, начальнику «леопардов».

Аримона смотрела на нее очень пристально, и Киннитан пожалела, что сказала лишнее. Она еще больше расстроилась, когда поняла, что продолжает что-то мямлить на эту тему:

– Луан так много о нем говорит. Она... она очень им гордится.

– Ах да, Джеддин, – кивнула Аримона. – Я знаю его. Он красивый, правда? – Она все смотрела на Киннитан, и от этого взгляда девушка совсем растерялась. – Такая мощная мужская плоть. Ты согласна со мной?

Киннитан не знала, как следует ответить. Женщины в обители Уединения очень откровенно говорили о мужчинах, и Киннитан, будучи девственницей, часто смущалась при этих разговорах. Сейчас было что-то другое: ее проверяли. По телу пробежала дрожь. Неужели до слуха главной жены дошли какие-то сплетни?

– Я его почти и не видела, Аримона. По крайней мере, с

того времени, когда мы оба были детьми, – ответила Киннитан. – Знаю только, что он не может быть столь же красив, как наш автарк, да восславится его имя. Не так ли?

Аримона улыбнулась в ответ на ее уловку. Киннитан показалось, что девушки-служанки хихикают у нее за спиной.

– Это совсем другое дело, сестричка, – отозвалась главная жена. – Сулепис – воплощение бога на земле, и о нем нельзя судить, как о других мужчинах. Однако он, похоже, увлечен тобой.

Киннитан снова почувствовала зыбкую почву.

– Увлечен мной? Вы говорите об автарке? – спросила она.

– Ну конечно, дорогая. Разве он не дал для тебя особых указаний? Я слышала, что ты проводишь много времени с этим сопящим священником Пангиссиром. Вы читаете молитвы, изучаете ритуалы, тайные практики...

– Я думала, такие занятия проводят со всеми, госпожа... – смутилась Киннитан.

– Не «госпожа», а Аримона, запомни! Думаю, нет ничего удивительного в том, что автарк заинтересовался чем-то новеньким. Он знает больше любого жреца, он прочел столько древних свитков, сколько все они, вместе взятые. Мой супруг – самый умный на свете, его знания безграничны. Он знает, что нашептывают друг другу боги во сне, почему они живут вечно, знает старые забытые земли и города, тайную историю Ксанда и остального мира. Когда он говорит со мной, я не всегда его понимаю. Но его интересы обширны, и

увлечения не длятся долго. Как огромная золотая пчела, он перелетает от одного цветка к другому по зову своего могущественного сердца. Я уверена, что бы ни вызвало его интерес, это... пройдет.

Киннитан вздрогнула. Она была озадачена и решила выяснить, почему же ее считают не такой, как остальные жены.

– А как... как вас готовили, Аримона? – задала вопрос девушка. – К свадьбе, я имею в виду. Если вас, конечно, готовили... Простите мое нескромное любопытство. Для меня это так ново.

– Представляю. Возможно, ты не знаешь, но до автарка я уже была замужем.

«Мой нынешний муж убил моего единственного ребенка, а потом и моего первого мужа, причем растянул его смерть на несколько недель».

Она не сказала этого, но Киннитан и так знала ее историю. Ее знали все в обители Уединения.

– Поэтому со мной было несколько по-другому. Я пришла на ложе нашего господина и повелителя уже женщиной, – проговорила Аримона и снова улыбнулась. – Мы все несколько заинтригованы твоим появлением здесь. Ты знала об этом?

– И вы... вы тоже?

– Да, конечно. Ты совсем молоденькая, почти ребенок. – Теперь улыбка Аримоны стала холодной. – К тому же ты из простой семьи. Никто из нас не может понять, что же при-

влекло к тебе взгляд Бесценного. – Она развела руками. На пальцах с длинными красивыми ногтями сверкнули драгоценные кольца. – Возможно, это прелесть твоей невинности, сестричка. Она, безусловно, очаровывает и притягивает.

Еще ни разу в жизни, даже перед автарком, Киннитан не ощущала себя столь ничтожной.

– Не хочешь ли еще чаю? – предложила Аримона и вновь улыбнулась. – Я приготовила тебе сюрприз. Надеюсь, он тебе понравится. Обещаешь никому не рассказывать, если я сделаю что-то не совсем обычное?

Киннитан кивнула.

– Замечательно. Так и должно быть между сестрами. Поэтому, думаю, ты не придешь в ужас, если я скажу, что привела в свой дом мужчину. Настоящего мужчину, не избранного. Ты ведь не боишься встретиться с настоящим мужчиной и не считаешь всех мужчин чудовищами и насильниками, правда?

Смущенная и испуганная Киннитан лишь качнула головой. Неужели главная жена узнала про Джеддина? Иначе к чему все эти поддразнивания?

– Ладно, ладно, этот человек абсолютно безобиден, – успокоила ее Аримона. – Он так стар, что едва ли справится даже с мышью. – Она засмеялась сквозь зубы, а служанки подхватили. – Он сказитель. Позвать его?

Не дожидаясь ответа, Аримона подняла руки и хлопнула в ладоши.

В гостиную вошел сутулый человек в ярких одеждах.

– Хасурис, – обратилась к нему Аримона, – прости, что заставила ждать.

– Лучше ждать тебя в темном алькове, нежели вкушать медовые фиги с любой другой женщиной, госпожа, – ответил старик.

Он низко поклонился Аримоне, потом посмотрел на Киннитан. Взгляд его был таким наглым и самодовольным, что казалось, он вот-вот подмигнет ей.

– А это, наверное, та молодая жена, о которой вы говорили, моя госпожа, – добавил он.

– Ты бесстыжий льстец, Хасурис, – рассмеялась Аримона. – Вот нагрянут стражники Бесценного, и ты присоединишься к избранным.

– Мои яйца отваживаются на приключения только в воспоминаниях, о великая королева, – ответил он. – Поэтому разница невелика. Но боюсь, что расставание с ними окажется болезненным, так что лучше буду хорошо себя вести и помолчу.

– Ну уж нет! Чтобы хорошо себя вести, ты должен говорить. Расскажи нам историю. Иначе зачем я позвала тебя сюда?

– Может, ты хотела полюбоваться моим малышом?

– Мерзкий старикашка. Расскажи нам историю... Историю... – Главная жена поднесла пальчик к ярко-красным губкам, словно раздумывая, какую историю хотела бы услы-

шать. Даже Киннитан невольно уставилась на нее, как влюбленный мальчишка. – Может, историю про глупую курицу?

– Повинуюсь, великая королева.

Старик поклонился. Теперь, когда он подошел ближе, Киннитан заметила, что его белые усы пожелтели вокруг губ.

– Вот моя история, – объявил он. – Простая и без веселых шуток, зато самая новая. Жила-была глупая курица. Она гордилась собой и считала себя самой красивой в мире. Остальным курам надоели ее кривляния, и они начали шушукаться у нее за спиной. Но глупая курица не обращала на них внимания. «Они все мне завидуют, – говорила она себе. – Какая разница, что они думают? Они ничто по сравнению с человеком, который нас кормит. Лишь его мнение имеет значение. Только он может понять меня». Она старательно привлекала внимание человека, когда он приходил в курятник и разбрасывал птицам зерно. Она проталкивалась между другими курами и прохаживалась перед человеком с высоко поднятой головой и выпяченной грудью. Когда он отворачивался, она звала его: «Ко-ко! Ко-ко!» – и он обращал на нее взгляд. Но по-прежнему не выделял ее среди остальных. Тогда глупая курица рассердилась и решила во что бы то ни стало добиться его благосклонности.

Киннитан снова почувствовала озноб. К чему все это? Может быть, Аримона считает, что молодая жена нарушает установленные правила, желая привлечь к себе внимание? Внимание автарка? Или еще чье-то? Трудно было что-либо

понять. Впрочем, понимает она или нет, в чем состоит ее преступление, наказание последует ужасное. Больше всего на свете ей хотелось вновь оказаться в храме Улья и услышать мирное гудение священных пчел.

– Глупая курица ночей не спала, пытаюсь придумать, чем бы привлечь внимание хозяина, – продолжал рассказывать старик. – Она понимала, что ее ласковый голосок не тронул его душу. Может быть, показать, что она ценит его больше, чем остальные куры? Но как это сделать? Она решила, что должна съесть больше кукурузных зерен, чем все остальные. Как только он появлялся во дворе, она бродила за ним по пятам и не отставала, пока он не уходил. Она клевала других кур, чтобы те ей не мешали, и ела столько, сколько в нее влезало. Другие курицы презирали ее. Она стала толстой и лоснилась от жира, но человек по-прежнему не желал с ней говорить и ничем не выделял ее среди других. Тогда курица решила подлететь к нему и доказать этим, что достойна большего. Это было нелегко, потому что она сильно растолстела. Она долго тренировалась, пока не научилась пролетать довольно большое расстояние. Однажды человек пришел и выбрал ее. Сердце курицы переполнило радость. «Я так старался не обращать на тебя внимания, толстуха, – сказал он, – потому что хотел оставить тебя до праздника Восхождения в конце сезона дождей. А теперь ты попала ко мне на кухню и орешь, что есть мочи. Ясно, это боги захотели, чтобы я съел тебя сейчас». С этими словами он свернул ей шею и развел

огонь в печи...

Неожиданно для самой себя Киннитан поднялась.

Старец Хасурис замолчал. Казалось, он был слегка смущен, словно понимал, что история может огорчить ее. Впрочем, едва ли его это беспокоило.

– Я... я плохо себя чувствую, – сказала Киннитан. У нее кружилась голова, и ее подташнивало.

– Моя бедная маленькая сестричка! – воскликнула Аримона, глядя на Киннитан своими огромными глазами. – Могу я чем-нибудь помочь тебе?

– Нет... думаю, мне лучше отправиться домой. Мне очень ж-ж-жаль.

Она зажала рот руками и ощутила внезапный позыв извергнуть все, что было у нее в желудке, прямо на красивые полосатые подушки главной жены автарка.

– О нет! Неужели уже пора? Может быть, выпьешь еще чаю с мятой? Он успокоит твой желудок, – предложила Аримона. Она подняла чашку Киннитан и протянула ей. Взгляд ее был сама невинность. – Выпей, сестра. Он заварен по моему собственному рецепту и лечит почти все болезни.

Киннитан в ужасе затрясла головой и, даже не поклонившись, опрометью ринулась вон из гостиной. Она слышала, как за ее спиной смеялись и шептались рабыни.

29. СИЯЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

ПЯТЬ БЕЛЫХ СТЕН

Змея кусает свой хвост.

Внутреннее снаружи,

Внешнее внутри.

Из «Оракулов, бросающих камни»

– Послушайте меня, – обратился к маленькому человечку Чет.

Они уже немного отошли от храма метаморфных братьев. Он подставил ладонь к плечу, предлагая Жуколову встать на нее, и поднес его поближе к глазам, чтобы видеть крошечное лицо.

– Если ваш нос не ошибается и Кремень отправился именно в ту сторону, я знаю, куда он идет, – сказал фандерлинг.

– Мой нос ошибается? – На лице крышевика отразилось возмущение. – Конечно, меня не готовили специально, как Большого Почтенного Носа, но среди живущих на крышах Южного Предела нет носа лучше, чем мой.

– Я вам верю. – Чет глубоко вздохнул. – Дело не в вашем носе, дело в том... в том, куда отправился мальчик...

У него так задрожали колени, что пришлось сесть. Очень-очень осторожно, чтобы не уронить Жуколова с ладони, он опустил на камень. Впервые Чет Голубой Кварц пожалел,

что в подземном мире, который он так любил, нельзя увидеть голубое небо и вдохнуть полной грудью свежий воздух.

– Место, куда он направился, очень необычное, – продолжал он. – Священное место. Оно может быть опасным.

– Там кошки? Змеи?

Глаза Жуколова округлились. Ужас сжимал сердце фандерлинга, но слова Жуколова его позабавили.

– Нет, ничего подобного. Ну там, конечно, могут быть какие-то животные, но опасность исходит не от них.

– Вы их не боитесь, потому что вы великан.

На этот раз Чет не смог сдержать улыбку: едва ли его еще когда-нибудь назовут великаном.

– Справедливое замечание, – кивнул он. – Но должен вам признаться, мне нужно принять решение. И непростое.

Маленький человечек смотрел на него с интересом, Чет уже видел подобный взгляд: так смотрели фандерлинги из руководства гильдии – Роговик, например, – когда им предлагали выгодную, но не слишком надежную сделку. Чет понимал теперь, что крышевики не просто походят на людей – они и есть люди. Их жизнь такая же сложная и деятельная, как у фандерлингов и больших людей. Но почему они такие маленькие? Откуда они взялись? Какая тайна кроется в их истории? Может быть, их наказали боги?

Мысли о мстительных богах были сейчас совершенно неуместны.

– Дело вот в чем, – сказал Чет Жуколову. – Я уже говорил

вам, что есть места – например, храм... Понимаете, фандерлинги не любят, когда посторонние видят то, что очень важно для нас. Им не понравится, если вы войдете туда.

– Понимаю, – произнес крохотный человечек.

– Так вот. Я думаю, Кремень подошел слишком близко к тому месту, что мы называем Святилищем Тайн. Мой народ не одобряет присутствия чужаков в храме. И я не хотел, чтобы Кремень даже близко подходил к Святилищу Тайн, хотя он мой приемный сын.

– Значит, мне пора отправляться домой, – решил Жуковлов.

Он произнес эти слова жизнерадостным голосом, и Чет не удивился его энтузиазму: в пещерах крышевик чувствовал себя неуютно, и чем глубже под землю они спускались, тем ему становилось хуже. Человечек просиял от счастья, когда понял, что его путешествие во мраке подходит к концу.

– Но я боюсь потерять время, – проговорил Чет, приходя в отчаяние. – Ведь мальчик находится там уже очень давно. Это опасное место, Жуковлов. И очень необычное. Я... я боюсь за него.

– И что же? – Крышевик озадаченно нахмурился. Постепенно его лицо разгладилось, и брови снова вытянулись в ниточку, хотя было заметно, что понимание не принесло ему радости. – Вы хотите взять меня с собой?

– Я не знаю другого способа найти его. Простите меня. Там много тропинок, много дорог... но я не могу заставлять

вас идти со мной.

– Но ведь вы намного больше меня...

– Это не имеет значения. Все равно я не могу вас неволить. Жуколов снова нахмурился.

– Вы сами сказали, что это место священо и чужакам туда ходить не следует.

– Именно поэтому мне так тяжело принять решение. Я думаю, что лучше взять вас с собой в Святилище Тайн, чем оставить там моего мальчика в одиночестве на неопределенное время. Конечно, если вы согласны. К тому же мальчик – не фандерлинг, так что закон уже нарушен.

Человечек еле слышно вздохнул, словно пискнула испуганная мышка.

– Моя королева приказала мне помогать вам и словом, и делом, и носом своим. Жуколов Лучник должен выполнить приказ своей госпожи! – провозгласил он.

– Да возблагодарят Старейшие вас и весь ваш народ, да даруют вам счастье! – ответил ему обрадованный Чет. – Вы и в самом деле редкий храбрец.

– Это истинная правда.

Они встретились у дверей оружейной. Вансен нес оттуда сукно для полировки, и руки у него были заняты. Он заметил принцессу в самый последний момент и чуть не сбил с ног. Странно было видеть ее совсем одну, одетую в простую длинную рубашку и брюки мужского покроя. Он так часто

думал о Бриони, представлял ее лицо, что сейчас не мог поверить глазам и растерялся. От неожиданности он выронил тряпки, и принцесса Бриони стала их подбирать.

– М-моя госпожа, – наконец выдавил он. – Ваше высочество. Нет, нет, вы не должны этого делать. Так не годится.

Бриони казалась сейчас растерянной. За пределами зала для официальных приемов она, конечно, не узнала Вансена. Затем черты ее лица резко изменились и стали жестче, брови удивленно приподнялись.

– Капитан Вансен? – холодно произнесла она.

– Простите меня, ваше высочество.

Вансен заметил двух ее стражников, своих подчиненных, спешивших к принцессе через дворик оружейной, словно их командир мог представлять угрозу для госпожи.

Он постарался освободить ей дорогу, хотя сделать это было непросто: она держалась за ручку двери, а он стоял с охапкой тряпок в руках. Пятясь назад, в оружейную, он уронил еще несколько и наклонился, чтобы подобрать их, а заодно скрыть свое смущение.

«Спасите меня, боги! Даже когда мы встречаемся почти как равные, один на один в дверях оружейной, я мгновенно превращаюсь в неотесанного крестьянина».

Тут же в голову Феррасу пришла неприятная мысль: возможно, он и есть неотесанный крестьянин.

«Но чем раньше ты избавишься от своего идиотского увлечения, тем лучше, – подсказала ему разумная часть его

души. – Если стыд может помочь тебе в этом, значит, именно он и нужен сейчас».

Вансен посмотрел в лицо принцессы и увидел на нем смешанное выражение удивления и раздражения. Опять он оказался на ее пути!

«Мне никогда не справиться с этим», – подумал Вансен.

В тот болезненно-сладостный, ослепительный миг он забыл про все: про свою семью, про долг перед товарищами, даже про всех богов.

Бриони вдруг поймала себя на том, что улыбается, наблюдая его смущение. Она удивительно быстро сумела взять себя в руки, и на ее лице появилась непроницаемая маска настороженности и глубокой печали.

«Как быстро меняется ее настроение», – подумал Вансен.

А ведь с тех пор, как Бриони стала принцессой-регентом, она упорно стремилась к тому, чтобы ее лицо оставалось неподвижным, как у мраморной статуи – из тех, что стояли в пыльных залах замка.

– Вам помочь, капитан Вансен? – Она кивнула в сторону стражников. – Один из них может отнести это.

Она предлагает одолжить ему одного из его же стражников, чтобы отнести несколько тряпок? Что это, издевка или ребяческая выходка?

– Нет, спасибо, ваше высочество, я справлюсь сам, – ответил Вансен.

Он согнул колено и поклонился, стараясь при этом сно-

ва не выронить тряпки. Она поняла его намек и позволила пройти, но ему еще пришлось ждать, пока отойдут охранники. Он так стремился поскорее убраться подальше с глаз принцессы, что лишь усилием воли заставил себя сдержаться шаг и не броситься бежать со всех ног.

– Капитан Вансен! – раздался ее голос. Он вздрогнул и оглянулся.

– Слушаю, ваше высочество?

– Вы знаете, что я не одобряю решение брата возглавить поход.

– Да, и это вполне естественно, ваше высочество.

– Он мой брат, и я его люблю. Я уже... – Она совершенно не к месту улыбнулась, стараясь не расплакаться. – Я уже потеряла Кендрика. У меня остался только Баррик.

Вансен с трудом сглотнул и вымолвил:

– Ваше высочество, смерть принца...

– Довольно, – остановила его Бриони, подняв руку. В другое время он счел бы ее жест проявлением властности. – Я говорю это не затем... чтобы снова обвинить вас. Просто...

Она на мгновение отвернулась и вытерла глаза рукавом рубашки – как будто слезы были мелкими врагами, которых необходимо быстро и беспощадно истребить.

– Я прошу вас помнить, капитан Вансен, что принц Баррик Эддон – не просто принц, не просто член королевской семьи, – выговорила девушка. – Он мой брат, мой... близнец. Я прихожу в ужас от мысли, что с ним может что-то

случиться.

Феррас был растроган. Даже стражники – пара молодых деревенских парней, которых Вансен прекрасно знал и которые не были способны испытывать сложные чувства, – заволновались, обеспокоенные открывшейся вдруг глубиной скорби принцессы.

– Я сделаю все возможное, ваше высочество, – пообещал он. – Пожалуйста, поверьте. Я буду... Я буду относиться к нему, как к своему брату.

Только в следующую секунду Вансен осознал, что снова выставил себя дураком: намекнул на то, что при обычных обстоятельствах он больше внимания уделял собственной семье, а не своему господину. Подобные речи произносить, наверное, неосмотрительно: один принц-регент уже мертв, причем именно Вансен по долгу службы отвечал за его жизнь.

«Я настоящий идиот, – подумал он. – Ослепленный своими чувствами, разговариваю с повелительницей страны так, словно она дочь соседнего фермера».

Но, к своему удивлению, он опять увидел слезы в глазах Бриони.

– Спасибо, капитан Вансен, – сказала она на прощание.

Все утро Бриони пыталась выкроить время на то, чтобы потренироваться с тяжелым деревянным мечом. Теперь, когда ей это удалось, она почувствовала себя уставшей и ни на

что не способной.

«Все из-за Вансена», – с досадой подумала она.

Капитан гвардейцев постоянно расстраивал ее, злил, раздражал. Его вид сразу же напоминал о той жуткой ночи, когда убили Кендрика. А теперь он может стать свидетелем смерти ее второго брата, потому что ни один из доводов сестры не убедил Баррика отказаться от своего намерения. Впрочем, виноват ли в этом Вансен? Или это жестокая игра богов, так тесно связавших его с ее страданиями?

Невозможно разобраться. Бриони бросила меч в опилки на полу. Один из стражников подошел, чтобы подобрать его, но она жестом отослала солдата прочь. Невозможно ничего понять. Она обречена на страдания.

Сестра Утта!

В последнее время у нее не хватало времени на посещение наставницы. Бриони вдруг почувствовала, что ей очень не хватает умиротворяющего присутствия этой многоопытной женщины. Она вытерла руки, потопала ногами, стряхивая опилки, и отправилась в покои Утты. Стражники устремились за ней, словно цыплята за разбрасывающей зерно птичницей. Во двореике принцесса вновь, второй раз в течение часа, чуть не столкнулась с мужчиной. Теперь это был не Вансен, а молодой поэт Мэтти Тинрайт.

«Вернее, так называемый поэт», – невольно подумала она.

Он изобразил приятное удивление, но по его тщательно подобранному наряду и прическе, по учащенному дыханию

Бриони догадалась: он высматривал ее в окно, а потом быстро спустился сюда, чтобы разыграть «неожиданную» встречу.

– Ваше высочество, принцесса Бриони! Прекрасная, спокойная и мудрая. Нет слов, чтобы описать мой восторг от этой случайной встречи с вами. Подумать только, вы одеты для битвы, как и подобает королеве-воительнице! – Он наклонился к ней, чтобы заговорщицки шепнуть: – Я слышал, блистательная принцесса, что нашим землям угрожает враг, что собирается армия. Я бы хотел взять в руки меч, как другие ваши защитники, но мое оружие – песни и оды, вдохновляющие на великие подвиги. Я буду сочинять их во славу короны!

Выглядел поэт неплохо – он даже был красив. Вероятно, это стало одной из причин резкой антипатии Баррика. Но сегодня у принцессы не хватало терпения выслушивать чепуху, даже безобидную.

– Вы хотите отправиться с армией, чтобы в стихах описывать сражения, мастер Тинрайт? – спросила она. – Я даю вам свое разрешение. А сейчас, если позволите...

Мэтти сделал несколько движений, словно пытался проглотить небольшой мячик.

– Отправиться с?..

– С армией, да. Можете. Если это все...

– Ноя...

Поэт словно окаменел. По-видимому, мысль о том, чтобы

присоединиться к армии Южного Предела, даже не приходила ему в голову.

По правде говоря, Бриони просто издевалась. Она вовсе не горела желанием повесить на шею командира – кто бы он ни был – и дурачка-рифмоплета.

– Я пришел не за этим... – Тинрайт снова с трудом сглотнул, но ему не полегчало. – Я пришел передать, что Джил просит у вас аудиенции.

– Джил?

– Помощник трактирщика. Вы, вероятно, помните его. Именно из-за него вы одарили меня своим вниманием.

– Ах, тот, что видит сны. – Бриони вспомнила худощавого человека со странными, слегка безумными глазами. – Он хочет поговорить со мной?

– Да, ваше высочество, – отчаянно закивал Тинрайт. – Я навестил его в темнице. Бедняга нигде не бывает, он почти пленник. Джил попросил, чтобы я помог ему встретиться с вами. Он хочет рассказать что-то важное, связанное с... – Тинрайт наморщил лоб. – С «грядущей битвой», так он выразился. Если честно, меня удивило, что Джил воспользовался такими словами, госпожа, ведь он совсем неграмотный, сказать по правде.

Бриони встряхнула головой, приводя в порядок мысли, запутанные быстрой и цветистой речью поэта. В словах Тинрайта было еще больше дешевого шика, чем в щегольском наряде.

– Джил, помощник трактирщика, желает говорить со мной о «грядущей битве»? – удивилась принцесса. – Наверное, он услышал о ней от стражников.

Она вспомнила, что в той же темнице томится еще один узник, и почувствовала, как душу захлестнула волна паники. Шасо дан-Хеза должен был в случае необходимости стать командующим армией и организовать оборону замка. Уж не предвидел ли кто-то подобную ситуацию? Может быть, кто-то и подстроил все таким образом, чтобы Шасо выглядел виновным в смерти Кендрика?

– Да, ваше высочество, – согласился Тинрайт. – Несомненно, он услышал об этом от солдат. Тем не менее именно такую просьбу меня просили передать вам. А теперь насчет моего отъезда с армией...

– Я уже дала вам разрешение, – остановила она его, потом повернулась и быстрым шагом направилась к покоям сестры Утты.

Она слышала, как у нее за спиной переругивались стражники, пытавшиеся обогнать Мэтти Тинрайта, видимо шедшего за ней по пятам.

– Но, ваше высочество... – говорил он. Бриони обернулась и перебила его:

– Тот помощник трактирщика... Он дал вам тогда золотой долфин, чтобы вы написали письмо, так?

– Д-да...

– А где он раздобыл монету?

У Тинрайта не было ответа на этот вопрос.

– Я не знаю, – ответил он. – Но, ваше высочество, по поводу того, что вы говорили об армии!..

Бриони отвернулась и пошла дальше. Ее мысли были заняты другим. Едва ли она его слышала.

– Мы редко спускаемся ниже уровня храма, – объяснял Чет своему маленькому спутнику.

Они шли вниз по Каскадной лестнице – длинному спиральному спуску. Верхний виток спирали был шире, чем весь Город фандерлингов. Нижние круги сужались, а воздух становился все теплее. Белая линия кварца, вкрапленного в известняк, змейкой вилась над их головами. Позади остались последние настенные светильники. Чет порадовался, что захватил кусок коралла из Соляного пруда. Он продолжал рассказывать:

– Священники спускаются сюда для жертвоприношений, особенно в дни праздников. Мы все приходим в это место в день нашего совершеннолетия на специальную церемонию,

Даже сейчас, несмотря на переполнявшую его тревогу, Чет невольно задумался о том, сколько молодых фандерлингов и священнослужителей побывали здесь в этом году. Чет знал каждого из них: Город фандерлингов невелик и весь поделен на кланы, а молодых людей, достигших возраста совершеннолетия ко Дню Тайн, набиралось обычно не более двух дюжин. Чет поделился с Жуколовым воспоминаниями о сво-

ей инициации, состоявшейся много лет тому назад. Перед церемонией он, как положено, постился и после этого испытывал головокружение, видел странные тени, слышал непонятные голоса. Самым жутким и волнующим был момент, когда они мельком увидели Сияющего человека. Чет до сих пор не знал, был ли тот настоящим. Сейчас, по прошествии стольких лет, тот день казался сном.

– Сияющий человек?.. – переспросил Жуков.

– Забудьте о том, что я упомянул его, – покачал головой Чет. – Я и так нарушил обычаи, приведя вас сюда.

Они достигли подножия Каскадной лестницы и оказались в пещере с множеством высоких колонн, похожих на песочные часы. Чет подошел к необычной стене, размерами превосходившей Шелковую дверь. В ней было пять арочных проходов, зияющих чернотой, которую не рассеивал свет кораллового фонарика.

– Пять проходов? – удивился Жуков. – Зачем рыть столько туннелей рядом?

Чет по-прежнему старался говорить тихо, хотя все лампы в помещении были погашены: значит, если священники и приходили сегодня, они уже ушли.

– Конечно, пять туннелей нам не так уж и нужны, но необходимо уменьшить давление камня. Если вы роете один туннель, то в верхнем слое камня образуется арка... Яснее объяснить не могу, потому что мы называем это явление словом «дх'йок»: одна арка не удержит всего веса камня, и от дав-

ления туннель разрушится.

– О ветры вершины! – воскликнул Жуколов, перебираясь с плеча Чета в более надежное место, поближе к шее фандерлинга. – Камень обвалится, да?

– Даже при одной арке это происходит не сразу, так что не бойтесь. Однако если проложить несколько параллельных туннелей, дх'йок, давление распределяется равномерно на все арки. Даже если вес камня заставит проход оседать, процесс начнется с крайних туннелей, что даст нам возможность укрепить средние и в конце концов прекратить ими пользоваться.

– Вы хотите сказать, что однажды гора раздавит все? Все ваши постройки? Все ваши туннели?

Казалось, его возмущение неразумностью фандерлингов затмило даже страх перед нависшей над ними опасностью.

– Да, когда-нибудь, – рассмеялся Чет. – Но произойдет это очень не скоро: в век камня, как мы называем ту эпоху. Если только боги не нашьют на нас сильное землетрясение. Но туннели на окраине города все равно выстоят. Так что внуков тех мужчин и женщин, что сегодня вступают в гильдию, тоже поведут сюда на церемонию совершеннолетия.

По всему было видно, что объяснение не успокоило Жуколова. Но все-таки он приободрился, когда Чет выбрал средний туннель – самый безопасный. Фандерлинг не стал рассказывать ему о том, что по боковым туннелям вообще никто не ходит, они предназначены лишь для увеличения

надежности среднего, по которому они с Жуколовом спу-
скались сейчас на нижний уровень.

– А зачем вообще строить туннели? – неожиданно спро-
сил Жуколов.

Возможно, он задавал вопросы только затем, чтобы не
молчать в этом узком каменном коридоре. Непонятные ри-
сунки, вырезанные на стенах, внушали неясное беспокой-
ство даже Чету – такое же, какое он испытал много лет назад,
во время инициации.

Что уж говорить о крохотном человечке!

– Зачем строить туннели на такой глубине, где все уже
создано без *участия* человеческих рук? – повторил вопрос
крышевик, вновь удивляя Чета своей сообразительностью и
умением подмечать детали.

– Хороший вопрос, – заметил фандерлинг.

Ему не хотелось сейчас разговаривать, потому что он на-
чал ощущать силу этого места, его значительность и необыч-
ность.

Никто не спускался к святилищу тайн без особой нужды.
Но он обязан найти мальчика, и потому он войдет в дымя-
щееся сердце Дж'еж'крал. Он должен избавить Опал от стра-
даний. При этом Чет прекрасно понимает, какая ответствен-
ность ляжет на его плечи за то, что он привел сюда чужаков –
сначала Кремня, потом Жуколова. Они оказались в священ-
ных глубинах именно из-за него, Чета Голубого Кварца.

– Я не хочу сейчас вспоминать историю, – ответил он кры-

шевику. – Скажу лишь, что наши предки обнаружили систему пещер, куда не могли проникнуть. Тогда они прорубили туннели, чтобы попасть на нижние уровни уже освоенных пещер – по ним мы с вами и проходили.

Конечно, такого рассказа было недостаточно. Чет почти ничего не объяснил и даже не заикнулся о великих тайнах, сокрытых в святилище. Не говоря уж о том, что невозможно выразить словами.

Бриони огорчала сама мысль, что ей снова придется беседовать с помощником трактирщика. Но дело было вовсе не в нем. Даже если парень действительно способен читать чужие сны, даже если он расскажет о персонажах сновидений самой Бриони, принцессу это мало интересовало. Ее беспокоило другое. Она боялась потерять брата и отца. Она боялась потерять Южный Предел и королевства Пределов. Боялась, что в смутные опасные времена, когда король Олин в плену, а Баррик ведет себя странно и часто болеет, она станет последней из Эддонов.

«Нет, я не допущу этого, – пообещала она себе, проходя через Малый зал к резиденции. – Буду беспощадной, если потребуется. Я спалю леса за Границей Теней, закую в цепи семейство Толли. А если Шасо на самом деле окажется убийцей, сама отведу его на плаху. Во имя спасения королевства я готова на все».

Она не могла без горечи думать о том, что доверенный со-

ветник отца томится в темнице. Если она согласится встретиться с Джилом, разве сможет она не поговорить с Шасо? Бриони не хотела его видеть. Она не доверяла доказательствам, обличавшим его вину, однако прошла осень, а положение дел не изменилось. Они с Барриком не могут так долго тянуть с вынесением приговора: убийца принца-регента должен быть казнен. Но Бриони по-прежнему понятия не имела, что произошло той роковой ночью. Ужасная мысль о казни этого человека – упрямого, с дурным характером и все-таки близкого – терзала ей сердце.

Бриони шла через галерею Малого зала, пересекавшую Розовый сад, когда стражники наконец догнали ее. Это место также называли садом Предателя: много лет назад разгневанный вельможа поджидал здесь одного из предков Бриони, Келлика Второго, намереваясь убить короля. Преступление совершить не удалось. Голова злоумышленника украсила ворота Василиска, а куски его четвертованного тела вывесили над входами основных башен. Эта история вызывала у Бриони такое неприятное чувство, что она не любила появляться в Розовом саду даже весной.

Погруженная в свои мысли, принцесса не замечала стражников, пока один из них не чихнул и не забормотал молитву.

«Что я делаю? Зачем я иду в темницу? – подумала вдруг девушка. – Я же принцесса-регент, почти королева. Велю привести помощника трактирщика в одну из совещательных комнат и поговорю с ним там. Мне абсолютно не за чем спус-

каться в подземелье».

Вместе с облегчением Бриони почувствовала слабый укол совести: решение по делу Шасо дан-Хеза откладывается еще на день...

Она вздрогнула от неожиданности: двое стражников встали по обе стороны от нее, словно овчарки, пасущие овец. Она приготовилась отругать их – Бриони Эддон не может быть ничьей овечкой! – но в тот же миг увидела мужчину и женщину, поднявшихся со скамьи. Бриони не сразу их узнала: она больше года не видела Хендона Толли.

– Ваше высочество, – произнес он, неловко поклонившись. Младший брат Толли был худым, словно гончая, высоким и жилистым. Его темные волосы были коротко подстрижены на висках по последней сианской моде. Он отрастил маленькую бородку. В коротком камзоле из золотистого атласа, пестрых рейтузах и бархатной накидке Хендон походил на принца какой-нибудь южной страны, где мода играла в жизни аристократов большую роль. Бриони подумала: странно, что Хендон одновременно так похож и так не похож на своего старшего брата. Черты лица у них удивительно схожи, но все остальное... Темные волосы вместо светлых, худое тело вместо мускулистого, суетное щегольство вместо флегмагичной бесстрастности... Будто это Гейлон, нарядившийся в маскарадный костюм для представления по случаю Праздника середины лета.

– Ах, судя по вашему наряду, принцесса Бриони, мы за-

стали вас в неудобное время, – сказал Хендон. – Видимо, вы занимались чем-то... требующим усилий.

В голосе его слышалось высокомерие. Вероятно, он рассчитывал, что она рассердится.

Так и произошло.

Бриони еле сдержалась, чтобы не осмотреть свой костюм для занятий в оружейной. Впервые за последнее время она пожалела, что не одета как положено, со всем подобающим титулу великолепием.

– Ну что вы, для родственников не бывает неподходящего времени. – Она заставила себя произнести это как можно любезнее, одарив Толли сладчайшей улыбкой. – Среди своих, я думаю, позволительна некоторая вольность и в одежде, и в речи. Впрочем, даже в кругу семьи необходимо соблюдать приличия. – Она вновь улыбнулась, показав зубы. – Надеюсь, вы простите меня за то, что я так одета, дорогой кузен.

– Ах, принцесса, это только наша ошибка. Моя свояченица очень хотела с вами познакомиться, и я решил встретить вас по дороге. Это Элан М'Кори, сестра жены моего брата Карадона.

– Ваше высочество... – Молодая женщина изящно присела в придворном поклоне.

– Кажется, вас представили мне на свадьбе вашей сестры, – ответила ей принцесса.

Бриони была в ярости: она вынуждена беседовать с ними, потев в теплой одежде. Хендон ведет хитрую игру: сейчас

она не могла даже показать своего раздражения. Бриони решила сосредоточиться на женщине, которой было примерно столько же лет, сколько и ей. Хорошенькая, но очень худенькая и высокая. В отличие от деверя Элан не поднимала глаз и почти не отвечала на небрежные вопросы принцессы.

– Мне действительно пора идти, – наконец объявила Бриони. – Очень много дел. Лорд Толли, нам с вами нужно обсудить очень важные вопросы. Сегодня вечером, вы согласны? Надеюсь, вы поужинаете с нами. Вчера нам не хватало вас.

– Мы устали с дороги, – ответил он. – И волновались о судьбе моего пропавшего брата. Безусловно, тревога за герцога Гейлона осложнила и вашу жизнь, ваше высочество.

– Мне кажется, существует целый заговор с целью сделать мою жизнь тяжелой, лорд Толли. Исчезновение вашего брата относится к числу преследующих нас неприятностей. Думаю, вы уже знаете, что мой брат Кендрик мертв.

– Ну конечно, ваше высочество! – воскликнул Хендон, приподняв брови от столь откровенного выпада. – Я был просто раздавлен этим известием. Но тогда я путешествовал по северу Сиана, и поскольку Гейлон представлял нашу семью при дворе и на похоронах...

– Да, конечно, я понимаю.

Ей в голову вдруг пришла странная мысль: зачем Хендон приехал в замок именно сейчас? Путешествие из Саммерфильда занимает два или три дня и весьма утомительно. Вряд ли он отправился в дорогу просто ради того, чтобы

досадить ей. Бриони не забыла, что сказал шпион Броуна о связях между семьей Толли и автарком, хотя и не разобралась еще, в чем там дело. Пока она не была уверена, можно ли обвинить их в предательстве. Толли слишком многим рисковали, если учесть, что их жизнь была вполне сытой и комфортной. Правда, отец говорил ей когда-то, что желание заполучить трон иногда заставляет людей совершать невероятные поступки.

– Как я уже сказала, мне нужно идти. Думаю, что и вам есть чем заняться. Прежде всего, вы, по-видимому, захотите известить вашу семью, как только услышите новости.

– Новость? – Он явно не ожидал этого. – Вы что-то узнали о Гейлоне?

– Боюсь, что нет. Однако новость у меня есть.

– Тогда вы знаете больше меня, ваше высочество. Что случилось? Мне придется ждать до вечера, чтобы узнать?

– Меня удивляет, что вы до сих пор пребываете в неведении. У нас война.

На миг Хендон замер словно статуя. Стоило торчать здесь лишнюю четверть часа, обливаясь потом, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

– У нас?.. У нас?! – повторил он.

– Нет-нет, не между Южным Пределом и Саммерфильдом, лорд Хендон. – Бриони рассмеялась, вовсе не пытаясь смягчить произведенное впечатление. – Нет, мы же с вами одна семья. И я не сомневаюсь, что вы нас поддержите. Все

королевства Пределов выступают вместе.

– Но... война с кем? – спросил Хендон. Даже его свояченица подняла глаза.

– С сумеречным племенем, конечно, – ответила Бриони. – Я вновь прошу прощения, но у меня очень много дел. Наша армия выходит на рассвете.

Она была несказанно рада видеть, как Хендон Толли и его спутница остались стоять, разинув рты. Обмен колкостями на время вытеснил из головы то, о чем она думала перед этой встречей, но сейчас на память пришли другие дела, требующие ее внимания. Она надеялась, что эти дела не представляют особой важности.

Ни Чет, ни Жуколову разговаривать уже не хотелось. Еда давно закончилась, воды осталось меньше половины бурдюка, а жара усиливалась.

Миновав проложенные фандерлингами туннели и располагавшиеся за ними пещеры, фандерлинг с крышевиком попали в лабиринт переходов. Эти переходы были естественного происхождения, насколько мог судить Чет, но слишком широкие и гладкие. Их разнообразие ошеломило путников. Идти стало намного легче, теперь почти не приходилось нагибаться и склонять голову. Но переходов было чересчур много, и они разбегались во все стороны. Если бы Чет руководствовался только своими воспоминаниями, сохранившимися со времен странствий по лабиринту, он бы давно за-

блудился. Но Жуколов подсказывал направление, определяя его по запаху. Он указывал путь знаками, при этом не пренебрегал толчками и пинками, а изредка заговаривал тихим шепотом, вселяя надежду найти Кремня и вернуться домой.

Туннели казались очень странными. Невозможно сказать наверняка, естественные они или искусственные, но дело не только в этом. Воздух здесь был горячим и тяжелым, и в нем разливалась странная сладость. От такого воздуха начиналось головокружение.

Они шли по очень узкой тропинке вдоль бездонной пропасти. Свет первого коралла почти потух, и Чет двигался крайне осторожно. Он понимал, что поступает вопреки здравому смыслу, что нужно как можно скорее поворачивать назад. Фандерлинг не предполагал, что придется спускаться так глубоко, но поступил очень мудро, захватив с собой второй коралл. Однако, закрепив его в контейнере из отполированного рога и залив соленой водой, чтобы коралл засветился, Чет, увы, понял: на этот раз маленький Валун выбрал плохой светильник. Они почти ничего не видели. Как истинный фандерлинг, Чет никогда не паниковал в темноте подземелий, поскольку прекрасно ориентировался на ощупь и хорошо знал подземные ходы. Но чтобы выйти отсюда, даже ему понадобится несколько дней, а маленькому Кремню и того больше.

– И что же такое здесь внизу? – спросил Жуколов осипшим голосом; вероятно, на него подействовал густой аромат-

ный воздух. – Что нужно здесь вашему мальчику?

– Не знаю, – ответил Чет, которому не хватало дыхания, чтобы разговаривать. Вытирая пот со лба, он едва не уронил в пропасть светильник, закрепленный на голове. – Это... могущественное место. А мальчик у нас особенный. Не знаю...

Они отправились дальше. Чет никак не мог понять, почему он задыхается. Причина в ароматах, витающих в воздухе, или в чем-то еще, более необычном? Иногда ему слышались звуки, похожие на слабые отголоски слов, будто на сотню ступеней ниже переговаривались рабочие. Иногда темноту прорезали вспышки света – короткие, как искорки, что мелькают под опущенными веками. Эти ощущения могли быть признаками отравления, и в других обстоятельствах Чет давно бы развернулся и ушел отсюда. Но он знал, что от тяжелого воздуха Святилища Тайн еще никто не умирал.

Жуколову было еще труднее дышать – ведь он привык к чистому воздуху на крышах.

Чет время от времени чувствовал, что засыпает на ходу. Один раз он очнулся в одном шаге от края пропасти, уходившей далеко в черную мглу. Ему и думать не хотелось, какова ее глубина.

Он по-прежнему слышал неясное бормотание. Конечно, звуки могли производить потоки воздуха, выталкиваемые из верхних залов в туннели силой приливов и отливов (они находились сейчас гораздо ниже уровня моря). Но Чет казалось, что он различает обрывки слов, рыдания и далекие

крики, отчего волосы у него на затылке вставали дыбом. Он повторял себе, что братья из храма спускаются сюда и остаются живы, но его страх не уменьшался. Кто знает, как они готовятся к церемонии, какие жертвоприношения приносят хозяевам загадочных глубин? Стараясь отогнать от себя нараставший страх, он вспомнил о священной тайне Старейших, о Тихом Слепом Голосе.

Постепенно становилось светлее. Чет уже мог различить форму зала, через который они проходили. Впервые за время пути у него появилась слабая надежда. Он узнал знакомые места: это была часть церемониального маршрута. Через несколько минут Чет свернул с опасной тропинки вдоль пропасти и вошел под арку, вырубленную в толще камня. В глубине каменного прохода их окружил молочно-белый свет.

– Зал Лунного Света, – с облегчением объявил фандерлинг. Прохлада мерцающих стен, усыпанных полупрозрачными драгоценными камнями, контрастировала с застоявшимся воздухом.

– Видите, стены сами создают здесь свет, – сказал Чет крышевику. – Мы приближаемся к центру святилища тайн.

Жуколов молча кивнул. Видимо, его подавляла грандиозность пещеры. Стены ее сверкали, словно голубые льдины.

Чет двигался дальше. Они миновали зал Дымчатого Хрустала, прошли через Янтарный зал. Отовсюду по-прежнему лился свет, оживляя пространство. Голова у Чета кружилась, привыкшие к темноте глаза слепило сияние. Он не переста-

вал удивляться, какие разные эти огромные пещеры. Чет никогда не встречал подобного ни в Южном Пределе, ни в других местах Эона, где бывал в молодые годы.

«Правда, это место необыкновенное, – напомнил он себе. – Святилище тайн».

Внезапно фандерлинга охватил суеверный страх, он задрожал. Как он мог забыть?.. Он так торопился на поиски Кремня, что не совершил ни одного, даже самого простого ритуала перед спуском, не прочел ни единой молитвы, не принес никакой жертвы. Старейшие рассердятся.

В Янтарном зале он вдруг осознал, что Жуколов давно молчит. Едва он подумал об этом, как маленький человечек зашатался и скатился с его плеча. Чет подхватил его на лету, присел на корточки и в ярко-желтом свете внимательно осмотрел крышевика. Слава богам, тот был жив, но очень слаб.

– Слишком жарко, – пропищал Жуколов слабеньким голоском. – Я не могу... дышать.

Чет испугался за товарища. Ведь они почти у цели! До конца туннелей осталось совсем чуть-чуть – во всяком случае, до той их части, которая была известна фандерлингам. Кремень, возможно, совсем рядом. Но даже ради спасения мальчика Чет не хотел рисковать жизнью Жуколова.

Надо было что-то делать. Чет так устал, что едва мог соображать. Он развязал рубашку, обмотанную вокруг пояса, сделал из нее гнездо, посадил туда Жуколова и пристроил

его на каменном выступе повыше от пола. Чет знал, что пары ядовитого воздуха всегда скапливаются внизу. Он оставил маленькому человечку коралловый фонарь.

– Я очень скоро вернусь, – сказал он. – Обещаю. Только спущусь чуть ниже.

Он намочил водой носовой платок и протянул его Лучнику, чтобы тот не страдал от жажды.

– Кошки... – едва слышно прошептал Жуколов.

– Здесь нет кошек, – заверил его Чет. – Я уже говорил.

– На всякий случай... – сказал крохотный человечек, выпрямившись, что было для него довольно трудно.

Он достал лук и стрелу, положил их рядом с собой и только после этого устроился поудобнее на своей импровизированной постели.

Чет поспешил дальше. Теперь ему нужно было торопиться не только из-за мальчика, Опал и гаснувшего коралла. Он боялся, что Жуколов погибнет в пещерах. Так-то отплатит он за доброту королеве крышевиков и своему отважному спутнику!

Чет миновал Янтарный зал и вошел в лабиринт. Конечно, будь с ним Жуколов, они легко нашли бы дорогу в запутанном переплетении проходов. Но ничего не поделаешь. Чет припомнил, что об этом лабиринте говорили его приятели в те времена, когда шептаться о тайнах им было интереснее, чем обсуждать девчонок.

«Всегда поворачивай налево, – утверждали они с уверен-

ностью, свойственной тем, кто сам еще не пробовал это делать. – Если упруешься в тупик, развернись и пройди несколько шагов назад. Потом делай то же самое в другом туннеле».

Во время инициации им не пришлось решать загадки лабиринта: священнослужители проводили их туда, а потом вывели обратно. Теперь Чет придется проверить старые сведения. Ничего другого не оставалось, ведь братья из храма ему не помогут.

Между Янтарным залом и Глубинным морем естественного освещения не было, и Чет пришлось двигаться в темноте. Около часа он бродил по туннелям и слышал лишь свое тяжелое дыхание и тяжелые удары сердца. Он действовал именно так, как советовали когда-то друзья: доходил до тупика и делал несколько шагов назад. Но в итоге он понял, что заблудился. Ему захотелось сесть на пол и заплакать...

Вдруг Чет почувствовал движение воздуха. Сердце заколотилось от радости и облегчения. Он пошел туда, откуда тянуло ветерком, и через несколько поворотов вышел из лабиринта в Морской зал, залитый голубоватым светом. Однако радость продлилась недолго: Чет оказался на балконе, а сам зал располагался далеко внизу, под обрывом. Как преодолеть новую преграду? Даже пилигримы, постигшие тайны, видели Морской зал только отсюда. На дно пещеры спуститься невозможно, а на огромном балконе не было Кремня.

Чет не знал, где искать мальчика.

Отчаявшись, он позволил себе немного поплакать, а по-

том опустился на колени и осторожно подполз к самому краю. Он приготовился увидеть тело ребенка, распростертое на острых камнях, освещенное голубоватым светом причудливых кристаллов. Но мальчика нигде не было: ни на каменистом полу прямо под ним, ни на пути к серебристому Глубинному морю, ни на недостижимом острове, в центре которого возвышалось каменное изваяние, грезившееся фандерлингам в ночных кошмарах. Статую скрывала тень, хотя свет, лившийся с потолка, озарял все остальное пространство пещеры. Кремня Чет нигде не увидел – ни живого, ни мертвого.

Фандерлинг вновь погрузился в состояние мучительной неуверенности. Может быть, Кремень лежит в одном из коридоров без чувств или мертвый, а они с Жуколовым прошли мимо, не подозревая, что он там? Святилище Тайн и пещеры с туннелями слишком запутаны. И как теперь узнать, где искать Кремня, если Жуколова нет рядом?

В этот момент огромная таинственная каменная фигура Сияющего человека, стоявшая на острове посреди моря, как будто почувствовала присутствие фандерлинга и вдруг засияла. Сердце Чета бешено заколотилось. Он видел это изваяние лишь раз в жизни: на церемонии совершеннолетия. Тогда его вместе с Другими молодыми фандерлингами привели сюда метаморфные братья. На этот раз он пришел один, со страхом сознавая, что вторгся в запретные места. Когда огромное кристаллическое изваяние засверкало синим, фи-

олетовым и золотым светом, на поверхности моря, состоявшего не из воды, а как будто из ртути, появились удивительные отблески. Вся пещера наполнилась переливами цветов. Казалось, что Сияющий человек пробудился от длительного сна и пошевелился. Чет улегся на живот и прижался к камню. Он молил Старейших простить его и пощадить.

Боги не сочли его достойным смерти. Вскоре свет померк, Чет решился поднять голову – и буквально оцепенел. При новом освещении он заметил, что на острове появилась крошечная фигурка. Она медленно ползла от края сверкающего металлического моря к ногам гигантского Сияющего человека. Даже на таком расстоянии Чет узнал мальчика.

– Кремень! – закричал он.

Его голос разнесся над поверхностью моря, отдаваясь эхом от стен. Крошечная фигурка не остановилась и даже не оглянулась.

30. ПРОБУЖДЕНИЕ

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ

*Ребенок в колыбели,
Медведь на вершине холма,
Две жемчужины взяты из рук старика.
Из «Оракулов падающих костей»*

Потолок главного зала храма Тригона был настолько высок, что даже при закрытых дверях здесь всегда гулял легкий ветерок. Пламя тысяч свечей, зажженных в нишах и на алтаре, постоянно колебалось. Было раннее утро, и зал еще не прогрелся. От холода у Баррика разболелась рука.

Вокруг принца-регента толпились воины и аристократы, отправлявшиеся с ним на запад. Здесь был Рорик Лонгаррен, которого Баррик терпеть не мог; опытные воины – Тайн Блушо и его старый друг Дрой Никомед с нелепыми усами; многие другие, кого Баррик знал лишь заочно. Весь цвет Южного Предела собрался для благословения: неустршимый Майн Калог из далекого Кертуолла; Сивни Фиддикс, которого нередко называли Безудержным Рыцарем, потому что свое оружие и доспехи он отвоевал в многочисленных стычках и поединках; граф Гован М'Ардалл из Хелмингси. В храме собрались несколько десятков высокородных лордов, одетых в белые одежды, и множество людей менее знатных –

они имели коней и доспехи, а также Домик или землю, а потому называли себя «землевладельцами».

Баррик Эддон вместе со всеми опустился на одно колено лицом к алтарю, когда иерарх Сисел давал благословение. Слова старинной иеросольской молитвы, слетавшие с его языка, доносились до Баррика, как журчание далекого ручья. Он знал, что скоро отправится на войну и, возможно, найдет там свою смерть. Врагами его будут ожившие персонажи ночных кошмаров, опасные существа из страны теней. Тем не менее Баррик ощущал в себе странную вялость, пустоту и безразличие.

Принц посмотрел вверх – на скульптуру, состоявшую из трех фигур. На каменном постаменте возвышались три бога Тригона: бог неба стоял на облаке, бог земли – на земле и бог воды – на воде. Все три огромных божества смотрели прямо перед собой. Перин, как положено, занимал место в центре, как высший из высших. Покрытый чешуей Эривор находился справа от него, а сияющий Керниос – слева. Они были наполовину братьями: дети Свероса, ночного неба, но от разных матерей. Баррик задумался. Смог бы кто-нибудь из богов Тригона добровольно отдать жизнь за братьев, как он, Баррик, готов отдать свою за Бриони? Ведь он почти наверняка отдаст за нее жизнь. Но боги бессмертны и неуязвимы, они не могут умереть. Как богам проявить свою храбрость?

Иерарх Сисел все так же заунывно читал молитвы. Ста-

рый священнослужитель настоял на том, что сам проведет церемонию, учитывая важность события. Баррик предполагал, что Си-сел хотел внести свою лепту в защиту страны. Известие быстро распространилось по городу: уже все знали о грядущей войне и о том, что война эта будет необычной и страшной.

Баррику война виделась еще более невероятной: будто пытаешься достать какую-то вещь с верхней полки, но, как ни подпрыгиваешь, как ни тянешься, схватить ее не можешь. Странное сравнение, но ничего другого в голову не приходило.

Когда молитвы закончились и собравшихся стали обкуривать священным дымом из синих кадила, Сисел отвел Баррика в сторону. На лице иерарха читались смирение и гнев. Это выражение было хорошо знакомо Баррику: так смотрели на него взрослые, когда были им недовольны. Все менялось, едва они вспоминали, что предки Баррика, по слухам, за навязчивые советы сажали людей в тюрьму или приговаривали к смертной казни.

– Вы поступаете отважно, мой принц, – сказал Сисел. «Наверное, он хотел сказать «глупо»?» – подумал про себя Баррик.

Он прекрасно понимал, что даже иерарх тригоната не рискнет произнести что-либо подобное в адрес царствующего принца.

– У меня к тому есть причины, ваше преосвященство, – ответил Баррик. – Очень серьезные причины.

Сисел поднял руку. Этот жест означал, вероятно: «Я понял, ничего не надо больше объяснять». Но Баррик с раздражением подумал, что это похоже на жест Шасо, все детство говорившего принцу: «Заткнись, мальчишка».

– Конечно, ваше высочество. Конечно. Трое Великих даруют вам и вашим товарищам благополучное возвращение домой. Войско поведет Тайн, так ведь? – спросил Сисел. Он наморщил лоб, смущенно замялся и добавил: – Под вашим руководством, конечно, принц Баррик.

– Давайте начистоту, – сказал Баррик, сдерживая улыбку. – Я буду чем-то вроде... Как называют ту штуку на носу корабля? Топ-мачта?

– Ростр?

– Да, точно. Я не собираюсь отдавать команды, у меня ведь нет никакого военного опыта. Я надеюсь поучиться у Тайна и остальных опытных воинов. Если Трое Великих помогут мне вернуться целым и невредимым, так тому и быть.

Сисел как-то странно посмотрел на него. Возможно, он расслышал фальшь в чрезмерно благочестивых словах Баррика, но не хотел думать об этом.

– Вы проявляете большую мудрость, принц, – кивнул он. – Вы истинный сын своего отца.

– Да, мне кажется, вы правы.

Сисел так и не понял, что скрывалось за этими словами.

– Нам придется столкнуться не с обычными существами, мой принц. Поэтому нас не должна мучить совесть, – проговорил иерарх.

«Нас?»

– Что вы хотите сказать? – уточнил Баррик.

– Эти... существа. Сумеречное племя, как называют их суеверные люди, Старейшие. Они противоестественны, они враги людей. Они хотят забрать у нас то, что нам принадлежит. Их нужно уничтожать, как крыс или саранчу, без всякого сожаления.

Баррик лишь кивнул в знак согласия.

«Крысы. Саранча», – повторил он про себя.

Его уже окуривали ладаном. Ароматы от камины на-поминали запах специй на Рыночной площади, и ему сразу же захотелось оказаться там вместе с Бриони. В детстве им иногда удавалось сбежать туда на несколько восхитительных минут. Правда, их всегда преследовала половина дворцовых слуг.

Баррик сменил церемониальную одежду на повседневную и вышел из храма вместе с рыцарями и вельможами. Олдрич и его воины выглядели отдохнувшими и свежими, словно только что помылись или вздремнули. Баррику стало обидно, что посещение храма принесло утешение им, но не ему.

Граф Тайн заметил тревогу на лице принца и замедлил шаг.

– Боги нас защитят, не сомневайтесь, принц Баррик, – за-

верил он. – Эти жуткие существа реальны, они тоже из плоти и крови.

«Откуда вы знаете?» – хотелось спросить у Тайна. Ведь единственным человеком в Южном Пределе, хоть что-то знающим о враге, был Вансен. Он даже видел смерть такого существа. Правда, оно было маленьким и не слишком опасным. Но на отряд Вансена нападало и более крупное существо. С ним не смогли справиться полдюжины солдат, и оно с легкостью утащило одного из них, словно украло конфетку с тарелки.

Одним словом, Баррик не разделял мнения Тайна.

– Но эти чудовища, безусловно, очень страшны, – продолжил Тайн спокойно.

Они помолчали, пока служители храма открывали тяжелые бронзовые двери. Свежий воздух с залива ворвался внутрь, приводя в беспорядок их волосы и одежду и срывая пламя со свечей.

– Помните, ваше высочество, что люди должны видеть наши отважные лица, – негромко заметил Тайн.

– Боги дадут нам храбрость, не сомневаюсь, – отозвался принц.

– Да, – согласился Тайн, энергично кивая. – Они помогли мне стать сильным, когда я был молод.

Баррик вдруг осознал, что Тайн выглядит намного моложе отца, короля Олина. Он еще не стар, честолюбив и, возможно, надеется, что Баррик запомнит его как верного дру-

га и мудрого наставника. Если, конечно, они оба останутся живы. В таком случае его благосостояние может существенно возрасти, когда Баррик Эддон станет королем. К тому же у Тайна есть взрослая дочь. Не исключено, что он мечтает выдать ее за принца.

Баррик всегда воспринимал тех, кто старше его (за исключением совсем дряхлых старцев), как некую безликую массу. Он впервые внимательно посмотрел на графа Блушо и попытался угадать, как тот видит окружающий их мир, о чем думает, на что надеется и чего боится. Баррик взглянул на стоявших вокруг людей – на Сивни Фиддикса, на Айвара Сильверсайда, на других лордов, на их гордо поднятые головы и решительные, воодушевленные лица. Теперь Баррик понимал, что у каждого из них, как и у него самого, была своя внутренняя жизнь. Сотни людей у дверей храма, желавших посмотреть на знатных господ Южного Предела, тоже имели собственные мысли.

«Мы живем, словно тысяча островов посреди океана, между которыми не ходят лодки, – подумал Баррик. – Мы видим друг Друга. Мы можем перекликаться. Но мы не можем покинуть свой остров и переплыть на другой».

Эта мысль подействовала на него куда сильнее, чем любой Ритуал в храме. Он не сразу заметил, что толпа, собравшаяся перед храмом, стала оттеснять стражников к дверям. Слухи о надвигающейся войне, об ужасах, пришедших из-за Границы Теней, поселили в людях страх. Они готовы были растоп-

тать тех, кто собирался их защищать. Священнослужители пытались закрыть огромные двери храма. Стражники отталкивали народ древками копий, и несколько человек в толпе уже лежали на земле. Раздался женский визг. Мужчины попытались вырвать у воинов копья. В знатных господ полетели комья земли. Кто-то попал в ногу барона Марринсвока, и тот изумленно разглядывал пятно грязи на своих чистых рейтузах, словно это была кровь. Рорик испуганно вскрикнул. Кажется, в его крике было больше беспокойства за свой наряд, чем за свою жизнь. Баррик вновь погрузился в размышления об островах в океане и все происходящее воспринимал словно во сне. Тайн вытащил меч из ножен. Послышался звон и свист еще дюжины клинков – вельможи последовали примеру Тайна. Запах толпы, окружавшей их, походил на запах животных и казался непривычным и пугающим.

«Тайн и остальные... готовы убивать этих людей», – вдруг понял Баррик.

Все произошло невероятно быстро.

«Или эти люди убьют нас. Но почему?» – подумал он, всматриваясь в лица тех, кто стоял перед храмом.

Вельможи и народ понимали, что ситуация вышла из-под контроля, но никто из них не знал, как остановить кровопролитие.

«Я сделаю это», – решил принц.

Ощущение было острым, однако безрадостным. Он поднял здоровую руку и спустился на несколько ступеней. Тайн

попытался его удержать, но Баррик увернулся.

– Остановитесь! – закричал он.

Никто его не услышал.

Шум перепуганной толпы заглушал его голос. К тому же большинство людей смотрели наверх, на портик храма, и не видели принца. Он вернулся назад, к тяжелым бронзовым дверям, еще не до конца закрытым. Кто-то из смышленных священнослужителей – возможно, сам Сисел – решил, что нельзя оставлять принца-регента и дворян наедине с разъяренной толпой. Баррик выхватил пику из рук одного из стражников. Тот отдал ее с таким растерянным и жалким видом, словно принц собирался заколоть солдата его же оружием. Баррик ударил пикой по бронзовой створке дверей. Эхо многократно повторило удар и разнесло его далеко вокруг. Все головы повернулись к принцу, и шум постепенно стих.

Баррик тяжело дышал: пика оказалась слишком тяжелой, и ему трудно было ударять ею о створку двери. Но он справился. Большинство людей застыли с открытыми ртами, глядя на молодого принца.

– Чего вы хотите? – крикнул он. – Вы собираетесь нас раздавить? Мы отправляемся защищать наш город и нашу землю. Заклинаю вас именем богов Тригона, опомнитесь! Чего вы пытаетесь добиться, наступая на нас?

Люди, напивавшие на стражников, смущенно отступили, но на их место уже проталкивались другие. Сложно разрядить обстановку, близкую к бунту, – не легче, чем рас-

пустить тонкую вышивку. Один из стражников, сдерживавших толпу, потерял равновесие и упал, загремев доспехами. Несколько сослуживцев бросились ему на помощь.

Баррик снова закричал:

– Остановитесь! Дайте людям сказать! Чего вы хотите?

– Если вы, принц Баррик, уйдете вместе с остальными лордами, кто станет защищать город? – выкрикнул один мужчина.

– Придут сумеречные и утащат наших детей! – подала голос женщина.

Баррик одарил их ободряющей улыбкой. Он сам удивился, как это пришло ему в голову. Ну хоть какая-то польза от собственной двуличности. Он сказал:

– Кто защитит город? Его уже защищает залив Бренна, который стоит больше, чем все рыцари и славные воины. Посмотрите вокруг! Захотели бы вы преодолеть залив и штурмовать эти высокие стены, если бы командовали войском? Пусть даже войском призрачной армии. И не забывайте – с вами остается моя сестра Бриони, царствующая принцесса Эддон. Можете мне поверить, даже сумеречное племя не захочет испытать на себе ее гнев.

Кое-кто рассмеялся, но многие продолжали задавать тревожные вопросы. Тайн, первым обнаживший свой клинок, первым и убрал его обратно в ножны.

– Прошу вас! – снова обратился Баррик к толпе. – Позвольте нам заняться делами, потому что мы скоро отправ-

ляемся. Лорд комендант Авин Броун придет на это место в полдень и расскажет вам, как мы собираемся защищать замок и город и чем каждый из вас может нам помочь.

– Да благословят тебя боги Тригона, принц Баррик! Возвращайся целым и невредимым! – выкрикнула какая-то женщина.

Мучительная надежда в ее голосе растрогала и даже испугала Баррика.

Со всех сторон посыпались благословения и добрые пожелания, как незадолго до этого летели комья земли и камни. Толпа не расходилась, но люди образовали коридор для Баррика и рыцарей, чтобы те прошли во внутренний двор через Вороновы ворота.

– Вы хорошо справились, ваше высочество, – немного удивленно заметил Тайн. – Боги подсказали вам верные слова.

– Я – Эддон. Люди знают мою семью. Они верят, что мы не обманем их, – заявил он уверенно, хотя и сам был удивлен.

«Неужели я сделал это сам? Или все-таки боги направили меня? Но я не слышал голоса богов, это точно».

По правде говоря, ему трудно было понять, что он чувствует: гордость от сознания того, что сумел утихомирить разъяренных людей и дать им надежду, или огорчение тем, что люди так легко переметнулись от одной крайности к другой.

«А война еще не началась по-настоящему. Пока не нача-

лась. – Баррикада охватили дурные предчувствия. – Что, если дела наши пойдут плохо? И на чьей стороне будут боги?»

Стук молотков был таким оглушительным, словно на Южный Предел спустилась стая гигантских дятлов. Люди облепили все башни и стены, обшивая их досками на случай осады.

После сонного состояния, в каком пребывала крепость последние несколько месяцев, было приятно видеть столь бурную деятельность. Но Бриони ни на миг не забывала, что им предстоит отбиваться не от воинов соседнего королевства. Южный Предел готовился к войне с совершенно неизвестным и, возможно, непостижимым врагом. Когда люди, занятые укреплением замка, бросали взгляды в сторону пока спокойного западного горизонта – а они очень часто это делали, – на их лицах отражался страх.

Принцесса так увлеклась наблюдением за работой, что умудрилась споткнуться о невысокую самшитовую изгородь. Роза и Мойна бросились на помощь, но она жестом отстранила фрейлин и сердито пробормотала:

– Чертовы кусты! Совершенно невозможно пройти!

Под аркой галереи появилась сестра Утта. Несмотря на пасмурную, прохладную погоду, на ней была лишь легкая светлая накидка поверх простого платья. Покрывало, прикрывавшее волосы, было одного с ними цвета, поэтому казалось, что красивое лицо жрицы висит в воздухе, как маска

на стене.

– Трудно представить себе внутренний садик без живых изгородей, – спокойно заметила служительница Зорин. – Надеюсь, вы не ушиблись, ваше высочество?

– Со мной все в порядке, – потирая лодыжку, ответила Бриони.

У рейтуз все-таки есть недостаток: они не защищали от ушибов.

Утта, кажется, догадалась, о чем подумала девушка. Во всяком случае, губы ее тронула легкая улыбка.

– Вы хотели встретиться со мной? – спросила она.

– Да, я страдаю, и мне не с кем поговорить, – ответила Бриони и тут же поймала на себе обиженные взгляды Розы и Мойны. – Кроме этих девушек, – поспешила она добавить. – Но и им я уже надоела своими жалобами.

– Ничего подобного, ваше высочество! – затараторила Роза. Бриони чуть не рассмеялась: девушка слишком рьяно стремилась ее разуверить. Значит, она и в самом деле им надоела.

– Мы беспокоимся за вас, Бриони, – добавила Мойна. Она забыла упомянуть титул своей госпожи – значит, говорила правду.

«Они хорошие, добрые девушки», – подумала принцесса.

Она чувствовала себя значительно старше их, словно приходилась им старшей сестрой или даже матерью, хотя светловолосая Роза была одного с ней возраста, а смуглая Мойна

почти на год старше.

– Как поживает ваша тетушка? – спросила Утта.

– Мероланна? Уже лучше. Сейчас она в своей стихии, как капитан во время шторма: подходят все новые отряды солдат, в замке полно гостей. К тому же ей приходится присматривать за мачехой: близятся роды, а Чавен вдруг исчез без следа.

Бриони с трудом скрывала свое недовольство придворным врачом. Она стряхнула с рейтуз листья самшита и выпрямилась. Несмотря на холодный ветер с залива, сильно пахло иссопом и лавандой, но этот запах не успокаивал. Интересно, что может ее успокоить?

– А вы, сестра? – поинтересовалась принцесса. – Как вы себя чувствуете?

– Суставы болят. Это всегда случается, когда ветер становится холоднее. Я была бы не против покинуть сад, если вы пожелаете.

– Вас почти не слышно из-за этого шума, так что в любом случае нам лучше куда-нибудь пойти. Но куда?

– Я как раз направлялась в храм принести жертву за здоровье вашего брата и остальных воинов. Там тихо. Как вы считаете?

– Считаю, что выбор просто замечательный, – согласилась Бриони. – Роза, Мойна, хватит строить глазки мужчинам. Пойдемте.

Замковый храм Зории не был таким роскошным, как часовня Эривора, не говоря уже об огромном храме Тригона. Он располагался в углу внутреннего двора, под башней Лета. Алтарь в нем был довольно простым. Свет проникал внутрь через единственное окно с витражом, изображавшим Зорию и морских птиц, которые сидели на ее вытянутых вперед руках и летали над головой богини. Бриони всегда находила эту картину удивительно красивой. Даже сегодня, при слабом солнечном свете, краски витража сверкали.

В храме они никого не встретили, хотя престарелая жрица Зории и три ее послушницы жили рядом. Они были друзьями Утты и заменяли ей семью. Ее настоящая семья жила далеко, на Вуттских островах. Утта давно рассталась с родными.

– Когда вы в последний раз видели ваших родственников? – спросила Бриони наставницу. – Вашу кровную семью?

– Мой брат приезжал сюда несколько лет тому назад, – ответила Утта, сильно удивленная вопросом. – А до этого визита я не видела их с тех пор, как начала служить Зории.

«Наверное, лет тридцать, а то и больше», – решила Бриони.

– Вы по ним не скучаете?

– Я скучаю по молодости. Скучаю по тому времени, когда у меня был дом, остров и чувство, будто это и есть центр мироздания. Скучаю по той любви, что я испытывала к матери. Но позже мои чувства изменились. – Жрица склонила

голову. – Да, изменились.

Бриони не поняла, как можно раздумывать о том, скучаешь ли ты по своей семье. Она постаралась скрыть свои чувства, занявшись свечами: зажгла одну из них и установила на алтаре перед статуей Зории. Здесь богиня изображалась более спокойной, чем на витраже: руки свободно опущены, глаза смотрят вниз, а на губах играет легкая улыбка, которая всегда нравилась Бриони, – улыбка женщины, погруженной в свои мысли. Роза и Мойна тоже подошли к алтарю. Обе выглядели смущенными, когда ставили свечи и прижимали к груди руки, сложенные знаком Тригона. Бриони видела, что девушки скованы и преодолевают неловкость – они выросли в деревне и до приезда в замок Южного Предела не сталкивались с культом Зории и жрицами богини.

«Всемиловитая Зория, наделенная мудростью, помоги моему брату Баррику вернуться живым! – молилась Бриони. – Помоги каждому воину, даже капитану Вансену. Он не такой уж плохой человек. И помоги мне сделать все, что в моих силах, для Южного Предела и его народа».

Принцесса подняла глаза, надеясь увидеть на лице Зории какой-нибудь знак. Слышит ли ее богиня и откликается ли на ее просьбы? Все-таки она принцесса-регент – разве это ничего не стоит? Но спокойные черты лица девственной дочери Перина не изменились.

Бриони вспомнила об отце.

«И помоги моему отцу вернуться из Иеросоля», – доба-

вила она.

Об этом она молилась каждый день, а сегодня чуть не забыла. По телу Бриони пробежала дрожь. Значило ли это что-нибудь? Уж не сообщала ли ей богиня, что с королем что-то случилось? А вдруг это ее вина – не слишком ли она возгордилась своими способностями управлять королевством?

– Надеюсь, это место вселит покой в вашу душу, принцесса, – услышала она голос наставницы. – Но у вас обеспокоенный вид.

– Ах, Утта. А каким он может быть в такое время?

Брат и сестра молча ехали вдоль залива Бренна. Они направлялись к полю, на котором лагерем стояли воины. До южной границы Лендсенда, где оно находилось, оставался час езды. День выдался холодным и ясным, но поднимался ветер. Новый плащ Баррика, расшитый Мероланной, сильно сдавливал ему горло. Он попытался поправить плащ искаленной рукой и застонал, но по-прежнему не сказал ни слова. Баррик знал, что Бриони ждет, когда он заговорит, но ему не хотелось выслушивать ее наставления. Он уже достаточно наслушался.

С дороги они могли видеть, как на отмелях и на обнажившемся после прилива дне у основания замка копошится целая армия работников. Еще одна группа толпилась на деревянных настилах. Они уже снесли ветхие строения рынка перед воротами и приступили к разборке дамбы, ведущей от

замка к материку, чтобы заменить ее деревянным мостом. В случае угрозы его можно легко разрушить и таким образом полностью отрезать замок от суши. Захватчикам придется передвигаться по топкому дну при отливе, когда вода достает лошадям до шеи, или искать лодки и переправляться морем во время прилива, что тоже нелегко из-за течений и огня, который обрушится на них со стен. Неудивительно, что Эривор, бог темных морей, избран покровителем семьи Эддонов. Кто, как не морское божество, дал их городу ценное преимущество, сделав замок почти неприступным?

«Бриони и жители города будут здесь в безопасности, что бы ни произошло», – подумал он.

Его сестру, похоже, занимали совсем другие мысли. Она прикусила нижнюю губу, что свидетельствовало о крайнем беспокойстве. Эта привычка, сохранившаяся у Бриони с детства, напомнила Баррику о давно минувших беззаботных временах. Он проследил за взглядом сестры. Капитан Вансен скакал на коне на некотором расстоянии от них. Баррик ощутил укол ревности, хоть и понимал, что никаких оснований для этого нет.

«Она ненавидит его, – убеждал он себя. – Ненавидит так сильно, будто именно капитан виноват в смерти Кендрика».

Они еще долго ехали молча. Баррик уже начал дремать в седле, когда сестра вдруг что-то сказала. Он не сразу разобрал ее слова.

– Он не станет защищать город, – говорила Бриони.

– Кто? Какой город? – очнулся принц.

– Авин Броун, – сказала она с отвращением, словно это имя было ей крайне противно. – Ту часть Южного Предела, внешний город. Он заявил, что на берегу стены слишком низкие и длинные, их сложно оборонять.

– Но он совершенно прав. Как можно это сделать?

Баррик указал на бесконечный лес островерхих крыш, уходивший вдаль по побережью и в глубь материка, почти до самых холмов. Он был рад отвлечься от своих невеселых мыслей, хотя странно было говорить с сестрой о таких вещах. Ему казалось, что они только играют во взрослых.

– Я не знаю, – призналась она. – Но мы вряд ли сможем укрыть всех этих людей за стенами замка.

– Да спасут нас боги, Бриони! Конечно нет. Даже четверть из них едва туда поместится, не говоря уже о том, что их невозможно прокормить.

– Значит, в случае осады мы бросим их на произвол судьбы?

– Нам остается надеяться, что осады не будет. Если на замок нападут, нам придется не только бросить людей, но и сжечь город.

– Что-о? Только ради того, чтобы захватчики не получили припасов?

– И припасов, и дерева для костров. И может так случиться, что ты... мы... будем стоять и смотреть, как нас обстреливают из катапульта камнями нашего же города.

– Ты не можешь этого знать, как не может знать и Авин Броун! – гневно воскликнула Бриони. Гнев ее был порожден отчаянием. – Никто ничего не может знать! Уже пятьдесят лет города в королевствах Пределов не подвергались осаде. Отец как-то рассказал мне об этом. И люди говорят, что теперь, когда есть пушки и другие приспособления для метания металлических и каменных ядер, осады больше не нужны. В них нет никакого смысла.

Баррику совсем не понравилось, что сестра рассуждает о войне. Тем более ему не понравилось, что она уделяет ей больше внимания, чем он сам.

– Нет смысла? – повторил он. – Тогда что же нам делать? Сдаться?

– Ты прекрасно знаешь, что я не это имела в виду.

Время шло. Они снова молча ехали по дороге вдоль побережья к границам Лендсенда. В воздухе стоял запах сосновой смолы и моря.

Наконец Бриони заговорила:

– Мы не можем знать наверняка, будет ли это осада, Баррик. Мы понятия не имеем, что замыслили сумеречные – они ведь не люди, а нечто совсем иное. Лишь боги могут догадаться, что они собираются делать.

– Очень скоро и мы об этом узнаем. Если они напали на Далер-Трот, мы встретим людей, которые что-нибудь знают о них и о том, как они воюют. Мы обязательно сообщим тебе, если хоть что-то узнаем.

– Ах, Баррик, будь осторожнее, – попросила принцесса, глядя на брата. – Я так сержусь на тебя. Так не хочу, чтобы ты уезжал.

Баррик смутился.

– По-моему, я достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать решения.

– Но ведь это вовсе не значит, что твои решения верны. – Она пристально смотрела на брата, качая головой, – Я боюсь за тебя. Давай не будем больше спорить. Просто... просто не делай глупостей. Независимо от того, какие тебе снятся сны и что тебя пугает.

Холодное оцепенение, сковывавшее его весь день, исчезло от внезапной вспышки любви и жалости. Он посмотрел на сестру, на ее родное лицо – его собственное, но отраженное в чистом зеркале, где все было светлее и ярче. В этом зеркале его двойник открывался там, где сам Баррик был скрыт и насторожен. Румянец на нежных щеках, обрамленных золотыми волосами, контрастировал с его красными от гнева щеками. Баррик хотел бы стать таким же, как сестра. Сегодня утром он был сражен чувством одиночества, властно и уверенно охватившим сердце. Всем своим существом он чувствовал, что они соскальзывают в пропасть. И еще острее – так остро, что не выразить словами, – ощущал, что он и его возлюбленная сестра, его лучший, а может быть, и единственный друг, уже никогда не будут так близки, как сейчас.

Эта уверенность отдалась в нем болью, как будто кто-

то ударил его в живот. Между ними разверзнется бездна, необъятная и бездонная. Все равно, будет ли то смерть, чье холодное дыхание принц уже ощущал на себе, или что-то другое, более странное. Его начала бить дрожь, да такая сильная, что он едва удерживался в седле. Баррик резко подался вперед и... провалился в какой-то темный туннель, в пустоту, где его поджидало что-то холодное и знакомое...

– Баррик! – Голос сестры доносился как будто с другого конца людной и шумной комнаты. – Баррик, что случилось?

Грохот в ушах стал чуть тише. Сквозь мрак проступил пасмурный день. Баррик почти лежал на шее своего коня. – Я в порядке, – ответил он. – Оставь меня.

Ужас Бриони был так велик, что она, забывшись, схватила брата за больную руку. Он вырвал руку и выпрямился в седле, надеясь, что никто из свиты ничего не заметил. Но по тому, как старательно их спутники отводили глаза от принца и принцессы, он понял: люди видели все.

– Боги дразнят нас, – тихо заметил Баррик.

В этом полубормочном состоянии он и не заметил, как они добрались до места.

Воины поджидали их на поле сжатой пшеницы. Их было около тысячи или чуть больше. Совсем недавно прибывшие и наспех построенные сержантами, они пока очень мало походили на армию. Каждый день из разных мест сюда прибывали новые люди, но они присоединялись не к основному войску, отправлявшемуся в поход на запад, а к тем, кто оста-

вался защищать замок Южного Предела.

– Нельзя так говорить о богах, – умоляющим тоном произнесла Бриони. – Во всяком случае, не перед началом столь опасного похода. Я не перенесу этого.

Баррик посмотрел на сестру и вместе с раскаянием и душевными муками опять ощутил в своем сердце сильный прилив любви к ней. В конце концов, кто есть у него в этом мире? Кого или что еще он боится потерять? Никого. Ничего. Он погладил ее по рукам, державшим поводья.

– Ты права, глупышка. Извини. Я не прав. Я не считаю, что боги нас дразнят.

И это была истинная правда. Потому что именно сейчас, на этом открытом месте, под небом, затянутым тучами, он вдруг понял, что больше не верит в богов.

Чет долго и мучительно спускался вниз по предательски опасным тропинкам, таившимся под балконом в самом конце лабиринта. Кто бы мог догадаться, что здесь есть путь к морю? И кто пользовался этим путем? Братья храма?

Чет вышел наконец на берег и оказался на прибрежной гальке в сумасшедшем сверкании разноцветных вспышек света. Он никак не мог понять, каким образом мальчик сумел пробраться на остров. Чет опять подумал, что Старейшие наказывают его за то, что он привел сюда чужака, не выполнив необходимых церемоний. Он чувствовал, что совершает святотатство, оказавшись так близко к Сияющему

человеку. Статуя нависала над ним, словно гора. Даже ступив на берег, Чет не мог рассмотреть ее как следует. Было лишь ясно, что фигура похожа на человека, но разглядеть ее не удавалось. Неровное свечение, исходившее от Сияющего человека, отражалось от потолка и поверхности моря, окрашивая стены гигантской пещеры сверкающими пятнами переливающихся цветов.

«Почему же Старейшие наказывают меня, но позволяют пройти на остров мальчику?» – вдруг спросил себя Чет.

На секунду он засомневался. Возможно, он вообще не видел Кремня, а принял за него тень летучей мыши? Ведь он так устал. Может быть, одурманивающий воздух Святилища Тайн сыграл с ним злую шутку?

Он снова заметил на острове какое-то движение. В свете Сияющего человека появился темный силуэт. И Чет отбросил все сомнения.

– Кремь! – закричал он, сложив рупором ладони и подпрыгивая, чтобы его было лучше видно. – Кремь! Это я, Чет!

Ему показалось, что фигурка на миг замерла. Но никакого ответа не последовало. Силуэт пропал, растворился в пульсирующих вспышках света.

Ругаясь на чем свет стоит, Чет бегал взад и вперед по берегу, но никак не мог найти путь, по которому мальчик пересек металлическое подземное море. Наконец он остановился, что-то бормоча, растерянный и изможденный, и сто-

ял так, пока вдруг не вспомнил про второе маленькое существо. За него он тоже нес ответственность, но совершенно забыл об этом, едва увидел силуэт Кремня.

– Жуколов! – вскричал Чет. – Гром и молния! Я же оставил его там совершенно одного, а прошло уже больше часа! К тому же он болен и совсем не может дышать.

Чет пришел в ужас от собственной беспомощности: все в этой жизни пошло не так, а он не способен ничего исправить. И началось это в тот момент, когда они с Опал подобрали мешок у Границы Теней.

«Нам следовало оставить его там, где он лежал», – подумал Чет.

Сердце его болело от любви к белокурому ребенку, но мысль эту трудно было оспорить.

Он снова полез вверх по тропинке, больше напоминавшей козью тропу, хотя никто никогда еще не видел, чтобы козы жили на глубине тысячи футов под землей... Как только эта мысль промелькнула в его голове, он увидел на крутом склоне нечто светящееся. Какое-то сияющее существо стояло между ним и балконом в конце лабиринта. Он с удивлением уставился на то, что, скорее всего, было болезненным видением, порожденным жаркой душной глубиной.

Даже в обычном мире на поверхности (во всяком случае, по эту сторону от Границы Теней) не существовало светящихся белых оленей – призрачных созданий с удивительно стройными ногами, с рогами, напоминавшими переплетен-

ные корни дерева, и огромными бледно-голубыми глазами, горящими, как две свечи. Именно такое дивное существо смотрело на Чета сверху вниз в течение нескольких мгновений, а потом исчезло так же внезапно, как появилось.

Чет замер на месте, уцепившись за выступ скалы. Голова закружилась, и он испугался, что сейчас упадет. Было ли это на самом деле? Или он слишком сильно надышался воздухом Святилища Тайн?

«О повелитель Горячего Мокрого Камня, помоги мне! – взмолился он. – Неужели на острове я видел призрак, а не настоящего Кремня?»

Свет и тени искажали все вокруг до неузнаваемости. Несмотря на это, Чет был твердо уверен, что видел существо на двух ногах и с круглой головой, то есть человека.

Добравшись до того места, где, как ему казалось, стоял олень, Чет не обнаружил никаких признаков чего-либо живого.

Фандерлинг поспешил туда, где он оставил Жуколова. Чет был буквально раздавлен ужасом, который внушали ему боги и эти священные места. Неудивительно, что, когда он остановился перед выступом скалы, где не так давно сам устроил ложе для крышевика, Чет не сразу понял, в чем дело. Коралл по-прежнему светился, но маленького человечка не было.

Живот у Чета скрутило так, что ему показалось, будто он

заболел. Он потерял всех, о ком должен заботиться, кто нуждается в нем! Чет опустился на четвереньки, поднес светильник к полу и принялся отчаянно искать среди обломков известняка следы своего спутника. Оставалось только молиться, чтобы к тому времени, как он найдет Жуколова, крышечка не погиб.

Его поза выглядела достаточно глупо, но думать об этом он был не способен, пока где-то совсем рядом не раздавался тонкий голосок:

– Уж не случилось ли вам что-то обронить?

– Жуколов! – вздрогнул Чет. – Где вы?

– Я здесь, за кучею камней, не знаю уж каких. Но умоляю, не вспугните.

– Не вспугнуть – кого?

Фандерлинг пополз туда, откуда раздавался голос.

Его мрачное настроение чуть улучшилось – впервые после того, как он понял, что ему не попасть на остров Сияющего человека. И вопреки всему в душе затеплилась надежда.

– Это Кремень? – спросил он. – Вы нашли моего мальчика?

– Если только у вашего мальчика есть усы и длинный хвост. Чет остановился. Лучник стоял между двумя сросшимися сталагмитами. Они не доходили Чету и до пояса, зато для крошечного человечка были высотой с гору. Жуколов целился в кого-то из лука, но Чет не видел цель. Он подо-

шел поближе и разглядел в темноте черные бусинки глаз и подергивающийся нос. Испуганная крыса отскочила и побежала вдоль стены, но крошечная стрела крышевика ударила в стену прямо перед ней. Крыса замерла, шевелился только ее нос.

– И давно вы пытаетесь ее убить? – спросил удивленный Чет. С души его словно камень упал.

Он не ожидал, что Жуколов так плохо стреляет, но потом решил, что на маленького человечка тоже подействовал опьяняющий воздух пещеры.

– Вы так сильно проголодались? – поинтересовался фандерлинг.

– Проголодался? Хоть вы и велики ростом, но умом не блещете. Я и в мыслях не держал есть ее – я собирался на ней ехать.

– Ехать?

– Мне не пройти пешком такое расстояние до свежего воздуха, – пояснил Жуколов. – Но теперь все в порядке: появились вы и ваше широкое плечо. – Человечек слабо улыбнулся. – Не отнесете ли вы меня назад к дому?

– Вы собирались скакать на этой крысе? – удивлялся Чет. Мысли его двигались очень медленно, но он уже начинал понимать. – До самой поверхности?

– Я же разведчик желобов, – несколько раздраженно ответил Жуколов. – Я давно научился укрощать диких крыс. А этим тяжелым воздухом я не могу больше дышать.

– Тогда давайте ловить крысу. Она осчастливит нас обоих.

Жуколов заканчивал мастерить седло – наиболее крупную часть упряжи. Для его изготовления он использовал ремешок от фонаря, связанный нитками, и лоскуток от рубашки Чета. Крыса, для которой это седло предназначалось, сидела в сумке фандерлинга и радостно подбирала крошки еды, купленной у Соляного пруда. Чет надеялся, что после трапезы крыса перестанет кусаться.

– Но для чего здесь остаетесь вы? – спросил Жуколов.

– На остров должен вести какой-то путь, ведь мальчик туда пробрался, – сказал фандерлинг. – Я обязан найти к нему дорогу.

– Может статься, есть там лодка, на ней мог переправиться парнишка.

Сердце Чета замерло. Он даже не подумал об этом.

– Даже если это так, – проговорил Чет, – я должен быть там, когда он пойдет обратно, чтобы не дать ему снова ускользнуть. Кроме того, вдруг ему понадобится помощь. Как переплыть через жидкое серебро на лодке? Лодка ведь может... перевернуться или развалиться? Такое случается, верно?

– Вы никогда не плавали на лодке. Я угадал? – спросил Жуколов с усмешкой.

– Верно, – признался Чет.

– Ну, я поехал. Пошлю вам помощь. К кому мне обратиться-

ся, господин фандерлинг?

– К моей жене Опал, если вы ее найдете. А если не найдете, спросите у любого, и вас к ней проводят.

Жуколов кивнул, затянул потуже узел на уздечке и внимательно осмотрел ее.

– Сойдет, – кивнул он и задумчиво помолчал. Потом предложил: – Не кажется ли вам, что лучше мне прислать на помощь кого-нибудь из тех парней из храма? Как называете вы их? Металлоформные братья, кажется?

– Метаморфные... О гром! Я не сообразил. Ведь они уже видели и знают вас! Конечно.

Чет рассердился на себя за то, что сам не додумался до такой простой вещи – видимо, слишком много всего на него навалилось.

Он помог Жуколову закрепить упряжь. На этот раз крыса вела себя спокойнее, чем раньше, но укротить ее все-таки оказалось нелегко. Крышевик проявил завидное терпение, и было видно, что процедура для него не нова. Пока маленький человечек взбирался в седло. Чет удерживал крысу на месте. Когда Чет убрал руку, крыса попыталась сбежать, но отважный Жуколов ловко стукнул ее луком по морде. Крыса взвизгнула и метнулась в другую сторону, но снова была наказана. Она поняла, что бежать куда-то по собственной воле опасно, присела и замерла. Шевелились только ее бока в такт дыханию, да тревожно моргали глаза.

– Она начинает понимать, – заметил довольный Жуколов.

– Возьмите с собой кусочек коралла, – предложил Чет, отламывая краешек поярче. – Он поможет вам не заплутать в темных закоулках. Удачного путешествия, Жуколов. Спасибо вам за помощь и доброту.

Жуколов привязал обломок к одному из ремешков крысиной упряжи.

Чет хотел добавить что-нибудь еще. Он чувствовал, что крошечный человечек стал для него настоящим другом. Но фандерлинг не умел выражать свои чувства словами. К тому же он устал и был сильно напуган.

– Да помогут вам Старейшие, – вымолвил он.

– Пусть Повелитель Вершины хранит вас, Чет Голубой Кварц, – отозвался Жуколов.

Крышевик пришпорил крысу, но та не двинулась с места. Тогда он ткнул ее луком в бок, и «лошадка» побежала. Крышевик подстегивал крысу луком и ловко управлял ею, заставляя поворачивать в нужном направлении. Они постепенно сливались с темнотой ведущего наверх туннеля, и вскоре Чет в последний раз увидел, как мелькнул огонек коралла, привязанного к упряжи.

– Они помогут, если только найдут вас под толщей камней! – крикнул ему в последнюю минуту Жуколов.

Его тоненький голосок, казалось, прозвучал в нескольких милях от Чета.

Далеко растянувшийся арьергард армии, направлявшей-

ся к Сеттлендской дороге и холмам, исчезал за поворотом. На вытоптанном поле осталось лишь несколько сотен провожавших. Бриони понимала, что это неправильно, что такая армия должна выступать в поход под звуки труб и следовать маршем через весь город. Но у них не было времени, чтобы это организовать. И принцессе, надо признаться, этого совсем не хотелось. Хотя она понимала, что многих встревожит почти тайный уход тысячи человек. Ведь воины всегда предпочитали открыто демонстрировать свои силы.

«Возможно, начинается эпоха других войн, – размышляла Бриони, хотя и сама не понимала, что все это значит. – Мир быстро меняется. Неизвестно, так ли уж это плохо. Сейчас не время для парадов и труб. Хотя... как сказать. Может быть, именно теперь они особенно нужны».

Она не могла есть и не переставала плакать.

«Баррик уходил на войну, словно приговоренный на казнь», – твердила она про себя. Его шутки и нарочитая веселость, когда он целовал сестру на прощание, не обманули Бриони.

Роза и Мойна безуспешно пытались уложить принцессу в постель, но она даже думать не могла ни о каком сне, тем более в полдень.

«Ах, Баррик! – мысленно укоряла она брата. – Ты должен был остаться со мной».

Бриони сердито фыркнула, когда горничная предложила

ей платок, чтобы вытереть слезы. Она смахнула их рукавом и испытала странное удовольствие от того, как фрейлины застонали при виде столь неподобающего поведения.

– Пойду поговорю с лордом Броуном, – объявила Бриони. – Он сказал, что хочет со мной что-то обсудить. Может быть, подготовку к осаде. Еще нужно дать указания лорду Найнору о снабжении питанием пополнения из Хелмингси.

– Но... разве не они должны явиться к вам? – поинтересовалась Роза.

– Я пойду сама.

Ей сразу стало лучше. Куда приятнее заняться делом, чем празднично сидеть и думать о Баррике и остальных отбивших... Куда?

Фрейлины спешили за ней, как утята за мамой-уткой. Позади следовали озабоченные стражники. На полпути через внутренний двор Бриони вдруг вспомнила, что забыла кое-что сделать вчера или даже позавчера. Она вспомнила слова того дурня-поэта о встрече с загадочным помощником трактирщика и замедлила шаг. Роза и Мойна, старавшиеся не отставать, буквально врезались в нее и чуть не сбили с ног.

– Приведите ко мне помощника трактирщика, – велела она одному из стражников. – Я встречу с ним в часовне Эривора.

– Его одного, ваше высочество?

Принцесса подумала о его дружке, поэте Тинрайте. Меньше всего ей сейчас хотелось выслушивать глупую лесть.

– Да, только его, – подтвердила она.

После разговора с лордом комендантом Бриони чуть снова не забыла про помощника трактирщика, но запах ладана из святилища Ярило в Фермерском зале напомнил ей о назначенной встрече. Она направилась в часовню.

Странный человек по имени Джил ждал ее с покорным терпением. На вытянутом безумном лице не отражалось ничего, зато охранявшие его стражники проявляли признаки нетерпения. Бриони поняла, что заставила их томиться в ожидании довольно долго.

«Ладно, – сказала она себе. – В конце концов, я принцесса-регент».

Это, конечно, было справедливо, но замок готовится к осаде, и эти солдаты могли бы заняться чем-то другим. Она почувствовала легкий укор совести.

– Ваши люди выглядят усталыми, – обратилась она к сержанту. – Вам пришлось потрудиться, чтобы привести его сюда?

– Нет, ваше высочество. Нам трудно было удержать девушку, которая хотела прийти с ним.

– Девушка? – Бриони ничего не понимала. – Какая девушка?

– Та, что привел с собой капитан Вансен, ваше высочество. Как же ее зовут... Уиллоу! Девушка из долины.

– А почему она вдруг захотела прийти?

Сержант пожал плечами, но потом вспомнил, что с принцессами так себя не ведут.

– Я не знаю, ваше высочество, – ответил он, склонив голову. – Люди в темнице говорят, будто она приходит к нему каждый день, сидит рядом и не сводит с него глаз, как кошка с мышинной норы. Они не разговаривают, но она все время смотрит на него, а он на нее – нет. – Стражник слегка покраснел. – Так мне говорили, ваше высочество.

Бриони сузила глаза и повернулась к помощнику трактирщика.

– Вы слышали? Это правда – про девушку?

Его холодные, прозрачные глаза были пустыми, как у рыбы.

– Там люди, – медленно сказал он. – Я редко смотрю. Я слушаю.

– Что слушаете?

– Голоса. – Он улыбнулся, но как-то неловко, словно еще не научился этому. – Они пытаются говорить... некоторые из них. Они поручили мне рассказать вам про вашего брата – того, что видит сны.

– Какие голоса? – резко спросила принцесса. Очень трудно не рассердиться на человека, если он смотрит на вас как на стул или камень. – И что же они говорят про принца Баррика, вашего господина?

– Точно не знаю. Голоса звучат у меня в голове. Чаще всего во сне, но иногда и наяву. – Пустые глаза закрылись, потом

снова медленно открылись. – Они говорят, что ему нельзя покидать замок, нельзя идти на запад.

– Нельзя?.. Почему?.. Но он уже ушел!

Бриони пришла в ярость от того, что он рассказал об этом только сейчас. Но она вспомнила, что сама виновата. Вспышка гнева переросла во что-то совсем другое – леденящий ужас в груди.

– А почему ему нельзя идти? – спросила она.

Джил медленно покачал головой. Бриони вдруг подумала, что ничего не знает об этом человеке. Броун сказал только, что Джил работал в дешевом трактире у лагуны Скиммеров.

– Если он идет на запад, – продолжил Джил, – он должен опасаться глаз дикобраза.

– И что это значит? – не поняла Бриони.

Ее не покидало чувство, что она совершила ужасную ошибку. Но что она могла сделать? Даже если этот человек не врет, вправе ли она отправить курьера к Баррику, чтобы передать это... это предсказание? Принц уже гневался на Джила. Пожалуй, она составит письмо так, чтобы оно позабавило Баррика. Тогда, может быть, сведения застрянут в голове брата и, если в них есть доля правды, пригодятся ему. Она помолилась богам, чтобы ее глупость и небрежность не привели к роковым последствиям.

– Что это значит? – повторила она вопрос.

– Я не знаю, – покачал головой помощник трактирщика. – Голоса мне не сказали. Они говорят, а я слушаю. Они словно

по другую сторону стены. – Он сделал невероятно длинный вдох. – Теперь это происходит все чаще, потому что мир меняется.

– Меняется?

– Да. Боги просыпаются. Прямо у нас перед носом.

Он произнес это очень спокойно – как всем известную истину.

31. НОЧНОЙ ГОСТЬ

ИСТОРИЯ

*Истории, что слышал ты в саду
И в переходах, – это песнь пустая,
Взмах крыльев голубиных.*

Из «Оракулов падающих костей»

Ежедневные молебны и ритуалы были особенно мучительны. Теперь Киннитан чувствовала себя больной почти каждый раз, когда Пангиссир давал ей одно из своих снадобий. Иногда после песнопений полуночного богослужения ее часами переполняла неумная, но совершенно бесполезная энергия. Киннитан не могла и не хотела спать. Лежать в постели, слушая собственное дыхание, ей тоже не нравилось.

Этим утром Киннитан выпила эликсир, приготовленный священником, и ее стошнило так, словно она была тыквой, которую выскабливали с помощью гальки и кипятка. Странное отстраненное состояние с каждым разом длилось все дольше. В такие минуты ей казалось, будто она гость – и не очень желанный – в собственном теле. Еще больше ее пугало другое, и думать об этом было просто невыносимо. Когда Киннитан выпивала «кровь солнца» и проваливалась в кошмарную тьму, подобную смерти, она казалась себе сверчком, что корчится на рыболовном крючке, живой приманкой, ви-

сящей над бездонной пропастью. А прямо под ней, приняв-
хиваясь и выжидая, шевелилось что-то огромное...

Что это могло быть? Неужели она и в самом деле виде-
ла существо, мысли которого текли медленно и приводили
в ужас, как содрогание самой земли? Существовало ли оно
на самом деле или снадобье так разрушительно действовало
на разум Киннитан? Несколько месяцев назад одна из моло-
дых жен сошла с ума: она то смеялась, то плакала и не мог-
ла остановиться. Девушка говорила, что избранные следили
за ней даже во сне. Она разорвала все свои платья, бродила
взад и вперед по коридорам и напевала детские песенки. А
однажды просто исчезла из дворца.

«Что нужно этим людям? – спрашивала себя Киннитан. –
Неужели они хотят свести меня с ума? Или медленно убива-
ют? Но зачем?»

Она была одержима идеей, что ее хотят отравить – не
только мерзким эликсиром главного жреца. Каждый раз, ко-
гда кто-то протягивал ей чашу или когда она получала пищу
не с общего стола, Киннитан чувствовала, что находится в
шаге от пропасти. Помимо открытой неприязни главной же-
ны, она стала замечать, что другие женщины тоже посматри-
вают на нее странно. Постоянные встречи с Пангиссиром и
другими священниками Нушаша они считали проявления-
ми незаслуженной благосклонности – будто ежедневные му-
ки могли быть наградой для Киннитан! Даже Луан, ее верная
союзница, начала сторониться подруги. В их разговорах по-

явилась какая-то неловкость – так беседуют случайно встретившиеся женщины, когда обе знают, что одна из них недавно оговорила другую. Да еще Джеддин с его смехотворной и безрассудной страстью разделял их, как запертая дверь.

Вот и сейчас Киннитан без сна лежала на своей узкой кровати. Мысли беспорядочно кружились у нее в голове, как растревоженные муравьи. Время от времени – именно в тот момент, когда она готова была погрузиться в сон, – за дверью раздавался храп горничных, заставлявший ее вздрагивать. Киннитан вспоминала жизнь в Улье как что-то бесконечно далекое. Все хорошее осталось в прошлом.

Поглощенная тревожными печальными мыслями, она никак не могла уснуть. Вдруг она услышала приглушенный шум от какого-то движения в дальнем конце комнаты. Там кто-то был, и он действовал тихо – как будто знал, что она здесь не одна.

Сердце Киннитан отчаянно заколотилось. Она медленно села, вглядываясь в полумрак, и в слабом свете закрытой перегородкой лампы смутно различила чью-то фигуру. А ведь когда она ложилась в постель, там никого не было!

«Танисса. Ее подослала ко мне главная жена. – Перед мысленным взором Киннитан предстало квадратное лицо избранной с пустым и угрюмым, как у побитой собаки, взглядом. – Даже если я закричу, она убьет меня прежде, чем подоспеет помощь».

А если садовница заодно с Аримоной, можно кричать до

хрипоты – никто не откликнется.

Она бесшумно соскользнула с кровати на пол, издав легкий стон, будто потревоженный во сне человек. Она надеялась тем самым приглушить звуки своих шагов и, возможно, вынудить убийцу остановиться из страха разбудить жертву. Сердце готово было разорваться от ужаса, и Киннитан лихорадочно пыталась сообразить, что использовать в качестве оружия. Ножницы, которыми рабы подстригают ей волосы! Но они лежат в шкатулке из слоновой кости, а шкатулка стоит на дне корзинки под ночным столиком – слишком далеко и долго доставать.

Киннитан провела рукой по маленькому столику и коснулась чего-то холодного и твердого. Пальцы сжали длинную булавку с наконечником в виде соловья из золота и эмали – подарок Луан. Она зажала соловья в кулаке и подняла булавку, как кинжал.

«Танисса не убьет меня, не заплатив за это собственной кровью», – решила Киннитан.

Во рту у нее пересохло, а горло сдавило так, словно на шею затянули петлю.

Фигура у дверей двигалась медленно и бесшумно, нащупывая путь вытянутыми руками. Освещенный тусклым светом силуэт едва ли походил на человека. Странно, но у неизвестного гостя оказались слишком тонкие руки и ноги – значит, это не Танисса и не какой-то другой душитель, посланный Аримоной или автарком. Сердце Киннитан едва не оста-

новилося от страха. Может, это привидение? Или демон те-ней из ночного царства Аргала?

Существо приблизилось к Киннитан. Она видела его едва различимое во мраке лицо и уже хотела воткнуть булавку в глаз незваного гостя, но суеверный ужас сковал ее руку. Существо наткнулось на Киннитан и отпрянуло. Прикосновение прохладной человеческой плоти мгновенно оживило руку Киннитан, и она изо всех сил ударила призрака. Тот отскочил со странным хриплым вздохом, не проронив ни слова и даже не вскрикнув от боли или удивления. Сердце Киннитан снова отчаянно забилося от суеверного ужаса.

– Оставьте меня в покое! – крикнула она, но с губ слетел лишь сдавленный шепот.

Существо съежилось на полу, издавая непонятные животные звуки. Киннитан перепрыгнула через него и побежала к двери, чтобы позвать рослых охранников из числа избранных, но остановилась в дверях. Она услышала всхлипывающие звуки и поняла, что ее поверженный противник плакал.

Киннитан схватила светильник, стоявший за перегородкой, и подняла его над головой. Комнату залил желтый свет, и она увидела: существо, вселявшее в нее ужас, оказалось скорчившимся на полу маленьким темноволосым мальчиком.

– О королева Уля! – воскликнула девушка еле слышно и испугалась еще сильнее.

Она подошла поближе. Мальчик смотрел на нее широко

раскрытыми испуганными глазами. Через всю его грудь тянулся кровотокающий след от булавки.

– Кто ты такой? – спросила Киннитан шепотом.

На нее смотрело залитое слезами лицо ребенка. Он открыл рот, но издал лишь мычание. Киннитан вздрогнула, а мальчик поднял руки, защищая лицо.

«Один из избранных-молчальников!»

Скорее всего, это был немой раб, захваченный в плен еще младенцем на какой-нибудь войне. При дворе автарка очень любили окружать себя такими мальчиками. Немые не выдадут секретов, не позовут на помощь, что бы с ними ни вытворяли.

– Бедняжка, – сказала Киннитан, больше для самой себя. Ей казалось, что человек, лишенный способности говорить, не может слышать и понимать. Она осторожно протянула к нему руку, и он весь сжался.

– Я не обижу тебя, – пообещала она, надеясь, что хотя бы звук ее голоса успокоит мальчика.

Она поняла, что говорит слишком громко и может разбудить горничных. Еще минуту назад Киннитан радовалась бы этому, но теперь не желала постороннего вмешательства. Ее следующие слова мог слышать только раненый ребенок:

– Давай я помогу тебе. Ты понимаешь? Я думала, ты... Ты напугал меня.

Мальчик снова всхлипнул, но позволил осмотреть свою рану. Она была длинной, но неглубокой. И все же кровь уже

просочилась за пояс его белых полотняных штанов. Киннитан нашла чистую тряпку, наложила ее на порез и обвязала грудь мальчика старым шарфом.

– Рана не опасная, – прошептала она. – Ты понимаешь меня?

Ребенок робко притронулся к повязке, подумал и робко кивнул. Было заметно, что он в любую минуту готов вскочить и пуститься наутек.

– Хорошо. Прости, что поранила тебя. Что ты здесь делаешь? Даже в свете лампы можно было увидеть, как лицо мальчика моментально побледнело. Киннитан даже испугалась: а вдруг рана смертельная? Она попыталась успокоить ребенка, но тот, постанывая, поднялся на ноги и протянул руку к пропитанному кровью поясу штанов, издавая слабые гортанные звуки, похожие на голубиное воркование. Из-за пояса он вытащил мешочек – мокрый и окровавленный. Киннитан не хотелось брать его в Руки, но мальчик всем своим видом выражал такое страдание, что она поняла: он беспокоится за содержимое. Она заставила себя взять мешочек и увидела, что стягивавший его шнурок перевязан серебряной нитью и запечатан воском. Она поднесла лампу поближе, но не сразу узнала отпечаток на печати.

Киннитан перевела дух. Ей вдруг расхотелось смотреть, что находится внутри. Но мальчик жалобно заскулил, как собака, которая ждет, чтобы ее выпустили за дверь. Киннитан решительно сломала восковую печать с серебряной нитью и

вытряхнула из мешочка пергамент и золотое кольцо. Подпись в конце свитка гласила: «Джеддин». Она беззвучно выругалась.

– Ты передал письмо, – сказала она. – Все в порядке, оно не пострадало. Тебя послал капитан? Капитан «леопардов»?

Мальчик озадаченно покачал головой. Киннитан тоже удивилась. Затем ее осенила другая мысль.

– Луан? – снова спросила она. – Избранная Луан? Она послала?

Теперь он заулыбался, правда улыбка была болезненной и слабой, и закивал головой.

– Очень хорошо. Ты сделал то, что тебе велели. Теперь надо уходить так же бесшумно, как пришел, чтобы не разбудить спящих снаружи. Я искренне сожалею о том, что ударила тебя. Попроси, пусть перевяжут твою рану. Скажи им... скажи, что упал на камень в саду.

Мальчик выглядел неуверенно, но он встал и поправил рукой повязку. Он поклонился Киннитан, и это простое проявление вежливости выглядело так странно – ночью, в желтом свете лампы, среди пятен крови на полу, – что она чуть не расхохоталась. Мгновение спустя ребенок скользнул за занавеску и исчез. Киннитан подождала, прислушиваясь к тишине, затем занялась оттиранием кровавых следов на полу, а потом прикрыла это место одним из ковров. Сама мысль о необходимости читать послание Джеддина наполнила ее смятением. Может быть, это глупые любовные вирши,

чуть не стоившие ребенку жизни? Или что-то более опасное – например, назначенная встреча и те же угрозы, какими он принудил Луан к сотрудничеству? Теперь, когда комната снова выглядела так же, как до появления полуночного гостя, Киннитан поставила лампу на ночной столик, села на край кровати поближе к свету, скрестила ноги и приступила к чтению.

«Возлюбленная!» — так начиналось послание, написанное очень четким и изящным почерком.

«По крайней мере, он не указал моего имени», — с облегчением отметила про себя Киннитан.

В следующее мгновение значение этого слова достигло ее сознания, и Киннитан словно ударили. Как это могло случиться? Будто она попала в старую сказку о любви влиятельного человека к юной девушке и о том, как ради этой любви он рискует своей жизнью и жизнью своей любимой, ибо другой, еще более влиятельный человек — наимогущественнейший на земле — уже заявил свои права на нее.

«И это все происходит именно со мной?!» — не могла поверить Киннитан.

Она читала дальше.

«Я поступил глупо, рискнув встретиться с тобой. Ты не ошиблась, указав мне на это. Поползли слухи. Один из моих врагов что-то заподозрил. Должно быть, это главный министр Вэи, но он ничего не сможет доказать».

Киннитан охватил такой сильный ужас, что перехватило дыхание. Читать дальше не хотелось. Но она не бросила письмо.

«Может наступить день, когда он выступит против меня, несмотря на расположение автарка, хвала ему. Он ненавидит меня – я имею в виду Вэша. Как, собственно, и все остальные при дворе. Я должен быть готов к тому дню, когда все может измениться. У меня есть преданные люди, но моя личная безопасность ничего не значит без тебя.

Если такой день наступит, я пошлю к тебе гонца, и он произнесет священное имя Хаббили. И как сошедший с гор сын великого бога избежал опасности и, раненый, добрался в лодке до Ксиса, так и мы поплывем к нашей свободе. В гавани рядом с храмом Хаббили стоит маленькое быстроходное судно «Утренняя звезда Кироса». Я назвал его не в твою честь, моя прекрасная звезда. Парусник у меня с тех пор, как я вознесся столь высоко и стал начальником над «леопардами» автарка. Когда я узнал, что в обители Уединения тебя называют Утренней Звездой, я понял, что богини судьбы предугадали нашу историю. Как только ты доберешься туда, покажи капитану это кольцо. Он узнает его и примет тебя с почестями. После того как я присоединюсь к тебе, мы вместе увидим, как восхитительно скользит по волнам эта «Утренняя звезда».

Я надеюсь, до этого не дойдет, возлюбленная моя. У меня все еще остается шанс взять верх над Пиннимоном Вэшем и другими моими врагами. Я постараюсь сделать так, чтобы наша любовь расцвела в лучах славы Бесценного. Но, как говорится, в змеином гнезде нет покоя даже змеям».

Он подписался цветистым росчерком.

«Глупец, – подумала Киннитан. – О, Джеддин, какой же ты глупец!»

Если бы мальчишка ненароком разбудил охранников или слуг, если бы письмо попало в чужие руки, то она и Джеддин – а с ними, возможно, и Луан – уже стояли бы на коленях перед палачом. Капитан «леопардов» страдает опасной формой безумия, размышляла Киннитан. Он восхваляет автарка и при этом собирается украсть у владыки всей земли избранную невесту.

Киннитан не любила Джеддина, это она знала наверняка, но его безрассудство трогало ее. Внутри могучего тела билось сердце мальчишки – несчастного мальчишки, гонящегося за другими и вечно остающегося позади. Но он давно уже стал мужчиной, чью красоту она не могла не заметить, – и это тоже было правдой.

Киннитан перевела дух. Что же будет с ними? Может ли она позволить себе поддаться чувствам? Есть ли на самом деле способ, с помощью которого Джеддин вытащит ее из этого жуткого места? Из предосторожности Киннитан со-

жгла свиток в пламени лампы – он разлетелся черным пеплом. Кольцо она все-таки оставила при себе.

32. ЕЩЕ ПРИ ЭТОЙ ЖИЗНИ

СЛЕЗЫ

*«Ликуй и веселись» – Вот что нам говорит
Вой волка на луну.*

Из «Оракулов падающих костей»

Крупные капли дождя с шумом падали на землю, и улица Мастеровых превратилась в поток грязи. Мэтти Тинрайт осторожно переступал с доски на доску – некоторые из них погрузились в жижу, словно прохудившиеся лодки, и выступали над поверхностью только одним краем. Мэтти прикладывал невероятные усилия, чтобы не испачкать башмаки. Денег, выделенных ему на одежду, не хватило на деревянные сабо. Точнее, в борьбе между сабо и огромным роскошным гофрированным воротником выиграл последний. Мэтти очень заботился о том, чтобы хорошо выглядеть.

Одна из досок утонула в грязи целиком, и старый Пазл застыл, будто превратился в статую, растерянно глядя близоруками глазами на углубление шириной в два ярда, заполненное вязкой жижей. Прямо на него с грохотом ехала воловья повозка, занимавшая всю ширину дороги. Время от времени раздавались громкие крики погонщиков. Люди, спешившие по улице Мастеровых от Скрипучей аллеи – несколько торговцев, промокших подмастерьев и множество

солдат-рекрутов из провинции, – отошли под навесы домов и с интересом наблюдали за происходящим. Повозка ехала медленно, но, вероятно, старый шут не видел ее.

Тинрайт раздраженно вздохнул. Ему совершенно не хотелось возвращаться назад по грязи, чтобы спасти товарища, но ведь Пазл был для него единственным близким человеком, почти другом. Мэтти не мог допустить, чтобы повозка его задавила.

– Пазл! – окликнул он старика. – Иди сюда! Эта скотина сейчас наступит на тебя!

Шут, моргая, поднял глаза. На Пазле был самый приличный его наряд: темные рейтузы, плащ с капюшоном, а также замызганная шляпа невероятного размера, из-под которой он мог видеть лишь свои перепачканные грязью ботинки. Наряд был гораздо смешнее любого шутовского костюма. Тинрайт подумал, что Пазлу нужно одеваться именно так, когда он развлекает королевских гостей.

– Эй! – закричал Тинрайт.

На этот раз Пазл, кажется, увидел его знаки и посмотрел на приближавшуюся повозку. Раздраженный вол и его погонщики были поглощены сложными маневрами на раскисшей улице, и Пазла для них словно не существовало. Старый шут заморгал, сглотнул и наконец осознал серьезность надвигающейся опасности. Он поднял длинную, как у журавля, ногу в грязном башмаке и попытался дотянуться ею до слишком далекой доски, однако потерял равновесие и сту-

пил прямо в месиво грязи. Тощая нога оказалась в луже по щиколотку. Пазл завизжал и задергался всем телом.

Ему повезло: погонщики все-таки следили за дорогой, поэтому шут отделался легким испугом. Повозка остановилась в паре ярдов от него, окатив брызгами грязи. Вол опустил голову и смотрел на моргавшего от страха, перемазанного с головы до ног человека так, словно впервые видел столь странное существо.

Тинрайт совсем не так представлял себе их появление в «Квиллер Минте». В грязной дыре было темно и тесно, и никто не заметил, как они вошли. Трое новобранцев засмеялись, глядя на покрытые слоем засохшей грязи ноги Пазла, но подвинулись, когда дрожавший старик и Тинрайт сели у огня. Поэт окликнул пробежавшего мимо помощника трактирщика: Джила сменил мальчишка лет девяти-десяти – наверное, один из многочисленных родственников Конари, достаточно юный, чтобы не чураться работы. Тинрайт велел принести щетку и тряпку, чтобы Пазл отчистил грязь, а сам пошел к стойке. Там Конари открывал новый бочонок эля. Теперь вместо прежней откидной доски здесь красовался настоящий стол. Поэта удивили и даже немного расстроили такие изменения: некоторым от войны одна польза – теперь в «Квиллер Минт» заходит еще больше пьяниц. Успех Конари приносил достижения самого Тинрайта.

Конари довольно кисло посмотрел на Мэтти, но все-таки

заметил его пышный воротник и новый камзол.

– Тинрайт, ты негодяй! – сказал он. – Ты лишил меня помощника.

– Лишил? – возмутился Мэтти. – Я тут ни при чем. Из-за него я сам чуть не угодил в темницу. Но в итоге все сложилось хорошо: теперь я придворный поэт принцессы-регента и потому на него не в обиде.

Он подозрительно посмотрел на табуретку, достал платок и протер ее, прежде чем сесть.

– Тогда, скорее всего, принцесса глуховата. Бедная девочка! словно ей без тебя мало забот. – Конари подбоченился. – Раз уж ты взлетел так высоко, то должен как миленький вернуть мне три монеты. Иначе весь город увидит, как тебя вышвырнут на улицу из таверны.

Тинрайт совсем позабыл про долг. Он сморщился, но тут же вспомнил, что сегодня они гуляют за счет Пазла.

– Ну конечно, – ответил поэт, с невозмутимым видом вытащил монеты и швырнул их на стол. – Я не мог прийти раньше, потому что развлекал принцессу, иначе давно вернул бы тебе деньги.

Конари уставился на медяки, словно впервые их видел. Для этого человека деньги значили куда больше, чем воротник и камзол. Только теперь он поверил, что Тинрайт добился успеха в жизни.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – предложил он.

– Ага. Мой товарищ – личный шут короля, так что прине-

си нам кувшин самого лучшего эля. А не того пойла, каким ты потчуеть остальных. – Он грациозно помахал рукой.

– Тогда с тебя еще монета, – заявил Конари. – Эти три уже мои, помнишь?

Тинрайт застонал. Разве теперь ему не положен кредит? С недовольной гримасой он выложил деньги на стол.

Кажется, Пазл немного отошел от потрясения. Он уже закончил соскабливать грязь со своих полосатых рейтуз и туфель, хотя на них еще оставались кусочки засохшей земли. Теперь старик смотрел на огонь с таким видом, будто не знал, как называется эта удивительно теплая и яркая штука.

– Согласись, здесь куда интереснее, чем на кухне в замке, – во всеуслышание обратился к нему Тинрайт. – Здесь столько солдат. Толкаются, как гуси у кормушки.

Пазл поднял глаза.

– Мне... мне кажется, я здесь уже бывал, – проговорил он. – Давно. Этот трактир горел?

– Ага, – кивнул Тинрайт. – Много лет тому назад. Так мне, по крайней мере, говорили. Это захудалое местечко, но в нем есть свое очарование. Поэту необходимо выпивать с простыми людьми, или он потеряет чувство реальности, имея дело лишь с высоким и прекрасным. Я часто здесь бывал до своего возвышения.

Он посмотрел вокруг, не слышит ли кто-нибудь его рассуждений. Но, увы, все сидящие перед очагом были заняты игрой в кости и не обращали на него никакого внимания.

– Так-та-ак... – раздался знакомый голос.

Кувшин с элем и две кружки звякнули о каминную полку.

При виде необъятного зада женщины, что принесла выпивку, Пазл от изумления вытаращил глаза.

– Мэтти Тинрайт! – воскликнула она. – А я уж думала, ты умер или уехал обратно на западное побережье.

– Нет, просто у меня появились другие обязанности, – пояснил поэт, постаравшись кивнуть Бриджит (а это была она) как можно любезнее.

– Похоже, ты высоко взлетел, Мэтти, – отозвалась Бриджит.

Она дотронулась до его камзола и провела пальцем по воротнику.

Наконец-то! Он заулыбался и довольно сказал Пазлу:

– Видишь, меня здесь еще помнят.

Старик не очень-то его слушал. Он не сводил глаз с колыхавшейся над корсажем плоти Бриджит, словно голодный человек, увидевший сочный кусок жареного мяса. Тинрайт снова повернулся к девушке.

– Да, Зосим мне улыбнулся. Я теперь придворный поэт самой принцессы-регента.

Девушка на минуту нахмурилась, но вскоре опять повеселела.

– Должно быть, тебе одиноко в замке, хоть там и полно прекрасных дам, – усмехнулась она. – Наверное, скучаешь по своим старым друзьям и своей старой кровати?..

Нет, это было уже слишком. И хотя старик все еще пялился на грудь женщины, сам Тинрайт не хотел, чтобы ему напоминали о прошлом.

– Ах, да... – произнес поэт самым беззаботным тоном, но посмотрел на Бриджит укоризненно. – Помню, я несколько раз оставался здесь на ночь с Хьюни и Теодоросом, когда мы слегка перебирали. У нас, поэтов, слабость к крепким напиткам, они раскрепощают фантазию. – Он похлопал Бриджит по заду и попытался сунуть ей монету. – Будь хорошей девочкой, Бриджит. Тебя ведь так зовут, верно?

Хорошо, что в руках у девушки не было ни кружки, ни подноса, но она обошлась и без них: Бриджит так треснула Мэтти по затылку, что слезы брызнули у него из глаз, а шляпа слетела с головы и упала прямо в золу.

– Ах ты, собака! – сказала она так громко, что половина посетителей повернулись в их сторону. – Ты всего несколько дней провел в замке, а уже вообразил, что у тебя кое-что из чистого серебра. Невин Хьюни, когда засыпает на девушке, пускает слюни и газы, а руки у него становятся бессильными, как вата. Но он, по крайней мере, не считает, что оказывает ей благодеяние.

Бриджит гордо повернулась и ушла, а все вокруг залились смехом. У Тинрайта звенело в ушах от оплеухи, поэтому остроты зрителей звучали для него не громче журчания ручейка.

После нескольких кружек разбавленного эля – Конари продавал в «Квиллер Минте» только такой – Пазл заметно оживился.

– Помнится, ты говорил, будто тебя отправляют на войну? – спросил он, стирая с губ полоску пены. – В качестве военного поэта или кого-то в этом роде...

Тинрайт утратил всю свою веселость, но старался не показать виду.

– Ах, ты об этом, – небрежно сказал он. – Я поговорил со зрителем замка лордом Найнором – я не путаю его имя?

– Да, Найнор. – Пазл слегка нахмурился. – Довольно мрачный тип. Мне ни разу не удалось его рассмешить. Наверное, слишком много думает.

– Да, наверное. Естественно, мне очень хотелось поехать, но Найнор решил, что я больше нужен здесь, чтобы поднимать дух принцессы. Ведь ее брат ушел на войну.

На самом деле Найнор сам пришел к нему, чтобы выяснить, действительно ли поэт уезжает с армией. Неизвестно, откуда он узнал о неожиданном решении принцессы. Тинрайт рухнул перед ним на колени, пустил слезу, клялся, что произошла ошибка, что кто-то неверно понял приказание. Найнор обещал поговорить с принцессой. С тех пор прошло немало времени, армия и принц-регент отправились в поход. Теперь поэт чувствовал себя в безопасности. Но даже воспоминание о том разговоре ввергало его в дрожь. Мэтти Тинрайт отправляется на войну! С чудовищами и велика-

нами! Только богам известно, кого он мог бы там встретить. Нет, его гладкая кожа и красивое лицо предназначены для других батальи – для тех, что происходят в постели. После них обе стороны остаются целыми и невредимыми.

– Я просил, чтобы меня отпустили, – объявил Пазл. – Я не нужен им здесь. Я был нужен их отцу, а этим двоим – уже нет. Он-то был хорошим человеком. Понимал мои шутки и выдумки. – Пазл моментально от веселости перешел к слезливому унынию. – Говорят, король Олин жив, но я опасюсь, что он никогда не вернется. Мне очень жаль его, он замечательный человек. А теперь эта война... – Он посмотрел на Тинрайта, моргая. – С кем мы сражаемся? С колдунами? Ничего не понимаю.

– Никто не понимает, – согласился Тинрайт и снова почувствовал себя в своей стихии. – Даже в замке сплетники разносят самые безумные слухи, а что творится в городе? – Он показал на небольшую группу мужчин за столом: они курили трубки и передавали друг другу какую-то бумагу. – Знаешь, что утверждается в этой грязной бумажке? Что принцесса-регент и ее брат убили Гейлона Толли, герцога Саммерфильдского.

Он покачал головой с искренним возмущением: надо же навести такую клевету на милую девушку, которая признала талант Тинрайта и возвысила его, подняла из мерзости до тех высот, которых он заслуживает... Он снова покачал головой и осушил то ли четвертую, то ли пятую кружку эля. Мэтти

выпил бы и еще, но Бриджит была занята, а он не решался позвать ее.

Пазл тоже смотрел в ее сторону.

– Очень красивая девушка, – заметил он.

Мэтти нахмурился и принялся разглядывать осадок в своей кружке.

– Бриджит? – отозвался он. – Да, хорошенькая, но страшно привязчивая. Радуйся, что ты уже не в том возрасте, мой Добрый друг. Эти женщины – просто беда для мужчины. Стоит одну ночь с ней покувыркаться, как она воображает, что ты у нее в руках и должен таскать ее за собой, как игрушечную лошадку.

– Не в том возрасте? – повторил Пазл с сомнением и тоской.

Шут так долго молчал, что Тинрайт поднял голову и взглянул на него в упор – не уснул ли? Но нет, глаза шута были широко открыты. Тогда Тинрайт повернулся в ту сторону, куда смотрел Пазл: может быть, у Бриджит расстегнулось платье? Оказалось, что старик устался на дверь, которая только что захлопнулась, отгораживая их от дождливого дня.

– Наступает комендантский час, – прокричал Конари из-за стойки. – Закрываемся с вечерним колоколом. Скоро сюда придут блуждающие огоньки, так что поторапливайтесь, допивайте!

– А я думал... – медленно проговорил Пазл.

Мэтти Тинрайт поставил кружку. Он раздумывал, не выпить ли еще, и пытался сделать непростой выбор: что лучше – посетить безобразный трактирный нужник или опорожнить мочевой пузырь под проливным дождем у задней стены дома?

– Что ты думал? – переспросил он.

– Я... я только что видел одного знакомого человека. Чавена, придворного врача. Он разговаривал вон с тем, в капюшоне. – Пазл заерзал на месте, оглядываясь вокруг. – Нет, тот в капюшоне тоже ушел. Возможно, они удалились вместе.

– Ну и что странного? Врач знает, как никто другой, что эль полезен для здоровья. Полезнее самих врачей и их снадобий.

– Но ведь он уехал... хотя нет... очевидно, не уехал. – Пазл покачал головой. – Он уехал из замка по срочным делам, и все страшно удивились. Правда, он мог и вернуться.

– Ну конечно. Наверное, он ездил в какое-то жуткое место, если вернулся и сразу пошел сюда, – заключил Тинрайт и с трудом поднялся на ноги. Может быть, он выпил несколько больше, чем ему казалось? – Пошли, нам пора. Здесь собираются одни бедняки, и лишь изредка заглядывает какой-нибудь врач или поэт.

Он помог Пазлу подняться и милостиво добавил: – Или королевский шут, конечно. Нет, здесь совершенно не ценят приличных людей.

Комнаты Баррика нравились Бриони больше, чем ее собственные. Окна ее гостиной выходили в Уединенный сад, что особенно радовало в солнечную погоду. В дождь у нее на подоконнике ворковали голуби и было уютно, как под теплым одеялом. Однако почти весь обзор закрывала каменная громада Волчьего Клыка, и Бриони пришлось довольствоваться созерцанием двора и сада.

Из маленького окошка гардеробной Баррика виднелась дорога к океану. Принцесса остановилась у этого окна. Перед ней сверкала бело-красная башня Осени, а за ней волновался сине-черный угрюмый океан. Только что пронеслась буря, и небо покрывали тучи, но смотреть на островерхие крыши, похожие на крошечные горные страны, и горизонт над ними было удивительно приятно. Бриони невольно думала о том, как велик мир.

«Интересно, Баррику специально выделили эти комнаты – потому что он мальчик, а я девочка? Для меня – сады и тихие уголки, старые стены. Они приучают к мысли, что ты проведешь свою жизнь взаперти. Зато для него – вид на мир, что принадлежит ему по праву рождения: небо, жизнь и возможности, простирающиеся во всех направлениях».

Брат сейчас в том необъятном мире, а она беспокоится о нем и завидует ему.

«Это двойное предательство, – думала она. – Он не только бросил меня одну, но оставил на меня трон и этих людей –

вечно что-то требующих, о чем-то молящих, спорящих...»

Но эти мысли не изменили ее любви к Баррику. Они лишь превратили их связь, дающую им силы, в привязанность балованного ребенка, который не может оставаться в одиночестве.

«Ах, ведь Баррику грозит огромная опасность, если мощный трактирщика говорит правду, – говорила она себе, но ничего не могла поделать. Оставалось только ждать и готовиться к худшему. – Боги просыпаются... кажется, так говорит этот странный человек. Но он ничего не объясняет. Что он имеет в виду? Что все это вообще значит? Когда мир начал сходиться с ума?» Между облаками образовалась прореха – вниз упал узкий луч света, высветил на минуту башню Лета и снова спрятался за облака. Бриони вздохнула и повернулась к фрейлинам.

– Мне пора одеваться.

– Но, ваше высочество, – начала было Мойна. – Эта одежда... она... вам...

– Я уже объяснила, что буду делать и почему. У нас война. Мой брат выступил с армией. Я последняя из Эддонов в этом замке.

– Еще ваша мачеха, – робко заметила Роза. – Ребенок...

– Пока он не родился, я остаюсь единственной из Эддонов в Южном Пределе. – В голосе Бриони зазвучал металл, чему она сама и удивилась, и ужаснулась: «В кого я превращаюсь?» – Сколько можно повторять, что я не могу оставаться

прежней. Я представляю не только себя, но и брата, и всю семью.

При виде выражения, появившегося на лицах девушек, она недовольно фыркнула.

– Нет, я не сошла с ума, – сказала она фрейлинам. – И я знаю, что делаю.

Точно ли так? Она сомневалась. Иногда от горя и отчаяния люди сходят с ума, и тогда они могут причинить вред окружающим. Сумасшествие может подкрасться так тихо, что человек и не заметит. Что стоит за ее желанием носить одежду Баррика? Реакция на высокомерие мужчин и желание быть ближе к брату? Или неприятие красивых нарядов – это болезнь, которая постепенно лишит ее женственности?

«О боги и богини, я так страдаю! Все ушли! Каждый день мне хочется плакать. Или ругаться».

Но принцесса не позволила себе проявить чувства, не стала ни плакать, ни ругаться. Она приняла строгий вид, заставивший Розу и Мойну замолчать.

– Мне пора одеваться, – повторила Бриони.

Она стояла с прямой спиной, гордо откинув голову, как истинная королева или императрица, и девушки повиновались, они начали одевать ее в платье брата.

Но фрейлины все-таки притворились, будто не знают, как носить мужские вещи, хотя с ними было куда проще, чем с женской одеждой. Бриони пришлось самой надевать тяжелый пояс для меча, самой его застегивать, самой вкладывать

КЛИНОК В НОЖНЫ.

Если это была перемена погоды, то какая-то странная. Вансен стоял на холме позади группы разведчиков, смотрел на широкую долину, на Сеттлендскую дорогу, петляющую вниз, и пытался понять причину своего волнения. Было душно, хотя днем прошел сильный ливень, отчего дорога стала труднопроходимой. Нет, не в этом дело. У воздуха был какой-то кислотоватый привкус, напоминавший о той породе осенью, когда жгут опавшую листву, хотя время для этого прошло два месяца назад. Нет, и запахи здесь ни при чем. Все было странно, даже свет стал неестественным: быстро темнело, солнце уходило за черные тучи, а склоны холмов по сравнению с ними казались необычно зелеными. Но и такое он видел сотни раз. В чем же дело?

«Это от страха, – сказал он себе. – Ты уже побывал за Границей Теней и боишься оказаться там снова. Ты видел тех, кто идет сюда, и страшишься встречи с ними».

Все утро навстречу войску шли беженцы: услышав о бойне в Кендлстоне, они поспешили покинуть свои дома. Некоторые, в основном женщины и дети, сумели бежать из города во время нападения. Они рассказывали ужасные вещи, а Тайн Олдрич и Вансен весь день пытались сообразить, чем это грозит. Они безуспешно пытались выработать стратегию, которая могла бы остановить безумное войско. Рассказы беглецов расстроили солдат – ведь ополченцы сами были фер-

мерами и мало отличались от тех, кто погиб в Кендлстоне. Тогда, с разрешения Тайна, Вансен выехал вперед вместе с разведчиками, чтобы подробно расспросить прибывавших беженцев, оказать им помощь, дать еды и воды и отвести от дороги. Так удастся избежать бесконечного потока страшных историй, и без того уже напугавших солдат: они действовали, как струи ледяной воды. Феррас Вансен не сомневался, что их следующая остановка на ночлег будет мрачной и тревожной, но хотел предотвратить худшее.

Конечно, смысла в этом было немного: тот, кто боится даже рассказов о сумеречных существах, вряд ли сумеет выжить в битве с ними. Однако Вансен надеялся, что в настоящем сражении к людям вернется мужество, как бы сильно они ни были напуганы. Реальный враг всегда слабее того врага, что живет в вашем воображении.

Он повернулся к Дэбу Доли – одному из вернувшихся из той злосчастной экспедиции за Границу Теней. С очень большой неохотой, под давлением Бриони Вансен согласился расширить полномочия Михаэля Саутстеда, которому не слишком доверял, и в первый же вечер после производства в капитаны тот устроил две драки в городе. Но молодой Доли – совсем другое дело. Осторожный, вдумчивый не по годам, после пережитого он стал еще серьезнее. Если бы Вансен не хотел увидеть собственными глазами, что их ждет впереди, он мог бы с легким сердцем послать Доли во главе отряда разведчиков, несмотря на недостаток опыта.

– Думаю, нам следует остановиться здесь на ночь, Дэб. Во всяком случае, я предложу это графу Тайну. Возьми людей, спустись с холма и попробуй найти воду. Мне почему-то кажется, что за тем бугорком должен быть ручей.

Доли кивнул. Остальные опытные разведчики, услышав слова капитана, молча сели на коней, свернули с дороги и поехали вниз.

«Будь у меня несколько сотен таких воинов, я не испугался бы сумеречных существ», – подумал Вансен.

В глубине души он знал, что это не так. Даже если ты возглавляешь тысячу самых лучших в мире солдат, ты не в силах изгнать из сердца тот холодный ужас, что внушали призрачные существа.

Долина заполнилась огоньками костров. Армия еще недалеко ушла от дома, поэтому солдаты ели мясо и мягкий хлеб – его пока не надо пилить ножом, как часто случается в военных походах. Гвардейцы из Кертуолла играли на волынке и пели. Несмотря на унылую мелодию, их пение радовало слух. И Вансену, и всем остальным было приятно послушать музыку.

Он шел к одному из костров, когда увидел на гребне невысокого холма фигуру в окружении стражников, державшихся чуть в стороне. Он пришел в замешательство, но через минуту узнал принца Баррика. Вансен был немного удивлен: он думал, Баррик присоединился к лорду Олдричу и осталь-

ным лордам, которые сейчас закусывали. Но из опыта общения с королевской семьей Вансен уже знал, что этот мальчик ведет себя необычно и предпочитает одиночество.

«Правда, он уже не мальчик», – поправил он себя.

Баррику столько же лет, сколько было Вансену, когда тот ушел из дома в город на поиски счастья. Тогда Феррас был уверен, что уже стал мужчиной, и не нуждался в доказательствах этого. Глядя на Баррика, он невольно вспомнил принцессу Бриони и ее тревогу за брата. Безусловно, принц был в безопасности: он находился ярдах в двадцати от ближайшего костра. Вансен всегда уважал желание людей побыть в одиночестве, что многие не понимали, но сейчас он тревожился. Ведь Коллум Дайер был совсем рядом с ним, когда беднягу утащило чудовище.

Сообщить принцессе, что ее брат погиб в честном бою, было бы невыносимо тяжело. Но сказать, что призрачные существа выкрали принца прямо из лагеря? Невозможно.

Вансен стал не спеша подниматься на холм, чувствуя, как хлещет по ногам мокрая трава. Он все время думал: чего же хочет от них сумеречное племя? Капитан прошел несколько войн и имел кое-какой опыт. Он знал: есть люди, которых можно остановить только силой, если они хотят забрать что-то у других. Есть и другие: они боятся, что у них что-то хотят отобрать, хотя на самом деле никто этого делать не собирается. В основе любой войны лежат жадность и страх. Но чего хочет армия теней – войско величественное и ужасное,

призрачное и блистательное? Почему после двухсотлетнего перерыва они покинули свои безопасные земли, скрытые туманом? Те, с кем они когда-то воевали, давно умерли. Поколения смертных прожили жизни, ни разу не встретив сумеречных существ. Они знали о них лишь из старинных историй да видели в страшных снах.

Он еле сдержал дрожь, ибо лучше других знал: сумеречные существа – не люди. И не животные. Они демоны. А значит, человеку не понять причин их поступков.

Феррас уже близко подошел к Баррику. Принц оглянувшись, посмотрел на него и вновь вернулся к созерцанию. В той стороне, куда смотрел принц, Вансен не увидел ничего интересного.

– Простите меня, принц Баррик, – поклонился он. – С вами все в порядке?

– Здравствуйте, капитан Вансен, – ответил молодой человек и продолжил всматриваться в ночное небо.

Ветер разогнал тучи, и на небе проступили звезды. Феррас Вансен вспомнил: в детстве он думал, что звезды – это костры, разожженные такими же людьми, как и он, звездными пастухами, живущими с противоположной стороны небесной сферы. Они, может быть, тоже считают костры Вансена и его соседей звездами.

– Холодает, ваше высочество, – сказал Вансен. – Возможно, вам стоит вернуться к остальным?

Принц промолчал.

– Как там было?.. – наконец произнес он.

– Что – было?

– За Границей Теней. Там все иначе? Другие запахи?

– Там страшно, ваше высочество, я уже говорил и вам, и вашей сестре. Туман и темнота. Трудно ориентироваться.

– Но на что это похоже? – Его больная рука была спрятана под плащ, а второй он указывал на небо. – Вы видели те же созвездия – Лестницу Демии, Рога?

– Я сейчас не могу вспомнить, – покачал головой Вансен. – Все... все было как во сне. Созвездия? Не уверен.

Баррик кивнул.

– Мне снится... снится та сторона. Теперь я это понимаю. Я видел их во сне всю мою жизнь. Я не знал, что это такое, но теперь, когда вы рассказали... – Он повернулся к Вансену и посмотрел на него удивительно острым взглядом. – Вы говорите, вам было страшно. Почему? Вы боялись умереть? Или что-то иное?

– Боялся смерти? – задумался Вансен. – Конечно. Боги дали нам страх смерти, чтобы мы не относились к их дару слишком легковесно и в полной мере использовали то, что нам дано. Но я чувствовал и другое... не только страх смерти.

– «Чтобы мы в полной мере использовали то, что нам дано», – повторил принц и улыбнулся, хотя улыбка показалась Вансену вымученной. – Да вы поэт, капитан Вансен.

– Нет, ваше высочество. Просто... этому меня учил наш

деревенский священник. – Он слегка смутился. – Я не очень верю, что это на самом деле так. Кто знает, что будет с нами в ледяных руках Керниоса?

– Действительно... кто знает?

В этот момент Вансен отчетливо вспомнил дни, проведенные за Границей Теней.

– Я боялся, потому что тот мир был мне непонятен, – ответил он принцу. – Потому что я не мог доверять своим чувствам. Потому что я лишился способности разумно мыслить.

– И ничего страшнее этого быть не может. Точно не может, капитан Вансен.

Видно было, что Баррик испытывал какое-то мрачное удовольствие от этого разговора. Он пристально посмотрел на Вансена и спросил:

– Как вас зовут, капитан?

– Феррас, ваше высочество. Довольно распространенное имя в долинах.

– Но у вас редкая фамилия.

– Мой отец родом с Вуттских островов. Баррик снова посмотрел на звезды.

– Но он предпочел жить в Далер-Троте, – заметил принц. – Он был счастлив? Он еще жив?

– Умер, ваше высочество, уже давно. Да, отец был вполне счастлив. Он всегда говорил, что готов отдать весь океан без остатка за участок земли и хорошую погоду.

– Видимо, он родился не там, где ему предназначалось, –

заметил Баррик. – Думаю, так бывает. Некоторые люди проживают жизнь как во сне, потому что не смогли найти для себя в этом мире подходящее место. Они идут, не зная куда, их окружают призраки, страх, чужаки, как было с вами в сумеречной стране. – Он засунул под плащ и вторую руку. – Вы правы, капитан Вансен, холодает. Думаю, выпью вина и отправлюсь спать.

Принц начал спускаться с холма.

«Он еще совсем ребенок, со всей его философией», – решил Вансен.

Он последовал за принцем, чтобы защитить его в случае опасности, таившейся даже здесь, у костров.

«Умный, сердитый и пугливый ребенок. Да позволят ему боги прожить достаточно долго, чтобы его знания превратились в мудрость».

Как только Бриони вошла, в зале возник гул неодобрительных голосов, грозящий в любую минуту превратиться в рев. Шум не прекратился, даже когда она заняла свое место во главе стола. Трапезы в Большом зале почти никогда не проходили спокойно и мирно, и в другое время она предпочла бы перекусить у себя. Но раз уж решила устроить эту демонстрацию, надо идти до конца.

Справа от нее сидел иерарх Сисел. Броун, хотя за столом были люди выше его чином, занял место слева – как комендант крепости, находящейся на военном положении.

Иерарх, увидев принцессу, вытаращил глаза и поджал губы, но уже через минуту завел непринужденную беседу, словно она пришла в обычном женском платье. Бриони не понимала, то ли восхищаться его выдержкой, то ли сердиться. Броун, конечно, был раздосадован. Бриони хорошо его знала и не сомневалась: его раздражение вызвано прежде всего тем, что она специально пытается привлечь к себе внимание в такое неподходящее время. То, что принцесса надела мужское платье, его вряд ли взволновало. Лорд комендант был занят делами поважнее. Он ждал, когда подадут основное блюдо, и только тогда намеревался начать разговор.

Когда остатки цыплят были унесены, в зал вкатили тележку с половиной истекающей соком жареной бычьей туши. Вокруг нее были уложены запеченные павлины, украшенные собственными перьями. Бриони подумала, что обед слишком пышный для обычного дня. Находившиеся в комнате собаки засуетились, залаяли и начали носиться вокруг стола в надежде поймать оброненную кость. Бриони погладила одну из них, радуясь тому, что хоть кто-то в зале счастлив.

– Работы по укреплению стен почти завершены, – сообщил ей Броун. – Однако и сильные стены не устоят, если сердца слабы. Лорды своенравны. Некоторые уже уехали домой, чтобы отсидеться или, в случае неблагоприятного исхода, уплыть по морю подальше отсюда.

– Я знаю, – отозвалась Бриони.

Ей пришлось выслушать от них немало лживых объясне-

ний и выдуманных причин. При желании она могла бы с легкостью разоблачить любого.

– Пусть едут, лорд Броун, – ровным тоном продолжила она. – Это не те люди, которые нам понадобятся, если дела действительно пойдут плохо.

Она посмотрела на Хендона Толли и его свояченицу Элан. Они сидели близко к середине стола, но словно находились в другом мире. Девушка была окружена поклонниками вроде Дарстина Кроуэла, барона Грейлока. Все, кроме нее, смеялись какой-то шутке Толли.

– Если честно, жаль, что они все не уехали, – сказала принцесса. – Ожидание осады – дело нетрудное, но защищать Южный Предел будет гораздо труднее.

– Беда в другом...

Броун откинулся назад и подождал, пока молодой сквайр отрежет для него кусок мяса и положит на тарелку.

– С каждым малодушным аристократом, бегущим на юг или уплывающим на запад, – продолжил он, когда молодой человек справился с задачей, – уезжает свита из вооруженных воинов, а они нам нужны, все до одного.

Бриони развела руками: что она может с этим поделать? Разве заставишь любить себя, подумала она. Особенно если дело касается не отца, эту любовь уже заслужившего, а дочери. Ей вспомнились лица тех, кто приходил с ней попрощаться. Эти люди приводили какие-то доводы, говорили, что должны ехать домой и защищать свои земли, обещали вер-

нуться с подкреплением, но при этом их взгляды были отсутствующими и пустыми, как на портретах в зале. Она про это вспомнит, если когда-нибудь солнце вновь воссияет над Южным Пределом. Она вспомнит, кто сбежал, а кто остался, накажет одних и наградит других по заслугам. Она должна так поступить ради отца и Кендрика, раз уж сами они не могут защитить свой дом.

Бриони испугалась, осознав, что снова думает об отце как об умершем. Она сделала отвращающий знак против зла – впервые со времен детства, когда няня научила ее этому.

«У отца все хорошо, – говорила она себе. – Вечером напишу ему письмо и отправлю с курьером на корабле, отплывающем на юг. – Ей вдруг стало стыдно. – Я же не сообщила ему о приближающейся войне и мало что рассказала о смерти Кендрика».

Но стоит ли сообщать такие новости человеку, находящемуся в плену? Стоит ли ему говорить, что королевство в опасности и опасность исходит от демонов? Даже в заточении отец, скорее всего, узнал и о Кендрике, и о попавшем в темницу Шасо, даже если не получил последнее письмо. Бриони почувствовала, как сильно скучает по отцу, и у нее перехватило дыхание. А тут еще Баррик... Ей очень хотелось, чтобы он сейчас был рядом, чтобы они остались после обеда вдвоем и обсудили этих ленивых жирных придворных: леди Комфри М'Нил, ее растрепанную прическу и то, как много вина она выпила, или толстого лорда Брачарда – он

без малейшего на то основания считал себя остряком и любимцем женщин. Лорд частенько пытался гладить Бриони по волосам и трепать по щеке, когда она была еще девочкой, приговаривая при этом, что из нее вырастет очень красивая женщина.

«Надеюсь, если замок падет, сумеречные существа заберут их с собой и с цепями на шее поведут через мрачные земли, где родился Вансен», – подумала она.

Это были очень жестокие мысли – ведь среди аристократов немало хороших людей. Но сейчас эти крики, звон кубков и ножей делали всех похожими на свиней, расталкивающих друг друга у корыта.

Иерарх Сисел хотел сказать ей что-то, но в этот момент раздался оглушительно громкий хохот красивого и глупого Дарстина Кроуэла. Принцесса вздрогнула. Барона развеселил Хендон Толли, он зашелся смехом, а потом подавился вином, обрызгав свой воротник и камзол, отчего рассмеялись остальные. Шутник встретился с Бриони глазами, и его губы растянулись в довольной улыбке. Она догадывалась, на чей счет относилась шутка Хендона Толли.

– Лорд Толли, – обратилась она к нему, – вы, подобно Ярилу, благословляющему виноградную лозу, одариваете нас сегодня весельем. Без вас мы молчали бы и думали лишь о том, что уготовили нам боги.

Брун, сидевший рядом с ней, кашлянул, а иерарх снова попытался сказать что-то вполне безобидное относительно

работ по укреплению крепости и сообщить о своем намерении провести те же работы в храме. Но Бриони не обратила на них внимания. Она и Хендон Толли впились друг в друга глазами. Принцесса ждала от него ответа, остальные затаили дыхание. Зал вдруг притих, и лишь собаки, занятые дележкой костей, рычали под столом.

– Должен сказать, что вы радушная хозяйка, принцесса Бриони, и прекрасно нас развлекаете. Вы заставили нас о многом задуматься, и я почти забыл, что скорблю о смерти своего брата, герцога Гейлона.

– Да, нас всех опечалило исчезновение Гейлона, – ответила она, не обращая внимания на покашливание Броуна. – Особенно тяжело, что он покинул наш замок вслед за убийством моего брата Кендрика.

Все за столом почувствовали неловкость. Даже Кроуэл, вечно готовый повеселиться, раскрыл от удивления рот.

– Все мы сейчас в печали, – громко вмешался Авин Броун. – Потерять двух благородных лордов почти одновременно... Остается надеяться, что лорд Гейлон еще вернется живым.

Толли поднял брови и слегка улыбнулся, с удовлетворением ожидая, как на это отреагирует принцесса: согласится ли она принять перемирие, предложенное Броуном. Его самоуверенность была оскорбительна. При мысли о том, что Хендон чувствует себя в полной безопасности, устраивает словесную перепалку с царствующей принцессой в ее собствен-

ном доме, за ее собственным столом и заставляет ее придумывать выход из щекотливой ситуации, Бриони просто выходила из себя.

Она не хотела искать выход. Не сегодня.

– Многие надеются, что Гейлон появится снова после столь таинственного исчезновения. А вот мой брат Кендрик не вернется уже никогда. Во всяком случае, в этой жизни.

Брови Толли взлетели еще выше. Удивительно, как он одновременно похож и не похож на своего брата – Бриони никак не могла к этому привыкнуть. Она никогда не любила Гейлона, считала его слишком сухим, самодовольным и туповатым, но в его младшем брате проглядывало безумие. Он как будто распространял вокруг себя запах серы.

– Неужели ее высочество думает, будто мой брат, герцог, глава семьи, веками верой и правдой служившей короне Южного Предела, может иметь отношение к смерти принца-регента? – спросил Толли.

– Остановитесь! – призвал их Сисел. Голос иерарха прозвучал твердо, превозмогая легкую дрожь. Он заговорил раньше Броуна, что выдавало его крайнюю обеспокоенность. – Чудовищно говорить и думать такое, когда наши солдаты отправились на встречу с опасным врагом.

– Прекрасно сказано, – прорычал Авин Броун. Некоторые лорды – те, кто был благороднее или, возможно, трусливее, – с готовностью закивали, желая, чтобы обмен колкостями, накаливший атмосферу в зале, побыстрее закончился.

– Никто и не думал обвинять лорда Гейлона в чем-либо, – продолжал Броун, – и мы все молимся за его скорейшее возвращение. Убийца скован цепями в темнице, и у нас нет никаких оснований считать, будто у него были сообщники.

– В эту минуту Бриони вспомнила странное признание старого Пазла, встретившего Гейлона у покоев Кендрика, а также утверждение Броуна, что его шпион видел в Саммерфильде агентов, как он считал, самого автарка. Она ничего не сказала и по-прежнему не отрывала взгляда от Хендона Толли.

«Не обращай внимания, Бриони, – говорила она себе. – Это бессмысленно. Хуже, чем бессмысленно».

Губы Хендона скривились: он явно получал удовольствие от происходившего.

– Безусловно, лорд Броун прав, – произнесла Бриони. Она как будто проглотила горькое лекарство. – Саммерфильды – всегда желанные гости для нас. Ведь мы одна семья, наследники Англина и Келлика Эддона. Я просто утомилась от бесконечных забот и хотела услышать шутку, что так разве селила всех, кто ее слышал.

Улыбка на губах Хендона не исчезла, только стала менее заметной, а глаза сузились. Он раздумывал.

– Ничего особенного, принцесса, – ответил он. – Так, к месту пришлось. Я уже и не помню.

Лорд Броун снова что-то зашептал Бриони на ухо, пытаясь отвлечь ее внимание. Принцесса устала. Давно пора закан-

чивать перепалку, давно пора. И без этого въедливого типа у нее хватало проблем. Она кивнула, давая противнику возможность отступить более или менее достойно, но тут пьяный Дарстин Кроуэл дернул Толли за рукав.

– Да ты помнишь, Хендон, – пробормотал он. – Очень смешная шутка. Про... про принца Баррика.

Последние слова он произнес шепотом, но так, что слышали абсолютно все.

Сердце Бриони сжалось. Лорд комендант застонал.

– Ах, так, – сказала она. – Про принца? Тогда, я думаю, вам следует рассказать это всем.

Толли презрительно посмотрел на барона Грейлока, затем повернулся к Бриони. Он глотнул вина, и его лицо снова стало спокойным, хотя в глазах все еще плясал огонь, вызванный не опьянением, а чем-то более существенным.

– Замечательно, – сказал он. – Если и мой друг, и принцесса настаивают. На меня произвело неизгладимое впечатление ваше одеяние, Бриони.

Принцесса застыла как статуя, ее лицо превратилось в непроницаемую маску. Хендон намеренно не упомянул ее титул, словно они снова были детьми, и он посмеивался над ней – девочкой, решившей поиграть со старшими.

– В самом деле? – осведомилась она. – Я рада, что мой наряд вас впечатлил, Хендон. Мы живем в военное время, и мне подумалось, что соответствующая одежда будет вполне уместна.

– Да, конечно. – Он слегка наклонил голову. – Конечно. Я просто предположил, что раз вы надели это... – он с презрением указал на ее костюм, – то, вероятно, принц Баррик отправился на войну в женском платье.

Со всех сторон послышался удивленный шепот, некоторые в изумлении открыли рты. Бриони вскочила с места, перевернув стул, на котором сидела. Броун схватил ее за руку, но принцесса чуть не ударила его, и он отпустил девушку. Раздался лязг ее меча, извлекаемого из ножен.

– Если вы считаете мой наряд смешным, – сказала она сквозь стиснутые зубы, сжав челюсти до боли, – может быть, вас позабавит и мой клинок.

– Принцесса! – зашипел Сисел.

Он был достаточно благоразумен, чтобы не хватать за руки человека с дрожащим клинком в руке, будь то женщина или мужчина.

Хендон Толли медленно поднялся: он был доволен и не пытался этого скрывать. Его рука потянулась к рукоятке и погладила ее, при этом он не отводил глаз от Бриони.

– Действительно забавно, – сказал он, – только я не могу поднять руку на принцессу-регента, даже ради столь занимательного развлечения. Возможно, как-нибудь мы попробуем, только с детским оружием, чтобы никто не пострадал.

Сердце Бриони бешено колотилось. Ей очень хотелось атаковать его и заставить вытащить меч – не важно, каков будет результат, лишь бы с его лица исчезла эта насмешливая

самоуверенность. И ей было все равно, что Толли – знаменитый фехтовальщик, а она лишь ученица, да еще с самого лета не тренировалась, а значит, едва ли могла противостоять ему. Пусть он убьет ее, защищаясь. Тогда никто не будет над ней смеяться, и все ее заботы отступят навсегда.

«Но если это случится, я никогда больше не увижу Баррика и отца», – напомнила она себе. Рука дрожала. Бриони опустила меч, и он звякнул о ножку стола. – К тому же один из омерзительных Толли станет регентом до рождения ребенка Аниссы. Если младенцу вообще позволят выжить».

– Убирайтесь с моих глаз, – бросила она Хендону Толли. Она перевела взгляд на сидевших за столом, увидела их бледные испуганные лица. Некоторые все еще держали в руках кусочки мяса с соусом, так и не донеся их до рта.

– Все. Все убирайтесь!

И она, с шумом вложив меч в ножны, повернулась и гордо направилась к дверям Большого зала, расталкивая слуг на своем пути. Только когда тяжелая дверь захлопнулась за ней, девушка позволила потоку яростных слез вырваться наружу.

33. БЛЕДНОЛИЦЫЕ ЧУДОВИЩА

ЗВЕЗДА НА ШИТЕ

*Пращурьы наши поют,
На мокрой траве возвышается гряда камней,
Телята дрожат, ожидая, что час их придет.
Из «Оракулов падающих костей»*

Жутко было стоять на том же перекрестке дороги Северного Предела, где он был лишь месяц тому назад, и видеть холмы, сплошь покрытые темными выюнами и колышущимися черно-фиолетовыми цветами. Солдаты перешептывались между собой и переминались с ноги на ногу, шаркая по земле, как беспокойное стадо. На Ферраса Вансена это зрелище произвело еще более удручающее впечатление, чем на солдат. Ему уже приходилось видеть такие цветы, но миль на сорок западнее. Прошло совсем немного времени, а они распространилась так далеко.

– Где же разведчики? – спросил граф Тайн уже в пятый или шестой раз за последний час.

Он потирал ладони, как будто стоял мороз, хотя солнце еще не село, а ветер был совсем легким для эндекамена. Граф отбросил в сторону свой шлем, словно пустое ведро, и откинул назад подшлемник. Его непослушные седеющие волосы торчали во все стороны. Он рассматривал причудли-

вую растительность долины и черные цветы, раскачивавшиеся на ветру. Эти цветы напоминали головки детей, следящих за ними из густой травы.

– Им давно пора вернуться, – сказал Тайн.

– Люди Дойни – опытные разведчики, мой господин, – ответил Вансен и окинул взглядом солдат.

В любое другое время при столь продолжительной остановке они разбрелись бы по лугу, как отара овец, но сейчас топтались на дороге, боясь с нее сойти. Дети фермеров и мелких торговцев, они вовсе не жаждали знакомиться поближе с этими колючками и неестественными маслянистыми цветами.

– Вы говорили, что уже видели такое, Вансен, – заговорил Тайн.

– Да, лорд Олдрич. На севере Сильверсайда. Как раз перед тем... как начали происходить странные вещи.

– Во имя богов, никому ничего не рассказывайте! – Тайн нахмурился. – Эти люди и так уже готовы поджать хвосты и бежать назад в Южный Предел.

Он смотрел на бритоголового священника, который стоял посреди перекрестка, размахивал чашей с дымившимся ладаном, что-то бормотал и пел, выполняя ритуал изгнания злых духов. Многие солдаты наблюдали за ним с тревогой.

– Я оторву этому священнику голову, – раздраженно буркнул граф Блушо.

– Когда дойдет до дела, они не отступят, мой господин, –

заверил Вансен. – Многие из них воевали на границе Бренленда и с разбойниками Киртиш-Хилла. Для них тяжело именно ожидание.

Тайн отпил из бурдюка, притороченного к седлу, потом поднял глаза на капитана гвардейцев и долго смотрел на него.

– Ожидание тяжело для всех нас – это самое отвратительное испытание, – сказал он. – Даже когда сражаешься со смертными, нелегко ждать появления врага. Интересно, зачем они все это сделали?

Он обвел рукой изуродованную долину. Феррас Вансен был доволен тем, что на самом деле граф не ожидает от него никакого ответа.

– Ага! – воскликнул граф с облегчением. – Вот и они! – Он прищурился. – Это ведь они?

– Да, лорд. – Вансен почувствовал, что напряжение в груди немного ослабло. Разведчиков ожидали еще к полудню, а сейчас солнце уже склонилось к холмам. – Они скажут во весь дух.

– Кажется, они везут для нас новости.

Тайн повернулся в другую сторону, чтобы посмотреть на колонну солдат. Прошло уже больше суток после того, как они встретили последних спасшихся из Кендлстона, и те рассказали о жутких событиях, в реальность которых трудно было поверить. Появление беженцев свидетельствовало о том, что люди способны благополучно преодолеть эти хол-

мы. Но после встречи с беженцами армия Южного Предела уже миновала пустынные и относительно спокойные земли, и потому сейчас при виде приближавшихся разведчиков ряды солдат пришли в движение. Погонщики, следовавшие за войском, сразу поняли, что скоро армия двинется в путь, и начали сгонять на дорогу волов, что паслись на лугу.

– Скачите им навстречу и приведите их прямо ко мне, – приказал Тайн. – Думаю, мы поговорим вон под тем деревом на склоне холма. Там нас не услышат посторонние.

– Возможно, стоит разбить здесь лагерь, господин? – предложил Вансен. – Уже поздно, а это займет людей на время.

– Согласен. Но сначала послушаем, что скажут разведчики. – Граф повернулся к своему помощнику. – Передайте Рорику, Мейну и Сивни Фиддиксу, чтобы они тоже отправлялись к тому дереву. Ну и, конечно, молодому принцу – нельзя отстранять его от дел. Ах да, еще Бренхоллу. Он наверняка сейчас отсыпается где-нибудь под деревом после обеда.

Второй помощник графа помог Вансену влезть на коня, и капитан помчался навстречу разведчикам.

– Но сколько же их, черт возьми? – требовал ответа Тайн. Он подергал себя за ус и так свирепо посмотрел на Тара Дойни, словно хотел ударить его. – Сколько раз можно спрашивать?

– Простите меня, ваша светлость. – Голос разведчика был глухим и охрипшим, словно он давно не разговаривал. – Я

слышал вопрос, ваша светлость, да вот только ответить на него не легко. В густом тумане мы лишь смогли разглядеть, что они разбили лагерь среди деревьев на вершине холма. Мы объехали вокруг холма в надежде лучше рассмотреть их, поэтому нас так долго не было.

Он тряхнул головой. Лицо Дойни от глаза ко рту пересекал шрам, отчего казалось, будто воин ухмыляется. Из-за этого у него нередко случались неприятности. Вансен догадывался, что это повлияло и на выбор профессии: в разведке не требовалось много общаться с людьми. Теперь же было видно, что Дойни, закаленный в боях суровый воин, встревожен появлением незнакомого и противоестественного врага.

– Пойдемте с нами, господин, – предложил он. – Еще около часа до заката. Вы сами увидите. Трудно что-то разобрать, но их там сотни, а возможно, и тысячи.

– Гадать слишком опасно. – Тайн остановил его движением руки. – По крайней мере, мы знаем, где они находятся.

– А вы уверены, что их нет где-нибудь еще? – спросил принц Баррик.

Он тоже находился в кругу вельмож на склоне холма. Они стояли близко друг к другу, чтобы защититься от усиливающегося ветра. Видно было, что принцу интересно, слишком интересно – как будто он забыл, что солдаты, занятые сейчас подготовкой ко сну, скоро скрестят мечи с необычными существами и кто-то из них наверняка погибнет. Вансену стало обидно за Дэба Доли и других воинов, что были не namного

старше принца. Их никто не станет оберегать, как Баррика, никто не побеспокоится о том, чтобы защитить их в сражении.

«Но кто же просил меня заботиться об этом мальчике? – спросил себя Вансен. – Он сам? Нет, его сестра. Не исключено, что я оказываю ему медвежью услугу».

Вансен снова засомневался. Иногда ему казалось, что Баррик Эддон – обидчивый и пугливый ребенок, а в другие моменты принц больше походил на столетнего старца, далекого от всего земного и чуждого страху смерти.

– Ваше высочество имеет в виду, что те войска, что мы видели, всего лишь приманка, а остальные спрятались в засаде? – откликнулся Дойни, чувствуя неловкость от разговора с королевской особой. – Могу только сказать, что это не исключено. Но если так, то они должны быть очень мелкими и прятаться в траве либо скрываться в облаках. Из-за утреннего тумана мы заметили их войско на холме лишь на обратном пути. Нам пришлось проделать долгий путь и исследовать земли по обе стороны Сеттлендской дороги, почти до самого Северного Предела. Мы проезжали и холмы, и долины...

Он сделал паузу, вероятно, для того чтобы еще раз все обдумать и убедиться, что ничего не упустил в рассказе. За все долгие годы, что Вансен знал Дойни, капитан ни разу не слышал от него столь длинной речи.

– Я хочу сказать, ваше высочество, если вы позволите, –

пояснил разведчик, – что на несколько миль вокруг мы не нашли никого, кроме тех, что на холме неподалеку.

– На что они похожи? – спросил Рорик подчеркнуто спокойным голосом, тем самым выдавая свое волнение.

– Трудно сказать, – ответил Дойни. – Прошу меня простить, но виноваты проклятый туман и деревья. Мы заметили нескольких. Они одеты в самые обычные доспехи и, надо сказать, мало отличаются от нас с вами. У них там и лошади, и палатки, и... все, что положено. Но за деревьями были и другие... – Он замолчал и сотворил отвращающий знак. – Вот те выглядели очень необычно, насколько мы могли разглядеть.

Тайн отступил назад и почти коснулся спиной дерева. Он пристально всматривался в даль, хотя лесистая возвышенность, которую сумеречные существа выбрали для своего лагеря, была закрыта другими холмами.

– Первое, что мы должны сделать, Вансен, – наконец сказал Тайн, – это выставить дозоры на всех холмах и на несколько миль вдоль обеих дорог. Людей нужно менять чаще, чтобы они видели то, что есть на самом деле, а не выдуманных призраков. Они должны быть очень внимательны, и, если заметят приближение дополнительных сил – вдруг это все-таки западня? – мы должны узнать об этом вовремя. Остальные пусть разобьют лагерь.

Помощник Тайна побежал вниз по склону, чтобы отдать распоряжения войскам.

Вансен наклонился к Тару Дойни и перебросился с ним парой слов, пока вельможи тихо беседовали друг с другом.

– Те, что ходили с Мачмором, вернулись еще в полдень, – сказал Вансен. – Так что передай ему: я хочу, чтобы на этот раз отправились они, а твои парни пусть перекусят и отдохнут.

Дойни кивнул, затем поклонился вельможам, неловко расшаркался перед принцем и только после этого сел на коня и поскакал к своему маленькому отряду всадников. Вероятно, те были рады, что им не пришлось участвовать в совете.

Вансен смотрел на разгоравшиеся костры. Их вид действовал успокаивающе, и это было важно, особенно в сумерки. Он подумал, что граф Тайн – мудрый командир: едва ли враг ожидал их приближения, а костры дадут людям необходимую уверенность на всю длинную, беспокойную ночь.

– Итак, что же мы будем делать, лорд Олдрич? – спросил принц. – Вы думаете, они вступят с нами в бой?

– Если и не вступят, мы узнаем о них что-нибудь полезное, – ответил Тайн. – Я, как и вы, опасаясь ловушки, ваше высочество. Хотя не исключаю, что мы преувеличиваем эту опасность. И все же, если они попробуют убежать, мы не должны их преследовать. Вдруг они захотят заманить нас за Границу Теней, где все сходит с ума?

– Почти все. Но не наш капитан Вансен, – заметил принц Баррик.

Трудно сказать, что это было – комплимент или насмеш-

ка. Вансен прервал молчание.

– Если мой опыт что-то значит, то хочу всем напомнить: мы не заметили, в какой момент пересекли Границу и оказались на... на той стороне. Поэтому я считаю решение графа Тайна мудрым. Даже если мы возьмем верх и решим, что разбили их, нам все равно следует передвигаться очень медленно и осторожно.

Баррик Эддон некоторое время разглядывал Вансена, потом сдержанно кивнул и повернулся к остальным. Все взгляды были обращены на него.

– Вы ждете моих распоряжений? – спросил принц. – Я не генерал, даже не солдат. Я уже говорил и напоминаю еще раз: решения должны принимать вы, Олдрич, и остальные командиры.

Граф Блушо откашлялся и произнес:

– Тогда, ваше высочество, я хочу повторить, что ночью нам следует быть начеку и удвоить количество дозорных. Не считая ваших караульных, Вансен. Если сумеречные существа не проявят признаков жизни ночью, с первыми лучами солнца мы выступим, поднимемся на холм и посмотрим, что они собой представляют. Не думаю, что кто-то из вас захочет отправиться по незнакомой местности на закате солнца.

Вельможи закивали в знак согласия, но не произнесли ни слова. В словах не было необходимости.

Чет уже раз сто пробежал взад и вперед по берегу ртутно-

го моря, выкрикивая имя Кремня. У него закружилась голова, но, кроме эха, никто не отвечал. Он все еще не нашел способа перебраться на остров через жидкий металл – ни моста, ни причала. Насколько позволял судить непостоянный мерцающий свет, на той стороне не было и лодки. Но вот какое открытие он сделал: за сине-розовыми всполохами в темноте у него над головой должна быть расщелина, ведущая на поверхность, – что-то вроде каменного дымохода, через который пары ртути выходят из пещеры и рассеиваются над бухтой Бренна. Чет хорошо изучил свойства ртути и знал: если бы в помещении не было вентиляции, у него бы не просто кружилась голова – он бы давно умер или по меньшей мере лежал без сознания.

Интересно, не спустился ли мальчик на остров сверху? Но как тогда Жуковов нашел путь, если не было его запаха? И как мог мальчик спуститься с такой высоты? Противоположный скалистый берег моря, куда Чет у было не попасть, находился не ближе от острова, чем берег, где сейчас стоял фандерлинг. На мгновение в воображении Чета мелькнула картинка: ребенок перелетает через море, словно перышко или грибная спора. Но он, слава богам, был в состоянии понять, что это смехотворная идея. Кремь пришел из-за Границы Теней, он прекрасно лазает по камням, но летать не умеет.

Чет направился назад к скале и остановился прямо под выступом-балконом, куда он попал из лабиринта. Он по-

смотрел еще раз на его неровную поверхность, затем поднялся взглядом по козьей тропе, где видел оленя – призрачного оленя, как он понял, – и подумал: нет ли прохода около самого лабиринта? Какая-нибудь тропинка, невидимая из-за игры света. И со вздохами, из-за тяжелого горячего воздуха превращавшимися сначала в хрип, а потом в кашель, Чет вновь полез по козьей тропе.

Он задержался на балконе, вглядываясь в причудливое свечение Сияющего человека, наполнявшего необъятную пещеру неровным светом. Фандерлинг вытащил остаток коралла и отправился назад по лабиринту. Хорошо, что он оставил себе этот кусочек: не придется идти в темноте, как это было во время посвящения. Тогда он чувствовал себя совершенно беспомощным – они шли, не касаясь друг друга, за голосом прислужника. Темнота и эхо делали его голос странным, не похожим на человеческий. Теперь у Чета все-таки есть свет...

«Шел ли Кремень через лабиринт?»

Ему следовало задаться этим вопросом раньше. Чет рассердился на самого себя. Если бы Кремень приходил к Соляному пруду за светившимся кораллом, Валун, скорее всего, сказал бы об этом Чету. Но как мальчик сумел найти дорогу в лабиринте в кромешной тьме?

Кроме того, как он вообще нашел дорогу сюда?

Эта загадка почище любой легенды о Керниосе и его ска-

зочных битвах.

Чет остановился отдохнуть, пытаясь угадать, какое сейчас время дня. В этих глубинах не работало даже его врожденное чувство времени. Он опять двинулся в путь по извивавшемуся лабиринту. Дойдя до Янтарного зала, он не обнаружил и намека на то, как Кремень прошел на остров, минуя Глубинное море. Он вообще не видел никаких следов мальчика. Чет опять развернулся и снова пошел по лабиринту, с каждым шагом теряя надежду узнать, что произошло с ребенком. Фандерлинг смертельно устал, внимание его притупилось, и он свернул в ту часть лабиринта, где еще не бывал. Он знал это точно, потому что пол под его ногами оказался совсем другим. Путь между Янтарным залом и балконом за многие века был протоптан бесчисленным числом ног. Но сейчас он находился в той части лабиринта, где камни пола были гладкими, поскольку по ним не ступала ничья нога.

На миг Чета охватила паника. Потом фандерлинг решил: заблудиться – это ничуть не хуже, чем бегать по берегу ртутного моря. Братья храма, если они все-таки придут, являются хранителями лабиринта, они должны знать каждый его уголок.

Правда, о невезении Чета Голубого Кварца в Городе фандерлингов ходили легенды.

«Да, они должны знать. Но это не означает, что они действительно знают».

Чет попробовал вернуться тем же путем, но отвлекся и

вновь ошибся поворотом. Теперь он не мог вспомнить, долго ли шел в этом направлении, сколько раз повернул и куда. Он поднял коралл над головой, чтобы рассмотреть темные стены. В этом месте их покрывала та же загадочная резьба, что и в знакомых частях лабиринта: огромные, во всю стену, фигуры с большими глазами, искривленными ногами и руками, с причудливыми буквами неизвестного языка. Фигуры были одинаковыми во всех переходах и помещениях, поэтому не могли служить ориентиром.

«Я вижу то, что видели только метаморфные братья, – подумал Чет, вспоминая, как шел в темноте по лабиринту в день посвящения. – Интересно, что означают эти письмена? Понимают ли их братья?»

Он вспомнил брата Никеля – странный блеск в его глазах, когда он говорил о старшем брате Сере и его снах, о том, что «приближаются времена, когда вернется Первозданная ночь... когда придет конец нашей свободе». И, хотя в лабиринте было очень жарко, по телу Чета пробежала дрожь. Здесь, глубоко под землей, под взглядами сверхъестественных существ, легко почувствовать у себя за спиной дыхание Первозданной ночи.

Чет резко обернулся: ему показалось, что следом кто-то идет. Но коридор позади него был пуст.

«Я сам себе делаю хуже, – подумал он. – Нужно остановиться и подождать братьев храма».

Но огонек коралла может погаснуть окончательно, если он

будет ждать здесь. Раньше Чет не боялся темноты, но сейчас мысль о том, что он останется совсем без света, ужасала.

Он еще раз повернул и оказался в тупике, ограниченном тремя стенами. На него смотрели огромные лица, вырезанные на стенах. Чет почувствовал себя маленьким ребенком, стоящим перед грозными родителями. Он издал удивленный возглас, и эхо подхватило его, разнесло по лабиринту и постепенно стихло. Но прежде чем наступила тишина, Чет услышал глухой звук у себя под ногами, которого раньше не было. Сначала он растерялся и подумал, что в лабиринте еще кто-то бродит, но потом опустился на колени и поднес коралл к самому полу. Он рассмотрел царапины на каменных плитах, постучал по ним костяшками пальцев. Звук был совсем другим.

Чет ухватился за одну из плит. К его удивлению, она чуть-чуть приподнялась и задрожала, освобождаясь от древнего известкового раствора. Он поднатужился и потянул плиту вверх. Приподнялась не одна, а сразу четыре плиты. Он подсунул под них обе руки, с кряхтением и стоном поднял все разом и откинул, словно крышку. Камни, соединенные между собой в форме квадрата, были около ярда в поперечнике, но не толще сжатого кулака Чета. Там, где они только что лежали, зияла черная дыра.

Из отверстия хлынул горячий воздух с запахом ртути. Чет наклонился и осветил кораллом. Вниз, в непроницаемую тьму, уходила крутая лестница. Чет *сел* и почесал в затылке.

Может быть, Кремень нашел этот проход? Или это еще одна загадка Святилища Тайн – дорога, что приведет его к новым несчастьям?

«Похоже, ничего другого мне не остается, – сказал он самому себе. – И если Старейшие мной недовольны... пусть. Хуже уже не будет».

Конечно, у него были в запасе и лучшие аргументы, но он не стал к ним прислушиваться, а осторожно полез в отверстие. Затем присел на корточки на одной из ступенек и посмотрел вниз, желая убедиться, что грубо вытесанная в камне лестница не заканчивается в нескольких ярдах от отверстия и он не провалится в пропасть. Камень здесь был обработан гораздо хуже, чем в других частях лабиринта. Тем не менее чувствовалась основательная работа фандерлингов. Насколько Чет мог видеть, лестница нигде не обрывалась. Он с предосторожностями спустился еще на несколько ступеней, посмотрел наверх и увидел, что в нижней части одного из четырех камней, закрывавших люк, выдолблено углубление, которое могло служить ручкой. Стоя на лестнице, молено было поставить камни на место.

«Нет, я, пожалуй, не стану этого делать», – подумал Чет.

Непонятно, как мог поднять плиты Кремень, если он спускался именно этим путем? Мальчик был очень ловким, но недостаточно сильным для этого.

И тут у Чета возникла новая мысль. Он выбрался обратно и развязал рубашку, обмотанную вокруг пояса. Было слыш-

ком жарко, и он не надевал ее после того, как забрал у Жуколова. Чет бросил рубашку у самого входа в тупик. Любой, кто пройдет мимо, увидит ее, прежде чем повернуть за угол.

«По рубашке братья догадаются, куда я направился. Это все равно что отправить им письмо».

Чет слегка приободрился, постарался не бояться того, что ждет его в этом узком проходе, и двинулся вниз по ступенькам лестницы.

То ли пары ртути здесь сгущались, то ли сам колодец был каким-то... странным... но Чет с трудом сосредоточился на простой задаче: не упасть на узких ступеньках.

Лестница не представляла собой ничего особенного. Через каждые десять ступеней Чет проходил мимо линии символов, похожей на длинное-длинное слово. Символы эти были выполнены в одном и том же стиле. На стенах он уже не видел ни лиц, ни фигур. Фандерлинг не мог избавиться от ощущения, что вокруг него мелькают какие-то предметы, а слабый свет коралла отражается от голых стен так, словно они сделаны не из обычного камня, а из чего-то гладкого и прозрачного. Ему казалось, что спуск продлан не в хорошо знакомом известняке, а внутри огромного темного кристалла. Размеры колодца постоянно менялись: он становился то шире, то уже.

Потом Чет впал в странное состояние: он не мог вспомнить, как попал сюда. Ему казалось, что его проглотил Сия-

ющий человек и теперь он спускается по пульсирующей каменной глотке в самое сердце Святилища Тайн. Чуть позже это состояние уступило место вспышкам света, похожим на сверкание искр за закрытыми веками. Колодец заполнился неясными шепотами, глухим и далеким шумом волн, разбиравшихся о камни, и фандерлинга охватил суеверный ужас.

«Нет, мне здесь не место. Сюда могут входить только братья храма, а возможно, и они ничего не знают про этот туннель!.. – произнес он про себя и мысленно позвал: – Кремьень!»

Он застыл на месте, пытаясь побороть панику и ужас.

«Помни о мальчике», – твердил он себе.

Чет ясно увидел маленькое, очень серьезное личико, тоненькие ручки, золотисто-белые волосы – как ни старалась Опал пригладить их, они вечно топорщились. Нужно помнить и о ней тоже. Если Чет не найдет Кремья, жена не оправится от горя. Ее душа умрет.

Он заставил себя подняться на ноги и продолжил спуск.

«Один шаг. Все начинается с первого шага. Потом второй. Потом еще и еще... Нет, все началось с Границы Теней, – рассуждал он, словно в тумане, – в тот самый день у самого ее подножия».

К нему внезапно вернулась память, причем необыкновенно ясная – будто открылась дверь и прошлое ворвалось в нее, как шумный гость врывается в тихую комнату. Он вспомнил лесистые холмы, стук лошадиных копыт, запах влажной

почвы... Поставив ногу на следующую ступеньку, Чет почувствовал, что сделал что-то не так. Он остутился, замахал руками и пронзительно закричал. Сердце его готово было выскочить из груди. Но тут он понял, что под ногами не пропасть, а пол – просто последняя ступенька ниже остальных. Он дошел до конца спиральной лестницы, казавшейся бесконечной.

Чет поднял вверх осколок коралла и осмотрелся. Мир из вертикального превратился в горизонтальный, в остальном же ничего не изменилось: перед ним, насколько позволял разглядеть слабый свет, тянулся в темноту коридор, столь же безликий, как и лестничный колодец.

«Неужели я нахожусь ниже уровня моря?»

Если это так, конец путешествия уже близко. Правда, Чет опасался, что ему придется идти в глубь земли целые дни или даже недели, чтобы добраться до охраняемых привратником Иммоном турмалиновых дверей подземного дворца самого Керниоса. Туда Чет совершенно точно не хотел попадать, пока жив, даже если легенда больших людей не совсем соответствовала действительности. У фандерлингов эта история была еще более страшной. Он попытался представить ширину ртутного моря, но зыбкий свет привел его в замешательство. Чет пожал плечами и сделал глубокий вдох. Горячий кислотный воздух не прояснил мысли, и фандерлинг, пошатываясь, поплелся по коридору.

«Недра земли так же не похожи на город, как небо на зем-

лю, сынок», – прозвучал вдруг в его голове голос отца.

Большой Нарост (в отличие от своего старшего сына, брата Чета, ставшего теперь магистром, отец никогда не позволил бы себе носить столь вычурное имя, как Нарост Старший) еще в начале правления короля Олина получил увечья при обвале и провел последние годы жизни между кроватью и стулом у камина. Из всех сыновей Большого Нароста Чет больше других походил на отца. Тот нередко говаривал своим друзьям в гильдии, что «любит камень ради самого камня». Отец часто брал сына на продолжительные прогулки по незаконченным туннелям за пределами Города фандерлингов, водил его даже в холмы и на берег залива Бренна. Там он показывал Чету, как известняк выступает на поверхность земли после того, как дожди смывают верхний слой почвы. Они вместе рассматривали древние слои внутри каменного массива прямо над водой. Там было спрессовано само время, словно высохшие цветы между страницами книжки у знатной дамы.

– Тому, кто знает камень и умеет с ним работать – не важно, большой это человек или фандерлинг, принц или бедняк, – всегда есть чем заняться и о чем подумать, – так говорил отец.

Чет вдруг с удивлением обнаружил, что бредет вслепую. Но не из-за того, что погас коралл, – это слезы застилали ему глаза.

«Держись, – сказал он себе. – Твой отец высек тебя нещад-

но только за то, что ты украл несколько сладких грибов в саду Каменной Соли. А когда он умер, мать последовала за ним, не протянув и года. Но не потому, что слишком сильно скучала по нему. Он так измотал ее, что у нее не осталось сил жить».

Слезы не хотели останавливаться. Идти стало тяжело. Теперь перед Четом стояло лицо матери. Ее глаза с тяжелыми веками смотрели то горделиво, то отстраненно, а рот кривился всякий раз, когда она слышала то, что казалось ей глупостью. Он вспомнил, как Лазурит Голубой Кварц делала тряпичную куклу для одной из своих внучек, вспомнил ее узловатые руки – изуродованные работой, постоянно чем-то занятые, не терпящие праздности.

«А это что еще такое? – ясно вспомнил он резкий, немного насмешливый голос, словно мать была совсем рядом. – Что это за звук? Гром и молния! Похоже, кто-то свежует живого крота!»

Чету пришлось остановиться, чтобы восстановить дыхание, а когда он снова двинулся вперед, ноги почти не слушались. Неровные стены, полностью лишённые надписей или украшений, сближались, словно намеревались схватить его и задержать, пока мир вокруг не изменится. Чет у снова казалось, что он находится в животе Сияющего человека, что его тело переваривается, изменяется и становится твердым, как кристалл, неподвижным и вечным. И лишь в центре этого кристалла все еще живут и безуспешно пытаются вырваться

на свободу его мысли.

Чет находился сейчас в самом сердце этих таинственных глубин, где власть Сияющего человека была безраздельной. Он чувствовал, что по-другому ощущает теперь присутствие Сияющего человека – оно стало более концентрированным. Чет отчетливо ощущал это. Точно так же он мог с закрытыми глазами определить, где верх, а где низ. Образ Сияющего человека больше не казался ему расплывчатым, он занял место в пространстве – выше и впереди Чета. Сила человека мешала идти, отталкивала от себя, подобно сильному ветру, словно фандерлинг и эта сила были двумя глыбами горной породы, трущимися друг о друга. Слезы по-прежнему стояли в глазах Чета. Он опустил голову и заставил себя идти дальше, с трудом переставляя ноги. «Что за странное место? Что все это значит?» Он попытался вспомнить слова из ритуальной легенды о Повелителе Горячего Мокрого Камня, которую братья храма рассказывали во время инициации. На ум приходили лишь отдельные обрывки, да и те неотчетливо звучали в голове, порождая бледные бессмысленные образы, словно пожелтевшие от времени картинки.

– Земля еще только появилась, – бормотали и кричали голоса, – и была совсем молодой, огни в небе сияли очень ярко, а лик мира оставался темным. Битва за это место со старыми жестокими богами длилась не дни, не недели, а целую вечность. Горы вырастали там, где их раньше не было, раздвигалась земля, образуя впадины, вода устремилась в них,

возникали огромные моря...

– В те времена, когда дней еще не было... – читал нараспев старший из братьев, начиная церемонию посвящения.

Чет вместе с остальными участниками лишь издавал стоны. В головах у них рождались видения, оживлявшие темноту вокруг, а животы болели от к'хамао – ритуального напитка, который их заставили выпить после двухдневного поста и очищения, прежде чем повели в Святилище Тайн.

«В те времена, когда дней еще не было...»

Но что это? Туннель вдруг стал прямым, как натянутая струна. Он поднимался и скрывался во мгле. Чет снова вступил на лестницу, что вела наверх. Голова его по-прежнему была наполнена сумбурными мыслями и смутными видениями, а в ушах стоял нескончаемый рев повелителя Горячего Мокрого Камня, сражающегося с врагом. От этого рева мир сотрясался до основания. Чет ощущал его всем телом – казалось, он вот-вот разлетится на куски, разрушится, как скала из песчаника под напором безжалостных волн. Такую скалу показывал ему когда-то отец. Вскоре от Чета не останется ничего, кроме отдельных фрагментов, и они будут распадаться и распадаться на мелкие куски до тех пор, пока не превратятся в пыль и не исчезнут в темноте, куда не доходит свет звезд...

Когда Чет вернулся к реальности, когда видения стали гаснуть и рассеиваться, словно разгоняемые ветром облака,

он увидел нечто абсолютно ему непонятное. Фандерлинг даже подумал, что по-прежнему пребывает во власти безумия – разве что оно стало чуть менее сильным. Чет стоял у подножия горы из темного камня, отбрасывающей огромную тень. Тусклый свет лился со всех сторон и ниоткуда. Как внутри горы могла возникнуть еще одна гора?! Однако она существовала, эта чудовищная черная глыба, высотой в сто раз превосходящая рост Чета. Он стоял у ее подножия, словно муравей, созерцающий человека.

«О Старейшие, спасите меня! – взмолился он. – Это ворота! Черные ворота! Значит, я проделал весь путь, чтобы оказаться прямо в руках Керниоса... И Иммон – сам Ноцзла – сейчас увидит меня и съест, разжевав своими ужасными каменными зубами!..»

Внутри огромной черной штуки, нависавшей над ним, что-то вспыхнуло, словно молния. В следующий миг во все стороны из нее начал изливаться невероятный свет, особенно яркий в центре. Чет увидел фигуру... Сияющего человека.

Фандерлинг замер, охваченный благоговейным ужасом и восхищением. К этим чувствам примешивалось и облегчение: он стоял у самых ног фигуры. Он все-таки прошел под Глубинным морем!

Чет все еще не мог поверить, что видит перед собой Сияющего человека. Гора была из полупрозрачного черного базальта, и свет, струившийся изнутри, преломлялся и приоб-

ретал много оттенков, гораздо больше, чем в радуге, – великое множество переливавшихся цветов! У Чета закрывались глаза, голова кружилась, его сильно тошнило. Он рухнул на колени. Центр феерического сияния действительно походил на человеческую фигуру, и, хотя камень был полупрозрачным, как вулканическое стекло, постоянно менявшийся свет мешал рассмотреть фигуру. Казалось, она шевелится и корчится внутри камня, словно ей снятся кошмары и она пытается выбраться из своей оболочки.

Чет уже не мог смотреть на светившегося человека, даже сильно прищурив глаза. Он опустил голову и встал на четвереньки, чувствуя, что его вот-вот стошнит. Слепящий свет немного ослаб, и в нескольких ярдах от себя Чет увидел мальчика, лежавшего на покрытом галькой склоне.

– Кремень!

Его крик умножился эхом со всех сторон. Чет вскарабкался наверх по осыпавшимся под ногами камням. Мальчик лежал на боку, свернувшись калачиком и уткнувшись в камни лицом. Одна рука была вытянута вверх по склону, словно он предлагал жертву сияющему божеству. Перевернув ребенка, Чет увидел что-то плоское и блестящее, зажатое в кулаке Кремня. Он рассеянно отметил про себя, что это, должно быть, зеркало, которое они с Опал нашли в мешочке, – единственная дорогая для мальчика вещь. Вид бледного грязного лица и полуоткрытых безжизненных глаз Кремня вытеснил из головы Чета все мысли.

Мальчик не приходил в себя, сколько Чет его ни тряс. Он поднял Кремня с земли, притянул к груди и, прижавшись к его холодной щеке, стал звать на помощь, как будто кто-то мог услышать его крики. Как будто Чет Голубой Кварц не был единственным живым существом во вселенной.

Небо стало светлее, но пения птиц еще не было слышно. Сердце Баррика билось часто, как крылья бабочки, пока он не заставил себя успокоить дыхание. Вокруг раздавался шум пробуждающегося лагеря. Интересно, хоть кто-нибудь спал в эту ночь?

Он еще раз проверил сбрую своего коня, немного ослабил и снова затянул ремни, хотя в этом не было никакой необходимости. Котелок – так звали черного коня – возбужденно ржал. Баррик дал коню это имя, чтобы поддразнить Кендрика – тот считал, что благородная лошадь должна носить благородное имя.

Баррик видел, что Вансен, капитан гвардейцев, переходит от одного тлевшего костра к другому и разговаривает с людьми. Баррика раздражало его серьезное отношение к своим обязанностям.

«Наверняка спал как невинный младенец».

Он понятия не имел, что представляет собой Вансен, но категорически не желал ему доверять. Нет абсолютно честных и искренних людей. Баррик, выросший при дворе Южного Предела, давно убедился в правоте этого утверждения.

Капитан гвардейцев вел какую-то скрытую игру – возможно, вполне невинную, связанную с повышением, например. Но не исключено, что и более тонкую. Почему он так пристально следит за Барриком? Ясно, что не просто так. Всякий раз, когда Баррик оборачивался, он ловил на себе взгляд Вансена: капитан сверлил его глазами. Бриони, кажется, простила провинность Вансена, но сестра всегда остывала быстрее, чем сам Баррик.

Чья-то рука коснулась его плеча, и принц подскочил от неожиданности, и Котелок заплясал на месте, нервно похрапывая.

– Простите, молодой человек, – сказал Тайн Олдрич. – Виноват, ваше высочество. Я не хотел вас испугать.

– Вы не испугали меня... Я имею в виду...

Граф Блушо отступил назад. От него пахло вином, хотя нельзя было сказать, что он пьян. Баррик вспомнил ручей, протекавший среди колючих темных выюнов: он не вправе винить человека, не желающего пить воду из такого источника.

– Ну конечно, – поддержал его Тайн. – Я вспомнил ночь перед моей первой битвой. Вы спали?

– Да, – соврал Баррик.

Принц вдруг понял, чего сейчас на самом деле хочет: когда Тайн неожиданно дотронулся до него, он чуть не обмочился.

– Я вспомнил тот поход, когда отправился со своим дядей

в Олвей-Кумб в качестве его сквайра. Димакос Тяжелая Рука, один из последних предводителей серых отрядов, со своими людьми пришел в Марриенсвок, чтобы жечь и грабить. Ваш отец в это время был в Иеросоле с лучшими воинами Южного Предела, но те, кто остался, объединились с жителями Марриенсвока и всеми, кто согласился помочь им. Они решили дать отпор налетчикам. Бой должен был состояться в долине. Димакос пришел первым и занял возвышенность. Правда, нас было больше. – На лице Тайна появилась суровая улыбка. – Мой дядя Лейлин заметил, что я боюсь предстоящей битвы, и взял меня с собой на допрос пленного разведчика Тяжелой Руки, которого нам удалось захватить. Тот не сообщил ничего полезного, и я почувствовал к нему уважение. Когда стало ясно, что мы ничего от него не добьемся, мой дядя перерезал ему глотку и вытер клинок с горячей кровью о мое лицо. «Вот, – сказал он. – Умыться кровью – хорошее начало». Он не позволил мне смыть кровь, пока мы не пошли в бой. Лицо так чесалось, что я ни о чем уже не мог думать. И первый удар я нанес от раздражения. – Тайн тихо засмеялся. – Жестоко, но мой дядя был суровым человеком старой закалки. Такими они все были. Радуйтесь, что мы живем в другие времена... Боюсь только, как бы нам не пришлось пожалеть об этом в скором будущем, если боги не будут к нам благосклонны. – Он сотворил знак Троиц, потом похлопал Баррика по спине, отчего принц снова едва не утратил контроль над мочевым пузырем. – Не трусьте, мо-

лодой человек, отец еще будет вами гордиться. Мы загоним этих сумеречных назад к их призрачным холмам.

«Неужели от таких слов я должен почувствовать себя увереннее?» – недоуменно подумал Баррик, когда Тайн уходил прочь.

Принц не стал долго размышлять, а принялся поспешно развязывать тесемки своих штанов.

Поскольку они не предполагали осаждать город, в поход взяли лишь небольшую группу фандерлингов-артиллеристов. Баррик старался не вертеться в седле, пока низкорослые человечки в кожаных плащах с капюшонами и в очках с дымчатыми стеклами – отчего фандерлинги походили на насекомых – наводили свои бомбарды на холм. На Баррике были доспехи, но его поставили далеко не в первый ряд всадников – ведь он мог нести лишь легкий меч вместо копья. Принц думал, что такая забота о его персоне оскорбительна, но неожиданно для себя остался доволен.

Рассвет только-только коснулся края неба на востоке. Бесформенные тени постепенно обретали очертания кустов и деревьев, а под светлеющим небом местность уже не казалась устрашающей и таинственной. Для Баррика все было одинаково странным: и туманный лес, и армия смертных. Хотя он находился в рядах воинов, принцу по-прежнему казалось, будто он смотрит на происходящее из окна высокой башни – возможно, Волчьего Клыка.

Огонь коснулся запала, и пушки загрохотали. Они оглушительно лаяли, точно бронзовые собаки, и изрыгали каменные ядра в сторону деревьев на холме. Баррик задержал дыхание. Первые ядра упали слишком близко и исчезли в густой траве на склоне. Фандерлинги чуть приподняли стволы и выстрелили снова. На этот раз ядра полетели в центр холма, ломая ветви и круша деревья. Когда свист снарядов смолк, на минуту наступила тишина. Сквозь разносимый ветром дым Баррик, как и все, пристально вглядывался в предрассветную дымку над холмом. С той стороны донесся жалобный вопль, и Баррик почувствовал острую радость: они убили их, наверняка убили! Потом раздался дерзкий ликующий крик сумеречных существ. Судя по звукам, их там были сотни или даже тысячи.

Тайн нетерпеливо ждал, когда закончится обстрел. Он говорил, что пушки годятся только для осады, но уступил желанию Айвара Бренхилла и других вельмож. Теперь он опустил забрало на шлеме и махнул рукой. Лучники выпустили стрелы и присели, чтобы дать возможность выстрелить второму ряду. Тайн снова махнул рукой, и с криком не менее устрашающим, чем тот, что был слышен с холма, первая волна копейщиков ринулась вперед. Они неслись во весь дух, зная, что за ними помчатся всадники и затопчут всех, кто отстал. Копья раскачивались и ударялись друг о друга, как голые деревья в лесу. С высоты в сторону нападающих просвистели стрелы. Их оказалось на удивление мало, зато вы-

стрелы были меткими: упали не меньше дюжины воинов и один рыцарь; его лошадь билась в предсмертных судорогах рядом с хозяином. Не задерживаясь возле упавшего, конница поспешила вперед.

Шум атаки смолк, дым рассеялся, Баррик и его товарищи тоже двинулись вверх по склону. К этому времени пешие солдаты добрались до вершины холма и скрылись среди деревьев. Баррик слышал крики, возбужденные возгласы и даже несколько стонов, но их заглушали нечеловеческие голоса врагов – пронзительные звуки, напоминавшие крики морских птиц, волчий вой, лисий лай. Слышны были и слова, отчего странные вопли становились еще ужасней.

– Бриони... – пробормотал Баррик, но и сам себя не услышал.

Первая волна солдат откатилась назад. Они истекали кровью и кричали: сумеречные соорудили изгородь из колючек. Всадники проскочили через нее, орудуя топорами и рубя всех, кто стоял на пути. Из-за деревьев летели стрелы, но их по-прежнему было совсем немного. Баррик почувствовал, что у Тайна и других командиров снова возникло подозрение: не ловушка ли это? Холмы и луга вокруг оставались пустыми, а вершина казалась средоточием мирского зла, островом хаоса посреди безмолвия.

– Они прорываются! – вскрикнул кто-то сдавленным высоким голосом.

Баррик подумал, что это голос его кузена Рорика. На вер-

шине холма кучка солдат, появившаяся из-за деревьев, сражалась в рукопашном бою с группой вопящих беловолосых чудовищ. В центре оборонявшейся группы выделялся высокий воин, стоявший в стременах и размахивавший причудливым мечом необычной формы. Его длинные, как у женщины, белоснежные волосы развевались на ветру. Сначала Баррику показалось, что это старик, однако он присмотрелся внимательнее и увидел, что воин молод. Кожа туго обтягивала необыкновенно острые кости его черепа. Сумеречное существо ударило одного из воинов Тайна, потом второго, поворачивая клинок в животе жертвы так, словно перемешивало масло. Один из рыцарей бросился на него с копьем, но белоголовый колдун, эльф или кто он там был, легко выбил оружие из рук всадника. Баррик потерял их из виду за группой деревьев, потому что был уже почти на гребне холма. Теперь принца и его спутников со всех сторон окружал лес. Из-под копыт их коней поднимался туман.

– Вперед! – раздался чей-то крик. – Всем держаться вместе!

Баррик удивился, узнав голос Вансена. Он сумел отыскать их среди деревьев даже в такой сумятице. Но долго раздумывать над этим принцу не пришлось. Из подлеска неожиданно выпрыгнуло какое-то существо – нет, два! даже три! – и Баррик вынужден был ударить по руке, уцепившейся за его стремя. Гул множества голосов, как человеческих, так и чужих, эхом разносился среди деревьев. В тусклом свете меж-

ду стволами мелькали тысячи причудливых фигур. Может быть, это игра света и тени? Может быть... Но вокруг себя принц видел так много бледных ненавидящих лиц, что у него не оставалось времени думать ни о чем – только защищаться.

От дюжины воинов, с которыми въехал в этот лес Баррик, осталась половина. Может быть, часть пропавших просто заблудилась?

Среди выживших был и Вансен. Он подошел к Баррику и тихо спросил:

– С вами все в порядке, ваше высочество?

Баррик кивнул в ответ. Он задыхался, его тело и руки покрывали царапины, но он знал, что убил одно из мерзких призрачных существ. Враг бросился на принца из ветвей, и Баррик рубанул по нему мечом. Сам он, казалось, не получил серьезных ран. Теперь лес вокруг них опустел, хотя жуткие голоса сумеречных слышались еще достаточно громко, а их фигуры все еще мелькали вдали за деревьями.

– Кажется, я слышу Тайна... где-то там... – сказал Вансен и поскакал через поляну.

Баррик и его отряд последовали за ним, затаив дыхание и пригнув головы. Никто не знал, когда начнется следующая атака. Баррику чудилось, что он разглядывает окрестности через одну из оптических труб Чавена, которая искажает все, что не попадает в фокус. Кровь прилила к голове, а тело онемело от холода, стало неподвижным и нечувстви-

тельным, как железо. Очень странное, пугающее и при этом возбуждающее ощущение.

Неожиданно Феррас Вансен остановил коня перед густыми зарослями кустов и ударил по ним мечом, потом соскочил с седла и принялся рубить что-то невидимое. Он кричал, и, хотя слова капитана гвардейцев невозможно было разобрать из-за визга призрачных тварей, отвращение и страх на его лице вывели Баррика из оцепенения. Он пришпорил коня и вместе с остальными помчался к Вансену. В тот же миг вой невидимых существ стих. Их неземные голоса еще звучали, но где-то далеко, на другой стороне холма.

Вансен перестал размахивать мечом и выпрямился. С лезвия стекала кровь и еще что-то, напоминавшее древесный сок. На лице Ферраса застыл ужас. Баррик неуклюже спешился и подошел к капитану.

Тот стоял в центре побоища, похожего на огромное гнездо среди вытоптанного подлеска. Баррик увидел груды тел, блесневших от крови и слизи. Он на минуту растерялся, но взял себя в руки и рассмотрел, что у этих существ очень странный вид. Они были голые, в большинстве своем похожие на людей, но совершенно белые. Под подбородком у них висели мешки, как у лягушек, а мертвые глаза полностью почернели и утратили блеск.

– Кто они такие? – спросил кто-то.

– Ужас, – произнес другой и был прав.

– Эти существа издают шум, – сказал им Вансен. – Послу-

шайте.

Они замолкли и прислушались.

– И что... что это значит? – спросил Баррик. – Почему...

– Это значит, что нас обманули, – ответил Вансен. Забрызганное кровью лицо капитана было почти таким же белым, как у противоестественных тварей, лежавших у его ног.

– На холме нас поджидал небольшой отряд: кучка воинов, готовых скрестить с нами клинки, и несколько призрачных существ, чтобы отвлекать внимание. Да еще вот эти – они производили шум, чтобы мы подумали, будто их сотни.

– О боги! Все-таки ловушка? – воскликнул принц.

Он осмотрелся, ожидая увидеть среди ветвей над их головами дюжины страшных рож с жуткими осками.

– Хуже, – возразил Вансен. – Намного хуже. Они задержали нас здесь на целый день и, пока мы сражались с жалкой кучкой нечисти, обогнули наши войска и направились...

– И направились?..

– В Южный Предел.

34. В ПОЛЯХ МАРРИНСВОКА

ОЧАРОВАНИЕ ЦВЕТОВ

*Она не может молчать и не может кричать,
Она не может подняться. Ее кости – в ручье.
Из «Оракулов падающих костей»*

Ночь прошла отвратительно – почти без сна. Бриони поднялась за час до рассвета. Она чувствовала такой гнев, что не могла спокойно усидеть на месте. Она сердилась и на Хендона Толли, и на себя, не сумевшую сдержаться, и на Баррика, которого не было рядом, а заодно и на все остальное.

«И я стояла там, размахивая мечом! Как будто было не ясно, что он не может поднять на меня руку – на свою повелительницу, на женщину. Девчонка. Более того: все прекрасно знали, что ему и не нужно этого делать, поскольку он уже победил. Я выглядела последней душой!»

Бриони довольно долго сидела на стуле перед письменным столом, испытывая душевное смятение. Ей хотелось убежать и затеряться где-нибудь в необъятном замке, пока все не забудут про случившееся. Но нет, никто ничего не забудет, и она не может никуда убежать. Она из семьи Эддонов. Она принцесса-регент. Злополучный обед будут помнить многие годы.

Ей ничего не оставалось, кроме как жить с этим. Она об-

макнула перо в чернила и принялась писать письмо отцу.

«Я не получала от тебя писем со времени смерти Кендрика. Надеюсь, что письмо, в котором я рассказала о том ужасном дне, дошло до тебя. Молю богов, чтобы сегодняшнее мое письмо не оказалось для тебя первым известием о несчастье. Я так скучаю по своему старшему брату. Он был самым взрослым из нас, он никогда не сомневался, что поступает правильно, – иногда это меня раздражало. Но я не сомневаюсь, что он постоянно стремился к тому, чтобы избежать ошибок. Он хотел быть похожим на тебя. Еще до назначения регентом он вел себя как человек, сознающий, что когда-нибудь он станет королем, будет заботиться обо всех своих подданных и не забудет о нуждах могущественных союзников.

Именно таким он останется у всех в памяти. А я всегда буду вспоминать, как наш дорогой Кендрик волновался и сердился, если мы с Барриком дразнили его, как быстро он успокаивался и весело смеялся вместе с нами. Скажи, как это получается: вы с Кендриком могли видеть, что совершаете глупость, признаваться в ней и смеяться, а мы с Барриком совсем этого не умеем?

Есть, конечно, много другого, что...»

Бриони остановилась. Она вдруг ясно вспомнила, как Кендрик притворялся сердитым, пряча улыбку, и не смог-

ла сдерживать тихие слезы. Роза Треллинг заворочалась в своей постели, что-то пробормотала и снова уснула. Спящая на соломенном тюфячке Аназория – десятилетняя младшая горничная – похрапывала, словно дряхлая собачонка. Как необычно бодрствовать, когда все вокруг спят. Будто ты не человек, а призрак.

Бриони вернулась к своему занятию и вычеркнула часть последнего предложения. Она вдруг обнаружила, что говорит об отце в прошедшем времени, будто он не в плену, а уже умер.

«О боги! Опять этот придуманный страх!» – укорила она себя.

Письмо никак не хотело продвигаться. Ну как сообщить ему, что у них происходит? Сообщить так, чтобы отец не испугался до смерти. Как ей описать все это? Сумеречное племя, заигрывания Толли с автарком, бесконечную цепь неприятных событий... Как написать отцу, что она сильно боится за Баррика, и при этом не разбить королю Олину сердце?

Бриони отложила перо и перечитала написанное. Больше всего принцессу расстраивала невозможность обсудить с отцом то, что ее беспокоит, особенно чудовищный рассказ Баррика. Откровения брата камнем лежали у нее на сердце – огромным тяжелым камнем, от которого она никогда не избавится. Иногда эта тяжесть мешала ей двигаться, разговаривать и даже думать. Оставалось только надеяться, что, выслушав брата, она тем самым сняла с него часть груза.

Как такое могло произойти? А если это неправда?.. Но разве мог Баррик, ее родной брат, так жестоко врать? А если правда? Тогда вправе ли она писать отцу так, словно ей ничего не известно, словно она остается прежней любящей дочерью, словно мир не изменился?

«Либо Баррик величайший в мире лжец, либо отец...»

Все было бессмысленно. Она хотела написать отцу, но оказалось, что это невозможно.

Бриони поднесла лист пергамента к огню свечи, и тут раздался стук в дверь. Она торопливо бросила пепел и клочок несгоревшего пергамента на подсвечник, будто ее поймали, за недостойным занятием.

– Кто там?

– Лорд Броун, ваше высочество, – раздался голос одного из стражников. – Он хочет...

– Клянусь огненной бородой Перина, я могу сказать это сам! – прорычал лорд комендант. – Позвольте мне войти, ваше высочество. У меня очень срочное дело.

Небо только начало светлеть, но Авин Броун был одет как днем, хотя явно собирался он в спешке. Он осмотрел комнату, словно ожидал увидеть в ней врагов, но нашел лишь спящих женщин.

– Нам нужно поговорить с глазу на глаз, – заявил он.

– Они все крепко спят, но если вы сомневаетесь в их скромности, мы можем выйти в коридор...

– Нет, нам не следует обсуждать подобные вещи в присут-

ствии стражников. Пока не следует. – Он еще раз осмотрел спальню. – Ладно. Поговорим здесь, только тихо.

Бриони жестом предложила Броуну сесть за письменный стол, а сама осталась стоять. Что-то встревожило принцессу, и ей мучительно захотелось сбежать. Броун выглядел суровым и расстроенным, как всегда, но девушка почувствовала в нем что-то необычное. Бриони прикинула, сколько времени понадобится стражникам, чтобы прибежать ей на помощь. Непроизвольно она отступила на шаг, потом еще на один... Она сразу же устыдилась своего страха и сделала вид, будто ищет что-нибудь теплое, чтобы набросить на плечи. Только сейчас она почувствовала, какие легкие ее домашние туфли – в них мерзнут ноги.

– Нашли Гейлона Толли, – объявил Броун.

– Где?

– В поле у Марринсвока. Точнее, в канаве, прикрытой ветками.

– Что? – На миг Бриони представилось, что Гейлон играет в прятки. Но в следующее мгновение все поняла. – О всемилостивая Зория! В канаве? Он...

– Он мертв. Мертвы все, кто сопровождал его. Всех шестерых бросили в готовую могилу, если можно так выразиться.

– Но... как?.. – ошеломленно пробормотала Бриони. Ей пришлось сделать усилие, чтобы облечь мысли в слова. – Как это случилось? Кто их нашел?

– Новобранцы из южного Марринсвока, человек десять – пятнадцать. Они прибыли в Южный Предел вчера, примерно через час после вечернего звона колокола, и сразу же сообщили об этом. Они ехали по Сильверсайдской дороге недалеко от Оскастла и увидели над полем тучу воронов и других птиц. Подъехав поближе, заметили что-то блестящее. Это оказалась брошь.

У Бриони подогнулись колени, и она сделала шаг, чтобы не потерять равновесие.

Брун тотчас вскочил со стула и помог принцессе сесть.

– Почему? – спросила она. – Кто это сделал? Разбойники? Разве возможно, чтобы сумеречные забрались так далеко на юг?

Гейлон мертв. Красивый, самоуверенный Гейлон. Она не любила его, но никогда не желала ему смерти... никогда не могла вообразить...

– Я не знаю, принцесса. Разбойники – самое правдоподобное объяснение. Почти все деньги и драгоценности исчезли. Как и лошади. Подобных банд немало на границе Сильверсайда и Марринсвока. Они считают Уайтвуд своим домом. Воры обронули брошь, и один из жителей Марринсвока передал ее нам. Это единственное доказательство, которое у нас есть. Те, кто нашел тела, не знают, чьи они. Вы первая узнали эту новость, она еще не распространилась по замку.

Он протянул руку и разжал кулак. На ладони лежала большая круглая брошь с толстой булавкой – такими застегивают

воротник плаща. Серебряная вещица была заляпана грязью, но Бриони сумела рассмотреть выгнутую шею и рога быка.

Она с трудом сглотнула, чувствуя, что ее вот-вот стошнит.

– Это вещь Гейлона, – подтвердила она. – Я видела ее на нем.

– Во всяком случае, это брошь семьи Толли. Таким образом, одно из тел принадлежит Гейлону.

– Где они? – наконец спросила Бриони. Она никак не могла отвести взгляд от перепачканного серебряного кружка, словно это была человеческая кость. – Где тела?

– Солдаты отвезли их в храм в Оскастле. Они думали, что убитые – местные уроженцы, однако жители городка не узнали их. Только городской священник узнал в одном из мертвецов Гейлона Толли и, как мудрый человек, не обмолвился о том никому, а написал о своих подозрениях капитану новобранцев в Марриенсвок. Таким образом, все было сохранено в тайне. Однако новобранцы рассказывают о своей находке всем, кто готов их слушать. Через несколько часов новость дойдет до Хендона Толли, и у того не возникнет никаких сомнений относительно этих загадочных мертвецов.

– Всемиловитая Зория! Он и так намекал, что Гейлона убили мы, а теперь начнет трубить об этом со стен крепости!

– Да. Своей глупой выходкой за обедом вы только подлили масла в огонь. Можете меня арестовать и заточить в темницу, но это истинная правда.

– Да-да, – махнула рукой принцесса. Кислый привкус во

рту стал еще ошутимее. – Вы абсолютно правы, я согласна. Но что нам теперь делать? Что делать, когда Хендон обвинит меня в убийстве Гейлона?

– Возможно, он не станет этого делать.

– Что вы хотите сказать?

– Возможно, он не станет. Не исключено, что его брата убили не разбойники и не сумеречные существа, а друзья Толли с юга.

Бриони не сразу поняла.

– Автарк? – спросила она. – Неужели вы полагаете, будто автарк специально прислал людей в Южный Предел, чтобы расправиться с одним из своих союзников? Ведь Гейлон был его союзником?

– Возможно, они не договорились. Или Толли в чем-то подвели автарка.

«Если только сам Броун говорит правду», – напомнила себе принцесса и схватилась за голову. Теперь, когда Баррик уехал, она никому не может доверять.

– Какая ужасная путаница! Я не могу сосредоточиться. Мне нужно подумать. Вполне вероятно, что вы правы, но нам это не поможет. Разве что Хендон сам заподозрит автарка и решит, что нельзя устраивать вокруг этого шум. – Она глубоко вздохнула, пытаясь унять внутреннюю дрожь. – Единственное, что мне ясно: наши дела ухудшились как раз тогда, когда я решила, что хуже быть уже не может.

С этими словами она взяла со стола чернильницу и убрала

ее в ящик вместе с воском для запечатывания писем.

– Что вы делаете? – спросил ее Броун.

Она заметила темные круги у него под глазами, усталость, отразившуюся на одутловатом лице. Наверное, он встал час, а то и два тому назад.

– Навожу порядок. Я собиралась написать отцу. Но теперь не до этого.

Бриони помолчала.

– Мертв, да хранит нас всех Зория! – вновь заговорила она. – Бедняга Гейлон! Не думала, что мне придется...

Тут Бриони показалось, что Броун трясет ее стул. Потом она увидела, что он стоит в нескольких шагах от нее и как-то странно покачивается. Мир неожиданно утратил равновесие. Скамейка подскакивала на полу, словно норовистая лошадь. Шкатулка с драгоценностями соскользнула со стола, и ее содержимое рассыпалось по полу. Мойна села в кровати и, ничего не понимая, озиралась по сторонам. К тому времени, как тряска прекратилась, проснулась и в испуге вскрикнула маленькая Аназория. Даже Роза, которая всегда спала как убитая, зашевелилась.

– Обычное землетрясение, – сказал лорд комендант. Он побледнел и сердито посмотрел на свою спящую племянницу. Та зевнула и перевернулась на другой бок.

– Такое случалось, когда я был еще ребенком, – пояснил Броун. – Кажется, уже закончилось.

Сердце в груди Бриони бешено колотилось.

– На самом деле землетрясение, лорд Броун? – тревожно спросила она. – Или приближается конец света?

– Должен признаться, ничего столь неприятного я в жизни не испытывал, – ответил комендант.

У Повелителя Горячего Мокрого Камня не было лица. Во всяком случае, Чет видел вместо лица темное пятно с красными точками, находившееся между плечами божества и его сверкавшей короной. Огромный, как гора, повелитель смотрел на Чета со своего трона и ничего не говорил. В громадном Тронном зале Чет слышал лишь скрежет шевелившихся камней: основа мира двигалась и изменялась, хотя с тех пор, как она остыла, прошла целая вечность.

Чет не выдержал и заговорил:

– Прошу вас, Старейший, не наказывайте меня!

Скрип камней продолжался, но мощная фигура по-прежнему безмолвствовала.

– Я не собирался делать ничего плохого, – продолжал фандерлинг. – Да, я вошел сюда без разрешения, но не хотел причинять вреда!

Темное пятно рассматривало его. Над Четом повисла огромная, как стена, рука. Что это? Благословение? Проклятие? Или божество хотело раздавить его, словно муху? Скрежет смолк и через мгновение возобновился. Теперь Чет различил в этих звуках нечто похожее на слова и едва уловимый ритм.

Он догадался, что божество говорит с ним, но слишком медленно и слишком тихо. Он не мог ничего разобрать.

Слишком медленно... слишком тихо...

Свет замигал, и гигантскую фигуру стало плохо видно.

Слишком тихо...

Чет не понимал ни слова. Его бог говорил с ним, а он не постигал смысла сказанного.

– Скажи мне! – закричал фандерлинг. Темнота окружила его со всех сторон. – Скажи так, чтобы я понял!

Но богу, по-видимому, нечего было сказать.

Чет очнулся от тяжелого сна... Если, конечно, это был сон. Он не сразу сообразил, где находится, но все вспомнил, когда почувствовал, что прижимает мальчика к груди. Чета была дрожь. Она сотрясала его с ног до головы.

«Как холодно...» – подумал он.

Через мгновение он сообразил, что воздух слишком горячий, такой горячий, что все его тело покрылось потом. Несмотря на это, он ощущал неприятный озноб, пробиравший до костей, и ему никак не удавалось унять дрожь. Самое страшное, что голос божества по-прежнему гудел у него в ушах.

Нет – гудела сама земля. Эти толчки его народ называл Недремлющим Старейшим. Так бывало и раньше, правда очень редко. Чет бросил испуганный взгляд на Сияющего человека, поразительно похожего на бога, которого фандер-

линг только что видел во сне. Там, где раньше мелькали сполохи света, теперь царила тьма – лишь внутри огромного кристалла, словно серебристые рыбки в пруду, двигались слабые огоньки.

Земля содрогнулась еще раз, затем грохот смолк и толчки прекратились. Некоторое время Чет слышал лишь скрежет прибрежных камней, потревоженных землетрясением и сползавших вниз в поисках нового пристанища. Затем наступила тишина.

Кремень захныкал. До сего момента Чет думал, что прижимает к груди мертвого ребенка. Услышав его плач, от удивления он чуть не выронил мальчика. Сердце его наполнилось неожиданной радостью и новым ужасом.

– Эй, дружок! Скажи что-нибудь! Это я, Чет! – сказал он Кремню.

Ребенок снова затих. Его тело под слоем грязи и пыли оставалось по-прежнему влажным и холодным.

«Туннель. Нужно отнести его туда», – решил Чет.

Он попытался встать на ноги, но ему не хватило сил: с мальчиком на руках он не мог даже подняться на колени. Он очень осторожно положил Кремня на гальку и с трудом выпрямился. Мальчик был почти одного роста с фандерлингом, и тот мог нести его только одним способом: взгромоздив себе на плечи.

Говорят, именно так Силас из Перикала – или какой-то другой герой из легенд больших людей – таскал молодого

бычка. Бычок с каждым днем прибавлял в весе, а Силас становился все сильнее и сильнее, пока не превратился в самого сильного рыцаря своего времени. Или это был Гилюмет из Крейса?

Мысли путались в голове у Чета, потому что его внимание сосредоточилось на лежавшем без чувств ребенке. Он рассеянно вытащил из крепко сжатой детской руки зеркало – даже в состоянии, близком к смерти, хватка мальчика была очень цепкой – и положил его себе в карман. Зеркало выглядело вполне обычным – оно не стало легче или тяжелее, теплее или холоднее.

«Да, точно, это был крейсианец, – вспоминал Чет. – Хотя нет, Гилюмет – полубог, ему не нужно было тренироваться, чтобы поднимать тяжести».

Чет никогда не мог запомнить все эти истории о героях больших людей. Героев было так много – тех, кто убивал чудовищ, спасал женщин. И все они походили друг на друга...

Он взвалил Кремня на плечо, потом приподнял его, чтобы живот мальчика оказался на уровне шеи Чета. Кряхтя, проклиная все на свете и будто со стороны наблюдая за своими нелепыми и смешными движениями, фандерлинг медленно выпрямился. Он устроил ребенка на плече так, что ноги мальчика свешивались спереди, а голова – сзади. В первую минуту Чет испытывал ликование оттого, что сумел сделать невозможное. Но радость длилась недолго. С первым шагом он почувствовал, как ноги дрожат от напряжения, а спина

разламывается от непосильного веса. Мало того – Чет забыл, где он вышел из туннеля на остров. Он понимал, что нужно опустить свою ношу на землю и найти выход. Но он также знал, что если сделает это, то не сможет снова поднять его.

В тусклом свете было трудно отличить следы на гладких камнях от теней на них, но Чет решительно повернулся спиной к потемневшему Сияющему человеку и двинулся в путь. Каждый шаг давался ему с огромным трудом. Фандерлинг прошел не меньше пятидесяти ярдов, ему было трудно дышать, он весь покрылся потом, но туннеля так и не нашел.

– Положи мальчика и дождись помощи, – посоветовал ему внутренний голос.

– Положи мальчика и умри, – предложил другой.

Чет споткнулся, но удержался на ногах, хотя едва не уронил бесценный груз.

«Боги помогают тем, кто помогает себе», – подумал он.

Вслед за этой пришли и другие мысли: «Я ненавижу богов. Почему Старейшие издеваются надо мной? Зачем они используют ребенка, чтобы мучить нас с Опал?»

Еще шаг...

Он начал задыхаться и чуть не упал.

Еще шаг...

«Откуда тебе знать, чего хотят боги? Кто ты такой, маленький человек? Я Чет из клана Голубого Кварца. Я понимаю в камнях. Я выполняю свою работу. Я забочусь... забочусь о своем... о своем собственном...»

Он все-таки споткнулся, упал и долго лежал, тяжело дыша, придавленный телом мальчика. А когда попытался пошевелиться, не смог. Темнота окружила его со всех сторон, лишила зрения и похитила разум.

Чет очнулся. В лицо ему смотрело нечто ужасное.

Оно прикасалось к его подбородку, к щеке: маленькая уродливая морда с раздувавшимися ноздрями, похожими на клыки зубами и черной морщинистой кожей. Чет пискнул – ни на что другое у него не было сил – и попытался сбросить с себя чудовище. Но он лежал на животе, а его руки были чем-то сдавлены.

– Демон! – простонал он, продолжая борьбу.

Чудовище отступило или, во всяком случае, отодвинуло морду. Но Чет чувствовал, что кто-то по-прежнему царапает его шею.

– Возможно, он и не красавец, – произнес чей-то голос, – но меня его лицо устраивает. Хотя для других оно неприятно. Он отлично довез меня.

Чет прекратил бороться. Может быть, он сошел с ума? Может быть, он все еще бродит в туннеле и его преследуют видения?

– Жуков? – произнес он.

– Ага, – был ответ.

Человечек спустился по его плечу и оказался в поле зрения Чета.

– Почему я не могу двигаться? – спросил фандерлинг. – И что я сейчас видел?

– Ну, что касается движения, то мальчик ваш лежит поверх вас, он придавил вам руки. А то, что видеть довелось вам... Порхающая мышь – так я зову их. На ней сюда вернулся я.

– Порхаю... Летучая мышь?

– Ага, похоже.

Что-то темное промелькнуло у Чета перед глазами.

– Вон она, – сказал Жуколов печально. – Улетела. Испугалась, что вы можете ненароком задавить ее. – Он покачал головой. – Ваши летучие мыши неподатливы и беспокойны, но все-таки их можно приручить.

– Вы добрались на летучей мыши?

– А как еще прикажете добраться до этого вонючего моря? Чет выскользнул из-под тела Кремня как можно осторожнее, мягко опустив ребенка на каменный берег.

– Как поживает ваш мальчик? – спросил Жуколов.

– Пока жив. Больше ничего не знаю. Мне нужно вынести его отсюда, но не хватает сил, – ответил Чет. Он был готов смеяться и плакать одновременно. – Я очень рад вас видеть, но вы мне не сможете, увы, помочь. К тому же вы потеряли свою мышь и, значит, тоже здесь застрянете.

Ситуация казалась совершенно безвыходной. Чет сидел на гальке и смотрел на море.

– Если вы сообщите, как попали сюда, братья храма по-

могут вам нести мальчика, – сказал Жуков. – Они последовали за мной.

– Братья храма?

Чет посмотрел вверх. На огромном каменном балконе над берегом ртутного моря он увидел несколько фигур. Сердце его заколотилось.

– Ах, Жуков, вы привели их сюда! Да благословят вас Старейшие, вы привели их! – Чет сложил руки рупором, попробовал кричать, но закашлялся и попробовал еще раз: – Эй, Никель! Это вы?

До него донесся слабый, но повторенный многократным эхом голос брата:

– Именем Старейших заклинаю, как вы туда попали? Чет начал было отвечать, но остановился. Он не мог скрыть изумления: он был уверен, что пришел тем туннелем, которым пользовались метаморфные братья.

– Вы хотите сказать... вы хотите сказать, что не знаете?.. – выговорил он.

Но это был не последний сюрприз. Чет умудрился удивить даже самого себя. С трудом добравшись до храма, он добросовестно ответил на вопросы братьев о своем путешествии и о Сияющем человеке. Однако, несмотря на благодарность к спасителям и уважение к их сану, он не стал упоминать ни о зеркале, ни о происхождении Кремня.

«Если я скажу им, откуда взялся мальчик, они не выпустят

его из храма», – подумал он.

Он и сам не знал, почему так уверен в этом. Конечно, братья встревожились и даже немного рассердились, что мальчик посмел вторгнуться в Святилище Тайн, но не слишком сильно. Чет понимал, что скрыть истину необходимо, даже если это эгоистично и опасно. Однако на Уэдж-роуд его возвращения ждала Опал, и, конечно, она сейчас очень беспокоилась – не только за мальчика, но и за своего мужа. Чет не мог явиться домой и сообщить ей, что мальчик стал пленником храма.

Братья не пустили Чета дальше наружного помещения – большого зала, высеченного в камне. Его посещали все жители Города фандерлингов, но только по самым большим праздникам. Внимательно выслушав рассказ Чета, братья внимательно осмотрели мальчика и попытались его разбудить. Безуспешно. На теле Кремня не было ни ран, ни ссадин, ни синяков на бледной коже, но никакие ухищрения не могли вывести его из состояния глубокого сна. Братья даже принесли на руках деда Серу – морщинистого старика с дикими глазами, – чтобы тот осмотрел Кремня. В своих вещих снах Сера видел крышевиков и волнение в Глубинном море. Чет заволновался и решил было, что все пропало. Но дряхлый старец сообщил, трясая безволосой головой, что не видит и не чувствует в Кремне ничего необычного.

В конце концов брат Никель сказал Чету:

– Больше нам нечем тебе помочь. Неси его домой.

Чет допил воду из чашки. За последние несколько часов он опустошил целую бадью, и каждая капля приносила ему блаженство.

– Я не донесу его один, – сказал он.

– Мы отправим с вами брата, чтобы помог нести носилки.

– Мне думается, я тоже сяду на носилки, – заявил Жуколов своим тоненьким, писклявым голоском. – Все лучше, чем у вас в кармане, где очень сильно пахнет, прошу прощения, и чем на старой летучей мыши, такой костлявой.

Никель посмотрел на крышевика с суеверным подозрением, словно на говорящее животное, и ушел отдавать распоряжения.

Молодой послушник по имени Антимоний взялся за носилки спереди, а Чет – сзади. Их провожала молчаливая толпа братьев. Чет совершенно обессилел и радовался, что кому-то другому придется находить дорогу и выбирать наиболее удобный путь. Он посмотрел на Кремня – тот лежал бледный и неподвижный, но удивительно спокойный. Сердце Чета переполняла тревога, но он испытывал глубокую благодарность крышевику и метаморфным братьям: он нес домой живого ребенка, пусть даже и больного.

– Вы действительно прибыли верхом на летучей мыши? – спросил он Жуколова.

Крышевик устроился в изголовье носилок, чтобы его случайно не раздавили.

– Я же разведчик желобов. Мы приручаем любых живот-

ных для наших целей, – ответил человечек. Он закашлялся, потом усмехнулся. – А крыса оказалась такой медлительной, что я обогнал бы ее пешком.

– Я должен поблагодарить вас, – проговорил Чет.

– Хорошие слова, не следует их стыдиться.

– Вы были очень добры к нам.

– Во славу королевы и всего нашего племени. – Жуколов отдал честь. – И я обнаружил, что ваш мир камня не так однообразен, как мне казалось раньше. Добавить бы немножко ветра и дождя да еще солнца в эти норы – и я с удовольствием пришел бы к вам еще раз.

– Я передам ваши пожелания гильдии, – устало улыбнулся Чет.

Землетрясение перепугало всех жителей замка, но ущерб был невелик. В огромной кухне попадала с полок и разбилась посуда да горничная упала в обморок, когда старинные королевские доспехи в Личной галерее слетели с подставки и рухнули прямо ей под ноги, – в общем, ничего серьезного не случилось. Однако даже без новостей из Марринсвока и землетрясения утро выдалось беспокойным. До полуденного звона колокола Бриони вместе с Найнором и Броуном занималась передвижением и размещением прибывающих войск и жителей окрестных поселений. Замок был уже переполнен людьми и животными. Бриони сумела выкроить часок, чтобы поесть вместе с тетушкой, но ей почти не удалось отдох-

нать. Вдовствующая герцогиня, как и Бриони, беспокоилась о Баррике. Кроме того, она воспользовалась моментом, чтобы расспросить племянницу – и поспорить с ней – о том, как разместить в замке семьи знатных лордов. Когда они начинали говорить на повышенных тонах, маленькая горничная Мероланны по имени Эйлис смотрела на них широко открытыми, испуганными глазами, словно в любой момент в этом непредсказуемом и непостоянном мире может произойти что-то ужасное.

День был еще в самом разгаре, но Бриони едва переставляла ноги от усталости. Она возвращалась из покоев Мероланны через Портретный зал, и на этот раз стражникам не нужно было бежать, чтобы не отстать от нее. Бриони уже много раз видела портреты предков в пышных нарядах и давно уже бросала на них лишь беглый взгляд. Но сегодня ей показалось, что они смотрят на нее с осуждением, что в добрых глазах королевы Лили сквозит разочарование и даже скорбящая королева Санасу выглядит более несчастной, чем обычно.

Прошло несколько месяцев после трагической гибели Кендрика и меньше года с того дня, как отец покинул трон. И что же произошло за это время? Королевство пошатнулось – не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Трудно отделаться от мысли, что сегодняшнее землетрясение стало проявлением гнева богов, предупреждением небес. Бриони

знала, что доля вины лежит и на ней. Им с Барриком не нравилось, когда их называли детьми, но кто же они на самом деле? Они умудрились выпустить из рук то, что им дано от рождения, и практически оставить страну на произвол судьбы.

Мрачные мысли поглотили Бриони, и при виде женской фигуры в черном, появившейся из бокового коридора, принцесса подумала, что видит кого-то из умерших предков. Возможно, сама Санасу, беспокойная и недовольная, явилась пристыдить ее. Однако мысли стражников оказались более прозаическими, что неудивительно в столь непростые времена. Они окружили Бриони и выставили пики.

– Это вы, принцесса? – прошептала женщина и откинула вуаль.

Суеверный ужас отпустил Бриони, но не полностью, потому что она узнала это лицо.

– Элан? Элан М'Кори? – спросила она.

Свояченица Толли кивнула. Ее молодое лицо выражало безграничную скорбь. Бриони узнала это чувство после смерти собственного брата.

– Умер Гейлон, – сказала Элан.

Бриони жестом велела стражникам отойти. Сначала она хотела произнести что-нибудь вежливо-учтивое: мол, еще неизвестно наверняка, ведь никто из знакомых Гейлона не видел его тела. Но страдальческий взгляд совершенно сухих глаз тронул Бриони – ей была так понятна эта скорбь.

– Да, – ответила принцесса. – Во всяком случае, очень похоже на то.

Элан улыбнулась, слегка раздвинув уголки рта. Судя по ее виду, она переживала нечто большее, чем скорбь по поводу кончины Гейлона Толли. Ей как будто вдруг открылась сама суть человеческой жизни.

– Я знаю, я уже давно знаю, – проговорила она. Ее глаза снова смотрели на Бриони. – Я любила его. Но он не проявлял ко мне интереса.

– Мне жаль...

– Возможно, так даже *лучше*. Теперь я с полным основанием могу оплакивать его. У меня есть еще вопрос. И вы должны сказать мне правду.

Бриони заморгала. Кем себя воображает эта девочка?

– Я обязана отвечать лишь моему отцу, королю, леди Элан, – напомнила принцесса. – И естественно, богам. Но все равно, спрашивайте.

– Вы его убили, Бриони Эддон? Вы это сделали?

Бриони была потрясена: задать такой вопрос прямо? За несколько секунд, что протекли между вопросом и ответом, она поняла, что успела привыкнуть к почтительности – и больше, чем ей казалось.

– Нет, конечно, я его не убивала, – сказала она. – Богам известно, что мы с Гейлоном не сходились ни по одному вопросу, но я бы никогда...

Она задыхалась и была вынуждена остановиться. Следо-

вало обдумывать каждый жест, каждое слово. Стражники стояли у стены и с трудом скрывали изумление. Она решила, что теперь слишком поздно что-либо предпринимать и нужно говорить правду. Она продолжила:

– Вы можете поставить мне в вину, если пожелаете, леди Элан М'Кори, что Гейлон хотел на мне жениться, но я не пожелала выйти за него замуж.

– Я знаю это. – Голос Элан выдавал холодное удовлетворение. – Вы хотели потешить свое тщеславие.

– Несомненно, вы правы. Но не только из-за этого. Пусть боги будут свидетелями, я никогда не выйду замуж за человека, считающего себя вправе указывать мне, куда идти и что говорить... – Бриони снова остановила себя. Отчего-то она говорила этой девушке больше, чем того хотела. – Довольно. Я не убивала его. И если он действительно убит, мы не знаем, кто это сделал.

Элан кивнула и опустила вуаль.

– Теперь он не достанется ни вам, ни какой-то другой женщине. – Голос ее звучал глухо, словно она сдерживала рыдания. – Да будут милосердны к вам небеса, – тихо добавила она и ушла, не попрощавшись и не сделав реверанса.

День оказался очень длинным. Новость из Марринсвока просочилась в замок. Ее обсуждали, гадая, чьи тела найдены, и время грозило растянуться до бесконечности. Печальное известие лишь отчасти повлияло на ежедневные обязанно-

сти Бриони как регента. Вопросы, перешептывания, короткая встреча с командиром новобранцев из Марринсвока (он наслаждался мгновениями известности и вниманием к своей персоне), бесконечные жалобы Найнора – тот никак не мог решить, разместить этих солдат вместе с остальными или отдельно. Каждый, кто проходил через Тронный зал, бросал на принцессу двусмысленные взгляды – так, во всяком случае, казалось самой Бриони. Словно ей недостаточно позорной вспышки ярости перед Хендоном Толли! Все было так ужасно, что появление горничной Аниссы ее почти обрадовало.

– Ты Селия, да? – обратилась к ней принцесса. После отъезда Баррика у нее не было причин недолюбливать девушку. – Как поживает мачеха?

– Неплохо, ваше высочество, учитывая, что ребенок вот-вот родится. Ее беспокоит, что вы совсем к ней не заходите.

У Бриони раскалывалась голова, и она с трудом разбирала неправильное произношение девушки.

– Она просит не беспокоить ее? – уточнила она. Селия очень мило покраснела. Так же мило она делала и все остальное, чем оскорбляла лучшие чувства женщин, не стремившихся понравиться мужчинам. Так, по крайней мере, считала Бриони, чья нелюбовь к девушке постепенно возвращалась.

– Нет-нет, – возразила горничная. – Наверное, я сказала не то. Напротив, она очень хочет с вами встретиться до рождения ребенка.

– Думаю, моей мачехе известно, что я сейчас очень занята... Тогда девушка придвинулась поближе, а Броун и Найнор сделали вид, что не слушают.

– Она беспокоится, что вы на нее сердиты, – зашептала Селия. – А это вредно для нее, для будущего ребенка. Так она считает. Она слишком плохо себя чувствовала и не могла поговорить с вами раньше. А теперь ваш брат ушел на войну. Бедный Баррик.

Селия была искренне опечалена и от этого казалась Бриони еще менее симпатичной.

«Тебя интересуется мой брат, красавица», – подумала она, а вслух сказала:

– Я постараюсь.

– Она просит вас пожаловать, чтобы выпить вина на Канун зимы.

«Милостивая Зория! Осталось всего несколько дней, – вспомнила Бриони. – Неужели прошел уже целый год?»

– Постараюсь зайти к ней в ближайшее время, – пообещала она. – Передайте, что я желаю ей всех благ.

– Передам, принцесса.

Девушка сделала изящный реверанс и ушла.

Бриони увидела, какими взглядами Найнор и Броун провожали молодую горничную. Ей стало противно: даже старые мужчины бывают развратниками. Она постаралась скрыть раздражение, и они вернулись к своим занятиям, правда, работа продвигалась не так быстро, как хотелось бы.

Дела все не кончались. Казалось, каждый обитатель замка предстал сегодня перед принцессой с какой-нибудь жалобой, проблемой или требованием – от жизненно важных до смехотворных. Кого она еще не видела, так это Хендона Толли, а также – после памятной встречи в Портретном зале – его свояченицу. Семейство Толли никак не давало о себе знать.

– Скорее всего, они пытаются определить, что может означать это происшествие, – шепотом сказал Броун. – Мне доложили, что утром они, как обычно, расхаживали по замку, но, узнав новость, тотчас скрылись в своих покоях.

– Мне кажется, это вполне разумно. Только вот зачем мы разместили рядом Толли и Дарстина Кроуэла, да и остальных смутьянов?

– Потому что Кроуэл настоял на этом заранее, – ответил Найнор. – В конце лета он сказал мне, что хочет приехать на празднование Дня всех сирот вместе с Толли. Я еще подумал, что он имеет в виду герцога Гейлона и его свиту.

– Неужели они что-то замыслили уже тогда? – нахмурилась Бриони.

– Я не доверяю Толли, но не стоит считать их самой серьезной из наших проблем, – проворчал Броун.

Старый Найнор покачал головой:

– Не исключено, что они что-то задумали, ваше высочество. А может быть, просто планируют устроить торжественный обед. Кстати, раз мы заговорили об этом, стоит подумать о подготовке к празднику.

Бриони не сразу поняла, о чем он говорит.

– К празднику? – переспросила она. – Вы имеете в виду День всех сирот? Вы сошли с ума! У нас же война!

– Тем более следует подумать, – отозвался Найнор.

Стеффанс Найнор бывал иногда очень упрямым. Правда, если бы старик не умел добиваться своего, едва ли он остался бы зрителем замка так много лет. Бриони рассердилась. Она собралась сказать «нет» и отослать его прочь, но потом спросила себя, как поступил бы в этом случае отец? Наверное, он сказал бы так: «Если ты хочешь, чтобы люди выполняли твои задания, и если они уже доказали, что могут их выполнять, позволь им это делать и не стой у них над душой. Невозможно давать поручение и не предоставлять свободы действий».

– Зачем, по-вашему, нам следует это сделать? – спросила она Найнора.

– Потому что это святой день. Мы восхваляем богов и полубогов, а сейчас нам больше, чем когда-либо, нужна их помощь.

– Да, но мы можем совершить жертвоприношения и молебны без празднеств и веселья.

– А зачем, по-вашему, люди веселятся, ваше высочество? Чтобы сделать жизнь не такой мрачной. – Старик заморгал слезящимися глазами, но взгляд его был острым и решительным. – Простите, что говорю об этом, принцесса Бриони, но, на мой взгляд, осажденному городу не хватает отваги.

А еще людям нужно напоминать, что именно они защищают. Немного счастья, немного обычной жизни – прекрасное подспорье и для того, и для другого.

Бриони поняла мудрость Найнора, но какая-то ее часть продолжала считать, что такое притворство еще хуже, чем страдания.

Авин Броун, казалось, услышал ее мысли, словно она произнесла их вслух.

– Люди никогда не забывают об опасности, ваше высочество, – заметил он. – Думаю, Найнор абсолютно прав. Можно сделать праздник не очень шумным и роскошным. Перед лицом войны, а также в связи со смертью Гейлона и, конечно, вашего брата не стоит сильно предаваться веселью. Но давайте не будем делать эту зиму мрачнее, чем того требуют обстоятельства.

– Хорошо, – согласилась принцесса. – Тогда пусть празднества будут скромными.

Найнор кивнул, поклонился и ушел. Он выглядел вполне довольным, даже благодарным. Бриони засомневалась: а нет ли у Найнора собственных планов, не использует ли он ее в своих тайных личных интересах?

«Вот так всегда, – думала она. – Я не могу сделать самого простого дела без того, чтобы возникли сомнения и подозрения. Как отец справлялся с этим? Наверное, в мирные дни все-таки легче, но все же... Проклятые времена!»

Они еще не достигли людной части города, а Жуколов уже собрался уходить. Он не отвечал на вопросы обеспокоенного Чета.

– Можете не сомневаться, я найду дорогу, – уверял он. – В этих пещерах много медлительных и глупых крыс. Я доберусь домой верхом, будьте уверены.

Чет слишком устал, чтобы спорить, и потому ограничился тем, что еще раз поблагодарил Жуколова. Они так много пережили вместе, но прощание вышло очень коротким.

В эти беспокойные времена их маленькая процессия не стала для жителей Города фандерлингов чем-то особенным, но все же привлекла внимание. Постепенно вокруг собралась целая толпа: много детей и несколько взрослых. Чет старался не обращать внимания на их вопросы и шутки. Он понятия не имел, который сейчас час и какой день недели. Молодой послушник храма, шедший впереди него, сказал, что сегодня небодень, а колокол пробил четыре раза. Чет с изумлением понял: он провел в подземных переходах почти три дня.

«Бедная Опал! Она, наверное, с ума сходит от беспокойства».

Благодаря детям новость распространялась очень быстро, и в начале Уэдж-роуд Чета и его спутников поджидали соседи. Слух достиг и его собственного дома. Опал со смесью радости и страха на лице выскочила на улицу еще до того, как они подошли к дворику.

Чет постарался не обижаться на то, что она первым обняла лежавшего без чувств ребенка, чуть не перевернув при этом носилки. Он был так измучен, что едва мог держать их, и лишь молча кивал в ответ на все вопросы соседей. Обладавший мощным телосложением Антимоний прокладывал дорогу к двери.

– Он не умер? – спросила Опал, вставая на колени у носилок. – Скажи мне, что он не умер.

– Он жив, только... спит.

– Слава Старейшим! Но он такой холодный.

– Тебе придется ухаживать за ним, дорогая женушка. Чет тяжело опустился на скамейку.

Опал помолчала, потом вдруг бросилась к мужу, обняла его за шею и расцеловала.

– Я так рада, что и ты жив, старый дурачок. Исчезнуть на столько дней! Я беспокоилась о вас.

– Я тоже о тебе беспокоился, девочка моя, – ответил Чет. – Пошли в дом. Я расскажу тебе эту необычную историю позже.

Антимоний помог Опал уложить Кремня в кровать, отказался перекусить с хозяевами и вышел из дому, чтобы успокоить толпу и ответить на некоторые не слишком сложные вопросы. Чет подозревал, что послушнику очень приятно поговорить с людьми. Насколько он знал, служители храма, особенно молодые, весьма редко попадали в Город фандерлингов. Походы на рынок и другие дела обычно доверялись

более надежным старшим братьям.

Он слышал, как Опал что-то напевает в спальне. Она сняла с ребенка грязные лохмотья, протерла его тело и, так же как метаморфные братья, проверила, нет ли на нем ушибов и порезов. Чет не думал, что свежее белье поможет мальчику проснуться, но Опал необходимо было чем-то заняться.

Чет услышал какое-то шуршание и поднял голову. Только сейчас он осознал, что не один в комнате. У стены на длинной скамье сидела совсем молоденькая девушка из больших людей. Она тоже взглянула на него, но совершенно отстраненно. Темные волосы девушки были растрепаны, а платье казалось слишком большим для ее хрупкой фигурки. Чет никогда раньше не видел ее и не мог предположить, зачем и почему она может находиться в его доме. Это удивило его даже сегодня – в день, когда ему пришлось поплутать по бесконечным туннелям и увидеть так много чудес.

– Кто вы? – спросил он девушку. Опал вышла из спальни.

– Я совсем забыла тебе сказать, потому что занялась мальчиком, – сказала жена с виноватым видом. – Она пришла, когда колокол пробил дважды, и с тех пор ждет. Она сказала, что должна поговорить с тобой, и только с тобой. Я подумала, что это как-то связано с Кремнем...

Странная гостья заерзала на скамейке. Она как будто пребывала в полусне.

– Вы Чет Голубой Кварц? – обратилась она к фандерлингу.

– Да, – подтвердил тот. – А вы кто?

– Меня зовут Уиллоу, но я – никто. – Она встала, почти коснувшись головой потолка, и протянула ему руку. – Идем. Мой хозяин велел привести вас.

35. ШЕЛКОВЫЙ ШНУР

В КЛЕШНЯХ

Все заплясало,

Луна к земле припала в страхе.

Он увидит нагую Мать Всего Сущего.

Из «Оракулов падающих костей»

Киннитан почувствовала вокруг себя вибрирующее гудение, похожее на звон кристалла, и огромная рука обхватила ее тело. По руке пробегали глубокие вибрации, словно в ней пульсировала кровь. У Киннитан было такое ощущение, будто ее привязали к колоколу величиной с гору. Невероятных размеров существо подняло ее над землей. Киннитан не видела его лица – существо было затянуто дымкой, которую пронизывали вспышки света, как если бы внутри этого туманного облака разразилась гроза, – но она различала огромную темную дыру – вероятно, рот. Существо подносило ее к дыре все ближе и ближе... Она закричала или, по крайней мере, попыталась закричать, но в этом темном пустом месте не раздалось ни звука. Тишина, туман и темная пасть, открывавшаяся все шире и нависавшая над ней, как грозовая туча... Гигантское существо собиралось проглотить девушку. Киннитан перепугалась до полусмерти. Однако было в этом страхе и возбуждение, похожее на то, какое она испытывала

в детстве, когда отец подбрасывал ее в воздух или когда она до изнеможения боролась со старшими братьями.

Она проснулась мокрая от пота, сердце ее бешено колотилось, в голове гудело, а кожа зудела так, будто она пролежала в одном из больших ульев храма, покрытая жужжащим ковром из священных пчел. У нее было чувство, что ее использовали – возможно, ее же сны – и вывалили в грязи. Постепенно сердце успокаивалось, по всему телу разливалось тепло, и она испытала если не наслаждение, то, по крайней мере, облегчение.

Киннитан лежала на спине в своей кровати, задыхающаяся и обессиленная. Ее руки блуждали по груди, пока не нащупали под легкой тканью ночной рубашки затвердевшие соски. Киннитан села, потрясенная и взволнованная. Воспоминание о ненасытной темной пасти еще владело ее мыслями. Она вскочила на ноги и отправилась принимать ванну. Вода осталась с прошлой ночи и совсем остыла, но Киннитан не стала звать служанок, чтобы те принесли горячей. Она с радостью села в холодную ванну и, подняв ночную рубашку до шеи, стала омывать тело, пока не задрожала от холода. Не переставая дрожать, она опустила рубашку и полностью погрузилась в неглубокую ванну, прижав подбородок к коленям. Ткань намокла и прилипла к телу, словно образовала второй слой кожи.

Остаток дня прошел спокойнее, хотя бесконечные моно-

тонные молитвы и питье «крови солнца» были отвратительны, как и всегда. Если Пангиссир или автарк пытались таким способом ее убить, они делали это до смешного медленно. Единственное, что им удалось, это сделать ее несчастной.

Сразу после вечерней трапезы пришла служанка, делающая прически, чтобы закрасить ее рыжую прядь – прядь ведьмы, как говорили в детстве друзья Киннитан. Луан и еще одна избранная, подружившаяся с Киннитан в первые дни пребывания девушки в обители Уединения, решили, что жене автарка не пристало быть вульгарной. Служанка высушила волосы и уложила их в красивую прическу: всегда оставался один шанс из тысячи, что именно в этот вечер автарк наконец позовет ее. Киннитан старалась сидеть спокойно, потому что служанка имела привычку царапать ее острием заколки, а потом долго извиняться.

«Едва ли она позволяет себе такое с Аримоной».

Киннитан было неприятно думать о главной жене. После того визита не последовало ни новых приглашений, ни знаков враждебности. Зато нетрудно было заметить, как другие жены и невесты автарка, считавшиеся подружками Вечерней Звезды, наблюдают за новенькой и не скрывают своей неприязни. Ну что ж, они могут воображать себя подружками великой женщины, но вряд ли сама Аримона считала их таковыми. Киннитан думала, что в жизни главной жены не было места для подруг или приятельниц.

Служанка закончила прическу как раз тогда, когда солда-

ты на стенах произнесли ритуальные слова вечерней смены караула:

– Ястребы возвращаются. На перчатку! На перчатку! Киннитан не сомневалась, что и сегодня автарк не изменит себе и не пришлет за ней, поэтому у нее останется пара часов до сна, приносившего лишь беспокойные видения. Она решила, что совершит вечерние молитвы, а потом почитает книжку. Одна из невест автарка, младшая дочь короля какой-то пустынной земли на юге Ксиса, одолжила ей сборник стихов знаменитого поэта Баз'у Джева с прекрасными иллюстрациями. Киннитан уже прочла несколько стихотворений, и они ей очень понравились: в них воспевались пастушьи племена, жившие высоко в суровых горах и называвшие себя «людьми облаков». В стихах говорилось о свободе и простоте их жизни, что тоже привлекало Киннитан. Молодая принцесса из пустыни казалась очень милой, и Киннитан лелеяла надежду, что когда-нибудь они станут подругами, тем более что обе были самыми молодыми в обители Уединения. Но это не значило, что Киннитан забыла о предосторожностях. Она никогда не прикасалась к книге без перчаток. В первые же дни после ее приезда сюда она услышала несколько весьма поучительных историй, и среди прочих – историю столетней давности о главной жене, что избавилась от соперницы, смазав ядом уголки страниц книги.

Эта история красноречиво говорила о нравах обители Уединения – не только о готовности убивать, но и о способ-

ности старшей жены автарка ждать неделями, а то и месяцами, пока новая фаворитка порежет палец и яд с уголка страницы попадет в ее кровь. Что бы ни говорили мужчины о женщинах и их непостоянстве, обитель Уединения была тем местом, где терпение и коварство царствовали безгранично, особенно если ставки были высоки. А какая ставка может быть выше, чем дать шанс своему ребенку взойти на трон самой могущественной империи мира?

Киннитан с нетерпением ждала того часа, когда в перчатках или без них сможет снова насладиться прелестной простотой стихов Баз'у Джева. Но, к ее огромному разочарованию, едва служанка закончила свою работу, появился посылный. Так часто случалось в обители Уединения.

Она испугалась, узнав в гонце немого мальчика, что приходил в ту незабываемую ночь. Сегодня на нем была свободная туника, поэтому Киннитан не могла посмотреть, как заживает рана. Но он улыбался – значит, чувствовал себя прекрасно. Вручая свернутый пергамент, мальчик избегал смотреть ей в глаза, и Киннитан немного опечалило, хотя и не удивило, что он не хочет быть ее другом. Она ведь чуть не заколола его булавкой насмерть.

Как ни странно, послание не было завязано или запечатано, хотя по резкому запаху фиалок Киннитан поняла, что оно от Луан. Она подождала, пока выйдет служанка, и развернула бумагу.

Письмо явно отправляли в сильной спешке. Всего

несколько слов: «Приходи сейчас же». Больше ничего.

Киннитан заставила себя успокоиться. Возможно, все дело в плохом настроении Луан. В последние несколько недель они редко разговаривали и только один раз пили вместе чай, как раньше. Тогда в комнате ощущалось напряжение: образ Джеддина витал в воздухе, хотя никто не произнес его имени. Они обе старались поддерживать беседу, и со стороны могло показаться, будто женщины увлеченно сплетничают, в то время как разговор был для них тяжелым трудом. Да, Луан никогда не посылала таких коротких записок, но, может быть, она сейчас сильно расстроена? В конце концов, избранная Луан склонна к эмоциональным всплескам, и причиной может стать прочитанная история или книга стихов. Не исключено, что избранная намерена обвинить Киннитан в том, что она плохая подруга. Возможно, она собирается отречься от своих притязаний на Джеддина, если, конечно, Луан способна на подобный самообман. Или, может быть, она желает восстановить их прежние отношения.

Киннитан отправилась за немым мальчиком через всю обитель Уединения. Ее мучили подозрения и на сердце было тяжело.

Киннитан изумилась, когда вместо пышной красавицы увидела огромного уродливого мужчину, заливавшегося слезами в постели. Она не сразу сообразила, что это и есть Луан, только без краски, парика и нарядного платья – на из-

бранной оставалась лишь ночная рубашка, мокрая от слез и пота.

– Киннитан! Киннитан! – воскликнула она. – Хвала богам, ты пришла.

Луан раскинула руки. Киннитан не могла оторвать от нее взгляд. Оказывается, под краской действительно скрывался Дудон – грузный, замкнутый парень, который когда-то болтался по знакомым улицам, бормоча молитвы Нушашу. Киннитан, конечно, знала об этом, но не представляла себе раньше, как ее подруга выглядит в действительности.

– Почему ты меня сторонисься? – спросила Луан, и ее мокрое от слез лицо пошло красными пятнами. – Ты ненавидишь меня?

– Нет! – ответила девушка.

Но она не могла броситься в объятия Луан – не столько от безразличности, сколько из страха приблизиться к человеку, который, скорее всего, попал в трудное положение и может быть опасен.

– Ну что ты, я вовсе не ненавижу тебя, Луан, нет, конечно, – повторила Киннитан. – Ты всегда была так добра ко мне. Что случилось?

В ответ Луан почти закричала:

– Джеддина бросили в темницу!

И уже во второй раз за день Киннитан показалось, что собственное тело больше ей не принадлежит. Она превратилась в неподвижную каменную статую, а внутри нее, как в ловуш-

ке, бились мысли. Девушка не могла произнести ни слова.

Луан всхлипнула и попыталась прикрыть лицо рукавом.

– Это так несправедливо! – продолжала она.

– Что... что ты сказала? – наконец смогла выдать Киннитан.

– Его бросили в темницу! Об этом говорит вся обитель Уединения. И ты бы знала, если бы пришла на ужин, вместо того чтобы сидеть в своей комнате, словно отшельница.

Она снова заплакала, как будто сожалела о недружелюбном поведении Киннитан.

– Расскажи, что случилось, – попросила девушка.

– Я сама не знаю. Он в темнице. Его лейтенант стал начальником «леопардов» вместо него – по крайней мере, на время. Это все проделки Ваша, отвратительного человека. Он всегда ненавидел нашего Джина...

– Ради всех богов, Луан, что нам нужно делать?

В голове Киннитан лихорадочно закрутились мысли – безнадежные и отчаянные. Словно за ней гнались враги, а она отставала, вместо того чтобы быть в первых рядах убежавших от преследования.

Луан немного успокоилась и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Она заговорила:

– Нам нельзя терять голову. Ни в коем случае. Мы должны вести себя как ни в чем не бывало. – Избранная глубоко вздохнула и сказала уже спокойнее: – Не исключено, что Джин арестован за что-то, не имеющее к нам отношения...

Но даже если они заподозрят худшее, он ничего им не скажет. Джеддин нас не выдаст! Вот поэтому я и позвала тебя. Поклянись ни в чем не признаваться. Даже если они заявят, что им известно все. Ничего не говори – они будут врать! Наш Джеддин ничего не скажет Пиннимону Вэшу, даже если... даже если его...

Луан снова зарыдала.

– Они будут его пытаться? – испугалась девушка. – Убьют? За то, что он заходил в обитель Уединения?

– Да, может быть. Но это не самое худшее.

Луан вдруг осознала, что немой мальчик все еще стоит в дверях, ожидая указаний, и сердито махнула рукой, чтобы он ушел.

– Что значит «не самое худшее»? – поразилась Киннитан. – Ты хочешь сказать, что он совершил что-нибудь еще более страшное, чем признание в любви жене автарка и незаконное проникновение в обитель Уединения, где настоящих мужчин убивают, если они заходят туда? Во имя священных пчел, что еще он успел натворить?

Луан некоторое время молча смотрела на нее, потом снова разрыдалась и с трудом выговорила:

– Он хотел... свергнуть Бесценного. Автарка!

В первый момент Киннитан подумала, что ее сердце перестало биться.

– Он... собирался убить автарка? – едва слышно прошептала она.

– Нет, нет! – в ужасе отшатнулась Луан. – Нет, он бы никогда не поднял руку на автарка. Он же дал клятву! – Она энергично трясла головой, возмущенная таким предположением. – Он собирался убить скотарка, Прусаса Хромого. Тогда автарк потерял бы трон, и... и после этого Джеддин рассчитывал каким-то образом забрать тебя.

Киннитан попяtilась, махая руками, словно хотела отогнать от себя зверя.

– Глупец! Глупец! – повторяла она.

– Но он ничего не скажет, никогда не скажет ни слова об этом! – Луан стояла на коленях, раскинув руки, словно собиралась заключить Киннитан в объятия. – Он такой храбрец, наш Джеддин, такой храбрец!

Киннитан трясло от ярости и страха. Ей хотелось наброситься на Луан и бить по ее рыхлому мокрому лицу кулаками.

– Зачем ты ему помогала? Зачем позволила рисковать твоей и... моей жизнью? Как ты могла пойти на такое?

Луан снова откинулась на подушки.

– Потому что я его любила. Моего Джина! Я бы даже могла ему завладеть тобой. Я бы сделала все, что он попросит, – сказала она, глядя на Киннитан красными от слез глазами, и улыбнулась. – Ты должна понимать, что такое любовь. Ты ведь женщина. Ты родилась женщиной. Ты должна понимать.

Киннитан развернулась и побежала прочь.

– Ничего не говори! Он никогда не скажет ни слова, наш Джин! Никогда... – кричала ей вслед Луан.

Киннитан выскочила в коридор. Ее мысли смешались в беспорядке, словно рассыпанные по полу бусинки. Права ли Луан? Заставит ли его кодекс чести молчать даже под пытками?

«Но это же несправедливо! Я ничего плохого не сделала! Я прогоняла его!»

И вдруг она услышала шаги. Не топот сандалий огромных, как волю, стражников обители Уединения, и не легкое скольжение босых женских ножек. Киннитан помедлила, потом решила, что никто не должен видеть ее у покоев Луан: тогда возникнет подозрение, что они что-то скрывают, раз встречаются сразу после ареста Джеддина. Если Луан права и Джеддин не признается под пытками, есть надежда, что жизнь вернется в обычное русло.

Киннитан отступила в темную нишу за несколько секунд до того, как человек показался из-за поворота в том коридоре, где она только что стояла. Девушка поблагодарила богов, что в нише нет светильника, и огляделась в поисках укрытия. Но укрытия не было – пришлось прижаться к ковру на стене. Если тот, кто идет сюда, осмотрится внимательнее, он может заметить Киннитан.

Она прильнула к стене и отвернула голову, зная, что взгляд всегда притягивает, особенно если ты этого не хочешь. Но человек прошел мимо, не замедляя шага. Кинни-

тан перевела дух и выглянула в коридор в тот момент, когда приземистая плотная фигура вошла в комнату Луан. Киннитан не потребовалось много времени, чтобы определить, кто это.

Из комнаты послышался испуганный крик Луан.

Киннитан невольно сделала несколько шагов, желая помочь подруге, но благоразумие остановило ее.

Голос Таниссы был хриплым, словно она тоже боялась, но все-таки в нем слышались торжествующие нотки:

– Избранная Луан из королевской обители Уединения! Я пришла сюда, чтобы быть рукой бога. Ты предала священное доверие. Ты предала повелителя Поднебесья.

– О чем вы говорите? – спрашивала Луан.

– Спорить бесполезно, – заявила садовница. – Бесценный скрепил приговор своей печатью.

Луан завопила, затем ее крик перешел в хрип. Звук был настолько отвратительный, что Киннитан не могла поверить, что его издает человек.

– Ты... достанешься... червям, – услышала Киннитан. Теперь Танисса тяжело дышала и говорила довольно тихо – Киннитан почти не слышала ее, хотя стояла в паре шагов от двери в комнату. В голосе садовницы звучала ненависть.

– Жирная, похотливая ведьма, – сказала Танисса. Хрип сменился шипением, послышался стук упавшего тела, то ли руки, то ли ноги забарабанили по полу... Потом все смолкло.

От ужаса ноги Киннитан налились свинцом, и она с тру-

дом заставила себя сдвинуться с места. Когда она дошла, шагаясь, до бокового коридора и оглянулась, то увидела, как зашевелились драпировки на двери. В голове застучало. Прижавшись лицом к стене так сильно, что ее кожа ощутила все неровности камня под ковром, Киннитан безмолвно молилась. Послышались шаги, на этот раз очень медленные. Киннитан старалась не шевелиться и не поворачивать лицо. Возможно, мысли садовницы-палача были слишком заняты содеянным, но она прошла мимо, не задерживаясь. Киннитан не шевелилась, пока отзвуки тяжелой поступи не смолкли.

Девушке хотелось заплакать, но слезы будто выжег холодный огонь ужаса. У нее пересохло во рту. Куда теперь идти? Что делать?

Она постояла в коридоре, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая. Может статься, что Луан – это лишь первое задание Таниссы? Может быть, она направляется сейчас в комнаты Киннитан?

«Мне нельзя возвращаться к себе. Но куда же спрятаться? Где я могу укрыться?»

Она подумала о маленькой комнатке в Благоуханном саду – той, что Джеддин использовал для их тайной встречи. Но тут же поняла, что теперь об этой беседке известно стражникам автарка.

Нет места, где она чувствовала бы себя в безопасности.

«Они перевернут весь дворец, как шкатулку, чтобы найти меня», – думала Киннитан.

Единственная, очень слабая надежда спастись – сбежать из обители Уединения. Но как? Как, именем Улья, проскочить мимо стражников, которые как раз ее и разыскивают?

«Джеддин? Кольцо-печатка!»

Она залезла в рукав и нащупала его в потайном кармашке, пришитом собственными руками. Предчувствие и понимание того, что в обители Уединения не бывает секретов, не позволили ей спрятать кольцо в комнате.

«И какая от него польза? Даже если по счастливой случайности меня не разыскивают, чтобы убить, даже если мое имя нигде не прозвучало – как только я попытаюсь пройти через ворота с поддельным посланием Джеддина, они сразу же мной заинтересуются».

Из глаз полились слезы, горячие, беспомощные, обжигавшие щеки. Возможно ли, чтобы Джеддин выдал Луан, но не выдал ее? Нет. Шанс слишком мал.

«Ты не можешь стоять здесь и реветь! – сказала она себе. – Глупая девчонка! Уходи из коридора! Прячься!»

Но где ей спрятаться? Она находилась в самом центре дворца автарка и теперь стала его врагом. Самый могущественный человек на земле желает ее смерти, и смерть эта не будет ни быстрой, ни безболезненной.

Яд – ужас обители Уединения – теперь казался ей благом. Если бы у нее был яд, она выпила бы его без колебаний.

36. У НОГ ВЕЛИКАНА

ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

Он весь испачкан кровью, Он в воздухе огонь.

Зовут его Одно Ребро и Солнечный Цветок.

Из «Оракулов падающих костей»

– Да, впечатляет, – сказал Тинрайт, глядя с высоты на волны. Узкий участок залива Бренна между замком и материковой частью города кишел лодками, что было странно для такой беспокойной погоды, но вполне объяснимо в столь бурные времена. Мощеную дорогу разобрали, и теперь тем, кто хотел попасть в замок, приходилось переправляться по воде, бросая вызов высоким пенистым волнам.

– Никогда бы не подумал, что в башни Времен Года допускают кого-нибудь, кроме королевских особ и их приближенных, – заметил поэт.

– Я и есть приближенный. – Пазл гордо выпрямился в полный рост, но через минуту снова опустил плечи и склонил голову. – Я королевский шут, ты же знаешь. А когда вернется Олин, я снова заживу припеваючи.

«Если такой день вообще наступит», – прибавил про себя Мэтти.

Тинрайт жалел старика, но прекрасно знал, что для Пазла уже ничто не изменится. Когда вы приближаетесь к коро-

левской семье, вы словно начинаете дышать другим воздухом. Любой человек с задатками честолюбия будет биться из последних сил в надежде подышать этим воздухом и безжалостно оттолкнет любого, кто встанет на пути.

«Только взгляните на меня, – подумал он. – Посмотрите, как далеко я продвинулся, стоило мне глотнуть этого воздуха! Как высоко взлетел!»

Метафора получилась очень удачная. Он стоял на балконе башни Зимы. Весь Южный Предел простирался под ним, и лишь Волчий Клык угрожающе возвышался за спиной, словно суровый родитель.

«Еще месяц назад я прозябал в болоте, – думал Тинрайт, глядя, как солдаты отгоняли перегруженные лодки от Зимних ворот, слушая мольбы людей и детский крик. – И я бы тоже искал приюта, как эти люди. Но теперь место мне обеспечено. Меня приютили Эддоны, они кормят меня – по личному повелению принцессы Бриони. Боги, а особенно покровитель поэтов Зосим, улыбаются мне».

И все же Тинрайт был бы еще счастливее, если бы боги как-нибудь прекратили эту войну, из-за которой в замке собралось такое множество перепуганных людей. Теперь ему приходится спать на своей кровати по очереди с другим человеком, как было когда-то в «Квиллер Минте».

Внезапно Мэтти охватил страх. Он спросил себя:

«Ведь не могли же боги затеять все это специально, чтобы досадить мне? Неужели я взлетел так высоко лишь затем,

чтобы погибнуть от руки демона или волшебника?»

Он потряс головой. Угрюмый день наводил на скверные мысли.

«Сама Бриони Эддон возвысила меня. Она признала мой талант и взяла под свою опеку. К тому же всем известно, что этот замок не взять: океан защитит его, как меня защищает принцесса».

Долой мрачные мысли. Тинрайт глотнул вина и передал увесистый кувшин Пазлу – тому пришлось взять его двумя руками. Старик дрожал от усилия, поднося вино к губам. Тощего шута слегка качнуло, словно деревце на ветру.

– Хорошо, что у тебя в руках кувшин, – сказал ему Тинрайт. – Ветер все усиливается.

– Хорошо. – Старик вытер губы. – Я имею в виду вино. Прекрасно согревает. Вот что, сударь: я позвал тебя сюда вовсе не затем, чтобы любоваться видом, хоть он и неплох. Мне требуется твоя помощь.

Тинрайт удивленно поднял бровь.

– Моя помощь?

– Ты ведь поэт – или я ошибаюсь? Приближается праздник Кануна зимы. И торжества, несомненно, состоятся. Мне придется развлекать принцессу-регента и ее гостей. Придет и старая герцогиня. – Он улыбнулся про себя, погрузившись в воспоминания. – Ей нравятся мои выходки. Соберутся и остальные – богатые и могущественные. Я должен приготовить для них что-то особенное.

Тинрайт снова погрузился в созерцание бухты. Одна лодка перевернулась, и все, кто был в ней, оказались в воде, среди вздымавшихся волн. Это его не касалось, но все же было приятно видеть, что несколько лодок, главным образом скиммерских, повернули в их сторону. Какой-то скиммер, держась одной рукой за руль своей утлой лодчонки, другой втащил на борт маленького ребенка.

– Извини, – сказал Тинрайт. – Я тебя не понимаю.

– Песня! Мне нужна песня! – ответил Пазл.

Голос шута был таким настойчивым, что Мэтти Тинрайт отвернулся от бухты и сцены спасения. Казалось, морщинистое лицо Пазла светится изнутри: шут ликовал.

– Ты должен написать что-нибудь умное! – настаивал он.

«Интересно, сколько успел выпить старикашка?»

– Ты хочешь, чтобы я написал для тебя песню? – спросил поэт.

Пазл утвердительно затряс головой.

– Я сам сочиню мелодию, – проговорил он. – В молодости у меня неплохо получалось. И у меня хороший голос. – Шут вдруг сник и помрачнел. – Никогда не старей. Слышишь? Никогда не старей.

Честно говоря, Тинрайт пока еще об этом не думал. Он считал, что старость находится от него на том же расстоянии, что другой континент где-то на юге. Он никогда не видел тех мест, никогда о них не вспоминал, разве что заимствовал случайную метафору, родившуюся там, если слышал

ее от других поэтов. Например: «Темный и сладкий, как виноград Ксанда».

– А какую песню ты хочешь спеть?

– Вовсе не смешную. Сейчас не время веселиться, – важно кивнул старик, словно неумение смешить было его продуманным решением, а не трагедией жизни. – Что-то героическое и жизнерадостное. Историю о Силасе или каком-нибудь другом рыцаре-переселенце. Возможно, Вечно Страдающая Дева вполне подойдет к празднику Кануна зимы.

Тинрайт задумался. Нет никакого прока в том, чтобы помогать Пазлу. Несмотря на бесконечные воспоминания о прошлом, шут сегодня не ближе к королевской семье Южного Предела, чем сам Тинрайт. Но с другой стороны, вдруг король вернется? И не такое случалось в этом мире.

Кроме того – Тинрайта поразила эта неожиданно пришедшая в голову мысль, – старик ему нравится, и он с удовольствием окажет ему услугу. В конце концов, боги знают, что Пазл не одарен талантами к искусству, в отличие от самого Тинрайта.

– Прекрасно, – согласился он. – Но ты даешь мне мало времени.

Пазл радостно заулыбался.

– Ты замечательный парень, Мэтти! И настоящий друг. Песня не должна быть слишком длинной: когда трапеза заканчивается и выпито много вина, внимание придворных рассеивается. Спасибо тебе. За это стоит еще глотнуть.

Он поднял кувшин, сделал несколько глотков и передал Тинрайту, а тот чуть не выронил его, снова отвлеченный созерцанием бухты.

– Скиммеры спасли семью, – отметил он. – Пусть боги покусают друг друга, только посмотрите! Полуголые на таком холоде! Мне никогда не понять скиммеров. У них под кожей должен быть толстый слой жира, как у тюленей.

– Холодно, – согласился Пазл. – Давай лучше спустимся отсюда. – Он прищурился, глядя в даль. – Посмотри, из-за тумана не виден даже Лендсенд. Он накрыл все холмы и долины. Скоро опустится и на город. Мы называем это «мрачной» погодой. – Пазл обхватил себя тощими руками и повернулся к Тинрайту. – Как ты думаешь, этот туман не связан с сумеречным племенем?

Тинрайт посмотрел на туман, сползавший с вершин ближайших холмов. Его клочья походили на зеркальные отражения белых гребней, вздымавшихся на поверхности моря.

– Это же мыс между океаном и заливом, – ответил он. – Там часто бывают туманы.

– Да, конечно, ты прав, – кивнул Пазл. – С нами, стариками, такое случается: как только холод пробирает до костей, в голову лезут мысли... – Он смахнул с глаз слезы, выступившие от ветра. – Давай спускаться. Сядем на кухне у огонька, допьем кувшин и поговорим о моей песне к Кануну зимы.

– Кто твой хозяин? – спросил Чет.

Уиллоу смутилась. Впервые она вела себя так, как положено девушке ее возраста.

– Я не знаю, как его зовут... зато знаю его голос, – сказала она.

Чет отрицательно покачал головой.

– Послушай, девушка, я не знаю тебя и не знаю, что привело тебя ко мне. Не исключено, что в другое время я бы пошел с тобой – просто ради любопытства. Но сейчас я только что вернулся из утомительного путешествия под землей, после которого свалился бы с ног сам повелитель... сам Керниос и проспал бы неделю. В другой комнате лежит мой мальчик. Он болен. Возможно, умирает. Моя жена переволновалась за нас обоих. Поэтому я не пойду к твоему господину, тем более что ты не знаешь его имени.

Девушка посмотрела на него долгим взглядом. Узкое лицо ее было серьезным – казалось, слова Чета еще не успели достигнуть ее ушей. На мгновение она закрыла отяжелевшие веки, потом снова подняла взгляд на фандерлинга и спросила:

– Зеркало у вас?

– Что?

– Зеркало. Мой господин говорит, что, если вы не можете прийти сами, вы должны передать зеркало со мной.

Она протянула руку бесхитростно, как маленький ребенок, что просит конфетку. Несмотря на крайнее изумление, Чет невольно задумался. Девушка была высокой даже для

племени больших людей, довольно симпатичной, и все же, хотя она и выглядела умытой, а ее простенькое платье – чистым, что-то в ней было не так: при взгляде на нее возникало ощущение, что она одевалась в темноте.

– Твой хозяин... хочет зеркало? – переспросил Чет. Он бессознательно сунул руку в карман своей потрепанной, пропитанной потом рубашки и сжал в ладони гладкий, прохладный предмет.

«Все, я выдал себя», – подумал фандерлинг.

Однако девушка на него не смотрела. Она стояла, по-прежнему вытянув руку и уставившись в одну точку, будто смотрела сквозь стену дома.

– Он говорит, что каждый проходящий момент приближает наступление Первозданной ночи, – заявила она.

Услышав произнесенные устами девочки-лунатика слова Ча-вена, его жуткое предсказание, Чет был так потрясен, что даже застонал.

– Я должен поговорить с женой, – ответил он после паузы.

На улицах Города фандерлингов было совсем мало народа, и фонари уже притушили на ночь. Те редкие прохожие, что шли им навстречу, смотрели на Чета с удивлением. Многие уже слышали про его возвращение из глубин, но их ждал новый сюрприз: Чет Голубой Кварц, только что вернувшийся после тяжелого приключения, шествовал за девушкой из племени больших людей к выходу из города с таким угрю-

мым видом, словно направлялся к месту казни.

И Чета действительно одолевала тяжелые мысли.

«Опал даже не кричала, – вспоминал он, следуя за девушкой к городским воротам. – Я бы понял, если бы она ругала меня. Я и сам с трудом верю, что согласился пойти. Но видеть, как она поворачивается спиной и бросает: «Делай, что хочешь»... Неужели это из-за ребенка? Или есть что-то другое и оно беспокоит Опал еще больше, чем меня?»

«Хотя, возможно, Опал похожа на тебя, старый дурень, – предположила другая его часть. – У нее хлопот полон рот из-за мальчика, до сих пор не пришедшего в себя, и она не может отвлекаться на посторонние дела, тем более ничего в них не понимая. Да ты и сам в них мало что смыслишь».

Они проходили мимо здания гильдии, откуда доносилось пение мужчин и мальчиков. Хор готовился к празднованию окончания года, звучали родные и знакомые песни. Хормейстер Аспидный Сланец, наверное, расхаживает взад и вперед, прислушивается, хмурится и иногда вскидывает руку, чтобы задать ритм. Для певцов сегодня обычный вечер, несмотря на угрозу войны и рассказы о странных похождениях Чета. Фандерлинги выживали во всех войнах, во всяком случае до сих пор: они были строителями, землекопами, каменотесами – слишком ценными, чтобы их убивать. Да и поймать их в извилистых туннелях непросто.

– Мы, люди камня, живем близко к земле, – говаривал отец Чета. – Выглядим не очень величественно, зато нас

трудно свалить.

Переживут ли они Первозданную ночь, если она наступит?

«Ну почему вся моя жизнь рухнула в одночасье? – сокрушался Чет. – Почему выбрали именно меня?»

Увидев, что девушка ведет его в самое сердце замка, Чет очень удивился. У Вороновых ворот толпились люди. Стражники спорили с просителями, но один из них узнал девушку и пропустил ее. Бросив подозрительный взгляд на Чета, он все-таки позволил и фандерлингу пройти во внутренний двор. Уиллоу ни с кем не разговаривала. Она вела Чета через садики и крытые переходы так долго, что даже его врожденное умение ориентироваться отказало. Солнце село, и воздух стал пронизывающе холодным. Чет радовался, что захватил с собой теплое пальто, хотя прежде он был уверен, что оно не понадобится. К тому же Чет пока не забыл удушную жару глубин. Его несколько опечалило, что Опал сама не напомнила ему про пальто, как обычно делала. Но он сказал себе, что даже его всевидящая и всезнающая жена не может помнить каждую мелочь, да еще в такой безумный день.

Пытаясь надеть пальто на ходу, он никак не мог попасть в рукава. Когда он наконец это сделал, Уиллоу уже вела его через ворота в тенистый садик, освещенный факелами на специальных стойках. Чет не знал этого сада. Не знал он и чело-

века, поджидавшего их, сидя на низенькой скамье. Чет был почти уверен, что встретит Чавена, и при виде незнакомца с трудом сумел скрыть разочарование, граничившее со страхом.

Человек повернулся к ним. Его глаза были такими же неприятно безразличными, как и у девушки, а сам он – полной противоположностью Чавена: намного моложе, значительно стройнее, с короткими, неаккуратно подстриженными волосами, как будто он стриг себя сам – ножом и не глядя в зеркало.

«Вот зачем ему понадобилось зеркало», – подумал Чет, однако шутка не показалась забавной даже ему самому.

– Вы посылали за мной, – сказал он вслух как можно тверже, – словно вы господин не только этой девушки, но и мой. Но это не так. Поэтому объяснитесь, пожалуйста.

– Вы принесли с собой зеркало? – спросил человек медленно и тихо.

– Сначала вы должны ответить на мои вопросы. Кто вы такой и чего вы хотите?

– Кто я? – задумчиво переспросил незнакомец, словно вопрос был для него неожиданным. – Здесь меня зовут Джил. Думаю, у меня есть и другое имя... но я его забыл.

Чет почувствовал, как по его позвоночнику поднимается неприятный холодок. У этого человека был вид сумасшедшего. Таким же отстраненно спокойным был дедушка Чета в последние годы жизни. Он обычно сидел у камина и грелся,

как ящерица на солнце, почти не двигаясь.

– Я не знаю, что значит вся эта ерунда, зато знаю, что вы вытащили меня из дома в такое время, когда я нужен собственной семье. Еще раз спрашиваю: чего вы хотите? – требовал ответа фандерлинг.

– Предотвратить уничтожение двух народов. Ненадолго отсрочить великое поражение, пусть даже его нельзя избежать, – ответил тот, кто назвался Джиллом, и кивнул, будто сам только что понял свои слова. Он в первый раз улыбнулся, но улыбка получилась вялой и призрачной. – Этого недостаточно?

– Я не знаю, о чем вы говорите.

Чету захотелось повернуться и уйти, даже убежать – и не останавливаться, пока над головой снова не окажутся камни. Сейчас над ним нависали тучи, плотные ночные тучи, за которыми не видно ни луны, ни звезд. Но это было совсем не так, как у себя, среди своего народа и в своем собственном доме.

– Я и сам не знаю, – признался Джилл. – Но мне дано понять кое-что, и прежде всего то, что вы должны отдать мне зеркало. Тогда ваша часть работы будет завершена.

Чет снова вцепился в зеркало, хотя ни странный человек, ни девушка не проявляли никакого желания отнять его.

«Они вдвое выше меня... но пусть только попробуют, – подумал он. – Пусть только попробуют отобрать вещь, за которую чуть не погиб мой сын...»

И тут он впервые понял то, что давно вертелось в голове: зеркало – ключ ко всему. Именно зеркало завело Кремня в глубины Святилища Тайн и чуть не погубило мальчика.

– Нет, я не отдам вам зеркало... даже если бы оно у меня было.

– Оно у вас есть, – мягко возразил Джил. – Я его чувствую. И оно вам не принадлежит.

– Оно принадлежит моему сыну. Джил не согласился с ним.

– Думаю, вы ошибаетесь, хотя мне самому не все ясно. Но это не имеет значения. Оно сейчас у вас. Если вы отдадите его мне, можете идти домой и больше ни о чем не думать.

– Я не отдам.

– Тогда вам придется отправиться со мной, – заявил странный человек. – Час скоро пробьет. Зеркало необходимо передать ей. Оно не предотвратит наступления Первозданной ночи и уничтожения всего сущего, но поможет выиграть время.

– И что это значит? О чем вы говорите? Отнести ей? Как ее зовут, ради всех Старейших?

– Ее зовут Ясаммез, – сообщил незнакомец. – Она одна из Старейших. Она – Смерть, и сейчас ей доверили выступить против вас.

Солнце уже склонялось за холмы. Они сидели на скалистом выступе на вершине одного из них и смотрели на юго-

восток, в сторону замка, хотя до него было слишком далеко, чтобы разглядеть. Влажная трава сверкала ярко-зеленым цветом, светило солнце, и по небу плыли разрозненные облака. Казалось, это обычный прохладный зимний день, но над землей перемещались странные клубы тумана. В той стороне, где находился Южный Предел, виднелись лишь вершины холмов. Долины были скрыты от глаз.

– Это наверняка они, – сказал Тайн Олдрич и сплюнул. – Вы говорили, Вансен, что такой туман приходит из-за Границы Теней и они передвигаются под его прикрытием, как под крышей.

Капитан гвардейцев вздрогнул. На его измученном лице читалась тревога.

– Так рассказывал племянник купца, тот, на чей караван напали, – ответил он. – Но когда я со своими людьми случайно проскочил Границу Теней, никакого тумана не было. Впрочем, мне кажется вполне вероятным, что враг прячется именно там.

У Баррика хватало сил лишь на то, чтобы прямо держаться в седле. За сегодняшний день армия проделала немалый путь, к тому же очень быстро. Принц невероятно устал, а нездоровая рука сильно болела, словно кто-то вонзал в кисть кинжал. Уже не в первый раз Баррик пожалел, что не удержал язык за зубами и не остался дома.

«Но если мы их не остановим, оставшиеся в Южном Пределе тоже умрут, только по-другому», – сказал он себе.

Весь день принца преследовали видения омерзительно бледных лиц сумеречных существ. Их страшные мертвые глаза не давали ему покоя. Он ничего не ел – даже думать не мог о еде и только пил воду.

– Смогут ли наши разведчики добраться до замка быстрее, чем они? – спросил лорд Фиддикс – Если удастся вывести гарнизон Броуна за стены крепости, мы зажмем врага между молотом и наковальней.

– Наши разведчики вполне могут справиться, но мы не должны надеяться только на них, – возразил лорд Тайн. – Ах да, у нас же есть голуби. Мы отправим послание с ними. Птица долетит до замка быстрее человека, особенно если тот скачет на уставшей лошади.

Феррас Вансен прокашлялся и посмотрел на Баррика, ожидая разрешения говорить. Несмотря на усталость и страдания, Баррика позабавила мысль о том, что даже после их утренней неудачи титулы и привилегии по-прежнему что-то значат. Он кивнул.

– Дело в том... – начал Вансен. – Господа, мне кажется, что нам нельзя ждать.

Тайн раздраженно заворчал:

– Вы всегда так долго объясняете, Вансен, что можете даже богов заставить плакать. Что вы хотите сказать?

– Если мы будем передвигаться таким же темпом, как сейчас, нам их не догнать. Они в большинстве пешие, как и мы, но ходят значительно быстрее, и если не остановятся на ночь,

то придут на место уже к утру.

– Так и есть, – вступил в беседу Рорик.

В утреннем сражении он получил лишь несколько незначительных царапин. Баррик заметил, что герцог, избегавший места жарких схваток, очень гордился своими перевязанными ранами.

– Тогда мы прижмем их к бухте, – предложил Рорик. – Су-меречные не любят воду – все это знают. Когда Броун выйдет навстречу, мы порвем их в клочья.

Вансен с сомнением покачал головой.

– Простите, господин, но меня такая мысль пугает. Я считаю, что мы должны остановить их на открытом месте, в полях за городом.

Лорды презрительно зафыркали. Кто-то тихонько называл Вансена «дураком», но капитан не обратил на это внимания. Даже Тайн Олдрич был недоволен и отвернулся, чтобы послать сквайра за вином. Вельможи спорили на холме, а пехотинцы воспользовались моментом, чтобы присесть и даже прилечь. Только сейчас Баррик сообразил, что солдатам пришлось шагать весь день в доспехах, с оружием в руках, а это значит, что они вымотались и приуныли, как и он сам, а может, и гораздо сильнее.

– Хорошо, объясните, что вы имеете в виду, капитан Вансен, – сказал Баррик. – Почему бы нам не подождать и не зажать их между двумя нашими армиями?

Вансен кивнул, словно учитель, довольный своим учени-

ком, и Баррик сразу же пожалел, что поддержал его.

– Потому что мы слишком полагаемся на случай, – начал объяснять он. – А что, если нам не удастся передать предупреждение лорду коменданту?

– Тогда он выведет войска, как только увидит, что идет сражение, – возразил Рорик. – Очень глупо в этом сомневаться. Пустая трата времени. Что вообще здесь делает этот человек?

– Он здесь потому, что до сегодняшнего дня только ему доводилось встречаться с нашим врагом, – ответил Тайн. Было очевидно, что его раздражение относится не только к Вансену. – Он проявил храбрость в сегодняшнем сражении, в то время как не о каждом из нас можно такое сказать.

Рорик вспыхнул и, чтобы скрыть смущение, отвернулся, отправляя своего сквайра за вином.

– Просто изложите нам свои мысли, капитан. – Баррик и сам удивился, как быстро он превратился в защитника Вансена.

– Во-первых, как мы заметили, рядом с сумеречными существами происходят странные вещи. Сможет ли голубь пролететь над ними или обогнуть их? Возможно. Сможет ли Броун понять, что происходит, когда туман накроет и берег, и город? А что, если он не увидит, как мы бьемся с врагом в полумиле от него? Пусть я повторяюсь, но поверьте: в призрачном тумане не все выглядит таким, каково оно на самом деле, в чем я, к великому сожалению, уже убедился. Вы тоже

видели кое-что сегодня утром. И вот что, на мой взгляд, самое важное: что произойдет, когда враги подойдут к городу вдоль берега? Остановятся ли они и сразятся ли с нами на открытом месте? Или предпочтут рассредоточиться по городу, по улицам и переулкам, по водостокам и подвалам, по пустым домам? И как тогда мы будем с ними бороться? Мы не сможем действовать согласованно. Вы же помните, как мы бились в лесу с одной десятой частью их войска. Разве можно давать им возможность укрыться в тысяче мест? Тогда их силы увеличатся многократно.

– Но город пуст, – озадаченно заметил один из вельмож. – Люди либо перебрались в замок, либо убежали на юг.

– Ну и что? – удивился Вансен.

– Если они войдут в город, – насмешливо заявил Рорик, – мы его подожжем. И спалим всех. Это лучший способ борьбы с призраками.

– Простите меня, мой господин, – сказал Вансен, хотя по его виду нельзя было сказать, будто он нуждался в чем-то прощении, – но так может говорить только человек, владеющий несколькими замками. В городе живут тысячи людей! Это их дома! Город и окрестные фермы кормят замок Южного Предела.

– Все, хватит! Я достаточно наслушался оскорблений от крестьянина! – закричал Рорик, хватаясь за рукоятку меча. – Его следует наказать.

– У вас есть право вызвать его на бой, Лонгаррен, – на-

помнил ему Тайн. – А я не стану наказывать человека за подобные речи.

Рорик переводил взгляд то на Тайна, то на Вансена. Было очевидно, что ему очень не хочется вытаскивать меч из ножен. В конце концов он натянул поводья и поскакал вниз с холма. Его сквайр, только что доставивший бурдюк с вином, последовал за своим господином.

– Продолжайте, капитан, – обратился Тайн к капитану.

– Благодарю, господа. – Вансен повернулся к Баррику. – Оставив в стороне рассуждения моего сеньора герцога Рорика, ваше высочество, не будем забывать, что силы у нас и у противника равны по количеству. И даже если мы, потеряв много своих людей в рукопашной, поднесем факелы к самому большому городу Южного Предела, разве можно быть уверенными в том, что никто не помешает нам поджечь его? Я встречался с ними уже дважды и считаю безумием предполагать, будто они малые дети. Они планируют свои действия. Они терпеливы. Мы не знаем и половины их возможностей.

– И что же вы предлагаете? – спросил Баррик.

Ему почему-то расхотелось продолжать обсуждение. Было очевидно, что ничего приятного он не услышит, что не будет костра и горячей пищи, не будет сна и отдыха для больной руки.

– Продолжайте, Вансен, говорите, – призвал он. – И пусть нас проклинают боги за нашу глупость, из-за которой мы по-

пали в эту ситуацию!

Несколько вельмож пришли в ужас от подобного заявления и сотворили знак от зла.

– Не говорите так, ваше высочество, – сердито нахмурился граф Блушо. – Не призывайте гнев богов на наши головы. Я не могу слышать подобное даже от вас. Можете меня казнить, если хотите.

– Да, Тайн, я был не прав. Прошу меня простить.

– Извинения нужны не мне, мой принц.

– Не волнуйтесь, боги накажут не вас. – Баррик отвернулся от удивленного Тайна. – Говорите же, капитан. Расскажите, какой у вас план.

Вансен тяжело вздохнул. Было заметно, что и он устал не меньше остальных. Порез на щеке открылся, и красная струйка крови поползла вниз к шее.

– Мы все должны скакать вперед. Пешие пусть догоняют нас как можно скорее. Иначе нам никогда не настигнуть призрачную армию. Кто знает, остановит ли их вода? Я, по крайней мере, так не считаю – в отличие от герцога Рорика, да простит он меня. Кто знает, задержат ли их стены замка? Мы должны нагнать их и заставить с нами сразиться, удерживать армию сумеречных, пока не подойдут остальные силы. Ничего нет позорного в том, чтобы нанести первый удар и отступить, тем более что ночь наступит через несколько часов. Но если мы прождем до утра, они успеют добраться до Южного Предела. Мы, конники, вцепимся в них, как свора

псов, потом отскочим и ударим еще раз, чтобы они не могли беспрепятственно продолжать путь. Следует придерживаться этой тактики: нападать и отступать, пока не подтянутся остальные войска.

– А как же Броун и его гарнизон? – спросил Тайн. – Ваша затея кажется безумием, когда есть силы в крепости, способные нас поддержать.

– Пускай помогают! – воскликнул Вансен. – Пошлите гонцов, с крыльями и без крыльев. Но я не думаю, что следует на них рассчитывать, мои господа. Если враг доберется до города раньше, нам придется сильно об этом пожалеть.

Тайн вопросительно посмотрел на Баррика, у которого все внутри похолодело. Принц заранее знал, что ему не понравится речь Вансена. Однако он услышал горькую правду в словах капитана и только кивнул в ответ.

Котелок попал копытом в кроличью нору, и Баррик чуть не вылетел из седла на полном скаку. Он успел схватиться за гриву, подтянулся и выпрямился в седле, радуясь, что у него не было копья, как у большинства всадников. Если бы он мог держать копьё больной рукой, то наверняка выронил бы его или, что еще хуже, опустил острием вниз, когда конь потерял равновесие, и тогда точно вылетел бы из седла. С другой стороны, воин без копья вынужден подпускать к себе противника на расстояние короткого меча.

В его голове, не умолкая, вертелись слова: «Они должны

были заставить меня остаться. Ведь все просили меня не уходить с армией».

Лошади неслись вниз по склону, и всадникам оставалось лишь крепко держаться в седле, прижимаясь к их шеям. Еще недавно туман клубился то там, то здесь, теперь же он становился гуще, и огромные белые волны закрывали дорогу перед Барриком. Принц оказался в мире, наполовину состоящем из зеленой травы и тускнеющего солнечного света и наполовину – из серой пустоты, внутри которой он был совсем один и только слышал отдаленный лошадиный топот, звон доспехов и редкие крики всадников. Солнце и туман делали мир попеременно то светлым, то темным, словно перед Барриком то открывалась, то закрывалась дверь.

Он очутился в мире света на несколько мгновений, потом снова погрузился в колеблющийся туман. С двух сторон от него ехали люди, но он не мог разглядеть их шлемы и щиты, не мог определить, кто это. Тот всадник, что находился слева, вдруг поднялся в стремях. Что-то вроде черного цветка проткнуло его правое плечо. Человек упал на спину с поднятыми кверху ногами, его лошадь рванулась в сторону, и они исчезли в сгустившемся тумане.

«Вансен ошибался: ночь уже наступила», – это все, о чем успел подумать Баррик.

Принц повернулся, чтобы позвать человека справа, но пока искал его глазами, что-то пролетело прямо у него перед лицом – так близко, что скользнуло по носу. Бледный мужчи-

на, что скакал справа, поднял щиток шлема: его черные глаза были огромными и совсем без белков. Баррик заворуженно смотрел на него: человек... существо... не важно, кто он... схватил вторую стрелу. Баррик понял, что не успеет увернуться, поэтому ухватился за поводья здоровой рукой и направил коня боком на противника. Лук неприятеля с силой ударил принца по лицу. Стрела унеслась ввысь, не причинив никому вреда. Баррик замешкался с мечом, сумев лишь повернуть коня как раз в тот момент, когда враг сделал выпад в его сторону. Человекоподобное существо, вцепившись во выучный ремень коня Баррика, повисло в своих стремени. Его лошадь скакала рядом с Котелком. Несмотря на беспощадную тряску, противник Баррика тянулся к ножнам, к кинжалу.

Крича от отвращения и страха, Баррик бил врага по незащищенному лицу. Шлем свалился с головы сумеречного, открыв взгляду длинные серебристые волосы. Существо изо всех сил подтягивалось, чтобы сблизить лошадей, между которыми оставалось уже не больше ярда. Баррику наконец удалось вытащить меч из ножен. Он не целясь ткнул врага в лицо, потом стал рубить по бледным рукам с когтями, державшимся за его седло, пока противник не убрал окровавленные пальцы. Лицо с вытаращенными черными глазами стало отодвигаться, сверкнули доспехи, тело рухнуло в траву – и все. Лошадь без седока пробежала еще несколько шагов, потом свернула в сторону и исчезла в тумане.

Баррик остановил коня и какое-то время просто сидел в седле, пытаясь восстановить дыхание. Его бешено бившееся сердце готово было выпрыгнуть из груди. Где-то справа раздавались хриплые крики, но в тумане ничего не было видно. Несмотря на объявший его ужас, Баррик понимал, что нужно двигаться дальше, а не дожидаться, пока из тумана на него набросится новая тварь.

«Они должны были оставить меня дома. Я мог бы сейчас быть в замке».

Он пришпорил коня и поскакал в ту сторону, откуда доносились крики.

Тайн Блушо и еще десяток рыцарей и вельмож сражались рядом, и к ним присоединился Баррик. Врагов вокруг них было много, но не слишком. Между атаками выдавались промежутки, когда Баррик мог отдышаться и глотнуть воды. Он одной рукой умудрялся управлять с бурдюком, висевшим под седлом. Сейчас принц со смущенной душой благодарил своего мучителя Шасо, безжалостно тренировавшего его все эти годы.

Один или два раза туман рассеивался настолько, что Баррик видел группы воинов. Когда туман откатывался и взорам открывалось поле боя в вечернем свете, со всех сторон раздавались победные крики, к которым присоединялся и голос Баррика. Они отразили первую атаку сумеречных существ. У Баррика появилась надежда. Если бы они смогли собраться

вместе и организовать сопротивление, как и предлагал Вансен (всего несколько часов тому назад, а казалось, что прошли годы), а потом отойти и увлечь за собой сумеречных!..

Призрачных чудовищ оказалось меньше, чем представлялось вначале, но они были тяжелым противником. И не столько из-за свирепости, сколько из-за необычного вида. Большинство монстров походило на людей, зато доспехи и оружие поражали странностью формы и цвета. Порой чудища оказывались раза в два больше любого смертного: коренастые, с клочками грязного меха, с морщинистой, как у черепахи, толстой кожей, очень сильные, но медлительные. Баррик видел, как трое верховых копейщиков уложили такого великана, и вопил от восторга, когда чудовище рухнуло на землю и задергалось в луже черной крови.

Были в сумеречной армии и мелкие существа с красными волосами, с вытянутыми узкими лицами, похожими на лисьи мордочки. Они держались группами. Были и создания, похожие на обезьян, сплошь покрытые темным спутанным мехом, безликие, но с яростно сверкавшими глазами. Другие твари казались окутанными туманом, поэтому даже при свете солнца их было трудно разглядеть, как отражение в мутной воде заросшего пруда, и создавалось впечатление, будто копья и мечи не могут поразить их. В рядах чудовищного войска сражались и волки: бесшумные, очень быстрые и пугающе умные. Они уже завалили несколько лошадей, кусая их за ноги и незащищенные части живота, отчего несчастные

животные начинали спотыкаться и падали.

– Туда! – закричал Тайн.

Голос предводителя армии оставался решительным, хотя шлем его уже был искорежен, а меч покрылся зазубринами.

Всадники без колебаний поскакали за ним туда, где в тумане виднелась одна из групп сражавшихся, где сверкали мечи. На три или четыре десятка воинов Мейна Калога наседало примерно столько же противников. Тайн, очевидно, думал объединиться с воинами Калога, чтобы перейти к обороне, и Баррик с радостью последовал за ним. В течение последнего часа он словно парил в поющей тишине: слышал, но не воспринимал шума битвы, криков ужаса и боли, разносившихся в тумане. Сейчас туман в его голове начал рассеиваться, хотя тот, что стелился по склонам холмов, не собирался исчезать.

Когда к Баррику вернулась способность нормально мыслить, он понял, что хочет только одного: выбраться из этого мрака любым способом. Он больше не хотел убивать, даже этих мерзких монстров. Он больше не хотел, чтобы им гордились. Ему было безразлично, что о нем подумают.

«Война – это ложь», – думал принц.

Мысли в его голове распались на отдельные слова и напоминали осколки разбитой вещи, в которых еще угадывалась прежняя форма.

«Никто никогда не пожелал бы такого. Ужасно. Если бы они знали... Никогда».

Тайн скакал во главе их небольшого отряда и едва успел остановить коня, когда увидел пробивавшееся сквозь ряды рыцарей огромное чудовище. Оно расталкивало тяжелооруженных воинов и лошадей, как пьяница разгоняет рой пчел. Блушо успел поднять меч в безнадежной попытке защититься, и в этот миг великан с такой силой обрушил на него гигантскую дубину из камня и дерева, что конь графа распластался на земле со сломанным хребтом и разъехавшимися по сторонам ногами. От Тайна Олдрича, графа Блушо, не осталось ничего, кроме бесформенной массы и искореженных доспехов.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что Баррик успел лишь разинуть рот. Котелок в это время метнулся в сторону. Сильверсайдцы бросились врассыпную, всадники давили пешеходов. Они в беспорядке неслись мимо принца. Солдаты кричали, чтобы и он спасался. Гигантское существо неуклюже приближалось к нему, размахивая дубиной и раздвигаясь с теми, кому не удалось убежать достаточно далеко. Один из удиравших рыцарей не справился со своим конем и врезался в Котелка, отшвырнув его в сторону. Баррик не успел схватиться за гриву и рухнул на землю. От удара он задохнулся, и ему показалось, что его достала дубинка великана. Но ощущение боли в руке подсказало, что это не так: он еще жив, и худшее ожидает его впереди. Принц откатился подальше от коня, пытавшегося подняться на ноги, но этим выиграл лишь мгновение.

«Лучше бы Котелок вышиб мне мозги... Лучше, чем...»

Монстр, вытаращив глаза, стоял прямо над Барриком. Морщинистое лицо, покрытое щетиной, походило на зад дикого вепря. Огромное чудовище закрывало собой свет, хотя и без того казалось, будто мир погрузился во мрак. Страшилище ткнуло Баррика дубиной, откатив принца на ярд в сторону. Оно как будто было удивлено и довольно тем, что он еще жив. Баррик слышал, как затрещали его ребра, когда тварь еще раз ткнула в них дубиной; видел, как снова поднялось страшное оружие. Дубина нависала над ним, словно выступ скалы, готовый отломиться и обрушиться вниз.

Баррик закрыл глаза.

«Бриони... Отец... Я хотел бы...»

37. ГОРОД ВО МГЛЕ

ЭХО В ХОЛМАХ

*Считайте копы, разводите костры.
Но если потеряны копы,
Пойте вместе старые-старые песни.
Из «Оракулов падающих костей»*

Даже без волшебной мантии на поле битвы было темно задолго до наступления ночи – об этом позаботились дети Тумана. Тьма, которую они сотворили как прикрытие, лишь слегка затрудняла обзор для Ясаммез, объезжавшей войска. Но она знала, что солнцепоклонники воспринимают творение детей Тумана иначе. Как слепоту. Как отчаяние.

Вокруг нее все еще шла битва, царил хаос из крови, тумана и лязга металла, но ничто не могло скрыться от взора леди Дикобраз. Они близки к победе. Решение смертных загнать ее армию на открытое пространство было мудрым (Ясаммез догадывалась, что у них наверняка есть несколько умных командиров), но солнцепоклонникам пришлось оставить пехоту, и удача им изменила, хотя они сражались храбро и на удивление умело.

«Лишь первый шаг, – думала она. – Пока совсем небольшой. А новый год уже не за горами. Король проиграл. Теперь все пойдет по-моему».

Сегодня Ясаммез обагрила кровью Белый Огонь, но она жаждала битвы вовсе не ради себя. Ее гнев слишком благороден, слишком чист, чтобы проявлять его таким грубым образом. Она оставила армию на попечение Джаира и других помощников, а сама поскакала на своем черном коне туда, откуда могла видеть город солнцепоклонников и замок, что раскинулся на каменной возвышенности, окруженной водой. Этот старинный холм, священное и ужасное место, скоро снова будет принадлежать ее племени. Она представила себе, как отшельники заставят вырасти над водой Колючий мост, как ее войско пройдет по нему под сенью густых ветвей и окажется у стен замка. Штурм унесет много жизней. Она очень бережно относилась к солдатам, поэтому решила, что это будет последняя крупная жертва. Но сначала нужно войти во внешний двор замка – материковую часть города солнцепоклонников. Сейчас там нет людей. Ее войска и последователи отдохнут там и залечат раны, потом будут танцевать и восхвалять в песнях свои победы, первые за многие века. Те части города, что им не нужны, они сожгут, и вид полыхающих домов лишит жителей замка последнего сна накануне гибели – это сама Ясаммез явилась в их кошмары.

Ее конь, не колеблясь, наступал на мертвые тела людей и соплеменников. А в сырой долине воины обеих армий продолжали сражение. Крики смешивались с воем сумеречных существ и похожим на жужжание пением стихий – оно казалось смертным особенно страшным. В самом центре бит-

вы ее внимание привлек гигант из племени изначальных. Он был изранен, но и сам убил нескольких солнцепоклонников. Еще один смертный распростерся у его ног. Минута – и чудовище расправится с ним. Великан потыкал парня дубинкой, играя с ним, как кошка с мышкой. Ясаммез уже хотела отвернуться, но что-то в лице и одежде молодого человека остановило ее. Чудовище подняло красную от крови дубину.

– Остановись!

Изначальный никогда не слышал ее голоса, но он узнал госпожу и замер. Оружие слегка дрожало в его напряженной руке – оно весило не меньше, чем ствол большого дерева. Когда она приблизилась, смертный посмотрел на нее затуманенными глазами, сверкавшими на обескровленном бледном лице. На Ясаммез был простой шлем без всяких украшений, и она понимала, что в его испуганных глазах выглядит так же неестественно, как и великан: черные доспехи оцетинились шипами, в руке сияет меч Белый Огонь, похожий на окаменевший лунный свет. Она подняла щиток шлема и устояла на избежавшего смерти солнцепоклонника. Глаза молодого человека ничего не выражали – только ужас и покорность судьбе. Увидев воительницу, он уже не мог оторвать от нее взгляд.

Ясаммез смотрела на него, а он на нее. Челюсть юноши двигалась, с губ не слетало ни звука.

Она вытянула руку, раздвинув пальцы. Изумленные и испуганные глаза смертного закрылись, он упал на мокрую тра-

ву и потерял сознание.

Праздник в честь Кануна зимы и сопутствовавшее ему богослужение начались рано утром. Полдень еще не наступил, а Бриони уже начала жалеть, что поддалась уговорам Найнора и согласилась с ним. Праздник вовсе не придал людям уверенности, как предполагал смотритель замка. Когда придворные собрались, слухи поползли гораздо быстрее, чем раньше. По словам Розы и Мойны, многие вельможи соглашались с утверждениями Толли о причастности Бриони и Баррика к убийству Гейлона, хотя никто открыто этого не признавал. Хендон и его сторонники не приняли участия в торжествах, что усугубило ситуацию. Выходило так, что бессердечная Бриони устроила праздник во время траура.

«Где же те, кого мы поддерживали, чью верность много раз оплатили? Неужели они забыли все, что сделали для них отец и Кендрик и что пытались сделать мы с Барриком за время нашего недолгого правления?»

В огромном саду были установлены шатры. Глядя на собравшихся людей, Бриони подумала, что это место напоминает военный лагерь. Она никак не могла отделаться от ощущения, будто все разговоры вокруг направлены против нее. Принцесса прекрасно знала, что ничего не может сказать в свое оправдание: попытки отрицать слухи лишь усилят их. Это выводило ее из равновесия.

– Я бы с удовольствием приказала высечь их кнутом –

всех, кто предает нас, – пробормотала она.

– Что вы сказали, ваше высочество? – переспросил Найнор.

– Ничего. Сегодня прохладно, а я задыхаюсь в этом костюме.

Она похлопала по своему платью Королевы Зимы. В прошлом году его надевала Анисса. Широкую белую юбку на обручах и жесткий, как камень, корсаж покрывали перламутровые бусины, изображавшие капельки росы. За слишком короткий промежуток времени даже полдюжины швей не смогли подогнать наряд для фигуры Бриони, которая была крупнее Аниссы, и принцесса чувствовала себя крайне неудобно.

– Не пора ли объявить о завершении этого глупого представления? – раздраженно спросила принцесса. – Я проголодалась.

– Церемония почти закончена, ваше высочество. – Будучи опытным придворным, Найнор постарался придать своему голосу извиняющийся тон, хотя совсем не одобрял ее жалобы. – Скоро вам нужно будет... Нет, прямо сейчас идите и возьмите то, что предложит вам мальчик. Вы помните, что следует сказать?

– Слово в слово! – сердито сверкнула глазами Бриони. Она проследовала через двор и остановилась. Маленький Идрин, младший сын Гована из Хелмингси, вручил ей веточку омелы и букетик засушенных полевых цветов, а потом

шепелявым голосом произнес слова о тех днях, когда снова появится солнце и зацветет земля. Ребенок был очень милым, но страдал сильным насморком. Бриони приняла дары и, к своему неудовольствию, почувствовала, что омела липнет к пальцам.

– Да, милый Сиротка, – говорила она мальчику, стараясь не уронить букет и незаметно вытирая руку платком. – Ты принес мне прекрасный дар, и я позволю Королеве Лета вернуться на свой трон в конце года. Отправляйся к богам и получи свою награду.

Маленький Идрин повалился на спину и со стонами и конвульсиями изобразил, что умирает. Но в этом году публика – видимо, под влиянием дурных новостей – не выражала интереса к его кривляниям. Они вежливо поаплодировали, но едва аплодисменты смолкли, снова начались перешептывания. Младший наследник Хелмингси спокойно восстал из мертвых и вернулся к матери.

Бриони отпустила придворных, чтобы они отдохнули и переоделись перед праздничным обедом, и заметила стоявшего в сторонке Хавмора, помощника Авина Броуна. Он подждал ее, приняв важный и одновременно безразличный вид. Бриони вздохнула. Именно помощники занятых людей особенно невыносимы: у них невероятно завышенное самомнение.

– Чего на этот раз желает ваш господин? – Она выказала чуть больше недовольства, чем ей хотелось. – Он должен был

прийти на представление. Если уж я могу это вытерпеть, то он тем более.

– Прошу прощения, ваше высочество, – ответил Хавмор, избегая смотреть ей в глаза, – лорд Броун хочет поговорить с вами лично. И очень срочно. Он нижайше просит вас прийти в башню Зимы, как только вы сможете.

Ее тотчас обуяли сомнения. Она недостаточно хорошо знала Хавмора. Он был родом из богатого поместья в Лендсенде и славился непомерным честолюбием. Уж не подстроил ли он хитрый трюк, чтобы остаться с ней наедине? Возможно, это уловка Толли, действующих через помощника Броуна. Но даже они вряд ли решатся что-то предпринять среди бела дня. Бриони решила, что стала чересчур подозрительной. В конце концов, с ней будет охрана, и Броун не в первый раз приглашает ее к себе необычным способом. Но все же это ее раздражало: пора кое-кому напомнить, кто здесь регент.

– Я приду, – сказала она. – Передайте Броуну, чтобы он подождал, пока я сниму с себя этот маскарадный костюм и надену что-нибудь поудобнее.

– Как вас зовут? – спросила Бриони молодого стражника. Молодой человек хотел первым войти в башню Зимы. Ей пришло в голову, что она гораздо меньше знает о людях, охраняющих ее жизнь, чем о своей лошади или собаках, хотя видит их лица годами.

– Герин, принцесса Бриони. Герин Миллворд, – ответил стражник.

– И откуда вы родом?

– Из Саттлер-Уолла, ваше высочество. Это к северу от поместья Блушо, Санди.

– А кто ваш господин? Он покраснел.

– Вы, ваше высочество. Мы, жители Уолла, подчиняемся непосредственно Южному Пределу и Эддонам.

Он почувствовал себя неуверенно, как будто опасался, что сказал лишнее. Остальные три стражника тоже вошли в прихожую и смотрели на Герина так, словно позднее, в помещении для стражи, они заставят его пожалеть об этих словах.

– Большинство стражников из Саттлер-Уолла или Редтри – владений Эддонов, – прибавил молодой человек.

В этом был свой резон.

– Но ваш капитан, Вансен, – он ведь не вассал Эддонов по рождению? – продолжала принцесса.

– Нет, ваше высочество. Капитан Вансен из долин. Но он предан короне.

Сержант вышел вперед и вмешался в беседу:

– Он не надоел вам, ваше высочество?

– Нет, вовсе нет. Я задала вопрос, он на него ответил. Она взглянула на костлявого сержанта. Казалось, тот был чем-то рассержен и нервничал.

«Ему не нравится, что трон занимает девушка моего воз-

раста, – поняла она. – Он хотел бы сказать, чтобы я замолчала и поторопилась, поскольку заставляю ждать мудрого пожилого Броуна и тем наношу урон престижу коменданта при дворе».

Подобное положение дел скорее удивило ее, чем рассердило. В конце концов, у нее сейчас есть враги и опасения посерьезнее.

– Поспешим, – согласилась Бриони.

Вызов не имел никакой связи с Толли. Авин Броун поджидал ее на третьем этаже, в просторной комнате, что служила приемной, когда в башне Зимы располагалась резиденция. Правда, сейчас ее использовали для хранения различных вещей.

– Ваше высочество, – начал Броун, – благодарю вас. Будьте любезны, пойдёмте со мной.

Скрывая раздражение, Бриони жестом велела стражникам остаться и последовала за Броуном на открытый балкон. Взглянув вниз, она увидела на полу у своих ног носовой платок. На нем лежали корочка хлеба и несколько крошек сыра. Сначала Бриони подумала, что платок обронил Броун, но хлеб был отсыревший и серый, словно пролежал здесь день или два.

– Вы привели меня сюда, чтобы показать, где шпион пробрался в башню Зимы и уронил свой обед? – обратилась она к коменданту.

Броун непонимающе посмотрел на нее, потом перевел

взгляд вниз, на носовой платок, и нахмурился.

– Это? Я и не видел. Наверное, обронил кто-то из рабочих или стражников. Нет, ваше высочество, я привел вас взглянуть на нечто более страшное.

Он показал вдаль, где за крышами замка и узким заливом Бренна раскинулся город. Его окутывала дымка. Сквозь мглу проступали лишь шпили храмов и башни самых высоких зданий – то ли пелена тумана, то ли спустившееся облако скрыли большую часть земель до холмов. Бриони стала вглядываться в это мрачное, но привычное зрелище и увидела в глубине тумана какие-то яркие точки, словно там горели факелы или костры.

– Что это, лорд Броун? – спросила принцесса. – Боюсь, я не много могу разглядеть.

– Видите костры, ваше высочество?

– Да, кажется, вижу. Что это?

– Город пуст, ваше высочество, люди ушли отсюда.

– По всей видимости, не все. Остались какие-то храбрецы или глупцы.

Ей следовало бы ощутить волнение, но она исчерпала свои силы, чтобы переживать за других. Страдания людей, объятых страхом и вынужденных покинуть дома, стали обычным явлением,

– Я бы тоже так подумал, – возразил Броун, – если бы не полученное утром сообщение.

Он вытащил крошечный свиток пергамента и протянул

ей. Бриони заглянула внутрь.

– Письмо от Тайна. Никогда бы не подумала, что у него такой красивый мелкий почерк.

– По-видимому, писал кто-то из его слуг, но послание все-таки от Тайна, ваше высочество. Прочтите, будьте любезны.

Пробежав глазами первые несколько строчек, Бриони почувствовала, как волосы у нее на голове зашевелились.

– Всемиловитая Зория! – прошептала она едва слышно, хотя ей казалось, что она кричит. – О чем он говорит? Их обманули? Сумеречное племя проскочило мимо них и направляется к замку? – Она продолжила чтение, и ей стало чуть легче. – Но он пишет, что они собираются нагнать врага, а мы должны быть готовы выступить им навстречу. – Бриони поборола нахлынувшую волну ужаса. – О мой бедный Баррик. Здесь о нем ни слова.

– В самом конце говорится, что с ним все в порядке – во всяком случае, было в порядке, когда писалось послание.

Всклокоченная борода придавала Броуну угрюмый и мрачный вид: он был похож на древнее божество, поверженное Перином, повелителем молний.

– Что значит «когда писалось послание»?

– Оно отправлено вчера утром, ваше высочество. Я только что получил его, хотя из тех мест, где они находились тогда и где их перехитрили, до нас чуть больше двадцати миль.

– Как же тогда получилось, что они еще не догнали врага? – задала вопрос Бриони, хотя и сама начала догадывать-

ся.

– Часовые слышали странные звуки прошлой ночью. Они решили, что это шумят безумцы, оставшиеся в городе: лязг оружия, стоны, вопли, странное пение и выкрики. Но звуки были слабыми, словно долетали издалека, из-за пределов города.

– И что это значит? Вы считаете, что Баррик и остальные уже нагнали сумеречных?

– Я думаю, это вполне вероятно, ваше высочество, – проговорил Броун. – А еще я думаю, что они, возможно, проиграли сражение.

– Проиграли?.. – повторила Бриони.

Она никак не могла уловить смысл этого слова. Совсем простое, оно казалось ей непонятным и бессмысленным.

– Тайн пишет, что чудовищ окружает туман, лишаящий людей разума, – сказал комендант. – А что сейчас скрывает город? Вы когда-нибудь видели такой туман, даже зимой? Да еще чтобы он становился плотнее к середине дня? И кто жжет там костры?

Бриони хотелось поспорить со стариком, привести доводы, доказывающие, что он ошибается, дать разумное объяснение происходящему на побережье. Но она не могла. Ее сковал ледяной ужас, и она только молча смотрела на почти невидимый город – до него было не более полумили через пролив – и на костры, видневшиеся сквозь серый туман, похожие на глаза зверей, следящих за лагерем в лесу.

«Баррик... – подумала она. – Но он должен... он не может быть...»

– Ваше высочество? – обратился к ней Броун. – Нам следует выступить сейчас же. Если осада уже начинается, мы должны... – Он остановился, увидев слезы на ее щеках. – Ваше высочество...

Она вытерла лицо рукавом. Парча была шершавой, как кожа ящерицы.

– С ним все будет хорошо, – сказала она, словно отвечая на вопрос, заданный Броуном. – Мы отправим к ним наших солдат. Мы перережем этих тварей, как крыс. Мы перебьем их всех, и наши солдаты вернутся домой.

– Ваше высочество...

– Довольно, Броун.

Она попыталась вернуть себе неподвижную маску – «лицо королевы», как она называла ее про себя, хоть была лишь принцессой.

«Наверное, поэтому у меня не все получается... – рассеянно думала она. – Возможно, поэтому мне так больно».

Она сделала над собой усилие и заговорила с Броуном более холодным тоном, чем собиралась:

– Хватит разговоров. Сделайте все, чтобы стены и ворота были надежными, и подготовьте армию к выходу. Дай бог, чтобы вы ошиблись и мы увидели наступающего на врага Тайна. Мы еще поговорим после трапезы.

– Трапезы?

– После всех трудов Найнора люди должны поесть и поселиться. – Слезы высохли, и Бриони попыталась улыбнуться. Но улыбка больше походила на оскал. – Как он говорит, этот праздник может оказаться последним, так что жаль выбрасывать приготовленные пудинги.

Первые лучи солнца не принесли облегчения. Воины удержали плацдарм, они были еще живы, но не видели и не слышали, чтобы кто-то спешил к ним на помощь. Они затерялись в тумане, как потерпевшие кораблекрушение моряки.

С Феррасом Вансеном было несколько человек, среди них Гар Дойни, двое других разведчиков и рыцарь Мейн Калог из Кертуолла со своим оруженосцем. Они сражались с середины ночи на небольшом каменном возвышении посреди поля размером с небольшой фермерский дом. По мнению Вансена, они удержались здесь только потому, что находились не в центре сражения и это место не представляло стратегической ценности. Правда, стратегия теперь значила очень мало. Вансен давно знал и честно признался себе, что они проиграли.

Он по-прежнему считал, что был прав, предложив догнать противника до того, как тот появится у города. Однако он сердился на себя: одолеть сумеречных, не имея превосходства в числе, оказалось невозможным, потому что в борьбе с этими тварями ничего нельзя знать заранее. В моменты затишья он уже начал продумывать, как построить следующее

сражение, как лишить врага преимущества, которое давали внезапность, умение скрываться и замысловатое колдовство. Но каждый раз, когда он начинал думать, ему приходила в голову мысль: следующего раза может не быть. Возможно, проиграно не только это сражение.

После гибели Тайна все разваливалось. Его заместитель – вялый и лишенный воображения Дрой из Истлейка – не смог бы спасти положение, даже если бы Тайн был жив. Именно из-за тупоголовости Дроя их поражение стало таким ужасным. Когда Вансен заметил приближавшихся усталых пехотинцев, растянувшихся с факелами по долине, он послал к Дрою одного из разведчиков с сообщением, что вступать в бой бессмысленно, что Тайн погиб и лучшее, что можно сделать, – это зайти с фланга и попытаться загнать врага в пустой город. Если не удастся, надо отойти в холмы и ждать, когда выступит Броун. Однако граф проигнорировал сообщение Вансена, посчитав капитана выскочкой-простолюдином, а его советы малодушными. Он бросил измученных переходом солдат в бой. В считанные минуты половина из них совершенно растерялась из-за тумана, странных голосов и теней, но лорд Никомед и его помощники не сделали из этого никаких выводов. Пехота была отрезана отрядом лучников, которых они даже не заметили. Их собственные стрелы нанесли больше ущерба своим, чем врагу.

«Катастрофа. Нет, хуже – издевательство. Вот как мы защитили Южный Предел: тактика, достойная комедии, где

храбрость воинов принесена в жертву тупоголовым командирам».

Дойни потянул Вансена за полу плаща, прерывая его размышления:

– Тени, капитан. Вон там. По-моему, они приближаются.

Вансен пригляделся. С восходом солнца видимость улучшилась, но не намного: туман поредел, но само место битвы оставалось зловещим и непостижимым. Капитан разглядел сгусток неясных теней, двигавшийся к нагромождению камней, которые они защищали.

Мимо просвистела стрела. Вансен живо соскочил с выступа, где только что сидел. Кони, загнанные солдатами в расщелину у основания скалы, испуганно заржали. Выстрелов больше не было, но это никого не успокоило.

– Приготовиться! – крикнул Вансен.

Из тумана выскочило около десятка бледнолицых существ с ярко горящими глазами. Одно из них бежало на четвереньках, хотя казалось наполовину человеком. Спину и бока твари покрывали неровные полосы шерсти, а лицо неправильной формы, словно вывернутое наизнанку, напоминало морду зверя. Семь часов тому назад Вансену стало бы дурно от одного вида такого создания; он бы растерялся, словно привычный мир раскололся на глазах. А сейчас это только взбодрило капитана: их надо убивать – этих ужасных противоестественных тварей. Они погубили столько его товарищей!

– Ко мне! – крикнул Вансен. Он помог подняться Мейну

Калогу. Рыцарские доспехи скребли по камню, пока тот медленно выпрямлялся. – Ко мне! Встать спиной к спине!

Чудовища с горящими глазами были уже совсем близко. Они скалили зубы, словно доверяли им больше, чем мечам. Вансен заставил себя отбросить посторонние мысли и сосредоточился на том, чтобы остаться в живых хотя бы ненадолго.

Лорд Калог и его оруженосец погибли – во всяком случае, рыцарь был уже мертв, а оруженосец умирал. В его горле зияла огромная рана. Он пытался зажимать ее обожженными кровью руками, но уже побледнел, как пергамент, а кровь текла все медленнее. Воин смотрел вверх, на покрытое дымкой тумана небо и пытался молиться: губы его беззвучно шевелились. Вансен ничем не мог помочь парню. Возможно, это и к лучшему. Неизвестно, что случится с оставшимися, когда вернутся эти существа. Вансен теперь знал, что под действием черной магии призрачных существ чувства могут обманывать человека.

Калог лежал на теле убитого им же белокожего врага – женщины. Вансен уже не раз видел, что сумеречные женщины дрались как демоны, и справиться с ними оказывалось не проще, чем с мужчинами. У Калога были вырваны ребра и грудная кость, и его внутренности вывалились наружу, словно от него откусили кусок. Мертвые чудовища скатились с камней вниз – уже не разобрать, какая часть тела кому при-

надлежала. Оставшиеся в живых нападавшие отступили во мрак. Вансен догадывался, что они отправились за подкреплением. Вот уже несколько часов он не видел людей. К востоку от них что-то происходило, но туман не позволял ничего разглядеть. Музыка и звуки, доносившиеся оттуда, походили не на шум битвы, а скорее на обрядовые песнопения. Возможно, под них сумеречные существа добивали раненых.

– Пригнитесь, капитан, – крикнул ему Дойни из своего укрытия за камнем. – У них еще не кончились стрелы, и они, кажется, собирают использованные. Рискуете заполучить стрелу в глаз.

Феррас Вансен собирался последовать мудрому совету, когда неожиданно увидел фигуру, медленно двигавшуюся через поле. Всадник ехал не к ним – он просто пересекал луг слева направо. Человек это или какое-то иное существо, сказать трудно – просто темная фигура на черном коне. Вансен пригнулся. Еще недавно он думал, что в нем не осталось живых чувств, чтобы испытывать страх, но его вновь объял суеверный ужас. Феррас задрожал всем телом, однако был не в состоянии отвести глаз от видения, проплывавшего в клубах тумана. Страх превратился в изумление, когда всадник выехал на освещенный солнцем участок, и Вансен сумел его рассмотреть.

– Клянись молотом Перина, это же принц Баррик! Принц Баррик, остановитесь! – закричал он.

Вансен поздно сообразил, что привлекает внимание вра-

гов к самой важной фигуре на поле сражения. Судя по всему, сумеречные твари не собираются сохранять людям жизнь, независимо от их положения.

– Пригнитесь! – раздался голос Дойни.

Он потянул капитана за ногу, но Вансен не обратил на него внимания. Загадочный всадник, похожий на принца Баррика, проплывал мимо на черном коне, в десятке ярдов от них. Вансен кричал, но Баррик Эддон – или его призрачный двойник? – даже не повернулся в его сторону. Знакомое лицо было отстраненным и бесстрастным. Он пристально вглядывался в холмы на северо-западе, не обращая внимания на туман.

– О боги и их матери, – прошептал Вансен, – он же едет к Границе Теней.

Он вспомнил Бриони и данное ей обещание. Дойни опять тащил его вниз, напоминая, что у капитана есть и другие заботы.

– Это принц, – сказал Вансен командиру разведчиков. – Он едет на запад. Наверное, сбился с пути и направляется напрямиком в страну теней. Пошли, поможешь мне вернуть его.

– Это всего лишь видение, – возразил Дойни с гримасой панического ужаса. – Штучки демонов. Там, в тумане, люди, и им нужна наша помощь. А если никого больше нет, мы должны уходить на восток и постараться добраться до замка.

– Я не могу. Я обещал... – Вансен скатился вниз со скалы

к тому месту, где привязал свою лошадь. – Пошли вместе, Гар. Я не хочу оставлять тебя одного.

И Дойни, и второй разведчик, высунувшийся из-за камня, отрицательно покачали головами, а Дойни вдобавок сотворил отвращающий знак.

– Нет, – отказался он. – Вас убьют или сотворят с вами что-то еще более худшее. Нам нужен ваш меч, капитан. Оставайтесь.

Вансен долго всматривался в их испуганные лица, потом сказал:

– Нет, не могу.

Но он сомневался: какая клятва важнее? Та, что дана принцессе, или его обещание Доналу Маррою? Он заверил Марроя, что гвардейцы станут его семьей, а он – их заботливым отцом. Он не надеялся, что разведчики найдут выживших, но у них оставалась возможность добраться до крепости. Однако без него их шансы значительно уменьшались: он был лучшим фехтовальщиком и единственным из отряда, кто полностью вооружен.

Вансен колебался, но лицо Бриони Эддон всплыло в памяти, укоряя и преследуя, словно призрак.

– Я не могу, – наконец сказал Вансен.

Он вывел коня на мокрую траву, буквально взлетел в седло и поскакал. Баррик – или его двойник – уже исчез, но следы копыт были свежими.

– Не бросайте нас, капитан! – крикнул один из разведчи-

ков.

Но Вансен уже летел на северо-запад и не мог остановиться. Больше всего на свете ему хотелось заткнуть уши.

– Но почему? – Опал едва сдерживала слезы. – Ты лишился рассудка? Сначала идешь за чужой девушкой, а теперь еще и это? Почему ты должен выходить за стены замка с незнакомым человеком? Тем более сейчас?

Она махнула рукой в сторону Кремня. Мальчик тихо лежал на кровати, и лишь вздымавшаяся при дыхании грудь свидетельствовала о том, что он жив.

– Он так болен! – воскликнула женщина.

– Я не думаю, что он болен, дорогая, – отвечал Чет. – Он просто потерял силы. Он обязательно поправится, обещаю.

Фандерлинг не знал, верит сам себе или нет. Он устал сверх всякой меры: после возвращения из внутреннего двора ему удалось выкроить лишь несколько часов для сна. Он продолжал:

– Как раз из-за мальчика мне и нужно идти – из-за мальчика и из-за тебя. Ты бы только взглянула на этого Джила. Я не хочу ему верить, милая Опал, но все равно верю. – Он достал зеркало и еще раз изучил его. Трудно представить, что эта мелкая обычная вещь связана с таким кошмаром. – Он говорит, что вот-вот произойдет нечто страшное. Жаль, что ты его не видела. Ты бы поняла, почему я ему верю.

– Но почему я не могу его увидеть? – спросила жена. –

Почему он не зайдет к нам?

– Я и сам точно не знаю, – признался Чет. – Он сказал, что не должен приближаться к Сияющему человеку. Поэтому вместо него пошел мальчик.

– Но это же безумие! – Опал все-таки рассердилась. – Кто он такой? Откуда он знает Кремня? Почему послал нашего мальчика на такое опасное дело, по какому праву? Да и что может знать большой человек о Святилище Тайн? Чет даже отступил немного под градом ее вопросов.

– Я и сам не знаю, но он не просто большой человек. – Чет вспомнил невозмутимый и отрешенный взгляд Джила. – С ним что-то не так, мне кажется, но объяснить трудно. Просто он...

Чет тряхнул головой: как все сложно. Он провел несколько дней в местах, где слова не имели значения, но Опал не была там, и между ними словно пролегла пропасть. Чет надеялся, что смутное время пройдет и у них все снова наладится. Он тосковал по своей верной жене, хотя она стояла рядом с ним.

– Я должен это сделать, Опал, – сказал Чет.

– Вот как ты говоришь. Тогда почему ты еще здесь, жестокий упрямый старый крот? По-твоему, ты делаешь мне одолжение, когда заявляешь, что снова намерен рисковать своей жизнью? Или когда пугаешь меня до смерти своими рассказами?

– Нет. – Чет покачал головой. – Это не одолжение. Но я не

мог уйти, ничего тебе не сказав. – Он прошел в другой конец комнаты, взял свою сумку. – К тому же мне нужны кое-какие инструменты. Так, на всякий случай.

Он не стал ей говорить, что на самом деле он взял свой острый нож – единственное оружие в их доме, кроме кухонных ножей Опал. Чет никогда не попросил бы нож у нее: такая просьба могла стать последней каплей.

Опал вышла в прихожую, громко топая и скрывая слезы.

Чет опустился на колени перед мальчиком, пощупал холодный лоб, убедился, что ребенок по-прежнему дышит, поцеловал его в щеку и тихо шепнул:

– Я люблю тебя, дружок.

Впервые он сказал такие слова, впервые признался, что любит ребенка.

Чет поцеловал и Опал, хотя та была не расположена к нежности и сразу отвернула лицо. Но он все же успел ощутить привкус слез на ее губах.

– Я вернусь, старушка.

– Да, – горько заметила она. – Может быть, вернешься. Уже выходя за дверь, Чет услышал, как она добавила:

– Ты уж возвращайся.

Чет дважды ошибся на поворотах, поскольку с ним не было Уиллоу и он не очень точно помнил путь. Большие люди, сновавшие по замку взад и вперед, были не особенно бдительны – все увлечены подготовительными работами к

обороне. Сначала он удивлялся, почему никому не кажется странным присутствие фандерлинга на территории крепости. Потом он вспомнил, что сегодня Канун зимы и близится День всех сирот – главные праздники больших людей, и, несмотря на опасность, люди готовились к торжествам. Чет заметил несколько групп придворных в праздничных нарядах и трех девушек, наряженных гусынями и утками.

Наконец Чет нашел сад, где была назначена встреча. В лучах слабого утреннего солнца, словно статуя, застыл человек по имени Джил. Казалось, что он просидел на этой скамейке всю ночь, не обращая внимания на зимний холод и проливной дождь.

Джил посмотрел на него так, будто они расстались только что.

– Теперь можем отправляться, – сказал он, легко поднимаясь со скамьи.

Он оказался удивительно грациозным, хотя вначале произвел впечатление медлительного и неуклюжего. На самом деле это было скорее рациональное использование сил: даже самые обычные движения тщательно рассчитаны, как па замысловатого танца.

– Подождите минутку, – попросил Чет. Он осмотрелся. Вероятно, сад был единственным местом в замке, где никто не готовился ни к празднику, ни к осаде. Здесь вообще никого не было. – Мы не можем просто выйти через ворота Василиска, вы же знаете. Крепость готовится к обороне. Охран-

ники нас не выпустят. К тому же дорогу уже разобрали. Вы говорите, нам нужно попасть в город на той стороне пролива – значит, нам нужна лодка. Но залив сегодня опасен. Говорят, приближается шторм.

Джил внимательно посмотрел на него.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что вы не продумали эту часть плана! – недовольно фыркнул Чет. – Нам придется искать другой путь. Вы умеете летать? Думаю, нет. Тогда вам придется пойти со мной в Город фандерлингов. Там есть туннели – очень старые, мало кому известные. Они проходят под заливом. Сейчас ими очень редко пользуются, и мы можем пройти там. Во всяком случае, стоит попытаться.

Джил смотрел на него не отрываясь, потом снова сел.

– Я не могу спускаться в Город фандерлингов, как вы его называете. Он расположен слишком близко к глубинам и к существу, которое вы называете Сияющим человеком. Я... я не могу туда идти.

– Тогда мы пытаемся пробить головой стену, – отозвался фандерлинг.

Чет пожалел, что Чавен исчез бесследно. Загадочные незнакомцы и магические зеркала! Оживающие тайны! Ученый придворный врач наверняка нашел бы что сказать по этому поводу.

– Ах да, минуточку, – произнес Чет. Он задумался. – Девушка говорила, вы живете в крепостной темнице. Это же

под землей.

– Да, – медленно кивнул Джил. – Но не глубоко, как мне кажется. Я почти ничего не чувствую.

– Я знаю дорогу, что проходит неглубоко, по крайней мере вначале. А когда мы отдалимся от Сияющего человека, если вы боитесь именно его, сможем спуститься глубже. Идем.

Чет повел Джила через внутренний двор. Теперь он понял, что надо делать. На ходу фандерлинг обдумывал, что скажет экономке или слуге... Как зовут того подозрительного старика? Гарри? Сможет ли он убедить их в серьезности своего дела, чтобы они позволили ему самому пройти в туннель? Чет не думал, что этим людям известно про подземный ход.

Он все еще размышлял, когда они подошли к массивному зданию обсерватории. Однако ему не пришлось рассказывать выдуманную историю про очень важный образец породы, взятый Чавеном для исследования, а теперь срочно нужный ему, Чету. Никто не ответил на его стук. Дверь была заперта. Фандерлинг на всякий случай толкнул ее плечом. Слой пыли на пороге размок от тумана и измороси и превратился в грязь, на которой не отпечатались никаких следов. Уже несколько дней в дом никто не входил и не выходил. Чет подергал ручку – бесполезно. Наверное, из-за долгого отсутствия Чавена слуги ушли.

С тревогой в сердце он пытался что-то объяснить Джилу, но быстро сообразил, что его странному товарищу объясне-

ние не требуется. Чет посмотрел на деревянный балкон второго этажа. Возможно, ставни там не слишком крепкие?

– Вы можете влезть туда? – спросил он.

Джил смотрел на него до боли знакомым бессмысленным взглядом.

– Ладно... Я сам, – решил Чет. – Старейшие знают, мне пришлось немало потренироваться в последнее время.

Забравшись на балкон, Чет долго не мог отдышаться. Мышцы дрожали от напряжения – сказывалось недосыпание. К счастью, ему удалось просунуть кончик ножа между ставнями и открыть их. Он осторожно пролез внутрь, постоял в неприбранном помещении, прислушался. Его окружали предметы, говорившие об интересах и занятиях Чавена: разнообразные книги и сосуды, шкатулки, мешочки, чье содержимое частично рассыпалось, аптекарский шкафчик с выдвинутыми ящиками... Такое впечатление, будто врач что-то в спешке искал, прежде чем уйти. Пыли было немного, и Чет решил, что экономка старательно все убрала, прежде чем покинула дом. Он еще постоял, чувствуя себя вором, пока не убедился, что не слышит в доме никаких звуков. Он вспомнил о камне, что нашел когда-то Кремень... Как давно это было! Но разве можно что-то отыскать в таком бедламе? Спустившись по винтовой лестнице, Чет открыл Джилу парадную дверь.

– Следуйте за мной, – пригласил он.

Чет не был уверен, что странный человек с рыбьими глазами понимает происходящее. Он повел Джила на самый нижний этаж, в пустой вестибюль. И чуть не закричал от ужаса, когда какое-то пушистое существо выскочило из тени и уставилось на него нахальным взглядом, почти таким же, как у Джила. Но это была всего лишь черно-серая кошка, выглядевшая вполне здоровой и сытой. Наверное, ей удалось найти кладовую и стать единственной хозяйкой в пустом доме.

– Рад вас видеть, – сказал Джил.

По всей видимости, он обращался к кошке. Но его слова не произвели на животное никакого впечатления. Вильнув хвостом, кошка пронеслась мимо них вверх по ступеням.

За одной из дверей нижнего коридора Чет услышал шум. Он остановился и схватил Джила за руку. При других обстоятельствах он бы решил, что там кто-то стонет, хотя голос и не был похож на человеческий. Но в опустевшем доме, принадлежавшем человеку с весьма странными и таинственными интересами, Чет ни в чем не был уверен. Единственное, что фандерлинг знал наверняка: он не хочет ни во что вмешиваться. Возможно, звук издает один из механических приборов Чавена, какая-нибудь штукавина со шлангами, кузнечными мехами и стеклянными трубками. Как только первый страх прошел, Чет провел Джила в дальний конец коридора, где висел колокольчик, и с огромным облегчением захлопнул за собой дверь, разделявшую дом и туннель. Они наконец-то покинули опустевшее жилище врача и оказались

в туннелях, которые Чет так хорошо знал.

– Туннель не глубже, чем темница, – шепнул он своему спутнику. – Вы сможете это выдержать?

Джил кивнул.

– Хорошо. Тогда пошли. Нам предстоит долгий путь.

На этот раз Чет у не потребовалось заходить к Валуну, чтобы купить светящийся коралл. У него был с собой обычный, сильно коптивший масляный фонарь. Они шли под заливом Бренна, и в свете фонаря гигантские тени плясали на светлых известняковых стенах, покрытых влагой. Когда-то Чет мечтал пройти этим старинным маршрутом, проложенным в те времена, когда фандерлинги (не без причины) не доверяли своим рослым братьям и хотели всегда иметь под рукой запасной выход.

Старая дорога Исхода теперь почти не использовалась, поэтому никто не заботился о ней и не убирал осыпи. Чет находил путь благодаря стишку, которому его научил отец. Там говорилось, где сворачивать и какие пещеры проходить, чтобы добраться до другого берега залива. Сложившиеся обстоятельства лишили путешествие всякой привлекательности, особенно если вспомнить, что совсем недавно Чет побывал под Глубинным морем, и кошмарные видения преследовали его до сих пор. На этот раз идти было значительно проще, однако путь предстоял долгий. К тому же странное поведение спутника вселяло тревогу.

Очевидно, Джил переживал те же муки, что одолевали Чета в Святилище Тайн. Он что-то бормотал себе под нос, а пару раз начинал говорить на непонятном языке. Когда этот приступ случился с Джилом в третий или четвертый раз, Чет сообразил, что он такое уже видел.

«То же самое происходило с Кремнем в гробнице Эддонов! Возле пролома в стене... – Чету пришло в голову то, о чем следовало подумать гораздо раньше. – Не потому ли мальчик так странно вел себя в склепе? Уж не догадывался ли он, что однажды ему придется спуститься туда? Или он испугался, потому что услышал, как кто-то зовет его оттуда? Наверное, несколько дней назад зов стал таким сильным, что он не мог сопротивляться».

Когда они добрались до места, где тропа поворачивала вверх, Джил изменился. С него словно спал покров оцепенения. Он стал задавать вопросы, интересоваться, где они находятся, далеко ли до поверхности – одним словом, говорил как нормальный человек. Чет и не пытался разгадать эту загадку. Слишком многое из случившегося за последние дни было ему непонятно, и он не сомневался, что таковым оно и останется.

Наконец подземный туннель вывел их на поверхность. Они оказались на материке у прибрежных скал, примерно в полумиле от того места, где раньше проходила дорога в замок. Выбравшись на дневной свет, очень тусклый из-за тумана, Чет оглянулся на крепость, которую они покинули. Она

возвышалась над заливом, словно забытая каменная игрушка великана, ожидавшая его возвращения. С такого расстояния Чет не мог разглядеть даже часовых на стенах. Замок казался опустевшим. Его окна походили на отверстия в скале, где весной селятся морские птицы. Трудно было поверить, что в замке или рядом с ним осталась хоть одна живая душа.

Чет постарался отогнать мрачные мысли.

– Ну вот, мы на другом берегу, – сказал он. – Куда нам теперь идти?

– В город. Эти туннели... Бывал ли я в них когда-нибудь раньше? – спросил Джил.

– Я не знаю, – ответил удивленный Чет. – Но думаю, что нет.

– Они очень сильно напоминают мне... кое-что. Какое-то место, знакомое мне очень хорошо... – Чет впервые видел настоящие чувства в тревожных глазах этого человека. – Но я никак не могу его вспомнить, – добавил Джил.

Чет лишь пожал плечами и пошел вдоль берега. Вскоре они добрались до городских стен. В том месте, где Маркет-роуд выходила к мосту, осталось только его основание. Море было пустынно, и лишь у причала покачивались несколько привязанных лодок – их владельцы наверняка скрывались в крепости и надеялись, что придет тот день, когда лодки снова понадобятся. Возле доков, прибрежных таверн и магазинов никого не было. Из-за этой непривычной пустоты Чет стал непроизвольно оглядываться по сто-

ронам. Казалось, здесь пронесся страшный ураган, унесший всех людей. Фандерлинга вновь охватил страх. Не только его жизнь, но и весь мир перевернулся с ног на голову.

Теперь впереди шел Джил, а Чет следовал за ним. С холмов на город опустился туман, и даже на широкой Маркет-роуд путники не различали дороги в нескольких десятках шагов от себя. Опустевшие дома с обеих сторон походили на затонувшие корабли на морском дне. С крыш по мокрым стенам и водосливам стекала вода, как в глубоких известняковых пещерах. Шаги отдавались гулким, многократно повторявшимся эхом.

Обстановка была настолько мрачной и неестественной, что, когда полдюжины темных фигур вдруг выступили из тени, Чет не удивился: вполне логичное завершение кошмара. Он только вздохнул и остановился, чувствуя, как в висках стучит кровь. Нацелив на Чета длинное копьё, вперед вышла худая фигура в доспехах свинцового цвета. Лицо скрывал шлем, из-под него виднелись лишь полоска белой кожи и желтые глаза, похожие на кошачьи. Кончик копья переместился от Чета к Джилу и замер. Призрак что-то произнес режущим слух голосом, в котором звучали щелчки и шипение.

К полному изумлению Чета, Джил ответил, хотя и не сразу, на том же невообразимом наречии. Существо в серых доспехах опять что-то сказало. Вокруг капала вода. Стражники собрались в кучку за спиной предводителя. Их лица тоже

были скрыты, и лишь глаза горели желтым огнем.

– Кажется... нас сейчас убьют, – сообщил Чет Джил. В его голосе послышалась печаль, возможно, даже тоска. – Я сказал им, что несу очень ценную вещь их повелительнице, но им, похоже, все равно. Они заявляют, что победили и больше не нуждаются ни в каких сделках.

– Что... что это значит? – спросил Чет, мужественно преодолевая сжавший горло ужас. – Вы говорили, им нужно то, что мы несем! Почему же нас хотят убить?

– Вас? – Джил нелепо улыбался, уголки его рта при этом сильно дергались. – Они говорят, что вы солнцепоклонник и должны умереть. А я, по их мнению, дезертир и тоже должен умереть. Она была когда-то моей госпожой, теперь она победительница. – Он медленно опустил голову. – Я этого не знал. Будь у меня время, я бы попытался что-то понять. Но времени, кажется, как раз и нет.

И правда – полукруг перед ними начал сжиматься. Копья нацелились им в животы, оставляя очень скудный выбор: умереть на месте или при попытке бежать.

– Прощай, Чет Голубой Кварц, – сказал Джил. – Прости, что я привел тебя на смерть, вместо того чтобы оставить в безопасных туннелях.

38. ТИШИНА

СРЕДИ ЗЕЛЕНИ

*Раздался шепот, дрогнуло веко,
Дрожь пробежала по телу. Он жив, он жив!
Из «Оракулов падающих костей»*

Киннитан стояла в коридоре возле комнаты Луан, словно околдованная дьявольскими чарами. Она была потрясена случившимся и ждала, что сейчас придет смерть и заберет ее.

Прошло несколько минут, и безнадежный ужас немного отступил. Она поняла, что не хочет сдаваться. Если мрак смерти похож на сон и там ее тоже поджидает огромное и страшное чудовище – что тогда? В смерти не будет пробуждения, не будет возможности спастись от черной зияющей пасти...

Киннитан потрясла головой, затем похлопала себя по щекам, пытаясь обрести способность ясно мыслить. Чтобы остаться в живых, ей надо бежать из дворца автарка... Но вокруг столько соглядатаев, что это практически невозможно. Вскоре не только охранники, но и каждая служанка будет выслеживать ее. Все жители обители Уединения, жены автарка, садовники, парикмахеры и кухонные рабы...

Вдруг Киннитан осенило.

Она заставила себя сдвинуться с места и вернулась в покой Луан. Она знала, что там обнаружит, но все равно не сдержала крика ужаса при виде распростертого на полу тела, хотя багровое лицо было повернуто в другую сторону. Удавка так глубоко врезалась в шею избранной, что почти скрылась в складке. Убийце Луан, по-видимому, трудно было справиться с сильной жертвой, поэтому на спине белого ночного платья отпечатался грязный след ноги, словно особый знак на одежде кающегося.

Киннитан отчаянно боролась с позывами рвоты, когда на нее нахлынула еще одна сильная волна ужаса.

«О, Луан!»

Она отвернулась от тела. Если она будет смотреть на мертвую подругу, то снова начнет плакать и простоит здесь, пока не придут и за ней. Она лихорадочно осматривала корзинки и шкатулки Луан, когда услышала шорох у себя за спиной. Руки машинально прикрыли шею. Она обернулась, готовая увидеть ухмыляющееся лицо Таниссы и ее безжизненные глаза. Но это оказался немой мальчик-раб – тот, что приносил ей записку от Луан. Он пытался спрятаться в пустом углу комнаты. Значит, войдя сюда, она должна была пройти мимо него.

– Маленький идиот! Здесь нельзя находиться! – Она хотела выставить его вон, но, к счастью, сообразила, что может потерять последнюю надежду выжить. Она сказала мальчику: – Постой! Мне нужна твоя одежда! Можешь принести?

Какие-нибудь брюки вроде твоих. И рубашка. Ты понял меня? '

Он смотрел на нее испуганными глазами попавшего в капкан зверька. Только тогда Киннитан сообразила: наверное, он видел, как убивали Луан. Но у нее не было времени на сочувствие и жалость.

– Ты понял меня? Мне нужна одежда прямо сейчас! Потом можешь идти. И никому не рассказывай, что был здесь! – Киннитан чуть не расхохоталась над своей глупостью. – Ты же не сможешь рассказать, ты немой. Все равно. Иди!

Мальчик колебался. Она схватила его за тонкую руку и подняла с пола, потом подтолкнула к выходу. Мальчик выскользнул в коридор и побежал, наклонившись к полу и опустив руки, словно он находился на поле брани и над ним летали стрелы.

Киннитан вернулась к прерванным поискам и вскоре нашла шкатулку, где хранилась всякая мелочь. Она вытащила из нее украшенные бриллиантами ножницы – подарок королевы избранных Кузи – и начала отстригать свои длинные черные волосы.

Киннитан забрала у мальчика одежду и поблагодарила его, но он все не уходил. Она снова подтолкнула его. На этот раз он оказал сопротивление.

– Тебе нужно уходить отсюда! – настаивала девушка. – Я понимаю, ты испугался, но нельзя, чтобы тебя здесь застали.

Он тряс головой, не соглашаясь с ней. В его глазах застыл

ужас, но отказывался он не только от страха. Мальчик показал пальцем в другую комнату – Киннитан увидела там босые ноги, словно Луан прилегла вздремнуть на полу, – потом на себя и на Киннитан.

– Не понимаю, – ответила она, начиная злиться. Нужно убираться отсюда как можно быстрее. Очень может быть, что Танисса уже убедилась, что Киннитан нет в ее комнате, и теперь разыскивает девушку по всей обители Уединения. Возможно, она уже подняла тревогу.

– Уходи! Беги к Кузи или к другой важной избранной! Спасайся!

Но мальчик снова не согласился и еще раз показал на Луан, на себя и на Киннитан, глядя на нее умоляющим взглядом. Потом изобразил, что пишет.

– О священные пчелы! Ты думаешь, тебя тоже убьют? Изза писем?

Она смотрела на мальчика, проклиная про себя Луан, хотя закон запрещал делать это, пока умерший не прошел суд Нушаша. Луан накликала беду на них – она и этот красивый, глупый, высокомерный Джеддин. То, во что эти двое втянули Киннитан, было отвратительно, но с бедным немым мальчиком они поступили и того хуже.

– Ты прав, – согласилась она после короткого размышления. Она вспомнила, что Джеддин, возможно, в этот самый момент терпит ужасные пытки, и гнев исчез.

– Пойдем со мной, – сказала она мальчику. – Только сна-

чала помоги надеть все это и собери волосы, которые я отстригла. Мы не можем их сжечь, чтобы запах паленого волоса не привлек внимание. Придется выбросить их в уборную. И еще одна важная вещь: нам нужна шкатулка Луан с письменными принадлежностями.

Мальчик оказался очень полезен. Они вышли из покоев Луан, и он повел Киннитан по переходам, о существовании которых она даже не догадывалась. Они обошли стороной сад королевы Содан, где после ужина всегда полно жен и слуг, особенно в такой теплый вечер, как сегодня. По дороге они встретили только одного человека: хектанку со светильником – то ли жену, то ли служанку. Трудно было определить ее положение, поскольку все хектанки закрывали лица вуалью и носили бесформенные, богато украшенные платья. Женщина прошла мимо, не обратив на них ни малейшего внимания, даже не кивнув в знак приветствия. Киннитан инстинктивно обиделась на нее, но тут же вспомнила: она пытается избежать смертельной опасности, а женщина по положению неизмеримо выше, чем мальчики-рабы.

«Благодари Священный Улей, что тебя не замечают», – укорила она себя.

Чем ближе они подходили к воротам Лили, тем отчаяннее стучало сердце. Концы коротких волос лезли под воротник, отчего грубая ткань рубашки казалась еще более колючей, но это, пожалуй, не самая большая проблема. В кори-

дорах было полно народу. Слуги отправлялись за покупками для своих хозяек, рабы тащили на головах свертки и катили небольшие тележки, торговка везла в повозке клетку с попугаями, избранный-врач в огромной шляпе спорил с избранным-аптекарем – они шли на местный рынок за травами. Люди пугали Киннитан, особенно ее насторожила пара знакомых слуг. Однако едва ли в такой толпе обратят внимание на двух мальчиков, а тем более заподозрят, что один из них – невеста бога во плоти.

Они терпеливо ждали своей очереди у ворот обители Уединения. Киннитан хотелось растолкать всех и поскорее вырваться на свободу – пусть попробуют догнать! Она постаралась успокоиться и начала обдумывать, что будет делать за воротами.

Тут маленькие пальцы сжали ее руку, и она посмотрела на своего спутника. Его глаза были полны ужаса, но он улыбнулся, желая приободрить Киннитан.

– Я не знаю твоего имени, – шепнула она. – Как тебя зовут?

Его губы зашевелились, и она почувствовала неловкость: как он мог ей ответить? Тогда он снова улыбнулся, поднял кисти рук и сцепил большие пальцы, а остальные развел в стороны, изобразив крылья.

– Птица? – спросила Киннитан. Он радостно закивал.

– Тебя зовут Птица?

Он нахмурился и покачал головой, потом показал на реб-

ристый потолок. Здесь, в темных уголках у самых ворот, еще сохранились остатки птичьих гнезд. Но птиц в них не было.

– Гнездо?

Он отрицательно покачал головой.

– Какая-то птица, да? Воробей? Дрозд? Голубь? Мальчик снова схватил ее за руку и крепко сжал, энергично кивая.

– Голубь? Тебя зовут Голубь, – поняла девушка. – Спасибо, что помог мне, Голубь.

Киннитан посмотрела вперед: они уже почти подошли к воротам. Поток людей сужался перед троими избранными-стражниками. До ворот Лили оставалось несколько шагов, а за ними сияли огни фонарей, напоминавшие волшебный мир из сказки. Двое охранников осматривали повозку торговки. Рядом с рослыми стражниками женщина казалась почти карлицей и изо всех сил старалась выглядеть безразличной, отчего вид у нее был очень дерзкий. Третий стражник был свободен. Он занялся Киннитан и ее попутчиком.

– Куда вы направляетесь? – начал он, но Голубь перебил его своим утробным мычанием. – Ясно, безъязыкие. По чьему делу?

У Киннитан душа ушла в пятки. Она усердно потрудилась над поддельным письмом, но совсем забыла: кроме письма необходимо разрешение на то, чтобы покинуть обитель Уединения. Никто из рабов, даже избранные-молчальники, не мог свободно входить и выходить отсюда.

Киннитан уже хотела бежать, но мальчик достал из карма-

на маленький серебряный предмет размером с палец и протянул его стражнику. Девушка была ни жива ни мертва. Если это печатка Луан и слух уже дошел...

– Ах, вы выполняете поручение Кузи, – отозвался стражник и махнул рукой. – Мы рады услужить королеве обители Уединения.

Он отошел в сторону и лениво, но с долей любопытства посмотрел на Киннитан, словно почувствовал в ней какую-то странность. Девушка опустила глаза и принялась повторять про себя Гимн пчел. Голубь провел ее мимо огромного стражника следом за только что пропущенной торговкой, в повозке которой, по-видимому, не оказалось ничего недозволенного.

– Говорят, они были любовниками, – сказал тот стражник, что обыскивал повозку.

Киннитан вздрогнула, но тотчас поняла, что он говорит не с ней, а с другим стражником.

– Он? И Вечерняя Звезда? – спросил второй довольно тихо. – Ты шутишь.

– Так говорят. – Стражник заговорил еще тише, совсем шепотом, и Киннитан удалось расслышать лишь часть сказанного, прежде чем стражники остались далеко позади. – Но даже если она еще любит его, вряд ли уже чем-то поможет...

Джеддин? Они говорят о Джеддине?

Киннитан вдруг почувствовала себя опустошенной, слов-

но выгоревшей изнутри. Мир, в который она попала, и без того казался ей не совсем нормальным, а теперь он превратился в полное безумие – она и представить себе не могла, что такое возможно.

Стоял теплый вечер, и улицы заполняли люди. Сразу за воротами обители Уединения Киннитан увидела множество дорогих магазинов и чайных: близость большого дворца способствует процветанию любой торговли. Девушку охватило непередаваемое чувство радости: она свободна и снова может гулять среди веселой гудящей толпы. Страх почти прошел, но приподнятое настроение длилось недолго. Не только потому, что она близко видела смерть. Она нарушила строгие законы автарка. До этого, несмотря на связь с Джеддином и Луан, у нее был шанс остаться в живых, но теперь, покинув обитель Уединения, она замарала себя. Автарку не нужна такая невеста, тем более из простой семьи.

«Я могла бы уже умереть, – подумала она. – Дух, носимый ветром».

Странное ощущение – одновременно пугающее и возбуждающее.

Они вышли из торговых рядов, освещенных множеством фонарей, и оказались в темном прибрежном районе. Прохождение вокруг стали менее дружелюбными, а злоумышленники более наглыми. Казалось, в воздухе витала угроза. Они шли по узкой улочке между двумя длинными строениями. Туск-

лый свет сочился из полузакрытого окна убогого чайного домика. Киннитан вдруг подумала, что здесь их может постигнуть столь же печальная участь, как и во дворце автарка, если бы они там остались. Она никогда не пришла бы сюда в женском платье, но здесь наверняка хватает уродов, которых устроят и два симпатичных мальчика, особенно если они не могут позвать на помощь.

Маленький Голубь тоже ощущал опасность – только слепой и глухой ее бы не почувствовал. Они прибавили шагу и, миновав еще один узкий темный переулок, оказались на широкой Парусной улице, упирившейся в верфи и доки. Неожиданно дорогу им преградил огромный мужчина. Он стоял посреди улицы так, будто давно поджидал их здесь.

– Привет, крошки, – сказал он дрожащим, как у больного, голосом. На нем была потрепанная матросская роба и штаны чуть ниже колен, на голове повязан морской платок. – Что вы делаете здесь так поздно? Заблудились? – Он шагнул в их сторону. – Давайте я вам помогу.

Киннитан колебалась лишь мгновение: мужчина стоял как раз между ними и их целью, а пути назад не было – там их ждал гнев автарка. Она схватила мальчика за руку и бросилась бегом прямо навстречу страшному матросу. Матрос ждал их, раскинув руки, но глаза его от удивления раскрылись все шире. Разбежавшись, они врезались в него, и он от удара упал на спину. Матрос не сразу сумел подняться и отчаянно ругался.

– Ах вы, щенки, я выпотрошу вас! – орал он. – Я прирежу вас и выпущу вам кишки!

Он вскочил на ноги и бросился за ними. Киннитан оглянулась: мужчина быстро их нагонял.

– Куда мы бежим? – еле выдавила она.

Голубь знал ответ не лучше ее – он просто бежал рядом, держась за руку девушки. Мальчик мог бы двигаться быстрее, но не хотел оставлять Киннитан одну.

«Что написано в письме Джеддина? – вспоминала она на ходу. – Храм? Корабль пришвартован напротив храма? Но какого храма?»

Они выскочили на набережную. Шаги преследователя грохотали по доскам совсем близко. Киннитан замедлила бег, потом остановилась: ее сразил вид сотен мачт, стоявших у берега. Линия кораблей протянулась не меньше чем на милю. Ленивые вечерние волны плавно покачивали их корпуса. Топот за спиной стал громче, и Киннитан снова бросилась бежать.

– Паршивцы! – тяжело дыша, вопил преследователь. Киннитан показалось, что матрос нагоняет их. Собрав последние силы, она сделала отчаянный рывок.

– Я вас съем вместе с потрохами! – доносилось из-за спины. Не помня себя от ужаса, Киннитан начала громко кричать:

– Эй, «Утренняя звезда»! «Утренняя звезда»! Где вы? Она кричала, пока не задохнулась.

Никто не ответил, хотя ей показалось, что на одном из кораблей она заметила какое-то движение.

Они бежали дальше в тишине. Слышно было только, как за спиной, не отставая, тяжело дышит мужчина.

– «Утренняя звезда»! Где вы? – снова крикнула Киннитан.

– Здесь! Рядом! – откликнулся кто-то с ближайшего корабля.

Киннитан споткнулась, но Голубь не дал ей упасть.

– «Утренняя звезда»! – Крик на этот раз получился приглушенным, едва слышным. Ноги отказывались подчиняться ей. Она задыхалась. – «Утренняя звезда»!

– Мы здесь! – ответили ей совсем рядом. – Кто вы?

Когда они добежали до корабля, Киннитан подтолкнула Голубя на сходни. Преследователь остановился, подумал, затем развернулся и, слегка покачиваясь, пошел в обратную сторону. Вскоре он исчез из виду. Киннитан держалась за перила и, открыв от изумления рот, смотрела на небо. Ей казалось, что звезды падали вниз и кружились над ней, как искры. Мачты стояли вокруг, словно густой лес, опутанный паутиной.

Грубая рука схватила Киннитан, в лицо ей направили свет фонаря.

– Кто вы? Вы орали, словно хотели разбудить мертвеца.

– Это... «Утренняя звезда Кироса»? – выдохнула она.

– Да. А вы кто?

Свет фонаря слепил, и девушка с трудом различила глаза и бороду смотревшего на нее человека.

– Мы пришли... от Джеддина.

Колени ее подогнулись, мир закружился, мачты замелькали, как в веселом танце, и Киннитан провалилась в серую пустоту, ставшую непроницаемо черной.

– Нам приказали ожидать вас, но вы должны были быть в женском платье, а не в наряде мальчика-раба, – говорил ей Аксамис Дорса, капитан «Утренней звезды».

Он отвел Киннитан в крошечную каюту. Голубь молча припал к ногам своей спасительницы, глядя на нее широко открытыми глазами.

– Нам говорили, что вы можете появиться неожиданно. – Капитан помахал письмом, которое она подделала в комнате Луан и скрепила печатью Джеддина. – Но не говорили, что мы должны отплыть без Джеддина. Что вам про это известно?

Она прочла про себя благодарственную молитву Улью и божественной защите возлюбленных пчел: моряки, видимо, еще не знали об аресте Джеддина. Теперь пришла пора в полной мере использовать умение притворяться, приобретенное в обители Уединения. Очень важно делать вид, будто ей неизвестно содержание письма.

– Я не знаю, капитан, – ответила Киннитан. – Джеддин велел мне переодеться, взять с собой этого мальчика и пере-

дать вам записку. Я очень рада, что тому человеку не удалось нас поймать и сделать с нами то, что он намеревался.

Она изо всех сил старалась держаться как королева – величественно и уверенно.

«Но я ведь действительно королева, разве нет? – думала Киннитан. – Во всяком случае, что-то вроде того. Или я была королевой».

Правда, она этого никогда не чувствовала.

Капитан не стал вдаваться в подробности относительно их преследователя.

– В доках полно такой мрази. Бывают мерзавцы и похуже, можете мне поверить. Мне непонятно другое. Почему мы должны отплывать без Джеддина? Еще раз спрашиваю: вы ничего об этом не знаете?

Она отрицательно покачала головой.

– Только то, что лорд Джеддин велел мне идти к вам и отправляться с вами туда, куда вы поплывете. Он обещал, что вы и ваш отряд защитит меня от врагов. – Киннитан глубоко вздохнула. Изобразить тревогу ей было легко. – Будьте добры, капитан, скажите, что пишет мой господин?

Аксамис Дорса взял в руки письмо и внимательно взгляделся в строчки. Кожа вокруг его глаз была такой морщинистой, что он казался глубоким старцем, хотя в остальном выглядел еще молодым.

– Вот что здесь сказано: «Отвезите госпожу Киннитан в Иеросоль. Все остальное может подождать. Отправляйтесь

сегодня вечером. Я встречу вас там». Но где же он нас встретит? Иеросоль почти такой же огромный, как Ксис! И зачем нам пересекать океан и плыть в Эон, когда мы могли бы перебраться в другой порт и подождать там?

– Я не знаю, капитан. – Киннитан чувствовала, что готова вновь упасть в обморок. – Поступайте, как считаете нужным. Я передаю себя и своего слугу в ваши руки. Так пожелал мой господин Джеддин.

Капитан нахмурился и уставился на перстень с печатью Джеддина, который держал в руке.

– У вас его печать и письмо. Как я могу сомневаться? И все же непонятно. Мои люди будут волноваться, когда услышат об этом.

– Вы же знаете, как опасно во дворце, – произнесла Киннитан как можно многозначительнее. – Возможно, ваши люди будут рады удалиться от Ксиса на какое-то время.

Дорса посмотрел на нее тяжелым взглядом.

– Вы хотите сказать, во дворце что-то произошло? И наш хозяин в этом замешан? – проговорил он.

Она закинула крючок, и теперь ни в коем случае нельзя сильно тянуть бечевку.

– Я больше ничего не могу вам сказать, капитан, – покачала она головой. – Для мудреца и одно слово – поэма.

После того как Аксамис Дорса вышел, Киннитан прилегла на узкую кровать. У нее не осталось сил возражать, когда Голубь улегся прямо на пол, словно действительно был ее

рабом. В путанице мыслей она вдруг услышала голос Мадри: «Помни, кто ты. А когда клетка распахнется, ты должна улететь. Второй раз ее не откроют».

Не эту ли ситуацию имела она в виду? Больше Киннитан не могла думать. Она слишком устала.

«Я бегу, Мать Мадри. По крайней мере, пытаюсь бежать...»

И она заснула.

Киннитан разбудил топот босых ног по настилу палубы над головой. Громкие голоса отдавали приказы, кто-то пел о тяжелой жизни моряка. «Утренняя звезда Кироса» готовилась к отплытию в Иеросоль.

39. КАНУН ЗИМЫ

ТАНЕЦ ЗИМЫ

Пыль, пыль, лед, лед.

У нее кость вместо глаз.

Она ждет, когда закончится песня.

Из «Оракулов падающих костей»

Пазл пел удивительно красивым голосом, и лишь легкая дрожь выдавала его возраст. Если бы не это, Бриони была готова подумать, что время повернуло вспять, она снова стала маленькой девочкой, сидящей на отцовских коленях в теплом просторном зале, когда ветер за окном едва не срывает крыши.

Но те дни миновали, напомнила себе Бриони. Ничто не вернет их, и, если Тайн проиграл сражение, скоро некому будет вспоминать о тех временах.

Пазл ударил по струнам и продолжил свой длинный печальный рассказ о «Принце Кайлоре и Вечно Страдающей Деве»:

... И тут он впервые узрел ее – деву, исходящую кровью.

Старый шут проникновенно пел о приезде рыцаря в Царство Вечной Зимы:

Решил он, что ранена дева смертельно иль даже мертва,
И сердце благородное заныло. Подумал, что во цвете лет
Угаснет красота сей девы, поцелуев не знавшей.
Глаза открыла дева, улыбнулась,
Хотя лицо прекрасное, как жемчуг, выражало
Лишь боль и муку.
И он подумал, что на целом юге нет красавицы подобной.
И полетело сердце Кайлора навстречу деве, к ее груди
припало,
И знать не знал он, было то ко благу иль к беде.

Надо признать, что Бриони несказанно удивлялась не столько тому, что Пазл еще способен петь, сколько стихам Мэтти Тинрайта. Молодой поэт сидел неподалеку от Пазла с таким видом, словно не сомневался, что создал нечто значительное.

Безусловно, эти стихи были гораздо лучше его чудовищных мрачных хвалебных песен в честь Бриони, где он сравнивал ее с богиней-девственницей. Образы их были невероятными – не много найдется слов, сочетающихся с «Зорией», «всемилоливой» или «богиней». Но эта поэма произвела впечатление на принцессу и даже порадовала ее. Она взяла Тинрайта во дворец, чтобы досадить Баррику и немного развлечься самой. Однако не исключено, что он и правда неплохой поэт.

«Если, конечно, – вдруг подумала Бриони, – он не украл эту поэму у какого-нибудь безвестного собрата».

Нет, сегодня, в Канун зимы, она должна быть благожелательной ко всем. Она обязательно похвалит творение Мэтти, но не настолько сильно, чтобы он таскался за ней хвостом весь вечер.

А Пазл тем временем продолжал:

Мгновенно Кайлор в раба ее оборотился,
И положить был он готов к ногам любимой
Любые города. Она же головой тряхнула, глядя
безнадежно,
И руки, что белее снега, из красных рукавов одежды
подняла.
Ему она сказала: «Рыцарь мой, ни города мне не нужны,
Ни обещания. Освободи меня от раны, что жизнь мою
крадет.
Тогда твоей я буду. Отвергла Ворона любовь я,
Он принц всех птиц. И в гневе он пронзил мне грудь
кинжалом.
И все врачи двора не могут остановить кровотечение,
Что тот кинжал открыл, не могут рану заживить.

Бриони улыбнулась шуту, но тот едва ли заметил это. Он наслаждался моментом всеобщего внимания и забыл, что служит королевской семье, а не придворным, всегда считавшим старика слишком скучным. Их глаза сейчас были прикованы к нему, и Пазл ликовал.

Собравшиеся вельможи держали себя странно. Несмотря на роскошный обед, они вели какие-то бессвязные разгово-

ры, многие перешептывались или переговаривались слишком громко. Толли и их союзники сочли праздник оскорблением памяти Гей-лона и не явились на торжества. Пили гораздо больше, чем обычно в такой праздник. Подогретые вина заливались в глотки, словно все присутствовавшие ожидали в скором будущем самого худшего. Слухи о поражении армии Южного Предела ходили по замку весь вечер. Ужасающие рассказы достигли каждого уголка, словно моль, выбравшаяся из тесного шкафа. Бриони пришлось утешать Розу и Мойну. Девушки рыдали, уверенные в том, что чудовища их изнасилуют.

«Ну конечно. Точно так же они боялись Давета и его сопровождающих из Иеросоля, – с горечью подумала Бриони. – Как раз в ту ночь. Много было от них пользы тогда...»

Она отогнала прочь мысли о смерти Кендрика и позволила себе вспомнить о Давете дан-Фааре. Окруженная пьяными красными лицами, она вдруг страстно захотела увидеть Давета, хотя ее отношение к послу не имело ничего общего с нежными чувствами... Бриони оглянулась, словно собравшиеся могли прочесть ее мысли, но все были поглощены пундингом и вином. Она вернулась к воспоминаниям о после: ей нравится его острый ум. Давет никогда не хитрил, был прямым, как кинжал. Возможно, он даже не пил вина, а если и пил, никто не видел его пьяным...

Но новость, которую она узнала от Броуна, терзала ее. Невыносима сама мысль о том, что с Барриком могло что-то

случиться, но еще страшнее представить, что Тайн Олдрич и его армия потерпели поражение. И что дальше? Как готовиться к обороне против этих загадочных существ?

«О боги, что же нам делать? Как нам спастись?» – повторяла про себя Бриони.

Ее мысли то и дело обращались к тем, кого с ней сейчас не было. Она не могла представить себе Канун зимы без друзей и семьи. Но сегодня вместо них – армия злобных созданий, которых отделяет от замка лишь узкая полоска воды.

Бриони вдруг вспомнила, что обещала Аниссе навестить ее сегодня. Сначала она хотела отправить к королеве слугу с извинениями, но потом посмотрела вокруг и увидела отвратительные веселые лица – кто-то уже падал на пол – и разбросанные по столу остатки обеда: кости, объедки мяса, лужи красного вина, словно это поле боя после жаркого сражения... Окинув взглядом зал, она решила, что ей очень нужно прогуляться по свежему воздуху. Визит к мачехе, что должна вот-вот родить, – прекрасный повод уйти.

С некоторым усилием принцессе удалось вызвать в своей душе сочувствие к Аниссе. Если даже она, Бриони, держащая в руках бразды правления Южным Пределом, чувствует себя беспомощной, то каково женщине, вынужденной сидеть в своих покоях и слушать страшные новости и пересуды?

Жидкие аплодисменты и пьяные выкрики отвлекли Бриони от грустных мыслей: песня закончилась. К своему стыду она была вынуждена признать, что пропустила большую ее

часть.

– Замечательно, – сказала она вслух и похлопала в ладоши. – Прекрасное исполнение, мой добрый Пазл. Лучшее представление за много лет.

Старик светился от счастья.

– Налейте ему, – велела Бриони слуге. – После столь восхитительного пения его, наверное, мучит жажда.

– Но заслуга не только моя, ваше высочество, – заявил Пазл, протягивая руку за кубком. – Мне помогал...

– Мастер Тинрайт, да. Вы нам говорили. И ему повторяю: замечательно. Вы вдохнули новую жизнь в старую, всеми любимую балладу. – Она постаралась вспомнить конец истории о Вечно Страдающей Деве в надежде, что Тинрайт не изменил ее на свой лад, иначе получится неловко: все поймут, что она не слушала. – Как сам Кайлор, вы нашли песню, способную залечить нанесенную принцем Вороном рану.

Кажется, она отгадала правильно. Тинрайт был готов пасть перед принцессой ниц и превратиться в скамеечку для ее ног.

«Да, но ему ни за что не найти подходящую рифму», – подумала Бриони и встала, шурша накрахмаленными юбками.

– Я иду поздравить королеву Аниссу с наступлением нового времени года. – Те, кто еще был в состоянии подняться, тоже встали. – Пожалуйста, сидите. Праздник еще не закончен. Слуги, подавайте вино, пока я не вернусь. Пусть мои гости наслаждаются теплом, что принес нам Сиротка. И

помните: нет такого времени года, когда не восходит солнце.

«Защитите меня, боги, – подумала Бриони, направляясь к дверям под шелест пышных юбок на обручах. – Я говорю, как персонаж поэмы Тинрайта».

Сегодня ее сопровождали два стражника. Один из них, чуть постарше знакомого ей Герина Миллворда, был очень неразговорчивым. Она вспомнила, что хотела поздравить их с праздниками, сегодняшним и завтрашним. Учтивость поможет ей сдержать раздражение от того, что из-за тяжелых доспехов и алебард стражники передвигаются слишком медленно.

Она пересекла открытый дворик и почти дошла до покоев Аниссы в башне Весны, как вдруг из тени выступила вперед какая-то фигура. Сердце в груди Бриони подпрыгнуло. Молодой стражник уже был готов воткнуть алебарду в живот незнакомцу, но в самый последний миг принцесса узнала Чавена.

– Остановитесь! – крикнула Бриони. – Чавен? Всемилостная Зория, что вы здесь делаете? Вас же могли убить! И где вы пропадали?

Врач испуганно посмотрел на нацеленную ему в живот алебарду и смущенно перевел взгляд на Бриони. Принцесса заметила, что он очень бледен. Вокруг глаз врача лежали темные круги, а щек уже несколько дней не касалась бритва.

– Прошу простить, принцесса, что напугал вас, – сказал Чавен. – Хотя я нанес больше вреда себе, нежели вам.

Но Бриони не забыла своего гнева на пропавшего Чавена.

– Где вы пропадали? – потребовала она ответа. – Милосердная Зория! Вы знаете, сколько раз за последнее время я нуждалась в ваших словах? Ведь вы всегда были не только нашим врачом, но и мудрым советником. Куда вы ездили?

– Это долгая история, ваше высочество, совершенно неподходящая для беседы в холодном, продуваемом ветром дворе. Но я вам скоро все расскажу.

– У нас война, Чавен! Сумеречное племя стоит у дверей замка, а вы куда-то исчезаете. – Она почувствовала, как к глазам подступают слезы, и сердито промокнула их рукавом платья. – Баррик тоже уехал сражаться с этими созданиями. Есть и другие вещи, еще страшнее. Да накажут вас боги, где вы были?

Он медленно покачал головой и ответил:

– Я заслуживаю ваших проклятий, ибо по глупости пытался разрешить ужасную загадку – даже не одну, если быть точным. На это у меня ушло слишком много времени. Больше, чем я предполагал. Да, я знаю про сумеречное племя и про Баррика. Меня не было при дворе, но слухи расползлись повсюду.

– Загадки! – Бриони раздраженно всплеснула руками. – Слишком много загадок! В любом случае, сейчас я собираюсь навестить мою мачеху. Я должна увидеть ее, прежде чем мы поговорим.

– Да, это я тоже знаю. И, по-моему, мне следует пойти с

вами.

– У нее подходит время родов.

– Еще одна причина, чтобы навестить ее.

– Тогда пошли. – Бриони сделала знак стражникам опустить алебарды. – Я только выпью с ней поссета*², и мы уйдем.

– Возможно, придется задержаться у нее подольше, ваше высочество, – возразил Чавен.

В этот ужасный вечер у Бриони уже не было сил, чтобы гадать, что имеет в виду врач.

«Нет способа подготовиться к смерти», – размышлял Чет.

В последние несколько дней обстоятельства раз за разом вынуждали его изобрести такой способ, но успеха он не добился.

– Пожалуй, я этого и не хочу, – пробормотал себе под нос Чет.

Желтоглазые фигуры в доспехах равнодушно смотрели на него сверху вниз, держа в руках копыя, сверкавшие в сероватом свете. Зато его товарищ по несчастью отозвался.

– Конечно, не хотите, – сказал Джил. – Все живое цепляется за жизнь. Думаю, даже мой народ.

Чет склонил голову, вспомнив Опал и мальчика. Происходящее казалось ему незначительным, глупым и неестествен-

² Posset – горячий напиток из молока, сахара и пряностей, створоженный вином (англ.).

ным по сравнению с его предыдущей мирной жизнью. Он услышал приближавшийся топот. Не надежда, а раздражение, вызванное тем, что жуткое ожидание затягивается, заставило его поднять голову.

Мужчина – если это был мужчина – скакал на огромном коне, какого Чет еще не приходилось видеть: макушка головы фандерлинга едва доставала до колена животного. Всадник тоже был большим, но не великаном. Его доспехи походили на полированный панцирь черепахи серого и сине-коричневого цветов. На боку у прибывшего висел меч, а под мышкой был зажат шлем в форме головы неизвестного зверя с клыками.

Однако самым удивительным было его лицо. Сначала Чет думал, что это маска из слоновой кости, поскольку не увидел ничего, кроме красных глаз и маленького вертикального бугорка на месте носа. Все остальное было гладкое и белое. Лишь когда незнакомец осматривал Джилу с ног до головы, Чет заметил часть его шеи и понял, что на всаднике нет маски.

– Его зовут Джаир Штормовой Фонарь, – услышал он вдруг голос Джилы. – Он говорит, мы должны пойти с ним.

Чет рассмеялся, но смех получился не очень естественным. Если он еще не свихнулся, значит, безумен Джил или весь мир в одночасье утратил разум.

– Говорит? – переспросил фандерлинг. – У него же нет рта!

– Но он говорит. Я слышу его голос внутри себя. Ты не слышишь?

Нет. Чет устал. Он чувствовал себя таким истощенным, словно минералы пропитали его кости и превратили их в твердый камень. Когда безликий всадник повернул назад в город, солдаты подтолкнули Чета копьями. Но никакие пики не могли заставить его двигаться быстрее: у него не осталось на это ни желания, ни сил.

Площадь Трех Богов была украшена кусками темной ткани, поэтому даже при свете множества факелов здания скрывались в тени. Она поджидала их у ступеней храма, сидя на простом стуле с высокой спинкой (вероятно, из дома какого-нибудь купца), что не мешало ей держаться с достоинством, словно это был трон.

Она была примерно такого же роста, как Джаир, а красота ее смуглого лица поражала запредельной таинственностью... Хотя в целом это лицо мало чем отличалось от человеческого. Она вскидывала голову и прислушивалась к звукам, которые Чет не способен был различить, а потом обращала взор на площадь, где терпеливо сидели на земле ее легионы, и четко видела каждого воина на любом расстоянии, словно смотрела сквозь толстый прозрачный кристалл.

На ней были военные доспехи из черных пластин, особенно плотно прикрывавшие спину и плечи. Торчащие из них жуткие длинные шипы не позволяли рассмотреть ее фигуру.

Чет стоял перед ней на коленях совсем близко и мог видеть, что у нее две руки и две ноги. Он набрался храбрости и посмотрел ей в лицо, но не смог долго удерживать взгляд. В ней чувствовалась грубая пугающая сила, заставлявшая отводить глаза.

Обращаясь к воительнице, Джил назвал ее Ясаммез. Он говорил, что она была когда-то его госпожой. После приветствия Джил не проронил ни слова, и она тоже не говорила с ним.

Высокая женщина подняла руку в перчатке и сказала что-то на незнакомом Чету языке. Голос у нее был низкий, как у мужчины, но очень музыкальный. У Чета при этих звуках зашевелились волосы на голове.

«Это страшный сон! – завопил голос внутри него. Голос пытался как-то объяснить то, что объяснить нельзя, но звучал он слишком глубоко, и Чет его почти не слышал. – Это кошмар. Ты скоро проснешься».

– Она хочет зеркало, – сказал Джил, поднимаясь на ноги. Чет и в голову не пришло отказать. Он вытащил костяной кругляш в серебряной оправе и протянул женщине. Но она не стала сама брать его. Джил взял зеркало с ладони Чета и с поклоном передал ей. Она поймала зеркальцем свет факела, и на миг Чет показалось, что по ее худому неподвижному лицу пробежала искра гнева. Она снова заговорила. Довольно длинная речь состояла из щелчков и бормотания.

– Она сказала, – перевел Джил, – что исполнит свою часть

договора и отправит зеркало в Кул-на-Квар. Что смертных убивать больше не будут, если только племени не придется защищаться.

Джил продолжил разговор. Теперь он говорил на ее языке намного быстрее.

– Она говорит со мной так, будто я король, – тихо сказал Джил Чету. – Она утверждает, что через меня на расстоянии говорит король. Сам же я королем не являюсь.

«Король? На расстоянии?» Чет не имел ни малейшего понятия, что все это может значить. Его угнетала странность происходившего, от этого хотелось расплакаться. Но в душе Чета было и упрямство – непробиваемое, как камень в именах и сердцах фандерлингов. Дух его оставался по-прежнему сильным, а значит, он не выкажет страха перед этими прекрасными дикими созданиями.

Ясаммез вытянула руку, держа зеркало длинными пальцами. Безликое существо по имени Джаир Штормовой Фонарь шагнуло к ней, забрав у нее зеркало. Они не произнесли ни слова – по крайней мере, Чет ничего не слышал. Джаир поклонился, положил вещицу в мешочек на поясе, приложил пальцы к глазам – видимо, это был жест почтения – и подошел к своему огромному коню.

– Она попросила его отвезти зеркало быстро и с предосторожностями, чтобы отдать слепому в Кул-на-Кваре, – объяснил Чет Джил. Кажется, он понимал бессловесные приказы не хуже, чем их речь. – Она сказала, что зальет весь мир

кровью, если с королевой в зеркале что-нибудь случится.

Чет лишь кивнул. Его внимание с трудом поспевало за событиями. Все казалось слишком невероятным.

Джаир вскочил в седло и пришпорил коня. Копыта ударили о землю, и скакун с всадником унеслись прочь так быстро, словно были куклами, которых ловко убрали со сцены.

После продолжительной паузы женщина – богиня? чудовище в женском обличье? – вновь заговорила. Голос ее походил на шорох крыльев колибри, порхающей у самого уха. Джил молча слушал. Женщина смотрела то на Джилу, то на фандерлинга. Ее глаза сверкали, как две зажженные свечи в темной пещере, и Чету приходилось отводить взгляд, чтобы не оказаться затянутым в эту зияющую пустоту и не пропасть в ней навек.

Потом он услышал голос Джилы:

– Я остаюсь здесь.

Джил произнес это совершенно равнодушно – без радости, но и без печали. Его голос как будто умер, лишился тех жалких остатков живости, что звучали в нем раньше.

– Но вы можете идти, поскольку объявлено перемирие, – сказал Джил фандерлингу.

Чет не сразу обрел дар речи.

– Перемирие? И что это значит?

– Не важно. – Джил покачал головой. – Не вы, смертные, объявили перемирие, не вам его отменять. Городу, называемому Южный Предел, не причинят вреда. – Он помолчал,

прислушиваясь к тому, что говорила Ясаммез на своем языке, и добавил: – Пока.

Не успел Чет и глазом моргнуть, как чьи-то грубые руки подхватили его, посадили в седло – и в тот же миг Маркет-роуд и городские дома замелькали с обеих сторон, словно в калейдоскопе. Он видел только руки всадника, державшие поводья. Подобно Сироте из самой любимой истории больших людей, он так и не осмелился оглянуться назад, пока его бесцеремонно не сбросили перед пещерами на берегу залива.

Чет знал, что следовало бы все запомнить. Он прекрасно понимал, насколько это важно. В конце концов, его сын чуть не расстался с жизнью из-за таинственного зеркала и той сделки, частью которой оно являлось. Но единственное, на что его хватило, это спуститься в ближайшую пещеру, чтобы поспать и набраться сил для пути домой, в Город фандерлингов.

Через крытый переход перед башней Весны Бриони и Чавен прошли в вымощенный плиткой маленький садик. Двое гвардейцев стояли, прислонившись к двери, а при виде Бриони выпрямились и вытаращили глаза. Принцесса злилась на то, что не может прямо сейчас узнать новости от Чавена, и потому забыла о своем намерении поздравить гвардейцев с праздником. Она пообещала себе вспомнить об этом на обратном пути.

Они поднялись к покоям Аниссы и постучали. Дверь открылась, в щелке блеснул чей-то глаз, и раздался голос:

– Кто там?

Бриони нетерпеливо фыркнула и ответила:

– Принцесса-регент. Мне можно войти?

Служанка Аниссы Селия открыла дверь и посторонилась.

Бриони вошла в покои. Ее стражники бегло осмотрели комнату и расположились в коридоре. Селия глядела на Бриони из-под опущенных ресниц, словно ей было стыдно за то, что она осмелилась задержать принцессу. Когда взгляд служанки упал на Чавена, глаза ее широко открылись от изумления.

«Безусловно, не одну меня удивило его появление, – подумала Бриони. – Остальные не видели его так же давно».

– Я пришла, чтобы поднять кубок в честь праздника Кануна зимы, – сказала она Селии.

– Она там.

Ее акцент стал сильнее – возможно, из-за некоторого замешательства. В комнате было темно, горели лишь несколько свечей и огонь в камине. Бриони не увидела ни прислуги, ни фрейлин, ни даже повитухи. Она подошла к кровати и отдернула полог. Открыв рот и сложив руки на животе, мачеха спала. Бриони осторожно дотронулась до ее плеча.

– Анисса, – окликнула она. – Это я, Бриони. Я пришла выпить с тобой за праздник и поздравить с Днем всех сирот.

Глаза Аниссы открылись, но она не сразу поняла, кто ее разбудил. Когда королева узнала падчерицу, выражение ее

лица стало таким же, как у Селии при виде Чавена.

– Бриони? Что ты здесь делаешь? А Баррик с тобой?

– Нет, Анисса, – спокойно ответила Бриони. – Он ушел с графом Блушо и остальными. Ты забыла?

Маленькая женщина попыталась сесть, застонала, потом уперлась локтями в подушки и все-таки выпрямилась.

– Да, конечно, просто я еще не проснулась. Этот ребенок. Из-за него я постоянно сплю! – Она оглядела Бриони с ног до головы и нахмурилась. – Но что привело тебя сюда, дорогая?

– Вы меня пригласили. Сегодня Канун зимы. Разве вы не помните?

– Не помню... – Она растерянно огляделась. – А где Изольда и остальные? Селия, почему их нет?

– Вы сами их отправили, госпожа. Вы еще не совсем проснулись, вот и не помните.

Увидев Чавена, Анисса удивилась еще больше:

– Доктор? Это точно вы? Почему вы здесь? С ребенком что-то не так?

Чавен подошел к кровати и встал рядом с Бриони.

– Нет, не думаю, – произнес он без обычной веселости.

Анисса заметила это, и лицо ее напряглось.

– Что? Что не так? Вы должны мне сказать.

– И скажу, – ответил Чавен. – Если принцесса-регент мне позволит. Но, думаю, сначала следует позвать стражников.

– Стражников? – Анисса делала отчаянные попытки встать с постели. Она побледнела, а в голосе появились ис-

терические нотки. – Почему стражников? Что здесь происходит? Скажите! Я жена короля!

Бриони была ошарашена, но позволила Чавену пригласить в комнату молодого Миллворда и его товарища. Оба очень нервничали в спальне королевы, словно оказались лицом к лицу с неприятелем. Селия подошла к своей госпоже, сидевшей теперь на краю кровати. Анисса едва доставала своими белыми ножками до пола. Служанка заботливо обняла госпожу за плечи и вызывающе смотрела на Чавена.

– Вы меня пугаете! – воскликнула королева с усилившимся от волнения акцентом. – Бриони, что ты здесь делаешь? Почему так странно со мной обращаешься?

Бриони не ответила, охваченная сомнениями: уж не поспешила ли она, когда позволила Чавену действовать на свое усмотрение? Возможно, его исчезновение вызвано безумием? Она поймала взгляд Миллворда и постаралась дать ему понять, чтобы он следил за ней, а не за Чавеном, и делал то, что велит она.

– Если вы невиновны, мадам, я буду самым нижайшим образом молить о вашем прощении, – сказал врач. – Ни при каких обстоятельствах я не причиню вреда ни вам, ни вашему еще не родившемуся ребенку. Я просто хочу показать вам кое-что.

Чавен полез в карман и вытащил оттуда какой-то серый предмет размером с большой палец ребенка. Только сейчас, когда врач подошел ближе к свету, Бриони увидела, что его

одежда помята и испачкана. Ею снова овладели сомнения.

Чавен показал камень, и королева с Селией отшатнулись, словно в руках у него была голова змеи.

– Что это? – жалобно спросила Анисса.

– Хороший вопрос, – заметил Чавен. – Мне пришлось потрудиться, чтобы найти на него ответ. Я побывал в необычных местах, встретился со странными людьми и узнал, что это такое. На юге его называют «куликос». Это магический камень. Чаще всего такие находят на южном континенте, но иногда, к великому сожалению, они попадают и на север, в Эон.

– Не прикасайтесь ко мне этим камнем! – завизжала Анисса.

Бриони озадачили действия Чавена, однако реакция мацехи показалась ей чересчур бурной.

Чавен сурово посмотрел на Аниссу.

– Ага, вижу, вы знаете, что это такое. Но если вы ни в чем не виноваты, вам нечего бояться.

– Вы хотите навести порчу на моего ребенка! – кричала Анисса. – На ребенка короля!

– Чего вы добиваетесь, Чавен? – спросила Бриони. – В конце концов, она же беременна. Зачем вы ее пугаете?

Врач обернулся к ней.

– Я расскажу, Бриони... ваше высочество. Когда делали надгробие для вашего брата, один из рабочих нашел этот камень и принес мне, потому что он показался ему странным.

К огромному сожалению, я тогда не обратил на него должного внимания, потому что после смерти Кендрика у меня было много дел. И не только у меня.

Бриони взглянула на двух женщин, съежившихся на краю кровати. Как все странно... Они вели себя так, словно над ними нависла грозная туча и в воздухе слышны разряды.

– Продолжайте, – вновь обратилась она к Чавену. – Объясните, в чем дело.

– Что-то в этом камне меня беспокоило, и я начал подумывать, что он может оказаться одним из тех странных предметов, о каких упоминается в старинных книгах. Я выяснил, что место, где его нашли, лежит на прямой линии между окном рядом со спальней Кендрика и башней Весны, где мы сейчас находимся. В этой башне располагается только резиденция жены короля и комнаты ее слуг.

– Он сумасшедший, – застонала Анисса. – Пусть он замолчит, Бриони. Я так напугана.

Врач посмотрел на принцессу.

Сердце Бриони стучало все сильнее, и она очень хотела дослушать историю до конца.

– Башенные окна высоко над землей, – напомнила она Чавену. – Броун сам осматривал комнаты. Они не нашли никаких веревок снаружи.

– Да. – В комнате было жарко. Чавен вспотел, его лоб покрылся испариной и блестел в отсветах свечи. – От этого история стала еще более странной. Мне потребовалось найти

доказательства того, что кто-то приземлялся на пустое пространство прямо под этим окном. Я обнаружил их. Следы были глубокими. Хотя со времени гибели принца Кендрика прошло несколько дней, они хорошо сохранились.

Бриони пристально посмотрела на врача.

– Минуточку, Чавен. Неужели вы полагаете, что Анисса – женщина, носящая ребенка, королевского ребенка... выпрыгнула из окна верхнего этажа? И прямо в сад? Что она убила Кендрика и двух стражников, потом снова спрыгнула вниз и убежала? – Она перевела дух и протянула вперед руку, собираясь отдать приказ арестовать Чавена. – Это безумие.

– Да, пусть уходит! – запричитала Анисса. – Бриони, спаси меня!

– Он пугает мою госпожу! – закричала Селия. – Почему стражники не остановят его?

– Да, мои слова могут показаться бредом сумасшедшего, ваше высочество, – согласился Чавен. Бриони подумала, что для безумца он ведет себя слишком спокойно. – Поэтому вам лучше сначала выслушать мой рассказ – тогда вы поймете. Видите ли, я знал, что мне никого не убедить, да и сам не верил в то, что такое возможно, но меня испугали и заинтересовали некоторые сведения о камнях куликос. Тогда я решил разузнать побольше и отправился на поиски новых данных. Я нашел их, хотя цена оказалась высокой... – Он остановился и вытер лоб замызганным рукавом. – Очень высокой. Я

узнал, что на юге Зона верят, будто камень куликос способен вызвать жутких духов. Это древнее темное колдовство считается настолько ужасным, что во многих местах человека, владеющего таким камнем, убивают.

В полутемной комнате, при тусклом свете свечей Бриони слушала невероятный рассказ Чавена и чувствовала себя персонажем истории. Но не истории о героизме и добродетели – вроде той, что совсем недавно поведал Пазл, – а куда более древней и мрачной.

– Зачем вы рассказываете эти глупости моей госпоже? Вы же знаете, что она нездорова, – визгливым голосом прервала врача Селия. – Даже если кто-то сотворил зло, а потом пробежал мимо нашей башни, какое нам до этого дело? Зачем вы расстраиваете королеву?

Стражники у двери начали перешептываться. Они растерялись и немного испугались. Бриони почувствовала, что замешательство не может продолжаться долго.

– Сообщите нам суть, Чавен, – велела она.

– Очень хорошо, – согласился врач. – Я узнал кое-что интересное о смертоносном духе куликоса. Он связан с женщиной, всегда с женщиной. И если его вызвать, он поселяется в теле женщины.

– Бред! – вскрикнула Анисса.

– Среди ведьм Ксанда это излюбленное оружие, как и на юге Эона. Например, и в Девонисе.

Анисса повернулась к падчерице и протянула к ней руки.

Бриони машинально отодвинулась от нее.

– Почему ты позволяешь ему говорить мне такое, Бриони? – взмолилась Анисса. – Разве я не была к тебе добра? Разве оттого, что я родом из Девониса, меня можно считать ведьмой?

– Это очень просто выяснить, – громко заявил Чавен. Он поднес камень к королевской жене.

– Вот этот камень. Посмотрите. Камень выронил тот, кто использовал его для убийства принца-регента, но в нем еще осталось немного магической силы. Прикоснитесь к нему, и если вам есть что скрывать, камень это покажет.

Он поднес камень к ее обнаженной руке. Анисса попыталась увернуться, словно это был раскаленный уголек, но ее удержала Селия.

– Нет! – воскликнула служанка и вырвала молочно-серый камень из рук Чавена так проворно, что тот не успел ей помешать. Девушка прижала добычу к своей груди. Врач изумленно смотрел на нее.

– В этом нет нужды, – объявила она.

А потом вдруг выпалила какие-то слова на языке, которого Бриони не знала. Это было похоже на крик сокола, когда он бросается на добычу.

Бриони хотела вмешаться и отругать служанку за то, что лезет не в свое дело, но атмосфера в комнате вдруг изменилась. Принцессе стало трудно дышать, она почувствовала холод, уши заложило, как под водой.

Голос Селии звучал теперь как будто издалека:

– В этом нет нужды, как и ни в чем другом. Я не выбросила камень, как мужчины бросают девушку, когда она перестает их забавлять. Просто я сильно устала тогда и не заметила, как он выпал. А когда собралась с силами и пошла за ним, камня уже не было. – Голос девушки становился все звонче и в конце перешел в победный крик, чуть приглушенный уплотнившимся воздухом. – Никто не позволит себе выбросить камень куликос – слышишь, жалкий человек? Его можно потерять лишь случайно.

Селия подняла руку и положила камень в рот.

В тот же миг черты ее лица начали расплываться и меняться: казалось, кожа постепенно растворялась, а вместо нее изнутри возникало что-то темное. Это поглощение света темнотой происходило с невероятной быстротой – словно кто-то швырнул камень в ручей, и образовавшиеся круги исказили до неузнаваемости отражение девушки. Тяжелый воздух комнаты пришел в движение, но это не принесло облегчения. Воздушные потоки перемещались все быстрее и быстрее, сквозняк усиливался и вскоре превратился в штормовой ветер. Бриони почувствовала даже уколы песчинок на коже. Стражники закричали от страха и изумления, но принцесса едва слышала их.

Свечи погасли. Теперь свет шел только из камина, и даже его пламя клонилось в ту сторону, где вырастала перед кроватью темная фигура, бывшая когда-то красоткой Селией.

Аниса завопила тонким голосом. Бриони хотела позвать Чавена, но тот лежал на полу и не проявлял признаков жизни. Комната наполнялась запахами раскаленного металла и земли. Но сильнее всего был тяжелый кисловатый запах крови.

Как ни странно, в жуткой плотной массе Бриони все еще могла видеть то, что оставалось от Селии: отголосок ее образа, некоторые черты, проглядывавшие сквозь грубую маску. Но она уже стала неопределенной массой: расплывчатая, разраставшаяся, меняющаяся, темная. Оболочка нового существа напоминала панцирь краба или паука, но ее поверхность была более неровной и неестественной. Пластины с острыми краями, длинные шипы из камня, какие-то твердые выпуклости все росли и росли на глазах у изумленной Бриони, словно существо создавало себя из пыли, ветром разносимой по комнате.

Из глубины изменявшейся массы сверкнули глаза, затем появилась вытянутая, невероятно длинная рука. Когти, как лезвия косы, ударились и царапали друг о друга, приближались к Бриони. Принцесса отступила назад, ноги у нее подгибались от страха. Теперь она поняла: это существо убило ее брата Кендрика. А теперь и она обречена – без оружия, в этом дурацком платье.

Бриони схватила из камина тяжелую кочергу и замахнулась ею, но страшная лапа с невероятной силой вырвала кочергу из рук принцессы. Что-то промелькнуло рядом с Бриони: в живот чудовища врезалась длинная палка. Тварь от-

скочила назад.

– Бегите, ваше высочество! – крикнул ей Миллворд. Он пытался удержать зверя на конце своей алебарды, словно кабан. – Леф, помоги!

Его товарищ чуть замешкался. Когда Миллворд сделал несколько робких шагов в ослеплявшем смерче из песка и пыли, чудовище разнесло вдребезги алебарду, словно леденец, и снова освободилось. Потом оно приблизилось ко второму стражнику, увернувшись от его копья. Бриони не могла бежать, она стояла, будто прикованная к месту, вытаращив глаза. Почему стражники не достают свои мечи? Что может быть глупее, чем сражаться на алебардах в тесном помещении? Чудовище когтем ударило второго стражника поперек туловища, разрезало его доспехи, и он упал, зажимая рану, откуда текла черная, как смола, кровь.

Теперь отвратительный монстр был совсем близко, преграждая Бриони путь к выходу. Минутное замешательство лишило принцессу возможности убежать. Ей показалось, что позади отвратительной громадины что-то зашевелилось. Чавен? Он убегает? Миллворд наконец-то вытащил свой меч и ударил чудовище, но оно не отступило, а только издало звук, больше похожий на скрежет камня, чем на вздох живого существа, и сжалось – стало еще темнее и плотнее. И снова Бриони заметила лицо Селии внутри этой массы – торжествующее и безумное. Рот у нее был открыт в безмолвном ликующем вопле.

Молодой стражник с криком ужаса прыгнул и вонзил меч в мерзкую тварь. Сначала показалось, что он достиг цели. Чудовище сжалось еще больше и стало размером почти с человека. Его когтистые лапы вытянулись, словно в мольбе, а на темном беззубом лице возникло страдальческое выражение. Но в следующую секунду оно выбросило вперед лапу с когтями... Все произошло невероятно быстро: Герин Миллворд согнулся и упал на спину. На месте глаза у него зияла дыра, из которой хлынула кровь, и лицо превратилось в красное бесформенное месиво.

Бриони не могла дышать. Ужас сжал ее сердце, готовое разорваться. Демон-куликос надвигался. Очертания чудовища расплывались, но глаза по-прежнему ярко сверкали, а длинные изогнутые когти щелкали, сжимаясь и разжимаясь, сжимаясь и разжимаясь... Бриони споткнулась и упала. В отчаянии она пыталась схватить табурет или еще что-то, чтобы защититься от жутких когтей.

Вдруг позади чудовища прямо в воздухе вспыхнуло пламя, в одну секунду охватившее его целиком. Сначала Бриони показалось, что существо снова меняет форму, превращается из темного и расплывчатого призрака в огненного демона из самых глубоких подземелий Керниоса. Огонь обрушился на бесформенную голову и плечи чудовища, образуя фонтан из искр и языков пламени. Демон издал скрипучий удивленный вопль, отчего у Бриони затряслись колени, а ноги будто расплавились и стали жидкими. Существо развер-

нулось, чтобы броситься на Чавена, но тот отскочил назад, выронив из почерневших дымившихся рук раскаленный железный короб, и увернулся от грозных когтей, готовых рассечь его надвое. Огонь метался по туловищу демона, полыхал над его бесформенной головой, доставал почти до потолка. Отступая, тварь потянула за собой полог кровати и запуталась в нем, как медведь в сети. Прозрачная ткань задымилась и вспыхнула. Существо скорчилось, когтистыми лапами пытаясь сбить пламя. Снова возникло лицо Селии, на этот раз искаженное гримасой паники. Ей удалось разорвать горевшие занавески – казалось, она вот-вот освободится от них. Бриони, охваченная холодной яростью, схватила обломок алебарды и изо всех сил ткнула им прямо в середину горевшей массы. С тем же успехом она могла бы биться с каменной колонной. Бриони отшвырнуло назад. Но неровная дыра, заменявшая чудовищу рот, открылась, оттуда что-то выпало и ударилось о каменный пол.

Куликос завыл. Теперь в его голосе звучали ужас и боль. Воздух наполнился искрами и пылью. Тот же ветер, что создал это отвратительное тело, теперь разрушал его.

Бриони попыталась подняться, но пронзительный визг – такой громкий, что казалось, он обрушит потолочные балки, – заставил ее пошатнуться и снова упасть. Это спасло принцессу: нацеленные в нее когти пролетели мимо. Чудовище, когда-то бывшее Селией, рухнуло на пол, со стонами пытаясь подползти к камню. Скорчившаяся фигура была охва-

чена пламенем, человеческая и демоническая сущности смешались и в отчаянии металась в дыму. Существо с трудом поднялось и победоносно зашипело. Но то, что схватила его лапа, оказалось всего лишь наперстком – возможно, он принадлежал Селии. Бесформенное чудовище брезгливо выронило серебряную вещицу и отшатнулось, вопя от боли и ярости. Искаженное мукой лицо Селии теперь проявилось вполне отчетливо. В груди монстра торчал обломок алебарды, которым проткнула его Бриони. Отступая, демон зацепил кровать, и весь балдахин рухнул вниз, накрыв его пылающим одеялом. Темное существо зарычало и задергалось в высоко взметнувшихся языках пламени, потом захныкало – впервые в его голосе появилось что-то человеческое – и, наконец, рухнуло, растянувшись на полу и корчась в огне.

В наступившей тишине Бриони показалось, будто она унеслась на луну или в другую страну, откуда уже никогда не вернется к привычной жизни. Она не могла оторвать взгляд от существа, закутанного в горящие занавески, от дымившегося ковра. Убедившись, что чудовище больше не шевелится, Бриони взяла ночной горшок и опорожнила его на горевшую массу. Ей удалось почти полностью залить огонь. Вонь кипевшей мочи смешалась с запахами гари и крови. Бриони принялась без особого энтузиазма затаптывать оставшиеся языки пламени. Чавен, с черными от ожогов руками и искаженным мукой лицом, полз к ней.

– Не нужно, – хриплым голосом сказал он. – Мы останем-

ся в темноте.

Рассеянно, как будто в ее теле обитал кто-то другой, Бриони взяла свечу и зажгла ее от тлеющей занавески, потом все-таки затоптала огонь и зажгла еще одну свечу. Как ни странно, она не плакала. Слезы словно высохли где-то внутри.

– Почему? – спросила она. Чавен пожал плечами.

– Я был глупцом. Она была больна перед смертью Кендрика и после нее, и я подумал, что у нее лихорадка, как у Баррика. Теперь-то я понимаю: она заранее подготовила оправдание для слабости после использования куликоса. Я решил, будто колдунья – Анисса, и пытался ее перехитрить. Я не ожидал, что камень действует и без предварительной подготовки. Здесь какое-то сложное колдовство...

– Но почему она убила Кендрика? Она собиралась и меня убить?

Чавен посмотрел на раскисшую полусгоревшую массу на полу и приподнял край занавески. К своему полному изумлению, Бриони увидела мертвое лицо Селии с открытыми глазами и разинутым ртом. Колдовские чары исчезли, не оставив после себя никакого напоминания о демоне, за исключением песка, пыли и пепла на ее коже, спекшихся в грязные комья.

– Естественно, она убила бы и вас, и Баррика, если бы он был с вами. Вероятно, отравила бы. Ваша мачеха не приглашала вас сюда – это сделала сама Селия. Вот почему Анисса так растерялась. Зачем она это сделала? Надо спросить,

кто был ее хозяином. Но теперь мы едва ли это узнаем. – Он внимательно посмотрел на свои черные, в пузырях, руки и печально добавил: – Я был уверен, что это Анисса...

Они переглянулись: обоим пришла в голову одна и та же мысль.

– Анисса! – крикнула Бриони.

Мачеха Бриони лежала в луже на полу за кроватью, и было ясно, что с ней происходит. Королева почти потеряла сознание от боли, ее руки вцепились в живот.

– Он выходит... – стонала она. – Ребенок... Как больно!
О Мади Суразем, спаси меня!

– Пошлите за помощью, – велел Чавен Бриони. – С моими ожогами я бессилен что-либо сделать. Пошлите за повитухой! Быстро!

Бриони не сразу выполнила его просьбу: полные ужаса широко открытые глаза Аниссы парализовали ее. Она вспомнила, как испугалась мачеха, когда Чавен обвинил ее в убийстве пасынка, и Бриони стало еще хуже. Они с Барриком дразнили молодую жену отца... Отныне принцесса никогда не обидит эту женщину.

Бриони со свечой в руке выбралась в пустой коридор и спустилась по лестнице, умудрившись не упасть. Внизу она с усилием открыла дверь и увидела двух стражников. Они удивленно смотрели на принцессу. Бриони могла лишь догадываться, как выглядит сейчас, перепачканная пеплом и кровью. Конечно же, стражники пришли в ужас от ее вида.

Не было времени притворяться и выдумывать истории.

– Ради всех богов, вы что, оглохли? – закричала она на гвардейцев. – Неужели вы не слышали, что творилось наверху? Погибли люди. Королева рождает. Один из вас должен подняться наверх и помочь Чавену, второй пусть бежит за повитухой Изольдой. Я не знаю, где она. Служанка Аниссы, по-видимому, отослала ее.

– О-она и остальные ж-женщины п-пошли на кухню! – сказал один из стражников, изумленно вытаращив глаза.

– Тогда идите, заклинаю вас! Приведите ее! Стражник убежал. Второй продолжал разглядывать Бриони, словно ничего страшнее в своей жизни не видел, потом повернулся и решительно затопал по ступеням вверх.

«Думаю, мой вид недолго будет для него самым страшным впечатлением в жизни», – мысленно усмехнулась Бриони.

Пытаясь отдышаться, она стояла под звездами. Ее била дрожь. С другого конца пустого дворика доносилось пение.

«Канун зимы, – вспомнила она. Сейчас праздник казался чем-то совершенно невероятным. Все, что случилось до сегодняшней битвы, было как будто в другой жизни. – Я хочу только одного: уснуть. Уснуть и все забыть».

Забыть, как это чудовище возникло из пыли и воздуха, и вся ее прежняя жизнь – такая понятная, хоть и хрупкая – исчезла навсегда. Забыть мачеху, полуживую от боли и страха.

«Мы предали их всех нашей глупостью, – подумала она. – Кендрика, отца, Аниссу – всех... Шасо!»

Ей вдруг стало больно от стыда. Шасо закован в цепи и страдает. Бриони колебалась лишь миг. Она устала, очень устала, но все-таки нашла в себе силы. Она оторвалась от стены, казавшейся ее ослабевшему телу мягкой, словно постель, и направилась в темницу, еле передвигая ноги. До рассвета Дня всех сирот будет исправлена хотя бы одна несправедливость.

«Зория, всемилостивая Зория! – молила Бриони. – Если ты любила меня когда-то, дай мне сил!»

Когда Бриони вошла под колоннаду, ей показалось, будто за стеной слышатся чьи-то шаги. Она обернулась и убедилась, что там никого не было: освещенная луной дорожка была пуста. Прихрамывая, она направилась в темницу – к закованному в кандалы свидетелю ее поражения.

40. ПОЛЕТ ЗОРИИ

СЕРДЦЕ КОРОЛЕВЫ

*Ничто не вырастает из покоя,
Из кучи дерна, из шкатулки,
Украшенной узорами и птицами резными.
Из «Оракулов падающих костей»*

Сад-лабиринт, расположенный за главным залом, наполнил голоса. Гости встали из-за стола, оделись потеплее, чтобы защититься от холода, и вышли на свежий воздух. Многие искали уединения, которого не было в ярко освещенных залах. Однако какое может быть уединение при свете полной луны? В лабиринте собралось не меньше дюжины людей. Они громко переговаривались, смеялись, женщины шикали на мужчин, потом один голос затянул старинную непристойную песню о проклятом эльфами Дотри. Песня не очень-то подходила для сегодняшнего вечера, когда сумеречное племя подобралось к самым воротам замка.

В этом году зима началась рано: подмораживало, дул пронизывающий ветер. Бриони не замерзла, хотя сознавала, что воздух очень холодный. Но она совсем не ощущала своего тела. Держась в тени старых тисов, принцесса тайком пробиралась по окраине сада к темнице, словно дух, летящий в облаке пара от собственного дыхания. Бриони не хотела видеть

никого из придворных. Ей хватало того, что она встречалась с ними за обеденным столом. Воспоминание о чудовище, убившем Кендрика, врезалось в ее сердце острой льдиной, оставив незаживающую рану, как у той девы из поэмы. Она уже никогда не сможет без ужаса смотреть в пустые лица вельмож.

Открыв заднюю дверь, она вошла в темницу и направилась дальше не обычным путем, а через небольшие комнаты позади Тронного зала. Она старалась не сталкиваться со слугами – они торопились закончить работу и начать собственные торжества по случаю Кануна зимы. Перед спуском в темницу стражников не оказалось, а когда Бриони открыла нижнюю дверь, она обнаружила только одного охранника с пикой. Да и тот дремал. Услышав шум, он лениво приоткрыл глаза и принялся тереть их. Бриони понятия не имела, как выглядит в своем потрепанном платье, тем более что лицо у нее было перепачкано сажей и кровью.

– П-принцесса! – выговорил стражник.

Он с трудом поднялся на ноги, пытаясь нащупать пику, потом схватил ее не за тот конец. Его вид был таким жалким, что Бриони, пожалуй, рассмеялась бы, если бы не события этого жуткого кровавого вечера и если бы удивленное лицо солдата не напомнило ей Герина Миллворда, молодого стражника. Он лежал сейчас, обгаренный кровью, в комнате Аниссы.

– Где ключи?

– Ваше высочество?..

– Ключи! Ключи от камеры Шасо! Дайте их мне.

– Но... – Его глаза округлились. «Я, наверное, похожа на демона».

– Не вынуждайте меня кричать на вас, – сказала Бриони. – Просто дайте мне ключи, а потом идите и найдите капитана. Кто у вас сейчас вместо Вансена?

Солдат снял тяжелый ключ с гвоздя на стене.

– Таллоу, – ответил он после мучительных размышлений. – Джем Таллоу, ваше высочество.

– Приведите его. Если он спит, разбудите, хотя я не думаю, что он спит в Канун зимы.

Неужели это все тот же вечер? Должно быть, тот же, но смириться с этой мыслью было почти невозможно.

– Велите ему привести с собой солдат, – приказывала Бриони. – И передайте, что он срочно нужен принцессе-регенту.

Пока она не узнает, почему колдунья Селия сделала то, что сделала, и имелись ли у нее сообщники, никто не должен спать.

– Но...

– Ради всех богов, поторопитесь!

Перепуганный солдат выронил ключи. Бриони не по-женски выругалась, наклонилась и подняла ключи с пола. Стражник колебался лишь минуту, потом открыл дверь и шумно побежал по ступеням.

Замок на двери камеры был тугим, ключ долго не пово-

рачивался. Наконец дверь со скрипом отворилась. Человек, распростертый на полу, не пошевелился, даже не взглянул на нее.

«Он умер!»

Измученное сердце Бриони забилося сильнее. Ей казалось, что тьма, царившая в камере, вот-вот проглотит ее.

– Шасо! – крикнула она. – Шасо, это я, Бриони! Да простят нас боги за то, что мы сотворили!

Принцесса бросилась к пленнику и стала его трясти. Она обрадовалась, услышав его дыхание, но пришла в ужас при виде того, как он исхудал.

Шасо зашевелился.

– Бриони?..

– Мы были не правы, простите нас. Кендрик... – бормотала принцесса. Она помогла Шасо сесть. От него ужасно во-няло, и она невольно отступила назад. – Я знаю, кто убил Кендрика.

Он покачал головой. В камере было темно – жаровни в караульной было недостаточно, чтобы осветить ее. Бриони даже не видела глаз Шасо.

– Убил?.. – повторил он.

– Шасо, я знаю, что вы этого не делали! Это Селия, служанка Аниссы. Она... она ведьма! Оборотень! Она превратилась в... О всемилостивая Зория, в... жуткое чудовище! Я это видела!

– Помогите мне встать. – Его голос стал хриплым после

долгого молчания. – Ради всех святых, помогите мне.

Бриони вцепилась в его руки и тянула изо всех сил, помогая ему подняться. Она сбивчиво пересказала Шасо события этого вечера, хотя не была уверена, что в таком болезненном состоянии он мог что-либо понимать. Цепи звякнули, и Шасо снова свалился на пол под их тяжестью.

– Где ключи от них? – спросила она.

– Вон там, на стене, – показал Шасо. Он очень медленно выговаривал каждое слово. – Но я не знаю, какой ключ к ним подходит. С меня не снимали кандалы.

Глаза Бриони налились слезами, и она поспешила к ключам. На щите их висела целая дюжина. Девушка не могла сразу определить, какой именно нужен, поэтому взяла все.

– Почему вы мне не сказали? – спросила она.

Она начала пробовать ключи. Ей пришлось низко склониться, чтобы подобраться к замку. Вонь, исходившая от Шасо, напомнила ей о чудовище в комнате Аниссы, хотя запах узника был все-таки человеческим.

– Вы этого не делали! – продолжала она, – Но почему же вы ничего не сказали? Что произошло между вами и Кендриком?

Шасо молчал.

Один замок, а потом и другой с лязгом открылись.

Бриони помогла Шасо подняться и увидела, что в том месте на его запястьях, где их сковывали кандалы, образовались незаживающие раны. Он весь был перепачкан кровью,

как, впрочем, и сама девушка.

Шасо закачался, но сумел удержаться на ногах, хотя для этого ему пришлось широко раскинуть руки.

– Я же говорил... – ответил он. – Я не убивал вашего брата. Не могу больше ничего сказать.

Бриони разочарованно застонала.

– Что вы имеете в виду? Я уже сказала, что знаю убийцу. Вам это понятно? А теперь вы должны объяснить, почему позволили нам запереть вас в темнице, если вы невиновны!

– Данная мной клятва не позволяет, – сказал он, качая головой. – Она и сейчас в силе.

– Нет, – твердо сказала Бриони. – Я не позволю вашему упрямству...

Дверь темницы со скрипом отворилась, и на пороге появился тот стражник, которого она послала за капитаном. У него был растерянный вид. Прижимая руки к животу, словно там спрятано что-то ценное, он прошел вперед, зашатался и упал на пол лицом вниз. От удивления и гнева Бриони не сразу поняла, что он больше не встанет: под ним растекалась красная лужа крови.

– Ваш главный оружейник так и остался истинным рыцарем, – сказал Хендон Толли, появляясь в караульном помещении. Он был одет, будто для похорон, но на лице его гуляла довольная улыбка. Хендон походил на ребенка, получившего конфетку. – Дикий ксандиец, готовый умереть, чтобы сохранить честь.

За ним, держа мечи наголо, вошли еще три человека: все с эмблемами семейства Толли.

– Они значительно облегчают мне жизнь – все эти глупцы, готовые умереть за свою честь.

– Я уже знаю, кто убил моего брата, – сказала Бриони, удивленная и испуганная. – Я не думала, что вы имеете к этому какое-то отношение. Зачем вы убили стражника? И почему вы появились передо мной с таким угрожающим видом? – Она постаралась выпрямиться во весь рост. – Что вы замышляете?

Бриони не надеялась, что Хендон Толли проявит милосердие к принцессе-регенту, но рассчитывала посеять сомнение в умах его спутников.

– Да, вы действительно могли бы со временем стать королевой, – заявил Толли. – Но вы слишком юная девочка, совсем зеленая. Вы явились сюда без стражи. За вами по всему замку тянется след смятения и кровавых деяний. Я сейчас расскажу вам всю историю, и вы поймете, что она не делает вам чести.

– Предатель! – возмутился Шасо. Он прислонился к стене: силы оставляли его. – Это вы... и ваш брат виноваты во всем.

– Кое в чем – да. – Хендон Толли рассмеялся. – А ты, старик, постоянно путался у меня под ногами, как пьяный, мешающий проехать тяжелому экипажу. И теперь ты станешь официальным убийцей принцессы, как и принца Кендрика.

– Что вы несете? – возмутилась Бриони. Она надеялась,

что Толли будет говорить достаточно долго и она успеет что-то придумать. Или кто-нибудь придет сюда. – Вы совсем обезумели?

Никто сюда не придет, Бриони это знала. Именно поэтому Хендон ударил кинжалом стражника и швырнул беднягу умирать к ее ногам, желая продемонстрировать принцессе ее беспомощность. Молодой Толли, словно кошка, обожал играть с добычей, а сегодняшнюю жертву он поджидал всю жизнь.

– Ах, Бриони! Маленькая Бриони! – Он покачал головой, будто любящий дядюшка. – Вы так рассердились на моего брата Гейлона за то, что он хотел на вас жениться и превратить вас из своевольной маленькой дряни, какой позволял вам быть ваш отец, в почтенную женщину. Считали его чудовищем. На самом деле он был единственной преградой между мной с моим братом Карадоном и нашими планами на Южный Предел. И ему пришлось умереть.

– Вы... вы убили Гейлона?

– Конечно. Он с самого начала был против наших отношений с автарком. В ту ночь, когда умер Кендрик, он даже ходил к принцу, чтобы обсудить это. Мы с Карадоном говорили с Кендриком раньше, потому что Гейлон не захотел в этом участвовать. Мы пообещали, что автарк освободит вашего отца в обмен на небольшие уступки в отношении независимости некоторых южных государств. И знаете, Кендрик решил на союз с Кейсом: условия показались ему выгод-

НЫМИ.

– Мой брат никогда бы не пошел на это!

– Бросьте! Он пошел – во всяком случае, согласился. Его убийство помешало заключить очень полезную сделку. По крайней мере для нас с Карадоном, да и для автарка тоже... Мне так кажется. – Он пожал плечами. – Я не имею понятия, почему эта девица из Девониса убила его и что ей было нужно.

Бриони хотела задать ему еще вопросы, просто чтобы потянуть время. Новости ошеломили ее настолько, что она почти ничего не понимала из того, о чем говорил Толли.

Но Хендон поднял руку, требуя тишины, и кивнул своим стражникам.

– Довольно, – заявил он. – Быстро убейте их. Нам еще предстоит отыскать жалкого докторишку.

– Вам это не сойдет с рук!

– Конечно сойдет. – Толли рассмеялся, не скрывая своего удовольствия. – Вы, Эддоны, много говорите о священных узах и любви народа, но мир устроен совсем иначе, и не важно, насколько искренне вы верите в эту чепуху. Ваши верные подданные забудут о вас через несколько месяцев, а то и дней. Видите ли, кто-то должен защитить новорожденного ребенка Аниссы – последнего наследника престола. Кстати, это мальчик. Повитуха сейчас с ним. Несчастливая Анисса страшно расстроена событиями сегодняшнего вечера, но я ей все объясню в самое ближайшее время. – Он снова из-

девательски усмехнулся. – К тому моменту вы падете от руки Шасо, как трагический отголосок гибели вашего брата. А Шасо убью я. Так, во всяком случае, все будет представлено... Как только мы найдем и уничтожим Чавена, не будет других объяснений, кроме наших. После долгих уговоров Толли согласятся взять на себя опеку над молодым монархом. Мой брат займет трон в Саммерфильде, а я здесь. Правда, Карадон об этом еще не знает. – Он слегка поклонился, словно только что сделал Бриони огромное одолжение. – Знаете, в чем загадка этой истории, Бриони? В том, кто сумеет сказать последнее слово.

«Слава богам, Чавену удалось от них скрыться, – подумала она. – Хотя бы на время».

Сердце так колотилось, что Бриони едва могла дышать. Оставалась крошечная надежда на то, что потом хоть кто-нибудь узнает правду и появится другая версия произошедшего, кроме выдуманной Толли.

Хендон щелкнул пальцами. Выставив пики, трое стражников двинулись на Бриони и оттеснили ее назад, к Шасо. В эти мгновения на память ей приходили какие-то малозначительные детали: вот Баррик хмурится, расстроенный какой-то ерундой, вот сестра Утта старательно рисует круг на клочке пергамента, вот Зория лучезарно улыбается с картинки в старой книге. Неожиданно что-то черное промелькнуло над ее плечом и ударило прямо в лицо ближайшему стражнику. Тот свалился на пол и сбил с ног одного из своих това-

рищей. Чья-то рука дернула Бриони назад, а затем что-то яркое, похожее на обломок солнца, перелетело через комнату и ударилось в стену, разбрызгивая пылавший огонь на стражников и Толли. Хендон завопил от неожиданности и боли: по его одежде поползли языки пламени.

Шасо задыхался от невероятного усилия: сначала он швырнул в них свою цепь, потом жаровню. Когда он тащил Бриони в глубь темницы, она была уверена, что они лишь оттягивают собственную смерть. Ведь бежать некуда, а неожиданного удара недостаточно: Толли и два оставшихся стражника уже сбивали огонь со своей одежды, правда, один стражник выл от боли.

Бриони с тоской смотрела на пустую стойку, где обычно хранились копья. Сегодня, в безумную ночь праздника в ожидании осады, оружия здесь не было. Шасо затащил ее в дальнюю камеру и захлопнул дверь.

– Не давайте ее открыть, – еле прохрипел он. – Всего... минуту.

Враги уже были за дверью, но не решались толкнуть ее – они не знали, что задумал Шасо.

– Я бы с радостью поджарил вас там живьем! – крикнул Хендон Толли. Теперь он тяжело дышал и потерял всю прежнюю веселость. Бриони очень надеялась, что ожоги болезненны. – Это вполне подойдет к нашей версии случившегося.

Что-то заскрипело.

– Помогите мне, – прошептал Шасо совсем ослабевшим от боли голосом.

Бриони шагнула к нему, споткнулась и упала на колени. В темноте ей удалось ощупью найти Шасо. В костлявых руках он держал что-то деревянное.

– Поднимайте! – велел он.

Она подчинилась, но застонала от напряжения. Хендон и его сообщники решились осторожно приоткрыть дверь: на полу появился медленно увеличивавшийся треугольник света. К этому моменту Бриони и Шасо уже подняли крышку люка в полу. Бриони была удивлена: она и понятия не имела о существовании этого люка. Но сейчас не время задавать вопросы. Она нырнула в открывшийся проем и остановилась, придерживая крышку для Шасо. Радости она не испытывала – эта яма казалась ненадежным местом, и не важно, глубоко ли она уходит в землю. Шасо опустил крышку, и они остались в крошечной темноте. Бриони слышала скрежет и поняла, что старик задвигает засов. В следующий миг Толли и его приятели в ярости колотили по крышке люка. В узком помещении удары напоминали раскаты грома.

– Ползите, – велел Шасо, когда они добрались до конца лестницы. – Скоро можно будет выпрямиться во весь рост.

– Ради всех богов, что это за место? Он настойчиво толкал ее вперед.

– Идите! Это цитадель замка, девочка. Последнее прибежище во время осады. Разве не понятно, что должен быть

потайной ход на случай, если произойдет худшее.

– Худшее случилось, – ответила она и замолчала, чтобы не сбивать дыхание. Очень скоро проход расширился, и Бриони уже не задевала о его стены. – Куда он ведет?

– К башне Весны, к самой воде.

– Мы должны найти Авина Броуна. Мы должны поднять стражу!

– Нет!

Шасо схватил принцессу за ногу. В темноте ей показалось, что в нее вцепились цепкие лапы чудовища.

– Я не доверяю Броуну. – Шасо говорил очень медленно: ему не хватало воздуха. – В любом случае, мы не знаем, где он находится. Люди Толли убьют вас, если поймают. Они всегда смогут сказать, что я взял вас в заложницы и ваша смерть была случайной.

– Никто этому не поверит!

– Возможно, не поверят. Но это будет завтра, а какая вам от того польза сегодня? Или мне – после того как меня разрубят на куски перед разъяренной толпой? Мы не можем позволить себе это, Бриони Эддон, у нас нет времени! Нам нужно выбираться! Мы должны...

Шасо замолчал, восстанавливая дыхание. Бриони с ужасом поняла, насколько он слаб. А вдруг он умрет? Что тогда ей делать?

– Теперь можете встать во весь рост, – наконец разрешил Шасо. – Возьмитесь за мою руку. Я знаю место, куда мы пой-

дем.

– Что это за туннель? Откуда вы знаете о нем?

– Я ведь главный оружейник. – Он застонал от боли, поднимаясь на ноги. – Знать о подобных вещах – моя обязанность. Авин Броун тоже знает. Поэтому он посадил меня в другую камеру.

– А почему нам с Барриком о нем не сообщили?

– Должны были сообщить. – Шасо вздохнул с сожалением и болью. – Держитесь за мою руку.

Они шли около часа по сырым каменным коридорам, пролезали через узкие проходы, больше похожие на норы, пока не добрались до небольшого помещения, где пахло тиной и пометом морских птиц. В высокое узкое окно струился лунный свет, и Бриони впервые смогла ясно разглядеть осунувшееся и усталое лицо Шасо дан-Хеза.

– Мы в складском помещении у морских ворот, – сказал он, тяжело дыша.

Она слышала, как Шасо всхлипывал, когда они ползли по проходу, и столь неожиданный звук испугал ее ничуть не меньше, чем все остальные происшествия этой безумной ночи. Шасо, не скрывающий боли, почти плачущий! Бриони пыталась представить, как ему тяжело.

– Люди Саммерфильда будут прочесывать весь замок, – заговорил он. – Кто-нибудь еще может разыскивать вас. Но мы никому не должны доверять.

– Естественно...

– Слушайте меня! Теперь нам абсолютно понятно, что Толли готовились к этому моменту очень долго и тщательно. Даже если мы отыщем Броуна и он окажется предан нам – кто поручится, что нас не предадут его солдаты? Мы должны исчезнуть из замка.

– Куда? Если опасность так велика, куда мы отправимся?

– Не спешите, Бриони. – Он дрожал от холода. – Единственный безопасный путь для нас – по воде.

– Но ведь сумеречное племя находится в городе, на другом берегу залива!

Шасо кивнул.

– Тогда отправимся в другое место, – согласился он. – Проплывем через залив, а потом на юг вдоль берега. В Хелмингси есть... я приготовил...

– Вы... предполагали нечто подобное?

Впервые за этот вечер Шасо рассмеялся. Его смех резал слух и очень быстро перешел в мучительный кашель.

– Это же моя работа, Бриони, – ответил он, как только снова обрел способность говорить. – Я поклялся выполнять ее. И должен был предвидеть все возможности, подготовиться к любой опасности.

Даже сейчас, когда жизнь Шасо висела на волоске, а тело было немощным, в его словах слышалось гордое упрямство. И это разозлило Бриони.

– Шасо, но почему вы не сказали мне правду о смерти

Кендрика? – в который раз спросила она.

Он покачал головой.

– Позже. Если выживем.

Главный оружейник с трудом поднялся на ноги и протянул руку принцессе, но она оттолкнула ее и встала сама. И почувствовала, что тоже смертельно утомлена. Все ее тело ныло от усталости.

– А теперь молчите, – сказал Шасо, – и держитесь в тени.

Улочка возле склада была пуста. Они слышали голоса стражников на стене, а в караульном домике рядом с воротами горел огонь. Такой ночи еще не бывало! В замке празднуют Канун зимы, в то время как страшный враг расположился на другом берегу залива, а служанка мачехи превратилась в демона. Кажется, сегодня может случиться все, что угодно, – любое самое жуткое, невероятное и противоестественное происшествие.

Можно ли доверять словам Шасо? Он всегда был непреклонным и уверенным в своей правоте, но кто способен здраво рассуждать в такую ночь? А что, если он ошибается? Должна ли она без сопротивления отдать трон и бежать из страха перед Толли? Разве стражники не пришли бы на помощь, если бы их позвала принцесса-регент? Неужели они не бросились бы искать Толли, чтобы убить его, как бешеную собаку, каковой он и был?

Но если Шасо прав и они не поддержат ее? Если вокруг полно тайных агентов Толли, подкупленных ложью или зо-

лотом?

Бриони попробовала представить, что сделал бы ее отец, о чем бы он думал в такой ситуации.

«Постарайся остаться в живых, – прежде всего сказал бы он ей, это она точно знала. – Если ты останешься в живых, все слова Толли будут ложью. Но если в тебя всадят стрелу, людям останется только поверить ему, потому что саммерфильдский двор – самый влиятельный после королевства Южного Предела. Он связан с тронном кровными узами».

Шасо вел Бриони по окраинным закоулкам вдоль лагуны Скиммеров. Она никогда не бывала в этой части замка, на узеньких улочках с ветхими домишками скиммеров, на набережной с причаленными к ней лодками, больше похожими на дома, – их здесь было не меньше, чем на обычном причале в доках. Для Кануна зимы на улицах было слишком тихо. Правда, время приближалось к полуночи. Только свет в высоких окнах и обрывки музыки свидетельствовали о том, что здесь живут люди. Лодки стучали о пирс, иногда вскрикивали птицы.

– Куда мы направляемся? – шепотом спросила Бриони. Они затаились в тени, прежде чем выйти на улочку пошире.

Дома стояли так тесно и были такими скособоченными, что больше напоминали гнезда шершней, нежели жилища людей. Шасо внимательно посмотрел в оба конца улицы, потом махнул рукой, чтобы Бриони шла за ним.

– Сюда, – сказал он. – Это дом Турли, он у них главный.

– Турли? – шепотом переспросила Бриони. Она быстро вспомнила, откуда ей известно это имя. – Я с ним встречалась!

Шасо ничего не ответил и постучал в овальную дверь. Он воспроизвел сложную комбинацию звуков – условный сигнал. Через несколько мгновений дверь слегка приоткрылась, и на них уставились два больших глаза.

– Мне нужно поговорить с твоим отцом, – сказал Шасо. – Срочно. Впусти нас.

Девушка смотрела на Шасо так, словно узнала его, но никогда не думала, что он может прийти к ним домой.

– Это невозможно, господин, – наконец ответила она. – Сейчас у нас идет ритуальное собрание общины.

– Мне все равно, девочка, хоть конец света! – недовольно рывкнул Шасо. – Этому треклятому миру и на самом деле наступает конец. Передай отцу, что пришел Шасо дан-Хеза по чрезвычайно важному делу.

Дверь все-таки открылась, и их впустили в дом.

Бриони узнала ту самую девушку, что вместе со своим ухажером видела загадочную лодку, входившую в лагуну за день до смерти Кендрика. Теперь Бриони знала, что и для кого привезли в той лодке.

«Это был ведьмин камень. Для Селии. Ах, если бы я тогда прислушалась к рассказу скиммеров...»

Девушка-скиммер тоже узнала Бриони и попыталась сделать нечто вроде реверанса. Она была удивлена, но не выка-

зала благоговейного страха.

Бриони не могла припомнить ее имя, поэтому только кивнула в ответ.

Пол узкого коридора скрипел, как корабельная обшивка. Очень сильно пахло рыбой, солью и еще чем-то, что Бриони не могла определить. Они прошли по коридору, и девушка открыла перед ними дверь. Комната была маленькой и холодной: крошечный камин освещал помещение, не согревая его. Горели несколько свечей, но света было недостаточно, чтобы рассмотреть, сколько людей там собралось. Бриони насчитала десяток лысых голов, но бросила это занятие – в тени у стены сидели еще люди. Здесь находились только мужчины. Все повернулись к Бриони и смотрели на нее круглыми блестящими глазами, словно лягушки на болоте.

– Предводитель Турли, – начал Шасо. – Мне нужна ваша помощь. Мне нужен лодочник. Жизнь принцессы в опасности.

Глаза, устремленные на них, округлились еще больше. Тот, кого называли Турли, что-то сказал своим товарищам, прежде чем поднялся.

– Благородный Шасо-на, – заговорил он очень медленно и со странным акцентом. – Мы люди чести, и у нас сейчас ритуальное собрание общины. Мы давали клятву, и никто из нас не должен покидать эту комнату до утра. Это богохульство. Даже если кто-то из нас умрет, мы не тронем тело, пока не закончится ночь.

– Богохульство страшнее, чем смерть принцессы Южного Предела, дочери короля Олина? Вы забыли, чем ему обязаны?

Турли вздрогнул, но почти сразу же его гладкое лицо снова стало бесстрастным.

– Боюсь, что страшнее, великий Шасо-на, – ответил он. Получалось, что Шасо столкнулся с человеком, равным ему по упрямству. Жаль, что сейчас Бриони была не в силах насладиться этим зрелищем.

– Нам нельзя подождать до утра? – спросила она.

– Нам нельзя переплывать пролив среди бела дня. И Хендон Толли не станет ждать. В конце концов он обнаружит, куда ведет подземный ход, и ему будет нетрудно догадаться, что нас нужно искать в лагуне Скиммеров. Да и Броун, если он намерен вас спасти, как вы полагаете, не раздумывая пошлет людей по домам.

– Мы же хотим, чтобы он нас нашел!

– Возможно. Но если среди солдат окажется один предатель, может произойти несчастный случай: например, в меня пустят стрелу, и она случайно попадет в вас.

Бриони показалось, что он с трудом держится на ногах.

– Предводитель, не можете ли вы направить нас к кому-нибудь другому – к человеку, которому вы доверяете? – спросил Шасо скиммера. – Нам нужен лодочник.

– Я поплыву с ними, – заявила девушка-скиммер.

От неожиданности принцесса вздрогнула. Она и не заме-

тила, что девушка все это время стояла в дверях позади них и слушала. Кажется, все остальные тоже забыли про нее и теперь что-то бормотали, выражая недовольство и удивление.

– Ты, Эна? – удивился отец.

– Да. Я управляюсь с лодкой не хуже мужчин. В конце концов, это дочь короля Олина, и мы не можем прогнать ее. Кто даст ей кров, кто отвезет туда, куда ей нужно? Калкин? Простак Блуждающий Глаз? Мне кажется, так будет лучше. Они ведь пришли не на собрание общины, так что я отвезу их.

Ее отец медлил, слушая недовольное перешептывание товарищей. Его кожа пошла красными пятнами, а кадык выпирал так, словно вместо шеи у него зоб лягушки и он вот-вот заквакает. Однако вместо этого он сглотнул и недовольно покачал головой.

Бриони вспомнила, что так же качал головой отец, когда бывал раздражен ее поведением.

– Да, дочка, – согласился скиммер. – Я не вижу другого выхода. Ты отвезешь их. Но будь осторожна, очень осторожна!

– Я постараюсь. Ведь со мной дочь Олина и Шасона, друг нашей общины!

– Побереги и себя, мой непослушный шуренок.

Он раскрыл ей объятия. Девушка подошла и прижалась к его груди.

– Вы согласны на наше предложение, Шасона? – спросил

Турли.

– Конечно, – осипшим голосом ответил старик. Эна осмотрела Шасо с ног до головы.

– Ваши раны и ожоги нужно подлечить. Но прежде – морская ванна, чтобы избавиться от вони.

Она перевела взгляд на Бриони. Из-за тяжелых век и отсутствия бровей ее глаза казались загадочными и отстраненными, как бывает у людей, которых мучает долгая болезнь.

– Госпожа... то есть ваше высочество... Вам не поместиться в лодке в такой широкой юбке. Я прошу прощения, но вам нужно найти что-нибудь из моей одежды. Надо сделать это очень быстро. Луна еще плывет, но скоро нырнет в море.

Феррас Вансен догнал Баррика у самых холмов – так, по крайней мере, ему казалось. Несколько месяцев назад здесь проходила Граница Теней – место хоть и мрачное, но знакомое. Сейчас холмы покрывал туман, делая их почти невидимыми, и все прилежавшие к бухте земли выглядели чужими.

– Принц Баррик! – окликнул его Вансен.

Всадник не оглядывался и продолжал плавно двигаться в тумане. Вансен подумал, что ошибся и преследует призрака, порождение Границы Теней, но, подъехав ближе и поравнявшись с черным конем, смог разглядеть бледное отстраненное лицо принца.

– Баррик! Принц Баррик! Это я, Вансен! Остановитесь!

Молодой человек даже не взглянул на него. Капитан подъехал еще ближе. Теперь его конь почти касался боком коня Баррика. Капитан схватил принца за руку и слишком поздно сообразил, что это больная рука.

Однако Баррик как будто ничего не заметил. Он просто высвободился из пальцев Вансена, даже не обернувшись в его сторону.

Принц произнес только одно слово:

– Уходите.

Голос его был странным, словно у лунатика, и вел он себя дико, а не пренебрежительно. Феррас снова схватил принца за руку, на этот раз крепче, но тот, пытаясь освободиться, ткнул его локтем. Их кони столкнулись боками и заржали, не понимая, то ли это бой, то ли что-нибудь другое. Вансен увернулся от кулака принца, обхватил его рукой и стал притягивать к себе. Ноги Баррика запутались в стремях, и он свалился с коня, увлекая за собой капитана. Вансену удалось увернуться от копыт лошади, но земля словно поднялась на дыбы и сильно ударила его. Некоторое время он лежал на спине, задыхаясь.

Коня отбежали в сторону и остановились. Когда Вансен сумел подняться, он увидел, что Баррик уже направляется к коню, пощипывавшему травку. Силуэты животных были едва видны в тумане, хотя они находились лишь в нескольких ярдах. Принц держался за бок – видимо, сильно ударился, – но превозмогал боль и продолжал идти. Вансен заставил се-

бя подняться и побежал за принцем. Он совсем ослабел, тело его болело от ран, к тому же он только что упал с лошади. Так что догнать Баррика ему удалось, когда принц уже подошел к своему коню.

– Ваше высочество, я не могу позволить вам ехать туда. Только не туда! – крикнул Вансен.

В ответ Баррик вытащил из ножен меч и, не глядя на капитана, сделал неуклюжий выпад в его сторону. Вансен отшатнулся, изумленный его поведением, поскользнулся на траве и упал. Принц не воспользовался полученным преимуществом, а лишь отвернулся и взялся за узду – конь в испуге попытался отскочить. Баррик нащупал ногой стремя, но Вансен снова настиг его.

На этот раз капитан был готов к нападению, поэтому с легкостью отобрал у принца меч. Баррик вскрикнул от боли, но, все так же не обращая внимания на Вансена, снова попытался вскочить в седло. Вансен обхватил его руками и оттащил от коня. Они оба снова повалились на землю. Капитан шлемом уперся в спину принца, не позволяя ему вырваться. Баррик стонал от боли и отчаянно пытался освободиться, колотя по воздуху ногами и руками, как тонущий пловец по воде. Когда стало очевидно, что Вансен сильнее и невозможно дотянуться до его глаз скрюченными пальцами, Баррик начал корчиться, словно в припадке. Глухие стоны, что он издавал вначале, перешли в пронзительный крик – в жуткий животный вопль, резавший слух. Принц размахивал руками

и ногами, пытаясь ударить державшего его Вансена. А тот чувствовал себя воспитателем или даже отцом очень большого ребенка. Безумного ребенка, за которого он несет ответственность.

«Как же мне вернуть его в Южный Предел?» – гадал Вансен.

Баррик вопил все громче. Казалось, он не замолчит никогда. Вансен пополз к своей лошади, увлекая за собой принца.

«Придется его связать, – решил капитан. – Но чем? И как я смогу прокрасться с ним мимо сумеречных существ?»

Баррик сопротивлялся все неистовее, чего Вансен никак не ожидал. У него не было больше сил тащить принца – пришлось остановиться в нескольких ярдах от коня, обхватив непокорного упрянца руками и ногами. Баррик заунывно визжал, словно скрипели раскачиваемые ветром ворота со сломанной петлей, и Вансен уже начал опасаться, что принц окончательно потеряет рассудок. Капитан отпустил Баррика, и тот мгновенно прекратил визжать. Какое наслаждение доставила наступившая тишина! Принц поднялся на ноги и, покачиваясь, заковылял к спокойно поджидавшему его коню.

Вансен тоже поднялся и пошел за принцем. Он шатался, словно пьяный.

– Куда вы, ваше высочество? Разве вы не видите, что направляетесь прямо в страну теней? – спрашивал он.

Баррик забрался на коня, что далось ему нелегко – он так

же ослаб, как и Вансен.

– Я... я знаю, – ответил он голосом опустошенным и несчастным.

– Тогда почему, ваше высочество?

Не услышав ответа, Вансен почти закричал:

– Баррик! Послушайте меня! Зачем вы это делаете? Зачем вы едете в страну теней?

Принц раздумывал, нащупывая поводья. Вансен только сейчас заметил, что у черного коня были странные, ярко-желтые глаза. Капитан еще раз взял Баррика за руку, на этот раз осторожнее. Принц взглянул на него, но как будто не увидел.

– Я сам не знаю почему. Я не знаю! – сказал он.

– Поедьте со мной. В той стороне нет ничего, кроме опасности. – Вансен помнил, что и позади их поджидала опасность, безумие и смерть, да и Баррик уезжал не от ужасов сражения. – Вернитесь со мной в Южный Предел. Ваша сестра о вас беспокоится. Принцесса Бриони будет в ужасе.

В первую минуту Вансену показалось, что он задел что-то живое в душе принца: Баррик вздохнул и беспомощно согнулся в седле. Но прошла минута, и принц произнес:

– Нет. Меня... призывают.

– Призывают? К чему?

Тот лишь покачал головой. Это был жест приговоренного и пропавшего человека. Вансену уже приходилось видеть такой взгляд: пустой и безумный. Это случилось с одним

дальним родственником его матери, который как-то вмешался в пограничный спор двух кланов. Его детей и жену убили у него на глазах. У него был такой же взгляд, когда он пришел попрощаться перед отъездом. Он намеревался отомстить убийцам и знал, что с ним никто не пойдет, а значит, впереди ждет неминуемая смерть.

Вансен вздрогнул.

Баррик пришпорил коня и поехал на север. Вансен подбежал к своему коню, вскочил в седло и снова догнал принца.

– В последний раз прошу вас, ваше высочество – поверните назад! Я провожу вас к семье, к вашим подданным. К вашей сестре Бриони.

Баррик лишь отрицательно покачал головой – его взгляд снова был устремлен в никуда.

– Тогда и мне придется отправиться с вами в то ужасное место, откуда я еле выбрался в прошлый раз, – продолжал капитан. – Вы этого добиваетесь, ваше высочество? Чтобы я поехал на смерть вместе с вами? Моя клятва не позволяет отпустить вас одного.

Вансен ясно увидел милое лицо принцессы и застывший на нем страх, вспомнил ее неожиданное мужество.

«Теперь я расплачиваюсь за жизнь вашего старшего брата, Бриони, – мысленно сказал он ей. – Я заплачу за нее своей кровью, своей собственной жизнью».

Правда, она об этом никогда не узнает.

На минуту Баррик вдруг стал прежним – словно запертый

в горящем доме человек подбежал к окну и зовет на помощь.

– На смерть, – пробормотал он. – Возможно. Но может быть, и нет. – Его глаза сами собой закрылись, потом веки медленно поднялись вновь. – Бывают и более невероятные вещи, чем смерть, капитан Вансен. Удивительные и древние. Вы знали об этом?

Вансену было нечего ответить. И тело, и душа его обесилели. Оставалось лишь следовать за принцем в туманные холмы.

Сколько себя помнила Бриони, замок Южного Предела всегда был для нее домом. Он никогда не казался неудобным или пугающим. Но сейчас, пробираясь тайком по берегу лагуны, она смотрела на нависавшие и светящиеся окна, и замок представлялся ей черепом в короне.

И эта ночь не походила на другие: служанки превращались в чудовищ, а принцессы переодевались в пропахшую рыбой одежду скиммеров и убегали из своего королевства. Все происходило, как в страшной сказке.

Они шли по мокрым узеньким улочкам. Эна вела их в док в Южной лагуне, где вдоль улицы Мастеровых тянулась мощная внешняя стена крепостного двора. Однако они не сели в лодку, а через потрескавшуюся дверь вошли внутрь каменной стены, защищавшей замок со стороны залива. Грубо обтесанный проход привел их к лестнице, что поднималась на пару десятков ступеней вверх, а затем спускалась на

несколько пролетов. Они оказались на берегу другой крошечной лагуны внутри пещеры. Ее освещали фонари, развешанные вдоль берега.

«Наверное, все это скрыто внутри стены», – удивленно подумала Бриони.

Двое скиммеров сидели на берегу, охраняя несколько небольших лодок. При виде людей они поднялись на ноги. У обоих в руках были жутковатого вида кривые ножи на длинных палках, и только когда Эна заговорила с ними на родном гортанном наречии, скиммеры опустили оружие.

Неужели у скиммеров есть свой язык? Среди больших людей принято считать, что этого не может быть. Она поняла, что очень мало знает о своем народе. А потайная лагуна!..

– Вы знали про это место? – спросила она Шасо.

– Никогда не видел, – покачал головой главный оружейник.

Однако его слова не совсем отвечали на ее вопрос. Принцесса не стала настаивать – Шасо еле держался на ногах.

Девушка договорилась с караульными, указала Шасо и Бриони на длинную изящную лодку, пропустила их вперед и села в лодку сама. Взяв весла, Эна стала грести через лагуну туда, где в скале виднелась расщелина – половину суток ее скрывала вода. Сильные, с длинными пальцами, руки девушки легко справлялись с веслами. Очень скоро лодка уже заскользила по легкой зыби залива. Дул ночной ветерок, и над головами беглецов простиралось огромное небо, затяну-

тое облаками.

– Почему я ничего не знаю про эту лагуну? – спросила Бриони. Она сидела, положив ноги на мешок с провиантом, который Эна и ее отец собрали в дорогу: там лежала вяленая рыба и бурдюки с водой. – А вдруг враги прорвутся в замок как раз этим путем?

Девушка-скиммер застенчиво улыбнулась.

– Этот путь по большей части скрыт под водой. Когда начинается прилив, нам приходится вытаскивать из воды лодки и уходить из пещеры. Там есть караульные, вы их просто не заметили.

Бриони лишь покачала головой. Да, она очень многого не знает в своем собственном доме.

Они плыли молча. Ровное скольжение лодки и размеренный скрип весел в умелых руках Эны убаюкивали Бриони. Очень хотелось уснуть, но принцесса не хотела поддаваться искушению.

– Шасо! Шасо! – окликнула она. Он что-то промычал в ответ. – Вы обещали мне все объяснить. Почему вы не сказали мне правду?

– Это мое наказание? – тихо застонав, спросил он.

– Можете считать так, если хотите. – Бриони сжала его руку и почувствовала, как она истончилась за время полугодного заточения в темнице. – Обещаю, я дам вам выспаться. Только скажите, что случилось той ночью.

Шасо говорил медленно, останавливаясь, чтобы отды-

шаться.

– Он позвал меня, ваш брат Кендрик. У него только что побывал Гейлон Толли. Этот шакал Хендон говорил правду: Гейлон действительно был против сотрудничества с автарком. Я-то думал, что именно он передал Кендрику предложение Ксиса, но, видать, ошибался. Во всяком случае, ваш брат сказал мне, что он собирается отказаться от главного принципа вашего отца, считавшего, что все государства Эона должны находиться под защитой короны. Кендрик полагал, что сможет убедить других монархов отдать автарку Иеросоль в обмен на освобождение короля Олина. Даже если не думать, честно это или нет, я считал всю затею глупой. Мы пили вино и спорили. Мы долго и ожесточенно спорили. Я убеждал его, что вступать в соглашение с автарком, чье могущество все возрастает, – это безумие. Я заявил, что лучше позволю себя убить, чем поступить так с королевствами. Я видел автарков Ксиса, я большую часть жизни прожил в этом государстве. Я видел, как туанцев и с десятков людей других национальностей волокли к Соколиному трону. А этот автарк, как говорят, самый безумный из всей их ненормальной семейки. Однако Кендрик считал, что противостоять автарку возможно только после освобождения короля Олина, когда тот создаст союз государств севера, сдав при этом Иеросоль и слабые южные государства. Я тогда сказал, что это дьявольский замысел и так действуют только демоны. В конце концов, в пьяном гневе и отчаянии, я ушел от него. И

в коридоре столкнулся со служанкой Аниссы. Тогда я подумал, что девицу пригласил Кендрик, поэтому не обратил на нее внимания. Что удивительного? Хорошенькая служанка с беззаботным взглядом...

Бриони в этот момент осенило: Кендрик перед смертью произнес что-то вроде «исс...». Конечно! Он не помнил имени девушки и называл ее либо служанкой Аниссы, либо просто служанкой. Мысль была ужасной, но она не стала думать об этом, чтобы не отвлекаться от рассказа Шасо.

– Вы сказали, что просто ушли. Но когда мы вас обнаружили, вы были перепачканы кровью! – напомнила она.

– В пылу спора с Кендриком я взбесился от его глупости и порезал себя. Я сказал ему... О боги! Как ужасно – ведь это последние слова, что я ему сказал...

Он надолго замолчал, и Бриони уже думала, что продолжения не последует. Однако Шасо заговорил снова, и голос его стал еще более хриплым:

– Я сказал ему, что сам отрежу себе руки – те, что служили его отцу, но не стану служить его сыну-предателю. Что проколю себе сердце. Я был уже очень пьян... и очень зол. Еще за ужином я не мог спокойно смотреть на Давета дан-Фаара трезвыми глазами и выпил несколько кубков, а после пошел к вашему брату. Я столько раз казнил себя за это, сидя в темноте своей камеры... Кендрик попытался отнять у меня кинжал. Он рассердился на меня за мое упрямство, за то, что я не просто высказываю сомнения, а решительно от-

вергаю его стратегию. Мы боролись за нож, и я снова порезался. Мне кажется, он тоже, но не сильно. Потом я пришел в себя. Кендрик прогнал меня, заставив перед этим поклясться именем вашего отца, что я никогда и никому не расскажу о наших разногласиях. Даже после того, как вы меня освободили, я не хотел рассказывать вам, что бедняга Кендрик собирался совершить грязную сделку с кровожадным автарком...

Шасо снова вынужден был замолчать.

Бриони понимала, что нужно пожалеть оружейника. Однако то, что она узнала о намерениях брата, ошеломило принцессу настолько, что не оставило места для других чувств. Они оба предатели: Шасо – потому что все это время упрямо молчал, а брат – потому что вообразил себя умнее отца, раньше времени почувствовал себя королем и решил, что сможет справиться с невероятно сильным и могущественным врагом.

– Я вернулся в свою комнату, – продолжал Шасо, – и выпил еще вина, чтобы забыться. Когда вы пришли, я решил, что Кендрик сердится на меня за оскорбление и, возможно, за то, что я напился и порезал его в драке. Я думал, меня хотят запереть за оскорбление принца и снова сделать рабом, как в старые времена. Что произошло на самом деле, я понял намного позже.

– Вы глупец! Почему вы ничего не сказали нам?

– А что я мог сказать? Я дал клятву вашему брату, что

сохраню все в тайне. Я стыдился и за себя, и за него. Сначала была ущемлена моя гордость: вы пришли ко мне и обращались со мной, как с преступником, только за то, что я не согласился с принцем-регентом. Узнав о том, что произошло на самом деле, я сказал вам правду: я не убивал Кендрика. – Бриони все еще сжимала его руку и чувствовала, что он дрожит. – Как жить человеку, не сдержавшему слово? Это хуже смерти. Если бы Хендон Толли не рассказал вам, что планировал Кендрик, я и сейчас бы молчал.

Бриони отодвинулась от него и взгляделась в выступавшие над водой очертания замка. Она продрогла от холода и чувствовала себя уставшей после ужасной ночи. Где-то за высокими стенами вооруженные люди разыскивают их.

– Итак, куда мы теперь направляемся? – спросила она.

Шасо ответил не сразу:

– На юг.

– А потом? После того как приплывем? Кто нам может помочь? У вас есть какой-то план?

«На юг, – подумала она. – Там томится в плену отец».

– Мой брат, – сказала Бриони вслух. – Я... я боюсь за него,

Шасо.

– Как бы там ни было, он сделал то, что считал нужным.

Его душа свободна, Бриони.

Сердце Бриони чуть не вырвалось из груди. Баррик? Неужели Шасо знает о нем то, что пока неизвестно ей самой? Но потом она поняла и пояснила:

– Я говорила не о Кендрике. Да, он сделал то, что считал нужным, да простят и охранят его боги. Но я имела в виду Баррика. – Ей было трудно говорить: длинный день забрал последние силы. Очертания темного замка начали расплываться за пеленой горьких слез. – Я скучаю по нему. И боюсь... Неужели с ним произойдет что-то ужасное?

Шасо не нашелся, что сказать, и просто погладил ее по ладони.

Лодка скользила, и ловкие руки Эны уверенно работали веслами. Сейчас Бриони чувствовала себя так же, как Зория в той всем известной легенде, когда она покинула свой дом посреди ночи. Что там сочинил Тинрайт? Вернее, переписал старые стихи: «И с ясным взором, сердцем твердым она смотрела в день, когда вернется назад, в свои владения во славе».

Спасаясь от врагов, богиня Зория бежала в дом своего отца, а Бриони, наоборот, покидала родительский дом – и, возможно, навсегда. К тому же Зория была бессмертна.

Они миновали холм Мидлан, его стены и башни, глядевшие на них, словно суровые стражи. Холм постепенно удалялся, и полоса воды между ним и лодкой становилась все шире. Беглецы плыли к противоположному лесистому берегу – в темноту, простиравшуюся до самого горизонта и застилавшую звездное небо. Бриони все еще видела огоньки в верхней части замка: светились окна в башне Весны да несколько фонарей в караульных помещениях вдоль стены и

над волнорезами. В ней вдруг болью отозвалась неизбывная любовь к родному дому. Все, к чему она привыкла, чего уже не замечала и порой презирала: холодные и запутанные, как длинные истории, древние залы, портреты суровых предков, серые деревья под окнами в ее садике, отважно расцветавшие даже в прохладную весну, – все словно ушло в небытие. И Бриони нестерпимо захотелось вернуть то, чего ее лишили.

Шасо спал, а принцесса никак не могла успокоиться и погрузиться в исцеляющий сон. Ею овладела бессонница. Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Тихо сидя в лодке, Бриони смотрела, как луна проходит свой путь по небу и отражается в заливе, отделявшем ее от прошлой жизни.

Улицы Города фандерлингов были освещены, но пустыньны и оттого казались не дорогами, а дикими тропами. Четту, повидавшему слишком много тайных мест, скрытых от постороннего глаза, теперь казалось странным слышать эхо собственных шагов, отражавшееся от каменных стен Уэджроуд.

Опал услышала его и выскочила на улицу. На ее лице застыли страдание и страх. Чет думал, жена потребует от него отчета, станет допытываться, где он пропадал так долго. Но вместо этого Опал схватила его за руку и потащила в комнату. Она всхлипывала, и он решил, что случилось худшее: мальчик умер.

Однако, к его изумлению, Кремень был жив. Более того, он не спал и смотрел на них. Чет повернулся к жене, но Опал по-прежнему выглядела так, словно у нее украли самую большую драгоценность.

– Ну что, мальчик, как ты себя чувствуешь? – спросил Чет, опускаясь на колени перед постелью ребенка.

– Кто ты? – отозвался ребенок.

Чет посмотрел на его знакомое лицо, на копну почти белых волос, заглянул в огромные настороженные глаза. Внешне все осталось прежним. Но Чет видел: в мальчишке что-то изменилось.

– Как это – кто я? – повторил он. – Я Чет! А это Опал.

– Я... я вас не знаю.

– Ты Кремень. Мы... мы заботились о тебе. Неужели не помнишь?

– Нет, я вас не помню, – покачал головой мальчик.

– Ладно... Если ты не Кремень, то кто? Как тебя зовут? Чет ждал ответа, затаив дыхание.

– Я же сказал, не знаю! – захныкал мальчик.

В нем появилось нечто такое, чего раньше фандерлинг не замечал: под узким личиком прятался пойманный зверек.

– Я не знаю, кто я! – повторил ребенок.

Опал выскочила в соседнюю комнату, схватившись за горло, как будто не могла дышать. Чет пошел за ней. Но когда он попытался обнять жену, та стала с такой силой молотить по его груди кулаками, что пришлось отступить. Поскольку

больше ни о чем думать он не мог, Чет вернулся к постели ребенка и взял его за руку. Мальчик, похожий на Кремня, сначала пытался вырвать руку, но потом успокоился и позволил держать ее. Беспомощный и усталый Чет отбросил все мысли о том, что произошло с ним в городе за проливом – по крайней мере, на время. Он просидел целый час, успокаивая напуганного ребенка, а его жена рыдала в соседней комнате.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛЮДИ

Авин Броун – граф Лендсендский, лорд комендант замка.

Автарк, Сулепис Битах ам-Ксис III – монарх Ксиса, самого могущественного народа на южном континенте Ксанд.

Агат – женщина-фандерлинг, подруга Опал.

Агнесс – дочь Финнет и Онсина.

Аджок – один из королевских гвардейцев в отряде Вансена.

Айвар Бренхилл – рыцарь, аристократ из Сильверсайда.

Айвон Кинней – друг Гейлона Толли, сын барона Лонгхоу.

Айрис – оракул Керниоса, полу святая.

Аксамис Дорса – капитан ксисского корабля.

Аназория – младшая горничная Бриони.

Англин – предводитель Коннорда, отвоевавший одно из королевств Пределов в битве близ Унылой Пустоши.

Англин III – король Южного Предела, прадедушка Бриони и Баррика.

Андрос – священник, доверенное лицо лорда Найнора.

Анжелос – посол Джеллона в Южном Пределе.

Анисса – королева Южного Предела, вторая жена Олина.

Антимоний – молодой брат храма фандерлингов.

Аргал Темный – ксисское божество, враг Нушаша.

Аспидный Сланец – клан фандерлингов, один из его членов руководит хором.

Баз'у Джев — поэт из Ксанда.

Баррик Эддон — принц Южного Предела.

Барроу – королевский гвардеец.

Башенная Летучая Мышь — королева крышевиков.

Большой Нарост (Голубой Квари) – отец Чета.

Брат Окрос — врач-священник из Академии Восточного Предела.

Брачард, лорд – аристократ.

Бренхолл, лорд – аристократ.

Бриджит – служанка в «Квиллер Минт».

Бриони Эддон – принцесса Южного Предела.

Валун — фандерлинг.

Вдова Каменная Соль — фандерлинг.

Великая Матерь – богиня, которой поклонялись в Туане.

Возвращающиеся с Вечерним Приливом – семейный клан скиммеров.

Ворон — принц всех птиц, персонаж легенды.

Галлиберт Перкин – граф Грейнзхилла, лорд-канцлер Южного Предела.

Гар Дойни — разведчик.

Гарри – слуга Чавена.

Гваткин – солдат гвардии Южного Предела.

Гейлон Толли – герцог Саммерфильдский, двоюродный

брат Эддонов.

Герин Миллворд – королевский гвардеец Южного Предела.

Геспер – король Джеллона, предавший короля Олина.

Гилюмет – легендарный полубог, герой.

Гипс — семья фандерлингов.

Гован М'Ардалл – граф, владелиц поместья Хелмингси.

Госпожа Дженникин – домоправительница Чавена.

Грегор из Сиана – знаменитый бард.

Гренна – служанка леди.

Давет дан-Фаар – посол Иеросоля.

Даман Эддон – муж Мероланны, брат короля Остина.

Даннет Бек – двоюродный брат Реймона Бека.

Двенадцать семей — административный совет Иеросоля.

Дедушка Сера – старейший фандерлинг среди метаморфных братьев.

Дерла — жена Реймона Бека.

Джаир – представитель племени кваров, капитан Ясамез, известен также под именем Джаир Штормовой Фонарь.

Джеддин — начальник над «леопардами» автарка, иногда его называют Джин.

Джем Таллоу – гвардейский офицер Южного Предела.

Джил — помощник трактирщика в «Квиллер Минт».

Димакос Тяжелая Рука — один из последних предводителей серых отрядов.

Дитя Изумрудного Огня – племя кваров.

Донал Маррой — бывший капитан королевских гвардейцев Южного Предела.

Дрой Никомед — аристократ из Южного Предела, известный также как Дрой с Западного озера.

Даняза — подруга Киннитан, послушница Улья.

Дарстин Кроуэл — барон Грейлока.

Дядюшка Кремень — дядя Чета.

Желтый рыцарь — мучитель Силаса из Перикала.

Жу колов — крышевик.

Зеленая Сойка — представитель кварского племени ловкачей.

Зорин — богиня мудрости.

Зосим — сын Ярило, божество поэтов и пьяниц.

Идрин — младший сын Гована из Хелмингси.

Идущий по Облакам — еще одно имя Перина, бога неба.

Изольда — повитуха Аниссы.

Иннир, слепой король — повелитель кваров, Иннир дин'ат сен-Кин, повелитель ветров и мыслей, а также сын Первого Камня.

Каддик — солдат королевской гвардии Южного Предела, известный как Длинноногий.

Кайлор — рыцарь и принц из легенды.

Калкин — скиммер.

Каменная Соль — разносчик товаров, фандерлинг.

Квары — призрачный народ, когда-то населявший значительную часть территории Эона.

Карадон Толли – младший брат Гейлона.

Карал — король Сиана, убит племенем кваров в битве при Уньлой Пустоши.

Каспар Дайлос – наставник Чавена, известен как колдун из Крейса.

Келлик Эддон – внучатый племянник Англина, первый Эддон, ставший королем Пределов.

Кендрик Эддон — принц-регент Южного Предела, старший сын короля Олина.

Керниос – бог земли.

Керпгские горцы – дикое племя, проживающее на севере Кер-туолла.

Киннитан – послушница храма Улья в Ксисе.

Киноварь – фандерлинг, магистр.

Клемон – знаменитый историк из Сиана, известный также как Клемон из Анверрина.

Коллум — младший брат Уиллоу.

Коллум Дайер – один из солдат Вансена.

Комфри М'Нил – аристократка.

Конари – хозяин «Квиллер Минт».

Конорцы, сивонцы и лельцы – «первобытные» племена, жившие на Эоне до завоевания их ксандианами.

Король Николос – монарх Сиана, который перевел тригонат из Иеросоля.

Крисанта – мать королевы Мериэль, бабушка близнецов.

Крисса – старшая послушница Улья в Ксисе.

Крышевики – почти никому не известные крошечные жители замка Южного Предела.

Кузи – королева избранных (евнухов) в обители Уединения Ксиса.

Купилас – бог врачевания.

Лазурит – мать Чета.

Ландер III – сын Карала, король Сиана, известен как Ландер Добродетельный, а также Ландер Убийца Эльфов.

Лейбрик – гвардеец Южного Предела.

Лейлин – дядя Тайна Олдрича.

Леотродос – ученый из Перикала, друг Чавена.

Лептис – автарк Ксиса.

Леф – гвардеец Южного Предела.

Лили – внучка Англина, королева, правившая Южным Пределом во времена серых отрядов.

Линдон Толли – отец Гейлона, бывший первый министр королевств Пределов.

Ловкачи – племя кваров.

Лорик Эддон – старший брат Олина, который умер молодым.

Луан – влиятельная избранная в обители Уединения, раньше была Дудоном.

Лудис Дракава – лорд-протектор Иеросоля.

Мади Суразем – богиня деторождения.

Маленький Реймон – старший сын Реймона Бека.

Матери-шептуны – известны в племени кваров как Те,

Кто Высиживает Великое Яйцо.

Маимор – разведчик в армии Южного Предела.

Мезия – богиня луны.

Мейн Калог — аристократ и рыцарь.

Мериэль — первая жена Олина, дочь влиятельного брэннского герцога.

Мероланна — тетья близнецов, урожденная Фейл, вдова Дамана Эддона.

Метаморфные братья – религиозный орден фандерлингов.

Михаэль Саутстед — гвардеец Южного Предела.

Мойна Хартсбрук — молодая аристократка из Хелмингси, одна из фрейлин Бриони.

Мокори — одна из душишельниц при автарке.

Молодой Пирит — фандерлинг.

Молчаливое племя – одно из названий кваров.

Мэттиас Тинрайт, Мэтти – поэт.

Нарост — брат Чета, он же магистр Голубой Кварц.

Невин Хьюни — драматург.

Непреклонный Камень – хранитель стихий.

Олин – король Южного Предела и королевств Пределов.

Онсин – житель Кендлстона, кузнец, по прозвищу Дубовый Сук.

Опал – женщина-фандерлинг, жена Чета.

Осадочная Порода – клан фандерлингов, состоящий из нескольких семей.

Остин – отец короля Олина.

Пазл — придворный шут Эддонов.

Пангиссир – верховный жрец в Ксисе.

Парнад – отец нынешнего автарка Сулеписа, иногда его называют Недремлющий.

Падар Вансен – отец Ферраса Вансена.

Пемза — фандерлинг, мастер.

Перин – бог неба, повелитель молний.

Песчаник – семья фандерлингов.

Пиннимон Вэи – старший министр в Ксисе.

Племя Каменного Кольца — племя кваров.

Повелитель вершины – божество крышевиков.

Пожирающий луну – из кварского племени изменчивых.

Полевой Шпат – мудрый старик фандерлинг.

Простак Блуждающий Глаз – скиммер.

Прусас – скотарк в Ксисе, его называют Прусас Хромой.

Пуристы – фанатики, организовавшие банды, чтобы наказать кваров и другие племена за Великую смерть.

Раган ~ верховная жрица в Улье.

Раф – друг Эны из клана Скребущих по Песку.

Реймон Бек – член семьи торговцев в Хелмингси.

Роб бен Халлиган – музыкант, друг Пазла.

Роговик – фандерлинг, старшина гильдии каменотесов.

Роза Треллинг – одна из фрейлин Бриони, племянница Авина Броуна.

Рорик – герцог Далер-Трота, двоюродный брат Эддонов

по брэнн-ской линии, родственник Мериэль.

Ртуть – влиятельная семья фандерлингов.

Рука неба — божество крышевиков.

Рул – информатор Авина Броуна.

Руша – служанка-парикмахер в обители Уединения.

Санасу – вдова Келлика Эддона, известная как Плачущая королева.

Сверос – старое божество ночного неба, отец богов Тригона.

Селия – служанка Аниссы из Девониса.

Серые отряды – наемники и безземельные крестьяне, которые стали разбойниками в период Великой смерти.

Сиведа — богиня ночи.

Сивни Фиддикс – аристократ и рыцарь.

Силас из Перикала – полупоупендарный рыцарь.

Сисел – иерарх Южного Предела, главная религиозная фигура королевств Пределов.

Сияющий Глаз — из кварского племени изменчивых.

Скиммеры – народ, живущий на воде и у воды.

Скребущие по Песку — семейство скиммеров.

Слюда – из семьи Аспидных Сланцев, племянник Роговика.

Сни'сни'сник-суннах – так называют себя крышевики.

Старейшие — духи-хранители фандерлингов.

Старый Пирит – фандерлинг, знакомый Чета и Опал.

Стеффанс Найнор, граф Редтри, смотритель замка Юж-

ного Предела.

Сумеречное племя – другое название кваров.

Суригали – богиня Ксиса.

Тайн Олдрич — граф Блушо, союзник Южного Предела.

Тальк — член семьи Аспидных Сланцев, племянник Роговика.

Танисса — садовница, курьер в обители Уединения.

Тимойд, отец – священник семьи Эддонов.

Тоби — помощник Чавена.

Тригон – священнослужители Перина, Эривора и Керниоса, действующие сообща.

Тригонарх – глава Тригона, главная религиозная фигура Эона.

Трое Высочайших — так называют богов Тригона.

Тулли Плотник — житель Кендлстона.

Турли Длинные Пальцы — рыбак-скиммер из клана Возвращающихся с Вечерним Приливом.

Тяжелая Ступня — из кварского племени изначальных.

Уголек — фандерлинг, мастер.

Уиллоу — молодая женщина.

Утта – то же, что «сестра Утта», жрица Зорин и наставница Бриони.

Фандерлинги – маленький народ, славящийся своими мастерами-каменотесами, известны также как землекопы.

Ферджил – сын Финнет и Онсина.

Феррас Вансен – капитан королевских гвардейцев.

Финн Теодорос — писатель.

Финнет — женщина из Кендлстона.

Финтон — младший сын Реймона Бека.

Фок — стражник из Южного Предела.

Хаббили — хромой сын Нушаша.

Хае мор — агент Броуна.

Ханид — дочь Шасо.

Харсар — советник Иннира.

Хасурус — сказитель из Ксанда.

Хектан — племя в Ксанде.

Хендон Толли — младший из братьев Толли.

Хранители стихий — племя кваров.

Чавен — врач и астролог семьи Эддонов.

Черное Стекло — семья фандерлингов.

Чет (Голубой Кварц) — фандерлинг, муж Опал.

Чеширет — отец Киннитан, младший священник Нушаша.

Шасо дан-Хеза — главный оружейник.

Эван — сын Финнит.

Эван Догсенд — друг Чавена, «самый образованный муж в Блушо».

Эвандер — граф из Сиана, посол в Южном Пределе.

Эйлис — горничная Мероланны.

Элан М'Кори — свояченица Карадона Толли.

Эна — молодая девушка-скиммер, из клана Возвращающихся с Вечерним Приливом.

Эривор — божество воды.

Ярило – божество урожая.

Ясаммез – аристократка из кваров, известна также как леди Дикобраз и Гроза Долины Страха.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ НАЗВАНИЯ

Академия Восточного Предела – университет, первоначально был открыт в Восточном Пределе, позже переведен в Южный Предел.

Акарис — остров между Ксандом и Эоном.

Аллея Пухового Плаща — улица в Ксисе.

Башня Весны — одна из четырех главных башен замка Южного Предела, резиденция Аниссы.

Башня Зимы – одна из четырех главных башен замка Южного Предела.

Башня Лета – одна из четырех главных башен замка Южного Предела.

Башня Облачных духов — башня в Кул-на-Кваре.

Башня Осени — одна из четырех главных башен замка Южного Предела.

Белая пустыня — обширная пустыня, расположенная в центре Ксанда.

Большой Стелл — город в Далер-Троте.

Большой Шепот — священное место у крышевигов.

Бренленд — небольшое государство на юге королевств Пределов.

Волчий Клык — самая высокая башня Южного Предела.

Вороновы ворота – вход во внутренний двор замка Юж-

ного Предела.

Ворота Василиска — главные ворота замка Южного Предела.

Ворота Лили — ворота, ведущие из обители Уединения в город Ксис.

Восточные ворота — ворота в Кендлстоне.

Гипсовая улица — улица в Городе фандерлингов.

Город фандерлингов — город фандерлингов, вырубленный в скале (Южный Предел).

Граница Теней — линия, разделяющая земли кваров и земли людей.

Дверь Каменотесов — выход из Города фандерлингов.

Дворец-сад — сад в обители Уединения в Ксисе.

Дейл-Хаус — город в Далер-Троте, резиденция графа Рорика.

Дж'еж'крал Пит — место, упоминаемое в легендах фандерлингов.

Джеллон — королевство, когда-то часть Сианской империи.

Дом с обсерваторией — резиденция Чавена.

Дорога Трех Братьев — широкая дорога, ведущая из Южного Предела в Саммерфильд.

Дубовая гостиная — комната для совещаний.

Зал Дымчатого Хрусталя — в глубинах фандерлингов.

Зал Лунного Света — в глубинах фандерлингов.

Зал Податей — зал, соседствующий с комнатой Бриони.

Залив Бренна – назван в честь легендарного героя.

Иеросоля – когда-то империя, правившая миром, теперь значительно уменьшившаяся в размерах, эмблема Иеросоля – улитка в золотом панцире.

Изначальность — место в землях кваров.

Карьер-сквер – место для собраний в Городе фандерлингов.

Каскадная лестница – в глубинах у фандерлингов.

Кендлстон — город в Далер-Троте.

Кертуолл – одно из королевств Пределов.

Кируи-а-Гат – подземные города кваров, название в переводе означает «Изначальные».

Кожевенная улица — улица около старого кожевенного завода.

Королевства Пределов — первоначально Северный Предел, Южный Предел, Восточный Предел и Западный Предел, но после войны с кварамы состоят из Южного Предела и Девяти государств (Девятки), которые включают в себя Саммерфильд и Блушо.

Крейс – совокупность городов-государств, когда-то входивших в империю Иеросоля.

Ксанд – южный континент.

Ксандос – огромная гора из мифологии, которая находилась якобы там, где теперь расположен Ксанд. *Ксис* – самое большое королевство Ксанд а, которым правит автарк.

Кул-на-Квар — старинное место обитания кваров, или су-

меречного племени.

Лабиринт — в глубинах фандерлингов.

Лагуна Скиммеров – водное пространство внутри Южного Предела, соединенное с заливом Бренна.

Лендсенд — часть Южного Предела, поместье Броуна, его цвета красный и золотой.

Мальй Стелл — город в Далер-Троте.

Марат — провинция в Ксанде, где выращивают перец.

Маркет-роуд – одна из главных улиц Южного Предела.

Маркет-сквер — главное публичное место в Южном Пределе.

Марринсвок – одно из королевств Пределов.

Марч-роуд — главная улица Кендлстона.

Молотобойная дорога — улица в Городе фандерлингов.

Нижняя Рудная улица — главная улица Города фандерлингов.

Обитель Уединения — место, где живут жены автарка.

О леей Кумб — поле боя в Марринсвоке.

Оловянная улица – улица в Южном Пределе.

Осевший сад – сад в замке Южного Предела, там находится святилище.

Оскастл — город в Марринсвоке.

Парусная улица — улица около доков в Великом Ксисе.

Площадь Солнечного Пути — площадь в Великом Ксисе.

Площадь Трех Богов — площадь на материковой части Южного Предела.

Подземная библиотека — место в Кул-на-Кваре.

Потайной зал — часть королевства крышевиков.

Причалы — район в материковой части Южного Предела.

Птичий рынок — рынок в Ксисе.

Редтри — владения Эддонов.

Рехек-с'лай — Ветреные горы.

Розовый сад — в центре малого зала, иногда его называют садом Предателя.

Рудная улица — главная улица Города фандерлингов.

Сад королевы Содан — сад в обители Уединения в Ксисе.

Сания — страна на континенте Ксанд.

Саттлер-Уолл — город в Южном Пределе.

Свободные королевства — королевства Эона, не подпавшие под власть автарка.

Священная обшивка — священное место у крышевиков.

Северная дорога — старая дорога между Южным Пределом и севером.

Сессио — остров-королевство на юге Эона.

Сеттленд — маленькая горная страна на юго-западе королевств Пределов, союзник Южного Предела.

Сиан — когда-то был центром империи, все еще могущественное королевство в центре Эона.

Сильверсайд-роуд — широкая дорога, ведущая из Южного Предела в Саммерфильд.

Скрипучая аллея — улица в Южном Пределе.

Соляной пруд — подземная лагуна в Городе фандерлин-

ГОВ.

Старая кожевенная фабрика — так у скиммеров называется док возле башни Осени.

Сэнди — река на границе Блушо.

Таверна Криди — таверна в Большом Стелле.

Тессис — столица Сиана.

Торвио — островное государство между Эоном и Ксандом.

Трепещущая равнина — место крупной битвы племени кваров.

Туан — родина Шасо и Давета.

Уайтвуд — лес на границе Сильверсайда и Марринсвока.

Уэджд-роуд — улица, на которой живут Чет и Опал.

Улей — храм в Ксисе, дом священных пчел Нушаша.

Улица Кошачьего Глаза — улица в Ксисе.

Улица Мастеровых — улица в Южном Пределе.

Унылая Пустошь — легендарное поле боя, на языке кваров название звучит как Кул Гирах.

Фейл — народ, живущий в центральной части Эона.

Фейнхилл — большой город на юге Сеттлендской дороги.

Фермерский зал — украшенный зал в Тронном зале.

Хоксхилл — город в Далер-Троте.

Холм Безмолвия — место за Границей Теней.

Холм, или холм Мидлан — скала в заливе Бренна, на которой построен Южный Предел.

Царство Вечной Зимы — мифологический замок.

Часовня Эривора — часовня семьи Эддонов.

Шелковая дверь – место под Городом фандерлингов.

Шехен – дом Ясаммез, в переводе с языка кваров означает «плакучий».

Эон – северный континент.

Южный Предел – резиденция королей королевств Пределов, известен также как Пограничный Предел.

Янтарный зал – в глубинах фандерлингов.

ВЕЩИ, ЖИВОТНЫЕ И ПРОЧЕЕ

Великая планета Перина — Перинос Эо, самая крупная планета в небе.

«*Дасмет и девушка без тени*» – ксандийская сказка.

«*История Эона и его народов*» – книга историка Клемона.

«*Квиллер Минт*» – трактир.

«*Поденсис*» – корабль из Иеросоля.

«*Утренняя звезда Кироса*» – корабль Джеддина.

«*Сапоги Барсука*» — таверна в Южном Пределе.

Астион — символ власти у фандерлингов.

Белый Огонь – меч Ясаммез.

Великая смерть — чума, которая погубила большую часть населения Эона.

Великий слиток — драгоценность из королевских кладовых крышевиков.

Волк Эддонов – эмблема семьи Эддонов (серебряный волк и звезды на черном фоне).

Волчий престол — трон в замке Южного Предела.

Времена Остывания — легендарное время в истории и мифах фандерлингов.

Вуттская лодка — лодка для военных походов, которой пользовались жители Вуттских островов в северном океане.

Дадо – собака, которую воспитывала Бриони.

День Перина — весенний праздник.

Дни недели – в календаре Зона каждый месяц состоит из трех периодов по десять дней, их называют «десятиница»; таким образом, двадцать первое августа по нашему календарю будет третьим «перводнем» октамена.

Переодень.

Солнцедень.

Лунадень.

Небодень.

Ветродень.

Камнедень.

Огнедень.

Водадень.

Божедень.

Последень.

Земной лед — вид стекла.

Иеросольский язык – язык, на котором говорят в Иеросоле, используется также в богослужениях и научной литературе.

К'хамао — напиток для ритуала у фандерлингов.

Кло — кошка.

Книга великих печалей – полумифический текст кваров.

Книга Тригона — поздняя адаптация старинных текстов о трех богах.

Коссона — созвездие.

Котелок — конь Баррика.

Кричащие годы — эра в истории кваров.

«*Кровь солнца*» – эликсир, который готовил жрец Нуша-ша.

Куликос — колдовской камень.

Лаймер – охотничья собака.

Ландерхолл – зал, специально украшенный, для того чтобы там собирались те, кто хочет услышать сказания о приключениях рыцарей.

Лестница Демии – созвездие.

Лист, Певчие, Белый Корень, Соты, Водопад — названия созвездий, которые упоминал Кремень.

М'ааренол — местечко, возможно, гора в стране кваров.

Мантисс — священник, обычно Тригона.

Месяцы – в каждом месяце в Зоне тридцать дней, они поделены на три «десятиницы», между концом года, Днем всех сирот, и началом нового года вставлено еще пять дней и еще один, первый день года, или перводень. В результате даты в календаре Зона и нашем не совпадают. Например, первый день тримена в Южном Пределе не является первым марта в нашем.

Еймен – январь.

Димен – февраль.

Тримен – март.

Тетрамен – апрель.

Рентамен — май.

Гексамен — июнь.

Гептамен — июль.

Октален — август.

Еннамен — сентябрь.

Декамен — октябрь.

Ендекамен — ноябрь.

Додекамен — декабрь.

Морджиа — «дядя» по-туански, обозначает почетный титул или родственные отношения.

Моссбру — крепкий напиток у фандерлингов.

Небесное стекло — вид стекла у фандерлингов.

Ночь Свободной Песни — праздничный вечер на следующий день после Кануна зимы.

Облачко — вид стекла.

Огнезмейка — ядовитая змея.

Огнезолото — минерал.

Отвращающий знак — знак рукой, отгоняющий несчастья.

Паффкин — кошка.

Печать войны — драгоценность кваров, очень значимый для них предмет.

Поделочный жемчуг — камень, который фандерлинги используют для украшения.

Покаянное шествие — святой праздник.

Последень — день отдыха у фандерлингов.

Празднества Восходящего — праздник в Ксисе в конце сезона дождей.

Рога Змеоса — созвездие, также называется Старым Зме-ем.

Рэк — собака, которую воспитывала Бриони.

С'а-квар — язык кваров.

Семья Камней и Металла — система классификации у фандерлингов.

Серебрянка — драгоценность короны крышевиков.

Синий корень — любимая трава для чая у фандерлингов.

Сияющий человек — центр Святилища Тайн фандерлин-гов.

Снежок — конь Бриони.

Таволга — дикий цветок.